

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Научные труды 2016–2020 гг.

В 6 томах

Научные руководители:

чл.-кор. РАН Ильин Владимир Александрович

д.э.н. Шабунова Александра Анатольевна

д.э.н. Ускова Тамара Витальевна

Том 4

**Социально-демографическое
развитие России**

Вологда • 2020

УДК 330.34(470)
ББК 65.9(2Рос)
ТЗЗ

Публикуется по решению
Ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН

ТЗЗ Тенденции и проблемы развития территорий : научные труды 2016–2020 гг. : в 6 т. / под науч. рук. чл.-кор. РАН В.А. Ильина, д.э.н. А.А. Шабуновой, д.э.н. Т.В. Усковой. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020.

ISBN 978-5-93299-472-6

Редакционная коллегия издания:

Ильин В.А. (председатель),
Шабунова А.А. (зам. председателя), Ускова Т.В. (зам. председателя), Бабич Л.В.,
Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Мазилев Е.А., Морев М.В., Третьякова О.В.

Начиная с 2005 года, каждые пять лет, ВолНЦ РАН выпускает сборники избранных научных трудов. К 15-летию научного центра в 2005 году был издан первый сборник в трех томах. В нем представлены результаты исследований проблем развития региональной экономики и общества в период трансформации административно-командной системы на рыночные принципы хозяйствования. Особое внимание уделено механизмам экономического и социального развития территорий в условиях рынка.

К 20-летию научного учреждения приурочено выпущенное в 2010 году второе собрание избранных трудов в четырех томах. В нем освещаются вопросы регионального развития в период восстановительного роста российской экономики, обосновываются методы преодоления последствий мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и резервы ускорения региональной экономики.

К 25-летию со дня основания научного центра вышел в свет третий сборник научных трудов в шести томах. В него включены избранные труды по проблемам территориального развития в 2010–2015 гг. Основной акцент сделан на вопросах эффективности управления социально-экономическими процессами, механизмов модернизации экономики и общества, ускорения экономического роста и изменения его качества, развития потенциала территорий.

К 30-летию Вологодского научного центра РАН подготовлено настоящее, четвертое собрание избранных научных трудов. Они представлены в шести томах, каждый из которых объединяет работы, связанные с развитием Российской Федерации в условиях крайне неблагоприятной внешней среды. При обострении глобальных вызовов, которые оказывают существенное влияние на реализуемую социально-экономическую политику, коллектив научного центра сосредоточил исследования на поиске организационно-экономических механизмов управления социально-экономическими процессами, обеспечивающими эффективность государственного управления и национальную безопасность. Особое внимание в работах вологодских ученых уделено связанности экономического пространства, устойчивому росту экономики и развитию территорий, гуманизации общества, решению наиболее острых социальных проблем.

Издание предназначается работникам органов власти и управления всех уровней, научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам и всем, кто интересуется проблемами региональной экономики, управления и территориального развития.

**УДК 330.34(470)
ББК 65.9(2Рос)**

ISBN 978-5-93299-472-6

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Научные труды 2016–2020 гг.

В 6 томах

Том 1

Эффективность государственного управления

Эффективность государственного управления.

Политический цикл 2012–2018: точка зрения главного редактора

Национальная безопасность России:

проблемы обеспечения экономического роста

Том 2

Управление социально-экономическими системами

Эффективность государственного управления:

проблемы и методы повышения

Государственно-частное партнерство в жилищно-коммунальном
хозяйстве региона: проблемы и перспективы развития

Социальная ответственность бизнеса:

проблемы и перспективы развития

Том 3

Развитие экономики региона

Анализ и моделирование экономики
на основе межотраслевого баланса

Организация и факторы новой индустриализации

Внутрирегиональная
социально-экономическая дифференциация

ТОМ 4

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Социальная уязвимость в региональном сообществе:
эксклюзия и современные механизмы ее преодоления

Качество молодого поколения
в контексте модернизации России

Том 5

Общество в эпоху перемен

Социальное государство в России:
проблемы и перспективы

Гражданское общество – общество граждан

Учитель и образовательная реформа:
взгляд из региона

Том 6

Развитие научно-технологического пространства и предпринимательства

Научно-технологическое пространство и прогнозирование
его развития в условиях глобальной конкуренции

Малое предпринимательство в экономике территорий

Механизмы повышения инновационной активности промышленных
предприятий: проблемы разработки и внедрения

УДК 330.34(470)
ББК 65.9(2Рос)
Т33

Публикуется по решению
Ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН

Т33 **Тенденции и проблемы развития территорий** : научные труды 2016–2020 гг. : в 6 т. Т. 4 : Социально-демографическое развитие России / под науч. рук. чл.-кор. РАН В.А. Ильина, д.э.н. А.А. Шабуновой, д.э.н. Т.В. Усковой. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. – 592 с.

ISBN 978-5-93299-476-4 (т. 4)
ISBN 978-5-93299-472-6

*Коллектив авторов тома 4
под научным руководством чл.-кор. РАН Ильина В.А.,
д.э.н. Шабуновой А.А., к.э.н. Калачиковой О.Н.:*

Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Груздева М.А.,
Барсуков В.Н., Головчин М.А., Кондакова Н.А., Короленко А.В. Ласточкина М.А.,
Нацун Л.Н., Попов А.В., Разварина И.Н., Смолева Е.О., Устинова К.А.

В четвертом томе представлены труды сотрудников ФГБУН ВолНЦ РАН, опубликованные в 2015–2020 гг. В них исследуются актуальные проблемы социального развития и общественных трансформаций, обусловленных, в том числе, демографическими процессами. Исследования касаются положения, условий формирования и реализации человеческого потенциала таких социальных групп, как дети, многодетные семьи, пожилые люди, инвалиды и молодые специалисты. Представленные монографии – результат реализации двух проектов, поддержанных Российским научным фондом.

Основная идея тома заключается в том, что гуманизация затрагивает все сферы жизнедеятельности, меняя сами цели социально-экономического развития, что, в свою очередь, требует его нового понимания и адекватных концептуальных основ и инструментов управления.

Представленные материалы будут интересны широкому кругу специалистов.

УДК 330.34(470)
ББК 65.9(2Рос)

ISBN 978-5-93299-476-4 (т. 4)
ISBN 978-5-93299-472-6

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

На каждом историческом этапе развития экономики и общества перед страной стоят задачи, направленные на достижение актуальных для этого периода времени целей и решение наиболее острых, волнующих практически каждого гражданина проблем. Выделение таких периодов связано прежде всего с процессами, происходившими в стране, и внешними вызовами, которые оказывали на нее наиболее сильное воздействие.

В истории Российской Федерации, вступившей на путь рыночных преобразований в начале 90-х годов прошлого века, можно условно выделить несколько периодов. В первом из них, который охватывал начало реформ и продолжался до нового тысячелетия, формировались основы рыночного хозяйствования. Он характеризовался крайне негативными процессами в экономике и обществе. Валовой внутренний продукт как важнейший индикатор успешности экономического развития снизился в сопоставимой оценке более чем в 2 раза. Спад рождаемости и рост смертности привели к резкому сокращению численности россиян. Уровень бедности достиг небывалых масштабов: за чертой бедности оказалась четверть населения страны. Наиболее острой задачей в эти годы было переломить негативные тенденции.

Сделать это удалось только к 2000 году. Именно тогда начался следующий исторический период (2000–2008 гг.) – быстрый восстановительный рост экономики. Среднегодовые темпы ее прироста составляли в среднем 6,5%. ВВП страны вырос на 63%, промышленное производство – почти на 49%; положительные тенденции были характерны и для регионов. В эти годы, еще называемые «тучными», удалось решить ряд социальных задач, повысить уровень жизни населения, остановить спад его численности. Перед страной стояли задачи не только внутреннего развития, но и выхода в мировые лидеры.

Однако мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. стал причиной смены роста экономики резким падением, обострения социальных проблем и неопределенности перспектив. Границы этого периода – с 2009 г. по настоящее время. С 2010 г. начался посткризисный подъем экономики, который постепенно замедлялся. К 2015 г. экономический рост сменился падением, в результате чего началось снижение денежных доходов населения и рост бедности. Существенно повлияли на экономику санкции, введенные западными государствами после присоединения Россией Крыма. В последние годы основные социально-экономические показатели не демонстрируют заметного улучшения

положения дел в экономике и обществе. Ежегодный прирост ВВП России балансирует в пределах 1,5–2%. Модернизационные процессы тормозятся из-за недостатка инвестиций. Уровень бедности практически не снижается. Снова происходит сокращение численности населения. Все явственнее звучит угроза закрепления за страной статуса сырьевого придатка экономик ведущих западных государств. Актуальнейшей для нее задачей стал поиск путей развития в условиях крайне неблагоприятной внешней среды.

К решению проблемы адекватного и своевременного ответа на глобальные вызовы подключается не только руководство страны и ее территорий, но и отечественная наука. Не остается в стороне и Вологодский научный центр РАН, который в декабре 2020 года отметит свое 30-летие.

Его становление и развитие совпало с периодом трансформации в стране. В декабре 1990 года директором Института экономических проблем Кольского научного центра Академии наук СССР был подписан приказ о создании, в статусе отдела, Вологодского научно-координационного центра, который возглавил, а затем 25 лет руководил им доктор экономических наук **В.А. Ильин** – ныне научный руководитель Вологодского научного центра, член-корреспондент РАН.

За прошедшие годы статус научного учреждения неоднократно менялся. В 1993 году Вологодский научно-координационный центр стал самостоятельным учреждением в составе Отделения общественных наук Российской академии наук. В 1997 году он был зарегистрирован как Вологодский научно-координационный центр Центрального экономико-математического института РАН. Этот шаг позволил существенно расширить масштаб и тематику деятельности, улучшить качество выполняемых работ, что в 2009 году стало основанием для переименования центра в Институт социально-экономического развития территорий РАН и открыло новые возможности для развития. Целенаправленная реализация этих возможностей, укрепление авторитета в научном сообществе позволили институту не только менее болезненно войти в период реформирования Российской академии наук, но и укрепить свои позиции. В августе 2017 года на базе Института социально-экономического развития территорий РАН путем присоединения к нему обособленного подразделения Северо-Западного научно-исследовательского института молочного и лугопастбищного хозяйства была создано Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Его директором избрана доктор экономических наук, доцент **А.А. Шабунова**.

Как уже отмечалось, развитие академического учреждения на Вологодчине происходило в сложных условиях переходного периода. Все эти годы Научный центр видел своей главной целью методическое сопровождение социально-экономических преобразований первоначально на уровне одного субъекта РФ – Вологодской области, затем регионов Северо-Западного федерального округа и страны целом. Для успешного достижения этой цели руководство Центра решало задачи поиска и подготовки квалифицированных специалистов, укрепления материально-технической базы, расширения тематики научно-исследовательских работ, повышения их качества, научной и практической значимости.

За тридцатилетний период научными сотрудниками ВолНЦ выполнен большой объем научно-исследовательских работ, основные результаты которых нашли отражение в многочисленных статьях, отчетах о НИР, монографиях. К юбилейным датам Центра публиковались собрания его трудов, в которых представлялись наиболее важные достижения за последние пять лет. Так, в 2005 году к 15-летию ВНКЦ ЦЭМИ РАН вышло в свет первое собрание избранных работ «Тенденции и проблемы развития региона» в 3-х томах. В 2010 году выпущено второе, четырехтомное собрание трудов под тем же названием. Оно было приурочено к 20-летию ИСЭРТ РАН. В 2015 году к 25-летию со дня основания ИСЭРТ РАН издано третье собрание научных трудов в шести томах – «Тенденции и проблемы развития территорий». Не стал исключением и этот юбилейный год. К 30-летию ВолНЦ РАН подготовлено четвертое собрание избранных научных трудов в шести томах «Тенденции и проблемы развития территорий». Каждый из шести томов объединяет работы, тематика которых отражена в названии тома.

Первый том «Эффективность государственного управления» содержит монографические работы, нацеленные на решение задач в сфере повышения эффективности управления, прежде всего на федеральном уровне, и укрепления безопасности страны.

Открывается он монографией, подготовленной на основе статей главного редактора ведущего периодического издания ВолНЦ РАН – журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» – за 2012–2018 гг. В ней акцентируется внимание на современных проблемах государственного управления. Оценка его эффективности осуществляется на основе анализа стратегических решений, принятых на федеральном уровне и определяющих тенденции развития экономики и общества в 2012–2018 гг., через призму субъек-

тивного восприятия населением динамики уровня и качества жизни, социальной справедливости, реализации национальных интересов, тенденций развития гражданского общества. Для этих целей, наряду с анализом экспертных мнений и официальных статистических источников, авторы широко используют результаты социологических исследований.

В данный том вошла также монография коллектива авторов, в фокусе внимания которых находится проблема достижения высоких темпов экономического роста как важнейшего фактора обеспечения национальной безопасности страны. В книге выявляются ключевые угрозы и обосновываются возможности повышения роста российской экономики. Для этого предлагается комплекс эффективных механизмов диверсификации промышленности, доказывается необходимость неоиндустриализации, государственной поддержки малого и среднего бизнеса, повышения инвестиционной активности, регулирования движения капитала. Разрабатываются меры по снижению уровня внутрирегиональной дифференциации, корректировке межбюджетных отношений.

Авторы работ, опубликованных в томе: В.А. Ильин, М.В. Морев (отв. за подготовку), Т.В. Ускова, К.А. Гулин, А.Н. Чекавинский, Е.В. Лукин, Е.А. Мазиллов, А.Е. Кремин, Н.В. Ворошилов, С.А. Кожевников, О.Н. Калачикова, Г.В. Леонидова, А.В. Попов, А.М. Панов, А.В. Галухин, А.И. Поварова, М.А. Печенская.

Во втором томе «Управление социально-экономическими системами» представлены работы, в которых раскрываются проблемы управления социально-экономическими системами регионального уровня и предлагаются методы повышения его эффективности.

Акцентируя внимание читателей на проблеме необходимости повышения эффективности управления территориальными социально-экономическими системами, авторы обосновывают возможность использования в деятельности региональных органов государственной власти и местного самоуправления таких методов, как проектное управление, бенчмаркинг, краудсорсинг, SMART-технологии.

В работе подчеркивается важность развития взаимодействия власти, бизнес-структур и институтов гражданского общества в форме государственно-частного партнерства. В качестве одного из эффективных инструментов этого сотрудничества рассматривается социальная ответственность бизнеса.

Авторы работ, опубликованных в томе: Т.В. Ускова (отв. за подготовку), С.А. Кожевников, Е.Д. Копытова.

В третий том «Развитие экономики региона» включены монографические труды, исследующие различные аспекты устойчивого развития региональной экономики.

В частности, авторы выявляют ключевые проблемы региональной экономики, важнейшие факторы устойчивого развития и предлагают методический инструментарий его обеспечения. Они показывают, что преодоление кризисных явлений и выход на траекторию устойчивого экономического роста требуют активного включения государства в регулирование воспроизводственных процессов путем корректировки государственной экономической политики. Разработанные авторским коллективом межотраслевые модели позволяют оценивать последствия регулирующих воздействий.

В книге доказывается, что устойчивое развитие региональной экономики невозможно без развитого производственного сектора и снижения уровня территориальной дифференциации. В этой связи большое внимание уделено промышленной политике, важнейшим направлением которой выступает новая индустриализация, а также региональной социально-экономической политике, преследующей цели снижения масштабов территориальных различий и преодоления негативных последствий.

Авторы работ, опубликованных в томе: Т.В. Ускова (отв. за подготовку), Е.В. Лукин, С.А. Кожевников, Е.Д. Копытова, А.Е. Мельников, Е.С. Губанова, Н.В. Ворошилов.

Четвертый том «Социально-демографическое развитие России» посвящен гуманизации общества как одному из векторов модернизационных процессов, развернувшихся в современной России.

Авторы обосновывают тезис о том, что переход к новой модели экономического роста требует активизации человеческого капитала, основы воспроизводства которого закладываются в еще детстве. Они доказывают, что молодое поколение, обладающее колоссальным инновационным потенциалом, является стратегическим ресурсом развития, поэтому важнейшей государственной задачей становится демографическое сохранение молодого поколения, укрепление его здоровья, интеллектуальное и творческое развитие.

Особое внимание авторов сосредоточено на проблеме реализации трудового потенциала разных групп населения. Показаны особенности социально-экономического положения таких категорий, как пожилые, лица с ограниченными возможностями здоровья, многодетные роди-

тели и молодые специалисты, выявлена их социальная уязвимость, предложены механизмы включения их в трудовую деятельность.

Авторы работ, опубликованных в томе: В.А. Ильин, А.А. Шабунова, М.А. Головчин, М.А. Груздева, О.Н. Калачикова (отв. за подготовку), Н.А. Кондакова, А.В. Короленко, М.А. Ласточкина, Г.В. Леонидова, Л.Н. Нацун, А.В. Попов, И.Н. Разварина, К.А. Устинова, Е.О. Смолева, В.Н. Барсуков.

Пятый том «Общество в эпоху перемен» составляют монографические работы, исследующие социальные вопросы, прежде всего – формирования в России социального государства, развития гражданского общества и реформирования системы школьного образования.

Авторами выявлены наиболее острые проблемы социального развития российского государства; обосновано, что первостепенной задачей государственной власти должно стать обеспечение развития общества исходя из принципов социальной справедливости и взаимной ответственности. Это может быть реализовано путем организации работы социальных лифтов, создания равных условий для продвижения каждого человека на основе его способностей и таланта. В книге показана роль гражданского общества как индикатора развития социального государства, определены главные факторы его становления в России, обоснована необходимость активизации участия широких слоев населения в общественно-политической жизни страны. Обобщены результаты мониторингового исследования социального самочувствия и социально-профессиональной активности элиты регионального сообщества – учителей – в период реформирования школьного образования, выяснены перспективы учительской профессии в контексте перехода от программно-целевого к проектному подходу в управлении образованием.

Авторы работ, опубликованных в томе: В.А. Ильин, А.А. Шабунова, М.В. Морев (отв. за подготовку), А.И. Поварова, Г.В. Леонидова, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева, Т.А. Гужавина, Е.О. Смолева, В.С. Каминский, К.Е. Косыгина, Ю.В. Уханова, А.В. Попов, А.И. Россошанский.

Шестой том «Развитие научно-технологического пространства и предпринимательства» включает в себя работы, посвященные проблемам научно-технологического развития как важнейшего императива России на современном этапе.

Авторы монографических трудов проводят анализ уровня научно-технологического развития российских территорий, выявляют

наиболее острые проблемы, в числе которых высокий уровень неравномерности развития научно-технологического пространства, предлагают концептуальный подход к управлению его развитием. Они доказывают, что важнейшим фактором научно-технологического развития выступает организация и ведение инновационной деятельности. В этой связи ими разработаны методические подходы и инструментарий, нацеленные на повышение инновационной активности российских промышленных предприятий в условиях растущей конкуренции на региональных рынках. В книге раскрыта роль малого предпринимательства в социально-экономическом и инновационном развитии локальных территорий.

Авторы работ, опубликованных в томе: К.А. Гулин, С.В. Теребова, Е.А. Мазилев (отв. за подготовку), Д.А. Алферьев, К.Б. Квитко, А.Е. Кремин, Н.О. Якушев.

Хотя настоящее собрание трудов представлено в шести томах, все же это только часть монографий, выпущенных Вологодским научным центром за 2016–2019 гг. Их полный перечень можно найти на веб-сайте Центра.

Полагаем, что данное издание поможет читателям сформировать общее представление о деятельности нашего научного учреждения, познакомиться не только с основными направлениями научно-исследовательских работ, выполняемых вологодскими учеными, но и важнейшими научными результатами, внедрение которых в практику управления позволяет успешно преодолевать социально-экономические проблемы как на региональном, так и федеральном уровне.

Решение острейших задач современности, поиск ответов на глобальные вызовы, повышение эффективности государственного управления с целью обеспечения национальной безопасности, достижения нового качества роста российской экономики, построения социального государства, обеспечивающего социальную справедливость и реализацию потенциала каждого гражданина, – все это предусматривается в перспективных планах ВолНЦ РАН. Надеемся, что осуществление задуманного будет способствовать повышению качества жизни россиян, наращиванию потенциала и конкурентоспособности страны, позволит Российской Федерации укрепить позиции среди стран – мировых лидеров.

Т.В. Ускова,

*заместитель директора ВолНЦ РАН по научной работе
д.э.н., профессор*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТОМУ 4

В основе развития всех сфер жизнедеятельности находится человек. Гуманизация как один из векторов модернизационных процессов – важный аспект не только социального, но и экономического, политического развития России в XXI в. Для успешной социализации, благополучия человека в условиях изменяющейся социальной реальности от него требуются новые свойства и качества, развитие которых происходит в детском возрасте. В свою очередь, готовность социальных институтов, участвующих в воспроизводстве населения, как в количественном, так и качественном аспектах, к формированию «нового» человека – вопрос открытый. При сохраняющейся проблеме неудовлетворительного качества жизни населения страны при его существенной дифференциации особенно актуальны задачи социального государства. Это касается в особенности тех групп населения, которые по ряду критериев относятся к социально уязвимым. Новая волна депопуляции еще более остро ставит вопрос об оценке их потенциального вклада в социально-экономическое развитие и о пересмотре их положения в обществе.

Этим проблемам посвящен 4 том юбилейного многотомника ФГБУН ВолНЦ РАН, в котором читатель может познакомиться с двумя монографиями, изданными по результатам реализации исследовательских проектов при поддержке Российского научного фонда.

Первым из них стал проект *«Качество детского поколения в контексте модернизации России»*, реализованный под научным руководством д.э.н. Шабуновой А.А. в 2014–2016 гг. Результаты проведенного многопланового исследования воплотились в коллективной монографии **«Качество молодого поколения в контексте модернизации России»** (Шабунова А.А., Головчин М.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н., Кондакова Н.А., Короленко А.В., Ласточкина М.А., Леонидова Г.В., Нацун Л.Н., Попов А.В., Разварина И.Н., Устинова К.А.). Проблемы исследования детей крайне актуальны. Ведь для того чтобы привести в действие новую модель экономического роста, реализовать многоплановые реформы, требуется активизация человеческого капитала, основы воспроизводства которого закладываются именно в детстве.

Детский и юношеский возрасты являются теми периодами, в которых происходит становление ценностного восприятия мира и культурной идентичности человека. Качественная смена поколений служит одной из ключевых движущих сил модернизационных изменений, а молодежь несет в себе колоссальный инновационный потенциал, стратегический ресурс развития, поэтому ее демографическое сохранение, укрепление здоровья, интеллектуальное и творческое развитие выступают важней-

шей государственной задачей. Иначе говоря, от здоровья детей и молодежи, выбора ими профессии, ценностных ориентиров, знаний, умений и навыков зависит то, какой страна будет через 20–30 лет.

Комплексный анализ современных взглядов на проблемы российского молодого поколения, представленный в коллективной монографии, позволил выявить основные направления в осмыслении места и роли молодежи в настоящем и будущем России.

На основе использования официальной статистической информации, данных социологических мониторингов и фокус-групп в монографии рассмотрены особенности молодежи как социально-демографической группы, социокультурные факторы реализации ее модернизационного потенциала, процессы ее социализации, образования, инновационной и трудовой активности, здоровья и развития. Авторы постарались передать весьма важные аспекты понимания того, что каждый этап развития детей, начиная с раннего, чрезвычайно важен для формирования модернизационного потенциала молодого поколения. Особый интерес представляет анализ уникального медико-социологического исследования, в котором тесно переплелись медицинские оценки здоровья детей с самого момента их рождения и социологические характеристики их дальнейшего физического и психического развития. Плотное сотрудничество авторов с семьями обследуемых детей дало возможность определить факторы формирования показателей здоровья, включая факторы риска, предложить конкретные рекомендации по решению выявленных проблем в целях повышения качества молодого поколения.

Второй проект в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00078 *«Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества»*) реализован в 2016–2018 годах научным коллективом ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» под руководством чл.-кор. РАН д.э.н., проф. Ильина В.А. Полученные результаты легли в основу коллективной монографии **«Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления»** (Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Ласточкина М.А., Устинова К.А., Попов А.В., Нацун Л.Н., Смолева Е.О., Барсуков В.Н.). Монография, получившая признание в Российском обществе социологов и высокую оценку научного сообщества в целом, заняла *1 место в конкурсе публикаций Российского общества социологов-2018 в номинации «Коллективные монографии»*.

В XXI веке ключевой тенденцией является переход от индустриального к постиндустриальному обществу с главенствующей ролью нематери-

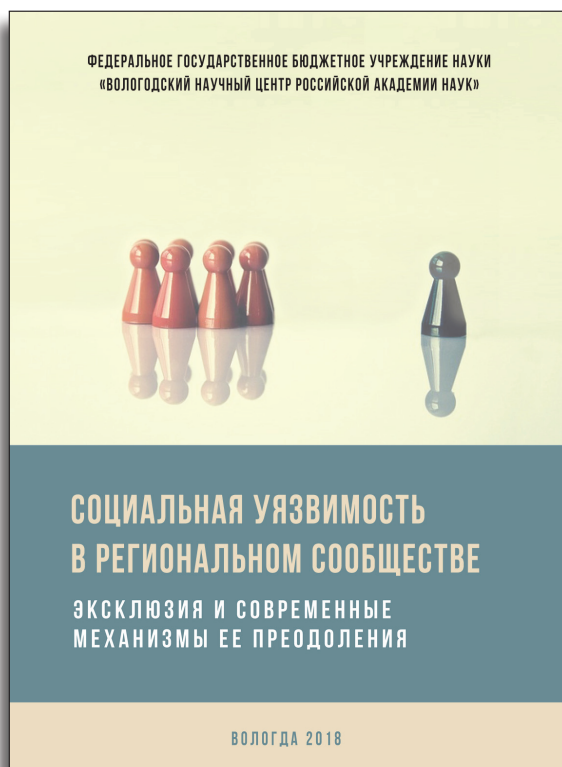
альных факторов (институциональных, культурных, этнонациональных и др.), влияющих как на изменение структуры общественного производства, так и в целом на осуществление модернизационных процессов. Наряду с экономическими факторами ментальные стереотипы и барьеры могут оказывать негативное влияние на реализацию трудового потенциала разных групп населения, приводить к росту социальной напряженности и формированию общества неравных возможностей. Соответственно ментальность может выступать в качестве фактора, сдерживающего социально-экономическое развитие территорий, однако в случае создания необходимых условий для преодоления сложившихся барьеров ментальность можно рассматривать в качестве «движущей силы» преобразований. Это обстоятельство приводит к необходимости внесения коррективов при осуществлении социально-экономического развития в направлении большего учета ментальных черт населения.

Актуальность исследования определяется тем, что в российском обществе все большее распространение получают процессы социального исключения отдельных групп населения, отличия которых вызваны их особым положением, статусом в социуме. К ним относятся многодетные семьи и одинокие матери, инвалиды, пенсионеры и др. Социальная эксклюзия этих категорий населения проявляется в ограничении доступа к правам, материальным и нематериальным благам.

На основе данных репрезентативных социологических опросов ФГБУН ВолНЦ РАН, а также качественных исследований в монографии описаны особенности положения социально уязвимых категорий населения Северо-Западного федерального округа: пожилых людей, лиц с ограниченными возможностями здоровья, многодетных родителей, молодых специалистов. Детальному анализу каждой из выделенных групп посвящена отдельная глава. Например, анализ жизненных стратегий работающих и неработающих пенсионеров показал, что они выстраиваются по принципиально различным траекториям, при этом ментальные барьеры инклюзии старшего поколения во многом определяются личным восприятием своего возрастного статуса и, соответственно, положения в обществе. Авторами сделан вывод о снижении скептицизма регионального сообщества относительно возможности социальной интеграции инвалидов, росте толерантности общества, чему способствует реализация программы «Безбарьерная среда». Социальная уязвимость многодетной семьи во многом связана со сферой трудовой деятельности, и прежде всего с негативным отношением со стороны работодателей.

Надеемся, что представленные материалы будут интересны широкому кругу специалистов.

СОЦИАЛЬНАЯ УЯЗВИМОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ: экслюзия и современные механизмы ее преодоления

ВВЕДЕНИЕ

Современная социально-экономическая ситуация в развитых странах складывается в контексте серьезных демографических, этнонациональных, религиозных, политических, социокультурных и экономических трансформаций. Особое место в происходящих изменениях занимают социокультурные преобразования. Эти процессы сопровождаются усложнением социальных отношений. Человек становится решающим фактором не только развития страны, но и национальной безопасности, сохранения её суверенитета¹. Значимость социокультурных трансформаций определяется тем, что именно они задают социальный контекст модернизации территорий и «наиболее глубинное её содержание»: человек сам должен стать другим, чтобы сделать страну процветающей². Ключевыми моментами социокультурной составляющей модернизации, по мнению экспертов, являются условия труда, быта и отдыха широких слоев населения, их знания и умения, участие в принятии решений о развитии страны, взаимное доверие граждан и власти³. Н.И. Лапин считает, что *«модернизированным можно считать такое состояние страны, когда величины измерений – статистические данные об условиях жизнедеятельности населения и оценки этих условий самим населением – будут сбалансированы, а уровень каждого из них окажется не ниже среднего для стран соответствующего мегарегиона человеческого сообщества»*.

¹ Ильин В.А. Актуальность тезиса «Кадры решают всё!» для современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 3. С. 9-31. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.1; Ильин В.А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» // Там же. 2017. Т. 10. № 4. С. 9-40. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.1.

² Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 6.

³ Лапин Н.И., Беляева Л.А. Что такое – социальная база модернизации? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=eff20f41-11d1-4b38-9766-8036d129054d> (дата обращения: 17.09.2018).

Круг вопросов, связанных с социокультурной трансформацией, является особенно актуальным для нашей страны. Во-первых, потому что сегодня можно с полной уверенностью говорить о восстановлении геополитического статуса России после его фактически утраты в результате распада Советского Союза: в 2010-х гг. Российская Федерация играет одну из ключевых ролей на международной арене, и поэтому все турбулентные процессы, которыми характеризуется современный этап развития мировой цивилизации, отражаются на ней в первую очередь. Не следует также забывать и о том, что концепция «русского мира», сформировавшаяся в 2010-х гг., представляет собой прежде всего именно социокультурную (а не экономическую) альтернативу западному «обществу потребления».

Во-вторых, несмотря на массу переломных моментов и кризисных состояний, пережитых современными российскими поколениями за последние 30 лет, нельзя не отметить, что для российского общества остаются крайне значимыми традиционные ценности. Об этом говорит и по-прежнему актуальная проблема патернализма, которая в русле новых целевых установок, обозначенных Президентом в Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г., приобретает всё более отчетливые очертания; и структура институционального доверия, в которой глава государства, церковь, армия (то есть традиционные для российского менталитета институты) занимают лидирующее положение; и тот эффект, который приобретают в обществе выступления главы государства, обращенные именно к ментальным, социокультурным его основам (в частности, выступления на Валдайском форуме и др.).

Исключительную важность социокультурного контекста для нашей страны актуализирует тот факт, что Россия, согласно ст. 7 Конституции, является социальным государством⁴. Одна из основных задач социального государства на уровне управления – помощь тем, кто терпит лишения, «служит обществу и стремится исключить или свести к минимуму неоправданные социальные различия»⁵. Однако такие социальные различия существуют в любом обществе и играют двоякую роль, порождая глубокие противоречия между реальным положением и потребностями индивида, социальной группы. Одно из таких противоречий – социальное неравенство – становится важным механизмом развития социума,

⁴ Статья 7. п. 1 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

⁵ Мунтян М.А. Государство в меняющемся мире // Исторический процесс и проблемы развития России. М., 1998.

и в этом его положительная роль. Однако, когда в обществе перестают работать социальные лифты, позволяющие каждому конкретному индивиду эффективно и безболезненно реализовывать свои потребности в повышении социального и материального статуса, неравенство может стать деструктивным фактором, создающим угрозу социальной стабильности⁶. В этом случае главной функцией социального государства как института, задающего «правила игры» в общественном развитии за счет своей законотворческой деятельности, является поддержание такого баланса, при котором социальное неравенство обеспечивает эволюционное поступательное развитие всех слоев социума.

Российская действительность в плане социокультурных преобразований имеет свою специфику. Она связана в первую очередь с наличием большой доли бедного населения, значительных по численности социально уязвимых групп людей, слабостью гражданского общества. В этом аспекте модернизация заключается, прежде всего, в росте числа рабочих мест, достойной оплате труда, преодолении социальной исключенности (экслюзии), развитии институтов гражданской активности и т.д. Ярким примером социальной экслюзии являются маргинальные группы населения (преступники, нищие и бездомные, лица, злоупотребляющие психоактивными веществами и т.п.). Однако проблемы с интеграцией в модернизационные процессы испытывают не только эти категории, но и те, кто «выключен» из контекста практической деятельности либо по возрасту (молодежь и пожилые люди), либо по состоянию здоровья (люди с ограниченными возможностями здоровья), либо находящиеся в другой сложной жизненной ситуации (многодетные и одинокие родители и их семьи). Социальная экслюзия этих групп населения проявляется в ограничении доступа к материальным и нематериальным благам, к правам и возможностям. В результате их ресурсный потенциал остается нераскрытым, а желание и готовность осуществить модернизацию различных областей своей жизни – нереализованными⁷. Причем среди блокирующих факторов включения данных групп в модернизационные процессы весьма значительное место занимают *ментальные стереотипы*, существенно ограничивая их экономическую независимость и возможности самореализации.

⁶ Ильин В.А. «Капитализм для своих» – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 9-23. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.1

⁷ Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. Москва, 2010. Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_modernization.html (дата обращения: 17.09.2018).

Ментальные барьеры и стереотипы поведения населения (неэкономические «агенты»), наряду с экономическими факторами, обуславливают не только уменьшение трудовых ресурсов, но и ограничение полной и эффективной реализации их трудового потенциала, увеличивают нагрузку на экономически активную часть населения, способствуют повышению социальной напряжённости, создавая общество неравных возможностей. В этой связи представляется, что социальная инклюзия (разработка и применение конкретных решений, позволяющих каждому человеку равноправно участвовать в общественной, трудовой жизни) будет способствовать максимальному использованию ресурсного потенциала всех групп населения и активизации модернизационных процессов, модернизации сознания (как присущей только людям и связанной с языком функции мозга) в том числе.

Актуальность поиска механизмов преодоления ментальных стереотипов в жизни социально уязвимых категорий населения России для активизации модернизационных процессов в стране послужила поводом для проведения масштабного исследования в регионах Северо-Западного федерального округа, которое в 2016 г. было поддержано Российским научным фондом.

Целью проекта стал комплексный анализ ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для оценки их потенциальных возможностей включения в процессы модернизации регионального сообщества; обоснование и расширение теоретико-методологических основ исследования ментальных факторов общественного сознания в социальной инклюзии. Проект предполагал также решение практических задач: разработку механизмов преодоления ментальных барьеров, поиск управленческих решений по формированию общества равных возможностей как фактора активизации модернизационных процессов.

Для углубленного анализа были взяты четыре группы населения, которые считаются нуждающимися в поддержке (пожилые люди, инвалиды, многодетные семьи и молодые специалисты). Всех их объединяет общая проблема – наличие трудностей материального обеспечения, обусловленных ограниченными возможностями в трудовой сфере (*предвзятость работодателей*, ограничивающих прием на работу молодежи, не имеющей стажа, молодых матерей с маленькими детьми, пожилых людей и инвалидов; *гендерные стереотипы работодателей*; *отчуждение* инвалидов от участия в общественной жизни, пользования общими социальными благами и т.д.). Для отслеживания данных процессов, с учетом

всего разнообразия каналов социальной интеграции, был выбран именно рынок труда, доступ к труду, как источнику материального благополучия и социального одобрения.

Информационную базу исследования составили данные ряда социологических исследований, проведенных в рамках проекта:

1. Опрос «Социокультурная модернизация регионов» проведен в две волны, в 2016 и 2017 гг., методом анкетирования по месту жительства в ряде регионов Северо-Западного федерального округа: в Вологодской, Мурманской, Калининградской и Новгородской областях и в Республике Карелия. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составил в 2016 г. 3101 человек, в 2017 г. 3108 человек; ошибка выборки не превышает 5%.

2. Глубинное интервью пожилых людей (20 человек в постпенсионном возрасте с учетом социального статуса).

3. Стандартизированное интервью лиц с ограничениями здоровья (100 человек с учетом степени ограничения трудоспособности).

4. Четыре фокус-группы молодых специалистов, с учётом пола, возраста, места жительства, социального статуса, профиля образования.

5. Четыре фокус-группы многодетных семей с отдельным и совместным участием супругов, представителей полных и неполных семей с разным социальным статусом, уровнем образования, материальным положением и занятостью, формально и истинно многодетных.

6. Интервью с экспертами – представителями органов власти, служб, общественных организаций, с учёными, занимающимися проблемами социально уязвимых категорий населения.

Дизайн исследования включал концептуализацию, теоретико-методологическое обоснование, анализ положения выбранных групп в региональном сообществе, в том числе, материального и социального статуса, выявление распространенных представлений о группе, о её «портрете», причин эксклюзии как со стороны общества, так и со стороны группы, разработку предложений по преодолению барьеров социальной инклюзии выбранных групп.

Первая глава монографии посвящена определению теоретико-методологических основ исследования, раскрывает смысл категорий эксклюзии, инклюзии, ментальности, стереотипа, а также уязвимость их связи и взаимовлияния; обосновывает роль социальной инклюзии в модернизации регионального сообщества. В главах со второй по пятую рассматри-

вается проблематика выбранных социально уязвимых групп населения: пожилых людей, инвалидов, многодетных семей и молодых специалистов. Последовательно проанализированы такие вопросы как, положение группы в социуме, наличие барьеров и социальной инклюзии в оценках общества и самих групп; акцент сделан на проблеме стереотипизации и предубеждений, как ведущем ментальном барьере социальной инклюзии, особенно в трудовой сфере. Шестая глава включает обобщение выявленных проблем, анализ нормативно-правовой базы социальной поддержки групп, оценку эффективности существующей системы работы и предлагаемые механизмы преодоления социальной эксклюзии.

Авторский коллектив выражает благодарность за содействие в проведении исследования начальнику департамента социальной защиты населения Вологодской области Каманиной Ларисе Владимировне, начальнику департамента труда и занятости Белову Олегу Михайловичу, директору Бюджетного учреждения социального обслуживания Вологодской области «Территориальный центр социальной помощи семье и детям города Вологды» Корчагиной Алёне Валерьевне, директору культурно-досугового центра «Забота» Кундиной Людмиле Борисовне, руководителям Вологодской региональной общественной организации «Объединение многодетных семей „Большая Семья“» Шустовой Елене Вадимовне и Оботуровой Алле Леонардовне, руководству Вологодского регионального отделения Всероссийского общества слепых.

Монография представляет собой итог работы по исследовательскому проекту № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества», выполнявшейся в 2016–2018 годах коллективом ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» под руководством члена-корреспондента РАН, доктора экономических наук Ильина Владимира Александровича при финансовой поддержке Российского научного фонда.

ГЛАВА 1

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СУЩНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ УЯЗВИМОСТИ

1.1. Сущность социальной уязвимости: эксклюзия как основание выделения уязвимых групп населения

Понятие «социально уязвимые группы населения» применяется в юридической и экономической сфере, в практике деятельности благотворительных организаций. Теоретические исследования социальной уязвимости активно проводились за рубежом во второй половине прошлого века. Новый всплеск интереса к проблеме вызван изучением социальных рисков, инициированным в 1990-х гг. Всемирным банком⁸. В России требования изменяющейся социальной практики также актуализировали в начале 2000-х гг. исследования по вопросам уязвимости и оказания социальной помощи.

Концепции социальной уязвимости

В западной научной литературе социально уязвимые группы населения (socially vulnerable groups) выделяются в соответствии с концепцией, трактующей уязвимость как реакцию на риски, в т.ч. социальные. К основным компонентам риска относят: а) непосредственно сами рискованные события; б) управление рисками; в) результат с точки зрения потери благосостояния. Ключевую роль играют показатели величины, сроков и истории рисков и реагирования на риски. Домашнее хозяйство может смягчить риск или набор рисков либо справиться с ними в текущем периоде, но этот процесс может привести к ограниченной способности управлять рисками в последующие периоды, характеризующиеся нехваткой

⁸ Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 158-166.

ресурсов⁹. Основные принципы концепции: перспективность (уязвимость определяется как вероятность переживания потери в будущем), временная зависимость, отношение к домашним хозяйствам в целом, зависимость степени уязвимости от характеристик риска и способности домохозяйства реагировать на риск, ограниченный доступ к активам и ограниченная возможность реагировать на риск. Решающее значение для понимания уязвимости домохозяйств имеет уязвимость отдельных лиц в рамках домохозяйства и ее динамика. Социальные действия могут снизить риск или степень подверженности риску, поэтому основным интересом социальной политики является исход процесса реагирования домохозяйства на риск с точки зрения потери благосостояния.

Экономический подход: концепции бедности

Экономические теории представляют уязвимость в рамках концепции бедности как результат реагирования на потенциальные угрозы. Уязвимые домохозяйства, по мнению экономистов, – те, которые перешли или могут перейти в состояние бедности или нищеты вследствие кумулятивного процесса риска и принятия ответных мер. Основным и наиболее удобным инструментом измерения уязвимости являются денежные показатели, особенно при оценке уязвимости к дефициту потребления. *Монетарный подход* использует показатели душевых доходов населения и прожиточный минимум как измерители уязвимости (концепции абсолютной бедности С. Бута, Л. Гордона, Н. Римашевской), а также медианный уровень экономического благосостояния (концепции относительной бедности П. Таусенда). Результаты исследования бедности и уязвимости населения Российской Федерации, проведенного авторским коллективом под руководством Л. Овчаровой, основаны на отнесении к бедным домохозяйств с доходами ниже прожиточного минимума, а остальные формы ограничения доступа к ресурсам предложено рассматривать как проявления уязвимости¹⁰.

При немонетарном подходе к измерению бедности как критерия уязвимости населения учитываются индексы возможностей и лишений, определяющие несоответствие уровня потребления отдельных домохозяйств принятому в обществе стандарту, отсутствие доступа к определенному набору благ.

⁹ Holzmann R., Jorgensen S. Social Protection as Social Risk Management: Conceptual Underpinnings for Social Protection Sector Strategy Paper // Journal of International Development. 1999. Vol. 11 (7). Pp. 1005-1027.; Siegel P., Alwang J. An Asset-Based Approach to Social Risk Management: A Conceptual Framework. Washington, D.C.: Human Development Network, Social Protection Unit, 1999. 85 p.

¹⁰ Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность: коллективная монография / рук. Л.Н. Овчарова. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. 203 с.

Однако экономические концепции подвергаются критике именно за базовую презумпцию – что все потери могут быть измерены в денежном выражении. Теоретико-методологической проблемой концепции бедности является изучение лишь одного из многих аспектов уязвимости – уязвимости, получившей выражение в изменчивости доходов¹¹. Исследователи считают, что измерения только доходов или потребления домохозяйств ограничивают анализ состояния уязвимости (А. Coudouel, J. Hentschel): «Уязвимость представляет собой широкое понятие, охватывающее не только уязвимость доходов, но и такие риски, как те, которые связаны со здоровьем, ... являются результатом насилия или социальной изоляции ...»¹².

К теоретико-методологическим проблемам исследования уязвимости следует отнести необходимость учета динамики процесса и сложность сравнения различных видов уязвимости между собой вследствие несопоставимости отдельных категорий социальных рисков. Например, какой экономический критерий выбрать при сравнении уязвимости к болезни, социальным беспорядкам или к недостаточному образованию? Российские исследователи отмечают возникновение уязвимости к неуправляемой открытости российского общества, порождающей специфические риски, связанные с социальными страхами и тревогами по поводу пришедшей в жизнь нестабильности и неопределенности, а также опасений внешнего характера¹³. Локальные войны, межэтнические конфликты, терроризм, где бы они не имели место, оборачиваются опасностями практически для каждого россиянина. Кроме того, увеличивается производство новых маргинальных групп – людей не временно безработных, а тех, которые вообще не могут адаптироваться к культурным новациям открытого общества. При этом неизбежно возникают все новые социальные группы риска.

В качестве выхода рассматривают применение показателя «минимальный уровень качества жизни населения в различных сферах» и определение уязвимости как вероятности падения ниже этого уровня. Так, в работе L. Pritchitt (Лэнта Притчетта) с коллегами уязвимость определяется как риск того, что домашнее хозяйство будет переходить в состояние бедности по крайней мере один раз в течение следующих нескольких

¹¹ Coudouel A., Hentschel J. Poverty Data and Measurement. Washington, D.C. : The World Bank, 2000. P. 34.

¹² Там же.

¹³ Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М. : Альфа-М, 2009. 160 с.

лет¹⁴. Уязвимость, таким образом, определяется как вероятность падения ниже порога бедности в течение определенного периода времени. При этом домохозяйства имеют большую или меньшую степень уязвимости. По времени, проведенному домохозяйством в состоянии ниже черты бедности, различают структурную (связанную с хронической бедностью) и временную уязвимость (A. Coudouel¹⁵, M. Ravallion¹⁶). Недостатком данных предложений является необходимость измерения вероятности, связанной с будущими состояниями, для вычисления текущей уязвимости, что усложняет принятие управленческих решений.

Экономический подход: ресурсные концепции

В концепции, основанной на понятии активов (*asset-based approaches*), уязвимость связывается с состоянием бедности, которое рассматривается как следствие недостаточного доступа к материальным и нематериальным активам. Материальные активы включают в себя землю, труд, капитал, сбережения (т.е. природные, человеческие, физические и финансовые активы). Нематериальные активы включают в себя социальные, институциональные и политические отношения, социальную инфраструктуру, а также местоположение¹⁷. В основу этой концепции положена способность домохозяйств управлять рисками за счет расширения ответов на риск: «Уязвимость населения также зависит от его активов... Обналичивание этих активов во время кризиса помогает людям выжить. Различия в типах и объемах таких активов, принадлежащих различным домашним хозяйствам и частным лицам, объясняют частично различия в их уязвимости»¹⁸.

В концепциях, связанных с источниками средств к существованию (*livelihoods literature*), уязвимость имеет две стороны: внешнюю сторону рисков, ударов, стресса и внутреннюю сторону, которая проявляется как незащитность, отсутствие средств для смягчения ударов или невозможность обойтись без возникновения убытков¹⁹. Сторонники данной концепции различают также «структурную» (*structural vulnerability*) и «уточ-

¹⁴ Pritchitt L., Suryahadi A., Sumarto S. Quantifying Vulnerability to Poverty: A Proposed Measure, Applied to Indonesia. – Washington, D.C. : The World Bank, 2000. 33 p.

¹⁵ Coudouel A., Ezemenari K., Grosh M., Sherburne-Benz L. Preliminary Draft for A Sourcebook on Poverty Reduction Strategies/. Washington, D.C. : The World Bank, 2000. 38 p.

¹⁶ Ravallion M. Expected Poverty Under Risk-Induced Welfare Variability // Economic Journal. 1988. vol. 98. Pp. 1173-1183.

¹⁷ Siegel P., Alwang J. An Asset-Based Approach to Social Risk Management: A Conceptual Framework. – Washington, D.C : Human Development Network, Social Protection Unit, 1999. Pp. 10-12.

¹⁸ Eade D., Williams S. The OXFAM Handbook of Development and Relief. – Oxfam Publications : Oxford, 1995. P. 931.

¹⁹ Chambers R. Editorial Introduction: Vulnerability, Coping, and Policy // IDS Bulletin. 1989. Vol. 20 (2). Pp. 1-7.

ненную» (proximate vulnerability) уязвимость²⁰. Структурную уязвимость демонстрируют семьи, которые по своему составу более подвержены риску и стрессу (например, домашние хозяйства с нетрудоспособными членами): они сталкиваются с высокими рисками в инфраструктуре, имея при этом минимальные возможности для реагирования. Состояние уточненной уязвимости может меняться из года в год, т.к. уязвимость – это не устойчивое состояние, а развивающийся процесс²¹.

Экономико-правовой подход

Несмотря на указанные выше недостатки, именно монетарный подход, вследствие четкости критериев и наличия статистической информации, получает закрепление в российском законодательстве. При определении социально уязвимых слоев населения в российских законах применяется достаточно широкая формулировка – «малоимущие и социально незащищенные категории граждан», как, например, в Налоговом кодексе Российской Федерации (п. 8 ст. 217, п. 14 ст. 251 НК РФ)²². Однако в федеральном и региональном законодательстве конкретизировано лишь понятие «малоимущие граждане» по критерию среднедушевого дохода семьи (дохода одиноко проживающего гражданина)²³. Семье присваивается статус малоимущей при значении среднедушевого дохода меньше прожиточного минимума. В этом случае человек (семья) получает право на адресную социальную помощь от государства. Таким образом, в соответствии с ФЗ от 20.08.2003 г. № 512 к категории малоимущих семей (малоимущих одиноко проживающих граждан) относят лиц в состоянии нуждаемости независимо от демографических характеристик, социального статуса, наличия работы, состояния здоровья²⁴. Отдельные социально незащи-

²⁰ Davis A.P. Targeting the Vulnerable in Emergency Situations: Who is Vulnerable? // The Lancet. 1996. – Vol. 348. Pp. 868-871.

²¹ Davies S. Adaptable Livelihoods. Coping with Food Insecurity in the Malian Sahel. New York : St. Martin's Press, 1996. 24 p.

²² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс] : принят ФЗ от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 15.02.2016) // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

²³ Ст. 5 Федерального закона от 20.08.2003 г. № 512 «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи». Сам перечень видов доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2003 г. № 512 (в ред. Постановления Правительства РФ от 30.12.2005 № 847).

²⁴ Кожевников Д.Е. Государственная социальная помощь малоимущим гражданам: правовые вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. Екатеринбург, 2010. С. 13-14.

щенные категории граждан (несовершеннолетние в трудной жизненной ситуации, инвалиды и участники Великой Отечественной войны, ветераны боевых действий, блокадники, дети-сироты, инвалиды и др.) указаны в других федеральных законах²⁵.

При реализации экономико-правового подхода на практике органы государственной власти сталкиваются с множеством противоречий. Является ли признак отсутствия источника дохода необходимым и достаточным основанием для отнесения к социально уязвимым слоям населения? Ведь уровень среднедушевого дохода не считается достоверным критерием бедности. Уровень жизни определяется не только текущими денежными доходами, но и в целом имущественным положением. С точки зрения М.И. Маллаевой и Х.М. Хаджалова гораздо нагляднее демонстрируют уровень жизни показатели объема и структуры потребления²⁶.

Социологический подход

Представители социологического подхода считают, что такие показатели, как доход или потребление, не в состоянии адекватно описать состояние уязвимости. Социологи чаще обсуждают уязвимость социальных групп с точки зрения их социально-демографических характеристик или социального статуса²⁷, а именно выявляют группы, которые в целом можно отнести к уязвимым (пожилые люди, инвалиды, дети в трудной жизненной ситуации, семьи матерей-одиночек, многодетные семьи).

Социальный антрополог Кэролайн Мозер (C. Moser) определяет уязвимость как «отсутствие безопасности благосостояния отдельных лиц, семей или общин в условиях меняющейся среды»²⁸. Она отмечает, что концепция уязвимости более полно отражает процессы изменения, а анализ уязвимости включает в себя как саму угрозу, так и устойчивость к риску – способность использовать все возможности, чтобы противостоять угрозе и оправиться от негативных потрясений.

²⁵ Федеральный закон от 02.08.1995 № 122-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов»; Федеральный закон от 12.01.1995 (ред. от 16.10.2012) № 5-ФЗ «О ветеранах»; Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 29.02.2012) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»; Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 03.12.2011) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

²⁶ Маллаева М.И., Хаджалов Х.М. Методические подходы к определению объектов социальной защиты населения // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 5. С. 22.

²⁷ Loughhead S., Mittai O. Urban Poverty and Vulnerability in India: A Social Perspective // Social Change. 2000. Vol. 30. Pp. 33-54.

²⁸ Moser C. The Asset Vulnerability Framework: Reassessing Urban Poverty Reduction Strategies // World Development. 1998. Vol. 26 (1). P. 2.

Социологи предлагают расширить определение активов и помимо физических и финансовых сфер включить в них социальный капитал и семейные отношения²⁹. Ряд авторов обращает внимание на то, что индивидуальная уязвимость не может быть отделена от понятия «социальная уязвимость»³⁰, ибо наличие связей между отдельными людьми формирует коллективный характер уязвимости.

Концепция социального исключения (экслюзии)

Особенно большое внимание распаду социальных связей уделяется в концепции социального исключения. Одним из аспектов социальной уязвимости является утрата связи человека с остальной частью общества. И в этом случае можно говорить о его социальном исключении (социальной экслюзии), под которым Э. Гидденс понимал «механизм, отделяющий группы людей от главного социального потока»³¹. Термин «социальное исключение» был введен Р. Ленуаром в 1974 году в работе «Les Exclus» для обозначения ситуации, в которой находятся отверженные, не включенные в системы социального страхования государства всеобщего благосостояния, и акцентировал внимание на неравномерном распределении благ в обществе и доступе к его ресурсам.

Гражданско-правовая редакция концепции в разрезе социальных прав и социальной справедливости связала с социальной изоляцией отсутствие у человека (группы людей) доступа к правам. Если в экономической концепции бедности сущность социальной уязвимости соотносится с доходом и низким материальным уровнем жизни, то определение социальной экслюзии – с социальными правами, такими как право на труд, жилье, медицинские услуги или образование³². Согласно А. Сену, социальная экслюзия возникает тогда, когда индивид лишается свободы предпринимать те действия, которые он считает необходимыми³³. А. Сен делает акцент на объективном сокращении возможностей личности (capabilities). Сущность социального исключения состоит в невозможности людей участвовать в важных для них аспектах социальной жизни, на

²⁹ Putnam R.D. Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy. Princeton : Princeton University Press, 1994. 258 p.

³⁰ Kreimer A., Arnold M. Managing Disaster Risk in Emerging Economies [Electronic resource] // The World Bank. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/372441468740717582/pdf/multi-page.pdf>; Morrow B.H. Identifying and Mapping Community Vulnerability // Disasters. 1999. Vol. 23 (1). Pp. 1-18.

³¹ Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Cambridge : Polity Press, 1998. P. 105.

³² Lister R. Poverty, Key Concepts. – Cambridge : Polity Press, 2004. 252 p.

³³ Sen A. Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny [Electronic resource] // Asian Development Bank. – Режим доступа: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29778/social-exclusion.pdf>

которые у них есть все права: участие в политических процессах, рынках труда, системах образования и здравоохранения, культурной жизни общества. В смещении акцента с неравенства доходов на ограничение доступа к правам проявляется различие концепций эксклюзии и бедности³⁴.

Люди могут столкнуться с двумя различными видами эксклюзии: возникающей как результат намеренной политики и практики в обществе («активная») или комбинации социальных процессов, не являющихся намеренной попыткой отторжения («пассивная»). Факторы, ведущие к активному социальному исключению: дискриминационные практики, неравное положение в иерархии власти и институциональные барьеры, препятствующие доступу к государственным услугам и политическому участию. Как утверждает З. Бауман, даже при самых демократических режимах государство претендует на «право исключать»³⁵. Результатом социального исключения, как активного, так и пассивного, может стать ограничение человеческих возможностей. Ограниченные возможности в одной сфере могут привести к лишениям в других сферах жизни, способствуя процессу социального исключения.

В последнее десятилетие опубликованы работы, посвященные исследованию понятия социального исключения, таких отечественных ученых, как Ф. Бородкин (о ситуации и состоянии социальной эксклюзии), Н. Тихонова (о феномене социальной эксклюзии в России), В. Антонова, А. Дмитриева (анализ концептов социальной инклюзии и эксклюзии)³⁶. Вопросам междисциплинарного подхода к изучению социальной эксклюзии посвящены работы В. Шмидт³⁷. По мнению Н.Е. Тихоновой, описание происходящих сегодня в российском обществе процессов возможно с точки зрения вопросов «горизонтальной стратификации, индивидуализации рисков и социальной эксклюзии».

Согласно Ф. Бородкину, социальная эксклюзия характеризуется не только ситуацией отторжения, но и определенным состоянием, связанным с социальным статусом и самовосприятием человека, включающим

³⁴ Более подробно о различиях концепций бедности и эксклюзии см. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 160.

³⁵ Bauman Z. *Wasted lives. Modernity and its outcasts*. Cambridge, UK : Polity, 2004. P. 21.

³⁶ Антонова В. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. Т. 11. № 2. С. 151-170.; Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // *Социологический журнал*. 2000. № 3/4. С. 5-17.; Дмитриева А.В. Социальное выключение/исключение как принцип структуризации современного общества // *Социологический журнал*. 2012. № 2. С. 98-114.; Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // *Мир России*. 2003. № 1. С. 36-83.

³⁷ Шмидт В. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии // *Журнал исследований социальной политики*. 2004. Т. 2. № 4. С. 547-566.

чувство неполноценности, озлобленности, страха, отчаяния, подавленности, стыда³⁸. Статус социального исключения имеет множество критериев: бедность, ограниченные возможности трудоустройства и образования, недостаточный доступ к социальным и общественным сетям и мероприятиям, невозможность планировать собственную жизнь³⁹.

Концепция социальной эксклюзии помогает объяснить, почему не работают предложения экономической теории о преодолении бедности с помощью дотаций и пособий от государства. Дело в том, что люди, живущие на государственные пособия, подвергаются стигматизации и возрастает риск их отторжения от социальных ресурсов. Конструируется отношение к бедности как к обесцененному социальному статусу и причина этого явления видится в индивидуальных особенностях личности: недостаточной целеустремленности, безволии, лени, низкой мотивации к труду и обучению, во вредных привычках. Формируется негативный образ представителя социально уязвимых групп в глазах более благополучного окружения – образ, демонстрирующий пессимизм, депрессивность, беспомощность, крайнюю бедность и неудачливость. Сложившийся социальный стереотип этой категории населения подвергает стратификации и их детей, заранее лишая важнейших экономических, политических и культурных ресурсов общества, блокируя им возможности восходящей мобильности.

Приведут ли риски к социальной уязвимости и социальной эксклюзии, зависит от социально-экономической политики государства, определяющей результат взаимодействия данных рисков с социальными нормами, социальными институтами и моделями поведения. Одно из решений проблемы – в изменении отношения в обществе к людям, нуждающимся в поддержке, изменение сознания и восприятия у самих представителей рассматриваемых нами категорий.

Критерии социальной уязвимости

По мнению многочисленных исследователей, к числу важнейших критериев определения социально уязвимых групп населения как объектов социальной защиты сегодня следует относить объективные причины, не позволяющие индивидам обеспечить себе достойное существование. Причины при этом могут быть самыми различными: состояние здоровья, социальный статус, потеря кормильца, временная или постоянная нетру-

³⁸ Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 6.

³⁹ Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 40.

доспособность, возраст⁴⁰. Чаще всего они заключаются в невозможности осуществления индивидом трудовой деятельности и потере в связи с этим источника средств существования. Поэтому ряд исследователей предлагает в качестве главного другой критерий социальной уязвимости населения – трудоспособность⁴¹. Однако применение данного подхода к определению социально уязвимых групп населения также имеет недостатки. Например, нетрудоспособный гражданин может рассчитывать на поддержку семьи, а работник – получать очень низкую заработную плату, не обеспечивающую достойный уровень жизни. Как верно подмечено Н.М. Римашевской, «... работающие бедные – это чисто российский феномен»⁴².

Второй момент, на котором бы хотелось заострить внимание, это уязвимость российской семьи. Вследствие повышенной иждивенческой нагрузки в социально уязвимые группы населения часто попадают следующие категории семей: семьи с несовершеннолетними детьми, многодетные; неполные семьи; семьи, имеющие на попечении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; семьи с инвалидами, в т. ч. с детьми-инвалидами, а также семьи безработных; семьи одиноко проживающих престарелых; семьи вынужденных переселенцев. Поэтому работа с социально уязвимыми слоями населения должна быть частью семейной политики и основываться на тщательном определении групп семей, нуждающихся в социальной поддержке, и системе адресных мер ее осуществления. Кроме того, необходимо отдельно рассматривать категории, которые помимо низкого материального благополучия испытывают сильную дополнительную депривацию: бывшие заключенные, лица без определенного места жительства и др.

Учет региональной специфики

Возможно, следует связать социальную уязвимость не просто с низкими доходами, а с низким качеством жизни. В таком ракурсе появляются дополнительные критерии для выделения нуждающегося в социальной

⁴⁰ Лукьянова Т.Н. Совершенствование региональной системы социальной защиты социально уязвимых слоев населения: автореф. дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05. М., 2009. 29 с.; Мальцева Е.В. Социально уязвимые категории населения на рынке труда и организация их социальной защиты: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05. М., 2001. 178 с.; Сергеева Е.А. Социальная поддержка уязвимых семей (социологический анализ): дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. М., 2006. 151 с.; Покручина А.А. Политика социальной защиты уязвимых слоев населения (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. М., 2000. 21 с.

⁴¹ Маллаева М.И., Хаджалов Х.М. Методические подходы к определению объектов социальной защиты населения // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 5. С. 23.

⁴² Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 33-44.

поддержке населения по причине того, что для современной России чрезвычайно важными факторами, влияющими на качество жизни населения, выступают характеристики региона (территория) и условия проживания. Наличие регионов с напряженной социально-политической обстановкой или неблагоприятными природно-климатическими условиями вызывает необходимость повышенного внимания к их жителям со стороны государства и даже выделения категорий населения (или семей), нуждающихся в социальной защите по критерию социально-территориального неблагополучия. Оно оказывает негативное воздействие на качество жизни, что в совокупности ставит на повестку дня вопрос о классификации территорий.

Регионы с напряженной социально-политической обстановкой характеризуются повышенной неустроенностью населения, вызванной военными действиями или активными миграционными процессами. Рост числа беженцев и вынужденных переселенцев, как представителей социально уязвимых слоев населения, относит регион к числу социально неблагополучных и повышает нагрузку на социальные статьи регионального бюджета.

К региональным факторам, способным повысить индивидуальные риски и повлиять на социальное исключение, относят: состояние рынка труда и базовой инфраструктуры, экологическую обстановку, обустроенность сельских поселений, связь между городом и селом, наличие социальных или межнациональных конфликтов.

Итак, под *социально уязвимыми категориями* населения мы понимаем группы населения, которые ограничены в настоящее время в доступе к материальным и нематериальным ресурсам или в отношении которых существует риск подвергнуться социальной эксклюзии в ближайшем будущем при отсутствии поддержки социума.

Комплексный подход к явлению эксклюзии сочетает в себе основные положения экономических, социологических и психологических концепций.

Состояние и ситуации социальной эксклюзии

Современные экономические теории базируются на установлении взаимосвязей между трудовой занятостью, уровнем жизни и социальной активностью. Если первоначально эксклюзию приравнивали к состоянию бедности, то сейчас ученые сходятся во мнении о том, что понятие социального исключения значительно шире⁴³. Основное внимание социологов

⁴³ Шмидт В. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 4. С. 553-554.

сосредоточено на выделении групп населения, подвергнутых исключению или его риску, и соотношении эксклюзии с социальной мобильностью и социальным статусом лиц, исключенных из каких-либо жизненных сфер⁴⁴. В целом социологические и экономические подходы изучают эксклюзию как явление, одну из граней социальной реальности, и занимаются поиском ответов на следующие вопросы: каковы критерии оценки ситуации исключения из общественной жизни, какие процессы в обществе приводят к эксклюзии целые группы населения. Мы обозначили такой подход как ситуационный.

С точки зрения психологического подхода эксклюзия рассматривается как характеристика состояния человека. В основе личностного подхода лежит исследование стереотипов поведения, механизмов стигматизации, ценностно-мотивационной сферы личности и таких личностных характеристик, как локус контроля⁴⁵. Различие в характеристиках, критериях и механизмах составляющих⁴⁶ социальной эксклюзии (ситуации и состояния исключения) представлено в табл. 1.1.

Таблица 1.1. Составляющие социальной эксклюзии: ситуация и состояние

Ситуация социальной эксклюзии – объективированные обстоятельства	Состояние социальной эксклюзии – определяется индивидуальным восприятием ситуации и самоидентификацией
Характеристика ситуации 1) трудная жизненная ситуация 2) низкое качество жизни 3) пониженная конкурентоспособность 4) отчуждение 5) социальная дистанция	Характеристика состояний 1) переживаемые остро 2) переживаемые в течение длительного времени
Виды ситуаций – эксклюзия 1) от средств к существованию 2) социальных услуг, благосостояния и сетей социальной безопасности 3) от социальной жизни (поддержание социальных контактов) 4) от культурной жизни 5) образования	Виды состояний 1) ощущение бедности 2) одиночество 3) безысходность 4) беспомощность 5) ощущение несправедливости

⁴⁴ Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 40.

⁴⁵ Липман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчунова ; под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.; Московичи, С. Век толп: исторический трактат по психологии масс. М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.

⁴⁶ Более подробно рассмотрено в работе: Смолева Е.О. Основные подходы к исследованию ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения // Социальное пространство. 2016. № 4. Режим доступа: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2014>

Окончание таблицы 1.1

Механизмы эксклюзии 1) отсутствие доступа к основным механизмам интеграции 2) депривация 3) дискриминация в эффективной занятости 4) социальная стратификация 5) неадекватная реализация социальных прав 6) физиологические ограничения активной деятельности 7) социальные ограничения активной деятельности 8) высокая иждивенческая нагрузка	Механизмы эксклюзии 1) формирование чувства зависимости, снятие ответственности 2) заучивание определенных социальных ролей 3) закрытость, огораживание пространства 4) разделение на группы «своих» и «чужих» 5) прессинг нормативной системы
Индикаторы ситуации эксклюзии по отсутствию или недоступности 1) стабильная оплачиваемая работа 2) доход, обеспечивающий потребности домохозяйства 3) получение необходимой медицинской помощи 4) получение образования (в т.ч. детьми) 5) доступ к культурной жизни 6) адекватное жилище 7) возможность самостоятельных и автономных действий 8) доступность общения 9) доступность социальной помощи	Индикаторы состояний 1) доминирующие чувства, в т.ч. озлобленность, страх, отчаяние, подавленность 2) экстернальный локус контроля 3) неудовлетворенность жизнью 4) фрустрация 5) неразвитая структура потребностей или напряженность развитой системы потребностей
Источник: составлено авторами.	

Разделение социальной эксклюзии на две составляющие (ситуацию и состояние) перекликается с подходами, характерными для западной социологической традиции⁴⁷. Ситуация социальной эксклюзии описывает изучаемый феномен на макроуровне, с позиций общества, а состояние – на микроуровне, с точки зрения специфики жизненной ситуации членов эксклюзированной группы. В то же время выделение составляющих позволяет более четко фиксировать индикаторы эксклюзии, описывать ее механизмы.

Социальное исключение может быть определено как возникающее в связи с ослаблением одной или более систем, являющихся фундаментальными для функционирования общества⁴⁸. Например, Ф. Фаррингтон выделяет следующий ряд систем⁴⁹: социальная (семья, рынок труда, соседство, сообщество, общество); экономическая (ресурсы, рынок товаров и услуг); институциональная (законодательная система, образование, здраво-

⁴⁷ Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 36-83.

⁴⁸ Levitas R. The concept of social exclusion and the new Durkheimian hegemony // Critical Social Policy. 1996. Vol. 16. Pp. 5-20.

⁴⁹ Farrington F. Towards a useful definition: advantages and criticism of «social exclusion» [Electronic resource] // The Big Lottery Fund. Режим доступа: <http://www.nof.org.uk>

охранение, политические права); территориальная (демографическая, коммуникации, депривированные территории). Разногласия в научной среде возникают по количеству нарушенных систем в случае социального исключения. С одной стороны, речь идет о нарушениях только одной из этих систем⁵⁰, а с другой стороны, необходимым условием социального исключения считается нарушение функционирования нескольких систем. По мнению Р. Аткинсона, можно говорить о социальном исключении, когда «происходит ломка нескольких систем вследствие цепной реакции»⁵¹.

Эксклюзия чаще всего проявляется в форме недоступности качественного образования, культурной жизни и социального участия, поддержания социальных контактов (например, с живущими в другом городе родственниками); невозможности планировать собственную жизнь, устроиться на работу, иметь нормальное жилье, получить необходимую медицинскую помощь, обеспечить отдых⁵².

Факторы социальной эксклюзии

Существенными факторами эксклюзии являются недоступность для домохозяйства таких эффективных социальных механизмов решения проблем, как наличие стабильной и оплачиваемой работы (безработица), доступа к социальным сетям, эффективной социальной поддержки со стороны государства. К региональным характеристикам, способным повысить индивидуальные риски и повлиять на социальное исключение, относят: состояние рынка труда и базовой инфраструктуры, экологическую обстановку, обустроенность сельских поселений, связь между городом и селом, наличие социальных или межнациональных конфликтов.

Но чаще всего в качестве основных факторов эксклюзии ученые выделяют временную или постоянную нетрудоспособность, возраст⁵³ и другие характеристики, связанные с невозможностью осуществления индивидом трудовой деятельности и потерей в связи с этим источника средств существования⁵⁴. Хотя существует мнение, что «зависимость между дискриминацией в эффективной занятости и эксклюзией не прямая, а опосредован-

⁵⁰ Stroebel P. From Poverty to Exclusion: A Wage-Earning Society or a Society of Human Rights? // International Social Science Journal. 1996. Vol. 48. Pp. 173-189.

⁵¹ Atkinson R. Combating Social Exclusion in Europe: The New Urban Policy Challenge // Urban Studies. 2000. Vol. 37. Pp. 1037-1055.

⁵² Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 36-83.

⁵³ Мальцева Е.В. Социально уязвимые категории населения на рынке труда и организация их социальной защиты: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05. М., 2001. 178 с.

⁵⁴ Маллаева М.И., Хаджалов Х.М. Методические подходы к определению объектов социальной защиты населения // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 5. С. 21-25.

ная факторами риска». Почему в своем исследовании мы также решили основное внимание уделить сфере трудовой деятельности? Наш выбор обусловлен тем, что она является и основным источником дохода для большинства населения, и полем личностной самореализации, и одной из основных сфер общения и социальных связей. Результаты, достигнутые в сфере трудовой деятельности, определяют самооценку и удовлетворенность жизнью.

Основываясь на приоритетном характере эксклюзии в сфере трудовой занятости, мы выделили следующие категории социально уязвимого населения:

- население предпенсионного и пенсионного возраста;
- инвалиды;
- молодые специалисты;
- семьи с несовершеннолетними детьми, в т.ч. многодетные; одинокие матери.

Общая особенность выделенных категорий в том, что их можно рассматривать как лиц с нереализованным трудовым потенциалом.

По данным российских исследований⁵⁵, наиболее защищенными во всех областях трудовой сферы чувствуют себя работники, находящиеся на пике трудоспособности (30–49 лет). Молодые специалисты наряду с неоправданно высокими зарплатными притязаниями имеют самые низкие индексы безопасности труда и защищенности права на представительство. Но общая тенденция состоит в последовательном и резком снижении защищенности на рынке труда с возрастом. В отношении пожилых людей часто возникает вопрос о том, стоит или нет рассматривать их исключение из сферы трудовой деятельности. Исследование этой проблемы⁵⁶ показало, что из 5 переменных, оказывающих наиболее сильное влияние на интегральный индекс эксклюзии пожилых, две относятся к сфере трудовой деятельности⁵⁷.

В семьях с несовершеннолетними детьми дискриминационным практикам в сфере занятости традиционно подвергаются женщины. По данным социологических исследований ВолНЦ РАН, у каждой десятой жен-

⁵⁵ Соболева И., Лакунина Л. Социальная защищенность в сфере труда: тенденции распределения и зоны уязвимости // Общество и экономика. 2010. № 1. С. 101-124.

⁵⁶ Сапонов Д.И., Смолькин А.А. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 5. С. 83-94.

⁵⁷ Это вопросы: «Если вам сейчас предложат посильную работу, вы согласитесь работать или нет?» и «По вашему мнению, если говорить в целом, способны или не способны люди старшего возраста учиться, приобретать новые знания и умения?». Коэффициенты сопряжения в обоих случаях составили 0,33.

щины создается впечатление, что ее права при приеме на работу ущемляются по гендерному принципу⁵⁸. Каждой пятой известно, что такие случаи происходят с другими женщинами⁵⁹.

Трудоустройству инвалидов препятствуют как физические барьеры среды, так и экономические, образовательные, информационные барьеры, барьеры социального отчуждения. Даже если человек со статусом «инвалид» трудоустраивается, низкая оплата труда на доступных инвалидам рабочих местах мешает профессиональной интеграции данной категории граждан.

Регулярная занятость и получение доходов от нее рассматриваются как «лучшая защита от социального исключения»⁶⁰. Противоположностью социального исключения, как процесса, является инклюзия как расширение возможностей участия в экономических, социальных, культурных и гражданских процессах людей, находящихся на периферии общества.

Р. Левитас утверждает, что понятие эксклюзии, появившееся изначально как инструмент описания разнообразных последствий бедности и неравенства, противопоставляется интеграции, причем преимущественно в рынок труда. Дихотомическая модель исключения и интеграции в упрощенном виде несет в себе идею о том, что работа обеспечивает не только доступ к материальным ресурсам посредством заработной платы, но и культурную интеграцию⁶¹.

Другие ученые считают, что социальной эксклюзии может быть противопоставлена лишь социальная инклюзия⁶². Выявляя факторы социальной эксклюзии, мы тем самым предопределяем направленность наших дальнейших действий по борьбе с социальным исключением путем воздействия именно на эти факторы и, следовательно, намечаем пути социальной инклюзии. Объяснительная концепция социальной эксклюзии опирается на процессы конструирования отношения к социально уязви-

⁵⁸ Социологический опрос населения Вологодской области на общеобластной выборке 1500 человек; распределение ответов на вопрос: «Испытывали ли Вы ущемления прав только потому, что Вы женщина?», 2014 год.

⁵⁹ Социологический опрос населения Вологодской области на общеобластной выборке 1500 человек; распределение ответов на вопрос: «Известны ли Вам аналогичные случаи при приеме и увольнении с работы среди ваших знакомых?», 2014 год.

⁶⁰ Farrington F. Towards a useful definition: advantages and criticism of «social exclusion» [Electronic resource] // The Big Lottery Fund. Режим доступа: <http://www.nof.org.uk>

⁶¹ Levitas R. The concept of social exclusion and the new Durkheimian hegemony // Critical Social Policy. 1996. Vol. 16. Pp. 5-20.

⁶² Астоянц М.С., Россихина И.Г. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2009. № 12. С. 51-58.

мым слоям населения как к обесцененному социальному статусу. Формирование установок, существующих в обществе в отношении отдельных групп людей, проистекает из его ментальности. Именно поэтому важно получить представление о тех стереотипах, что сложились и действуют в обществе сегодня.

* * *

Превалирующий в практике государственного управления экономико-правовой подход к проблеме социальной уязвимости, основанный на понятии абсолютной бедности и критерии «низкий уровень дохода», имеет ряд существенных недостатков. Во-первых, он подвергается критике научного сообщества за подмену социальной уязвимости понятием экономической неустроенности. Во-вторых, при таком подходе оказание поддержки со стороны государства малоимущему населению выражается в выделении социальных трансфертов, что влечет за собой закрепление иждивенческой позиции реципиентов государственной помощи и вызывает рост социального напряжения в региональном сообществе. Управленческие решения в области социальной политики должны приниматься на основе анализа экономических индикаторов, критериев риска социального исключения для домохозяйств и возможности реагирования на него.

При разработке критериев уязвимости должна учитываться концепция социальной эксклюзии – динамического процесса исключения, состоящего из двух компонентов: ситуации исключения и состояние индивида. Социальное включение мы рассматриваем как противоположный эксклюзии процесс, который отражает возможности человека двигаться от групп с более ограниченным доступом к социальным благам в группы с большим доступом к ним. Следовательно, инклюзия предполагает изменения, происходящие как на ситуационном, так и на личностном уровне, чему препятствуют различные виды ментальных барьеров.

Непринятие мер по преодолению социального исключения может привести к тому, что часть населения будет выпадать из процессов общественного развития, скатываясь в состояние стагнации и полной социальной зависимости, тем самым ограничивая модернизацию регионального сообщества. Использование концепции социальной эксклюзии смещает приоритеты социальной политики государства с выделения социальных трансфертов на активное изменение образа мышления в обществе.

Изменения должны коснуться всех областей социального отторжения: исключения из экономической жизни, социальных услуг, гражданского

общества, социальной жизни и сетей. Новые ценностные установки и стереотипы поведения будут способствовать консолидации различных слоев населения и активизации модернизационных процессов.

1.2. Социальная инклюзия как механизм преодоления социальной уязвимости

Социальная стратификация, внутренняя идентификация «своей-чужой», категоризация группы для определения линии поведения в отношении её представителей осуществляется с помощью социальных стереотипов.

Трансформационные процессы, протекающие в России в течение последних двадцати пяти лет, спровоцировали «слом социальных стереотипов, изменение шкалы ценностей, кризис социальной идентичности – это те ... реалии...»⁶³, которые обусловили формирование «постсоветского сознания» и «нигилистического стандарта ментальности»⁶⁴. Измененные социальные установки легли в основу стратификации общества, обостряя социальное неравенство. Сегодня все более четко видится разделение российского общества на группы, представители которых обладают разными жизненными шансами⁶⁵.

Социальные установки, или «attitude», широко представлены в предметной области как в отечественных, так и в западноевропейских и американских социально-психологических исследованиях регуляции поведения⁶⁶. В обобщенном виде различные социально-психологические теории послужили основой для диспозиционной концепции регуляции социального поведения личности, разработанной научным коллективом под руководством В.А. Ядова⁶⁷. В концепции постулируется иерархическая система социальных установок, разделенная на вертикальные и горизон-

⁶³ Андреева Г.М. Психология и общество. Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 5. С. 8.

⁶⁴ Разумовский И.В. Формирование современной российской ментальности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 139.

⁶⁵ Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 80.

⁶⁶ Липман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчунова ; под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.; Шибутани Т. Социальная психология. М. : Прогресс, 1969. 534 с.; Ядов В.А. Внутренняя регуляция социального поведения субъекта: (подход к построению диспозиционной теории) // Проблемы социальной психологии. Тбилиси, 1976. С. 177-204.

⁶⁷ Ядов В.А. Внутренняя регуляция социального поведения субъекта: (подход к построению диспозиционной теории) // Проблемы социальной психологии. Тбилиси, 1976. С. 199.

тальные уровни. Верхние уровни вертикального разделения содержат ценностные ориентации и базовые социальные установки (первый уровень) и социальные установки (второй уровень). Горизонтальное разделение заключается в выделении в соответствии с концепцией М. Смита⁶⁸ когнитивной, эмоциональной (аффективной) и поведенческой (конативной) подсистем. При этом социальная установка опосредует отношения человека с другими людьми, так как может выступать как средство сохранения отношения с другими либо как средство разрыва этих отношений. Установка способствует идентификации человека с группой (позволяет взаимодействовать с людьми, принимая их установки) или приводит его к противопоставлению себя группе (в случае несогласия с установками других членов группы)⁶⁹.

Традиционно термин «социальный стереотип» связывают с именем У. Липпмана, который определил первоначально его отличительные признаки (схематичность, детерминированность культурой) и основные функции (экономия усилий человека при восприятии сложных социальных объектов, защита ценностей и прав)⁷⁰.

Стереотипы предполагают приблизительную группировку людей на основании какого-то «легко различимого признака, поддерживаемого широко распространенными представлениями относительно свойств этих людей»⁷¹. Это обуславливает наличие связи стереотипа с социальной категоризацией, когда при отнесении воспринимаемого человека в определенные категории ему приписываются «качества, которые считаются типичными для людей этой категории»⁷².

Большинство исследователей указывают на тот факт, что стереотипы облегчают процессы опознания и принятия решений в типовых ситуациях. Они являются средством организации опыта людей и в то же время «ограничителем», удерживающим в рамках привычного образа мыслей и действий, что позволяет отдельным ученым придавать негативный смысл социальным стереотипам. Так, по мнению П. Штомпки: «Стереотип –

⁶⁸ Smith M.B. The personal setting of public opinion // Public Opinion Quarterly. 1947. Vol. 3. Pp. 517-523.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Липман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчунова ; под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

⁷¹ Шибутани Т. Социальная психология. М. : Прогресс, 1969. С. 98.

⁷² Tajfel H. Social stereotypes and social groups // Key readings in social psychology. Intergroup relations: Essential readings / M.A. Hogg, D. Abrams (eds.). New York, NY, US: Psychology Press, 2001. Pp. 132-145.; Taguiri R. Person perception // The Handbook of Social Psychology. 1969. Vol. 3. Pp. 395-449.

это упрощенный, односторонний, крайне утрированный образ определенной группы, трактующий всех членов этой группы недифференцированно, независимо от их индивидуальных особенностей»⁷³.

Основные функции стереотипов состоят в выделении «своего» в противовес «чужому», разграничении «внутригруппового» (принадлежащего ингруппе) и «внегруппового» (принадлежащего аутгруппе)⁷⁴, содействии созданию и поддержанию групповых идеологий⁷⁵, что в конечном итоге и приводит к социальной категоризации.

В. Дуаз выделил четыре уровня стереотипов, включающие как личные, так и коллективные представления⁷⁶. Личные – в виде представлений человека о своей социальной среде и представлений, складывающихся в ситуациях межличностного общения. К коллективным относятся представления, формирующиеся в межгрупповых отношениях, и общественная идеология.

В исследовании при определении возможных социальных установок в ситуации социальной уязвимости мы отталкивались от следующих концепций:

1) диспозиционная теория В.А. Ядова и концепция трехчленного (когнитивно-эмоционально-конативного) построения аттитудов М. Смита, что обусловило выделение когнитивного (социальный стереотип), эмоционального и поведенческого уровня социальных установок;

2) теория социального стереотипа (Doise⁷⁷, Taguiri⁷⁸) в сочетании с концепцией социальной эксклюзии (Ф. Бородкин⁷⁹), что обусловило разделение социальных установок на два вида: установки со стороны общества на проблемы социальной уязвимости, социальной эксклюзии и установки личности – представителя социально уязвимых групп (табл. 1.2).

⁷³ Штомпка П. Социология: анализ современного общества / пер. с пол. С.М. Червонной. М. : Логос, 2005. С. 316.

⁷⁴ Quasthoff U.M. Ethnozentrische Verarbeitung von Informationen: Zur Ambivalenz der Funktionen von Stereotypen in der interkulturellen Kommunikation // Wie verstehen wir fremdes: Aspekte zur Klärung von Verstehensprozessen: Dokumentation eines Werkstattgesprächs des GoetheInstituts München vom 24.-28. November 1988. – München : Iudicium, 1989. Pp. 37-62.

⁷⁵ Tajfel H. Social stereotypes and social groups // Key readings in social psychology. Intergroup relations: Essential readings / M.A. Hogg, D. Abrams (eds.). New York, NY, US: Psychology Press, 2001. Pp. 132-145.

⁷⁶ Doise W. Images, representations collectives et ideologies dans la psychologie sociale // Social Science Information. 1978. Vol. 17 (1). Pp. 41-69.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Taguiri R. Person perception // The Handbook of Social Psychology. – 1969. – Vol. 3. – Pp. 395-449.

⁷⁹ Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 5-17.

Таблица 1.2. **Теоретико-методологические основы исследования ментальных аспектов социальной эксклюзии**

Наименование теории	Основные положения	Виды социальных установок
Диспозиционная теория В.А. Ядова и концепция трехчленного (когнитивно-эмоционально-конативного) построения аттитудов М. Смита	1. Ценностные ориентации и базовые социальные установки (когнитивный аспект: надролевые знания ценностно-нормативного характера; Эмоциональный фон, “сжатый” когнитивными образованиями. Реализуются как поведенческие программы) 2. Социальные установки (когнитивный аспект: знания преимущественно ролевого характера, согласованные эмоционально; Эмоциональный фон, который соотносится с типичными ситуациями и социальными объектами. Эмоциональные составляющие могут доминировать над когнитивными, реализуются как ситуативные поведенческие планы)	Уровни: 1) когнитивный 2) эмоциональный 3) поведенческий
Теории социального стереотипа (Р. Таджури, В. Дааз)	Четыре уровня стереотипов: индивидуально-психологические особенности формирования представлений человека о своей социальной среде; представления, складывающиеся в ситуации межличностного общения; коллективные представления, формирующиеся в межгрупповых отношениях; идеология, которая складывается под влиянием определенных исторических условий данного общества.	1) установки со стороны общества 2) установки личности – представителя социально уязвимых групп
Концепция социальной эксклюзии (Ф. Бородкин)	В феномене социальной эксклюзии разделяет ситуацию эксклюзии и личностную составляющую	
Источник: составлено авторами.		

На когнитивном уровне система установок со стороны общества включает следующие элементы: общий образ категории; определение области ограничения прав и причин попадания в категорию «социально уязвимые группы населения»; поиск выхода из трудной жизненной ситуации (доноры и реципиенты помощи, ее эффективность).

На когнитивном уровне система установок со стороны личности как представителя социально уязвимых групп населения охватывает осознание трудной жизненной ситуации и своей уязвимости; самоидентификацию с социально уязвимой категорией; деление на группы «своих» (ингруппа) и «чужих» (аутгруппа); определение области ограничения прав и причин попадания в категорию «социально уязвимые группы населения»; поиск выхода из трудной жизненной ситуации; а также характеристики личности: ценности и локус контроля.

Ментальность

Стереотипы связаны с социальным научением и, в соответствии с когнитивным подходом, возникают вследствие познавательных процессов. С позиций некоторых исследователей сущность понятия «социальный стереотип» находит свое отражение в понятии «ментальность». Например, А. Гуревич отмечает, что на ментальном уровне речь идет о стереотипах и привычках, так называемых «автоматизмах» сознания.

Ментальность связана с когнитивной сферой, проявляется через поведение представителей тех или иных групп, выражается в стереотипах поведения, в т.ч. принятия решений. Типовое поведение, характерное для представителей той или иной общности, позволяет выделить черты общественного характера и говорить о социальном или национальном типе.

Как уже было показано ранее, ментальность раскрывается через систему взглядов, оценок, стереотипов поведения, формирует «картину мира», в значительной степени определяет образ жизни, поведение людей и взаимоотношения между ними. Она позволяет социальной общности и отдельным индивидам по-своему воспринимать мир и себя в этом мире, выступает своего рода критериальным основанием для мышления и деятельности.

Несмотря на то что понятие «ментальность» исследуется в течение длительного периода времени, тем не менее до сих пор продолжают сохраняться дискуссионные вопросы. Иллюстрацией этого является наличие в научной литературе различных толкований этого понятия: например, с позиций *национального характера* (Н.О. Лосский), *социальных представлений* (С. Московичи), *системы норм поведения* (И.Г. Дубов), *критериальной основы личностного и общественного сознания* (Б.С. Гершунский), *социального мышления* (К.А. Абульханова-Славская), *ценностных ориентаций и социальных установок* (Д.В. Оборина), *мотивов и предпочтений* (В.А. Соснин) и других⁸⁰.

Принимая во внимание всё вышеобозначенное, отметим актуальность определения подходов к трактовке ментальности, выявления этапов эволюции понятия, определения структурных компонентов.

Исследование различных формулировок ментальности позволило выделить как специфические, так и общие признаки, последнее стало

⁸⁰ Данилевич А.И. Национально-культурная ментальность в смысловом пространстве концептосферы (на материале фразеологии русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. культур. : 24.00.01. СПб., 2015. 24 с. (С. 27-29).

основой для объединения схожих определений в группы. Системный подход к трактовке ментальности даёт возможность, с одной стороны, учесть устойчивые образцы мышления и поведения, ценностные ориентации, с другой – их проявленность в поведении, использование для восприятия внутреннего и внешнего мира, интеллектуальных, духовных и волевых качеств. В рамках структурного подхода обращается внимание на составляющие ментальности, которые характерны для населения как на индивидуальном, так и на страновом уровне. В связи с этим на первый план выходит определение не только компонентов, но и уровней, на которых представлена ментальность (индивидуальный, групповой и др.).

«Уровневая природа ментальности» рассматривается в подходе Б.С. Гершунского, который выделяет *индивидуальную ментальность*, проявляющуюся в действиях конкретного человека, *общественную ментальность* (*профессиональную ментальность* – для профессиональных групп), связанную с групповым способом действий, позволяющую отличить одно сообщество от другого, *ментальность социума* – на уровне всего народа, проживающего в данной стране, объединенного в различные группы⁸¹. Такой подход к исследованию ментальности соотносится с позицией Э. Фромма, рассматривающего понятие «социального характера», важного для интерпретации общественных процессов.

Другой подход к трактовке ментальности, в соответствии с которым выделяется *примитивная* (акцент на чувстве единения с природой) и *цивилизованная (современная) ментальность* (обращается внимание на логичность, организованность и рациональность поведения индивида и группы), представлен в работах Л. Леви-Брюля и Э. Кассиреры. Помимо этого выделяют *чувственную и идеациональную ментальность* (безразличие к эмпирическому миру, невмешательство в его дела) (П.А. Сорокин); *городскую, провинциальную* (Г.В. Акопов, Т.В. Иванова); *дописменную, письменную и медиаментальность* (В.А. Шкуратов)⁸² и т.д.

Анализ многочисленных определений ментальности (табл. 1.3) позволяет выделить сущностные признаки, содержащиеся во многих формулировках. Среди них образ мышления (склад ума), способ видения мира, система ценностей, особенности психической жизни, национальный

⁸¹ Демкина Е.В. Предпосылки исследования проблемы «ментальности» и «менталитета» в трудах зарубежных и отечественных мыслителей // Социосфера. 2011. № 4. С. 18-23.

⁸² Данилевич А.И. Национально-культурная ментальность в смысловом пространстве концептосферы (на материале фразеологии русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. культур.: 24.00.01. СПб., 2015. 24 с. (С. 27-29).

характер, регулятор нормативного отношения к миру, модель поведения, принадлежность к определенной общности по социальному или национальному признаку⁸³.

Таблица 1.3. Примеры определений понятия «ментальность»

Автор	Определение ментальности
Дюби Ж.	Ментальность – система образов и представлений, различная у разных социальных групп и страт, которой они руководствуются в своем поведении и в которой выражено их представление о мире в целом и об их собственном месте в этом мире. Все элементы системы тесно взаимосвязаны и сочленены.
Метелев	Ментальность – система надындивидуальных, устойчивых, преемственных и неосознаваемых предпосылок, представлений, образов и образцов мышления, которые стоят за многочисленными культурными явлениями и фактами, но вместе с тем проявляются в особенностях мышления и поведения.
Гуревич А.Л.	Ментальность – совокупность «свойственных определённой социальной среде умонастроений, неявных установок мысли и ценностных ориентаций, навыков сознания».
Алиференко	Ментальность – совокупность типичных проявлений в категориях родного языка своеобразного (сознательного и бессознательного) восприятия внешнего и внутреннего мира, специфическое проявление национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества.
Новый методический словарь	Ментальность – совокупность умственных навыков, духовных установок и культурных традиций, присущих отдельному человеку или человеческой общности.
Большой энциклопедический словарь	Ментальность – образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе.
Гершунский Б.С., Грошев И.В., Дубов И.Г., Сонин В.А., Стефаненко Т.Г., Семенова Т.В.	Ментальность – нечто общее для всех людей данной группы, связывающее их и отличающее от представителей других групп.
Микешина Л.А.	Ментальность – неосознанные представления, верования, ценности, традиции, модели поведения и деятельности различных этнических и социальных групп, слоев, классов общества, над которыми надстраиваются теоретические и идеологические системы.
Словарь иностранных слов	Ментальность – внутренний, интеллектуальный мир индивида, его духовность; характерный для личности или общественной группы способ мышления; склад ума; мировосприятие.
Иванова Т.В.	Ментальность – это выражение группового сознания в историческом времени и географическом пространстве.
Гуревич А.А., Оборина Д.В.	Ментальность – принятые в конкретном сообществе способы реагирования на окружающую действительность определенным образом, или «групповые поведенческие стереотипы».
Калина, Черный, Шоркин	Ментальность – процесс «вторичной перекодировки» картины мира с помощью знаковых систем, способ реализации модели мира в различных семиотических воплощениях, которые образуют универсальную систему.
Источник: составлено авторами.	

⁸³ Жуковская Л.И. Семантическое наполнение концепта «менталитет/ментальность» и его языковое воплощение в современном русском языке : дис. канд. филол. наук : 10.02.01. Н. Новгород, 2015. 197 с. (С. 55-78).

Учитывая многообразие структурных компонентов ментальности, существующие определения мы структурировали в зависимости от преобладания в формулировках тех или иных составляющих, например психологических (сознательное/бессознательное) или нормативных (нормы, которые лежат в основе поведения тех или иных социальных групп).

Акцентирование внимания на структурных составляющих ментальности осуществляется и в рамках различных школ (традиций). В американской – акцент сделан на мышлении, предопределяющем разные типы поведения, в германской – на исторических традициях, детерминирующих особенности характера, во французской – помимо мыслительной и чувственной составляющих, на социальных аспектах (социальных взаимосвязях между людьми). Несмотря на обозначенные различия, можно выделить сходства не только структурных компонентов ментальности, но и их воздействия на поведение (табл. 1.4).

Таблица 1.4. **Подходы (традиции, школы) к трактовке понятия «ментальность»**

Автор	Подходы (традиции, школы)	Содержание
Додонов Р.А.	Описательные определения	Признаки ментальности (совокупность представлений, способов поведения и реакций, которые, скорее всего, бессознательны)
	Психологические определения	Сознательный или бессознательный уровень психологии этноса
	Нормативные определения	Нормы, характерные для данного социального или этнического образования
	Структурные определения	Структура ментальных процессов (коллективного объяснения действительности)
	Генетические определения	Происхождение феномена (родовая память, историческая память)
Шкуратов В.А.	Англосаксонская традиция понимания ментальности	Ментальность как ум, мышление, образ мыслей
	Французская традиция понимания ментальности	Ментальность как то, что имеет место между людьми; социальное влияние, культурный код, который связывает между собой людей.
Кардинер А., Бенедикт Р., Мид М., Липтон Р.	Американская этнопсихологическая школа	Наличие специфических черт национального характера, проявляющихся в устойчивом культурном поведении Модель национально-этнической группы, в которой соединены общие для ее представителей черты национальной культуры
Вунд В., Лацарус М., Штейнталь Х., Берстон А.	Германская школа психологии народов	Подчеркивается наличие трансформаций в ментальности Рассматриваются формы жизни как способы социального поведения, укорененные в исторических традициях Образ жизни каждого народа управляется господствующими в стране обычаями, определяющимися особенностями характера

Окончание таблицы 1.4

Автор	Подходы (традиции, школы)	Содержание
Блок М., Февр Л. и др.	Французская историографическая школа «Анналы»	«Умственное оснащение» социальной общности, которое позволяет ей по-своему воспринимать как окружающую среду, так и самих себя Эволюционно и исторически сложившаяся структура, определяющая мысли, чувства, поведения и формирующая систему ценностей и норм индивида или социальной группы
Источник: Ашхамахова А.А. Феномен менталитета: анализ зарубежных исследований // Современное право. 2006. № 1. С. 62-66.		

Характеризуя эволюцию понятия, следует отметить, что в обобщенном виде выделяют три этапа, разнящихся по содержательному наполнению «ментальности» и по востребованности и употребимости этого понятия. *Первый этап* – имплицитный, связанный с достаточно редким его употреблением в научной литературе в целом, но применением в философской (используются такие понятия, как «психика народа», «дух народа», «этническое сознание»). *Второй этап* характеризуется активным введением исследуемого понятия в научный оборот вследствие формирования и развития французской историографической школы «Анналы». «Ментальность» в 20–30-е гг. XX в. становится самостоятельным предметом исследования, используемым в качестве узкоспециального исторического (Л. Февр и М. Блок) и культурно-антропологического термина (Л. Леви-Брюль)⁸⁴. На третьем этапе понятие активно применяется в психологических, социологических и других гуманитарных науках⁸⁵, что объясняют радикальными политическими и экономическими изменениями, которые приходились на 90-е гг. XX в. и в связи с которыми ментальность стала рассматриваться в качестве не только объекта исследования, но и объекта управления⁸⁶.

Анализ различных подходов к определению ментальности позволяет сделать вывод о ее связи с поведением. Подобное обусловливается самой структурой и иерархическими уровнями ментальности, среди которых *позна- тивно-смысловой, ценностно-целевой и поведенческий*. С одной стороны,

⁸⁴ Жуковская Л.И. Семантическое наполнение концепта «менталитет/ментальность» и его языковое воплощение в современном русском языке : дис. канд. филол. наук : 10.02.01. Н. Новгород, 2015. 197 с. (С. 55-78).

⁸⁵ Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. Запорожье : РА «Тандем-У», 1998. 191 с.

⁸⁶ Ракитянский Н.М. Понятие сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. № 6. С. 89-102.

ментальность и поведение соотносятся как «целое–часть», с другой стороны, их можно рассматривать с позиций «объект – проявленность объекта вовне». Ментальность на поведенческом уровне характеризуется с точки зрения готовности действовать определенным образом в соответствии со сложившимися установками (устойчивыми, повторяющимися в различных ситуациях особенностями действий и поступков). Регулятором поведения выступает убежденность, с помощью которой устанавливаются способы и механизмы, сохраняющие направленность действий в изменяющихся условиях.

В исследовательской литературе выделяют несколько типов ментальности и обусловленных ими особенностей поведения (табл. 1.5).

Таблица 1.5. **Примеры отдельных типов ментальностей и обусловленных ими особенностей поведения**

Тип ментальности	Основные характеристики	Особенности поведения
Инбредный	Недостаточно глубокое восприятие абстрактных форм «Расплывчатость мировоззренческих убеждений», изменяемость взглядов и представлений Низкая оценка человеческой жизни (отсутствие страха смерти) Сильное восприятие угрозы ближнему окружению (связь с личной опасностью) Преобладание коллективных интересов над индивидуальными Поддерживается концепция силы и власти, основанная на физической и военной мощи	Высокая жизненная активность Решительность Стремление к риску Наличие страхов, комплексов и недовольства в связи с противоречиями, не допускающими однозначного решения.
Ноблевский	Преобладание чувственных способов познания мира Утонченное восприятие и возвышенное представление о мире Служение идеалам, стремление к личной независимости Обособление от других людей, одиночество Страх показаться слабым Противоречия между долгом по отношению к разным людям Направленность на аристократическую форму правления	Демонстративность поступков Утонченность в манерах и стиле одеваться.
Интельский	Развитие научных способов познания мира Стремление к абстрагированию, серьезное отношение к понятиям Высокая значимость накопления информации и обобщения Высокая ценность познания Стремление к участию в научных сообществах, политических союзах	Отсутствие демонстративности Пренебрежение к комфорту Высокая работоспособность.

Окончание таблицы 1.5

Тип ментальности	Основные характеристики	Особенности поведения
Бюргерский	Предпочтение овеществленным формам восприятия мира Стремление к функциональности (в питании – полезные продукты, в чтении – рекомендованная литература) Преобладание традиционных ценностей (семья, здоровье) Страх потери социального статуса Тяготение к демографическим формам правления	Высокая степень работоспособности Рациональность и бережливость во всех сферах жизнедеятельности.
Источник: Гриценко Е.А. Менталитет как элемент институциональной архитектуры // Институциональная экономика и динамика экономических преобразований / под ред. д-ра экон. наук А.А. Гриценко. Харьков : Форт, 2008. С. 802-819.		

Обобщение обозначенных особенностей поведения позволяет выделить ключевые его аспекты, среди которых стереотипы потребления (престижное, демонстративное поведение или психология прожиточного минимума), *нормы взаимодействия хозяйствующих субъектов* (равенство/неравенство при взаимодействии), *общепринятые стереотипы взаимоотношений общества и индивида* (самостоятельность или коллективный характер решения задач)⁸⁷. Это дает основания говорить о ментальности как о системе устойчивых норм, убеждений и ценностей, которые определяют поведение членов общества и являются выражением исторически сложившегося образа мыслей, детерминирующего характер действий и взаимодействий индивидов.

В ментальности сконцентрировано то, посредством чего отдельным индивидом усваивается социальный опыт, определяются ориентиры поведения. Основы ментальности закладываются в малых социальных группах, прежде всего в семье, посредством литературных образов, представленных в сказках, легендах и мифах. Поэтому можно вести речь о влиянии на ментальность социокультурной среды. Ментальность проявляется в поведении, особенно в сложных ситуациях, в случае неопределенности, риска. Именно в таких условиях не только наиболее ярко высвечивается характер менталитета, но и усиливается его воздействие на окружающий мир⁸⁸.

⁸⁷ Малиновский Л.Ф. Национальный экономический менталитет как общественный институт // Вестник МГОУ. Серия: Экономика. 2015. № 3. С. 24-29.

⁸⁸ Гриценко Е.А. Менталитет как элемент институциональной архитектуры // Институциональная экономика и динамика экономических преобразований / под ред. д-ра экон. наук А.А. Гриценко. Харьков : Форт, 2008. С. 802-819.

Обобщая, отметим следующее:

1. При определении социальных установок в ситуации социальной уязвимости нами использовались диспозиционная теория В.А. Ядова и концепция трехчленного (когнитивно-эмоционально-конативного) построения аттитюдов М. Смита, что обусловило выделение когнитивного (социальный стереотип), эмоционального и поведенческого уровня социальных установок. Помимо этого учитывались положения теории социального стереотипа (Taguiri, Doise) в сочетании с концепцией социальной эксклюзии (Ф. Бородкин), что позволило разделить социальные установки на два вида: со стороны общества на проблемы социальной уязвимости, социальной эксклюзии и со стороны личности (со стороны представителей социально уязвимых групп). Принималась во внимание и концепция регуляции социального поведения личности, которая разработана научным коллективом под руководством В.А. Ядова, в которой представлена иерархическая система социальных установок, разделенная на вертикальные и горизонтальные уровни.

2. Определено, что социальный стереотип является когнитивным компонентом социальной установки (аттитюда) по отношению к членам стереотипизированной группы, с одной стороны, облегчающим процессы принятия решений в типовых ситуациях, с другой – удерживающим в рамках привычного образа мыслей и действий, что позволяет в ряде случаев придавать негативный смысл социальным стереотипам. Выделены свойства социального стереотипа, которые могут оказывать влияние на стратификацию общества, среди них предвзятость, ригидность, пластичность, большая отчетливость и враждебность при возникновении социальной напряженности между группами.

3. Показана связь социального стереотипа с ментальностью. Выделено несколько подходов к определению последней, среди которых системный, учитывающий как различные структурные составляющие, так и их проявленность в действии; структурный, в котором внимание обращено на компоненты ментальности (например, психологические или нормативные определения ментальности) и их уровневую природу, а также подход, учитывающий аспекты, связанные с проявленностью ментальности. Показано, что, несмотря на различие в формулировках, помимо структурных компонентов ментальности зачастую рассматривается их воздействие на поведение.

4. Выявлено, что взаимосвязь между ментальностью и поведением можно рассматривать с позиций «целое–часть», а также «объект–проявленность объекта». При этом в структуре ментальности среди «поведен-

ческих компонентов» выделяют стереотипы потребления (престижное, демонстративное поведение или психология прожиточного минимума), нормы взаимодействия хозяйствующих субъектов (равенство/неравенство при взаимодействии), общепринятые стереотипы взаимоотношений общества и индивида (самостоятельность или коллективный характер решения задач).

1.3. Связь инклюзии социально уязвимых категорий населения и уровня модернизации регионального сообщества

Бесспорно, модернизация современной России – это назревшая необходимость. Данная задача актуальная и весьма сложная, поскольку требуется инновационное и высокотехнологичное развитие не только экономики страны, но и общественной жизни. Качественный рост, саморазвитие, выход на передовые позиции означает проведение системной модернизации, которая охватывала бы все сферы жизнедеятельности, все уровни организации государственной и общественной жизни. Здесь должны учитываться интересы всех социально-демографических групп и каждой личности. Поэтому встает вопрос: насколько же совместимы интересы государственной модернизации с интересами миллионов жителей, которые ее осуществляют? Возникают также и другие, не менее важные вопросы: насколько модель модернизации отвечает первоочередным потребностям граждан, кто может стать активным участником данного процесса, какова доля людей готовых к ней и ее противников? Поставленные вопросы приобретают особое значение в условиях политической нестабильности и недавних экономических кризисов, которые пошатнули материальное положение обычных граждан. На наш взгляд, это означает следующее: наряду с пониманием задач модернизации, необходимо понимать и настроения общества, насколько модель модернизации, предлагаемая «сверху», отвечает менталитету, ценностям, интересам и возможностям населения. Важно выяснить, готово ли российское общество к модернизации и что нужно сделать, если нет.

В последние годы над изучением модернизационной парадигмы работают множество ученых из различных областей научного знания, рассматривая экономические, социокультурные, политические, демографические аспекты. В рамках данного параграфа наибольший интерес представляет исследование связи социокультурной модернизации и уровня модернизированности регионального сообщества. Это направление раскрывается в работах Н.И. Лапина, Т.И. Заславской, Н.Е. Тихоно-

вой, В.А. Ядова, А.С. Ахиезера, С.Г. Кирдиной, В.А. Красильщикова. Например, Н.Е. Тихонова под социокультурной модернизацией подразумевает формирование определенного типа сознания и детерминируемых им поведенческих практик индивидов, протекающее во внутреннем единстве с формированием соответствующих общественных институтов⁸⁹. Н.И. Лапин отмечает, что социокультурная модернизация способствует «культурному» и эффективному преодолению барьеров, сдерживающих социоэкономическую модернизацию. Ее следует понимать в широком смысле этого слова, согласно принципам социокультурного – антропосоциетального подхода⁹⁰. Опыт развитых стран показывает, что посредством только экономического роста невозможно осуществить всеобъемлющую модернизацию. Не менее значимую, скорее даже, основную роль несет социокультурное обновление всей социальной системы страны, вставшей на путь модернизации. Гуманистическое основание модернизации представляет комплекс социальных и культурных преобразований, которые называются «социокультурная модернизация». Она подразумевает воспитание и установление ценностей, в фокусе которых находится человек и его развитие как полноценной личности. При этом первостепенным условием развития служит взаимосвязь с развитием институциональной среды. Социокультурная модернизация предполагает качественные перемены в социуме, сбалансированное формирование современной инфраструктуры и общественного сознания, политическую стабильность, гарантирующую гармоничное инновационное развитие общества. Инновации и их востребованность должны стать новой традицией культуры, при этом не должны разрушаться основы человеческой социальности, нравственные ориентиры и гуманистические смыслы цивилизации. На наш взгляд, модернизированным считается такое общество, в котором происходит обновление социокультурных, экономических, духовных и политических основ жизни путем принятия обществом различных новаций.

Основой использованной методологии выступает социокультурный подход, разработанный Н.И. Лапиным и реализованный в методике ЦИСИ ИФ РАН «Социокультурный портрет региона»⁹¹. Главная цель этой мето-

⁸⁹ Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 5-23.

⁹⁰ Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3-18.

⁹¹ Проблемы социокультурной модернизации регионов России / под общ. ред. Л.А. Беляевой, Н.И. Лапина. М. : Academia, 2013. 416 с.

дики – представить регионы с позиции социокультурных территориальных сообществ в их целостности, своеобразии и в контексте социокультурного пространства России как дифференцированного целого⁹². В ходе проведенного в 2017 г. социологического исследования (анкетирование жителей СЗФО) были получены субъективные оценки населения о его ценностных ориентациях и готовности к инновационной деятельности как показателей социокультурной модернизированности общества.

Изучать то, насколько россияне готовы к модернизации, невозможно без четкого понимания особенностей их повседневной жизни. Как же сейчас живут россияне? Каково их социальное самочувствие? Как сказались на них политические международные санкции? Ответы на подобные вопросы позволяет понять тот формат, в котором должна проходить модернизация страны, главными акторами которой выступают россияне. Начнем с того, как население оценивает нынешнее положение России в целом и сложившуюся в ней ситуацию. Полученные ВЦИОМ данные показывают, что в 2017 г. индекс согласия населения с тем, что дела в стране идут в правильном направлении, равен 57, что гораздо позитивнее, чем было в 2009 г. (в период финансово-экономического кризиса индекс равнялся 18). Однако данный показатель снизился на 20 п.п. по сравнению с уровнем 2014 г. (рис. 1.1).

Рисунок 1.1. Индексы положения дел в стране в 2005–2017 гг. по данным ВЦИОМ

Источник: Рейтинги и индексы [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. – Режим доступа: http://wciom.ru/news/ratings/indexsy_socialnogo_samochuvstviya/

⁹² Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М. : Academia, 2009. 807 с.

Сравним также оценку экономического положения России в целом. Как видно из графика, значения представленных кривых сильно коррелируют, однако кризис довольно значительно изменил эту картину и с 2009 года экономическая ситуация оценивается населением негативнее, чем ситуация в общем (разница оценок от 4 до 25 п.п.).

Низкие оценки россиянами экономического положения страны связаны с падением курса рубля, повышением инфляции, снижением реальных доходов населения. Более высокие оценки в целом вектора развития России скорее всего увязаны с одобрением политической обстановки в стране (в 2014 г. индекс одобрения политической обстановки был равен 77, в 2017 г. – 58), а именно с событиями вокруг Украины, воссоединением Крыма, ответом РФ на санкции и контрсанкции.

Посмотрим теперь детальнее на оценки населением политики, которую проводит государство. Каждый второй россиянин поддерживает внешнюю политику России и то, как главой государства обеспечивается безопасность страны, ее суверенитет, продвижение курса на укрепление международного мира, обеспечение всеобщей безопасности и стабильности в целях утверждения справедливой демократической международной системы⁹³. Внутреннюю политику одобряют гораздо меньше граждан – только каждый третий респондент. А экономическую и социальную политику – каждый четвертый. При этом велика доля недовольных – 40% опрошенных (рис. 1.2).

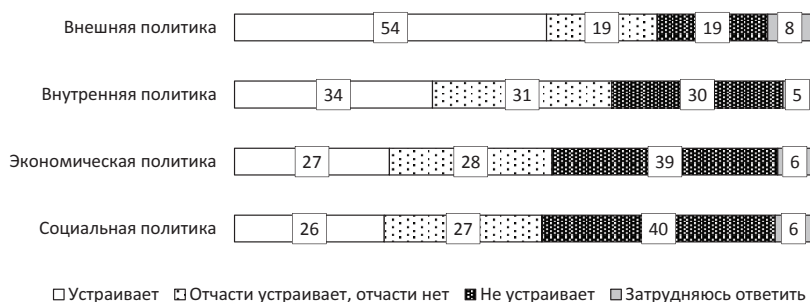

Рисунок 1.2. **Распределение ответов на вопрос «В какой мере Вас устраивает политика, которую проводят власти нашей страны?» 2017 г., в %**

Источник: Рейтинги и индексы // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: https://wciom.ru/news/ratings/ocenka_vlastej/

⁹³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) URL: <http://www.consultant.ru/>

Приведенные данные свидетельствуют о нестабильности экономической ситуации, о том, что материальное положение населения не улучшается год от года, а скорее наоборот. Так в 2016 году по сравнению с предыдущим падение реальных располагаемых денежных доходов населения составило 5,9%, а реального размера назначенных пенсий – 3,4%. От уровня 2013 г. в 2016 г. реальные располагаемые денежные доходы населения составили 90,5%, реальная начисленная заработная плата – 92,6%, реальный размер назначенных пенсий – 93,8%. В структуре использования денежных доходов населения в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом снизилась доля сбережений (с 14,3 до 11,3%)⁹⁴.

Обратимся к детальным оценкам уровня обеспеченности населения социальными благами и услугами. По данным исследования ФГБУН ВолНЦ РАН в 2017 г. наблюдаются существенные различия в уровне удовлетворенности деятельностью объектов социальной инфраструктуры. Первое и второе место занимают телефонная связь и торговля – хороший уровень обеспеченности их услугами отметили более половины опрошенных (рис. 1.3). Уровень обеспеченности ниже среднего (от 35 до 50%) имеют транспортная связь, образование и культура. Замыкают список здравоохранение и услуги ЖКХ.

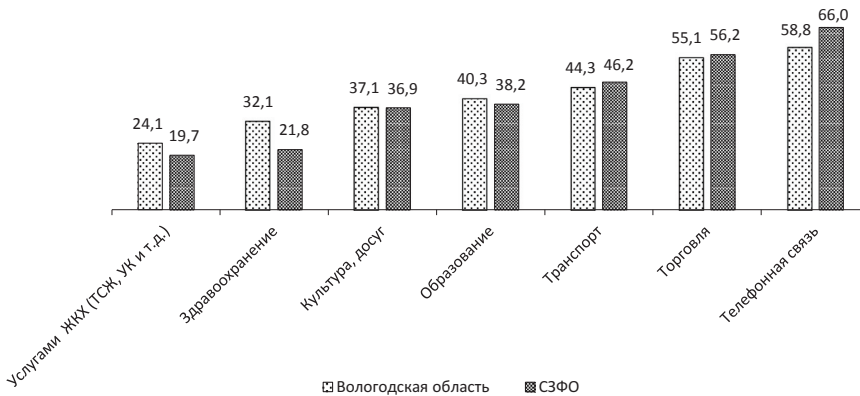

Рисунок 1.3. Доля населения, отметившего хороший уровень обеспеченности услугами, 2017 г., в %

Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2017 г.

⁹⁴ Российская экономика в 2016 году. Тенденции и перспективы. Вып. 38 / [В. Мау и др.; под ред. Синельникова-Мурылева С.Г. (гл. ред.), Радыгина А.Д.]; Институт экон. политики им. Е.Т. Гайдара. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 520 с. URL: <https://www.iep.ru/files/text/trends/2016/Book.pdf>

За период с 2010 по 2017 г. прослеживается увеличение доли положительных оценок по всем рассматриваемым сферам (рис. 1.4.), за исключением транспорта (снижение на 3 п.п.). Значимый рост доли положительных оценок в отношении обеспеченности услугами здравоохранения и образования (более чем на 13%) свидетельствует о позитивных результатах проводимой модернизации данных систем.

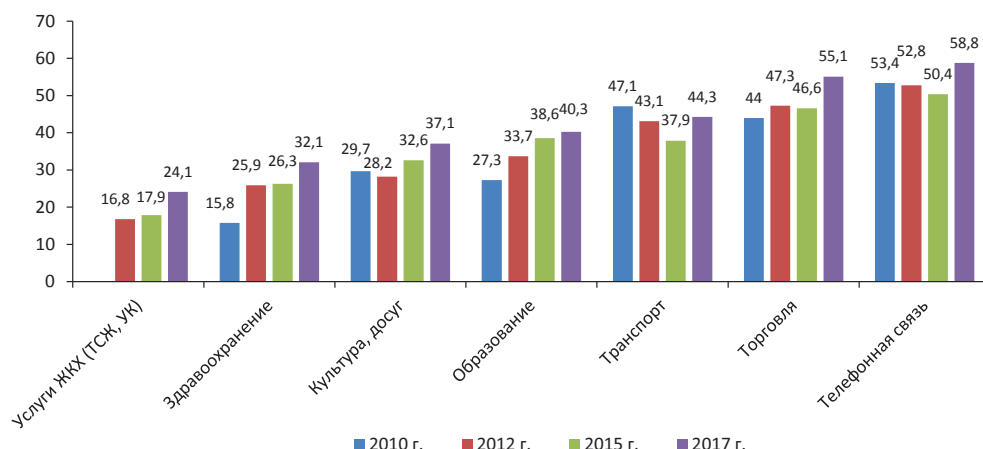

Рисунок 1.4. Доля населения, отметившего хороший уровень обеспеченности услугами, Вологодская область, в %

Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона» в 2010, 2012, 2015 гг. и «Социокультурная модернизация региона» в 2017 г., проведенных ФГБУН ВолНЦ РАН.

Обрисовав ситуацию, в которой находятся сейчас россияне, и выяснив их оценки в отношении социально-экономического положения страны и деятельности основных институтов, перейдем к вопросу о том, модернизируемо ли российское общество, какова доля людей, готовых к модернизации и нововведениям. Важно понять представления жителей России о наилучшем пути её модернизации, о модели общества. Так, по данным Института социологии РАН⁹⁵ три четверти россиян относятся к термину «модернизация» положительно, а у четверти он вызывает скорее негативные чувства. Кроме того, этот термин в понимании людей имеет совершенно разные значения. Судя по ответам на вопрос «Какая идея должна стать ключевой для модернизации России?», можно получить представ-

⁹⁵ Исследование проведено Институтом социологии РАН в марте–апреле 2010 г. и охватило 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представляющих основные социально-профессиональные группы населения.

ление о том, что же население подразумевает под модернизацией⁹⁶. Наибольшее количество её сторонников в качестве первостепенной идеи для российской модернизации набирает равенство всех перед законом, соблюдение гарантированных Конституцией прав человека (41%)⁹⁷. Отметим также, что жесткая борьба с коррупцией тоже является важным признаком модернизации (38%). На третьем месте по актуальности стоит вопрос обеспечения социальной справедливости (31%). Аспекты, связанные с формированием эффективной инновационной экономики, укреплением силы и могущества страны, демократическим обновлением общества, выделены в качестве ключевой идеи модернизации только каждым четвертым-пятым россиянином. Скорее всего, это связано с тем, что население понимает: в сформировавшейся социально-экономической обстановке становление эффективной инновационной экономики невозможно, и, соответственно, ставит во главу угла наиболее насущные проблемы. В целом, исходя из полученных результатов, можно заключить, что среди основных идей модернизации России, по мнению населения, первое место занимают инструментальные ценности. Требования к целям и методам модернизации определяются сквозь те проблемные моменты, которые, по ощущениям людей, еще не решены в российском обществе. Складывающаяся картина достаточно наглядно отражает наиболее важные социальные потребности населения, которые государство на данный момент так и не удовлетворило: равенство перед законом, соблюдение прав человека, ликвидация коррупции, социальная справедливость. Очевидно, что есть потребность в сильном и честном государстве, которое сможет решить проблемы и достичь целей инновационного развития.

Далее рассмотрим вопрос о том, насколько население готово к изменениям и современным образцам поведения. Как показывают результаты исследования ФГБУН ВОЛНЦ РАН, около 50% россиян готовы изучать и использовать в своей работе (в быту) новые технологии (рис. 1.5). Чуть более 40% готовы усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современной жизни, осваивать новые знания и навыки; личностно и профессионально развиваться; стать высококлассными специалистами. Каждый третий житель готов заняться инновационной деятельностью, участвовать в создании чего-то нового. Показательно, что

⁹⁶ Андреев А.Л. Российский менталитет и проблема модернизации // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3 (97). С. 115-135.

⁹⁷ Готово ли российское общество к модернизации: аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2010. С. 20.

аспекты, связанные с модернизацией в традиционном ее понимании – развитием науки и промышленности, инноваций, повышением качества человеческого капитала, чаще выбираются населением в качестве приоритетных. Крайне мала гражданская и политическая активность населения: о готовности заняться общественной или политической деятельностью сообщили 15%. Это свидетельствует о слабости гражданского общества, оторванности политической сферы от жизни общества.

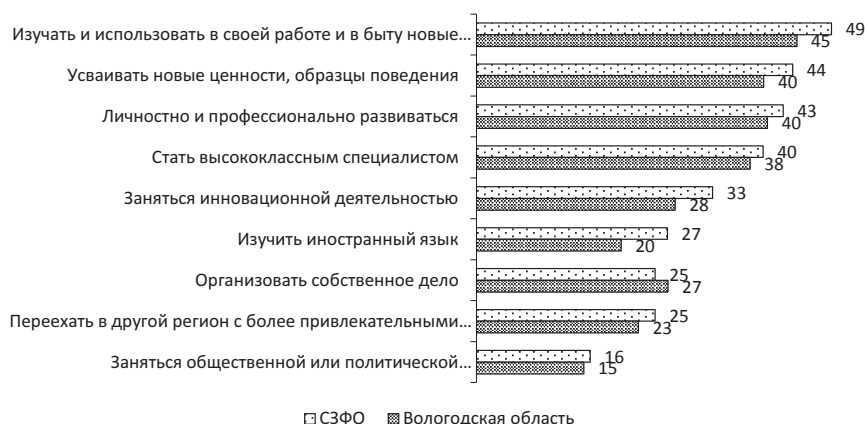

Рисунок 1.5. **Доля жителей, ответивших, что они готовы к следующим изменениям, 2017 г., в % от числа ответивших**

Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенного ФГБУН ВОЛНЦ РАН в 2017 г.

Судя по приведенным данным (табл. 1.6.), готовность к переменам незначительно изменяется в зависимости от пола респондента. Только в двух аспектах – готовности организовать собственное дело и переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда – доля мужчин значимо больше доли женщин (разница более 5 п.п.). Выделилась в этом вопросе молодежь (возраст от 18 до 29 лет), так как её готовность к каким-либо изменениям выше, чем в остальных возрастных группах. Активность населения постепенно падает с увеличением возраста. Естественно, что при этом меняются такие характеристики, как состояние здоровья, уровень образования и производственной подготовки, производительность труда, уровень дохода. В связи с чем форма и направление эволюции возрастной пирамиды населения страны коррелируют со многими макроэкономическими изменениями. Например, старение населения, по мнению многих экспертов, ведет к замедле-

Таблица 1.6. **Доля населения, заявившего о своей готовности к следующим изменениям, 2017 г., в % от числа опрошенных**

Вариант ответа	Пол		Возрастная группа*			Образование			
	Муж- чины	Жен- щины	Моло- дежь	Средний возраст	Пожи- лые	Без обра- зования, началь- ное	Среднее специаль- ное	Незакон- ченное высшее, высшее	Два высших, ученая степень
Изучать и использо- вать в своей ра- боте и в быту новые технологии	50	46	60	56	27	33	43	57	54
Осваивать новые знания и навыки, лично и про- фессионально раз- виваться	44	40	60	51	16	22	38	52	46
Усваивать новые ценности, образцы поведения, соот- ветствующие со- временному образу жизни	44	41	59	49	22	31	37	54	46
Стать высококлас- ным специалистом	42	37	65	47	11	15	33	52	43
Заняться инноваци- онной деятельно- стью (участвовать в создании чего-то нового)	33	29	49	37	11	17	25	43	36
Организовать собственное дело, семейный бизнес	30	22	42	30	9	14	22	33	27
Переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда	28	21	46	26	8	19	20	30	34
Изучить иностран- ный язык	24	24	41	28	9	11	18	36	43
Заняться обще- ственно-политиче- ской деятельностью (участие в работе творческих органи- заций, профсоюзов, политических пар- тий и т.д.)	16	15	24	16	9	10	11	24	32
* Возрастные группы: молодежь – от 18 до 29 лет, средний возраст – от 30 до 54 (59) лет, пожилые – от 55 (60) лет и старше. Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2017 г.									

нию роста в первую очередь в отраслях, требующих от работника хорошего здоровья⁹⁸. Н. Кейфитц и У. Флигер⁹⁹ обнаружили, что в социуме с молодой возрастной структурой отмечается более высокий уровень социальной мобильности и имеется больший потенциал для карьерного роста. Известный специалист в области экономики народонаселения Дж. Саймон¹⁰⁰ утверждал, что рост численности населения и связанное с ним увеличение его потребностей влечет за собой рост интенсивности труда, что, соответственно, способствует прогрессу техники и новым изобретениям.

Население без образования или с незаконченным средним образованием отличается от остальных групп своей пассивностью и низкой мотивацией к освоению чего-то нового и современного. Люди с высшим и незаконченным высшим образованием активнее остальных групп. Более половины из них готовы осваивать новые знания, стать высококлассными специалистами, использовать новые технологии, профессионально развиваться. Каждый третий респондент, имеющий второе высшее образование или ученую степень, готов переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда или заняться общественно-политической деятельностью¹⁰¹. Собственно говоря, последние две выделенные группы – это и есть те люди, которые могут стать активными участниками модернизации (17%). Доля людей, неготовых к ней, составляет 21%. Таким образом, вопрос обеспечения доступности высшего образования весьма актуален, т.к. от него напрямую зависит настоящее и будущее развитие России. Набирающая в последние годы оборот политика коммерциализации образования приводит к снижению его качества и доступности, что неизбежно отразится на науке, культуре и экономике страны. Поэтому задача доступности качественного и бесплатного образования является одной из приоритетных в процессе становления модернизированного и экономически развитого государства.

⁹⁸ Денисенко М.Б. Демографические изменения и экономика // Демоскоп Weekly. 2010. № 429-430. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0429/tema07.php>

⁹⁹ Keyfitz N. Population Change and Social Policy, 1982 URL: <https://www.popline.org/node/378043>; Keyfitz N. World Population Growth and Aging: Demographic Trends in the Late Twentieth Century. Chicago : Chicago Press, 1990. RL: <https://www.press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/W/bo3616520.html>

¹⁰⁰ Simon J. Theory of population and economic growth. Basil Blackwell, New York, 1986. URL: <http://www.popline.org/node/346160>; Simon J. Population pressure on the land: Analysis of trends past and future // World Development. 1983. vol. 11 (9). Pp. 825-834. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0305750X83900943>

¹⁰¹ Груздева М.А. Социокультурная дифференциация регионов Российской Федерации // Проблемы развития территории. 2014. № 3. С. 67-80.

Что касается материально благополучных граждан, то их готовность к изменениям выше, чем малообеспеченных. Каждый второй «богатый»¹⁰² готов осваивать новые знания и навыки, лично и профессионально развиваться. Желание изучать и использовать в своей работе и в быту новые технологии высказывается одинаково активно во всех рассматриваемых группах – от 43 до 52% населения (табл. 1.7)¹⁰³. Категория «нищие» выделяется тем, что среди них больше (29%) желающих переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда, чем в остальных группах. Меньше всего этого хотят «богатые» – 14%.

Можно с уверенностью утверждать, что именно социально-географический фактор является одним из определяющих в социально-экономическом развитии территории. Так, от 42 до 51% жителей городов готовы к переменам, активным действиям и саморазвитию, т.е. к модернизации. Сельское население более пассивно и не намечает в своих жизненных планах таких шагов. На протяжении нескольких десятилетий российские города строились не как инновационные центры, а как структура, осуществляющая контроль над пространством и экономической деятельностью. Их население было лишь частью производственных процессов и механизмов. В последние годы стало меняться функционирование городов, их будущее видится уже в том, чтобы обеспечить более тесную связь людей и производства с целью достижения высокого качества жизни и экономической отдачи¹⁰⁴. Удаленные же от городов поселения начали постепенно вымирать, т.к. у них нет будущего вдали от экономической активности. Инфраструктура многих поселков и деревень такого масштаба потеряла былое значение, внутренняя миграция из периферии к центру в основном экономически активного населения и молодежи ведет к обезлюдению села и упадку экономики этих территорий¹⁰⁵.

¹⁰² Беляева Л.А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Социологические исследования. – 2005. № 4. С. 57-64.

¹⁰³ Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М. : ИФРАН, 2010. 135 с.

¹⁰⁴ Блэйкли Э. Модернизация города URL: http://www.smoro.ru/info_base/?SECTION_ID=16552

¹⁰⁵ Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7-17.

Таблица 1.7. Доля населения, готового к следующим изменениям, СЗФО, 2017 г., в % от числа ответивших

Вариант ответа	Место жительства		Самооценка материального положения*					
	Город	Село	Нищие	Бедные	Необеспеченные	Обеспеченные	Зажиточные	Богатые
Изучать и использовать в своей работе и в быту новые технологии	51	36	43	46	49	52	48	45
Усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни	45	33	37	38	44	49	44	39
Осваивать новые знания и навыки, лично и профессионально развиваться	44	36	35	39	44	46	45	49
Стать высококлассным специалистом	42	30	33	36	39	45	44	41
Заняться инновационной деятельностью (участвовать в создании чего-то нового)	33	23	30	26	29	35	39	47
Изучить иностранный язык	27	15	23	24	23	26	26	39
Переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда	26	18	29	23	24	22	26	14
Организовать собственное дело, семейный бизнес	27	22	23	24	25	28	29	29
Заняться общественно-политической деятельностью (участие в работе творческих организаций, профсоюзов, политических партий и т.д.)	16	12	16	14	15	16	18	22

* Группы материального благополучия определялись в зависимости от выбора ответа на вопрос «Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует Ваше материальное положение сегодня?». Варианты ответов: «Денег не хватает на повседневные затраты» – «нищие»; «На повседневные затраты уходит вся зарплата» – «бедные»; «На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна» – «необеспеченные»; «В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг» – «обеспеченные»; «Почти на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи» – «Богатые»; «Практически ни в чём себе не отказываем» – «зажиточные».

Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2017 г.

Уровень модернизации регионального сообщества был формализован в виде индекса модернизированности сообщества (Имс). Для измерения учитывались 9 показателей, определяющих уровень готовности населения к некоторым изменениям (рис. 1.6). Использовался подсчет взвешенных средних баллов по каждому показателю: суммировалось число респондентов, ответивших «не готов», и умножалось на 1; число респондентов, ответивших «затрудняюсь ответить», умножалось на 2; число ответивших «готов» – на 3; число ответивших «реализую уже сейчас» – на 4. Произведения суммировались и делились на общее число ответивших, таким образом рассчитывался взвешенный средний балл по каждому из 9 показателей. Затем стандартизованные значения суммировались и делились на 9, в итоге получается индекс модернизированности сообщества:

$$Имс = \frac{\sum_{a=1}^9 \bar{I}_a}{9} ,$$

$$\bar{I}_a = \frac{\sum_{k=1}^4 x_k k}{n} - I_{\min} ,$$

$$I_{\max} - I_{\min} ,$$

где n – число респондентов, x – частота появления признака (варианта ответа).

Значения индекса находятся в пределах от 0 до 1: чем ближе его величина к 1, тем более модернизированным является сообщество региона.

Данные на рис. 1.6 показывают, что 18% населения СЗФО осваивают новые знания и навыки, личностно и профессионально развиваются; 15% строят свою карьеру таким образом, чтобы стать высококлассными специалистами; 13% изучают и используют в своем быту новые технологии. Рассчитанный индекс модернизированности сообщества макрорегиона равен 0,36 – это уровень ниже среднего. То есть социальная компонента модернизационного потенциала регионов СЗФО низка и ограничено сочетает новации с преобладанием традиционности. Вследствие этого возникает необходимость активизации работы как институциональных, так и неинституциональных форм для повышения уровня модернизированности сообщества.

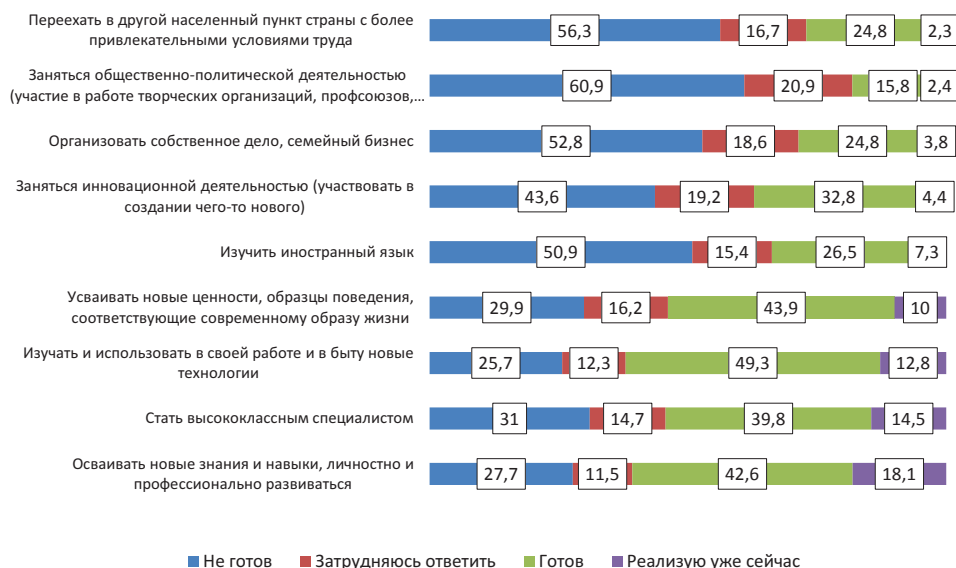

Рисунок 1.6. **Готовность населения СЗФО к различным изменениям 2017 г.,**
в % от числа опрошенных

Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2017 г.

Оценим модернизированность регионального сообщества в целом и принятых в исследовании социально уязвимых групп населения. Желание быть активным участником модернизационных процессов наиболее присуще молодежи (от 18 до 29 лет; индекс равен 0,5 – средний уровень). Представители этой группы больше, чем остальных групп населения, намерены осваивать новые знания и навыки, лично и профессионально развиваться, изучать и использовать новые технологии, стать высококлассными специалистами (индекс показателей более 0,6; табл. 1.8). Активность многодетных семей в 1,5–2 раза ниже, чем среди молодых людей. Индекс модернизированности многодетных имеет уровень ниже среднего и равен 0,27. Среди инвалидов доля готовых к новациям заметно ниже, индекс модернизированности данной общности составляет только 23%. Наибольшую неготовность к активному включению в модернизационные преобразования проявляют люди пенсионного возраста, в группе которых индекс модернизированности низкий (0,17).

Таблица 1.8. **Индекс модернизированности сообщества макрорегиона СЗФО и входящие в его состав показатели, 2017 г.**

Показатели	Социально уязвимые группы населения*				Все население
	Молодежь	Многодетные	Инвалиды	Пенсионеры	
Осваивать новые знания и навыки, лично и профессионально развиваться	0,67	0,36	0,27	0,22	0,50
Изучать и использовать в своей работе и в быту новые технологии	0,61	0,38	0,32	0,28	0,50
Стать высококлассным специалистом	0,61	0,31	0,23	0,19	0,46
Усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни	0,58	0,34	0,31	0,24	0,45
Изучить иностранный язык	0,48	0,19	0,23	0,13	0,30
Заняться инновационной деятельностью (участвовать в создании чего-то нового)	0,46	0,23	0,19	0,16	0,33
Переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда	0,42	0,20	0,21	0,11	0,24
Организовать собственное дело, семейный бизнес	0,40	0,24	0,17	0,12	0,27
Заняться общественно-политической деятельностью (участие в работе творческих организаций, профсоюзов, политических партий и т.д.)	0,27	0,17	0,13	0,13	0,20
Индекс модернизированности сообщества (Имс)	0,50	0,27	0,23	0,17	0,36
Уровень Имс	С	НС	НС	Н	НС

* Социально уязвимые группы населения – социально незащищенные слои населения, граждане, семьи, обладающие низким уровнем дохода и накопленного богатства. К ним относятся преимущественным образом пожилые одинокие люди, инвалиды, многодетные и неполные семьи, а также семьи, потерявшие кормильца, лица, имеющие доходы ниже прожиточного минимума.
 Обозначения: Н – низкий (0,0–0,2), НС – ниже среднего (0,2–0,4), С – средний (0,4–0,6), ВС – выше среднего (0,6–0,8), В – высокий (0,8–1,0).
 Источник: рассчитано по данным опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2017 г.

Обратимся теперь к изучению проблем-опасностей актуальных для населения, их выявление даст возможность показать значимые аспекты социального развития территории. Из всех страхов страх нищеты, вне всякого сомнения, – самый разрушительный (57% опрошенных чувствуют себя незащищенными перед этой опасностью), и его труднее всего преодолеть. На втором месте находится преступность (52%). На третий план в 2017 г. вышла проблема экологической угрозы (47%). Также высока незащищенность жителей от таких проблем, как одиночество (46%) и произвол чиновников (41%). Средний уровень защищенности населения можно определить для следующих категорий угроз: произвол правоохранитель-

ных органов, преследования за политические убеждения и притеснения из-за возраста (от 20 до 40% чувствуют себя незащищенными). Высокий уровень защищенности население ощущает от угроз, связанных с дифференциацией по их национальности, религиозным убеждениям и полу, чувство незащищенности испытывают менее 15% респондентов.

Если посмотреть на эти же данные с позиции разделения населения на социально уязвимые группы¹⁰⁶, то на общем фоне особо выделяются 2 группы: пенсионеры и инвалиды, их страхи наиболее остры и злободневны. Так, от бедности наиболее всего не защищены инвалиды, среди них 67% ставят эту проблему на первое место, что на 8–13 п.п. выше, чем среди других выделенных групп (табл. 1.9). Страх перед преступностью наиболее актуален для пенсионеров – 53%. Очевидно, что в сердцевине этого страха у многих лежит боязнь быть ограбленными и обманутыми мошенниками. Молодежь и многодетные семьи менее остро, чем в целом население, ощущают страх перед различными видами опасностей. Эти группы более динамичны, энергичны, подвижны и готовы на риск, поэтому многие проблемы для них не так злободневны.

Исследование показало слабую уверенность в своем будущем у всех без исключения категорий россиян, только 43% более или менее уверены в нем. В основном это связано с низким качеством жизни, которое гораздо хуже, чем в развитых странах. Поэтому сейчас важно осознать и взять за основную идею то, что модернизация имеет целью создание высокоразвитого процветающего общества для всех граждан. В особенности для социально уязвимых групп населения, одним из которых живет и так нелегко (инвалиды и пенсионеры), а другие должны формировать высокий социально-демографический потенциал (молодежь и многодетные семьи), а не для «избранных» (олигархов и т.п.). России необходимо такое общество, в котором высшими ценностями были бы законность и правопорядок. В этом случае модернизация российского общества позволит обеспечить её гражданам материальный достаток, справедливую оплату труда, повысить их образованность. Как показало наше исследование, для групп людей с разными жизненными установками и идеологией проблема материального благополучия является общей и наиболее острой, отражая незавершенность социальной модернизации. Модернизованность регионального сообщества (макрорегион СЗФО) имеет уровень ниже

¹⁰⁶ Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Устинова К.А. Теоретико-методологические основы исследования ментальности и обусловленных ею стереотипов поведения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 2. С. 60–76.

Таблица 1.9. Распределение ответов населения о своей защищенности от социальных опасностей, СЗФО, 2017 г. (в % от числа опрошенных*)

Варианты ответов	Социально уязвимые группы населения				Все население
	Молодые специалисты	Многодетные семьи	Пенсионеры	Инвалиды	
От бедности					
Не защищен	54	55	59	67	57
Трудно сказать	30	28	26	20	28
Защищен	17	17	15	13	16
От преступности					
Не защищен	50	48	53	47	52
Трудно сказать	31	33	31	24	31
Защищен	19	19	16	29	17
От экологической угрозы					
Не защищен	44	47	53	51	49
Трудно сказать	34	30	30	20	31
Защищен	23	23	17	29	20
От одиночества					
Не защищен	41	46	50	53	46
Трудно сказать	32	26	28	24	30
Защищен	27	28	22	24	24
От произвола чиновников					
Не защищен	36	39	43	45	41
Трудно сказать	44	44	44	40	41
Защищен	20	17	14	15	17
От произвола правоохранительных органов					
Не защищен	35	35	38	38	38
Трудно сказать	40	43	41	36	39
Защищен	25	21	21	25	23
От преследований за политические убеждения					
Не защищен	24	23	24	25	24
Трудно сказать	41	41	44	40	42
Защищен	35	36	32	35	34
От притеснений из-за Вашего возраста					
Не защищен	14	22	32	35	23
Трудно сказать	35	36	37	27	35
Защищен	51	42	31	38	42
От ущемлений из-за Вашей национальности					
Не защищен	12	11	14	16	13
Трудно сказать	33	29	32	33	31
Защищен	55	60	54	51	56
От притеснений из-за Ваших религиозных убеждений					
Не защищен	12	11	13	13	13
Трудно сказать	33	29	34	36	32
Защищен	55	60	53	51	55
От притеснений из-за Вашего пола					
Не защищен	7	10	12	15	10
Трудно сказать	44	45	51	47	47
Защищен	49	44	37	38	43

* Ранжировано по колонке «Все население», ответ «Пожалуй, не защищен; совсем не защищен».

Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2017 г.

* Ранжировано по колонке «Всё население», ответ «Пожалуй, не защищен; совсем не защищен».

Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2017 г.

среднего, наиболее активный участник модернизационных процессов – молодое поколение. То есть молодежь выступает наиболее существенным субъектом модернизационных процессов, представляя собой значительный потенциал общественного развития. Поддержка данной группы со стороны государства и гражданского общества могла бы повысить эффективность проводимых реформ, способствовать реальному воплощению их «миссии». Рассматривая модернизацию как комплексный способ решения экономических, социокультурных, политических и личностных задач, можно прийти к заключению о необходимости обеспечения стабильного функционирования всех институциональных и социальных структур, для повышения качества жизни всех категорий граждан.

Избранный Россией в начале 2000-х годов курс на модернизацию был направлен, вместо решения задач инновационной модернизации и увеличения уровня жизни населения, в совсем другое русло¹⁰⁷. На фоне нестабильности и финансовой турбулентности первостепенными были следующие шаги: сохранение единства российского государства, укрепление армии и политико-правовых институтов, борьба с коррумпированностью и бюрократией, решение тяжелых финансовых и социальных проблем. Такие «преобразования» социологи называли саморазрушительной «модернизацией», или «модернизацией наоборот»¹⁰⁸. По словам М.К. Горшкова, реформирующаяся Россия превратилась в пореформенную и сумела создать условия, способствующие переходу большинства населения от неприемлемого к минимально приемлемому уровню жизни¹⁰⁹. При всех трудностях, с которыми сталкивается население страны, российское общество модернизировать можно и нужно.

Исследование выявило, что понимание модернизации в обществе связано с эффективностью государственного управления, полноценным выполнением государством своих обязанностей перед гражданами, в том числе равенство всех перед законом, соблюдение прав, борьба с коррупцией. При таком сильном и справедливом государстве, как считает население, возможно достичь больших успехов в инновационном развитии

¹⁰⁷ Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2005. Разд. 2. С. 233-247.

¹⁰⁸ Горохов В.Ф. Проблема модернизации российского общества // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 5 (2). URL: <http://publikacia.net/archive/2015/5/2/69>

¹⁰⁹ Горшков М.К. Социально-политическое измерение модернизации российского общества // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 23-32.; Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М. : Весь Мир, 2017. 427 с.

и повышении качества жизни. Подобное патерналистское отношение просматривается и в низком уровне готовности к участию в общественной и политической жизни страны. Не так высок и индекс модернизированности регионального сообщества, равный 0,36 единицы. Самая низкая готовность к инновациям зафиксирована у пожилых людей (0,17) и инвалидов (0,23). Менее инертны многодетные родители (0,27), а самая активная и «готовая к модернизации» группа – молодежь (0,50). Наличие необоснованных барьеров инклюзии данных групп населения (особенно молодежи) способно детерминировать их активность, снижая модернизированность социума в целом. Их устранение будет способствовать более полной реализации ресурсного потенциала и формировать новые тренды положения социально уязвимых групп населения, обогащая их креативность, повышая готовность к инновациям.

ГЛАВА 2

ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ: ПОЛОЖЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

2.1. Пожилые люди в современном российском обществе

Социальная эксклюзия по своим свойствам явление сложное и многогранное. Его экономическая сторона напрямую ассоциируется с состоянием бедности¹¹⁰. Общественное восприятие «старости» в России часто связывается не с особенностями индивидуального физиологического старения, а с проблемами материального обеспечения в пенсионном возрасте и поддержания достаточного уровня потребления. Учитывая снижение трудовой активности в старших возрастах, отметим, что главным элементом обеспечения достойной жизни в старости становятся пенсионные пособия.

Введение систем социального страхования населения (в том числе пенсионного обеспечения) представляет собой одно из крупнейших социальных достижений, направленных на решение задач по поддержанию и улучшению качества жизни социально уязвимых категорий населения. Как массовое явление пенсионное обеспечение стало развиваться уже в XX веке, однако свои корни оно берет еще в глубокой древности, хотя и носило преимущественно иной характер, как вид социальной помощи бедным слоям населения.

Однако эпохой становления современной системы пенсионного обеспечения стал конец XIX – первая половина XX века, когда большинством развитых стран мира был взят курс на введение общегосударственных социальных программ. Первые такие программы были введены в Германии, а непосредственно инициировал их канцлер Отто фон Бисмарк. Масштабное реформирование социальной системы в Германии началось с

¹¹⁰ Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 158-166.

внедрения медицинского страхования (1880 г.) и страхования от несчастных случаев на производстве (1884 г.). Законопроект о пенсионном обеспечении пожилых рабочих и опеке над инвалидами обсуждался в рейхстаге с 1881 г. и был принят в 1889 г. Его основу составляло положение об обязательном страховании широкого круга рабочих и служащих с годовым доходом не более 2 тыс. марок¹¹¹. Пенсионное законодательство Бисмарка подвергалось критике со стороны современников, в частности из-за высокого пенсионного возраста (70 лет) и минимального уровня пенсий, но реформы, проведенные по инициативе министра-президента Пруссии, стали точкой отсчета развития пенсионных систем во всем мире.

Социальная функция пенсии заключается в обеспечении гарантированного дохода в старости ввиду возникающих с возрастом ограничений физиологического характера. Исторически пенсии формировались из приоритета социальных целей государства, что позволило заметно улучшить благосостояние пожилых граждан. В частности, пожилой возраст перестал ассоциироваться с бедностью. Например, индекс уровня бедности в России (показывающий, во сколько раз риск бедности в определенных группах населения выше или ниже, чем в среднем по совокупности) для пожилых людей имеет отрицательное значение (–0,66 для мужчин старше 60 лет и –0,53 для женщин старше 55 лет), тогда как для населения до 30 лет – положительное (+1,3). Для работающих пенсионеров этот показатель еще ниже (–0,75)¹¹². Таким образом, пожилые люди в целом больше защищены от попадания в состояние «бедности». Схожая ситуация наблюдается в большинстве развитых и развивающихся стран¹¹³. Таким образом, социальный протекционизм государств в сфере обеспечения пенсионных выплат позволил создать достаточно эффективный механизм предоставления минимальных гарантий дохода.

Однако само определение «бедности» – понятие крайне относительное. В России к бедным относятся граждане, величина дохода которых находится ниже границы прожиточного минимума. Учитывая тот факт, что с 1 января 2010 г. в РФ осуществляются социальные доплаты для доведения пенсионных пособий до уровня прожиточного минимума (по данным

¹¹¹ Беспалова Л.Н. «Социальная политика Отто фон Бисмарка в освещении «Вестника Европы» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 7. С. 63-75.

¹¹² Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

¹¹³ Adequate and sustainable pensions [Electronic resource] // Commission of the European Communities. Режим доступа: http://europa.eu.int/comm/employment_social/socprot/pensions/index_en.htm

на 2016 г. его значение составляло 8081 рублей¹¹⁴), следует сказать, что доля малоимущих среди пенсионеров крайне незначительна и перманентно сокращается. Однако возникает важный вопрос: действительно ли происходит улучшение материального положения пожилых граждан, если опираться только на показатель доли бедных и малоимущих?

Данные в таблице 2.1 свидетельствуют о том, что на протяжении периода с 2000 по 2016 год средний размер назначенных пенсий в абсолютном выражении имел перманентную тенденцию к росту. Вместе с тем если их реальный размер до 2014 г. по сравнению с предыдущим годом замера увеличивался (наибольший рост наблюдался в 2010 году, когда была осуществлена валоризация пенсионных накоплений), то начиная с 2015 г. наблюдается его снижение. Во многом это связано с приростом доли и численности населения пенсионного возраста, что ведет, соответственно, к увеличению дефицита бюджета Пенсионного фонда России.

Таблица 2.1. Основные показатели пенсионного обеспечения в Российской Федерации

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Средний размер назначенных пенсий, в среднем за год, руб.	7476,3	8202,9	9040,5	9917,5	10786,0	11986,0	12391,1
Величина прожиточного минимума пенсионера, руб.	4521	5032	5123	5998	6617	7965	8081
в процентах к предыдущему году	110,3	111,3	101,8	107,7	110,3	120,4	101,5
Соотношение среднего размера назначенных пенсий, процентов:							
с величиной прожиточного минимума пенсионера	165,4	163,0	176,5	165,4	163,0	150,5	153,3
со средним размером начисленной заработной платы	35,7	35,1	33,9	33,3	33,2	35,2	33,7
Реальный размер назначенных пенсий, в % к предыдущему году	134,8	101,2	104,9	102,8	100,9	96,2	96,6
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.gks.ru/							

Стоит отметить, что при увеличении величины прожиточного минимума пенсионера (расчет которого производится на основе потребительской корзины и данных Росстата об уровне потребительских цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги и расходов по обязательным платежам и сборам) соотношение размера пенсии с данным показателем имеет тенденцию к снижению, что фактически свидетельствует об уменьшении величины пенсионного пособия.

¹¹⁴ Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Сущность и расчет величины прожиточного минимума для разных возрастных категорий населения вызывает определенные сомнения. Связано это в первую очередь с тем, что снижение уровня потребления не происходит ровно в год выхода на пенсию. Условно это можно проследить на простом примере. По нормативам средний уровень потребления гражданина РФ мужского пола, выходящего на пенсию в 60 лет, снижается на 30% по сравнению с данными годичной давности, однако сложно представить, что за этот же период времени его реальное потребление снизится прямо пропорционально этой же величине. Более того, этот же гражданин может продолжать трудиться после выхода на пенсию, выполняя ровно те же общественные обязательства, что и ранее. В том случае если гражданин не оформляет пенсию в год достижения пенсионного возраста по старости, на него распространяются нормативы, установленные для населения трудоспособного возраста. Таким образом, снижение величины прожиточного минимума не коррелирует с уменьшением потребления, вызванного возрастными особенностями, а связано напрямую с получением статуса «пенсионера». На наш взгляд, расчет величины прожиточного минимума должен производиться с учетом возрастных особенностей потребления населения.

Согласно Федеральному закону «О государственной социальной помощи» от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ пенсионерам, размер пенсионного пособия которых не достигает величины прожиточного минимума, устанавливается ежемесячная социальная доплата до необходимого уровня (табл. 2.2). Как видно из приведенных данных, с 2011 по 2017 год численность пенсионеров, получающих социальные доплаты до уровня прожиточного минимума, возросла более чем на 1,5 млн. человек, а доля в общей численности увеличилась на 2,3%. В целом это свидетельствует о том, что прирост численности пенсионеров, которых можно отнести к категории малоимущих, превышает темпы роста числа пенсионеров в целом и, соответственно, ведет к увеличению доли населения пенсионного возраста, чья пенсия находится на уровне прожиточного минимума. Учитывая также тот факт, что по данным за 2016 г. пожилые люди составляли 12,2% от общей численности всех малоимущих (в 2013 г. – 10%¹¹⁵), можно говорить о планомерном снижении уровня материального положения старшего поколения.

¹¹⁵ Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Таблица 2.2. **Динамика изменения доли и численности пенсионеров, получающих социальные доплаты**

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Численность пенсионеров, получающих социальные доплаты – всего, чел.	5153735	5321242	5412873	5395093	5283309	6032981	6672415
В процентах от общей численности пенсионеров	12,3	12,6	12,6	12,4	12,1	13,3	14,6
в том числе получающие:							
федеральную социальную доплату	2749643	2894052	2950913	2880942	2859085	3712390	4173219
региональную социальную доплату	2404092	2427190	2461960	2514151	2424224	2320591	2499196
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.gks.ru/							

Высокое место России в мировом рейтинге качества жизни Global AgeWatch Index¹¹⁶ по уровню материальной обеспеченности объясняется не только тем, что российское законодательство допускает возможность продолжения трудовой деятельности и одновременного получения пенсионного пособия. В первую очередь это связано с методикой расчета частного индекса, в основе которого как раз лежит доля малоимущих в общей численности пожилых людей. Т.е. формальное обеспечение охватом пенсиями на уровне прожиточного минимума (расчет которого вызывает вопросы) дает возможность декларировать тот факт, что риск «бедности» в пожилом возрасте сводится к минимуму.

Однако статус «пенсионера», как человека, прекратившего свою трудовую деятельность, с высокой вероятностью предопределяет низкую материальную обеспеченность в пожилом возрасте. Для оценки материального положения населения пожилого возраста корректнее использовать не показатель охвата пенсиями не ниже уровня прожиточного минимума, а так называемый коэффициент замещения (отношение среднего размера пенсий к средней заработной плате). С 2010 по 2016 г. его значение в России снизилось с 35,7 до 33,7%¹¹⁷. Фактически размер пенсий в среднем составляет лишь треть от средней заработной платы по стране. Для сравнения обратимся к размерам коэффициента замещения в странах мира (табл. 2.3).

¹¹⁶ Global AgeWatch Index [Electronic resource] // HelpAge International. Режим доступа: <http://www.helpage.org/global-agewatch/>

¹¹⁷ Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Таблица 2.3. **Размер коэффициента замещения в некоторых странах мира, 2014 г.**

Страна	Коэффициент замещения (отношение среднего размера пенсии к средней заработной плате), %
Исландия	82,6
Швеция	64,4
Германия	50,0
Великобритания	90,5
США	88,8
Нидерланды	94,0
Швейцария	55,7
Австралия	79,8
Россия	33,2

Источник: Pension at a Glance 2015: OECD and G20 indicators [Electronic resource] // OECD. – Режим доступа: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/pensions-at-a-glance-2015_pension_glance-2015-en

По данным за 2014 год коэффициент замещения в подавляющем большинстве развитых стран превышает 50%. Например, в Нидерландах он составляет 94%, в Великобритании – 90,5%, в США – 88,8%, т.е. даже при прекращении трудовой деятельности представитель старшего поколения не испытывает экономического «шока» и может поддерживать уровень потребления на допенсионном уровне. В новом веке значение коэффициента замещения в России ни разу не поднималось выше 40% – предельно критического уровня согласно данным Международной организации труда (МОТ). Безусловно, этот фактор вынуждает сокращать потребление и менять его структуру. Т.е. установление более низкого значения прожиточного минимума пенсионера действительно связано со снижением потребления, ключевым фактором которого, однако, являются не возрастные особенности, а финансовые ограничения. Следовательно, мы можем с уверенностью говорить о том, что статус неработающего пенсионера в России с большой долей вероятности предопределяет его место среди социально уязвимых категорий населения.

Одним из наиболее вероятных решений проблемы поддержания прежнего уровня потребления становится продолжение трудовой деятельности на пенсии: с 1997 по 2016 г. доля работающих пенсионеров по старости в России возросла с 25,5 до 40% соответственно¹¹⁸. Однако если обратиться к официальным данным Росстата, то можно увидеть, что с 2016 по 2017 г. доля работающих пенсионеров по старости снизилась с 40 до 24%. Такое масштабное снижение вызвано законодательным решением Правительства РФ, предусматривающим отмену индексации пенсий рабо-

¹¹⁸ Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

тающих пенсионеров. Т.е. для трети работающих пенсионеров приоритетом оказалась индексация пенсий, что многое говорит о характере занятости этой части старшего поколения, для которой оплата труда является дополнением к пенсии, а не наоборот. Таким образом, в текущих условиях (возможность одновременно получать пенсию и работать) сложно говорить о кардинальных изменениях в характере занятости старшего поколения. По-прежнему среди работающих пенсионеров по старости высока доля «вынужденно» работающих из-за низкого уровня пенсий.

Обратимся к основным показателям занятости населения пенсионного возраста в субъектах Российской Федерации (табл. 2.4; ранжировано по доле населения пенсионного возраста).

Таблица 2.4. **Показатели занятости населения пенсионного возраста в субъектах Российской Федерации, 2016 г.**

Субъект РФ	Доля населения пенсионного возраста, %	Уровень занятости населения пенсионного возраста, %	Уровень безработицы, %	Среднее время поиска работы, месяцев
1. Тульская область	30,2	33,5	3,1	9,4
2. Рязанская область	29,9	22,1	1,7	10,4
3. Тамбовская область	29,9	21,5	0,1	15,0
4. Псковская область	29,3	34,1	3,7	8,6
5. Новгородская область	29,1	30,6	4,3	10,0
6. Пензенская область	29,1	31,3	1,6	6,7
7. Тверская область	29	32,7	3,0	9,4
8. Владимирская область	28,9	24,5	1,3	11,5
9. Орловская область	28,7	28,9	1,2	6,9
10. Кировская область	28,6	27,7	1,8	7,8
...				
30. г. Москва	26,8	39,2	0,6	4,6
31. г. Санкт-Петербург	26,7	40,6	0,4	2,3
...				
76. Ненецкий автономный округ	17,8	36,7	1,6	1,0
77. Тюменская область	16,9	26,1	2,7	8,8
78. Республика Саха (Якутия)	16,4	39,7	3,9	8,6
79. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	14,8	27,2	5,7	8,4
80. Чукотский автономный округ	13,9	60,7	1,2	10,1
81. Республика Дагестан	13,2	32,0	1,6	8,1
82. Республика Ингушетия	12	34,8	7,5	13,4
83. Республика Тыва	11,1	24,3	6,1	12,5
84. Ямало-Ненецкий автономный округ	10,8	32,7	...	...
85. Чеченская Республика	10	12,0	7,0	10,4
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.gks.ru/				

Как видно, в регионах важнейшей особенностью является отсутствие прямой корреляции между долей пожилых людей и уровнем занятости. Т.е. фактически старение населения нельзя назвать фактором, определяющим увеличение доли трудящихся в старших возрастах. Определяющими становятся институциональные факторы, в частности готовность рынка труда обеспечить рабочими местами работников старших возрастов. Так, например, показатели занятости пожилых людей в мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург) одни из самых высоких в стране, в то время как по удельному весу пожилых людей они находятся на 30 и 31 местах соответственно. Однако важнее другое: время поиска работы представителями старшего поколения в рассматриваемых городах заметно ниже, чем в наиболее старых субъектах РФ и в среднем по России. При этом если обратиться к данным на графике, можно увидеть, что с возрастом время поиска работы существенно не изменяется.

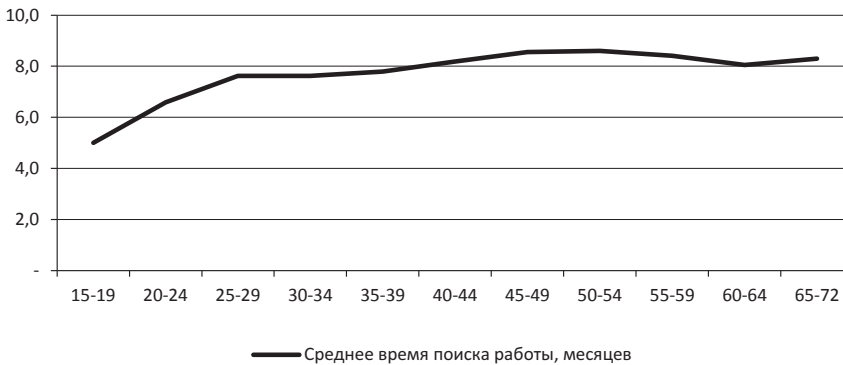

Рисунок 2.1. **Среднее время поиска работы безработными по возрастным группам в 2016 г.**

Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Итак, проблема занятости старшего поколения определяется возможностями территории обеспечить его представителей рабочими местами. Вероятно, наиболее развитые субъекты РФ имеют для этого гораздо лучшие стартовые условия, в связи с чем уровень занятости старшего поколения в них существенно выше. В исследовании¹¹⁹ отмечается, что

¹¹⁹ Барсуков В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 195-213.

примерно пятая часть неработающего населения (21%) согласилась бы на посильную работу, если бы поступило соответствующее предложение. Следовательно, субъектам РФ требуется создавать благоприятные условия для повышения эффективности использования нереализованного трудового потенциала старшего поколения. С учетом того факта, что статус пенсионера в России предопределяет его место в категории социально уязвимого населения, стимулирование занятости пожилых людей может стать не только фактором поддержания социально-экономического развития в условиях старения населения, но и способом повышения качества жизни данной социально-демографической группы.

Важными факторами социальной уязвимости населения пенсионного возраста являются также семейное положение и жилищные условия. Демографические аспекты мезоуровня старения населения выражаются, во-первых, в уменьшении размеров домохозяйств и, во-вторых, в их старении вследствие снижения рождаемости. Для подтверждения первого аспекта воспользуемся данными переписей населения 2002 и 2010 гг. о размерах частных домохозяйств в Российской Федерации (табл. 2.5).

Таблица 2.5. Размер и структура частных домохозяйств в Российской Федерации по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.

Размер домохозяйства	Год			
	2002		2010	
	Численность, ед.	В % к итогу	Численность, ед.	В % к итогу
Всего домохозяйств	52711375	100	54560627	100
В том числе, состоящие из	-	-	-	-
1 человека	11741449	22,3	14018754	25,7
2 человек	14534669	27,6	15563868	28,5
3 человек	12536743	23,8	12284058	22,5
4 человек	8943575	16,9	7907406	14,5
5 человек	3032437	5,7	2914802	5,3
6 человек и более	1922502	3,6	1871739	3,4
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.gks.ru/				

Как можно увидеть из таблицы 2.5, за непродолжительный период времени между двумя переписями произошли существенные изменения в размерах и структуре домохозяйств. Выражаются они в постепенном увеличении доли домохозяйств, состоящих из 1 и 2 человек (на 3,4 и 0,9%

соответственно), при параллельном сокращении удельного веса более многочисленных семей. Прирост абсолютного числа домохозяйств-одиночек за период с 2002 по 2010 год составил 19%. Таким образом, первый аспект, касающийся уменьшения размеров домохозяйств, находит свое подтверждение при анализе данных переписей населения.

Однако уменьшение размеров домохозяйств еще не говорит об их старении. Для подтверждения второго демографического аспекта последствий старения населения воспользуемся данными о возрастном составе домохозяйств (рис. 2.2).

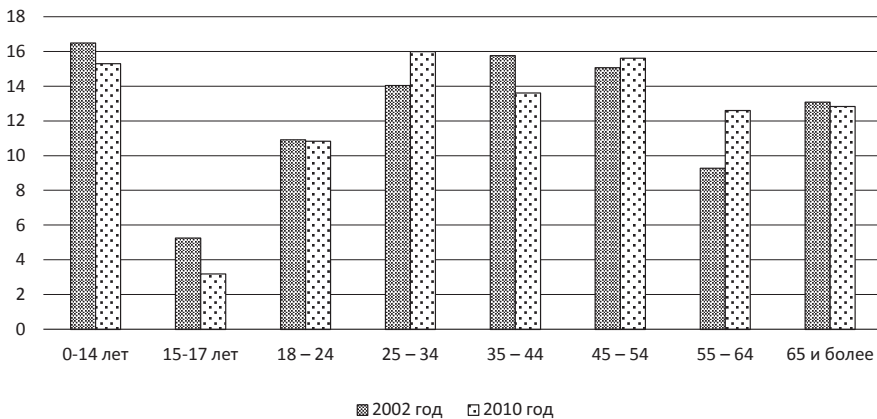

Рисунок 2.2. **Возрастная структура частных домохозяйств в Российской Федерации по данным переписей населения 2002 и 2010 гг., %**

Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Исходя из приведенных данных можно заключить, что в изменении возрастной структуры населения домохозяйств за период с 2002 по 2010 г. наметилось два тренда: снижение удельного веса населения в возрастной группе от 0 до 24 лет при параллельном увеличении доли групп старших возрастов. При этом наибольший прирост наблюдается в возрастной группе 55–64 лет. Таким образом, второй аспект также находит свое отражение в статистических данных.

Далее изучим сводную таблицу, объединяющую оба рассматриваемых аспекта (табл. 2.6).

Таблица 2.6. **Возрастная структура и размер домохозяйств в Российской Федерации по данным переписей 2002 и 2010 гг., %**

Возраст	Размер домохозяйства														
	1 человек			2 человека			3 человека			4 человека			5 человек и более		
	2002	2010	+/-	2002	2010	+/-	2002	2010	+/-	2002	2010	+/-	2002	2010	+/-
0–14	0,1	0,1	0	6,0	6,2	+0,2	26,1	25,5	-0,6	36,0	34,6	-1,4	31,8	33,6	+1,8
15–17	2,4	3,7	+1,3	9,2	11,3	+2,1	26,7	27,3	+0,6	36,1	31,7	-4,4	25,6	26,0	+0,4
18–24	5,3	7,4	+2,1	14,7	17,1	+2,4	27,8	28,7	+0,9	27,4	24,5	-2,9	24,6	22,3	-2,3
25–34	4,7	5,8	+1,1	14,1	15,8	+1,7	33,4	31,5	-1,9	26,3	25,3	-1,0	21,4	21,6	+0,2
35–44	5,1	6,8	+1,7	14,6	17,3	+2,7	29,5	30,4	+0,9	32,3	27,7	-4,6	18,5	17,9	-0,6
45–54	7,8	9,3	+1,5	26,3	27,9	+1,6	29,3	28,6	-0,7	21,1	19,2	-1,9	15,5	15,0	-0,5
55–64	15,3	15,0	-0,3	40,6	38,5	-2,1	20,5	21,7	+1,2	11,6	12,4	+0,6	12,0	12,4	+0,4
65 и более	26,1	29,7	+3,6	40,1	37,6	-2,5	14,6	14,7	+0,1	8,9	8,7	-0,2	10,2	9,3	-0,9
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.gks.ru/															

Из приведенных данных наглядно видно, что за межпереписной интервал произошло существенное увеличение доли домохозяйств (на 3,6%), состоящих из одиноких людей в возрасте 65 лет и старше. При этом в группах допенсионного возраста также наблюдается прирост числа домохозяйств, состоящих из 1–2 человек. Фактически изменения, происходящие в Российской Федерации, соответствуют основным положениям теории культур М. Мид¹²⁰, на которых мы подробнее остановимся далее. Адаптируя их к явлению старения населения, можно заключить следующее. Трансформация социального пространства при переходе от постфигуративной к префигуративной культуре выражается в распространении модели нуклеарной семьи с сокращением межпоколенческих коммуникаций. Т.е. в социальной структуре общества наблюдается увеличение доли семей, состоящих преимущественно из родителей и детей, и прирост числа домохозяйств, в которые входят только представители пожилого возраста. Таким образом, возникновение условного коммуникативного «разрыва» между поколениями обретает материальное выражение.

Выявленная тенденция к увеличению числа домохозяйств-одиночек имеет территориальные особенности, на которые необходимо обратить внимание (табл. 2.7).

¹²⁰ Mead M. Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap. The Bodley Head, 1970. 128 p.

Таблица 2.7. Динамика изменения возрастной структуры домохозяйств-одиночек по данным переписей 2002 и 2010 гг., %

Домохозяйства-одиночки	Моложе трудоспособного возраста		Трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста	
	2002	2010	2002	2010	2002	2010
Все домохозяйства	0,3	0,2	42,5	45,5	57,0	54,2
В том числе:	-	-	-	-	-	-
в городской местности	0,4	0,3	47,0	48,4	52,4	51,2
в сельской местности	0,1	0,1	29,3	35,7	70,6	64,2
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.gks.ru/						

Представительство старшего поколения в структуре данного типа домохозяйств в сельской местности выше, чем в городской (64 и 51% в 2010 г. соответственно). Однако линейное выстраивание структуры в территориальном разрезе не может являться подтверждением распространенного мнения о том, что одиночество пожилых граждан в гораздо большей степени характерно именно для села. Учитывая то, что домохозяйство-одиночка включает в себя отдельно взятого человека с уникальными социально-демографическими характеристиками, можно сказать, что методологически оправданно построение относительного показателя, который условно можно назвать коэффициентом одиночества: в числитель подставляется количество домохозяйств-одиночек определенного возраста в отдельно взятый год, в знаменатель – численность населения данного возраста в тот же год. Расчеты демонстрируют, что в 2010 году коэффициент одиночества населения старше трудоспособного возраста в сельской местности составил 24,8%, в городской – 23,6%. Значения показателей являются близкими, что позволяет характеризовать утверждение о большей распространенности феномена одиночества пожилых людей в сельской местности как недостоверное. Более того, значение коэффициента для пожилого населения городов увеличилось с 21,8 в 2002 г. до 23,6% в 2010 г., в то время как на селе – с 24 до 24,8%. Данные опроса «Качество жизни пожилых людей в Вологодской области», проведенного ВолНЦ РАН в 2015 г., свидетельствуют о том, что представители старшего поколения в городах сталкиваются с ощущением одиночества чаще, чем сельчане (50 и 46,5% соответственно¹²¹), а также в значительно меньшей степени ощущают уважительное отношение со стороны близких людей и родственников (36,5%, среди жителей сельской местности – 63%). При этом одинокие пожилые жители

¹²¹ Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4 (46). С. 88-107.

в городской местности имеют доступ к более обширному набору продуктов и услуг, рабочим местам, учреждениям социальной инфраструктуры, что во многом определяет и более высокое качество их жизни¹²². Таким образом, масштабы распространенности одиночества среди пожилых граждан в городе и на селе сопоставимы, хотя имеют разный контекст: для городских жителей преимущественно социальный, для сельских – экономический и инфраструктурный. Вероятно, именно эти различия являются определяющими в формировании общественного мнения относительно большей распространенности феномена одиночества среди представителей старшего поколения в сельской местности.

Несмотря на положительную динамику многих демографических и социально-трудовых показателей, одной из главных проблем в РФ остается неудовлетворительное состояние здоровья старшего поколения. По показателю ожидаемой продолжительности здоровой жизни в старших возрастах (который, по мнению академика А.Г. Аганбегяна, должен являться главным критерием определения пенсионного возраста¹²³), Россия значительно уступает большинству развитых стран (табл. 2.8).

Таблица 2.8. **Ожидаемая продолжительность здоровой жизни населения в России и ведущих развитых странах мира в 2000 и 2013 гг., лет**

Страна	Ожидаемая продолжительность здоровой жизни, лет								
	2000 г.			2013 г.			Изменение 2013 к 2000, лет		
	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола
Мир	56	60	58	60	64	62	4	4	4
США	66	70	68	68	71	69	2	1	1
Англия	67	70	69	69	72	71	2	2	2
Швеция	69	72	70	70	73	72	1	1	2
Канада	69	72	70	71	73	72	2	1	2
Дания	66	70	68	69	71	70	3	1	2
Норвегия	67	71	69	69	72	71	2	1	2
Франция	67	72	69	69	74	72	2	2	3
Италия	68	72	70	71	74	73	3	2	3
Германия	67	71	69	69	73	71	2	2	2
Япония	71	76	73	72	78	75	1	2	2
Российская Федерация	54	63	58	55	66	61	1	3	3
Источник: Global Health Observatory Data Repository [Electronic resource] // World Health Organization. – Режим доступа: http://apps.who.int/gho/data/view.main.680?lang=en									

¹²² Барсуков В.Н., Чекмарева Е.А. Последствия демографического старения и ресурсный потенциал населения «третьего» возраста Проблемы развития территории. 2017. № 3 (89). С. 92-108.

¹²³ Аганбегян А.Г. О продолжительности здоровой жизни в пенсионном возрасте // ЭКО. 2015. № 9. 144-157.

Как показал опрос ВолНЦ РАН¹²⁴, только пятая часть респондентов (22%) пенсионного возраста оценивает свое физическое состояние как «отличное» и «хорошее», а 66% отметили, что оно часто препятствует осуществлению любой деятельности (в том числе и трудовой). Таким образом, состояние здоровья является барьером для интеграции старшего поколения в общественную жизнь.

Подводя итог, отметим самое важное. Из выполненного нами анализа видно, что россиян пенсионного возраста определенно следует рассматривать как социально уязвимую категорию по целому ряду причин. Во-первых, это низкий (и, что характерно, снижающийся) уровень материального обеспечения в старости из-за недостаточного размера пенсионных пособий. Как следствие, происходит снижение потребления, вызванное в большей степени не возрастными особенностями, а финансовыми ограничениями. Возникающая потребность в дополнительном заработке вынуждает пожилых людей продолжать работать в пенсионном возрасте. Однако здесь также возникает ряд ограничений, связанных, в первую очередь, с отсутствием спроса на труд представителей старшего поколения и неготовностью рынка труда обеспечить их рабочими местами.

Во-вторых, происходят изменения в возрастной структуре домохозяйств. Увеличение доли и численности домохозяйств-одиночек, состоящих из пенсионеров, является одним из главных трендов в изменении социальной структуры общества. Таким образом, продолжается процесс разрыва межпоколенческих коммуникаций, обретающий сегодня свое материальное выражение.

В-третьих, состояние здоровья населения старших возрастов в РФ в сравнении с западными странами по-прежнему можно назвать неудовлетворительным. Безусловно, процесс физиологического старения организма ведет к снижению способности выполнения определенных функций (в том числе общественно полезных), однако масштабы этого снижения могут быть разными.

Выявленные проблемы не просто выступают факторами снижения уровня и качества жизни пожилых людей, но и являются определяющими в формировании ментальных барьеров инклюзии старшего поколения. Вынужденное, по целому ряду причин, снижение уровня жизни и общественной активности влекут за собой поддержание уже существу-

¹²⁴ Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4 (46). С. 88-107.

ющих стереотипов о старшем поколении как о малоимущей и недееспособной части населения, что препятствует интеграционным общественным процессам и становится фактором разрыва межпоколенческих коммуникаций.

2.2. Отношение общества к пожилым людям в условиях старения населения

Развитые страны, столкнувшиеся с проблемой старения населения раньше других, на протяжении второй половины XX века меняли свои подходы к реализации политики в отношении граждан пожилого возраста¹²⁵:

- старение рассматривается как индивидуальная и социальная проблема (1940–1960-е годы);
- старение рассматривается с точки зрения экономики и занятости (1970–1980-е годы);
- старение конструируется как глобальная проблема и вызов (1990 год – по настоящее время).

Остановимся на каждом из них более подробно. Первый этап, который можно назвать «послевоенным», характеризовался не только «бэйби-бумом», но и нарастанием процесса старения населения. Все чаще в зарубежных исследованиях, в том числе и на самом высоком уровне (доклад Саймона Кузнеца на Всемирной конференции ООН по народонаселению в 1965 г. в Белграде), затрагиваются вопросы о влиянии демографических изменений на социально-экономическое развитие, публикуются первые работы, посвященные процессу демографического старения и его последствиям¹²⁶. Старение стало идентифицироваться как новая социальная проблема, в первую очередь связанная с развитием и консолидацией пенсионной системы и направленная на развитие социального государства¹²⁷. Однако на этом этапе исследуемая проблема являлась скорее локальной для каждой отдельно взятой страны.

¹²⁵ Зеликова Ю.А. Стареющая Европа: демография, политика, социология / Ю.А. Зеликова. – СПб. : Норма, 2014. – 224 с.

¹²⁶ Россет Э. Процесс старения населения. – М. : Статистика, 1968. 508 с.; Сови А. Общая теория населения. Том второй. Жизнь населения / пер. с фран. Ф.Р. Окуновой. – М. : Прогресс, 1977. 520 с.

¹²⁷ Lowe R. The Welfare State in Britain since 1945. London : Macmillan, 1993. 528 p.; Walker A. Public policy and theories of aging: constructing and reconstructing old age // Handbook of Theories of Ageing. 1999. № 3. Pp. 361-378.

Второй этап характеризовался осмыслением роли старшего поколения на рынке труда и его вклада в экономику. В развитых странах в противовес текущей ситуации, когда занятость пожилых людей поощряется государством, в 70–80-х годах активно вводилась практика раннего выхода на пенсию из-за кризиса занятости, возникшего в те годы. Разрабатывались специальные программы «освобожденной занятости» (Англия) или предпенсионных выплат (Германия)¹²⁸. В это же время зарубежными исследователями разрабатывались теории позитивного отношения к общественной активности пожилых людей. Согласно теории активности М. Мэддокса главным аспектом здесь является положительная взаимосвязь уровня активности и удовлетворенности жизнью¹²⁹. Предполагается, что пожилые люди должны быть вовлечены в жизнь общества, и это должно означать, что чем активнее некто, тем он удовлетвореннее.

Третий этап ознаменовался осознанием правительствами «стареющих» государств системности процесса демографического старения и его необратимости. Демографические дивиденды развитых стран были исчерпаны, а на смену политике «досрочного освобождения» пришли реформаторские решения о повышении пенсионного возраста и удержании пожилых людей на рынке труда, ввиду сформировавшего на нем дефицита предложения. Увеличение нагрузки на трудоспособное население, усиление конкуренции на рынке труда между пожилыми людьми и молодежью, рост бюджетных затрат на здравоохранение и социальную защиту, обострение вопроса о справедливости перераспределения общественных ресурсов – это только небольшая часть последствий старения населения, которые становятся значительным фактором нарастания социальной напряженности. Проявления на этом фоне таких социальных конфликтов, как геронтофобия (дословно – «боязнь стариков и старости»), эйджизм (проявления возрастной дискриминации) и межпоколенческие конфликты, представляются негативными формами ответной реакции общества на изменения, вызванные деформацией возрастной структуры населения.

В контексте изучения истоков возникновения возрастной дискриминации особого внимания заслуживает концепция типов культур, раз-

¹²⁸ Зеликова Ю.А. Стареющая Европа: демография, политика, социология. СПб. : Норма, 2014. 224 с.

¹²⁹ Ежов О.Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 3. С. 22-33.

работанная известным антропологом и культурологом Маргарет Мид¹³⁰. Рассмотрим более подробно три типа культуры согласно ее классификации, выделив роль пожилых людей в межпоколенческой коммуникации.

1. Постфигуративная культура: младшие поколения перенимают опыт у старших, пожилые люди выступают посредниками в его передаче от поколения к поколению. Такие культуры консервативны и слабо подвержены изменениям. Данный тип характеризуют изолированность и преобладание лабильной (кратковременной) культурной и исторической памяти, передаваемой из поколения в поколение. Пожилые люди при этом ценятся достаточно высоко, т.к. поддерживают историческое наследие и реализуют функцию трансмиссии ценностей.

2. Кофигуративная культура: младшие поколения перенимают опыт не только у старших, но и у сверстников. Переход к данному типу чаще всего происходит вследствие неких революционных событий (переход к новому политическому строю, технологические изменения, принятие новой веры и т.д.), за которыми следует изменение структуры ценностей общества. Помимо функции передачи ценностей, роль представителей старшего поколения заключается в установлении пределов и рамок проявлений кофигурации, позволяющих не допустить полного изменения прежних устоев. На этом фоне естественным образом возникают межпоколенческие конфликты, основной причиной которых служит конфронтация между системой «старых» и «новых» ценностей. В концепции М. Мид одной из главных характеристик кофигуративной культуры является постепенный переход к модели нукlearной семьи. Таким образом, в процессе прямого взаимодействия и передачи ценностей участвуют два поколения (родители и дети), межпоколенческая коммуникация сокращается до минимальных пределов. Разрыв культурной дистанции ведет к возникновению дискриминации по признаку возраста, основанной на конфликте ценностей.

3. Префигуративная культура: не только младшее поколение перенимает опыт у старшего, но и наоборот. В современном обществе темпы научно-технологического прогресса настолько велики, что человечество не успевает вовремя под них подстраиваться. Возникает эффект «шока от будущего», который в одноименной книге подробно описал Э. Тоффлер¹³¹. Таким образом, пожилые люди, чья ценностная система является предельно сформированной, вынуждены регулярно перестра-

¹³⁰ Mead M. Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap. The Bodley Head, 1970. 128 p.

¹³¹ Тоффлер Э. Шок будущего. М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.

иваться под нововведения и инновации не только технологического, но и социального характера¹³². Немаловажную роль играет также увеличение общей продолжительности жизни населения. Еще несколько веков назад продолжительность жизни реальных поколений людей в Европе составляла порядка 30 лет¹³³, в то время как интенсивность научного и технического прогресса была существенно ниже, что способствовало формированию постфигуративных и кофигуративных культур, в которых возможностей для адаптации пожилого человека и нахождения своего места было значительно больше.

Таким образом, теория М. Мид демонстрирует нам, что возникновение возрастной дискриминации – это социальное явление, вызванное трансформацией общественных ценностей, переходом к новому типу культуры, в которой происходят разрывы межпоколенческих коммуникаций. Однако данное явление имеет и другие грани, формирующиеся параллельно с трансформацией возрастной структуры населения – демографическим старением.

Как мы отметили выше, старение населения выступает одним из главных демографических трендов современности. Увеличение доли и численности пожилых людей влечет за собой множество последствий, наиболее измеримые из которых выражаются в росте смертности населения, увеличении доли хронических заболеваний, возрастании нагрузки на систему здравоохранения, сокращении доли трудящегося населения. Безусловно, последствия старения требуют от правительств «стареющих» государств реакционных мер по поддержанию устойчивого социально-экономического развития. Одной из таких мер стало введение системы социального страхования населения (в том числе пенсионного обеспечения), которая, с одной стороны, имела благоприятный эффект с точки зрения поддержания уровня потребления (через улучшение качества жизни социально уязвимых категорий), с другой – превратилась в фактор формирования дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям, как непроизводительной части общества.

¹³² Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton : Princeton University Press, 1997. 464 p.; Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011. 464 с.; Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values. San Francisco : Jossey-Bass, 1968. 230 p.; Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y. : Free Press, 1973. 438 p.; Buthler T., Berret B. A generation lost: the reality of age discrimination in today's hiring practices [Electronic resource] // Journal of Management and Marketing Research. 2012. vol. 10. Режим доступа: <http://www.aabri.com/manuscripts/11981.pdf>

¹³³ Урланис Б. Эволюция продолжительности жизни. М. : Статистика, 1978. 310 с.

Долгое время (если более точно, то до 70–80-х годов XX века) пенсионные системы развитых стран основывались на т.н. принципе солидарности поколений (модель условно-накопительной пенсионной системы «pay-as-you-go») и функционировали посредством перераспределения средств между поколениями, а точнее перечисления части доходов работающего населения в пользу нетрудоспособных граждан. Однако в дальнейшем, когда демографический дивиденд был исчерпан и большинство развитых стран перешли в третью фазу демографического перехода, пенсионная нагрузка на трудоспособное население начала существенно возрастать, что сделало актуальным вопрос о справедливости перераспределения общественных финансов. Социально-демографической группе пожилых людей, до этого рассматривавшейся только в качестве непроизводительной части населения, присваиваются ярлыки «бремени» или «обузы» для государства и его бюджета. Важно отметить, что многие страны отреагировали на этот вызов переходом к накопительной пенсионной системе, повышающей индивидуальную ответственность гражданина за свои пенсионные накопления. Но для нас важно другое. Старение населения и его последствия стали фактором зарождения предвзятого отношения к пожилым людям, не наблюдавшегося ранее: культурная и ценностная «пропасть» между поколениями дополняется экономической.

Еще одним важным последствием демографического старения является трансформация рынка труда и сокращение предложения на нем. Во второй половине XX века работодатели в развитых и развивающихся странах использовали применительно к пожилым людям систему, которую условно можно назвать «последний на вход, первый на выход»¹³⁴. Те люди, приближающиеся к пенсионному возрасту, были первыми кандидатами на увольнение и последними – при приеме на работу. Эта система по определению является дискриминационной, причем экономически обоснованной только в рамках «демографического окна», когда отношение доли иждивенцев к удельному весу трудоспособного населения стремится к минимуму.

В большинстве развитых стран на рубеже XX–XXI веков проблема профицита предложения на рынке труда сменилась ее дефицитом. С учетом необратимости глобального демографического старения актуальной стала проблема реализации второго демографического дивиденда, основанного на ресурсном потенциале старшего поколения, проще говоря –

¹³⁴ Neumark D., Song J. Do Stronger Age Discrimination Laws Make Social Security Reforms More Effective? // Journal of Public Economics. 2013. Vol. 108. Pp. 1-16.

стимулировании занятости пожилых людей и внедрении политики продления периода трудовой активности граждан после достижения пенсионного возраста. Однако в этом случае необходимо было решить важную проблему возрастной дискриминации по отношению к пожилым людям со стороны работодателя. Мировая общественность отреагировала на это формированием нормативных документов, регулирующих, в том числе, подобную дискриминацию: Венский международный план по проблемам старения (1982), Декларация по проблемам старения (1992), Мадридский международный план действий по проблемам старения (2002). Все представленные документы носят рекомендательный характер, а конкретные антидискриминационные законы принимаются на уровне стран. Один из первых нормативно-правовых актов, регулирующих возрастную дискриминацию, принят в США, а предпосылкой послужил доклад В. Виртса «Пожилый американский работник»¹³⁵. В этом докладе было представлено несколько эмпирически подтвержденных выводов о возрастной дискриминации по отношению к пожилым людям в США, выглядевших в обобщенном виде следующим образом:

- многие работодатели сознательно устанавливают негласные возрастные ограничения;
- формально об этих ограничениях никому неизвестно, а доказать их существование не представляется возможным;
- возрастная дискриминация становится в один ряд с явлениями сексизма, расизма, ксенофобии и основывается на стереотипных предположениях о зависимости возможностей человека от его возраста, не подкрепленных объективными фактами;
- эмпирически доказано, что производительность труда уволенных пожилых сотрудников и более молодых работников не отличается;
- явление возрастной дискриминации лишает народное хозяйство возможности реализовать ресурсный потенциал миллионов представителей старшего поколения, что негативно сказывается и на их психологическом состоянии, возникновении чувства ненужности и социальной изолированности.

Таким образом, анализ существующих исследований позволяет утверждать, что качество жизни и реализации ресурсного потенциала во многом зависят не только от состояния здоровья и мотивации пожилого человека, но и от готовности самого общества принять изменения,

¹³⁵ Wirtz W. The older American worker, age discrimination in employment: Report of the Secretary of Labor to the Congress under section 715 of the Civil Rights Act of 1964. Washington, DC : Department of Labor, 1965. 153 p.

вызванные старением населения. Одним из институциональных барьеров, препятствующих эффективной реализации ресурсного потенциала старшего поколения и обеспечению достойного качества их жизни, является возрастная дискриминация. С юридической точки зрения доказать наличие возрастной дискриминации пожилых людей довольно сложно, однако существуют косвенные способы оценки масштабов ее распространенности, в частности, опирающиеся на социологические методы. В данной части исследования представлены результаты комплексной оценки масштабов и распространенности дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям. В качестве информационной базы использовались данные шестой волны социологического обследования The World Values Survey («Обзор мировых ценностей», далее – WVS)¹³⁶. Ассоциация WVS включает в себя большое количество авторитетных ученых социологов со всего мира, цель которых – сформировать обобщенное представление о ценностной структуре в разных регионах мира. Представлены результаты стандартизированных опросов в 56 странах, проводившихся на протяжении 2010–2014 годов; общая выборка составила свыше 90 тыс. человек.

Инструментарий обследования WVS является очень обширным, но нас интересовали аспекты, отражающие восприятие обществом старшего поколения. В анкете опроса представлен блок суждений о пожилых людях, с которыми респондентам предлагалось согласиться/не согласиться. Вопрос звучал следующим образом: «Насколько Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями о пожилых людях?». Каждому из суждений нами был присвоен маркер дискриминационного восприятия обществом представителей старшего поколения:

1. *Пожилых людей в наши дни не уважают* (I_1). Маркер: неуважительное отношение к пожилым людям.

2. *Пожилые люди получают от правительства больше, чем заслуживают* (I_2). Маркер: восприятие пожилых людей как нагрузки для бюджета государства.

3. *Пожилые люди – это бремя для общества* (I_3). Маркер: восприятие пожилых людей как бремени для общества в целом.

4. *Компании, нанимающие молодых, добиваются больших успехов, чем использующие работников разного возраста* (I_4). Маркер: восприятие пожилых людей как ненадежных работников.

¹³⁶ Data & Documentation [Electronic resource] // The World Values Survey. – Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

5. У пожилых людей слишком много политического влияния (I_5). Маркер: восприятие пожилых людей как социальной группы, обладающей чрезмерным политическим влиянием.

Вариантам ответов нами были присвоены следующие балльные оценки: полностью согласен – 1 балл; скорее согласен – 2 балла; трудно сказать – 3 балла; скорее не согласен – 4 балла; полностью не согласен – 5 баллов.

По каждому из суждений рассчитывался средний балл для всех рассматриваемых стран, после чего строился сводный индекс толерантного отношения к пожилым людям ($I_{\text{тол}}$) по пяти показателям (чем ниже балл – тем выше проявление дискриминационных настроений):

$$I_{\text{тол}} = \frac{I_1 + I_2 + I_3 + I_4 + I_5}{5}. \quad (1)$$

Далее проверялись связи изучаемого явления с факторными признаками по всем странам: демографический (доля населения старше 60 лет по данным ООН), экономический (средний показатель ВВП на душу населения в долларах США по данным Всемирного банка за период с 2010 по 2014 г.), ценностный (вопросы из анкеты WVS касательно места традиционных и религиозных ценностей в жизни человека) и политический (развитость демократических институтов по данным The Economist Intelligence Unit). Для выявления связи между результативным (индекс толерантного отношения к пожилым людям) и факторным признаками последовательно строились уравнения парной регрессии, рассчитывался коэффициент корреляции. Заключительным этапом стала разработка классификации стран мира по уровню дискриминационных настроений и другим рассматриваемым признакам.

В таблице 2.9 представлены результаты итоговых расчетов по первым и последним десяти странам, а также их ранговое положение по частным индексам. В первую десятку (территории с наименьшей распространенностью дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям) входят развитые европейские страны, Австралия и Новая Зеландия, а также четыре бывшие советские республики (Эстония, Казахстан, Грузия и Армения). В конце списка (территории с наиболее широкой распространенностью возрастной дискриминации) находятся страны Азиатского и Африканского регионов.

Таблица 2.9. **Положение стран мира по индексу толерантного отношения к пожилым людям**

Страна и значение индекса	Ранг по частным индексам				
	Неуважение (I_1)	Нагрузка на государство и бюджет (I_2)	Бремя для общества (I_3)	Ненадежные работники (I_4)	Чрезмерное политическое влияние (I_5)
1. Нидерланды (3,8424)	15	18	7	2	2
2. Австралия (3,7744)	36	21	4	1	1
3. Германия (3,7464)	13	4	23	6	12
4. Эстония (3,7416)	14	3	41	11	4
5. Новая Зеландия (3,698)	26	28	10	4	3
6. Казахстан (3,6746)	2	13	12	26	8
7. Испания (3,6572)	41	7	11	9	6
8. Армения (3,625)	17	2	8	20	24
9. Швеция (3,5858)	37	26	17	3	16
10. Грузия (3,5744)	25	1	6	19	33
...	...	...	...	...	...
47. Тунис (3,0168)	34	37	14	50	53
48. Ливан (2,9962)	20	40	53	35	43
49. Турция (2,9928)	44	35	48	51	32
50. Филиппины (2,9862)	10	56	31	46	44
51. Египет (2,9268)	7	47	43	54	56
52. Бахрейн (2,9104)	18	48	56	41	37
53. Гана (2,8002)	31	42	52	55	51
54. Малайзия (2,7558)	54	54	19	48	55
55. ЮАР (2,7256)	51	52	55	45	39
56. Нигерия (2,7196)	21	50	54	56	54
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена (N=56)	$r_1=0,08$	$r_2=0,76$	$r_3=0,50$	$r_4=0,79$	$r_5=0,79$
Рассчитано по: Data & Documentation [Electronic resource] // The World Values Survey. – Режим доступа: http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp					

Можно сделать предварительный вывод о существовании «полюсов» вертикали возрастной дискриминации в мире, где на одном находятся развитые страны и регионы с переходной экономикой, на другом – развивающиеся и слаборазвитые. Стоит отметить, что такое распределение является несколько условным, т.к. многие развитые страны (Япония, Южная Корея, Сингапур) имеют достаточно низкие значения индекса. Такие страны, как Катар и Кувейт, располагающие одними из самых высоких показателей ВВП на душу населения¹³⁷, также находятся во второй половине списка. Это лишь подтверждает тот факт, что при оценке распространенности в мире возрастной дискриминации недостаточно использования только экономических показателей.

Для более полного понимания закономерностей расположения в рейтинге стран мира по уровню толерантного отношения к пожилым людям рассмотрим распределение по частным индексам. С целью выявления связи итогового индекса с его составными элементами нами был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена, который рассчитывается по следующей формуле:

$$r_s = 1 - \frac{6 \times \sum d^2}{l(l^2 - 1)}, \quad (2)$$

где: $\sum d^2$ – сумма квадратов разностей между рангами итогового и частного индекса;

l – число сопоставляемых пар.

Проведенные расчеты (см. табл. 2.9) свидетельствуют о сильной положительной корреляции между рангами сводного индекса и частными показателями I_2, I_3, I_4, I_5 ($r_2=0,76$; $r_3=0,50$; $r_4=0,79$; $r_5=0,79$), что свидетельствует о достаточном соответствии четырех из пяти применяемых критериев.

Однако коэффициент ранговой корреляции между итоговым показателем и частным индексом I_1 (неуважительное отношение к пожилым людям) показывает отсутствие значимых связей между ними ($r_1=0,08$). Для выявления причин такого несоответствия рассмотрим позиции некоторых стран, ранжированных по показателю I_1 (табл. 2.10).

Как можно видеть из таблицы, в восьми странах с наиболее уважительным отношением к пожилым людям наблюдается сильное несоответствие по другим показателям: отдавая дань уважения старшему поколению,

¹³⁷ World Bank Open Data [Electronic resource] // The World Bank. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/>

Таблица 2.10. Показатели частных индексов дискриминационных настроений для некоторых стран (ранжировано по I_1)

Страна	Ранг по частным индексам				
	Неуважение (I_1)	Нагрузка на государство и бюджет (I_2)	Бремя для общества (I_3)	Ненадежные работники (I_4)	Чрезмерное политическое влияние (I_5)
37. Ирак	1	33	22	53	40
6. Казахстан	2	13	12	26	8
27. Марокко	3	23	45	52	27
22. Гаити	4	53	26	22	7
33. Катар	5	46	2	34	48
35. Кувейт	6	38	15	38	50
52. Египет	7	47	43	54	56
38. Кыргызстан	8	43	29	39	34

Рассчитано по: Data & Documentation [Electronic resource] // The World Values Survey. – Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

население при этом считает пожилых обузой для государства, ненадежными работниками и людьми, обладающими чрезмерным политическим влиянием. Причиной такого расхождения, на наш взгляд, может являться феномен, который условно назовем *двойственностью социального восприятия*. Под этим термином мы будем понимать диссонанс восприятия населения пожилого возраста в двух контекстах: личностном (как персонифицированного субъекта человеческих отношений) и общественном (как социально-демографической группы). Для большинства из представленных в таблице стран характерны сильные традиции ислама, в котором важное место отводится уважительному отношению к старшему поколению, особенно на уровне семьи¹³⁸. Это объясняет их достаточно высокие позиции по уровню уважения к пожилым людям и позволяет предположить, что при ответах на вопрос респонденты, вероятнее всего, ориентировались на свой личный опыт, традиции семьи и окружающих их людей. Важно отметить, что показатель I_1 имеет сильную положительную корреляционную связь с религиозностью населения страны ($r=0,71$), т.е. уважительное отношение к старшему поколению через личностное восприятие с большой долей вероятности определяется широтой распространенности религиозных канонов.

¹³⁸ Смирнова Т.В. Социальный статус пожилых людей: социологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 70-78; Смолькин А.А. Социальное проектирование отношения к старости // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2007. № 2. С. 240-247.

При этом четыре других высказывания о пожилых людях имеют несколько иной контекст, обусловленный в большей степени экономическими и политическими аспектами, характеризующими их уже как социально-демографическую группу. Респондент, абстрагируясь от личностного восприятия, переходит к оценке места и роли пожилых людей как категории, которая в большинстве случаев рассматривается в качестве непроизводительной. В этом случае ответы респондентов становятся уже диаметрально противоположными, а также наблюдается сильная отрицательная корреляционная связь с уровнем религиозности страны. Феномен двойственности социального восприятия старшего поколения демонстрирует нам существование латентной возрастной дискриминации, которая проявляется не в личностном отношении, а через идентификацию пожилых людей как членов социально-демографической группы и через присваиваемые им стереотипные характеристики.

Следующий этап анализа заключается в выявлении связи индекса толерантного отношения к пожилым людям с отдельными демографическими, экономическими, социальными и культурными характеристиками исследуемых стран. Для выявления взаимосвязей между результативным и факторным признаками использовался метод корреляционно-регрессионного анализа.

В первую очередь была проведена оценка взаимосвязи индекса толерантного отношения к пожилым людям с удельным весом населения старше 60 лет в странах мира. Была выявлена достаточно сильная положительная корреляция ($r=0,66$), которая свидетельствует о следующем: чем выше доля пожилых людей, тем ниже распространенность дискриминационных настроений. Это несколько противоречит устоявшемуся мнению о том, что увеличение удельного веса представителей старшего поколения ведет к нарастанию социальной напряженности¹³⁹. Данная ситуация возникает в период, когда темпы прироста доли пожилых людей достигают максимального значения.

Очевидно, что результаты социологического опроса зависят от возрастной структуры населения, на основании которой строится выборка. Можно предположить, что чем выше доля пожилых людей, тем сильнее их влияние на значения индекса толерантного отношения к пожилым людям. Для проверки этой гипотезы был проведен анализ распространенности дискриминационных настроений в возрастном срезе (табл. 2.11).

¹³⁹ Резер Д. Экономические и социальные последствия демографического перехода (перевод с английского) [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2014. № 4. Режим доступа: <http://demreview.hse.ru/2014--4/150230090.html>

Таблица 2.11. Частные индексы дискриминационных настроений по возрастным группам

Маркер	Возрастная группа		
	До 29 лет	30–49 лет	50 лет и старше
Неуважение (I_1)	2,856	2,843	2,742
Нагрузка на государство и бюджет (I_2)	3,501	3,620	3,744
Бремя для общества (I_3)	3,881	3,953	4,168
Ненадежные работники (I_4)	2,957	3,102	3,278
Чрезмерное политическое влияние (I_5)	2,997	3,078	3,065
Рассчитано по: Data & Documentation [Electronic resource] // The World Values Survey. – Режим доступа: http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp			

Как можно увидеть из таблицы, пожилые люди по некоторым показателям оценивают свои социальные роли лояльнее, чем представители младших возрастных групп. В то же время граждане старшего поколения оценивают уровень уважительного отношения к себе выше, чем представители других возрастных категорий, а также солидарны с остальной частью общества относительно политического влияния этой социально-демографической группы. Но, несмотря на выявленные диспропорции, дискриминационные настроения во всех трех возрастных категориях сильнее в странах, где доля пожилых людей составляет менее 10%, т.е. значимость их вклада в «старых» государствах в абсолютном выражении нивелируется более низкими оценками их места и роли в «молодых» регионах. Более того, во многих странах с большой долей пожилых людей (Япония, Южная Корея, Румыния, Таиланд, Гонконг) распространенность возрастной дискриминации тоже достаточно высокая. Таким образом, нельзя однозначно утверждать, что значение индекса толерантного отношения к пожилым людям зависит исключительно от удельного веса населения «третьего возраста».

В качестве фактора, отражающего уровень экономического развития государства, использовался показатель ВВП на душу населения. Была выявлена умеренная положительная корреляционная связь с индексом толерантного отношения к пожилым людям ($r=0,42$). Дисбаланс в распределение вносят страны юго-восточной (Япония, Южная Корея, Сингапур) и юго-западной Азии (Катар, Кувейт): располагая очень высокими показателями ВВП на душу населения, они имеют высокие значения дискриминационных настроений. Во многом это связано со слабой устойчивостью пенсионных систем в этих странах, обостряемой негативным влиянием последствий старения населения.

Как уже говорилось ранее, одними из наиболее важных факторов, воздействующих на отношение к пожилым людям, являются культурные традиции и религиозность. В качестве показателя традиционности использовался индекс, построенный по данным WVS по аналогии с частными индексами дискриминационных настроений. Вопрос в анкете звучал следующим образом: «Насколько это похоже на Вас: для меня важно следовать традициям и обычаям, принятым в моей семье или религии?» (чем выше балл – тем ниже традиционность). Коэффициент корреляции с индексом толерантного отношения к пожилым людям составил 0,38. Это позволяет сделать вывод о том, что высокий или низкий уровень традиционности, характерный для отдельной страны или общества, далеко не всегда определяет уровень дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям. Однако культурные традиции часто не связаны с религией, т.к. они могут сохраняться длительное время даже в странах с низким уровнем религиозности¹⁴⁰. В качестве показателя религиозности использовался индекс, построенный по данным WVS по аналогии с частными индексами дискриминационных настроений. Вопрос в анкете звучал следующим образом: «Насколько для Вас важна следующая ценность: религия?» (чем выше балл – тем ниже религиозность). Корреляционная связь оказалась существенно сильнее, чем в примере с традиционностью ($r=0,62$), т.е. чем ниже уровень религиозности, тем ниже распространенность дискриминационных настроений в отношении пожилых людей. Выявленная закономерность противоречит подтвержденным фактам о том, что любая из наиболее распространенных религий (христианство, буддизм, ислам) культивирует уважительное отношение к старшему поколению¹⁴¹, поэтому его место и роль в странах с сильными религиозными традициями должны оцениваться достаточно высоко. Согласно теории Р. Инглхарта, переход от материалистических к постматериалистическим ценностям связан, помимо прочего, со снижением уровня религиозности¹⁴². Таким образом, толерантность к пожилым людям в постматериалистических (развитых) странах распространена значительно шире, в том числе по причине уменьшения влияния религиозных

¹⁴⁰ Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. N.Y. : Charles Scribner's Sons, 1958. 320 p.

¹⁴¹ Смирнова Т.В. Социальный статус пожилых людей: социологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 70-78; Смолькин А.А. Социальное проектирование отношения к старости // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2007. № 2. С. 240-247.

¹⁴² Инглхарт Р, Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011. 464 с.

догм. Пожилой человек уже не рассматривается как «мудрец», «старец», что является хотя и положительным, но все же стереотипом, накладывающим отпечаток на восприятие его как индивида, чьи функции ограничиваются трансмиссией жизненного опыта. В странах с широким распространением религиозных догм и традиций пожилые люди воспринимаются как некая субкультура, к которой относятся с большим уважением, но которая представляет собой непроизводительную часть общества, создающую социально-экономическую нагрузку.

В то же время нельзя однозначно утверждать, что распространенность религии способствует формированию дискриминационного восприятия старшего поколения. Это лишь один из многих элементов, характеризующих смену социокультурной парадигмы отношения к пожилым людям с «традиционной» на «современную». Переход к «современной» парадигме предполагает, что пожилые люди рассматриваются не как «обуза» для общества, а как ресурс его развития и модернизации. Социальный портрет пожилого человека формируется исходя из характеристик общества в целом, а не социально-демографической группы «третьего возраста». Социум перестает мыслить стереотипными образами (в том числе формируемыми религиозными догмами), восприятие пожилых людей основывается на принципах равенства и толерантности, которые, в свою очередь, во многом связаны с развитостью демократических институтов в стране.

Для выявления связи возрастной дискриминации с развитием демократических институтов нами были использованы данные рейтинга стран мира The Democracy Index (2016 г.), рассчитанного британским исследовательским центром The Economist Intelligence Unit¹⁴³. Проведенные расчеты свидетельствуют о наличии умеренной положительной корреляционной связи между индексом дискриминационных настроений и развитием демократических институтов ($r=0,44$). Можно сделать вывод, что в общей совокупности всех факторов развитость демократических институтов оказывает положительное влияние на снижение возрастной дискриминации в обществе.

Социальная, экономическая и политическая ситуация в стране определяют качество жизни старшего поколения. Можно предположить, что дискриминация по отношению к пожилым людям выступает фактором снижения качества их жизни. Для подтверждения этой гипотезы использовались данные рейтинга качества жизни пожилых людей в мире (Global AgeWatch Index, 2015 г.), рассчитанного по методике между-

¹⁴³ The Democracy Index [Electronic resource] // The Economist. Режим доступа: <http://www.eiu.com/topic/democracy-index>

народной неправительственной организации HelpAge International. Расчеты показывают, что между индексом дискриминационных настроений и Global AgeWatch Index наблюдается сильная положительная корреляционная связь ($r=0,71$). Это позволяет нам сделать один наиболее значимых в нашем исследовании выводов: *качество жизни пожилых людей определяется, в том числе, уровнем распространенности возрастной дискриминации.*

На заключительном этапе была составлена классификация стран мира по уровню возрастной дискриминации с выделением средних показателей, оказывающих влияние на его формирование (табл. 2.12).

Таблица 2.12. **Классификация стран мира по уровню толерантного отношения к пожилым людям**

Уровень толерантности	Страны	Среднее значения показателя для группы				
		Удельный вес населения старше 60 лет, %	ВВП на душу населения, долл. США	Традиционность, баллов	Религиозность, баллов	Развитость демократических институтов, баллов
Высокий $I_{\text{тол}} \geq 3,5$	Нидерланды, Австралия, Германия, Эстония, Новая Зеландия, Казахстан, Испания, Армения, Швеция, Грузия, Чили, США, Аргентина	20,4	30904	3,2	2,98	7,4
Относительно высокий $3,3 \leq I_{\text{тол}} < 3,5$	Россия, Беларусь, Польша, Украина, Бразилия, Эквадор, Уругвай, Гаити, Азербайджан, Кипр, Словения, Мексика, Марокко	15,7	11104	2,7	2,24	5,7
Средний $3,2 \leq I_{\text{тол}} < 3,3$	Колумбия, Сингапур, Тринидад и Тобаго, Перу, Япония, Катар, Китай, Кувейт, Иордания, Ирак.	11,7	28000	2,6	1,96	5,2
Относительно низкий $3 \leq I_{\text{тол}} < 3,2$	Кыргызстан, Гонконг, Пакистан, Зимбабве, Южная Корея, Румыния, Руанда, Таиланд, Алжир, Ливия, Тунис.	11,7	8958	2,6	1,79	5,2
Низкий $I_{\text{тол}} < 3$	Ливан, Турция, Филиппины, Египет, Бахрейн, Гана, Малайзия, ЮАР, Нигерия	7,6	7732	2,4	1,43	5,2

Рассчитано по: The Democracy Index [Electronic resource] // The Economist. – Режим доступа: <http://www.eiu.com/topic/democracy-index>; World Bank Open Data [Electronic resource] // The World Bank. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/>; Data & Documentation [Electronic resource] // The World Values Survey. – Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>; Global AgeWatch Index [Electronic resource] // HelpAge International. – Режим доступа: <http://www.helpage.org/global-agewatch/>

Отметим, что приведенная классификация ставит перед собой цель не установить конкретное место страны и дать характеристику распространенности дискриминационных настроений, а выявить определенные закономерности и особенности. Условно мы можем выстроить вертикаль возрастной дискриминации, на одном конце которой находятся преимущественно развитые страны и регионы с переходной экономикой, а на другом – развивающиеся и слаборазвитые страны. Для стран с наименьшим уровнем распространенности возрастной дискриминации характерны высокий среднедушевой доход, меньшее влияние традиций и ценностей религии, значительно более развитая система демократических институтов, а также не только большая доля пожилых людей, но и гораздо более высокое качество их жизни. Таким образом, проведенный анализ свидетельствует, что искоренение возрастной дискриминации – явление, сопутствующее экономической и социокультурной модернизации государства.

Сформулируем три главных вывода.

1. Возникновение возрастной дискриминации по отношению к пожилым людям – следствие смены социально-экономических систем. Восприятие представителей старшего поколения менялось с переходом от традиционного общества, где место и роль пожилых людей оценивались достаточно высоко в силу их значимости в передаче культурных ценностей, к индустриальному обществу, в котором население «третьего» возраста рассматривалось уже через призму их вклада в экономическое развитие. Однако демографическая революция, естественным результатом которой явилось перманентное увеличение доли и численности населения старших возрастов, стала отправной точкой смены социокультурной парадигмы восприятия пожилых людей. Правительства «стареющих» государств, принимая во внимание важность реализации ресурсного потенциала старшего поколения для устойчивого социального-экономического развития, отреагировали на последствия старения населения введением мер по искоренению стереотипизации образа пожилого человека. В «современной» парадигме возрастная дискриминация – социальный рудимент, препятствующий реализации ресурсного потенциала и инклюзии старшего поколения.

2. Распространенность дискриминационных настроений зависит от большой совокупности факторов. Проведенный нами анализ свидетельствует о наличии определенных закономерностей в формировании вертикали возрастной дискриминации. В странах, характеризующихся высоким

уровнем жизни и развитостью демократических институтов, дискриминация по отношению к пожилым людям распространена в гораздо меньшей степени. Увеличение численности пожилых людей в развитых странах воспринимается сегодня не как «вызов» или «проблема», а как «возможность» для развития, с учетом глобальности и необратимости демографического старения.

3. Выявлено, что качество жизни пожилых людей во многом определяется отсутствием возрастной дискриминации. Устранение данного социального барьера способствует реализации ресурсного потенциала пожилых людей во многих сферах жизнедеятельности общества.

Россия относится ко второй группе стран по уровню толерантного отношения к пожилым людям, однако выполненные нами расчеты показывают сохранение дискриминационных настроений в некоторых аспектах общественного восприятия старшего поколения. Стереотипизация и возрастная дискриминация пожилых людей (внешние ментальные барьеры) находят свое отражение не только в пренебрежительном отношении к данной социально-демографической группе со стороны общества, но и в ограничении прав ее представителей при трудоустройстве. Судя по данным проведенного опроса, 39,5% населения СЗФО считают, что пожилые люди «только занимают рабочие места и мешают продвижению молодых». Полученные данные находят свое подтверждение в результатах мирового опроса World Values Survey: по мнению свыше трети (35%) жителей России, организации, осуществляющие найм только молодых сотрудников, работают более эффективно, чем организации с сотрудниками всех возрастов, а 17% опрошенных согласны с утверждением «пожилые люди – это бремя для общества».

Почти половина населения СЗФО уверена в том, что проблемы трудоустройства населения «третьего» возраста связаны с самими пожилыми людьми, точнее – их мнением о собственной ненужности обществу и нежеланием что-то менять в своей жизни. При этом лишь каждый третий видит проблему в предвзятом отношении со стороны работодателей и отсутствии необходимых вакансий. Важно отметить, что 23% представителей старшего поколения в городской местности и 14,5% – в сельской сталкивались с проявлениями возрастной дискриминации при приеме на работу после выхода на пенсию. Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о сохранении дискриминационных настроений (формирующих внешние ментальные барьеры) по отношению к пожилым людям в современном обществе, препятствующих процессу их инклюзии.

2.3. Барьеры социальной инклюзии в самооценках пожилых людей

На протяжении всей истории человечества отношение общества к «старости» и пожилым людям менялось. В разное время изучением этой проблемы занимались такие ученые, как М. Блекнер, У. Генри, Э. Камминг, А. Роуз¹⁴⁴. Главным выводом, обобщающим идеи большинства исследований в данной области, является то, что место и роль пожилого человека определяется множеством факторов, к числу которых могут относиться исторические, географические, социальные, экономические и т.д. При этом ментальные особенности восприятия места и роли старшего поколения как обществом в целом, так и самими пожилыми людьми выступают важным аспектом формирования социокультурной парадигмы старости.

Важно отметить, что позитивистская идеология, ставшая краеугольным камнем социологии в настоящее время, а также стремление к объективизации и цифровизации социологических данных несколько отодвинули на второй план использование качественных методов. Однако, на наш взгляд, применение биографического метода в исследовании ментальных барьеров инклюзии потенциально может дать результаты, которые при помощи количественных методов получить достаточно сложно.

В 2017 г. коллективом сотрудников ВолНЦ РАН была проведена серия интервью с представителями старшего поколения (всего – 20 человек в возрасте от 59 до 82 лет). Гайд интервью включал в себя несколько блоков вопросов, направленных на исследование состояния здоровья группы, а также факторов, особенностей и мотивов к продолжению трудовой деятельности на пенсии, оценку круга социальных связей и элементов межпоколенческих коммуникаций, проблем, связанных с выходом на пенсию. Главной задачей проведенного исследования стала проверка гипотез относительно актуальности существующих барьеров инклюзии и выявления особенностей их формирования.

Первая часть интервью представляла собой описание краткой биографии и текущего семейного положения респондентов. Обращает на себя внимание дифференциация мест рождения опрошенных пожилых людей, которые на текущий момент проживают в г. Вологде: это Мурманская, Ульяновская, Белгородская, Московская, Тверская, Новосибирская, Архан-

¹⁴⁴ Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4 (46). С. 88-107.

гельская, Вологодская области, Республика Коми. Система распределения выпускников учебных заведений, активно применявшаяся в СССР, наложила отпечаток на траектории жизненных стратегий, т.к. смена места жительства происходила достаточно часто. Иногда рождение, обучение и трудовая деятельность происходили в разных регионах страны:

Н.Н., 72 года, ж. : «Родилась я в 1946 году в городе Мелекесс, Ульяновская область... В 1969 году я закончила Ивановское медицинское училище. По распределению дали Кемеровскую область... С мужем решили так далеко по карте не ехать и выбрали самое непрестижное место – Вологодскую область».

В настоящее время подобного рода вынужденные перемещения внутри страны представляют собой исключительные случаи. С точки зрения возможностей преодоления ментальных барьеров инклюзии это явление играет, вероятно, положительную роль. Неоднократно в интервью отмечалось большее умение «того» поколения (40–50-е годы рождения) адаптироваться к изменяющимся условиям.

Что касается семейного положения респондентов, то подавляющее большинство из них проживают в одиночестве или с супругом. Как правило, процесс территориального разделения семьи совпадает с рождением и взрослением внуков:

Г.П., 82 года, ж. : «В однокомнатной, так что... Вот и пришлось нам разъехаться: они в свою однокомнатную, тоже жили четверо в однокомнатной квартире, воспитывали так детей. А у меня была как бы трехкомнатная, мы с мужем да с дочкой жили, а потом муж умер, а потом дочка умерла. Дочка умерла, я сказала: давай, Миша, поменяемся. Сначала с сыном поменялась, а вот теперь уже с внучкой пришлось. Теперь уж думаю навсегда».

В силу ряда обстоятельств участие в воспитании внуков и активное общение с ними происходит до школьного возраста:

Н.Н., 72 года, ж. : «Нет, не часто удастся видаться. До школьного возраста с внуком проводила очень много времени, потом уже нет».

Главным ограничивающим фактором является здоровье пожилых людей, которым часто тяжело выполнять эти обязанности. Однако это не единственная причина. Важным элементом выступают межпоколенческие противоречия, выражающиеся в расхождении ценностей и установок воспитания:

В.Ф., 77 лет, ж. : «Мне как учителю начальных классов так хочется их чему-то научить (внуков. – Прим.)! Но мои дети говорят, что не надо сейчас, еще рано. Ну

а как не надо? В этом отношении у меня бывают с дочерью разногласия. Не скандалы конечно, но мне это не очень нравится».

Вторая стадия увеличения межпоколенческой дистанции на уровне семьи происходит на этапе взросления внуков. Как уже говорилось выше, современное российское общество характеризуется префигуративным типом культуры, в котором пожилым людям трудно адаптироваться к колоссальным темпам технологического и социального прогресса. На этом фоне возникает разрыв межпоколенческих коммуникаций, в основе которого лежит устаревание знаний и навыков, теряющих, по мнению молодых людей, свою актуальность:

Н.Н., 72 года, ж. : «Во всяком случае мои внуки не чувствуют необходимости воспользоваться моими знаниями, моим жизненным опытом. Даже когда даешь совет, и то обороняются. И не только внуки, но и сын со снохой. Начинаешь им говорить что-то, и они отвечают: ты ничего не понимаешь, сейчас совсем другая жизнь. Жизнь-то другая, но правила-то жизни такие же».

Меняется не только содержательная часть общения, но и его форма. Изменение стиля языкового общения часто становится еще одним барьером, препятствующим межпоколенческой коммуникации. Возникает когнитивный диссонанс в восприятии сути и содержания обыденных вещей, у которых меняется форма их описания:

И.Н., 70 лет, ж. : «Вы знаете, язык сменился, конечно. Я знаю английский, но я не понимаю, о чем речь. Я вижу вывески, написанные латинским буквами, но, оказывается, это русские слова написаны, т.е. у меня большое препятствие, как ни странно. Это и в СМИ, это и в общении с молодежью. Язык, изменился язык».

Безусловно, этот аспект можно рассматривать в качестве ментального барьера, препятствующего интеграции пожилых индивидов в общественную жизнь. Как следствие, в круг их социальных связей молодые люди входят крайне редко. Формируется он преимущественно из близких родственников и людей пенсионного возраста (чаще ровесников):

В.В., 72 года, ж. : «С родственниками в первую очередь, зовешь куда-то. Сын приглашает. С ровесниками общаюсь. С подругой встречаемся частенько».

И.Н., 70 лет, ж. : «Это люди моего возраста. Каждый день практически с ними общаюсь, поездки с ними».

Г.П., 82 года, ж. : «На сегодняшний день – с пенсионерами. Мы каждый день общаемся. Встречаться теперь реже стали, а по телефону очень много».

Таким образом, круг общения становится главным фактором формирования субкультуры «старости», в которой происходит интериоризация ценностных установок, характерных для данной группы. Следует отметить, однако, что для части пожилых людей это представляется серьезным препятствием, которое вынуждает их несколько изменять свои приоритеты в коммуникативной сфере:

С.В., 66 лет, ж. : «Честно говоря, мне больше нравится общаться с молодыми, нежели с людьми моего возраста, которые ноют, говорят о болячках, у которых все плохо».

Н.Н., 72 года, ж. : «С людьми своего возраста общаться все трудней и трудней, потому что старость сказывается на психике. Люди старшего возраста как-то замыкаются в себе. Чем старше – тем человек все больше сам себя ограничивает».

К.К., 75 лет, ж. : «Иногда остановишься у подъезда с бабушками поговорить. Но я не люблю у подъезда сидеть. Не нравится: «Этот туда пошел, этот сюда пошел». Какая мне разница, кто куда пошел?».

Фактически происходит неприятие ценностей, характерных для данной социально-демографической группы. При этом все опрошенные отмечали, что текущего круга общения им достаточно. Однако анализ интервью позволяет утверждать, что в большинстве своем прямое общение носит фрагментарный характер: например, посещение родственников или общение с ними по телефону несколько раз в неделю, встреча с ровесниками на совместных мероприятиях и т.д. Как следствие, жизнь пожилого человека часто ассоциируется с одиночеством:

Н.Н., 72 года, ж. : «Хоть десять человек нарожай, все равно старость – это одиночество. Все разъедутся, у каждого свои проблемы».

В разной степени с этим чувством сталкиваются большинство представителей старшего поколения. Однако отношение к самому факту одиночества и пути его преодоления могут различаться:

Г.П., 82 года, ж. : «Иногда находит, но очень редко. Ну бывает такое, взгрустнется, но кто-то позвонит, с кем-то поговоришь и опять все...».

Н.Н., 72 года, ж. : «Нет, от одиночества я не страдаю, одиночество я люблю. Общения с сыном мне вполне достаточно. Одной – очень хорошо, мне нравится».

К.К., 75 лет, ж. : «Вот я дома одна не люблю... Обычно приходится включать телевизор, но мне не очень нравится то, что там идет».

В.В., 72 года, ж. : «Если возникает, то я беру кроссворд. Пойдешь по городу погуляешь. А так всегда в коллективе. С работы приглашают иногда. Сейчас так лучше отдельно от родственников жить».

Проживание в одиночестве и наличие большого количества свободного времени требуют поиска компенсаторных механизмов, способов заполнения этого вакуума. Преимущественно это происходит путем наращивания интенсивности общения, приобретения новых хобби, участия в общественной деятельности. Стоит указать, что для работающих пенсионеров младших возрастов проблема одиночества актуальна в меньшей степени:

Т.Д., 59 лет, ж. : «Иногда даже хочется побыть одной. На работе по несколько десятков мимо пройдет, каждый что-то спросит, скажет. Я иногда приезжаю на дачу, думаю отдохну. Но тут одна соседка идет, вторая. Вот и опять круг общения. Не дают мне быть одной».

Необходимо отметить одно из наиболее значимых наблюдений: пожилые люди ассоциируют понятие «выхода на пенсию» не с установленным законодательно пенсионным возрастом, а с датой окончания своей трудовой деятельности. Именно в этот период становятся актуальными процессы постепенного сужения круга социальных связей, возникновения чувств одиночества и снижения общественной значимости. В это время начинается поиск тех самых способов заполнения возникшего вакуума:

В.В., 72 года, ж. : «Сложно привыкнуть дома сидеть. Хочется куда-то, чтобы не залежаться».

На принятие решения о продолжении или прекращении трудовой деятельности на пенсии оказывает влияние целый ряд взаимосвязанных факторов (внутренних и внешних). К внутренним факторам мы относим состояние здоровья, профессиональные умения и навыки, мотивацию и ценности. Анализ проведенных интервью подтверждает тот факт, что в распределении их значимости наблюдаются определенные закономерности:

Н.Н., 72 года, ж. : «Во-первых, состояние здоровья позволяло. Во-вторых, нравилась профессия, нравилось общаться со студентами. В-третьих, материальная заинтересованность. Это дало мне осуществить свое давнее желание – путешествовать».

Таким образом, хотя потребность в дополнительном доходе служит ключевым мотивом к продолжению трудовой деятельности, именно состояние здоровья («могу ли я это сделать физически?») и профессиональные навыки («умею ли я это делать?») являются первостепенными факторами.

Неудовлетворительное состояние здоровья выступает одним из аспектов, определяющих возникновение внутренних ментальных барьеров инклюзии и реализации ресурсного потенциала старшего поколения. В ходе интервью респондентам предлагалось дать субъективную оценку собственного самочувствия, абстрагируясь от имеющихся диагнозов. Исследование позволяет утверждать, что общая картина состояния здоровья населения старших возрастов, основанная на собственной самооценке, выглядит заметно оптимистичнее реальной:

В.В., 72 года, ж. : «Я в прошлом году проверялась, так мне дали 56 лет вместо 70. Я вообще, что если болит, так прикладываю сразу... Надо верить, во-первых, так и помогает. Наверно, на тройку-то тянет» (помимо комментариев, респондентам предлагалось оценить состояние своего здоровья по пятибалльной шкале. – Прим.).

В.Ф., 77 лет, ж. : «Я оптимист сама, держусь, везде хожу: плавание, кружки посещаю. Оценила бы здоровье на четыре с минусом.

Е.Г., 80 лет, м. : «Я только один раз в больнице лежал, и то только потому, что диспансеризация пенсионеров была. Состояние здоровья не вынуждало. Сейчас стало портиться здоровье уже. Оценю на четыре с минусом. Но, в общем, я себя хорошо чувствую».

К.К., 75 лет, ж. : «Я бы на четыре балла оценила свое здоровье. По крайней мере я сама себе внушаю, что все хорошо».

С.В., 66 лет, ж. : «Я инвалид первой группы. Но чувствую себя я на пять баллов. Что я должна лечь и лежать? Но я никому о своих проблемах не говорю».

При анализе ответов респондентов обращают на себя внимание несколько моментов. В большинстве случаев отмечалось, что именно оптимистичный настрой относительно реально существующих и прогрессирующих заболеваний выступает важнейшим элементом поддержания физического состояния здоровья. Вероятно, помимо эффекта самоуспокоения, для отдельных индивидов это служит своего рода способом преодоления стереотипного представления о пожилых людях и их физической недееспособности. Подтверждением данного предположения являются высказывания о том, что не следует регулярно озвучивать свои проблемы со здоровьем окружающим.

Второй аспект – это взаимосвязь между прекращением трудовой деятельности и изменением состояния здоровья. Дихотомическая составляющая проблемы не позволяет с полной уверенностью говорить о том, какой из аспектов первичный. Безусловно, ухудшение состояния

здоровья ведет к снижению трудовой активности. Однако, как показывают результаты интервью, в некоторых случаях именно трудовая деятельность являлась фактором поддержания удовлетворительного физического состояния, а после ее завершения начинало наблюдаться ухудшение самочувствия.

В.В., 72 года, ж. : «Раньше работала, не догоняла болезнь, а теперь сама себя поддерживаешь... Когда работала, так и не ходила в больницы. Ходила только уж когда здорово прижмет...»

К.К., 75 лет, ж. : «Скорее, мне кажется, наоборот, поддерживало. Сейчас хуже» (ответ на вопрос о том, препятствовало ли состояние здоровья трудовой деятельности. – Прим.).

Конечно, нельзя однозначно утверждать, что продолжение трудовой активности – это абсолютный залог хорошего здоровья и активного долголетия. Однако это в очередной раз свидетельствует о том, что представителей старшего поколения не следует рассматривать как гомогенную группу с точно определенным характером взаимосвязи различных факторов качества их жизни.

После завершения трудовой деятельности, как правило, больше внимания (именно внимания, а не времени) уделяется профилактике своего здоровья. Чаще всего это регулярная зарядка, длительная ходьба, плавание, посещение различных занятий по физкультуре. Стоит сказать что в ряде случаев отмечалась важность когнитивной и познавательной функций в замедлении процесса индивидуального старения.

Н.Н., 72 года, ж. : «Чтобы не стареть, замедлить процесс старения, надо обязательно работать головой. Старение начинается с головного мозга. Надо постоянно что-то узнавать новое. Тогда человек замедлит свои старческие процессы».

Однако всеми опрошенными признается тот факт, что возрастные изменения являются необратимыми вне зависимости от интенсивности профилактических мер.

Н.Н., 72 года, ж. : «Какой бы здоровый образ жизни человек ни вел, все равно генетическая программа идет на убыль. Абсолютно здоровых людей в 71 год не бывает».

Это во многом определяет увеличение частоты посещений врачей и больниц. В целом деятельность органов системы здравоохранения

оценивалась респондентами достаточно высоко, однако была выявлена одна настораживающая особенность:

В.Ф., 77 лет, ж. : «Я вам расскажу про медицину. Вот, значит, приходишь к врачам. Я спрашиваю у них диагноз, что нужно делать. Мне говорят: это у вас возрастное! Машины тоже портятся!».

В.В., 72 года, ж. : «Диспансеризацию проходила, но толку-то. Уколы не прописывают, только таблетки болеутоляющие. Говорят: старческое уже, изнашивается. Так обычно всем и говорят. Так вот и идешь как куда-нибудь пригласят, что-нибудь покупаешь» (речь идет о нетрадиционной медицине. – Прим.).

Нельзя утверждать однозначно, что такая практика является повсеместной. Однако сам факт существования подобного рода случаев ставит вопрос о необходимости расширения внедрения в системе здравоохранения геронтологического профилирования специалистов. Безусловно, процесс старения организма необратим, но «старость» – это не медицинский диагноз. Физиологическое старение – причина возникновения и роста интенсивности заболеваний, развитие которых, в свою очередь, может быть замедлено. Но первичным этапом должна стать смена восприятия медицинскими работниками «старости» не как единого неизлечимого заболевания, а как сложного явления со своими факторами и особенностями.

Вторым из рассматриваемых нами аспектов, оказывающих влияние на продолжение трудовой деятельности на пенсии, являются актуальные навыки и уровень профессиональной квалификации. В ходе интервью респондентам предлагалось оценить свои профессиональные навыки и умения на соответствие современным требованиям. Проведенный анализ позволяет выделить две основные группы респондентов, оценивающих уровень квалификации как высокий и низкий соответственно.

Группа 1:

И.Н., 70 лет, ж. : «Глядя, как учат сейчас, как учат моего внука... я бы еще пригодилась».

С.В., 66 лет, ж. : «Естественно, соответствует. Я проходила квалификацию на высшую категорию на последнем году работы. Я в курсе всех программ и ЕГЭ. Это все контролирую. Мне в принципе интересно».

Г.П., 82 года, ж. : «Как вам сказать. У меня внучка тоже экономистом работает на... Я вам скажу, что когда она училась, мы с ней прорабатывали это все, как говорится, ей это все пригодилось. Она сказала: бабушка, я бы без тебя так не смогла учиться и, может, даже и работать».

Группа 2:

Н.Н., 72 года, ж. : «Нет, не соответствуют. Как ушла в медицинский колледж, так и уровень знаний становится все хуже и хуже, в плане практических медицинских знаний. В связи со сменой строя столько стало импортных лекарств, что я в них до сих не разбираюсь».

К.К., 75 лет, ж. : «Сейчас нет. Сейчас везде компьютеры, я в это не вникаю».

В.В., 72 года, ж. : «Экономисты вот изживают себя, что-то новое надо всегда изучать. В строительстве тоже: беру материал, а я уже и не знаю такого. Надо снова все читать».

Причин такого расхождения несколько. Во-первых, люди, имеющие высшее образование, оценивают актуальность своих навыков и умений выше. Во-вторых, респонденты, относящиеся к группе 1, в среднем были больше настроены на продолжение трудовой деятельности. В-третьих, респонденты, высоко оценивающие свой уровень квалификации, заметно чаще проходили курсы повышения квалификации (включая самостоятельное обучение), в том числе и в предпенсионных возрастах. Поскольку продолжение трудовой деятельности на пенсии позволяет поддерживать более широкий круг общения, образование и высокий уровень квалификации становятся важными элементами преодоления ментальных барьеров интеграции в общественную жизнь, по крайней мере, в трудовой сфере.

Однако удовлетворительного состояния здоровья, высокого уровня квалификации и желания работать может быть недостаточно. Важным ограничивающим фактором выступает позиция работодателя. Как показало исследование, известное правило «последний на вход, первый на выход» по-прежнему во многих случаях применяется работодателями по отношению к представителям старшего поколения.

В.В., 72 года, ж. : «Немножко поработала на пенсии, но потом попросили уйти, надо было освободить место... Из декрета вроде кто-то вернулся».

К.К., 75 лет, ж. : «После выхода на пенсию сменила работу. В то время было очень сложно. Мне предложили уволиться по возрасту. Я хотела немножко еще поработать, но мне сказали, что по возрасту пора, попросили написать заявление по собственному».

И.Н., 70 лет, ж. : «Я хотела работать, я любила работать. Пришла новая смена. Закончился очередной трудовой договор, пришел новый молодой кандидат. Если бы не эти обстоятельства, я бы продолжала работать до сих пор».

Г.П., 82 года, ж. : «Могут уволить по возрасту. Я вот скажу, что в моей семье нас восемь было детей, этого не было. Но в разговорах... Люди поработали, но т.к. предпринимателю нужна молодежь...»

Проблема возрастной дискриминации и вторая часть правила – «... первый на выход» во многих организациях остаются актуальными. Но, как показывает анализ интервью, в первую очередь это определяется не негативным отношением к персонифицированному субъекту (пожилому человеку), а ограниченностью ресурсов предприятия. При прочих равных условиях в выборе между молодым и более зрелым сотрудником отдается предпочтение первому ввиду существования не подтвержденного фактическим материалом стереотипа (особенно в сфере умственного труда) о низкой производительности труда в пожилом возрасте. В то же время в некоторых случаях применяется практика перевода пожилого сотрудника на менее квалифицированную должность в пределах той же организации.

В.В., 72 года, ж. : «Обычно предлагают что-то, переводят. На менее оплачиваемую. Сестру у меня так перевели».

Второй вариант – поиск работы в другом месте. Здесь вступает в силу первая часть правила – «последний на вход...». Беседа с респондентами подтверждает тот факт, что найти подходящую работу после выхода на пенсию крайне трудно. Чаще всего приходится соглашаться на менее высокооплачиваемый и престижный труд.

В.В., 72 года, ж. : «10 лет работала на пенсии. Сначала в доме-музее, потом дворником, вахтером».

К.К., 75 лет, ж. : «Пошла работать дежурной на вахте в интернате».

Вследствие такого подхода к занятости старшего поколения сформировался стереотип о том, что пожилые люди предлагают низкоквалифицированный труд, не востребованный в экономике. Однако существует огромный перечень профессий (в первую очередь, в сфере услуг), в которых навыки, умения и опыт представителей старшего поколения могли бы сыграть положительную роль в социально-экономическом развитии государства. Проблема не в качестве предложения, а в отсутствии спроса на труд пожилых людей в некоторых профессиональных сферах, где фактор возраста и неудовлетворительное состояние здоровья не являются первостепенными.

Респондентам предлагалось также ответить на вопрос о том, в каких случаях, по их мнению, работодатель может уволить человека, уже вышедшего на пенсию.

В.В., 72 года, ж. : «Если человек не пьющий, не скандальный, то никогда не предложат уволиться. Да учатся сейчас люди, курсов полно».

Н.Н., 72 года, ж. : Если он соответствует своей должности, то, наверно, не должны. Очень трудный вопрос. Если бы я была работодателем и человек соответствует своей занимаемой должности – я бы не стала его увольнять».

Т.Д., 59 лет, ж. : «Если человек работает хорошо, то не могу уволить. Я так считаю. Если человек взялся за работу, то он должен отвечать своим обязанностям. Если не справляется – увольт, справляется – не увольт».

С.В., 66 лет, ж. : «Если бы я была руководителем, я бы увольняла. Я со стороны наблюдаю картину: стоят два мужчины, руки трясутся, возраст уже. Студенту приятно ли смотреть? И не все пополняют багаж своих знаний: он студенту преподает то, что было много лет назад, а ведь у нас появляется что-то новое. Я принципиально считаю: работать должны до пенсионного возраста. Положено отдыхать – отдыхай».

По мнению респондентов, одной из главных причин возможного увольнения «по возрасту» является несоответствие занимаемой должности по профессиональным критериям. На наш взгляд, именно этот параметр должен быть определяющим. Однако остается открытым вопрос: насколько работодатели руководствуются этим принципом? Проведенное исследование позволяет заключить, что фактор возраста часто перевешивает потребность в навыках и опыте пожилых людей.

В целом же стоит отметить, что бóльшая их часть достаточно лояльно относится к существующей практике «увольнения по возрасту», отмечая важность предоставления возможностей к труду молодым поколениям.

С.В., 66 лет, ж. «Я глубоко убеждена: работать должны люди молодые, здоровые, энергичные».

Однако, учитывая неоднородность исследуемой социально-демографической группы, следует принимать во внимание тот факт, что смена образа жизни после завершения трудовой деятельности может стать в некоторых случаях серьезным психологическим барьером.

И.Н., 70 лет, ж. : Очень сильно все поменялось, потому что, кроме различных курсов, мои познавательные потребности нигде не удовлетворялись. Пока я не нашла свое хобби, был сенсорный голод... Многие из нас готовы пригодиться и бесплатно государству. Ну а вообще: не нужны – значит не нужны. Ищем себе применение сами».

Таким образом, адаптация к смене образа жизни на пенсии может происходить в разных проекциях. Судя по результатам нашего исследования, восприятие пожилых людей как гомогенной группы с устоявшимся набором социальных ролей и функций является одним из наиболее существенных барьеров, препятствующих инклюзии старшего поколения. Часть его представителей не ассоциируют себя с пожилыми людьми в их стереотипном восприятии обществом, однако вынуждены перестраиваться в связи с влиянием внешних факторов (завершение трудовой деятельности и стереотипизация). Жизненные стратегии рассматриваемой категории выстраиваются по разным траекториям, поэтому существующая социокультурная парадигма «старости» требует изменения.

Проблема «отцов и детей», подробно раскрытая в одноименном произведении И.С. Тургенева, остается актуальной и сегодня. Одной из главных проблем является неприятие старшим поколением ценностей младшего, и наоборот, что активизирует процесс разрыва межпоколенческих связей. Респондентам предлагалось дать свою характеристику современной молодежи и сравнить ее с поколением своей молодости. В целом опрошенные не давали однозначных оценок, отмечая гетерогенность состава молодежи.

Г.П., 82 года, ж. : «Не скажу, что вся молодежь плохая. Есть молодежь, которая уступит и место и спросит что-то. Но сейчас стало очень мало таких, а раньше, можно сказать, что больше чем половина была. Раньше-то тоже были, как говорится, такие и нахалы... Но сейчас больше».

К.К., 75 лет, ж. : «Мне кажется – разная. Бывает и хорошая. А иногда на улице смотришь: дерзкие такие. Даже школьники средние. Все разные».

Т.Д., 59 лет, ж. : «Я ориентируюсь по своей семье. Моему сыну 36 лет и его друзья такого же возраста. Молодежь отличная. Может быть какие-то исключения из правил, но я смотрю на них и радуюсь».

С.В., 66 лет, ж. : «Не хуже. Обычные ребята, здоровые, энергичные, веселые».

Фактически подобные высказывания являются также своего рода опровержением стереотипа о негативном отношении пожилых людей к молодому поколению. Однако встречаются и однозначные оценки.

Г.П., 82 года, ж. «От воспитания зависит, зависит от того, как школа относится. Потом, раньше ведь если какое-то замечание сделаешь, как-то прислушивались, даже которые уж очень такие... А сейчас чуть чего, то тебя если не словом обидят, то и кулаками могут даже погрозить».

Н.Н., 72 года, ж. : «В советское время, когда студенты заканчивали медучилище, на выпускном было столько слез. Сейчас – хоть бы слезинка. Раньше было больше душевности. Сейчас другие люди. Уровень знаний выпускников намного меньше. Говорить совсем не умеют, двух слов связать не могут».

В данном случае отличия «той» молодежи от современной определяются разницей в воспитании и образовании. При этом, по мнению многих опрошенных, изменение общественного строя, системы воспитания и образования стали главными причинами того, что современная молодежь делает заметно больший акцент на финансовом благополучии и собственных интересах.

В.В., 72 года, ж. : «Молодежь сейчас пошла, между прочим... Деньги надо большие. Так тебе надо с мастера начинать какого-нибудь, но не хотят лопатой-то грести».

И.Н., 70 лет, ж. : «Мы в молодости были не так замотивированы на финансовую составляющую, а они ищут не сколько занятие для души, сколько деньги».

Г.П., 82 года, ж. : «Они уже по-другому смотреть на жизнь стали, как смотрели мы. Мы прежде думали о Родине, а потом о себе. А теперь наоборот. Это почти у каждого, редкостное явление, если наоборот... От родителей много зависит, они учили, что надо быть сплоченной, что надо помогать друг другу. И они сами помогали. Их пример очень много значит. Отец говорил, что сначала надо людям помочь, и нас так воспитали».

Данные отличия фактически представляют собой следствие влияния внешних факторов, формирующих различия в ценностях поколений. Однако были выявлены и более глубинные различия, выражающиеся в следующем.

И.Н., 70 лет, ж. : «Современная молодежь производит больше проб в разных направлениях, в которые не углубляются. Я всю жизнь, в том числе и в молодости, занималась одним. Остальное было вспомогательным. А они (современная молодежь. – Прим.) пробуют – бросают, пробуют – бросают».

С.В., 66 лет, ж. : «Современная молодежь – ищущая. Они пробуют себя в различных областях, свой стиль. Пробуют себя в разных сферах деятельности».

Таким образом, различия в ценностях и установках между старшим поколением и молодежью формируются в результате изменения подхода к определению своего места в социальной структуре. Если раньше, по мнению опрошенных, молодые люди старались акцентировать свое внимание на узком спектре действий и реализовать себя в определенной

сфере, то современная молодежь, учитывая быстрые темпы технологического и социального прогресса, вынуждена часто менять сферы деятельности. Вероятно, этот фактор является одним из определяющих в формировании ментальных барьеров инклюзии старшего поколения, в меньшей степени готового к инновациям и преобразованиям не только в силу возраста, но и по причине сформировавшихся еще в молодости установок и взглядов.

Важно отметить, что большинство представителей старшего поколения склоняются к тому, что сейчас отношение со стороны государства и общества стало лучше, чем раньше.

Г.П., 82 года, ж. : «Я бы сказала, что лучше».

Н.Н., 72 года, ж. : «Раньше у государства не было таких возможностей. Но сейчас, я считаю, к пожилым людям внимания больше. Взять тех же ветеранов – сразу после войны такого внимания не было».

К.К., 75 лет, ж. : «Я думаю, лучше. Более уважительно, как мне кажется».

Т.Д., 59 лет, ж. : «Хорошо относятся, если сам себя хорошо зарекомендовал. Надо себя вести нормально».

Как показало исследование, положительные оценки определяются преимущественно увеличением спектра вариантов проведения досуга (рост количества общественных организаций, досуговых центров, кружков и др.), что позволяет пожилым людям ощущать внимание со стороны социума и включенность в общественную жизнь. На этом фоне политика государства в отношении пожилых людей также получила высокую оценку, хотя финансовая составляющая по-прежнему является предметом обеспокоенности и недовольства:

И.Н., 70 лет, ж. : «К сожалению, все становится платным. Приходится на чем-то экономить, но и государство на нас, конечно, тоже экономит. Слава Богу, не ограничивают, как в былые времена. Ограничения только денежные».

Г.П., 82 года, ж. : «Видите... люди живут с пенсией 8,9,10 тысяч. Разве можно на такую пенсию прожить? Я бы сказала, что уже нельзя. Только концы с концами сводят и потом уже никуда у них не остается, даже на одежду приличную. Что останется если от прошлого...».

Т.Д., 59 лет, ж. : «Хорошая политика. Пенсию, конечно, не мешало бы побольше».

В.В., 72 года, ж. : «То, что нам пенсию дают, и вовремя дают – это молодцы. Хоть и не очень большая. Льготы тоже – хоть и маленькие. Не нравится то, что, конечно, немало бомжей пожилых».

С.В., 66 лет, ж. : «В принципе пенсиями не обижены, все нормально. Если нормально работал всю жизнь, то квартира у пенсионера уже есть. Беспокоит вопрос о том, что надо уменьшать пенсию, хотя вроде и уменьшат- то ее некуда. На питание только-только хватает».

Следовательно, можно утверждать, что низкий уровень пенсий выступает главным экономическим ограничением инклюзии старшего поколения. Получается, что в России перед пожилыми людьми на пенсии открывается большой спектр возможностей для реализации собственных потребностей и интересов, которые, однако, имеют денежные ограничения. При ответе на вопрос о том, что следует предпринять государству, чтобы изменить положение пожилых людей, подавляющее большинство опрошенных также назвали повышение пенсионных пособий.

Результаты интервью свидетельствуют о том, что пожилые люди не перекладывают всю ответственность за свое положение на государство, отмечая лишь его роль как гаранта пенсионного обеспечения.

И.Н., 70 лет, ж. : «Конечно, на себя. Я копила, честно говоря, на пенсию. Я готова подрабатывать, работать, но это как-то странно сидеть вахтером. На свои возможности надо опираться, инвалиды – другое дело».

Н.Н., 72 года, ж. : «Человек должен заботиться о себе сам. Иждивенческое настроение, между прочим, у многих. Все винят государство, а ты сам-то что сделал?»

Е.Г., 80 лет, м. : «Зачем на государство рассчитывать? У государства много людей. Наше поколение сами всего добивались. Работали, где-то еще подработку брали. Мы и так бесплатно выучились».

К.К., 75 лет, ж. : «Если есть у государства возможность помочь, то неплохо было бы. А если нет – самому надо. Я думаю, если человек имеет большой трудовой стаж, то пенсия у него хорошая должна быть, прожить можно на нее. А если по каким-то причинам не работал, то дети должны помочь. Должна быть поддержка от детей, необязательно материальная».

Т.Д., 59 лет, ж. : «Не надо ни на кого надеяться, я вот только на себя».

С.В., 66 лет, ж. : «Если государство не будет давать пенсию, то какие свои возможности? Болячки уже появляются, возможности не те. А в бытовом плане, конечно, сам. Нельзя полностью свое содержание перекладывать на государство. Пенсию дали – живете».

Таким образом, результаты исследования позволяют констатировать, что для современного старшего поколения в России не характерны иждивенческие настроения. На государство не возлагаются обязанности

по обеспечению достойной старости в части неэкономических аспектов качества жизни. Однако, как и в случае с вынужденным снижением потребления в пожилом возрасте, такая жизненная позиция может быть следствием принятия подхода государства, являющегося только гарантом материального обеспечения. Пожилые люди получают в свое распоряжение большое количество свободного времени и возможностей, но в силу ряда объективных обстоятельств, в том числе и ментального характера, не могут реализовать их в полной мере.

Подведем итог. Выполненное исследование позволяет прийти к заключению о том, что сформированный в общественном сознании образ пенсионера как представителя непроизводительной части населения заметно ограничивает возможности реализации потенциала старшего поколения. В то же время поддержание этого образа во многом определяется и внутригрупповыми процессами. Жизненные стратегии работающих и неработающих пенсионеров выстраиваются по принципиально различным траекториям: в первом случае – через отнесение себя к трудоспособной (производительной) части населения (что наглядно демонстрирует структура ценностей), а во втором – через интериоризацию установок, характерных для субкультуры «старости» (определяющим является состояние здоровья, вытесняющее все остальные факторы на периферию).

Выявленные ментальные барьеры инклюзии старшего поколения во многом вызваны особенностями восприятия пожилыми людьми своего положения в социальной структуре. Как показывают результаты глубоких интервью, фактор «инерционности» при продолжении трудовой деятельности позволяет сохранять прежние социальные связи, структура которых включает представителей разных возрастов (в том числе молодых). Завершение трудовой деятельности вследствие личных или внешних причин ведет к постепенному увеличению социальной дистанции между представителями старшего поколения, сужению круга общения, а также к потере ощущения чувства «нужности» обществу. Беседы в форме интервью с пожилыми людьми свидетельствуют о том, что именно завершение трудовой деятельности, а не получение статуса «пенсионера» служит главным фактором возникновения социальной дистанции между старшим поколением и обществом. Из результатов интервью следует, что повторные попытки трудоустройства в пенсионном возрасте осложняются, в том числе, восприятием пожилых людей обществом, в сознании которого они уже ассоциируются с непроизводительной частью населения.

Одним из основополагающих аспектов, препятствующих инклюзии старшего поколения, выступает разрыв межпоколенческих коммуникаций. Как показало исследование, данный процесс определяется множеством факторов, главным из которых является утрата актуальности навыков и опыта, которыми обладают представители старшего поколения, и их востребованности населением младших возрастов (в том числе, внутри семьи). Данная проблема была характерна и для других эпох, однако она была обусловлена преимущественно консервативным мышлением и снижающейся с возрастом способностью адаптироваться к нововведениям. Сегодня ситуация осложняется колоссальными темпами технологического прогресса. Решение проблемы разрыва межпоколенческих коммуникаций должно быть двусторонним. Требуется изменение социокультурной парадигмы старости, базисным элементом которой должно стать осознание важности межпоколенческого взаимодействия как молодыми людьми, так и представителями старшего поколения. Фактор возраста нельзя считать параметром, определяющим место, роль и функции человека в социальной структуре. Важно сформировать среди молодого населения позитивные установки на старость, опираясь на то, что рано или поздно каждый из членов общества попадает в социально-демографическую группу пожилых. Закончим главу несколько перефразированным утверждением одного из респондентов: общество стареет, меняются поколения и технологии, однако правила жизни остаются неизменными.

ГЛАВА 3

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

3.1. Проблема инвалидизации населения в регионах Северо-Западного федерального округа

Масштабы и динамика инвалидности. В мире, по данным за 2010 год, проживает около миллиарда людей, имеющих инвалидность, что составляет 15% населения планеты¹⁴⁵. Основными причинами увеличения численности инвалидов являются демографическое старение и распространение хронических заболеваний.

В Российской Федерации общая численность инвалидов в 2017 году составила 12,3 млн. человек, что на 28% выше уровня 1998 года и на 15% – уровня 2000 года. Среди федеральных округов наиболее высокая численность инвалидов зарегистрирована в Центральном, Приволжском и Сибирском. Северо-Западный федеральный округ занимает по данному показателю четвертое место – 1369 тыс. человек. При этом наибольшее число инвалидов фиксируется в г. Санкт-Петербурге (с Ленинградской областью), наименьшее – в Мурманской области (табл. 3.1). Динамика общероссийского показателя численности инвалидов в период с 2000 по 2017 г. была неравномерной: его рост наблюдался до 2011 г., в дальнейшем – уменьшение.

¹⁴⁵ Всемирный доклад об инвалидности: резюме // Всемирная организация здравоохранения, Всемирный банк. Женева, 2011. 28 с.

Таблица 3.1. **Общая численность инвалидов** (тысяч человек)

Территория	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	10648	11538	13134	13209	13189	13082	12946	12924	12751	12259
Центральный федеральный округ	3360	3656	3943	3949	3927	3884	3822	3769	3655	3531
Северо-Западный федеральный округ	1350	1388	1607	1590	1566	1535	1508	1457	1434	1369
<i>Республика Карелия</i>	70	77	80	79	79	78	77	75	73	69
<i>Республика Коми</i>	62	64	74	77	77	77	75	74	72	68
<i>Архангельская область</i>	92	101	109	107	106	105	105	104	103	95
<i>Вологодская область</i>	104	136	133	133	131	129	126	123	116	108
<i>Калининградская область</i>	57	69	86	86	86	85	85	85	84	78
<i>Мурманская область</i>	40	36	38	37	36	35	35	34	34	32
<i>Новгородская область</i>	68	79	82	80	78	76	74	73	71	67
<i>Псковская область</i>	77	74	66	63	62	60	58	57	55	53
<i>г.Санкт-Петербург</i>	780	752	939	928	911	890	873	832	826	800
Южный федеральный округ (с 2010 г.)	987	1046	1124	1132	1132	1133	1137	1151	1155	1273
Северо-Кавказский федеральный округ	450	578	825	878	927	941	954	972	1014	1001
Приволжский федеральный округ	2353	2364	2735	2735	2719	2691	2650	2611	2537	2413
Уральский федеральный округ	690	723	836	854	857	857	854	831	826	795
Сибирский федеральный округ	1155	1397	1624	1629	1622	1607	1591	1582	1561	1487
Дальневосточный федеральный округ	303	386	440	442	439	434	430	422	417	390
Крымский федеральный округ	–							129	153	–
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.gks.ru/										

Как видно из рисунка 3.1, динамика показателя относительной численности инвалидов в расчёте на 1000 человек в федеральных округах – нисходящая. Однако в Северо-Кавказском федеральном округе до 2016 года заметна противоположная тенденция: рост показателя составляет 12%. В Южном федеральном округе в 2016 году по сравнению с 2015 наблюда-

ется повышение уровня инвалидности, тогда как в 2017 году – снижение. В целом наиболее быстрое сокращение доли инвалидов в составе населения демонстрирует Северо-Западный федеральный округ – на 16% в период с 2011 по 2017 год.

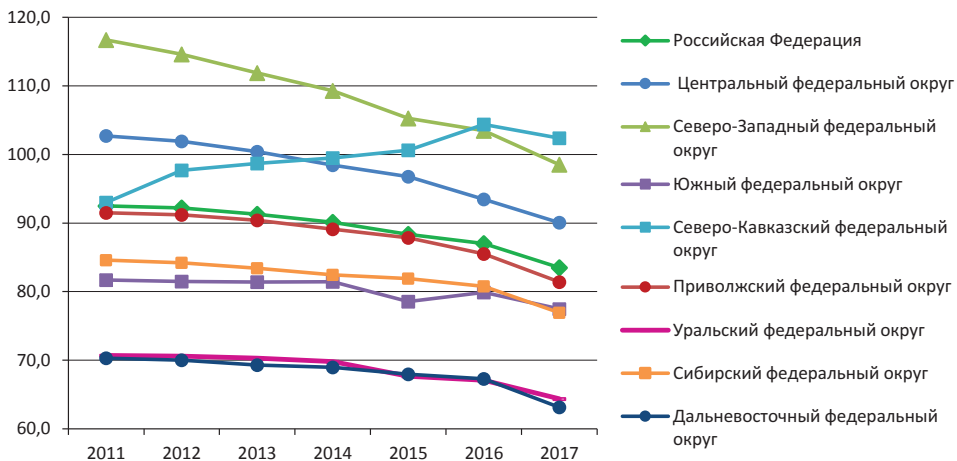

Рисунок 3.1. **Динамика показателя относительной численности инвалидов по федеральным округам** (в расчёте на 10 000 населения)

Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Среди российских инвалидов 43% составляют мужчины, 57% – женщины. Возрастная структура категории смещена к старшим группам. Мужчины в возрасте старше 60 лет составляют 21% от общей численности инвалидов, женщины старше 55 лет – 44%. Среди детей-инвалидов в возрасте до 18 лет 57% составляют мальчики, 43% – девочки. Следует отметить, что соотношение полов в составе общей численности инвалидов кардинальным образом меняется после достижения людьми пенсионного возраста. Среди лиц старше трудоспособного возраста женщины составляют 67%, тогда как в возрастной категории «предпенсионного возраста» – только 32% (табл. 3.2). Вероятно, это связано с тем, что в трудоспособном возрасте женщины отказываются от получения инвалидности, чтобы не потерять конкурентоспособность на рынке труда, а после прекращения трудовой деятельности по достижении пенсионного возраста получают статус инвалидов. Напротив, часть мужчин пенсионного возраста отказываются от получения пенсии по инвалидности и их пере-

стают учитывать в статусе инвалидов в Пенсионном фонде. Причина различий гендерных стратегий в выборе варианта пенсионного обеспечения заключается в значительной дифференциации средней заработной платы у мужчин и женщин не в пользу последних. Соответственно, и величина трудовой пенсии, на которую могут рассчитывать мужчины, в среднем выше, чем у женщин. Пенсия же по инвалидности позволяет женщинам в некоторой мере улучшить своё материальное положение.

Таблица 3.2. **Распределение численности инвалидов по полу и возрастным группам**

Возрастные группы	Мужчины-инвалиды, доля в общей численности соответствующей возрастной группы, %	Женщины-инвалиды, доля в общей численности соответствующей возрастной группы, %	Оба пола, тыс. чел.
0–3 года	55	45	66
4–7 лет	57	43	151
8–14 лет	57	43	297
15–17 лет	56	44	114
18–29 лет	58	42	486
30–44 года	57	43	1201
Мужчины в возрасте 45–59 лет, женщины в возрасте 45–54 года	68	32	1963
Мужчины от 60 лет и старше, женщины от 55 лет и старше	33	67	8035
Итого	43	57	12313
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru/			

На возможность социального участия инвалидов, в частности на конкурентоспособность на рынке труда, непосредственное влияние оказывает тяжесть нарушений здоровья. Формальным индикатором этого состояния служит группа инвалидности. Судя по данным за 2017 год, в России 48% инвалидов имеют вторую группу, 36% – третью, 11% – первую. Ещё 5% составляют дети-инвалиды. Среди регионов Северо-Западного федерального округа наибольшая доля лиц, имеющих первую группу инвалидности, зарегистрирована в Мурманской области (21%), наименьшая – в Вологодской, Калининградской и Псковской областях (по 12%). В среднем по федеральному округу этот показатель составляет 15%. Наибольшая доля лиц с третьей группой инвалидности отмечена в Архангельской области (47%) и Республике Коми (44%), наименьшая – в городе Санкт-Петербурге и Ленинградской области (26%; табл. 3.3).

Таблица 3.3. **Распределение инвалидов в возрасте старше 18 лет по группам инвалидности** (в % от общей численности инвалидов, за исключением детей-инвалидов)

Территория	I группа	II группа	III группа
Северо-Западный федеральный округ	15	53	32
Республика Карелия	13	57	30
Республика Коми	13	43	44
Архангельская область	13	40	47
Вологодская область	12	49	39
Калининградская область	12	48	40
Мурманская область	21	41	38
Новгородская область	14	48	38
Псковская область	12	48	40
г. Санкт-Петербург и Ленинградская область	17	57	26
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.gks.ru/			

В Российской Федерации, исходя из данных за 2016 г., ведущие причины первичного выхода на инвалидность населения в возрасте старше 18 лет – заболевания сердечно-сосудистой системы, злокачественные новообразования и болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани. Среди инфекционных заболеваний наибольшую опасность представляет туберкулёз: показатель первичного выхода на инвалидность по данной причине – 1,4 человека на 10 тыс. человек соответствующего возраста. В разрезе федеральных округов ситуация складывается следующим образом. Распределение ведущих причин инвалидности идентично общероссийской картине. Наибольшие показатели выхода на инвалидность вследствие сердечно-сосудистых заболеваний зарегистрированы в Южном и Центральном округах (по 20,1 чел. на 10 000 населения соответствующего возраста). По выходу на инвалидность вследствие злокачественных новообразований лидируют Сибирский (20,2 чел.) и Приволжский (19,7 чел.) федеральные округа. В Северо-Кавказском зарегистрирован максимальный показатель выхода на инвалидность в результате воздействия внешних причин – 5,4 чел. на 10 тыс. населения соответствующего возраста, что в 2,5 раза выше федерального показателя (табл. 3.4).

Судя по приведённым данным, среди регионов Северо-Западного федерального округа наиболее высокие показатели первичной инвалидности вследствие заболеваний системы кровообращения наблюдаются в Республике Карелия (25,3 чел. на 10 000 населения), Псковской (21,4 чел.) и Архангельской (19,4 чел.) областях. Наибольшие показатели первичной инвалидности, обусловленной злокачественными новообразованиями, зарегистрированы в Псковской (23,1 чел.), Архангельской (21,5 чел.) и Новгородской (21,1 чел.) областях.

Таблица 3.4. **Численность лиц в возрасте 18 лет и старше, впервые признанных инвалидами, по причинам инвалидности, 2016 г.**
(человек на 10000 населения соответствующего возраста)

Территория	Болезни системы кровообращения	Злокачественные новообразования	Последствия травм, отравлений и других воздействий внешних причин	Психические расстройства и расстройства поведения	Болезни нервной системы	Болезни глаза и его придаточного аппарата	Туберкулез	Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани
Российская Федерация	17,6	18,1	2,2	2,7	2,2	1,8	1,4	3,6
Центральный федеральный округ	20,1	18,5	1,7	2,5	2,2	1,4	0,6	4,1
Северо-Западный федеральный округ	18,2	15,5	1,4	3,0	2,0	1,5	1,0	3,1
Республика Карелия	25,3	14,2	1,4	5,2	2,4	2,5	3,2	3,5
Республика Коми	15,6	15,0	1,6	4,2	2,8	2,4	1,6	3,0
Архангельская область	19,4	21,5	2,3	3,7	2,8	2,9	1,1	4,0
Вологодская область	18,0	16,9	1,9	2,4	2,0	1,6	0,8	2,8
Калининградская область	18,8	15,1	2,1	2,7	3,0	2,4	2,0	3,8
Ленинградская область	17,4	14,6	1,5	2,7	2,1	1,0	0,8	3,3
Мурманская область	11,2	10,1	1,1	2,0	2,0	1,9	0,6	2,6
Новгородская область	16,3	21,1	1,5	2,1	2,0	2,0	1,8	3,9
Псковская область	21,4	23,1	2,2	3,9	2,0	2,7	1,5	4,2
г. Санкт-Петербург	18,6	13,8	0,8	2,9	1,6	0,6	0,5	2,5
Южный федеральный округ	20,1	18,4	2,5	2,0	2,0	2,0	2,0	4,7
Северо-Кавказский федеральный округ	16,0	11,9	5,4	3,5	2,4	3,1	2,7	4,0
Приволжский федеральный округ	17,5	19,7	1,7	2,6	2,2	1,7	1,3	2,8
Уральский федеральный округ	14,1	18,6	1,9	3,2	2,3	2,1	1,8	2,7
Сибирский федеральный округ	14,9	20,2	2,8	3,2	2,5	1,8	2,0	3,7
Дальневосточный федеральный округ	12,0	13,8	2,4	2,5	1,9	1,9	2,5	3,1
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru/								

Анализ статистических данных даёт основания говорить о том, что структура причин первичной инвалидности в Российской Федерации может быть обусловлена двумя ведущими факторами: демографическим старением, сопровождающимся увеличением распространённости хронических заболеваний, и отсутствием у населения культуры здоровьесберегающего поведения, которая предусматривает посещение медицинских учреждений с целью профилактики. Это одно из наиболее принципиальных требований для своевременного выявления и эффективного лечения злокачественных новообразований¹⁴⁶. Прохождение профилактических осмотров у врачей-специалистов, на наш взгляд, может способствовать значительному снижению числа случаев выхода на инвалидность взрослого (особенно трудоспособного) населения.

3.2. Положение инвалидов в России как социально-демографической группы

В Российской Федерации социальное положение инвалидов определяется двумя основными признаками: во-первых, наличием официально установленного статуса «инвалид», во-вторых, основным источником дохода в виде социальных трансфертов из государственного бюджета (пенсии и пособия по инвалидности). В то же время на возможности социального участия также оказывает влияние и характер нарушений здоровья.

Материальное положение инвалидов

Уровень жизни людей определяется источниками их дохода. Как следует из данных обследования бюджетов домашних хозяйств, проводимого Росстатом¹⁴⁷, большая часть дохода инвалидов формируется за счёт переданных им социальных трансфертов (87%): 69% общего дохода составляет пенсия, 18% – социальные пособия и выплаты. Доля дохода от трудовой деятельности – 11%. Для сравнения: в домохозяйствах, состоящих из пенсионеров, наблюдается иное распределение: пенсия составляет 52%, социальные пособия – 6%, доход от трудовой деятельности – 40%.

¹⁴⁶ Профилактика рака [Электронный ресурс] // Вологодский областной онкологический диспансер. Режим доступа: <http://www.volonko.ru/profilaktika-raka>

¹⁴⁷ Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Особенность инвалидов как социальной группы состоит в высокой зависимости качества их жизни от характера проводимой социальной политики и её эффективности. Тесная взаимосвязь между качеством жизни и качеством социальной политики формируется через величину пенсий и пособий по инвалидности. Учитывая, что за 2011–2017 гг. средняя величина пенсий по инвалидности росла неравномерно и ни разу не достигала стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, можно говорить о стабильно низком материальном положении неработающих инвалидов (табл. 3.5).

Таблица 3.5. **Соотношение пенсий инвалидов и стоимостных оценок наборов потребительских благ**

№	Показатели	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
1	Средний размер пенсии по инвалидности, рублей	7632,3	8257,3	9122,7	9967,5	10824,5	11972,9	17388,7*
2	Стоимость условного (минимального) набора продуктов питания, рублей, декабрь	2419,9	2608,9	2871,5	3297,9	3589,9	3701,89	3749,64
3	Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, рублей, декабрь	9174,2	9868,0	10737,0	12034,9	13404,3	14212,11	14789,42
4	Соотношение пенсии по инвалидности и стоимости условного (минимального) набора продуктов питания	3,2	3,2	3,2	3,0	3,0	3,2	3,4
5	Соотношение пенсии по инвалидности и стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,9
* Показатель с учётом единовременной прибавки в размере 5000 рублей, выплаченной однократно в декабре 2017 года. В дальнейших расчётах (4 и 5 строки таблицы) использована скорректированная величина (12 805,7 руб.): к размеру ежемесячно выплачивавшейся пенсии прибавлена сумма, равная частному от деления 5000 рублей на число месяцев года (417 рублей). Источники: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru/								

Подтверждением того, что инвалиды остаются одной из самых низкодоходных групп населения, являются данные о распределении малоимущего населения по группам. В 2002–2014 гг., при общей представленности в выборке в 1,8%, граждане, получающие пенсию по инвалидности, составляли от 2,3 до 3% общей численности малоимущего населения (табл. 3.6).

Таблица 3.6. **Распределение малоимущего населения (получатели пособий по социальному обеспечению) по основным группам** (в % от численности малоимущих)

Получатели пособий по социальному обеспечению	2002	2006	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Справочно: все обследованное население, 2014 г.
Пенсионеры по старости	13	13,1	12,6	11,6	10,2	10,3	10,3	10	10,6	19,6
Пенсионеры по инвалидности	2,6	3	2,9	2,5	2,4	2,3	2,3	2,3	2,3	1,8
Пенсионеры по случаю потери кормильца	1,7	1,7	1,5	1,4	1,3	1,2	1,2	1	1	0,8
Получатели социальных пенсий	0,3	0,8	0,9	0,8	0,8	0,8	0,7	0,8	0,9	0,6
Получатели пособия по безработице	0,5	0,4	0,4	0,8	1,2	0,7	0,6	0,8	0,4	0,2
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru/										

По данным опроса инвалидов¹⁴⁸ Вологодской области, проведённого в 2016 году, среди них преобладают те, кто оценивает собственное материальное положение как «ниже среднего уровня» (39%); примерно треть составляют те, кто относит себя к людям со средним уровнем благосостояния (33%); ещё 18% отметили, что им хватает денег лишь на покупку еды. Только в Череповце выявлена небольшая доля инвалидов, относящих себя к категории людей с уровнем благосостояния «выше среднего» (2,4%). Чуть более позитивные оценки дают работающие респонденты. Из числа тех, кто работает и получает пенсию по инвалидности, могут приобретать только продукты питания 14%, тогда как среди неработающих – 21%. (рис. 3.2).

Материальное положение инвалидов оказывает влияние и на высказываемые ими оценки доступности объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности. Респонденты с достатком ниже среднего уровня склонны к пессимистичным оценкам доступности среды, в отличие от тех, кто имеет достаток выше среднего (табл. 3.7).

¹⁴⁸ Опрос методом анкетирования по месту нахождения респондентов. Выборка целевая, квотная. Опрошено 132 человека. В равной степени представлены инвалиды по зрению, по слуху, требующие помощи при передвижении, требующие постоянного постороннего ухода. Ошибка выборки не более 5%.

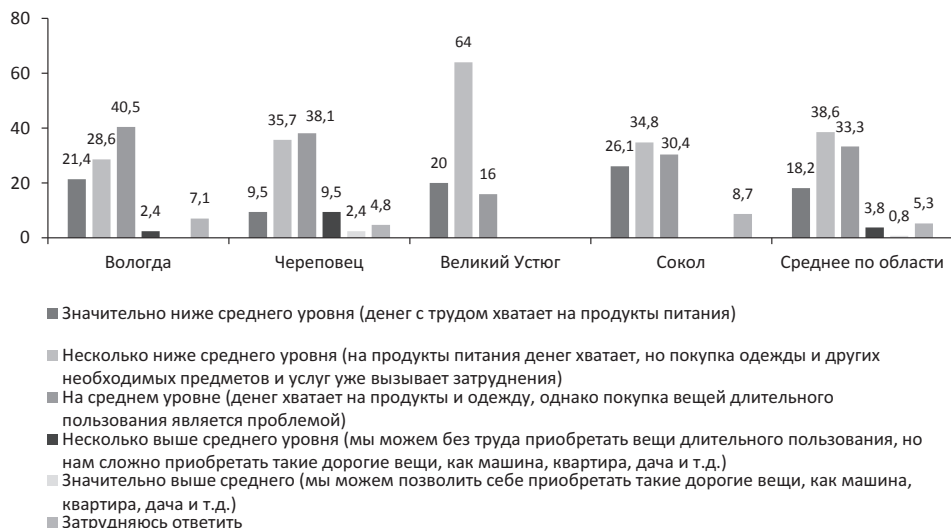

Рисунок 3.2. Распределение ответов на вопрос: «Какую роль в Вашей жизни играет социальная помощь – финансовая, материальная, обслуживание?» (в зависимости от типа ограничения жизнедеятельности респондентов; в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологического опроса инвалидов Вологодской области, проведённого ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 году.

Таблица 3.7. Взаимосвязь материального положения респондентов и высказываемых ими оценок доступности среды (распределение в % от числа ответивших на вопросы)

Оцените, пожалуйста, насколько доступны для инвалидов основные объекты и услуги в различных сферах жизнедеятельности	2015 Среднее	По уровню дохода		2016 Среднее	По уровню дохода	
		Достаток ниже среднего	Достаток средний и выше		Достаток ниже среднего	Достаток средний и выше
Доступность (объекты и услуги доступны, скорее доступно)	48,1	46,3	51,2	42,3	35,8	53,0
Недоступность (объекты и услуги недоступны, скорее недоступны)	38,2	40,7	34,0	36,8	39,0	32,8
Затрудняюсь ответить	13,7	13,0	14,8	20,8	25,2	14,3
Источник: Данные социологических опросов инвалидов Вологодской области, проведённых ФГБУН ВолНЦ РАН в 2015 и 2016 годах.						

Обеспечение достойного уровня жизни – ключевое условие социальной интеграции инвалидов и общества. В то же время очевидно, что российская система пенсионного страхования не может справиться с решением этой задачи. Как свидетельствует статистика, величина пенсий по

инвалидности в 2017 году лишь в 1,45 раза превышает величину прожиточного минимума пенсионера. Кроме того, без учёта однократной выплаты 5000 рублей¹⁴⁹, прирост этой суммы к уровню 2016 года составляет 3%, тогда как в 2016 году по отношению к 2015-му – 11%¹⁵⁰.

Таким образом, приоритеты политики в сфере обеспечения достойного уровня жизни инвалидов должны быть дифференцированы по группам получателей поддержки. Для инвалидов трудоспособного возраста, желающих работать, необходимо предусмотреть мероприятия, направленные на повышение их конкурентоспособности в борьбе за рабочие места: профориентацию, профессиональное обучение, повышение квалификации. Особое внимание необходимо уделять инвалидам, проживающим в сельской местности. Для этой категории важно учитывать возможности, связанные с дистанционной работой посредством сети Интернет. Такой формат позволяет людям с инвалидностью получать дополнительный доход, оставаясь в комфортных условиях. Первостепенное значение для экономически неактивных инвалидов будут иметь мероприятия, связанные с повышением пенсионных выплат, социальным обслуживанием, медицинской и социокультурной реабилитацией, льготным лекарственным обеспечением.

Включённость инвалидов в трудовые отношения

Повышение размера пенсионных выплат нельзя назвать достаточным инструментом обеспечения материального благополучия инвалидов. По данным за 2017 год 36% (4394 тыс. чел.) российских инвалидов имеют третью группу, а значит, сохраняют трудоспособность. Содействие их трудоустройству – одно из перспективных направлений социальной политики в интересах данной категории населения. Трудоустройство является одним из механизмов восходящей социальной мобильности, позволяющих индивиду накапливать собственные финансовые ресурсы и человеческий капитал.

Необходимо отметить, что степень ограничений в трудовой деятельности инвалида зависит от тяжести заболевания и устанавливается бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ). Продолжают работать, по всей видимости, относительно небольшое число инвалидов. Об этом свидетельствует распределение доходов домохозяйств, состоящих только из инвалидов, по основным источникам. Вклад доходов от трудовой деятель-

¹⁴⁹ Имеется в виду единовременная денежная выплата в размере 5 тысяч рублей, назначенная в соответствии с Федеральным законом от 22 ноября 2016г. № 385-ФЗ.

¹⁵⁰ Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики РФ.

ности в общую сумму денежного дохода домохозяйств составляет лишь 12%, в то время как вклад пенсионных выплат превышает 60% (рис. 3.3).

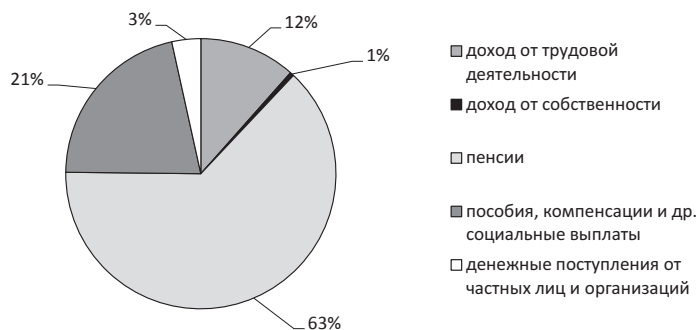

Рисунок 3.3. **Денежные доходы домохозяйств, состоящих только из инвалидов: распределение по источникам поступления**
(в % от величины среднего денежного дохода)

Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Представленное распределение ярко иллюстрирует две особенности инвалидности как социального феномена: во-первых, экономическую зависимость инвалидов от государственной системы социального обеспечения; во-вторых, их низкую конкурентоспособность на рынке труда. По данным Росстата, безработица среди инвалидов трудоспособного возраста в стране в 3,7 раза выше, чем среди трудоспособного населения в целом (22 и 6% соответственно)¹⁵¹.

В 2016 г. среди инвалидов третьей группы, имевших трудовые рекомендации, в специальных условиях труда нуждались 973 человека, тогда как 312 033 человека могли работать в обычных условиях. Однако из 142 929 безработных инвалидов трудоустроились лишь 39%. Это указывает на то, что основными барьерами при трудоустройстве инвалидов, помимо состояния их здоровья, являются дискриминационный характер рынка труда в условиях современной рыночной экономики, а также низкая собственная конкурентоспособность. Поэтому с целью поддержания занятости инвалидов трудоспособного возраста государство осуществляет квотирование рабочих мест на предприятиях и оказывает безработным инвалидам содействие в поиске подходящей работы (в соответствии с содержанием индивидуальной программы реабилитации инвалида).

¹⁵¹ Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

Как показывают статистические данные, число обращений инвалидов в службы занятости в поисках подходящей работы в период с 2009 по 2016 год стремительно сокращалось, как и число тех, кому удалось найти работу после обращения в эти учреждения. Тогда как в 2009–2014 гг. росла относительная результативность работы служб занятости, что указывает на то, что причины безработицы инвалидов могут заключаться ещё и в слабом развитии локальных рынков труда, не предлагающих рабочих мест, подходящих для людей с ограниченными возможностями здоровья (рис. 3.4).

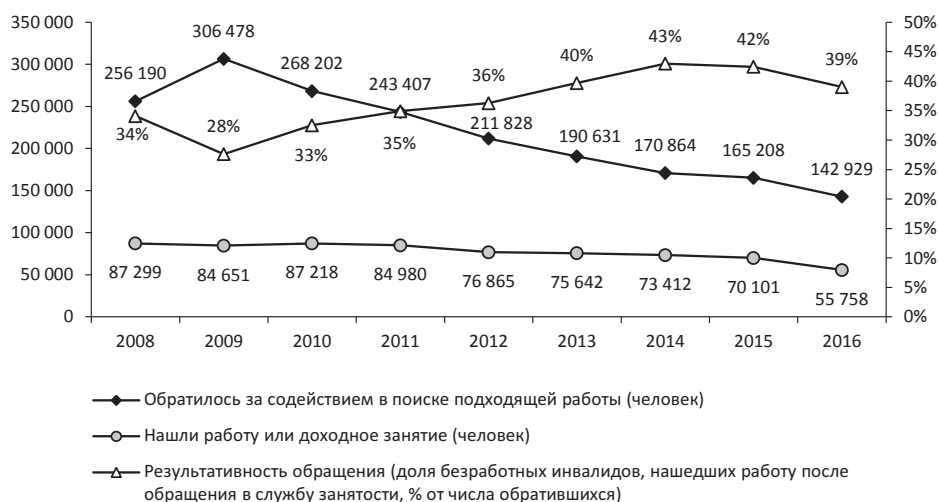

Рисунок 3.4. Обращения инвалидов в службы занятости за содействием в поиске работы и их результативность

Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Основным механизмом, позволяющим государству защищать права инвалидов на рынке труда, выступает квотирование рабочих мест на предприятиях. В то же время данный механизм не может гарантировать трудоустройство всем инвалидам, желающим работать. По данным Росстата, в 2016 году благодаря квотированию были трудоустроены 3743 инвалида, что значительно меньше, чем в 2008 году. В целом в период 2008–2016 гг. регистрировался понижающий тренд показателя трудоустройства на квотируемые рабочие места (рис. 3.5). В этот период снизилась и численность инвалидов, прошедших профориентацию в государственных учреждениях службы занятости (рис. 3.6).

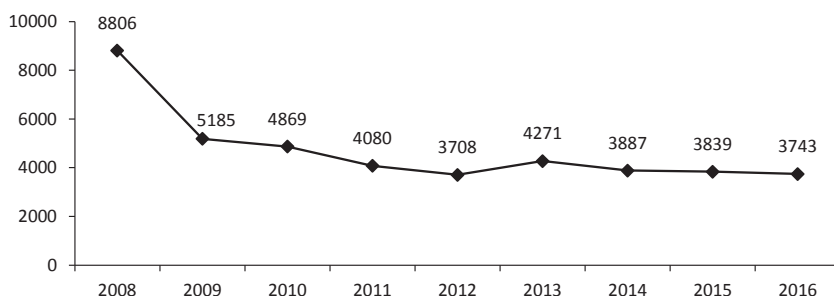

Рисунок 3.5. **Численность инвалидов, трудоустроенных на квотируемые рабочие места, человек**

Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

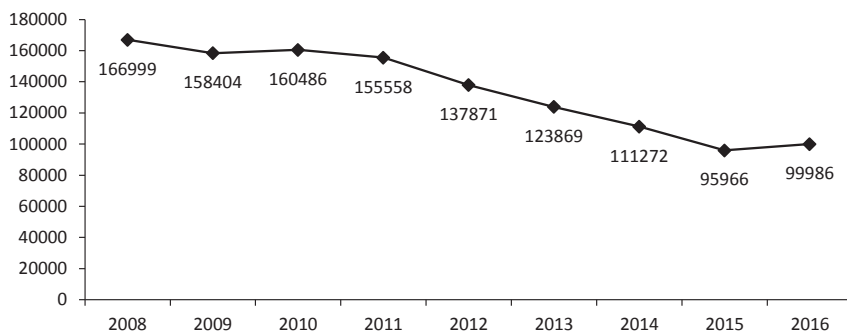

Рисунок 3.6. **Численность инвалидов, прошедших профориентацию в государственных учреждениях службы занятости, человек**

Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Услуги дополнительного профессионального образования слабо востребованы среди инвалидов. Численность прошедших дополнительное профессиональное обучение в 2016 г. составила 24 633 человека или 0,4% от общего числа лиц, проходивших дополнительную профессиональную подготовку. Наибольшее число инвалидов получали дополнительное профессиональное образование в таких сферах, как здравоохранение (8,1 тыс. чел.), образование (6,8), обрабатывающие производства (3,3 тыс. чел.). Среди занятых в сельском и лесном хозяйстве дополнительное образование в 2016 году получили 340 человек¹⁵².

¹⁵² Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Слабое использование инструментов повышения конкурентоспособности приводит к тому, что среди инвалидов наблюдается высокая доля работающих не по своей специальности: 65%, по данным за 2016 год. Местность проживания не оказывает заметного влияния на возможность трудоустройства по специальности. По 49% инвалидов и в городской, и в сельской местности выполняют работу, совершенно не соответствующую полученной ими специальности. Для сравнения: среди остального образованного населения этот показатель составляет 35% (рис. 3.7).

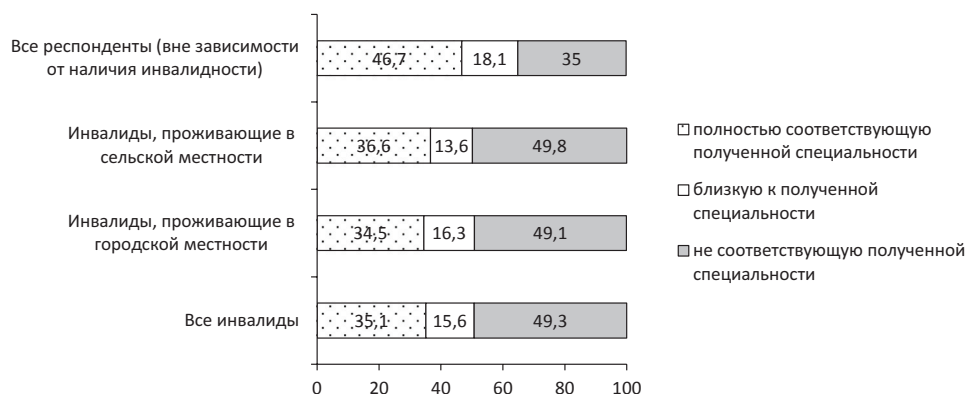

Рисунок 3.7. **Распределение численности инвалидов, имеющих диплом о профессиональном образовании и выполняющих работу ...**
(в % от числа респондентов)

Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

В России показатели безработицы выше среди инвалидов, проживающих в городе, а уровень занятости, напротив, выше в сельской местности. Эти факты косвенно свидетельствуют о том, что в городе поиск рабочего места, подходящего для инвалида, сопровождают большие трудности, чем в сельской местности. Поэтому не вызывает удивления то, что, по данным за 2016 год, 31% работающих инвалидов в возрасте 15–72 лет были заняты в сельском и лесном хозяйстве. Для сравнения: среди населения в целом доля занятых в этой сфере достигала только 7%. На обрабатывающих производствах и в торговле трудились по 11% инвалидов, тогда как именно эти виды экономической деятельности являются ведущими по уровню занятости остального населения (табл. 3.8).

Таблица 3.8. **Структура занятого населения в возрасте 15–72 лет, имеющего инвалидность, по видам экономической деятельности на основной работе в 2016 г.**
(в % к первой строке таблицы)

№ п/п	Виды экономической деятельности	Инвалиды в возрасте 15–72 лет	Все население в возрасте 15–72 лет
1.	Всего	100	100
2.	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	30,6	6,5
3.	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	11,1	15,9
4.	Обрабатывающие производства	10,7	14,4
5.	Образование	8,9	9,4
6.	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	7,1	8
7.	Транспорт и связь	5,8	9,5
8.	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5,8	7
9.	Предоставление прочих коммунальных, социальных, персональных и других услуг	5	4,3
10.	Строительство	4,1	7,2
11.	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	3,9	7,4
12.	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,9	3,2
13.	Гостиницы и рестораны	1,6	2,5
14.	Финансовая деятельность	1,2	2,2
15.	Добыча полезных ископаемых	1	2,2
16.	Рыболовство, рыбоводство	0,3	0,2
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru/			

В то же время рабочие места, занимаемые инвалидами, являются низкооплачиваемыми и непрестижными, что отражается на уровне дохода инвалидов. По данным выборочного обследования бюджетов домохозяйств, проводимого Росстатом, величина трудовых доходов домохозяйств, состоящих только из инвалидов, в 2016 году была намного ниже, чем совокупный объём получаемых ими социальных трансфертов. Следовательно, можно предположить, что работа для инвалидов ценна как способ социального участия. Вместе с тем при трудоустройстве инвалиды имеют заведомо более низкие шансы по сравнению с соискателями без инвалидности, поскольку нуждаются в создании специальных условий труда, имеют право на неполный рабочий день, длительные отпуска по инвалидности и другие льготы, снижающие в глазах работодателя выгоду от их найма.

Приведённые факты свидетельствуют о том, что социальная политика в сфере содействия трудоустройству инвалидов должна быть и более дифференцированной. В развитых странах приняты такие меры социальной поддержки, которые опираются на сложившиеся партнёрские отношения между государством и обществом. Создаются модели поддерживаемого трудоустройства, реализуются специальные программы обучения инвалидов, позволяющие им приобрести первоначальные компетенции, необходимые для трудоустройства на конкретное рабочее место¹⁵³.

3.3. Барьеры социальной инклюзии инвалидов

Особенности восприятия обществом людей с ограниченными возможностями здоровья

Социальное исключение инвалидов – один из частных случаев социальной эксклюзии уязвимых категорий населения. Социальная эксклюзия, как и другие социальные явления, может рассматриваться на трёх уровнях¹⁵⁴. Макроуровень предполагает её исследование с точки зрения организации социального управления, эффективности работы государственных институтов, выработки политических программ и решений, способствующих устранению предпосылок и последствий эксклюзии. На этом уровне применяются политико-правовой и экономический методологические подходы к исследованию.

Мезоуровень включает исследования социокультурной среды, отношений между изучаемой группой населения и другими социальными структурами. На данном уровне применяются социологический и социокультурный методологический подходы к исследованию эксклюзии.

На микроуровне на первый план выходит рассмотрение психологических факторов и повседневных поведенческих практик, способствующих или препятствующих эксклюзии индивидов. Соответственно, применяется психологический подход к исследованию проблемы (рис. 3.8).

В данном параграфе мы рассмотрим социальную эксклюзию инвалидов на мезоуровне. Для этого проанализируем характер повседневных взаимодействий между инвалидами и остальной частью населения, а также оценки, которые дают люди с ограниченными возможностями здоровья мероприятиям по формированию доступной среды.

¹⁵³ Нацун Л.Н. «Поддерживаемое трудоустройство» инвалидов: обзор мирового опыта // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2017. Т. 16. № 4. С. 663-680.

¹⁵⁴ Шмидт В.Р. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии // Журнал исследований социальной политики. 2004. № 4. С. 547-566.

Рисунок 3.8. Уровни и подходы к исследованию социальной эксклюзии

Источник: составлено авторами.

Информационной базой для проведения анализа будут служить данные социологических опросов населения Северо-Западного федерального округа (СЗФО), проведённых в 2016 и 2017 году¹⁵⁵, и тематических опросов населения Вологодской области об отношении к проблемам инвалидов, проведённых в 2013–2016 гг. Опросы населения и инвалидов Вологодской области выполнены специалистами ФГБУН ВолНЦ РАН в рамках работы по договорам с АУ ВО «Агентство мониторинга и социологических исследований»¹⁵⁶.

¹⁵⁵ Опрос населения в возрасте 18 лет и старше проводился в пяти регионах Северо-Западного федерального округа: Вологодской, Калининградской, Мурманской и Новгородской областях и Республике Карелия. Объём выборочной совокупности – 3101 человек в 2016 году и 3108 человек в 2017 году. Выборка репрезентативная. Ошибка выборки не более 5%.

¹⁵⁶ В 2013–2016 гг. проведены выборочные социологические опросы среди населения Вологодской области старше 18 лет (в городах Вологде, Череповце, Соколе и Великом Устюге). Метод опроса – анкетирование по месту нахождения респондентов. Объём выборочной совокупности: 1200 человек. Ошибка выборки не более 5%. В 2013–2016 гг. проведены социологические опросы среди инвалидов Вологодской области старше 18 лет (в городах Вологде, Череповце, Соколе и Великом Устюге). Метод опроса – анкетирование по месту нахождения респондентов. Выборка целевая, квотная. Объём выборочной совокупности: в 2013 г. – 134 чел., в 2014 г. – 134 чел., в 2015 г. – 139 чел., в 2016 г. – 132 чел. Среди респондентов в равной степени представлены инвалиды по зрению, слуху, требующие помощи при передвижении, а также требующие постоянного постороннего ухода. Ошибка выборки не более 5%.

В ходе опросов населения Северо-Западного федерального округа респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов, касающихся социального положения инвалидов и собственного отношения к их проблемам. Полученные результаты свидетельствуют о том, что население считает инвалидов социально уязвимой категорией: в 2016 году такого мнения в целом по СЗФО придерживались 81% респондентов, 87% опрошенных из Республики Карелия, 77% – из Вологодской, 71% – Мурманской, 88% – Калининградской, 80% – Новгородской области. В 2017 году вопрос был несколько сужен: респондентам предлагалось оценить уязвимость инвалидов на региональном рынке труда. Считают, что рассматриваемая категория испытывает сложности при трудоустройстве, подвержена дискриминации, 83% опрошенных. Разброс оценок в региональном разрезе невелик: в Вологодской области такого мнения придерживаются 79% респондентов, в Калининградской – 90%, в Мурманской – 81%, в Новгородской области – 85% респондентов, в Республике Карелия – 80% респондентов.

Если обратиться к анализу факторов, которые, по мнению респондентов, обуславливают уязвимость инвалидов на рынке труда, то можно отметить преобладание среди них психологического. Как полагает население, проблемы инвалидов заключаются, главным образом, в их устоявшихся убеждениях в отсутствии своей нужности обществу (так считают 60% респондентов). Исходя из этого, можно сделать вывод, что решению проблем на рынке труда будет способствовать осознание инвалидами собственной ответственности за свою жизнь, повышение их социальной активности. Однако в этой доминирующей среди населения точке зрения упущено из виду важное обстоятельство, касающееся внутренней дифференциации категории «инвалиды». В неё входят, в частности, и люди с нарушениями интеллекта, к которым неприменимы психологические стандарты поведения, принятые в обществе. Эти граждане объективно нуждаются в поддержке со стороны государства на протяжении всей своей жизни, в том числе в сфере занятости. Значительная часть респондентов (но не большинство) осознают огромное влияние внешних обстоятельств на возможности трудоустройства, доступные людям с инвалидностью. Среди опрошенных по 50% указали, что инвалидам мешает негативное отношение к ним со стороны работодателей и отсутствие подходящих вакансий; по 48% указали в числе барьеров одиночество и отсутствие поддержки, а также несправедливость и социальное неравенство (табл. 3.9).

Таблица 3.9. **Распределение ответов населения на вопрос: «Что, по-Вашему, мешает перечисленным ниже группам населения [инвалиды] активно включиться в трудовую деятельность?»** (в разрезе регионов СЗФО, в % от числа опрошенных)

Препятствия для активного включения инвалидов в трудовую жизнь	СЗФО	Вологодская область	Калининградская область	Мурманская область	Новгородская область	Респ. Карелия
Устоявшиеся убеждения в отсутствии своей нужности обществу	60,4	52,0	64,5	50,6	67,9	66,9
Негативное отношение со стороны работодателей	49,9	45,7	44,0	47,1	56,4	56,1
Отсутствие подходящих вакансий	49,7	47,9	47,0	45,9	56,6	50,9
Одиночество и отсутствие поддержки	47,9	39,4	53,8	45,4	53,4	47,6
Несправедливость, социальное неравенство	47,8	47,2	46,5	49,9	47,5	47,9
Неспособность к самостоятельному отстаиванию своих прав и интересов	42,8	45,3	43,5	42,1	35,8	47,1
Неумение использовать предоставляемые возможности	27,8	31,5	30,3	21,4	23,5	32,3
Излишняя надежда на «доброе дядю», который должен отстаивать их интересы, заботиться о них	25,8	27,2	26,5	21,7	28,7	24,8
Зависимость от чужого мнения	25,6	25,5	33,5	17,2	24,8	26,8
Неразвитость профессиональных навыков	24,2	22,8	23,5	15,2	22,8	36,8
Нежелание менять привычный образ жизни	22,9	18,4	25,0	12,7	28,7	29,8
Лень, непри приспособленность к жизни	12,9	14,3	10,5	10,2	10,3	19,3
Другое	1,4	1,3	0,8	1,0	1,7	2,0
Затрудняюсь ответить	11,3	19,4	11,5	10,5	8,1	7,0
Источник: данные опроса населения СЗФО за 2017 год.						

В целом, по данным опроса населения СЗФО, 66% респондентов в 2016 году считали, что «инвалидность является непреодолимым барьером при трудоустройстве», противоположной точки зрения придерживались 30% респондентов. В 2017 году для проверки устойчивости общественного мнения формулировка вопроса была изменена на противоположную по смыслу. Было установлено, что распределение мнений несколько изменилось: с утверждением «сейчас инвалидность не является непреодолимым барьером при трудоустройстве, поскольку существуют возможности для дистанционной занятости, трудоустройства на неполный рабочий день» согласились уже 49% опрошенных, не согласились – 51%.

По мнению большинства респондентов, наличие у человека инвалидности резко снижает его конкурентоспособность на рынке труда. Так, в 2017 году 63% опрошенных считали, что даже «наличие качественного образования и высокой квалификации не обеспечивают инвалидам заметных конкурентных преимуществ при трудоустройстве». С утверждением, что инвалиды подвергаются дискриминации со стороны работодателей по величине оплаты труда, согласились 43% респондентов.

В ходе опросов в 2016 и 2017 году населению также предлагалось оценить, в какой мере желание человека с инвалидностью работать влияет на возможность построения им профессиональной карьеры. Оказалось, что смещение в вопросе акцента с внешних обстоятельств на действия и мотивы инвалидов привело к тому, что в 2017 году большинство респондентов (55%) отдали предпочтение той точке зрения, что «при желании работать наличие инвалидности не мешает людям построить успешную профессиональную карьеру». Для сравнения: годом ранее такого мнения придерживались 39% опрошенных, но формулировка утверждения звучала несколько иначе – акцент был сделан на условиях, связанных со временем («*в настоящее время* при желании работать наличие инвалидности не мешает людям построить успешную профессиональную карьеру»). Следовательно, если респонденты принимают во внимание лишь мотивы инвалидов, это наводит их на мысль о тесной взаимосвязи между психологической готовностью человека трудиться, преодолевать трудности, связанные с состоянием здоровья, и достижением им карьерных успехов. Если же в вопросе учитывается влияние внешних факторов, эта взаимосвязь уходит на второй план и не осознаётся респондентами.

Приведённые рассуждения позволяют сделать следующее обобщение. Население, считая инвалидов социально уязвимой категорией, на первое место в ряду факторов, определяющих их возможности на рынке труда, помещает сформированную социальной средой внутреннюю самоидентификацию инвалидов с бесполезными для общества людьми. Далее респонденты начинают искать причины сложившейся ситуации, фокус их внимания останавливается на внешних обстоятельствах жизни инвалидов, фиксирует их неблагополучие. Лишь после этого люди сосредотачиваются на психологических особенностях, которые, по их мнению, присущи инвалидам. В этой цепочке прослеживается ментальная установка населения о подчинённости отдельной личности обществу в целом и его институтам.

Что касается психологической готовности населения СЗФО к интеграции, можно отметить высокую готовность большинства респондентов к повседневному взаимодействию с инвалидами. Так, только 17% опрошенных в 2017 году ответили, что испытывают психологический дискомфорт при общении с инвалидами, 77% ничего подобного за собой не замечают. Оценивая степень своей толерантности к уязвимым категориям населения (пожилые люди, инвалиды, многодетные семьи, молодые специалисты), 63% опрошенных в 2016 году отметили, что «уважают права других».

Результаты тематического социологического опроса населения Вологодской области, проведённого в 2016 году, свидетельствуют, что большая часть респондентов не испытывают психологического дискомфорта при общении с инвалидами. В территориальном разрезе лидируют по уровню толерантности жители районных центров. Приведённые данные показывают неготовность более четверти населения к интеграции инвалидов и общества (рис. 3.9).

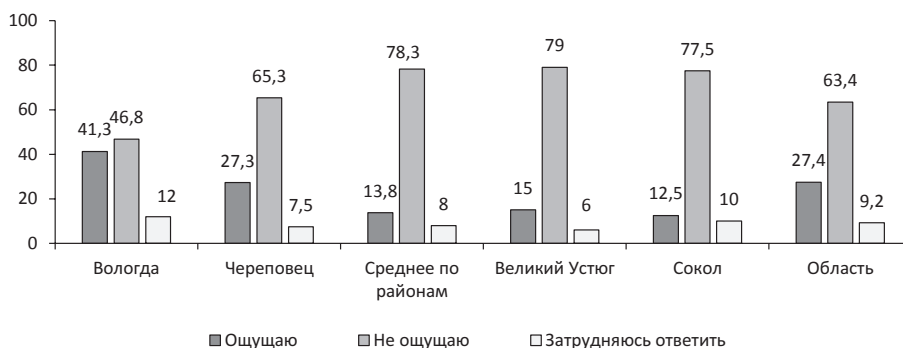

Рисунок 3.9. **Распределение ответов на вопрос: «Вы обычно ощущаете или не ощущаете дискомфорт, неудобство при общении с людьми с ограниченными физическими возможностями?»** (в территориальном разрезе, в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологического опроса населения Вологодской области, проведённого ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 году.

Среди молодых мужчин и женщин наблюдается более высокая доля тех, кто испытывает дискомфорт при общении с инвалидами. Минимальная доля таковых – среди пожилых мужчин (22%). Это может указывать на то, что пожилые люди начинают более лояльно относиться к инвалидам, осознавая собственную потребность в посторонней поддержке (рис. 3.10).

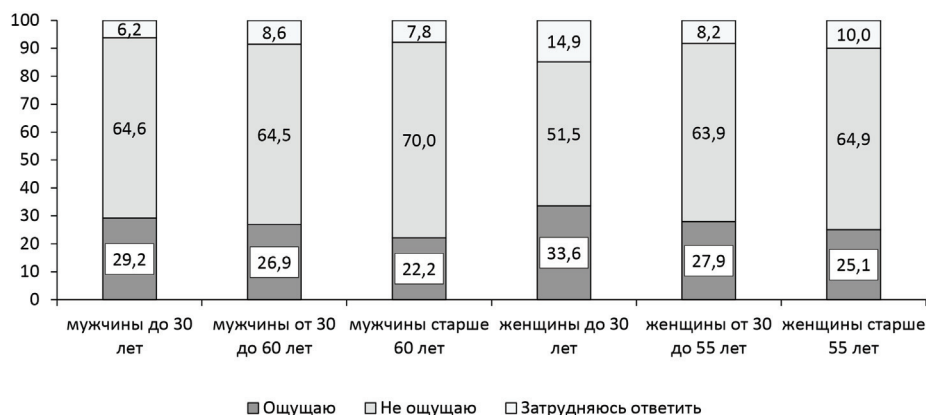

Рисунок 3.10. Распределение ответов на вопрос «Вы обычно ощущаете или не ощущаете дискомфорт, неудобство при общении с людьми с ограниченными физическими возможностями?» (в половозрастном разрезе, в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологического опроса населения Вологодской области, проведённого ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 году.

Ещё одним индикатором социальной дистанции является отношение людей к вступлению в брак с инвалидом. В целом за период проведения исследований доля людей, которые не стали бы препятствовать вступлению в брак с инвалидом близкого человека, выросла с 35% в 2013 г. до 53% в 2016 г. (рис. 3.11).

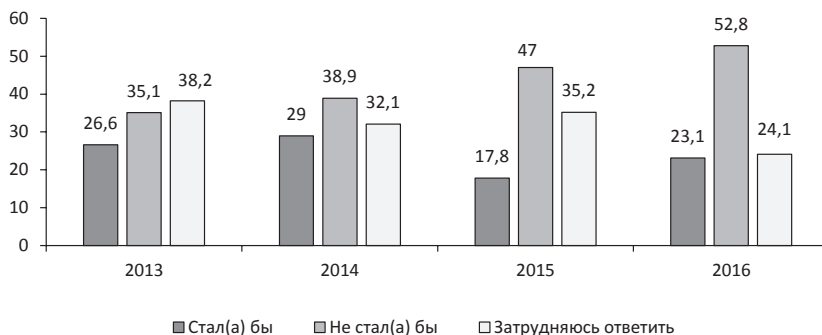

Рисунок 3.11. Динамика распределения ответов на вопрос: «Если бы близкий Вам человек собирался вступить в брак с таким инвалидом, то Вы бы стали или не стали его отговаривать?» (в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологических опросов населения Вологодской области, проведённых ФГБУН ВолНЦ РАН в 2013–2016 гг.

Стремление части респондентов соблюдать дистанцию в отношениях с инвалидами может быть обусловлено тем, что они считают инвалидов не похожими на обычных людей. Среди опрошенных преобладает мнение, что инвалиды имеют особые качества, черты характера, выраженные у них более явно, чем у других людей. На протяжении периода 2013–2016 гг. уровень поддержки данного суждения остаётся высоким (более 65%; рис. 3.12).

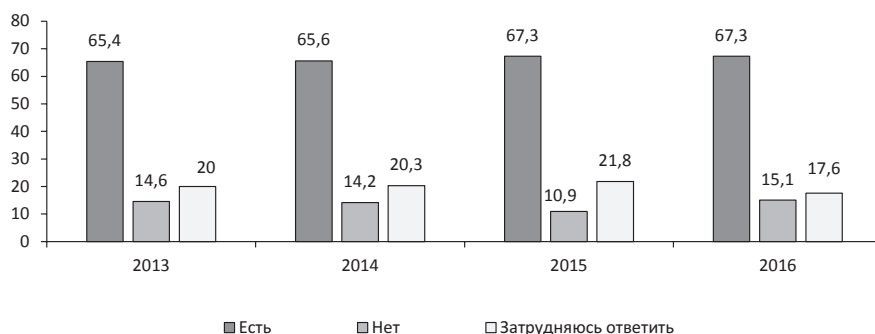

Рисунок 3.12. Распределение ответов на вопрос: «Как Вам кажется, есть ли какие-то качества, черты характера, которые выражены у людей с ограниченными физическими возможностями сильнее, чем у других людей? Или таких качеств, черт характера нет?» (в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологических опросов населения Вологодской области, проведённых ФГБУН ВолНЦ РАН в 2013 – 2016 гг.

Следует отметить, что респонденты склонны несколько идеализировать собирательный образ инвалида. Чаще всего среди отличительных черт его характера они указывали любовь к жизни, волю, силу характера, сострадание. В то же время встречаются и негативные характеристики. Например, обидчивость считают отличительной чертой инвалидов 36% респондентов, неуверенность в себе – 23%, слабость и уязвимость – 19%, склонность к зависти – 16%, раздражительность – 15%, угрюмость – 14%. Необходимо отметить, что в зависимости от пола и возраста респондентов наблюдаются различия в выборе ими характеристик инвалидов как социальной группы. По соотношению частот выбора положительных и отрицательных характеристик можно судить о том, какие качества преобладают в типичном портрете инвалида, существующем в представлении разных групп респондентов. Так, наиболее высока склонность к выбору положительных характеристик у молодых мужчин. У женщин средних

лет, напротив, наблюдается ситуация, близкая к равновесию положительных и отрицательных характеристик. Среди мужчин с возрастом повышается частота выбора отрицательных характеристик инвалидов. У женщин подобной тенденции не выявлено (табл. 3.10).

Таблица 3.10. Распределение частот выбора положительных и отрицательных характеристик инвалидов по группам респондентов (в скобках указаны доли в % от числа опрошенных, ответивших на соответствующий вопрос)

Группа респондентов	Положительные характеристики	Отрицательные характеристики	Соотношение частот выбора «+» и «-» вариантов
Мужчины до 30 лет	Воля, сила духа, характера (55,4); любовь к жизни, выносливость, жизнестойкость (55,4); доброта, чуткость, сострадание (38,5)	Чувствительность, ранимость, обидчивость (33,1); слабость, беспомощность, уязвимость (20); обида на жизнь, зависть к здоровым людям (17,7)	1,55
Мужчины от 30 до 60 лет	Любовь к жизни, выносливость, жизнестойкость (51,8); воля, сила духа, характера (51,5); доброта, чуткость, сострадание (38,9)	Чувствительность, ранимость, обидчивость (31,6); застенчивость, неуверенность в себе (24,9); слабость, беспомощность, уязвимость (15,9)	1,48
Мужчины старше 60 лет	Воля, сила духа, характера (47,8); любовь к жизни, выносливость, жизнестойкость (46,7); доброта, чуткость, сострадание (40)	Чувствительность, ранимость, обидчивость (34,4); слабость, беспомощность, уязвимость (23,3); нервозность, раздражительность (17,8)	1,25
Женщины до 30 лет	Любовь к жизни, выносливость, жизнестойкость (60,4); воля, сила духа, характера (59,7); доброта, чуткость, сострадание (45,5)	Чувствительность, ранимость, обидчивость (38,8); застенчивость, неуверенность в себе (35,8); обида на жизнь, зависть к здоровым людям (20,1)	1,39
Женщины от 30 до 60 лет	Любовь к жизни, выносливость, жизнестойкость (49,3); воля, сила духа, характера (48); доброта, чуткость, сострадание (40,1)	Чувствительность, ранимость, обидчивость (37,4); застенчивость, неуверенность в себе (28,6); нервозность, раздражительность (21,1)	1,04
Женщины старше 60 лет	Любовь к жизни, выносливость, жизнестойкость (57,8); воля, сила духа, характера (53); доброта, чуткость, сострадание (40,6)	Чувствительность, ранимость, обидчивость (39,4); застенчивость, неуверенность в себе (27,5); слабость, беспомощность, уязвимость (21,5)	1,34
Источник: Данные социологического опроса населения Вологодской области, проведённого ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 году.			

Осведомлённость населения о проблемах инвалидов можно охарактеризовать как поверхностную. Чаще всего среди повседневных сложностей, с которыми встречаются инвалиды, население отмечает то, что широко обсуждается в СМИ: проблемы организации доступной среды (25%), равнодушие со стороны общества (19%), финансовые сложности (17%), проблемы с трудоустройством (16%). Характерно, что население придаёт более высокую значимость именно проблемам взаимоотношения инвалидов с обществом. Эта строка оказалась выше, чем финансовые трудности, проблемы с трудоустройством и медицинским обслуживанием. Интересно и то, что очень слабую поддержку респондентов получил тезис о неготовности самого общества к взаимодействию с инвалидами, об отсутствии практики повседневного общения с ними (только 0,4% опрошенных).

С полученными данными соотносится и результат распределения ответов респондентов на вопрос об отношении общества к инвалидам. Большинство опрошенных полагают, что в социуме доминирует равнодушное отношение к проблемам инвалидов, создаётся только видимость активной работы (55%). По данным, полученным за период исследований, оценка респондентами отношения общества к инвалидам незначительно улучшилась: выросла доля тех, кто считает, что у людей появилось осознание необходимости постепенного решения проблем инвалидов, снизилась доля тех, кто считает отношение общества безразличным (рис. 3.13).

Рисунок 3.13. Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, как общество, по Вашему мнению, относится к проблемам инвалидов?» (в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологических опросов населения Вологодской области, проведённых ФГБУН ВолНЦ РАН в 2013–2016 гг.

Готовность общества к интеграции с инвалидами респонденты, по всей видимости, оценивают, опираясь на свои представления о его отношении к проблемам данной категории населения. Мнения о неготовности общества к интеграции придерживаются 66% респондентов. Как было показано выше, респонденты имеют весьма поверхностную осведомлённость о проблемах, с которыми сталкиваются инвалиды в повседневной жизни, что находит отражение в высказываемых ими оценках готовности к интеграции (рис. 3.14). В 2013–2016 гг. произошли позитивные изменения в распределении оценок: в целом по области на 1,5% выросла доля ответов «полностью готово», на 7% – «скорее готово»; доля отрицательных оценок («скорее не готово» и «абсолютно не готово») сократилась на 10 п.п.

Рисунок 3.14. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, в какой мере общество готово к интеграции инвалидов (к активному включению инвалидов в жизнь общества)?» (в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологических опросов населения Вологодской области, проведённых ФГБУН ВолНЦ РАН в 2013–2016 гг.

Распределение ответов на вопрос об информированности респондентов о проблемах инвалидов и их обсуждении в социальной среде показывает, что оценка внимания общества к проблемам инвалидов практически не зависит от территории проживания респондентов. Около 70% населения региона полагают, что общество уделяет проблемам людей с инвалидностью недостаточно внимания. Практически поровну распределено количество ответов по вариантам «да» и «затрудняюсь ответить» (14 и 13% соответственно). Значительная доля тех, кто не смог

ответить на предложенный вопрос, может указывать на недостаточную информированность респондентов о публичных обсуждениях проблем инвалидов.

Следовательно, степень готовности населения региона к интеграции с инвалидами остается невысокой. Вместе с тем респонденты в основном осознают, что проблемам этой категории населения уделяется недостаточно внимания. в первую очередь созданию доступной и благоприятной среды, финансовым вопросам и сложности трудоустройства.

В рамках опроса населения Северо-Западного федерального округа в 2016 году респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Как Вы считаете, действуют ли в обществе эффективные механизмы (например, квотирование рабочих мест для инвалидов, оплата листов временной нетрудоспособности и др.), которые позволяют преодолеть ущемление прав социально уязвимых групп населения в трудовой сфере?». Большинство респондентов указали, что механизмы есть, но работают недостаточно эффективно, 25% опрошенных отметили отсутствие таковых. Лишь 10% считали, что механизмы есть и хорошо работают.

Таким образом, данные социологических опросов о проблемах инвалидов и перспективах социальной интеграции показывают, что общественное мнение всё ещё подвержено влиянию сложившихся негативных стереотипов о людях с инвалидностью. Стереотипы проявляются в повседневном межличностном общении, а также во время деловых контактов, например в ситуациях поиска инвалидами работы.

Оценка инвалидами взаимодействия с окружающими людьми. Повседневные проблемы инвалидов и перспективы социальной интеграции.

Как свидетельствуют результаты социологического исследования доступности объектов и услуг для инвалидов в Вологодской области, отношение общества к проблемам данной категории населения воспринимается её представителями преимущественно как равнодушное (так считают 46% опрошенных инвалидов).

В распределении соответствующих оценок среди инвалидов с различными типами ограничений жизнедеятельности не было выявлено значимых отличий. Мнение о равнодушии общества преобладает во всех их группах, за исключением инвалидов по слуху, около половины которых (47%) затруднились ответить на данный вопрос (рис. 3.15).

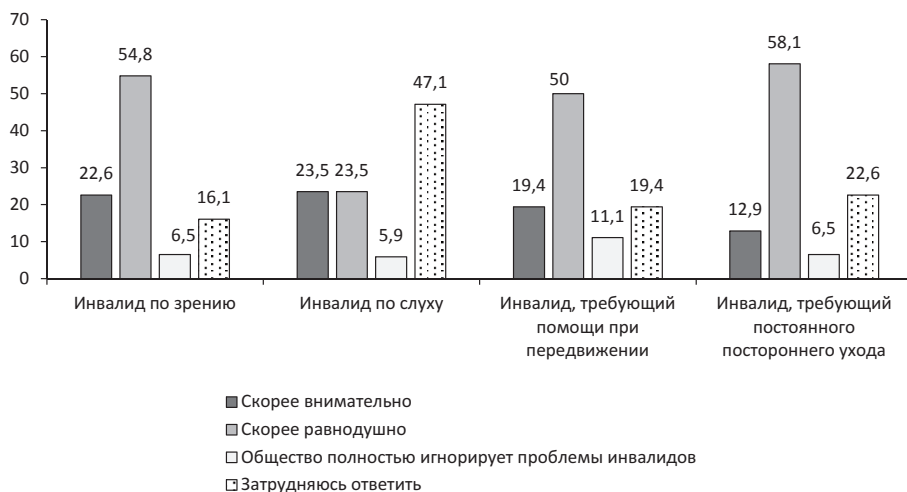

Рисунок 3.15. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, общество относится к проблемам инвалидов?» (в зависимости от типа ограничения жизнедеятельности, в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологических опросов инвалидов Вологодской области, проведённых ФГБУН ВолНЦ РАН в 2013–2016 гг.

Рисунок 3.16. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, в какой мере общество готово к интеграции инвалидов (к активному включению инвалидов в жизнь общества)?» (в территориальном разрезе, в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологических опросов инвалидов Вологодской области, проведённых ФГБУН ВолНЦ РАН в 2013–2016 гг.

Как и люди без инвалидности, большинство опрошенных инвалидов придерживаются мнения о неготовности общества к интеграции. В целом по области вариант ответа «скорее не готово» выбрали 43% опрошенных, вариант «абсолютно не готово» – 19% опрошенных. Наибольшую поддержку положительные оценки готовности общества к интеграции получили у респондентов из г. Череповца: вариант «скорее готово» выбрали 21% инвалидов (рис. 3.16).

Рассматривая причины столь низкой оценки инвалидами готовности социума к интеграции, следует отметить, что респонденты, высказывая собственное мнение, опираются на имеющийся у них опыт социального взаимодействия. В определённой мере, отношение окружающих людей к людям с ограниченными возможностями связано с тем, как проявляется заболевание, приведшее к инвалидности. Например, инвалиды по зрению и слуху чаще оказываются нежелательными собеседниками вследствие сложности коммуникации с ними без знания специальных правил и приёмов общения. В то же время инвалиды, испытывающие сложности в передвижении, могут восприниматься населением как беспомощные и зависящие от посторонней помощи. Рассмотрим с учётом данных обстоятельств распределение ответов инвалидов в зависимости от типа ограничения жизнедеятельности (рис. 3.17).

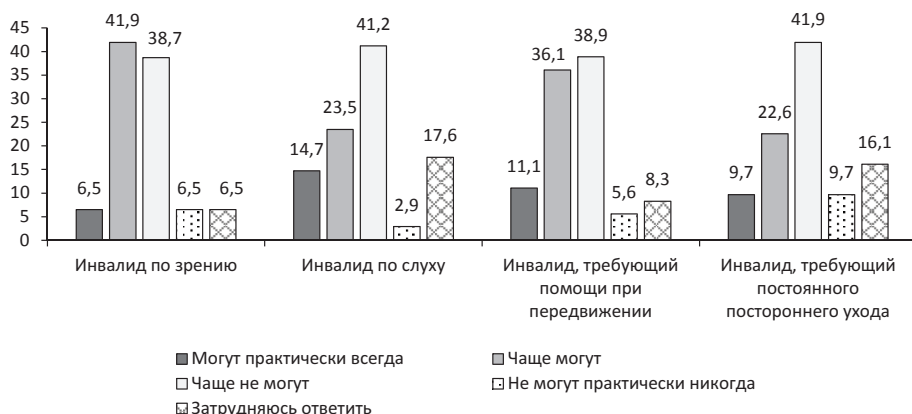

Рисунок 3.17. **Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, в какой мере инвалиды сегодня могут свободно общаться с окружающими?»** (в зависимости от типа ограничения жизнедеятельности; в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологических опросов инвалидов Вологодской области, проведённых ФГБУН ВолНЦ РАН в 2013–2016 гг.

Среди инвалидов практически всех рассматриваемых групп преобладает мнение о невозможности в большинстве случаев свободного общения с окружающими. Исключение составили респонденты с инвалидностью по зрению, среди которых 42%, напротив, допускают частую возможность такого общения. При этом для групп инвалидов, требующих помощи в передвижении и постоянного постороннего ухода, в большей степени характерен выбор «крайних» формулировок ответов: так, по мнению 11 и 10% соответственно, свободное общение с окружающими возможно «практически всегда», а 6 и 10% указали на его невозможность. Среди инвалидов по слуху и инвалидов, требующих постоянного постороннего ухода, у значительной части (18 и 16% соответственно) ответ на данный вопрос вызвал затруднения, что может быть связано с разным характером ограничений жизнедеятельности и, как следствие, с разными проблемами, возникающими при общении с окружающими. В целом представленное распределение указывает на существование значительных барьеров в общении между населением и инвалидами. Вероятно, что природа таких барьеров различна и может быть определена в рамках углублённых социологических исследований.

Одной из отличительных черт общества равных возможностей выступает то, что инвалиды в нём могут вести независимую жизнь, даже имея серьёзные нарушения здоровья. Степень сформированности условий, обеспечивающих такую возможность, определяется тем, насколько хорошо защищены и соблюдаются права людей с инвалидностью. Результаты социологического исследования в Вологодской области позволяют говорить о существовании неравенства в степени социальной защищённости уже внутри самой категории «инвалиды». Об этом свидетельствует дифференциация мнений респондентов о возможности полноценной жизни в зависимости от типа ограничения их жизнедеятельности. Среди инвалидов по зрению выделились два ведущих мнения: инвалиды «чаще не могут» (42%) и «чаще могут» (36%) вести полноценную жизнь. Среди инвалидов остальных групп преобладает первое мнение. Инвалиды, требующие постоянного постороннего ухода, и инвалиды, требующие помощи при передвижении, гораздо чаще других отмечали невозможность ведения полноценной жизни (22 и 13% в каждой группе соответственно; рис. 3.18).

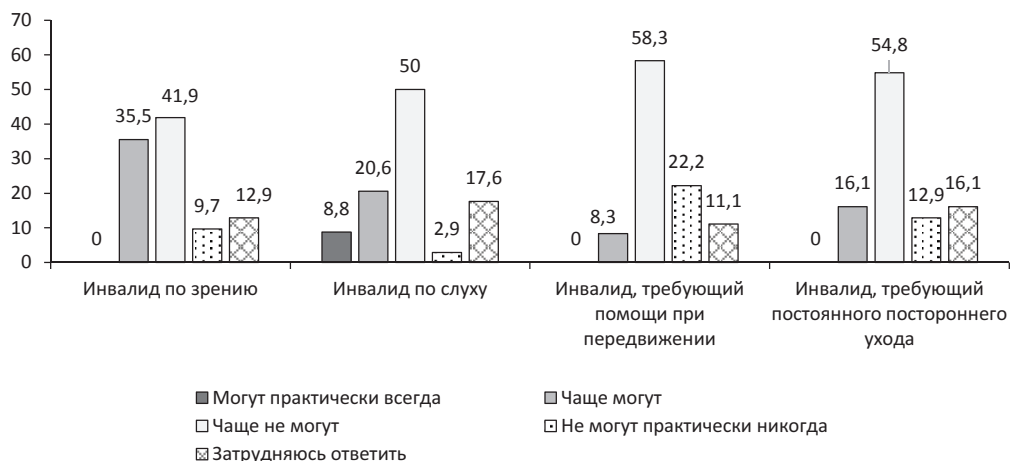

Рисунок 3.18. **Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, в какой мере инвалиды сегодня могут вести полноценную жизнь, с учётом ограничений по здоровью?», (в зависимости от типа ограничения жизнедеятельности; в % от числа опрошенных)**

Источник: Данные социологического опроса инвалидов Вологодской области, проведённого ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 г.

Важным аспектом интеграции общества является создание при сотрудничестве со СМИ положительного образа людей с ограниченными возможностями здоровья. Большинство респондентов (45%) считают, что проблемам инвалидов уделяется недостаточно внимания.

Значимый индикатор социального положения инвалидов – напряжённость, возникающая у них при взаимодействии с окружающими в различных жизненных ситуациях. По сравнению с 2015 годом в 2016 году респонденты чаще отмечали напряжение при передвижении по улицам, во время поездок в общественном транспорте, пребывания в парках, на природе (табл. 3.11).

Помимо общения с окружающими людьми сложности на пути к интеграции обусловлены недостаточной приспособленностью к потребностям инвалидов объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности. Нужно отметить, что различия в оценках респондентами уровня доступности этих сфер определяются не только территорией их проживания, но и специфическими потребностями, присущими им при различных типах ограничений здоровья.

Таблица 3.11. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие ситуации в общении с другими людьми (не инвалидами) вызвали у Вас напряжение за последний год – то есть Вы почувствовали негативное отношение к себе?»
(в среднем по области, в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Среднее по области			
	2016	2015	2014	2013
Обращение в медицинские учреждения	31,8	32,4	36,6	39,6
За последний год не было ни одной ситуации	24,2	25,9	17,9	32,8
Передвижение по улицам города	18,9	15,8	34,3	25,4
Пребывание в магазинах, торговых центрах и т.п.	9,1	11,5	26,1	14,2
Общение с представителями органов социальной защиты	6,1	10,1	4,5	22,4
Нахождение в общественном транспорте	12,1	8,6	18,7	15,7
Посещение учреждений культуры	2,3	6,5	9	10,4
Посещение учреждений спорта и физкультуры	3	6,5	3,7	10,4
Другие ситуации	2,3	4,3	3,7	11,2
Посещение образовательных учреждений	2,3	4,3	4,5	3
Пребывание в парках, на природе	2,3	1,4	5,2	23,1
Затрудняюсь ответить	21,2	15,1	14,2	14,2
Источник: Данные социологических опросов инвалидов Вологодской области, проведённых ФГБУН ВолНЦ РАН в 2013 – 2016 гг.				

Доступность и качество медицинских услуг – государственные гарантии, выступающие в качестве одного из главных факторов сохранения и укрепления физического и психологического здоровья населения. По данным опросов, большинство инвалидов считают, что объекты и услуги здравоохранения «скорее недоступны» или «недоступны» (48%).

В регионе сохраняется проблема низкой доступности объектов и услуг культуры: такое мнение высказывают 27% респондентов. Это препятствует использованию культурных мероприятий в качестве одного из механизмов интеграции.

Наиболее доступны для людей с инвалидностью объекты и услуги сферы информации и связи, в отношении которых, в отличие от иных сфер, преобладают положительные оценки. Примерно 74% опрошенных считают, что объекты и услуги информации и связи «доступны» или «скорее доступны».

Благоприятная картина наблюдается и в отношении социальной защиты, объекты и услуги которой оцениваются подавляющим большинством инвалидов как «доступные» (16%) и «скорее доступные» (48%).

Одним из главных условий полноценной, независимой жизни инвалидов выступает возможность трудоустройства. Для того чтобы они могли пользоваться услугами государства по содействию в поиске подходящей работы, необходимо обеспечить доступность объектов и услуг в соответствующей сфере. Судя по результатам опроса, только для 33% инвалидов они в той или иной мере доступны, значительная часть респондентов (39%) затруднились дать какую бы то ни было оценку.

В число наиболее актуальных проблем формирования безбарьерной среды входит обеспечение доступности объектов жилого фонда. Среди респондентов в крупных городах области (Вологда и Череповец) преобладает мнение, что объекты жилого фонда «скорее недоступны» для инвалидов, тогда как респонденты из малых городов, напротив, чаще указывают, что они «скорее доступны» (рис. 3.19). Различие может быть связано с тем, для крупных городов характерна многоэтажная застройка и приведение жилья в соответствие с нуждами инвалидов требует многочисленных разрешений и согласований, а также вложения большого объёма финансовых средств.

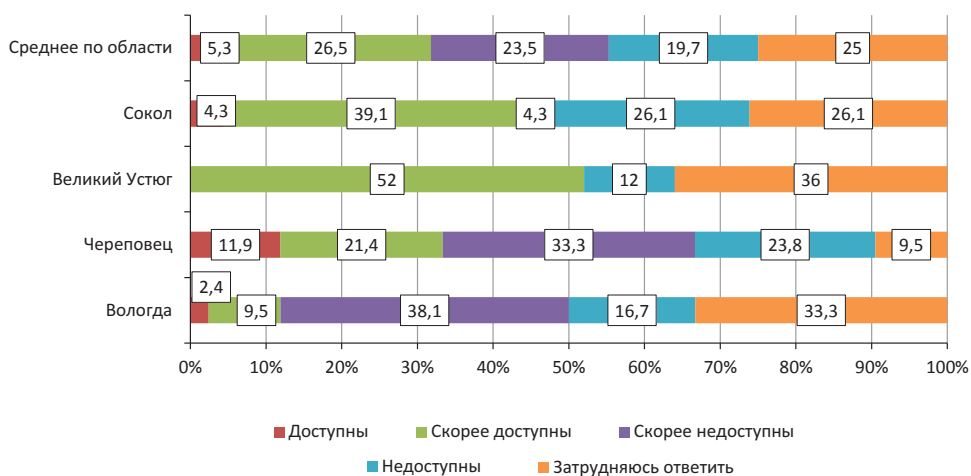

Рисунок 3.19. **Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, насколько доступны для инвалидов объекты жилого фонда?»** (в территориальном разрезе, в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологического опроса инвалидов Вологодской области, проведённого ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 г.

Далее рассмотрим распределение оценок доступности объектов и услуг различных сфер в зависимости от типа ограничения жизнедеятельности респондентов. Респонденты, требующие помощи в передвижении, инвалиды по слуху и лица, требующие постороннего ухода, чаще негативно оценивали доступность объектов и услуг здравоохранения. Вероятно, это обусловлено невозможностью для этих респондентов посещать медицинские учреждения без сопровождающих. Среди инвалидов по зрению (44%) преобладает мнение, что объекты и услуги здравоохранения «скорее доступны» (рис. 3.20).

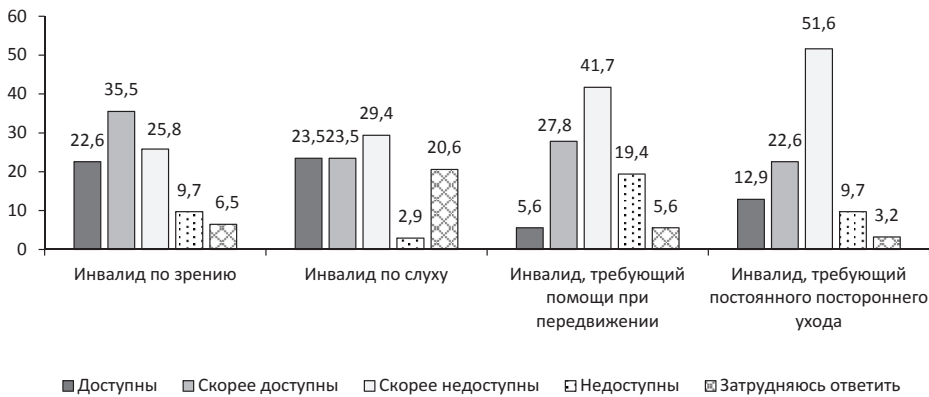

Рисунок 3.20. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, насколько доступны для инвалидов основные объекты и услуги в сфере здравоохранения?»
(в зависимости от типа ограничения жизнедеятельности респондентов;
в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологического опроса инвалидов Вологодской области, проведённого ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 г.

По мнению подавляющего большинства инвалидов всех групп, объекты и услуги в сфере социальной защиты «скорее доступны». «Недоступными» или «скорее недоступными» их считают 26% инвалидов по зрению, 27% инвалидов по слуху и 31% инвалидов, требующих помощи при передвижении (рис. 3.21).

Наиболее пессимистичную оценку доступности образования высказали инвалиды, требующие помощи при передвижении: 36% из них считают, что объекты и услуги в данной сфере остаются для инвалидов в той или иной степени недоступными. Среди инвалидов по зрению отмечено наибольшая доля положительных ответов (42%). В трёх группах респон-

дентов (инвалиды по слуху, инвалиды, требующие помощи при передвижении и инвалиды, требующие постоянного ухода) преобладают ответы «затрудняюсь ответить» (рис. 3.22).

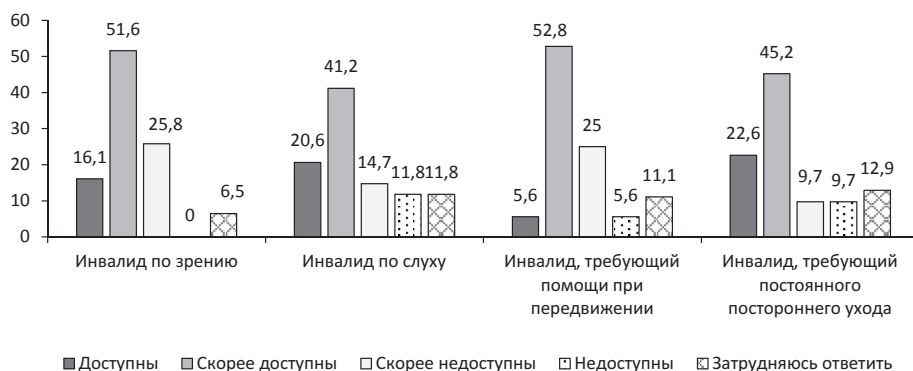

Рисунок 3.21. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, насколько доступны для инвалидов основные объекты и услуги в сфере социальной защиты?» (в зависимости от типа ограничения жизнедеятельности респондентов; в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологического опроса инвалидов Вологодской области, проведённого ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 г.

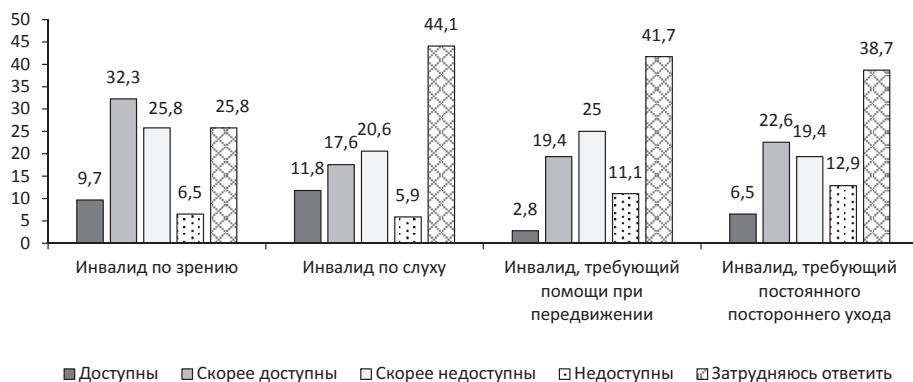

Рисунок 3.22. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, насколько доступны для инвалидов основные объекты и услуги в сфере образования?» (в зависимости от типа ограничения жизнедеятельности респондентов; в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологического опроса инвалидов Вологодской области, проведённого ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 г.

Наибольшие сложности в посещении объектов и использовании услуг сферы культуры испытывают инвалиды, требующие помощи при передвижении: среди них доля отметивших полную или частичную недоступность данной сферы составила 58% (рис. 3.23).

Самые позитивные оценки в отношении сферы культуры дали инвалиды по слуху – 59% из них считают, что её объекты и услуги в разной степени доступны.

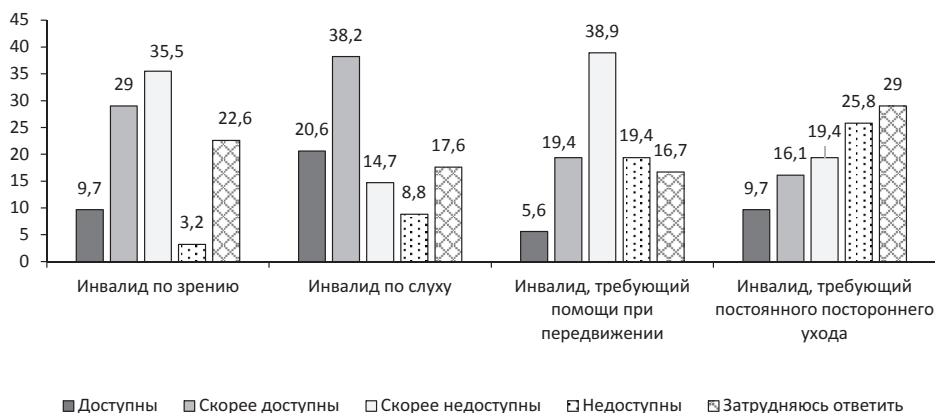

Рисунок 3.23. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, насколько доступны для инвалидов основные объекты и услуги в сфере культуры?»
(в зависимости от типа ограничения жизнедеятельности респондентов;
в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологического опроса инвалидов Вологодской области, проведённого ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 г.

Возможность использования транспорта определяется способностью человека свободно передвигаться без помощи посторонних. Об этом свидетельствует распределение мнений о доступности транспорта в зависимости от типа ограничения жизнедеятельности респондентов. Так среди инвалидов по зрению и слуху о полной доступности транспорта заявили 16 и 32% опрошенных соответственно. В то же время среди инвалидов, требующих помощи при передвижении, доля тех, кто признал объекты и услуги этой сферы полностью недоступными, составила 25%, а среди инвалидов, нуждающихся в постоянном постороннем уходе, – 39% (рис. 3.24).

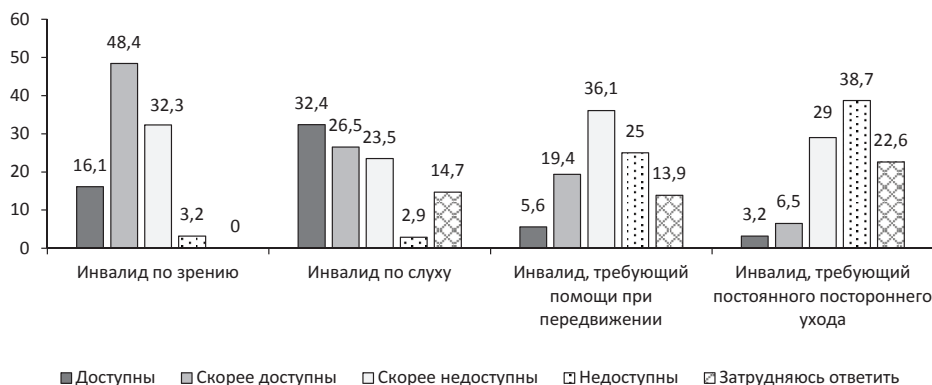

Рисунок 3.24. **Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, насколько доступны для инвалидов основные объекты и услуги в сфере транспорта?»**
(в зависимости от типа ограничения жизнедеятельности респондентов;
в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологического опроса инвалидов Вологодской области, проведённого ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 г.

Использование объектов и услуг физкультуры и спорта в большей степени доступно для инвалидов по слуху. Для обеспечения доступа к занятиям спортом инвалидов других категорий необходимы специальные спортивные объекты. Это актуализирует развитие в регионе такого популярного направления реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья, как инваспорт. Реализация мероприятий, направленных на вовлечение инвалидов в занятия спортом, является одной из приоритетных задач подпрограммы «Развитие физической культуры и массового спорта» государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта»¹⁵⁷.

Среди респондентов с инвалидностью по зрению большинство полностью или частично признали сферу торговли и бытовых услуг доступной – общая доля таких ответов составила 81%. Однако для респондентов, нуждающихся в помощи при передвижении, и для инвалидов, требующих постоянного постороннего ухода, услуги данной сферы в той или иной степени остаются недоступными: соответствующие варианты ответа выбрали 33 и 29% соответственно (рис. 3.25).

¹⁵⁷ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ № 302 от 15 апреля 2014 г. // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

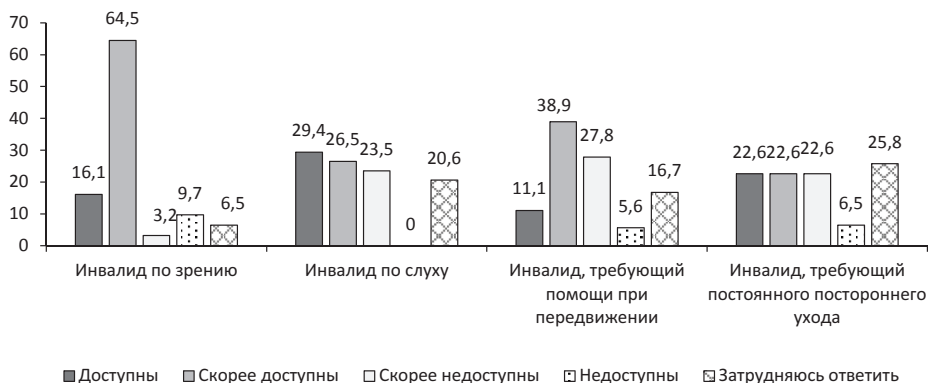

Рисунок 3.25. **Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, насколько доступны для инвалидов основные объекты и услуги в сфере торговли и бытовых услуг?»** (в зависимости от типа ограничения жизнедеятельности респондентов; в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологического опроса инвалидов Вологодской области, проведённого ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 г.

Оценить направленность изменений в оценках доступности объектов и услуг в разных сферах позволяет распределение ответов на вопрос о конкретных достижениях. Чаще всего респонденты говорили о положительных изменениях в доступности объектов и услуг в таких сферах, как информация и связь (16%), социальная защита (14%), культура (8%). Доля респондентов, не отметивших никаких достижений ни в одной из сфер, выросла: 44% в 2016 г. против 33% в 2015 г. (табл. 3.12).

Таблица 3.12. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Выделите, пожалуйста, в каких сферах жизнедеятельности Вы отметили достижения в повышении доступности для инвалидов за последний год?»** (в динамике за 2013–2016 гг. по области, в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Среднее по области				
	2016	2015	2014	2013	тренд
Информация и связь	15,9	21,6	14,9	2,2	+
Социальная защита	13,6	19,4	26,9	13,4	+
Культура	8,3	9,4	8,2	2,2	+
Здравоохранение	7,6	11,5	15,7	8,2	-
Образование	3,8	9,4	5,2	2,2	+
Спорт и физкультура	3,8	5	12,7	0	+
Транспорт	2,3	7,2	4,5	9	-
Жилой фонд	2,3	5	0	0,7	+
Другие сферы	0	2,9	0	2,2	-

Окончание таблицы 3.12

Вариант ответа	Среднее по области				
	2016	2015	2014	2013	тренд
Никаких достижений не заметили	43,9	33,1	35,1	47,8	
Затрудняюсь ответить	21,2	15,8	17,9	20,1	
Источник: Данные социологических опросов инвалидов Вологодской области, проведённых ФГБУН ВолНЦ РАН в 2013 – 2016 гг.					

Среди наиболее запомнившихся проблем респонденты чаще всего называли недоступность услуг социальной инфраструктуры, проблемы с трудоустройством, недоступность транспорта (табл. 3.13).

Таблица 3.13. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Перечислите, пожалуйста, три наиболее запомнившиеся проблемы в повышении доступности среды для инвалидов за последний год», 2016 г. (по области, в% от числа опрошенных)

Вариант ответа	Среднее по области
Недоступность услуг социальной инфраструктуры («услуги МФЦ, услуги налоговой инспекции», «учреждения культуры недоступны совсем»; «аптеки недоступны»)	7,6
Занятость, трудоустройство	6,8
Недоступность транспорта	6,8
Не выйти самостоятельно из дома	4,5
Технические средства очень низкого качества	3,8
Мелкий шрифт («Мелко написаны номера автобусов, срок годности в магазине»)	0,8
Недоступен банкомат	0,8
Лифты не работают	0,8
Неудобная система оповещения на вокзале	0,8
Оформление ЕДК на капитальный ремонт	0,8
Плата за телефон – 100%	0,8
Негде пройти курс лечения для колясочника	0,8
Все услуги социальных работников платные, за тяжёлыми никто не хочет ухаживать	0,8
Отсутствие социального такси	0,8
Нет сурдопереводчиков	0,8
Нет ответа	76,5
Источник: Данные социологического опроса инвалидов Вологодской области, проведённого ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 г.	

Данные опроса свидетельствуют о сохранении высокой зависимости инвалидов от социальной поддержки государства: 24% респондентов ответили, что не могут обойтись без неё и дня; ещё 30% сказали, что им было бы сложно обойтись без государственных услуг в этой сфере.

Механизмы информирования инвалидов об актуальных мероприятиях государственной политики эффективнее действуют на территории крупных городов. Так, о реализации региональной программы «Безбарьерная

среда» хорошо осведомлены в целом по региону 4,5% опрошенных. При этом наиболее высокая доля респондентов, подробно и точно знающих о мероприятиях программы в г. Череповце, составляет 14%, в г. Вологде – 10%, в г. Соколе – 9%. В Великом Устюге таких респондентов не выявлено. Максимальная доля тех, кто ничего не знает о реализуемой программе, отмечена в г. Соколе – 78%, минимальная – в Вологде (19%; рис. 3.26).

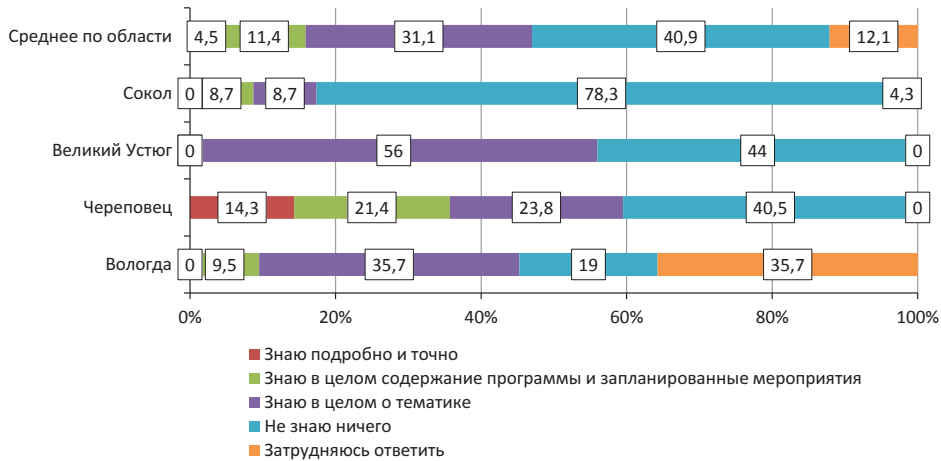

Рисунок 3.26. **Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы о том, что в Вологодской области реализуется подпрограмма «Безбарьерная среда»?»**
(в территориальном разрезе; в % от числа опрошенных)

Источник: Данные социологического опроса инвалидов Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 г.

Большинство инвалидов настроены критически в отношении проводимой государством социальной политики: 30% выступают за разработку полностью новой политики, 34% – за изменение большей её части.

В целом, говоря об изменении ситуации в обществе, 43% инвалидов указывают, что отношение к ним окружающих остаётся прежним; только 23% считают, что наблюдается улучшение.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии барьеров социальной инклюзии инвалидов в региональном сообществе. В основном население равнодушно к проблемам инвалидов, проявляет скептицизм относительно возможности социальной интеграции. О существовании социальной дистанции между рассматриваемой уязвимой категорией и остальной частью населения говорит высокая доля респондентов, негативно воспринимающих вступление близкого человека в

брак с инвалидом. Сами инвалиды указывают, что сталкиваются с проявлениями недоброжелательности со стороны окружающих.

Приведённые факты свидетельствуют о наличии риска социальной эксклюзии инвалидов. В связи с этим повышается актуальность реализации мероприятий, направленных на преодоление социальной разобщённости, формирование единого социокультурного пространства взаимодействия инвалидов и населения. Такими мероприятиями могут быть:

1) разработка и реализация программ содействия трудоустройству инвалидов;

2) совершенствование практики инклюзивного образования в части организации самого учебного процесса в интегрированных классах, а также предоставления детям-инвалидам возможности учиться в отдельном классе вместе с детьми, имеющими сходные требования к адаптации образовательной программы;

3) развитие дистанционного обучения для детей-инвалидов (возможно, в формате виртуального присутствия в классе через технологии видеосвязи);

4) организация в школах занятий, посвящённых правилам взаимодействия с инвалидами, для обучающихся, их родителей и учителей;

5) организация курсов обучения взаимодействию с инвалидами (например, правила этикета, жестовый язык и т.п.) для персонала, занятого в сферах, предполагающих общение с клиентами (супермаркеты, банки, медицинские и образовательные организации, МФЦ, центры занятости);

6) развитие форм гражданского участия инвалидов в принятии управленческих решений;

7) открытие досуговых центров для инвалидов, имеющих разные виды ограничений жизнедеятельности;

8) расширение и улучшение качества контента информационных сообщений СМИ, посвящённых проблемам инвалидов;

9) организация праздников, спортивных соревнований, в которых могут принять участие люди с инвалидностью;

10) расширение поддержки организаций инвалидов и дальнейшее привлечение их в качестве экспертов при разработке мероприятий социальной политики, затрагивающих интересы инвалидов.

ГЛАВА 4

ПРОБЛЕМЫ ИНКЛЮЗИИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ

4.1. Многодетные семьи в российском обществе

«Семья – одна из древнейших форм общности людей. Она возникла раньше, чем нации, государства, еще во времена первобытного общества. Именно семья была, есть и, наверное, всегда будет важнейшей средой формирования и развития личности, которая отвечает не только за социальное воспроизводство населения, но и за воссоздание определенного образа его жизни»¹⁵⁸. В условиях нынешнего демографического кризиса в России особую роль играет повышение детности семей.

В федеральном законодательстве (Семейный кодекс РФ и Указ Президента РФ от 05.05.92 г. № 431 «О мерах социальной поддержки многодетных семей») отсутствует определение многодетной семьи. Отнесение семьи к категории «многодетной» находится в компетенции местных властей. Согласно законодательству г. Москвы многодетной считается «семья, в которой родились и (или) воспитываются трое и более детей (в том числе усыновленные, а также пасынки и падчерицы) до достижения младшим из них возраста 16 лет, а обучающимся в образовательном учреждении, реализующем общеобразовательные программы, – 23 лет, если они учатся по очной форме. В составе многодетной семьи не учитываются дети, находящиеся на полном государственном обеспечении, и дети, в отношении которых родители лишены родительских прав или ограничены в родительских правах...»¹⁵⁹

¹⁵⁸ Основы социальной работы / отв. ред. П.Д. Павленок. М. : ИНФРА-М, 2009. С. 67.

¹⁵⁹ О социальной поддержке семей с детьми в городе Москве : закон г. Москвы № 56 от 05.11.2008 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

Количественные и возрастные критерии многодетности варьируются, исходя из финансовых возможностей конкретного региона. Например, в Республике Марий Эл и Республике Тыва многодетной считалась семья с четырьмя и более детьми, в Республике Ингушетия – с пятью и более. С 2012 г. критерий изменился и сегодня этот статус предоставляется всем парам или родителям-одиночкам, на воспитании которых имеется трое и больше детей. Однако в критериях отнесения к категории многодетных остаются нюансы. Во-первых, существуют расхождения относительно возраста, до достижения которого ребенок учитывается в составе семьи для определения её многодетности. Во-вторых, имеет значение место жительства членов семьи. Если они зарегистрированы в разных регионах (например, г. Москва и Московская область), семья не будет признаваться многодетной ни в одном из регионов проживания, несмотря на соответствие в целом количественным критериям многодетности. Следует оговориться, что с точки зрения демографической науки трое детей – это «среднедетность».

Многодетные семьи¹⁶⁰ составляют незначительную долю в общей структуре семей России (рис. 4.1). Перепись населения 1989 г. выявила 2 млн. 311 тыс. семей, имеющих трех и более детей до 18 лет, т.е. на их долю приходилась 1/5 общего по стране числа детей до 18 лет (20,5%). Каждая десятая семья была многодетной (9,8%). В 1994 г. (по данным микропереписи населения) доля многодетных семей незначительно сократилась – до 9,4%. Еще ниже она была по данным переписей 2002 и 2010 гг. – 6,6 и 7,0% соответственно.

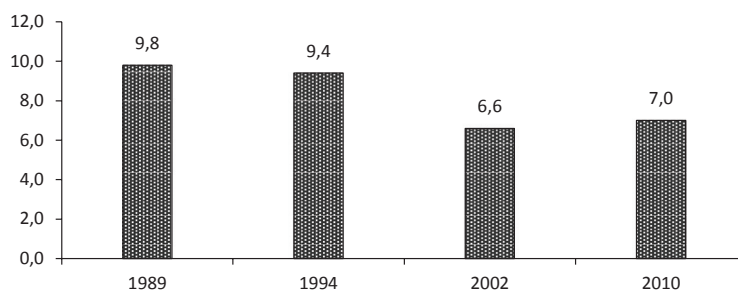

Рисунок 4.1. Доля многодетных семей в общем количестве семей с детьми до 18 лет, %

Источник: Шерстнева В.В. Проблемы многодетных семей в современной России // Институты развития демографической системы общества: сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием / под ред. А.И. Татаркина, А.И. Кузьмина. Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2014. С. 236-241.

¹⁶⁰ В исследовании будем придерживаться законодательно определенной границы многодетности – трое и более детей.

Судя по данным переписи 2002 г., в России доля многодетных в общем числе домохозяйств (включая домохозяйства из одного человека) составляла 2,6%. По сравнению с 1989 г. уровень многодетности сократился в 1,8 раза – с 4,6 до 2,6%. Тенденция была более выраженной в городах, где он уменьшился почти в 2 раза (с 3,2 до 1,7%), тогда как в сельских поселениях – в полтора раза (с 8,3 до 5,5%)¹⁶¹. В 2002 году более половины (52,3%) многодетных семей (с тремя и более детьми) проживали в сельской местности. Примечательно, что большая часть (69%) российских семей с 4-мя и более детьми также сосредоточена в селах (согласно данным НОБУС-2003)¹⁶². Это косвенно подтверждает значимость жилищных условий, необходимость достаточных размеров жилья для многодетных.

Распределение многодетных семей по числу детей показывает преобладание трехдетных семей, составляющих 3/4 общей численности многодетных семей. Доля семей с 5 и более детьми оказывается меньше 8%. При этом уровень многодетности весьма существенно различается по регионам страны: от 53,4% многодетных семей в общем числе домохозяйств в Республике Ингушетия до 1% – в городе Санкт-Петербурге. Причем только в четырех регионах, включая Республику Ингушетию, данный показатель был выше 10% (Чеченская Республика – 40,5%, Республика Дагестан – 24,8%, Республика Тыва – 17,1%)¹⁶³.

Согласно переписи населения, проведенной в 2010 году, в России насчитывалось 1 250 тысяч многодетных семей; в начале 2017 г., по официальным данным – 1 566 тысяч¹⁶⁴. В среднем многодетными являются родители в каждой сороковой российской семье. Для сравнения: в Западной Европе число семей с тремя и более детьми составляет 12–15%¹⁶⁵.

Новый виток демографической политики, направленной на стимулирование рождаемости населения, имел положительные результаты: в 2014–2016 гг. численность третьих и последующих детей возросла по отношению к уровню предшествующего года на 4–9% (табл. 4.1).

¹⁶¹ Прокофьева Л. Более 3-х детей растут только в 6,6% российских семьях // Демоскоп Weekly. 2009. № 373-374. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema01.php>

¹⁶² Анализ социально-экономического положения многодетных семей // Доклад на II Всероссийской конференции «Многодетная семья в современной России», 2008 год. Режим доступа: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1193

¹⁶³ Прокофьева Л. География многодетности // Демоскоп Weekly. 2009. № 373-374. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema02.php>

¹⁶⁴ На просторах России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2017. № 723-724. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0723/rossia01.php#3>

¹⁶⁵ Антонов А.И. Многодетная семья в эру депопуляции (результаты всероссийского исследования многодетных матерей) // Портал DEMOGRAPHIA.RU. Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1473

Таблица 4.1. Отношение численности третьих и последующих детей, родившихся в отчетном году, к численности детей указанной категории, родившихся в году, предшествующем отчетному году, в Российской Федерации

Показатель	2014 к 2013	2015 к 2014	2015 к 2016*
Отношение третьих и последующих детей по очередности рождения родившихся в отчетном году к предыдущему году	108,7	104,9	103,5
Справочно: отношение всех родившихся в отчетном году к предыдущему году	100,9	101,4	97,3
* С учетом сведений по Республике Крым и г. Севастополю. Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru			

По мнению А.И. Антонова, «современная многодетность является сложным и противоречивым феноменом: по отношению к общепринятым нормам и нравам она, безусловно, является исключительной и девиантной»¹⁶⁶.

Восприятие многодетных семей обществом: взгляд снаружи и изнутри

Стереотипы в отношении многодетных семей изучены достаточно подробно. Н.А. Бутрим обозначает рассматриваемые семьи как нетипичные, указывая на их отклонение от социальной нормы, в том числе в смысле потребления благ¹⁶⁷. Среди россиян многодетность, как правило, ассоциируется с бедностью и общим неблагополучием семьи. Большинство (65%), отвечая на вопрос, в каких семьях сегодня чаще бывает много детей, склоняется к мнению, что в неблагополучных. Треть респондентов сразу же вспоминает о нищете, неустроенности и непрестанных проблемах. Кто-то заявляет, что многодетные семьи – как правило, с пьющими родителями и беспризорными детьми, а кто-то выражает жалость и сочувствие многодетным семьям и растущим в них детям¹⁶⁸.

Противоположной точки зрения, согласно которой многодетная семья – это обычно семья благополучная, придерживаются лишь 14% россиян. Положительные ассоциации со словосочетанием «многодетная семья» возникают примерно у каждого пятого. Предположение, что многодетные семьи – это семьи с достатком, в которых родители могли себе позволить воспитывать (читать – обеспечивать) много детей, звучит крайне редко (2%; ответы на открытый вопрос)¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Бутрим Н.А. Специфика проблем современной многодетной семьи // Система ценностей современного общества. 2012. № 22. С. 172.

¹⁶⁸ Вовк Е. Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей // Нормы и ценности. 2007. № 3. С. 33-46.

¹⁶⁹ Там же.

Итак, с одной стороны, многодетность для респондентов – это бедность и даже нищета, нужда, это материальные и жилищные проблемы, это обуза, загруженность и хлопоты, отсутствие свободного времени, это неизбежно возникающие трудности общения и конфликты. С другой стороны, многодетность приносит удовлетворение и радость. При этом позитивный и негативный комплексы представлений о многодетности – это не противоборствующие точки зрения, а две стороны одного целостного образа¹⁷⁰.

Корреляция между многодетностью и неблагополучием семьи характерна для сегодняшней социально-экономической ситуации в стране. При отсутствии помощи государства многодетным и при необходимости платить за «все и вся» из своего кармана, содержание нескольких детей становится непосильным испытанием для семейного бюджета. Благополучие семьи россияне считают скорее следствием, нежели причиной ее многодетности¹⁷¹. Это подтверждает статус уязвимости группы, с которым традиционно связывают бедность, недостаточный доступ к социальным и общественным сетям, ограничения в сфере трудоустройства и образования, невозможность планировать и отвечать за собственную жизнь¹⁷².

Отдельные исследования выявили факт, что «вокруг многодетных матерей по-прежнему продолжает существовать некоторая зона социального неодобрения и даже отторжения»¹⁷³, и то, что «многодетным семьям сейчас помимо материальной помощи в значительной степени не хватает моральной поддержки»¹⁷⁴.

По данным других исследователей¹⁷⁵, «каждое очередное рождение ребенка в семье с детьми изменяет в худшую сторону отношение всех окружающих (включая представителей власти, здравоохранения, коммунальной сферы и т.д.):

– при рождении первенца отношение стало лучше (хуже) – 41,9% (2,7%);

¹⁷⁰ Вовк Е. Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей // Нормы и ценности. 2007. № 3. С. 34-36.

¹⁷¹ Там же. С. 35-36.

¹⁷² Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 36-83.

¹⁷³ Грудина Т.Н. Ценностные ориентации многодетной семьи в России : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. М., 2014. С. 15.

¹⁷⁴ Там же. С. 16.

¹⁷⁵ Антонов А.И. Многодетная семья в эру депопуляции (результаты всероссийского исследования многодетных матерей) [Электронный ресурс] // Портал DEMOGRAPHIA.RU. Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1473

- при рождении второго – 38,2% (7,3%);
- при рождении третьего – 30,1 (23,5%);
- при рождении четвертого – 10,6 (12,7%);
- при рождении пятого и последующих детей – 7% (5,6%)».

В рамках исследования по гранту РФФИ № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества» был проведен анализ отношения общества к многодетным семьям и их самочувствия; рассмотрены проблемы данной группы населения и возможные пути их решения. Эмпирический материал собран методом фокус-групп и массового анкетирования населения Северо-Западного федерального округа¹⁷⁶.

Многодетные семьи воспроизводят в основном традиционный семейный уклад: на мужчине лежит ответственность за материальное обеспечение семьи, а на женщине – за ведение домашнего хозяйства. В большинстве семей домашнюю работу на 75–80% делает женщина, и это очень большая нагрузка.

Юнна (4 детей): «Когда устаешь сильно, то жалко себя очень становишься».

София (3 детей): «А с другой стороны, понимаешь, что никто с тебя эту нагрузку не снимет, никто не сделает. Ощущение, что это моя ответственность. Хорошо, когда есть возможность попросить: “Дайте мне хотя бы два часа свободного времени”».

Однако есть семьи, где домашние обязанности распределяются поровну между женой и мужем, существуют «папины задачи». Часто это обусловлено особенностями сложившейся на данный момент ситуации и носит временный, исключительный характер (например, сложная беременность у жены).

София (3 детей): «От домашних забот нужно давать отдохнуть. Для мужчин домашний труд – это легкий труд. Я один раз папу с детьми оставила, потом говорит, что лучше бы сходил поработать. Мужчины начинают понимать, что это тяжелый труд, когда сами через это проходят».

¹⁷⁶ Анкетный опрос проведен в 2016 г. на территории Вологодской, Мурманской, Калининградской, Новгородской областей, Республики Карелия. Выборка составила 3101 чел. (в том числе многодетные матери – 353 чел.), ошибка выборки не более 3%.

Четыре фокус-группы с многодетными родителями проведены в 2017 г. на базе ВолНЦ РАН.

В больших семьях как раньше, так и сегодня на старших детей возлагаются обязанности помогать по дому и заботиться о младших братьях и сестрах. Сами родители отмечают, что в многодетной семье ребенок постоянно занят и что дети приучены к любой работе по дому. В семье, где один ребенок, родители обычно берут на себя все домашние обязанности (зачастую быстрее и легче сделать самим, чем обучать и заставлять ребенка), что способствует развитию у детей инфантилизма и приводит к отсутствию навыков самообслуживания. И если с одним ребенком родителям приходится постоянно уделять ему внимание, то в многодетной семье часть забот перекладывается на старших детей. Кроме того, в многодетной семье младшие дети подражают старшим, поэтому легче и быстрее приобретают различные навыки.

Юнна, 4 детей: «Помогают дети, потом бабушки-дедушки. У моих детей есть обязанности: убирать, пыль вытереть, посуду собрать и помыть, с младшими погулять. Они умеют практически все и вынуждены быть занятыми. С первым ребенком было очень тяжело, с четырьмя детьми мне сейчас легче».

Итак, многодетная семья успешнее реализует функции социализации. Дети в ней более приспособлены к жизни, быстрее вырабатывают необходимые для жизни навыки и умения.

Проведенное исследование выявило, что многодетные семьи различаются по способу описания реакции общества на их статус. Выделяется группа многодетных матерей, занимающих активную жизненную позицию, благополучных в материальном плане. Представители этой группы определяют установки социума к многодетности как положительные; основная реакция – интерес, удивление. И только потом заостряют внимание на том, что существуют многодетные семьи асоциального характера, которые вызывают абсолютно противоположную реакцию в обществе.

Юнна (4 детей): «Реакция общества: положительная, оборачиваются с интересом и даже восхищением. В основном позитивно. Выделяют как особенных, но это хорошее выделение. Хотя мы – нормальные семьи. А вот есть асоциальные, те производят впечатление как стадо босых и ободранных».

Вера (4 детей): «Читала, что у многих ассоциации: многодетные семьи, как у цыган, неаккуратные, неухоженные, заброшенные, или алкашня. Обидно стало. Много сейчас нормальных семей, среди знакомых много таких встречается».

Сами многодетные матери, относящиеся к первой группе, делают вывод, что одобрение/неодобрение со стороны окружающих людей зависит от внешнего вида членов семьи и от их поведения, от того, как семья себя позиционирует. Негативный стереотип относительно многодетных семей чаще всего связан с финансовыми аспектами.

Алена (3 детей): «Существует негативный стереотип, что рожают ради денег. По некоторой части судят обо всех».

Анна (4 детей): «Группы, с кем работают социальные работники, – алкоголики, бездомные люди, и к ним приравнивают многодетные семьи априори. Это в основном семьи неблагополучные, в которых кто-то болен алкоголизмом. Все деньги тратят на себя. Есть сообщество таких людей, и есть те, кто любят своих детей, а их приравнивают. Получается, что приравнивают тех, для кого дети – это счастье, к тем, кому дети не нужны».

Антонина (4 детей): «Старшее поколение (55–60 лет) больше относится с негативом. Считают, что мы какие-то выпивошки, бездумно рожаем детей, не думаем о будущем. Дети ходят голодные-холодные. Государство платит деньги, поэтому рожают. Меня спрашивают: «Ты что, не ради денег родишь?» – «Нет, ради себя!». Надо менять такое отношение. А не поменять никак – пожилые все смотрят с негативом».

Другая группа многодетных семей чаще отмечает, что сталкивается с негативным отношением, но в ходе беседы выясняется, что и сами многодетные матери при этом демонстрируют другой тип поведения, активно позиционируют себя как имеющих право на привилегии. При этом просматривается стремление снять с себя ответственность даже в ситуации, в которой ребенок оказался вполне вероятно по причине недостатков воспитания.

Алена (6 детей): «В поликлинику приходишь, делаешь «морду кирпичом», достаем удостоверение и показываем на стенд, где написано, что многодетные родители обслуживаются в первую очередь. Многие затыкаются».

«На комиссии по делам несовершеннолетних спрашивали: «Почему Вы не следите за своим ребенком?» – «У него есть еще и отец. И ему уже 17 лет. Это уже не ребенок!». Какая злая на меня инспектор была!»

Участники фокус-групп отметили, что сохраняется ряд инстанций, в которых большинство многодетных семей сталкиваются с негативным отношением. В первую очередь, это учреждения здравоохранения, государственные учреждения, работающие с данной категорией населения по вопросам оформления документов и выплаты пособий различного

рода. Негатив вызван просьбами многодетных семей о помощи в решении каких-либо проблем.

Марина (3 ребенка): «Я отдаю себя полностью детям. Я все для них делаю. Бывает, что обратишься за помощью к государству, но у меня это все пойдет на детей, а приравнивают к безответственным. Говорят мне: “Ты идешь за третьим, чтобы тебе все помогли. Ты ходишь и просишь”. Вот такой негатив».

Таким образом, отношение общества к многодетным семьям зависит от ситуации, от самой семьи (какой они имеют облик) и от людей, к которым обращаются, в т.ч. от чиновников и специалистов.

Региональное сообщество относит многодетные семьи к категории социально уязвимых и нуждающихся в поддержке (69% респондентов; табл. 4.1). Это свидетельствует об устоявшемся отношении к данной группе как к особенной, отличающейся. Сами представители группы в большинстве своем также отмечают свою уязвимость (72% относят себя к социально уязвимым категориям населения).

Жители Северо-Западного округа считают, что соотечественники достаточно редко испытывают неловкость или психологический дискомфорт при общении с многодетными семьями (4% респондентов; табл. 4.2), хотя психологическая окраска взаимодействия часто зависит и от ситуации, и от личности. Так считает около четверти опрошенных. Представители социально уязвимых категорий в большинстве согласны с оценками общества.

Таблица 4.2. **Мнение о социальной уязвимости многодетных семей, 2016 г.**
(в % от числа опрошенных)

Вопросы / варианты ответа	Категория	
	общество	представители группы
1. Считаете ли Вы нижеперечисленные категории граждан социально уязвимыми (незащищёнными)?		
Да	69	72
Нет	13	12
Затрудняюсь ответить	18	16
2. Как Вы думаете, испытывают ли Ваши соотечественники неловкость или психологический дискомфорт при общении и взаимодействии с перечисленными группами?		
Да	4	5
Зависит от ситуации	24	25
Зависит от личности	22	22
Нет	36	33
Затрудняюсь ответить	14	15
Примечание. В таблице не показаны результаты с формулировкой «Затрудняюсь ответить».		

Следовательно, общество однозначно выделяет многодетных в особую социально уязвимую группу населения, обладающую рядом сопутствующих качеств (бедность, неблагополучие), обусловленных числом детей. Для этого есть объективные основания.

В современных российских условиях наличие детей в семье значительно повышает риски попадания за черту бедности. «С каждым последующим деторождением семья погружается во все более глубокую бедность: относительная бедность полной нуклеарной семьи с одним ребенком – 42%; полной нуклеарной семьи с двумя детьми – 48%; полной нуклеарной семьи с тремя детьми – 55%»¹⁷⁷. Так, по данным выборочных обследований Росстата, 35% домохозяйств с детьми в возрасте до трех лет относились к числу малоимущих, то есть их среднедушевой доход был ниже величины прожиточного минимума. Из числа домохозяйств, в составе которых три и более ребенка, каждое второе характеризовалось как бедное, а дефицит дохода составлял более 3500 рублей на каждого члена семьи (табл. 4.3).

Таблица 4.3. **Основные показатели дифференциации доходов и бедности в России, 2016 год**

Показатель	Все домохозяйства	Из них домохозяйства, с детьми до 18 лет			Домохозяйства с детьми до 3 лет
		1 ребенок	2 детей	3 и более детей	
Среднедушевые денежные доходы, в % к величине прожиточного минимума	261,5	229,2	175,0	118,0	153,0
Доля малоимущего населения, %	13,1	12,2	26,3	51,0	35,2
<i>Денежные доходы малоимущего населения</i>					
В среднем на душу, в месяц, рублей	6 945	7 335	7 159	6 275	6 842
В % к величине прожиточного минимума	69,2	72,9	71,0	63,0	67,9
<i>Дефицит денежного дохода</i>					
В среднем на душу, в месяц, рублей	3 085	2 729	2 930	3 683	3 236
В % к величине прожиточного минимума	1,5	1,4	4,2	15,7	7,2
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru/					

Динамика среднедушевых денежных доходов домохозяйств с детьми в Вологодской области демонстрирует сходные тенденции: с каждым

¹⁷⁷ Шевяков А.Ю. Неравенство доходов как фактор экономического и демографического роста // Инновации. 2011. № 1 (147). С. 7-19.

последующим ребенком в семье уровень доходов сокращается и приближается к величине среднедушевого прожиточного минимума (рис. 4.2).

Денежные доходы многодетных семей существенно ниже доходов всех домохозяйств региона. Кроме того, семьи с двумя и более детьми оказались более чувствительны к проявлениям экономических кризисов, что выразилось в понижательной динамике их доходов в периоды 2009–2010 и 2012–2013 гг.

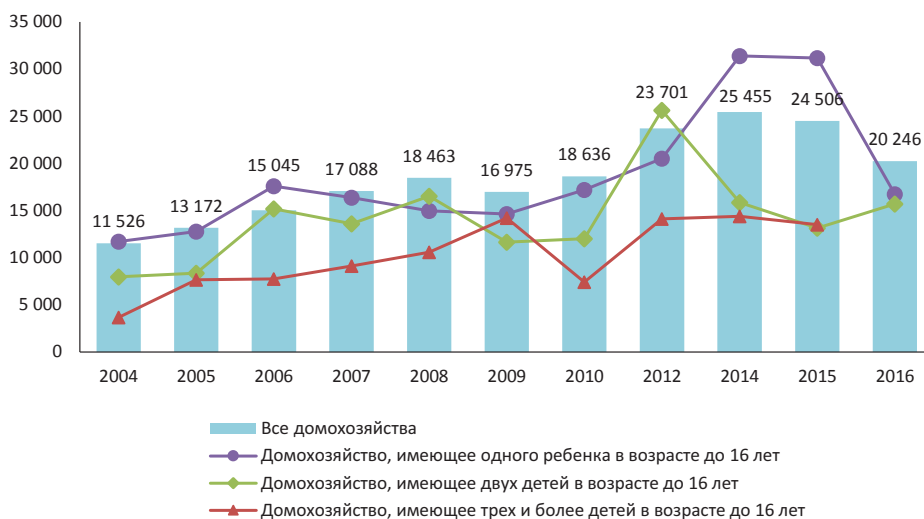

Рисунок 4.2. Денежные доходы домохозяйств Вологодской области, в среднем на 100 домохозяйств, рублей*

* В сопоставимых ценах 2016 года.

Примечание. С 2016 года Вологдастатом выделяется две группы домохозяйств: с одним ребенком; с двумя и более детьми.

Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

По оценкам Министерства труда РФ, в 2018 году среди бедных в России 70% составляют семьи детьми¹⁷⁸. Как отметил министр труда М. Топилин, «семьи с детьми составляют основную массу, основную когорту тех семей, которые у нас находятся за чертой прожиточного минимума. После рождения ребёнка продолжают, к сожалению, оставаться факторы, когда с появлением ребенка/детей семья, безусловно, теряет уровень дохода».

¹⁷⁸ Минтруд отметил, что 70% бедных россиян составляют семьи с детьми [Электронный ресурс] // МИЦ «Известия». – Режим доступа: <https://iz.ru/748878/2018-05-28/topilin-nazval-semi-s-detmi-bolshinstvom-sredi-zhivushchikh-v-bednosti>

Материальные проблемы усугубляются жилищными для тех, у кого нет отдельного жилья в собственности либо оно не соответствует определенным требованиям. Семьи с детьми в России испытывают стесненность в месте своего проживания, и чем больше количество детей, тем меньший размер жилой площади приходится на человека (табл. 4.4). Несмотря на широкое развитие ипотечного кредитования, внедрение льготных ставок и возможности рефинансирования активных кредитов под льготную ставку в 6% для семей, в которых родится второй и третий ребенок, все еще сохраняется ряд ограничений для полного решения жилищных проблем:

- во-первых, льготные ставки действуют только на первичном рынке, который может отличаться либо необоснованно высокими ценами, либо плохим качеством строительства;
- во-вторых, льготная ставка покрывает малую долю тех кредитов, которые семьи выплачивают десятилетиями, ущемляя себя в других расходах (льготная ставка рассчитана на три года – при рождении с 2018 года второго ребенка, на пять лет – при рождении третьего ребенка, максимальный срок – 8 лет, если во время действия первой субсидии родится третий ребенок);
- в-третьих, по условиям программы не менее 20% стоимости жилья должно быть оплачено в качестве первоначального взноса. Таким образом, для семей с детьми, не имеющих накоплений, наследства, возможности привлечь созаемщиков и иных видов помощи, приобретение жилья в ипотеку затруднено.

Таблица 4.4. **Характеристика жилищных условий домохозяйств в 2016 году, %**

Показатели	Все домохозяйства	С детьми	Без детей	Молодые семьи	Молодые семьи с детьми	Многодетные семьи
Число домохозяйств, проживающих во всех типах жилых помещений – всего	100	100	100	100	100	100
<i>В том числе домохозяйства, указавшие, что при проживании</i>						
не испытывают стесненности	74,0	53,7	84,1	62,9	58,8	40,0
испытывают определенную стесненность	18,6	31,6	12,2	27,1	25,6	37,5
испытывают большую стесненность	7,2	14,6	3,6	9,9	15,7	22,2
не определено	0,1	0,1	0,1	0,2	0,0	0,3
Размер жилой площади в расчете на члена домохозяйства, кв. м	15,9	11,7	20,2	11,8	10,8	10,0
Число жилых комнат в расчете на одно домохозяйство	2,4	2,6	2,3	2,2	2,3	3,1
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.gks.ru/						

Таким образом, рассматриваемая группа семей, малопредставленная в населении в целом, важна как с точки зрения ее вклада в рождаемость населения, так и с позиции трансляции особой «субкультуры» многодетности: системы ценностей, образа жизни, воспитания детей. Отношение общества к многодетным семьям находится под влиянием стереотипа, наделяющего всю группу такими характеристиками, как иждивенчество, неблагополучие, безответственность и даже маргинальность. При этом основной механизм формирования негативного образа группы имеет экономическую природу и связан с чувством социальной справедливости. Исследование показало, что стереотип пластичен, отношение к многодетным сильно зависит от ситуации и от самой семьи (какой она имеет облик, как позиционирует себя в социуме). С учётом существования осознанной многодетности представительной части семей это позволяет прогнозировать успешность их инклюзии.

Однако «лицо» группы меняется, появляется прослойка и, по мнению экспертов, достаточно значительная, благополучных многодетных семей. Как отмечает руководитель Вологодской региональной общественной организации «Объединение многодетных семей “Большая Семья”» Е.В. Шустова, примерно 50% многодетных семей входят в круг носителей традиционных черт стереотипа, 10% семей занимают особую позицию, максимально закрытую от внешнего окружения, и на сегодняшний день уже 40% – вполне благополучные и социально активные, стремящиеся самостоятельно себя обеспечить семьи. Для них наличие стереотипа представляется несправедливым, требующим корректировки. Кроме материального положения, представителей данной группы отличает не просто (и не обязательно) более высокий уровень образования, но и культуры вообще. Очевидно, критерий детности сам по себе не является сегодня стратифицирующим.

4.2. Жизненные трудности многодетных семей

Следствием воздействия существующего стереотипа является представление о бедственном положении многодетных семей, как главной проблеме их жизни. Особое положение, уязвимость многодетных семей обусловлены не столько самим фактом их объективно более худшего материального положения, сколько отсутствием резервов для выхода из трудной жизненной ситуации, если таковая наступит. На протяжении длительного времени причины бедственного положения многодетных

семей остаются неизменными. Еще в 1990-х гг. Г.М. Климантова выделяла в качестве причин следующие:

- безработица, в том числе в скрытых формах;
- несвоевременная выплата пособий на детей, а также задержка индексации минимальной заработной платы, на основе которой рассчитывается величина пособий;
- ограниченные возможности в приобретении одежды, обуви, школьных принадлежностей;
- коммерциализация здравоохранения и образования, учреждений культуры, отдыха, спорта, туризма;
- изменение жилищной политики, резкое сокращение предоставления бесплатного жилья¹⁷⁹.

То есть малейшие изменения ситуации (задержка пособия, заработной платы, болезнь, потеря работы) повлекут для многодетной семьи потерю стабильности и бедственное положение. Оценку собственного положения на текущий момент с учётом индивидуального баланса запросов и возможностей можно выявить через удовлетворенность жизнью.

Как свидетельствуют данные опроса, большинство населения СЗФО (60%; табл. 4.5) удовлетворено своей жизнью. Неудовлетворенность испытывает только пятая часть жителей округа (19%). В многодетных семьях мы наблюдаем аналогичные значения долей удовлетворенных и неудовлетворенных жизнью (58 и 25% соответственно). Но показатели неудовлетворенности жизнью среди данной категории социально уязвимого населения выше (25% против 19%).

Таблица 4.5. **Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?»** (в % от числа опрошенных*)

Варианты ответа	Многодетная семья	Население СЗФО
Удовлетворен(а)	17	20
Скорее удовлетворен(а)	41	40
Скорее не удовлетворен(а)	9	6
Не удовлетворен(а)	16	13
Удовлетворен(а)	58	60
Скорее удовлетворен(а)		
Скорее не удовлетворен(а)	25	19
Не удовлетворен(а)		
* Сумма ответов не составляет 100% в связи с неучтенностью затруднившихся ответить.		

¹⁷⁹ Климантова Г.И. Многодетная семья: за чертой бедности // Социальная безопасность женщин / Клуб «Реалисты». Информационно-аналитический бюллетень. М., 1997. № 31. С. 27-31.

Данная ситуация говорит о том, что многодетные родители не значительно отличаются от «среднего гражданина» по общей оценке своей жизни, их положение не дает заметных флуктуаций в самоощущении.

Если рассмотреть «рейтинг» трудностей, то увидим, что наиболее часто население СЗФО в последние 12 месяцев сталкивалось с ухудшением материального положения – 39%; второе место занимают несоответствующие условия труда – 12% и третье – потеря работы – 10%. Первая проблема коснулась многодетных семей на том же уровне, что и у всех (значения показателя находятся в пределах погрешности выборки; табл. 4.6). Второе место для группы (при одинаковых процентах) занимает потеря работы, а третье – утрата привычного круга общения (8%). В целом группа не проявила заметных отличий.

Таблица 4.6. Отметьте, с какими трудностями Вам приходилось сталкиваться за последние 12 месяцев? (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Многодетная семья	Население СЗФО
Потеря работы (сокращение)	10	10
Утрата привычного круга общения	8	9
Отказ в приёме на работу по причине социального статуса	1	4
Ухудшение материального положения	35	39
Неприятие, пренебрежительное отношение общества	6	4
Несоответствующие условия труда	7	12
Не смог(ла) отстоять своё право на трудоустройство	1	3
Не сложились отношения в коллективе	3	4
С перечисленными трудностями не приходилось сталкиваться	43	39

Наиболее яркой и объективной проблемой многодетных является материальное положение. В 2016 году располагаемые ресурсы многодетных семей в среднем на члена домашнего хозяйства составляли 13 300 рублей, что ниже на 47%, чем в семьях с двумя детьми, на 66% – с одним ребенком и на 112% ниже, чем в семьях без детей (табл. 4.7). С 2012 г. располагаемые ресурсы многодетных семей выросли практически в 1,5 раза (с 9041,7 рубля), тогда как бездетных домохозяйств – в 1,3 раза. Даже при более заметном росте уровень благосостояния многодетных семей остается крайне низким.

Исходя из сопоставления самооценок материального положения, которые отражают соотношение потребностей и возможностей людей, можно отметить, что жители СЗФО чаще выбирали такие варианты ответа: «Денег в основном хватает, но для покупки дорогостоящих пред-

метов нужно брать в долг» (30%); «На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна» (25%); «На повседневные затраты уходит вся зарплата» (20%).

Таблица 4.7. **Располагаемые ресурсы домашних хозяйств** (в среднем на члена домашнего хозяйства в месяц, рублей; по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств)

	2012	2013	2014	2015	2016
Все домашние хозяйства	18582,3	21198,5	22890,1	23084,8	24209,8
В том числе домашние хозяйства, имеющие детей в возрасте до 16 лет	16250,9	19039,1	19844,9	20230,5	20290,4
из них домашние хозяйства, имеющие:					
одного ребенка	17664,3	20866,6	22351,8	22522,3	22112,5
двух детей	15260,5	17655,6	17972,4	18825,7	19513,8
трех и более детей	9041,7	12535,6	11945,9	12512,1	13300,3
Домашние хозяйства, не имеющие детей в возрасте до 16 лет	20914,6	23458,5	26137,0	26328,8	28175,8

Аналогичны этим самые популярные ответы среди многодетных семей, но при этом шире представлены группы, оценивающие своё положение формулировками «На повседневные затраты уходит вся зарплата» и «Денег не хватает на повседневные затраты» (25% против 20% и 12% против 10%, соответственно, табл. 4.8).

Таблица 4.8. **Оценка материального положения социально уязвимых групп населения** (в % от числа опрошенных)

Вопрос / варианты ответа	Многодетная семья	Население СЗФО
Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня – Ваше, Вашей семьи?		
Денег не хватает на повседневные затраты	12	10
На повседневные затраты уходит вся зарплата	25	20
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	25	25
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	29	30
Почти на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	7	12
Практически ни в чём себе не отказываем	2	3
Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?		
Стали жить намного лучше	2	2
Стали жить несколько лучше	7	11
Стали жить несколько хуже	33	33
Стали жить намного хуже	10	11
Стали жить немного и несколько лучше	9	13
Стали жить несколько и намного хуже	43	44

Окончание таблицы 4.8

Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?		
Будем жить значительно лучше	3	4
Будем жить несколько лучше	7	10
Будем жить несколько хуже	14	17
Будем жить значительно хуже	8	5
Будем жить несколько и значительно лучше	10	14
Будем жить несколько и значительно хуже	22	22
Ничего не изменится	32	33
Затруднились ответить	36	31

Каждому десятому (10%) жителю СЗФО денег не хватает на повседневные затраты. Но население округа вообще не чувствует себя защищенным от бедности: мнение о защищенности от неё высказывают в целом 18% респондентов, среди многодетных семей – 15%. Каждый шестой респондент отмечает хорошее материальное положение: «Денег почти на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи» и «Практически ни в чём себе не отказываем». Гораздо реже подобную оценку материальной ситуации высказывают многодетные семьи (9%).

Население СЗФО за последний год стало жить хуже в той или иной степени – такого мнения придерживаются 44% респондентов. Только 13% заявляют, что жить стали лучше. Среди многодетных семей 43% отметили, что стали жить хуже, и 9% – что лучше.

Финансовые проблемы многодетных семей влекут за собой и ограничение доступа в других сферах жизни. Например, досуге, обеспечении получения высшего образования (или желаемого образования в принципе), дополнительного образования. Кроме того, встает еще одна важная проблема для семей с детьми – нехватка времени для выполнения всех хозяйственно-бытовых и воспитательных функций. Сами многодетные родители отмечают подобные факты:

Антонина (4 детей): «Мы практически никуда не ходим, т.к. денег не хватает. Только посещаем кружки бесплатные в школе».

Вера (4 детей): «Недоступность высшего образования – есть такие мысли. Я реально оцениваю свои возможности. Чтобы водить детей в секции, приходится ограничивать себя».

Часто ограничение финансовых и временных возможностей, а также негативные установки со стороны общества приводят к эксклюзии в культурной сфере. Хотя законодательно закреплено предоставление одного дня в месяц для бесплатного посещения музеев, парков

культуры и отдыха, но на деле это право многодетным родителям приходится отстаивать, в результате чего оно предоставляется в виде какой-то уступки, одолжения.

Анна (4 детей): «Скажите «Спасибо», что мы вас пустим раз в месяц бесплатно в Парк ветеранов¹⁸⁰, а ведь это положено по закону».

Другой проблемой является нехватка времени, когда дети должны посещать учреждения дополнительного образования, но секции и кружки находятся территориально далеко друг от друга и приходится делать выбор, исходя из временных возможностей родителей и детей.

Вера (4 детей): «Чем больше детей, тем меньше времени. Секции надо переносить в одно место».

Общей для всех россиян проблемой является неуверенность в завтрашнем дне¹⁸¹. Постоянные изменения социально-экономической ситуации в стране привели к тому, что население с трудом строит прогнозы относительно своей жизни даже на год вперед: более трети респондентов затруднились ответить на этот вопрос. Из ответивших большинство считает, что ничего не изменится. Думают, что жить станет лучше, 10% многодетных семей, 22%, напротив, пессимистично смотрят на будущее.

Из-за отсутствия позитивного прогноза в своем будущем уверены меньше половины населения СЗФО (44%; табл. 4.9). Приблизительно равное количество уверенных и неуверенных в своем будущем (в среднем по трети тех и других) среди многодетных семей. Однако уверенных в будущем среди них меньше, чем в общей выборке (39 и 44% соответственно).

Таблица 4.9. **Насколько Вы уверены в своем будущем?** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Многодетная семья	Население СЗФО
Вполне уверен(а)	6	11
Скорее уверен(а), чем нет	33	33
Скорее не уверен(а), чем уверен	24	26
Совершенно не уверен(а)	10	10
<i>Вполне уверен(а)</i>	<i>39</i>	<i>44</i>
<i>Скорее уверен(а), чем нет</i>		
<i>Скорее не уверен(а), чем уверен</i>	<i>34</i>	<i>36</i>
<i>Совершенно не уверен(а)</i>		

¹⁸⁰ Парк отдыха и аттракционов.

¹⁸¹ Морев М.В. Глобальные угрозы и национальные особенности формирования социального капитала в России // Проблемы развития территории. 2018. № 2 (94). С. 106-119.

В тех трудностях, с которыми приходится сталкиваться, пятая часть населения СЗФО (18%) обвиняет себя, 1/6 (16%) – общество и практически половина (43%) – государство (табл. 4.10). Причем более половины многодетных семей возлагают вину на государство (52%).

Таблица 4.10. **Кого Вы вините в этих трудностях?** (в % от числа тех, кто сталкивался с какими-либо из перечисленных в табл. 4.6 трудностей)

Вариант ответа	Многодетная семья	Население СЗФО
Самого себя. Я не достаточно активен в решении своих жизненных проблем	20	18
Окружающих, общество, где сложились определённые установки на социально незащищённых людей	17	16
Государство	52	43
Другое	2	5

Ответственность за улучшение жизни население СЗФО возлагает в первую очередь на самих себя (84%), во вторую – на общероссийскую власть (61%, табл. 4.11). Многодетные родители менее склонны брать ответственность на себя (78%) и более склонны возлагать её на власть (65%). На третьем месте у населения в целом и у многодетных семей находятся близкие родственники, поскольку в условиях анонии этот ресурс остается одним из самых надежных.

Таблица 4.11. **Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит..?** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Многодетная семья		Население СЗФО	
	%	ранг	%	ранг
От Вас самих	78	1	84	1
От близких родственников	55	3	57	3
От друзей, земляков	28	6	27	6
От начальника по работе	35	5	43	5
От районной, городской властей	53	4	53	4
От общероссийской власти	65	2	61	2

По мнению большинства респондентов (81%; табл. 4.12), социально уязвимым группам надо оказывать помощь, и только 1/10 от числа опрошенных (11%) говорит о необходимости иметь активную жизненную позицию тем, кто относится к данной категории, об изменении их отношения. Т.е. патернализм просматривается как в общественном мнении, так и во мнении представителей группы.

Основным «ответственным» за помощь социально уязвимым группам населения является государство. На его помощь хотели бы рассчитывать 85% многодетных семей. Существенно реже возлагаются надежды на помощь общественных организаций (19%), на поддержку со стороны родственников (15%).

Таблица 4.12. **Помощь социально уязвимым слоям населения** (в % от числа опрошенных)

Вопрос / Вариант ответа	Многодетная семья	Население СЗФО
Как Вы считаете, надо ли помогать социально уязвимым слоям населения?		
Да, надо	83	81
Нет, не нужно, помощи оказывается достаточно	2	2
Необходимо, чтобы и сами эти люди были активнее в жизни, изменили своё отношение	11	11
Кто, на Ваш взгляд, должен помогать социально уязвимым слоям населения?		
Государство	85	88
Общественные организации	19	16
Родственники (семья)	12	13
Люди, имеющие те же проблемы	3	3

Мнение о необходимости помощи государства подкрепляется аргументами о том, что именно оно стимулирует иметь больше детей, заинтересовано в этом, а сами многодетные родители являются налогоплательщиками.

Вера (4 детей): «Почему государство ничего не обязано? Мы – налогоплательщики. Конечно, я не буду рожать из-за материнского капитала. Я не для государства рожая. Но государство не должно открещиваться».

В целом замечен конфликт между пониманием личной ответственности и реальным ожиданием помощи, обусловленным осознанием себя как особой группы, «выполняющей госзаказ».

Алена (3 детей): «Насколько можно надеяться на государство? Нисколько, только на себя. Ничего не ждать, но приятно получить».

Анна (4 детей): «Государство и должно помогать, и не должно. К сожалению, у нас слабо развит социально направленный частный бизнес».

Что касается отстаивания своих интересов, то самыми действенными способами и население в целом, и многодетные родители считают участие в выборах и референдумах, обращение в суд и средства массовой информации. При этом каждый третий убеждён, что эффективных способов влияния на власть нет (табл. 4.13).

При этом представители рассматриваемой социально уязвимой категории хотя и считают, что их интересы не защищены (противоположного мнения придерживается не более 8%), к активным протестным действиям не готовы. Только 27% согласны подписать обращение к властям, 7% – выйти на митинг, 22% ничего не будут делать.

Таблица 4.13. **Влияние на власть и защита интересов** (в % от числа опрошенных)

Вопрос / Вариант ответа	Многодетная семья	Население СЗФО
Какой из способов воздействия на органы власти с целью отстаивания своих интересов Вы считаете наиболее эффективным?		
Участие в выборных кампаниях и референдумах	24	22
Обращение в суд	23	26
Обращение в средства массовой информации	20	24
Участие в митингах, демонстрациях	16	17
Участие в деятельности организаций, выражающих интересы отдельных социальных групп	8	9
Участие в забастовках	7	9
Участие в деятельности политических партий	5	6
Самостоятельные действия через свои личные связи	5	10
Считаю, что эффективных способов влияния на власть нет	30	33
Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?		
Подпишу обращение к властям	27	22
Мои интересы достаточно защищены	8	10
Выйду на митинг, демонстрацию	7	9
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	5	6
Буду участвовать в забастовках, других акциях протеста	1	4
Ничего не буду делать	22	19

Таким образом, жизненные трудности многодетных семей схожи с общими проблемами населения округа. Для группы характерны более ярко выраженные материальные проблемы, риски бедственного положения, ограничения возможностей (требующих финансовых затрат), нехватка времени. В отношении помощи социально уязвимым группам населения сохраняется патернализм, отражающийся в мнениях как со стороны группы, так и со стороны социума. Главная роль в оказании поддержки отводится государству, при этом в решении проблем многодетных семей заметен потенциал общественных организаций (каждый пятый считает, что они должны оказывать помощь многодетным). Не столь мала, как можно было ожидать, категория населения, считающего, что социально уязвимые группы должны сами быть активнее и изменить своё отношение к жизни, сами решать свои проблемы. Именно в этом видятся перспективы изменения положения многодетных семей при соз-

дании благоприятных условий, в том числе путем преодоления ментальных барьеров социальной инклюзии, успешность которой во многом обусловлена снятием иждивенческой нагрузки образа группы, в первую очередь, через трудовую деятельность.

4.3. Проблемы занятости в многодетных семьях

Успешная трудовая деятельность, обеспечивающая материальный достаток и личную профессиональную самореализацию, – один из основных путей достижения общего благополучия и инклюзии в общество для социально уязвимых групп населения. Заработная плата остается главным источником доходов россиян¹⁸², что определяет особую значимость трудоустройства в обеспечении материального благополучия семей. В условиях существования «работающих бедных»¹⁸³, объективно большей иждивенческой нагрузки для многодетных родителей этот вопрос стоит крайне остро.

Наличие малолетних детей – вероятный риск для работодателя. Женщины с детьми относятся к категории сотрудников, постоянное присутствие которых на рабочем месте не может быть гарантировано ввиду больничных или декретных отпусков. Это накладывает определенные ограничения на возможности трудоустройства многодетных мам. С тем, что многодетные семьи уязвимы на рынке труда, согласны 60% населения СЗФО (табл. 4.14). Можно выделить Калининградскую область, 80% жителей которой считают, что многодетные родители испытывают сложности при приеме на работу.

При этом бытует мнение о недостаточной эффективности или отсутствии механизмов, позволяющих преодолеть ущемление прав социально уязвимых групп населения в трудовой сфере. Около четверти респондентов считает, что эффективных механизмов нет. Достаточно часто с их отсутствием сталкиваются многодетные матери (28%), хотя в целом только 20% населения СЗФО согласны с подобным мнением. Более 40% считают, что работа ведется, но недостаточно хорошо; по мнению незначительной части населения (менее 12% по различным группам), механизмы есть и работают эффективно (табл. 4.15).

¹⁸² Курбатова И.А., Пермякова Н.П. Проблемы реализации функций заработной платы в российской экономике // Известия УрГЭУ. 2015. № 5. С. 6-13.

¹⁸³ Работающие бедные в России и за рубежом [Электронный ресурс] : социальный бюллетень // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Режим доступа: http://www.vkr.ru/upload/global/1710_poverty_of_employee.pdf

Таблица 4.14. **Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы многодетные семьи социально уязвимыми на рынке труда (испытывают сложности в процессе поиска работы, подвержены дискриминации и т.д.)?», 2016 г. (в % от числа опрошенных)**

Вариант ответа	Вологодская область	Калининградская область	Мурманская область	Новгородская область	Республика Карелия	Среднее по СЗФО
Да	25,2	46,8	31,4	24,3	17,8	29,1
Скорее да, чем нет	34,1	34,5	24,7	28,7	32,6	30,9
Скорее нет, чем да	13,5	13,0	18,2	20,6	21,8	17,4
Нет	11,4	0,5	16,0	14,7	13,5	11,2
Затрудняюсь ответить	15,9	5,3	9,7	11,8	14,3	11,4
<i>Да; скорее да, чем нет</i>	<i>59,3</i>	<i>80,3</i>	<i>56,1</i>	<i>53,0</i>	<i>50,4</i>	<i>60,0</i>
<i>Скорее нет, чем да; нет</i>	<i>24,9</i>	<i>13,5</i>	<i>34,2</i>	<i>35,3</i>	<i>35,3</i>	<i>28,6</i>

Таблица 4.15. **Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, действуют ли в обществе эффективные механизмы, которые позволяют преодолеть ущемление прав социально уязвимых групп населения в трудовой сфере?» (в % от числа опрошенных)**

Вопрос / Вариант ответа	Многодетная семья	Население СЗФО
Нет эффективных механизмов	28	20
Механизмы имеются, но работают плохо	44	48
Механизмы имеются и работают эффективно	7	11

Именно многодетные матери часто сталкиваются с ограничением их трудовых прав. Чаще всего – это проблемы, характерные для всех женщин и связанные с гендерными стереотипами, гендерной асимметрией, гендерной дискриминацией и тому подобными явлениями¹⁸⁴. Многодетные матери оказываются в ущемленном положении, так как работают преимущественно в малооплачиваемом секторе занятости, значительную часть активного трудового возраста проводят в отпусках по уходу за ребенком.

Антонина (4 детей): «Я два месяца отработала в детском садике. Уезжала из дома в 6 часов утра и возвращалась в 6 часов вечера. Почему я должна получать за такую работу 10 тысяч?»

Юнна (4 детей): «Вот выйду я на работу, но ведь с детьми я могу быть постоянно на больничном. Как работник я не выгодна государству. Я не могу пахать с восьми до пяти. Люди сейчас не могут устроиться на работу с одним-двумя детьми. Но желание работать у многодетных матерей есть».

¹⁸⁴ Римашевская Н.М. Гендерные стереотипы и логика социальных отношений // Интернет-конференция «Динамика гендерных стереотипов в современной России». М.: ИСЭПН РАН, 2006. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/16208971/>

Алена (6 детей): «С хорошим заработком многие многодетные матери согласились бы выйти на работу. У меня сейчас младший ребенок пойдет в садик, и я бы вышла на работу, но меня никто не берет с 3 маленькими детьми. Говорят, что буду постоянно на больничном».

Соня (3 детей): «Идеально, если бы мама занималась только детьми, но сейчас прожиточный минимум вырос, и маме приходится выходить на работу. Со стороны никто чужой не поможет».

По мнению большинства многодетных матерей, если есть возможность, то надо выходить на работу. Во-первых, это материальная поддержка семье. Во-вторых, это наличие трудового стажа и решение вопросов пенсионного обеспечения в старости. В-третьих, это способ отвлечься от домашних дел, расширить круг общения. В-четвертых, это возможность самореализации для женщин.

Юнна (4 детей): «С одной стороны, сложно все успеть, а с другой – только на работе отдыхаешь от домашних обязанностей. Все зависит от самого человека. Есть люди, которые все в детях, и у них призвание заниматься детьми. Есть те, кто хотят реализации. Развития личностного не происходит. Мне нужна работа, общение не только с близкими людьми. У меня муж категорически против того, чтобы я работала. Но я должна выходить «дышать». Я ему говорю, что тебя на работе похвалят, денег заплатят, грамоту дадут, а меня кто похвалит?»

Василий (4 детей): «Многодетной маме можно не работать, но исходя из наших условий – нужно работать. Ведь это вопросы материального обеспечения, трудового стажа, пенсии. А так все зависит от желания матери. Если женщина самореализуется за счет материнства, то пусть не работает».

Проблемы у многодетных матерей вызывает и негибкость российского рынка труда, который не может обеспечить вариативность занятости. Для данной категории работников проблематичен полный рабочий день. Выход на работу осложняется проблемами с устройством детей в дошкольные и школьные учреждения.

Проблемы с трудоустройством, предложение низкоквалифицированной и малооплачиваемой работы, отсутствие гибкого рабочего графика, отказы в укороченном рабочем дне приводят к нежеланию многодетных матерей работать в подобных условиях.

Алена (6 детей): «Я буду лучше рожать до тех пор, пока мне до пенсии не останется три года».

Судя по данным опроса, среди многодетных матерей имеют работу 48%. В отношении характера работы у них менее выражены установки на хороший заработок, пусть даже это будет стоить много времени и сил и ярче – стремление иметь небольшой, но стабильный заработок и уверенность в завтрашнем дне (табл. 4.16).

Таблица 4.16. **Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?**
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Многодетные матери	Население СЗФО
Иметь пусть небольшой, но стабильный заработок и уверенность в завтрашнем дне	32	28
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более лёгкую работу	12	10
Хорошо зарабатывать, пусть даже это будет стоить много времени и сил	24	31
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	8	10
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	7	9
Затрудняюсь ответить	17	12

Различие между многодетными матерями и обществом в целом заключается в распределении главных интересов между домом (семьей) и работой: среди многодетных более многочисленная группа склоняется к приоритету семьи и дома (78%, табл. 4.17), чем в целом в обществе (63%), и одновременно более малочисленная – к приоритету работы (7% против 14% по общей выборке).

Таблица 4.17. **В какой области находятся Ваши главные интересы?**
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Многодетные матери	Население СЗФО
Мои главные интересы связаны, прежде всего, с моей работой	7	14
Мои главные интересы в семье и доме	78	63
Главные интересы в области учебы, образования, повышения квалификации	0,5	4
Для меня самое важное – это общение с определенным кругом людей	3	4
Главное дело – обеспечить приличный заработок	3	7
Для меня главное – мои духовные интересы, культура	5	4

Это положение подтверждается и выбором наиболее важных терминальных ценностей (табл. 4.18). Многодетные матери чаще выбирают ценности «счастливой и дружной семьи» (82% против 78% по общей

выборке), материнства (45% против 37% по общей выборке). Среди многодетных матерей меньше доля тех, кто относит к главным ценностям работу и карьеру (19%), но больше тех, кто ценит «любимую профессию» (13%). Многодетные матери работают реже и, возможно, именно этим фактом объясняется меньшая ценность для них работы и карьеры и большая ценность любимой профессии.

Таблица 4.18. **Выберите наиболее важные для Вас ценности** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Многодетные матери	Население СЗФО
Счастливая и дружная семья	82	78
Материнство / отцовство	45	37
Здоровье	83	73
Работа, карьера	19	30
Любимая профессия	13	15
Образование	5	9
Общественное признание	4	5
Предприимчивость	5	5
Ответственность, исполнительность	9	10

Две трети населения СЗФО (65%, табл. 4.19) считают, что работодатели «не горят желанием» нанимать на работу многодетных родителей по причине частых больничных, и не видят преимуществ этой категории населения на рынке труда. В общественном мнении отразился тот факт, что эксклюзии чаще подвергаются многодетные матери: 75% респондентов считает, что женщинам с малолетними детьми сейчас трудно найти работу.

Таблица 4.19. **Социальные стереотипы в отношении родителей с детьми на рынке труда** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Многодетные матери	Население СЗФО
Женщинам с малолетними детьми сейчас трудно найти работу		
Согласен	75	75
Не согласен	23	21
Многодетные родители часто берут больничные, поэтому работодатели «не горят желанием» нанимать их на работу		
Согласен	68	65
Не согласен	32	35

По мнению двух третей многодетных родителей, в случае внезапной потери работы необходимо приложить все возможные усилия для трудоустройства на новое рабочее место (табл. 4.20).

Таблица 4.20. **Общественное мнение о вариантах действий при потере работы**
(в % от числа опрошенных)

Утверждение / Вариант ответа	Многодетная семья	Население СЗФО
В случае внезапной потери работы следует приложить все возможные усилия для трудоустройства на новое рабочее место		
Согласен	66	68
Не согласен	25	20
В случае внезапной потери работы можно полностью полагаться на социальную поддержку со стороны государства		
Согласен	15	17
Не согласен	82	80

Рисунок 4.3. **Распределение ответов на вопрос: «Что мешает многодетным семьям активно включиться в трудовую деятельность?»** (% от числа опрошенных)

Инклюзии многодетных семей посредством трудовой деятельности родителей препятствуют ментальные барьеры как со стороны общества, так и со стороны самих многодетных. По мнению населения СЗФО, активно включиться в трудовую деятельность многодетным родителям мешает негативное отношение со стороны работодателей (37%; рис. 4.3), излишняя надежда на «доброе дядю» (31%), несправедливость, социальное неравенство (29%). Мнение многодетных семей совпадает с общественным. Они выделяют негативное отношение со стороны работодателей (39%), излишнюю надежду на «доброе дядю» (25%), несправедливость, социальное неравенство (29%). Однако общество чаще отмечает неумение использовать предоставляемые возможности (22% против 13%

среди многодетных) и неспособность многодетных к самостоятельному отстаиванию прав и интересов (17% против 10% среди многодетных).

Можно выделить две группы барьеров активной трудовой деятельности многодетных матерей. К первой группе относятся внешние барьеры: отсутствие подходящих вакансий; негативное отношение со стороны работодателей; несправедливость, социальное неравенство; одиночество и отсутствие поддержки. Вторая группа представлена внутренними барьерами, обусловленными личностными качествами и установками: это неразвитость профессиональных навыков; лень, неприспособленность к жизни; неумение использовать предоставляемые возможности; неспособность к самостоятельному отстаиванию своих прав и интересов; экстернальность; конформизм; нежелание менять привычный образ жизни; устоявшиеся убеждения в отсутствии своей нужности обществу.

Основное внимание следует уделить решению проблем в трудовой сфере, объединению усилий служб занятости и социальной защиты в трудоустройстве безработных многодетных родителей, причем в большей степени эти вопросы касаются матерей.

В связи с необходимостью сочетать воспитание детей, работу по дому и в профессиональной сфере первое требование многодетных матерей касается гибкого графика работы или возможности удаленной работы, планирование объемов выполняемой работы с работодателем.

Антонина (4 детей): «Я бы работала сменами 2 дня через два. Если укороченный рабочий день с нормальной оплатой труда, то лучше».

Вера (4 детей): «Если работа чисто техническая, не требующая полного погружения, то можно выполнять дома».

Юнна (4 детей): «Если бы все дети были в детском саду, то нужно место, куда можно пойти и поработать. Хорошо, если бы был плавающий график, или дают работу и определяют срок ее выполнения».

Соня (3 детей): «Я за полдня успеваю больше, чем другие за целый день. Многодетные мамы научаются все делать быстро».

Еще одно условие связано с наличием рабочего пространства. Если работа носит характер удаленной или домашней, то женщине все равно необходимо рабочее место, где она сможет отвлечься от домашних событий и забот, где ее никто не будет отвлекать от выполняемой работы.

Марина (3 детей): «Дети не дают делать работу. Бывает легче уехать и сделать работу, чем рядом с ребенком, который все равно будет тебя дергать и отвлекать. Не настолько качественная будет работа».

При создании рабочих мест для многодетных матерей необходимо учитывать специфику, когда совмещается уход за детьми, их воспитание и работа. В такой ситуации женщине легче выполнять задания технического характера.

Анна (4 детей): «Для работы по интернету (например, копирайтер) нужен определенный человек. Это не мама с детьми, чья голова занята проблемами семьи. Это человек, способный читать много. Многодетная мама не вписывается».

Сейчас активно обсуждается и даже реализуется в ряде регионов идея профессионального материнства, согласно которой материнство, родительство – это труд, который должен оплачиваться, и впоследствии работник должен получать полноценное пенсионное обеспечение. Контроль качества воспитания осуществляет специальная комиссия, проверяющая знания у детей. При реализации профессионального родительства в качестве работодателя выступает государство. При надлежащем выполнении своих обязанностей родителям идет трудовой стаж. При ненадлежащем выполнении обязанностей по воспитанию детей или при лишении родительских прав на ребенка (детей) трудовой стаж не засчитывается, без права восстановления.

Следовательно, если женщина хочет заниматься домашними делами и воспитывать детей, тогда должен работать механизм профессионального материнства. Для тех многодетных мам, кто хочет строить карьеру, необходимо подбирать удобный режим работы в виде гибкого графика, надомной работы, сокращенного рабочего дня.

Так или иначе, самообеспечение, творческая и профессиональная реализация будут способствовать смене стереотипных представлений и общему благополучию многодетных семей.

Социальная уязвимость многодетной семьи отражена во мнениях, высказанных населением СЗФО и многодетными родителями. Основные проблемы сосредоточены в области материального обеспечения, а отсутствие позитивного прогноза в изменении материального положения обуславливает меньшую уверенность многодетной семьи в завтрашнем дне. Причины создавшегося положения видятся в государственной политике и позиции общества, в котором сложились определенные установки в отношении социально незащищенных людей. Ответственность за улучшение жизни население СЗФО, в т.ч. и многодетные семьи, возлагает в первую очередь на самих себя, во вторую – на общероссийскую власть.

Большинство населения полагает, что социально уязвимым группам надо оказывать помощь, и только десятая часть говорит о необходимости иметь активную жизненную позицию тем, кто относится к данной категории, об изменении их отношения. Среди многодетных семей слишком мало тех, кто считает нужным быть активнее в жизни, изменить своё отношение к трудностям, объединить свои усилия в поиске решений проблем.

В сфере трудовой занятости многодетные родители сталкиваются с многочисленными барьерами, среди которых можно выделить внешние (негативное отношение со стороны работодателей; несправедливость, социальное неравенство; отсутствие подходящих вакансий) и внутренние (излишняя надежда на «доброе дядю», который должен отстаивать их интересы, заботиться о них; неумение использовать предоставляемые возможности; неспособность к самостоятельному отстаиванию своих прав и интересов; нежелание менять привычный образ жизни и зависимость от чужого мнения). Можно констатировать, что сегодня в России на фоне преобладания патерналистского дискурса эффективные механизмы, позволяющие преодолеть ущемление прав многодетных родителей как социально уязвимых групп населения в трудовой сфере, отсутствуют или работают плохо.

ГЛАВА 5

МОЛОДЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ: ПРОБЛЕМЫ НА РЫНКЕ ТРУДА

В современном обществе молодежь выступает наиболее активной составляющей гражданского общества и основным объектом инновационного процесса. Можно с уверенностью говорить, что конкурентоспособность страны напрямую связана с наращиванием человеческого капитала, прежде всего, молодого поколения, как наиболее восприимчивой к нововведениям части социума. Не случайно молодежи приписывают такие черты, как: креативность, амбициозность, высокая обучаемость и адаптивность, инициативность и т.д., которые играют большую роль в инновационной экономике. Поэтому молодые люди все чаще выступают как объект исследования многих наук.

Термин «молодежь» является общеупотребительным, и его трактовка определяется особенностями того или иного подхода. В первую очередь это касается определения возрастных границ молодежного возраста. Нижней ступенью молодости обычно считается возраст 14–16 лет, т.е. период, когда завершается физическое созревание, происходит первичная социализация. Верхняя возрастная граница достаточно размыта. В российской статистике категория «молодежь» ограничивается рамками 15–29 лет, т.к. обычно к 29 годам процесс социализации молодых людей заканчивается¹⁸⁵. В свою очередь международная статистика (Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, Евростата и т.д.) определяет границы в интервале от 15 до 24 лет. В этой связи в настоящем исследовании нами используется широкая трактовка категории «молодежь», под которой понимается социально-демографическая группа в возрасте от 15 до 29 лет, выделяемая на основе обуслов-

¹⁸⁵ Руденко Г.Г., Савелов А.Р. Специфика положения молодежи на рынке труда // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 101–107. (С. 103)

ленных возрастом особенностей социального положения, места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей.

Важно понимать, что молодежь является крайне неоднородной группой, представители которой занимают различное положение в обществе: учащиеся (школ, ссузов, вузов), работающая молодежь, безработные и т.д. При этом одной из наиболее социально уязвимых категорий выступают молодые специалисты. Поскольку выход на рынок труда соотносится с началом «взрослой» (самостоятельной) жизни и характеризуется обретением финансовой независимости, возможностью жить отдельно от родителей, формированием нового домохозяйства и т.д., процесс трудоустройства и закрепления на рабочем месте имеет большое значение в социализации молодежи. В рамках исследования молодые специалисты определяются нами как выпускники образовательных учреждений высшего или среднего профессионального образования в возрасте до 30 лет, принятые на работу по трудовому договору в соответствии с полученной специальностью.

5.1. Особенности положения молодежи на рынке труда в современной России

Важнейшим этапом в жизни молодежи является выход на рынок труда. От возможности реализовать полученные знания, умения и навыки в трудовой деятельности напрямую зависит интеграция молодых людей в общество. Современные же реалии таковы, что именно они, вне зависимости от уровня экономического развития территории, испытывают большие сложности в процессе поиска работы, нежели представители старших возрастных групп. Согласно данным Всемирного банка, безработица среди молодежи на глобальном рынке труда заметно превосходит общий уровень: в 2017 г. значения показателей разнились в 2,5 раза (14% против 5%)¹⁸⁶. В этой связи экспертами Международной организации труда (МОТ) подчеркивается, что главной мерой по решению проблем молодежной занятости должно быть создание условий для достижения максимально возможной в современ-

¹⁸⁶ World Bank Open Data [Electronic resource] // The World Bank. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/>

ных условиях сбалансированности спроса и предложения на глобальном и локальных рынках труда, при расширении возможностей для трудоустройства¹⁸⁷.

Положение молодежи на рынке труда является одной из приоритетных целей политики занятости в России. Разработка эффективных стратегий преодоления безработицы молодежи находится в центре внимания не только органов власти, но и научной общественности. Подобная ситуация обусловлена тем, что молодые люди воспринимают безработицу острее, чем более опытные работники, в силу возрастных особенностей и неустойчивого положения на рынке труда. Последнее для молодежи может означать невостребованность и неэффективность полученного образования, а также вероятность деквалификации вследствие отсутствия подходящих рабочих мест. Кроме того, высокий уровень безработицы среди молодых людей может приводить к их изоляции и отчуждению от общества, росту маргинализации. Для страны может возникать угроза «потерянного поколения» – людей без практических навыков, опыта работы и даже желания трудиться, что может негативно отразиться на воспроизводстве рабочей силы, замедлить экономический рост в будущем¹⁸⁸.

Динамика уровня молодежной безработицы в мире свидетельствует о позитивных тенденциях на глобальном рынке труда (табл. 5.1). В период 2000–2017 гг. значения показателя во всех возрастных группах молодежи как среди мужчин, так и среди женщин несколько сократились. При этом уровень безработицы у женщин превосходит уровень безработицы среди мужчин. Важно отметить, что в странах с гибким регулированием рынков труда (например, в Великобритании и США) значения показателя традиционно ниже, чем в среднем по миру и по европейским странам. В то время как в южно-европейских государствах (например, в Италии) наблюдалась противоположная картина. В России для отдельных возрастных групп (15 лет и старше, 25 лет и старше) ситуация была сопоставима со среднемировой, для 15–24-летней молодежи уровень безработицы был несколько выше.

¹⁸⁷ Кризис в сфере занятости молодежи. Время действовать [Электронный ресурс] // Международная организация труда. Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_345399.pdf

¹⁸⁸ Беглова Е.И. Безработица молодежи: первоочередная проблема современного рынка труда // Экономика и управление. 2010. № 11(72). С. 172–174.

Таблица 5.1. **Уровень безработицы среди отдельных возрастных групп населения, %**

Территория	Год	Возраст	В целом	Мужчины	Женщины
Мир	2000	15+	6,4	6,1	6,8
		15-24	13,1	12,8	13,6
		25+	4,6	4,3	5,0
	2017	15+	5,6	5,2	6,1
		15-24	13,0	12,4	13,8
		25+	4,3	4,0	4,8
ЕС (28 стран)	2000	15+	9,3	8,3	10,6
		15-24	18,4	17,8	19,1
		25+	8,0	6,9	9,3
	2017	15+	7,7	7,6	7,9
		15-24	17,0	17,6	16,2
		25+	6,8	6,5	7,0
БРИКС	2000	15+	5,6	5,6	5,7
		15-24	11,4	11,4	11,4
		25+	4,1	4,1	4,2
	2017	15+	5,2	5,0	5,6
		15-24	13,5	13,0	14,5
		25+	4,1	3,8	4,4
Великобритания	2000	15+	5,6	6,1	4,9
		15-24	12,0	13,5	10,4
		25+	4,4	4,9	3,8
	2017	15+	4,3	4,4	4,2
		15-24	11,7	13,3	10,0
		25+	3,2	3,1	3,3
Франция	2000	15+	10,2	8,6	12,2
		15-24	20,5	18,9	22,5
		25+	9,0	7,4	11,0
	2017	15+	10,2	8,6	12,2
		15-24	20,5	18,9	22,5
		25+	9,0	7,4	11,0
Германия	2000	15+	7,9	7,7	8,3
		15-24	8,6	9,5	7,5
		25+	7,8	7,4	8,4
	2017	15+	3,7	4,0	3,4
		15-24	6,4	7,1	5,6
		25+	3,5	3,7	3,2
Италия	2000	15+	10,8	8,4	14,8
		15-24	31,4	28,4	35,4
		25+	8,3	6,2	11,9
	2017	15+	11,3	10,5	12,5
		15-24	36,9	35,4	38,9
		25+	9,7	8,9	10,8
США	2000	15+	4,0	3,9	4,1
		15-24	9,2	9,6	8,8
		25+	3,0	2,8	3,1
	2017	15+	4,4	4,5	4,4
		15-24	9,5	10,4	8,6
		25+	3,6	3,6	3,7

Окончание таблицы 5.1

Территория	Год	Возраст	В целом	Мужчины	Женщины
РФ	2000	15+	10,6	10,8	10,4
		15-24	20,8	19,5	22,3
		25+	9,0	9,3	8,7
	2017	15+	5,2	5,4	4,9
		15-24	16,3	16,4	16,1
		25+	4,4	4,6	4,2
Источник: Key Indicators of the Labour Market [Electronic resource] // Международная организация труда. – Режим доступа: http://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/lang--en/index.htm					

Как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе отмечается, что переход от учебы к работе является актуальной проблемой. Исследователями для анализа подобной ситуации используются разные показатели – например, как это было показано выше, уровень молодежной безработицы. Однако одна из методологических проблем может заключаться в том, что показатели безработицы не в полной мере отражают ситуацию на молодежном рынке труда, поскольку рассчитываются по отношению к численности рабочей силы, которая среди молодежи невелика¹⁸⁹. В качестве способа преодоления этой проблемы используется показатель, отражающий долю тех, кто не учится и не работает (NEET), которая оценивается по отношению ко всей численности населения в возрасте 15–24 лет, что делает этот индикатор более информативным по сравнению с вышеобозначенным¹⁹⁰. Его использование дает возможность анализировать трудности взаимодействия между образовательной сферой и рынком труда¹⁹¹, а о молодых людях, входящих в эту группу, позволяет говорить как об уязвимых, склонных к вовлеченности в неформальную занятость¹⁹², исключенных из рынка труда и из жизни общества в целом¹⁹³.

¹⁸⁹ Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшниковой, С. Рощина. М. : ЦСП-НИУ ВШЭ, 2017. 148 с. (С. 129)

¹⁹⁰ Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: NEET-молодежь на рынке труда в России : препринт. М., 2017. 21 с. (С. 3-4)

¹⁹¹ Education Indicators in Focus. How Difficult is it to Move from School to Work? [Electronic resource] // OECD. – Режим доступа: [https://www.oecd.org/education/skills-beyond-school/EDIF%202013--N%C2%B013%20\(eng\)--FINAL.pdf](https://www.oecd.org/education/skills-beyond-school/EDIF%202013--N%C2%B013%20(eng)--FINAL.pdf)

¹⁹² Education at a Glance 2013 [Electronic resource] // OECD. Режим доступа: [http://www.oecd.org/edu/eag2013%20\(eng\)--FINAL%2020%20June%202013.pdf](http://www.oecd.org/edu/eag2013%20(eng)--FINAL%2020%20June%202013.pdf)

¹⁹³ NEETs. Young people not in employment, education or training. Characteristics, costs and policy responses in Europe [Electronic resource] // Eurofound. Режим доступа: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1254en.pdf

Анализ группы NEET на рынке труда целесообразно с нашей точки зрения начать с изучения ее масштабов и динамики (табл. 5.2). В целом в мире наблюдается рост вовлеченности населения в данную группу, при этом женщины чаще оказываются в уязвимом положении по сравнению с мужчинами. Данная особенность характерна и для большинства рассматриваемых стран. Подчеркнем, что, как и в случае безработицы, значения показателя, характеризующего исключенность из сферы образования и рынка труда, в южноевропейских странах выше, чем в большинстве рассматриваемых государств.

Таблица 5.2. **Доля молодежи, которая не работает, не учится и не проходит профессиональную подготовку (NEET), %**

Страна	Год	В целом	Мужчины	Женщины
Великобритания	2004	5,5	4,2	6,7
	2016	10,9	10,3	11,5
Франция	2003	9,5	8,7	10,3
	2016	11,8	11,9	11,7
Германия	2003	10,0	9,7	10,3
	2016	6,7	6,1	7,4
Италия	2004	16,3	13,9	18,7
	2016	19,8	20,1	19,5
Испания	2003	11,7	10,0	13,5
	2016	14,6	15,1	14,1
США	2009	17,5	17,0	17,9
	2012	16,5	15,6	17,4
РФ	2001	15,7	13,2	18,3
	2016	12,4	10,3	14,6
Источник: Key Indicators of the Labour Market [Electronic resource] // Международная организация труда. – Режим доступа: http://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/lang--en/index.htm				

Анализ ситуации в России показывает, что уровень NEET в период 2001–2016 гг. несколько снизился (с 16 до 12%). Подобную динамику отечественные исследователи связывают с изменением численности как безработных, так и экономически неактивных. Подчеркивается, что экономическая неактивность остается преобладающим типом незанятости группы NEET, а основной тенденцией, описывающей изменение положения молодежи 15–19 лет на российском рынке труда, является ее растущая вовлеченность в сферу образования¹⁹⁴.

¹⁹⁴ Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: NEET-молодежь на рынке труда в России : препринт. М., 2017. 21 с. (С. 11-12)

Рассматривая отдельные социально-демографические характеристики группы NEET, отметим, что в гендерной структуре к 2015 г. как среди 15–19-летних, так и среди 20–24-летних преобладают мужчины. По образовательному уровню в более уязвимом положении по сравнению с остальными находятся молодые люди со средним полным общим образованием, а по мере роста образовательного уровня вовлеченность в данную группу населения сокращалась. Кроме того, вероятность попадания этих групп молодежи в уязвимое положение из-за невысокого образовательного уровня и отсутствия опыта работы увеличивается (табл. 5.3). Еще один параметр, который оказывает влияние, – тип поселения. К 2015 году риски безработицы среди молодежи стали концентрироваться среди жителей села, что в некоторой степени может быть обусловлено сокращением там числа рабочих мест.

Таблица 5.3. **Отдельные характеристики безработного представителя группы NEET в России, ОНПЗ, 2000–2015 гг., %**

Характеристики	15-19 лет		20-24 лет	
	2000 г.	2015 г.	2000 г.	2015 г.
<i>Пол</i>				
Мужчины	48,4	50,7	53,5	54,6
Женщины	51,6	49,3	46,5	45,4
<i>Уровень образования</i>				
Высшее профессиональное (включая неполное высшее)	1,3	0,2	11,4	28,2
Среднее профессиональное	11,4	10,5	23,4	22,2
Начальное профессиональное	16,4	14,7	15,3	15,5
Среднее (полное) общее	40,9	51,1	32,9	26,7
Основное общее и ниже	30,0	23,6	17,0	7,4
Отсутствие опыта работы, %	81,5	85,2	49,4	61,7
<i>Тип поселения</i>				
Город	66,4	47,1	71,6	70,2
Село	33,6	52,9	28,5	29,8
Источник: Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: NEET-молодежь на рынке труда в России : препринт. – М., 2017. – 21 с. (С. 14)				

Из характеристик удельного веса молодежи, которая не учится и не работает, в численности той же возрастной группы видно, что масштабы явления NEET оказываются еще выше. Например, во Франции не работает и не учится каждый пятый, в Италии – каждый третий. В большинстве случаев уязвимое положение чаще встречается среди женщин, а также в возрастной группе 20–24-летних (табл. 5.4). По состоянию на 2016 г. на долю последних приходится 21% российской молодежи соответствующего возраста.

Таблица 5.4. **Доля молодежи, которая не работает, не учится и не проходит профессиональную подготовку (NEET) (% от численности той же возрастной группы)**

Страна	Год	Возраст	Мужчины	Женщины
Великобритания	2005	15-19	9,67	9,01
		20-24	12,78	20,77
	2016	15-19	8,69	8,16
		20-24	12,58	17,46
Франция	2005	15-19	6,86	5,80
		20-24	16,41	19,14
	2016	15-19	8,68	5,76
		20-24	22,27	21,57
Германия	2005	15-19	3,83	4,96
		20-24	18,42	18,96
	2016	15-19	3,40	3,30
		20-24	9,77	11,93
Италия	2005	15-19	10,94	11,38
		20-24	22,42	25,79
	2016	15-19	10,07	8,58
		20-24	32,92	31,50
США	2005	15-19	5,87	6,35
		20-24	12,32	18,74
	2016	15-19	7,03	7,53
		20-24	14,39	16,32
РФ	2005	15-19	-	-
		20-24	-	-
	2016	15-19	-	-
		20-24	12,23*	21,09

* Данные за 2013 г.

Источник: Youth not in employment, education or training (NEET) [Electronic resource] // OECD. Режим доступа: <https://data.oecd.org/youthinac/youth-not-in-employment-education-or-training-neet.htm>

Проблемы, которые были обозначены нами в сфере труда и занятости на межстрановом уровне, в полной мере находят свое проявление и в России. По данным Росстата за 2015 г., уровень молодежной безработицы составляет 15%, в то время как общий уровень безработицы ниже более чем вдвое¹⁹⁵. При этом подчеркнем, что структура безработных различается в разрезе возрастных групп населения. Молодые люди оказываются наиболее уязвимыми на рынке труда, что подтверждается

¹⁹⁵ Михалкина Е.В., Никитаева А.Ю. Молодежный рынок труда – системный импульс инновационного развития экономики // Terra Economicus. 2016. № 3 (14). С. 131-144. (С. 137)

официальными статистическими данными за 2016 г., в соответствии с которыми больше всего безработных наблюдается в возрасте 20–24 и 25–29 лет (табл. 5.5).

Таблица 5.5. Структура безработных по возрастным группам, %

Год	Безработные, всего	до 20	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-54	55-59	60-62
Всего											
2000	100	9,6	17,2	12,5	11,6	13,6	12,9	10,4	6,4	3,0	2,8
2010	100	5,9	20,8	15,0	11,7	9,6	8,5	10,5	10,1	5,7	2,2
2016	100	4,2	19,1	16,5	13,1	10,8	9,0	7,9	9,8	6,4	3,1
Мужчины											
2000	100	9,0	17,4	12,8	11,6	14,0	12,6	10,5	6,0	3,4	2,8
2010	100	5,9	20,9	15,0	12,0	9,8	8,2	10,0	9,5	6,6	2,2
2016	100	4,5	19,4	15,8	12,5	10,8	9,1	7,7	9,5	7,9	3,0
Женщины											
2000	100	10,3	17,0	12,3	11,6	13,2	13,2	10,3	6,8	2,5	2,9
2010	100	5,9	20,5	15,0	11,3	9,5	8,9	11,0	10,8	4,6	2,3
2016	100	3,9	18,7	17,4	13,9	10,9	8,9	8,2	10,3	4,6	3,2
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru/											

С нашей точки зрения высокий уровень безработицы, например, среди молодежи в возрасте 15–24 лет объясняется, в первую очередь, низкой долей занятых экономической деятельностью в связи с вовлеченностью значительной части молодежи этого возраста в образовательный процесс.

Еще один фактор, который оказывает влияние на попадание в состав безработных, – образовательный уровень. С его ростом доля соответствующих групп населения в структуре безработных уменьшается. Например, среди мужчин с высшим образованием доля безработных достигает 17%, в то время как среди лиц со средним профессиональным образованием (по программам подготовки квалифицированных рабочих/служащих) – 23%. Однако если рассматривать ситуацию в динамике, то удельный вес безработных увеличивается и среди молодежи с высшим образованием – как по всей группе в целом, так и с учетом гендерного признака (табл. 5.6).

Таблица 5.6. Структура безработных по уровню образования, %

Год	Безработные, всего	В том числе имеют образование					
		высшее	среднее профессиональное		среднее общее	основное общее	Не имеют основного общего образования
			по программе подготовки специалистов среднего звена	по программе подготовки квалифициро- ванных рабочих (служащих)			
Всего							
2000	100	13,3	26,3	12,2	31,5	14,1	2,6
2010	100	15,0	20,8	20,8	32,4	9,9	1,0
2016	100	20,5	20,5	19,9	29,8	8,7	0,6
Мужчины							
2000	100	12,0	22,7	13,2	32,3	16,4	3,4
2010	100	12,9	17,5	23,9	33,1	11,4	1,2
2016	100	17,1	18,2	23,3	30,2	10,3	0,8
Женщины							
2000	100	14,8	30,3	11,1	30,6	11,5	1,7
2010	100	17,6	24,8	17,0	31,6	8,0	0,9
2016	100	24,3	23,1	16,0	29,4	6,8	0,4
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru/							

Отдельными исследователями (например, Н.А. Ивановой¹⁹⁶) акцентируется внимание на образовательной асимметрии в гендерной структуре безработных, иллюстрацией которой является следующее: среди российских безработных с «высоким образовательным статусом» преобладают женщины (24% против 17% мужчин), с «низким образовательным статусом» – мужчины (7% против 10%).

Важным параметром, учитываемым тогда, когда речь идет о структуре безработных, выступает способ поиска работы (табл. 5.7). Подчеркнем, что ведущая роль принадлежит обращению к друзьям, родственникам, знакомым (в начале 2000-х гг. более половины безработных использовали этот канал трудоустройства, к 2016 г. – 68%), второе и третье места занимают подача объявлений через сеть Интернет и непосредственное обращение к работодателю. Использование услуг служб занятости находится лишь на четвертом месте, еще менее распространено обращение к коммерческим службам занятости.

¹⁹⁶ Иванова Н.А. Безработица в России и меры по снижению напряженности на рынке труда // Экономические науки. 2015. № 5 (126). С. 12-20. (С. 17)

Таблица 5.7. Структура безработных по способам поиска работы*, %

Год	Безработные, всего	Из них использовали способы поиска работы						
		обращение в органы службы занятости населения	обращение в коммерческую службу занятости населения	подача объявлений в СМИ, Интернет, отклик на объявления	обращение к друзьям, родственникам, знакомым	непосредственное обращение к администрации/работодателю	поиск земли, зданий, машин и оборудования и др. для открытия собственного дела	другие способы
Всего								
2000	100	27,9	2,4	21,9	59,0	31,2	1,0	11,6
2010	100	38,3	2,7	21,9	53,9	23,7	0,7	8,6
2016	100	28,0	4,4	48,2	68,0	33,6	1,5	10,0
Мужчины								
2000	100	23,3	2,2	21,1	60,3	33,4	1,3	12,7
2010	100	35,7	2,5	21,7	55,6	24,6	0,7	8,9
2016	100	25,7	3,9	47,1	68,9	33,8	1,8	10,5
Женщины								
2000	100	33,0	2,5	22,8	57,7	28,8	0,7	10,4
2010	100	41,3	3,0	22,1	51,9	22,7	0,6	8,1
2016	100	30,6	5,0	49,4	67,0	33,5	1,1	9,3
* Сумма значений превышает 100%, так как безработные указывали все использованные способы поиска работы. Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru/								

Отечественными исследователями, в частности Р.И. Капелюшниковым, отмечался ряд причин невысокой распространенности среди населения спроса на деятельность центров занятости, в том числе: слабая информированность безработных о режиме их деятельности (в особенности на начальном периоде функционирования этого института рынка труда); фактор стигматизации, обусловленный общественным мнением (получатели пособий в ряде случаев рассматриваются как «иждивенцы», не желающие трудиться и предпочитающие жить за чужой счет); бюрократические сложности оформления регистрации, связанные с оформлением пакета документов для учета в органах службы занятости¹⁹⁷. Как покажем далее, некоторые из обозначенных причин будут отмечены и молодыми специалистами во время проведения с ними фокус-групповых дискуссий.

¹⁹⁷ Капелюшников Р.И. Общая и регистрируемая безработица: в чем причина разрыва? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2004. № 149-150. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0149/analit02.php>

Важным показателем служит продолжительность поиска работы – время, в течение которого у человека, потерявшего работу, появляется возможность нового трудоустройства. В целом следует отметить, что за период 2000–2016 гг. продолжительность поиска работы сократилась как для всего населения (на 2 месяца), так и в разрезе гендерных групп (табл. 5.8). Тем не менее женщины в среднем искали работу несколько дольше по сравнению с мужчинами (7,8 против 7,4 месяца в 2016 г.). Причем практически каждый третий трудоустроивался в течение года или более, что в ряде случаев обусловливается конкуренцией на рынке труда¹⁹⁸.

Таблица 5.8. Структура безработных по продолжительности поиска работы, %

Год	Безработные, всего	В том числе ищут работу				Среднее время поиска работы, месяцев
		до 3 месяцев	от 3 до 6 месяцев	от 6 до 12 месяцев	12 месяцев и более	
Всего						
2000	100	22,2	12,6	19,0	46,2	9,6
2010	100	30,0	22,6	17,4	30,0	7,5
2016	100	31,3	17,9	21,1	29,6	7,6
Мужчины						
2000	100	24,8	13,3	19,2	42,7	9,1
2010	100	30,4	22,9	17,6	29,1	7,4
2016	100	33,3	17,7	20,4	28,6	7,4
Женщины						
2000	100	19,3	11,9	18,7	50,0	10,0
2010	100	29,4	22,2	17,2	31,2	7,6
2016	100	29,1	18,3	22,0	30,6	7,8
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.gks.ru/						

Средняя продолжительность поиска работы для молодежи в возрасте до 20 лет значительно меньше, чем для других возрастных групп (5 мес.), тогда как для возрастных групп 45–49 и 50–54 лет этот показатель достигает 8,6 мес. (табл. 5.9).

¹⁹⁸ Иванова Н.А. Безработица в России и меры по снижению напряженности на рынке труда // Экономические науки. 2015. № 5 (126). С. 12–20. (С. 19)

Таблица 5.9. **Средняя продолжительность поиска работы безработными по возрастным группам, месяцев**

Год	Безработные, всего	В том числе в возрасте, лет									
		до 20	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-54	55-59	60-72
Всего											
2000	9,6	6,7	8,6	9,7	9,7	10,0	10,1	10,4	10,9	11,3	11,8
2010	7,5	4,8	6,4	7,5	7,6	8,1	8,2	8,5	8,7	8,3	8,3
2016	7,6	5,0	6,6	7,6	7,6	7,8	8,2	8,6	8,6	8,4	8,1
Мужчины											
2000	9,1	6,7	8,2	9,1	9,0	9,5	9,6	9,6	10,9	11,2	11,2
2010	7,4	4,6	6,4	7,4	7,6	7,9	8,0	8,3	8,4	8,5	8,1
2016	7,4	4,8	6,5	7,4	7,2	7,5	7,9	8,3	8,5	8,6	7,7
Женщины											
2000	10,0	6,7	9,1	10,3	10,4	10,5	10,7	11,2	11,0	11,4	12,5
2010	7,6	5,0	6,4	7,5	7,6	8,3	8,5	8,7	8,9	8,0	8,5
2016	7,8	5,2	6,7	7,8	8,0	8,1	8,5	8,8	8,7	8,1	8,6
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru/											

Подчеркнем, что по большинству возрастных групп средняя продолжительность поиска работы у женщин превышает продолжительность трудоустройства у мужчин, что косвенным образом может свидетельствовать о существовании на рынке труда гендерных стереотипов. Такие различия во времени поиска работы могут обуславливаться тем, что мужчин с большим желанием берут на работу, поскольку они не обременены ни воспитанием детей, ни ведением домашнего хозяйства, они чаще соглашаются на командировки и могут задерживаться на работе¹⁹⁹.

Как уже было показано выше, вероятность стать безработным у молодых людей вдвое-трое выше, чем у взрослого населения, а это в свою очередь может оказывать косвенное влияние на падение уровня их жизни. В ряде случаев отмечается, что бедность становится устойчивым явлением не только для социально уязвимых категорий населения с ограниченной трудоспособностью, но и для вполне трудоспособной молодежи²⁰⁰.

Официальные статистические данные свидетельствуют, что практически каждый пятый молодой человек относится к категории малоимущих (табл. 5.10). Аналогичная ситуация складывается и для населения более старших возрастов (мужчины до 59 лет, женщины до 54-х). Среди мало-

¹⁹⁹ Сарычева Т.В. Статистическое исследование влияния половозрастных факторов на продолжительность поиска работы [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7063>

²⁰⁰ Беглова Е.И. Безработица молодежи: первоочередная проблема современного рынка труда // Экономика и управление. 2010. № 11 (70). С. 172-175. (С. 174)

имущих количество женщин пенсионного возраста более чем вдвое превосходит количество мужчин. Фактором, снижающим вероятность попадания в данную группу населения, является образовательный уровень (среди малоимущих более 40% имеют среднее профессиональное образование, 22% – высшее).

Таблица 5.10. **Распределение малоимущего населения по основным группам**
(% от общей численности малоимущего населения)

Группы	2000 г.	2010 г.	2016 г.	Справочно: все обследованные домашние хозяйства, 2016
<i>По половозрастным группам</i>				
Дети в возрасте до 16 лет	24,4	25,5	29,9	19,7
Молодежь в возрасте от 16 до 30 лет	22,9	24,9	19,1	16,6
Мужчины в возрасте от 31 до 59 лет	18,2	19,2	18,9	21,3
Женщины в возрасте от 31 до 54 лет	21,4	20,3	20,1	21,5
Мужчины в возрасте 60 лет и более	3,8	2,5	3,5	5,2
Женщины в возрасте 55 лет и более	9,3	7,5	8,5	15,6
<i>По уровню образования</i>				
Не имеют основного общего	-	-	2,7	1,8
Основное общее (неполное среднее)	-	-	10,5	6,5
Среднее (полное) общее	-	-	23,1	15,3
Среднее профессиональное (среднее специальное)	-	-	41,3	38,7
Высшее профессиональное (высшее)	-	-	22,4	37,7
Источник: Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru/				

Как показано в нашем исследовании, важное место в общественной структуре отношений отводится молодежи, играющей ключевую роль в воспроизводстве и трансляции на качественно новом уровне системы социальных отношений другим поколениям. Реализация данной функции может быть затруднена как вследствие негативных демографических процессов, так и в связи с неблагоприятными условиями для воспроизводства молодежью накопленного потенциала. Вместе с тем в ближайшие десятилетия, в соответствии с демографическими прогнозами, будет наблюдаться сокращение численности населения, в т.ч. и молодежи, что приведет к росту демографической нагрузки. Риски воспроизводства потенциала молодого поколения обусловлены и высоким уровнем безработицы, по некоторым оценкам, втрое превышающим соответствующий показатель среди взрослого населения. Хотя в динамике уровень молодежной безработицы сокращался, тем не менее среди женщин он был выше, чем среди мужчин, и эта закономерность продолжает сохраняться.

Установлено, что одной из групп молодежи, которая находится в уязвимом положении, является группа NEET (не обучающиеся и не работающие), для представителей которой высоки риски, связанные не только с реализацией, но и с накоплением потенциала, в последнем случае из-за их исключенности из образовательной сферы и из-за их проблем с переподготовкой и повышением квалификации. Доли этой группы населения в России в целом и в европейских странах оказываются сопоставимыми. Если принять во внимание социально-демографические характеристики, то можно сделать вывод о более уязвимом положении женщин (численность молодых мужчин, попадающих в эту группу, практически вдвое превышает количество женщин – 12% против 21%), населения со средним полным общим образованием (по мере роста образовательного уровня ситуация улучшается), а также не имеющего опыта работы.

В работе выявлено, что неблагоприятная ситуация в сфере труда и занятости может негативно воздействовать на материальное положение молодых людей. В целом в мире практически треть молодых людей считаются подвергшимися риску в связи с бедностью или исключением. При этом среди молодых женщин такая ситуация встречается чаще, чем среди мужчин. Фактором, снижающим обозначенные риски, может выступать проживание с родителями, однако даже это в ряде случаев не позволяет улучшить ситуацию.

5.2. Объективные и субъективные барьеры трудоустройства молодежи

В социально-трудовой сфере молодежь рассматривается как одна из групп риска. В большинстве своем, не имея опыта работы и необходимых профессиональных навыков, молодые люди, впервые выходя на рынок труда, сталкиваются с серьезными сложностями при трудоустройстве. В свою очередь, отсутствие необходимых компетенций, возможностей для обучения на протяжении всей жизни создает предпосылки для изоляции. Социальное отчуждение порождает порочный круг занятости на рабочих местах низкого качества или безработицы, бедности и плохих условий жизни. В настоящее время 87% юношей и девушек в развивающихся странах подвержены проблемам неравного доступа к ресурсам, здравоохранению, образованию, экономической и политической деятельности²⁰¹.

²⁰¹ Fact Sheet from International Year of Youth (2010/2011): Dialogue and Mutual Understanding // United Nations Children Fund. URL: <https://social.un.org/youthyear/docs/youth-participation.pdf>

Во многих частях мира молодые люди все еще сталкиваются со множеством препятствий на пути к образованию и имеют ограниченные возможности для профессиональной самореализации²⁰².

Молодежь становится более уязвимой по мере того, как она покидает родительский дом, ищет работу и самостоятельно организует свою жизнь. При этом даже успешное трудоустройство не всегда приводит к стабильности, поскольку многие вакансии на молодежном сегменте рынка труда характеризуются менее благоприятными условиями труда (в особенности в отношении величины заработной платы), что негативно сказывается на благополучии домохозяйств. Интересным представляется пример Западной и Северной Европы, где молодые люди покидают родительский дом раньше, чем в Южной и Восточной. Как показывают данные Евробарометра, основные барьеры, препятствующие началу самостоятельной жизни, носят финансовый характер – 44% молодежи не могут позволить себе переезд, 28% отметили недостаток доступного жилья²⁰³. В результате различия в уровнях безработицы и оплаты труда на отдельных территориях могут стать причиной социальной эксклюзии молодого поколения. Стоит отметить, что большую роль в продлении совместной жизни родителей и детей играют и культурные особенности, определяющие существующие в обществе нормы поведения²⁰⁴.

Неподготовленность к реалиям рынка труда, недостаточная осведомленность о «мире профессий», отсутствие целостного представления о будущей трудовой деятельности, а также ориентация при вступлении в трудовую жизнь не на опыт, а на идеалы, полученные в процессе обучения, осложняют трудоустройство молодых людей²⁰⁵. Эти проблемы усугубляются в условиях нестабильности, когда одни профессии становятся невостребованными, а другие, напротив, оказываются на пике спроса, в то время как система образования не может оперативно отреагировать на изменяющиеся запросы со стороны рынка труда. Подобная ситуация про-

²⁰² Youth Strategy 2014-2017: Empowered Youth, Sustainable Future // United Nations Development Programme. URL: <http://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/democratic-governance/youthstrategy.html>

²⁰³ Youth Report Status of the situation of young people in the European Union // European commission. URL: http://pjp-eu.coe.int/documents/1017981/3084919/EU_Youth_Report_SWD_situation_of_young_people-rev.pdf/a459c1d0-a336-4013-8e34-eee69e6bd203

²⁰⁴ Does leaving home make you poor? Evidence from 13 European countries / A. Aassve, M.A. Davia, M. Iacovou, S. Mazzucco // European Journal of Population. 2007. Vol. 23 (3). Pp. 315-338.

²⁰⁵ Руденко Г.Г., Савелов А.Р. Специфика положения молодежи на рынке труда // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 101-107.

является и во время экономических кризисов, когда острее чувствуются противоречия, связанные, с одной стороны, с сохранением устаревших, непривлекательных, вредных производств с невысоким уровнем оплаты труда, а с другой стороны, с постоянно возрастающими потребностями молодежи и необходимостью получения высокой заработной платы для их удовлетворения²⁰⁶. С учетом обозначенных выше проблем можно говорить об актуальности исследования вопросов, связанных с трудоустройством молодого поколения, адаптацией этой группы населения к трудовой деятельности, в т.ч. и за счет преодоления существующих барьеров.

Если обратиться к теоретическим аспектам исследования, то увидим, что проблемы молодежной занятости находятся в центре внимания академического сообщества как в России, так и за рубежом. В настоящее время в научной литературе сформировался широкий спектр работ, посвященный изучению барьеров трудоустройства молодежи. Применительно к уязвимым слоям населения традиционно их рассматривают в контексте объективных и субъективных обстоятельств²⁰⁷. Первая группа включает аспекты, связанные с квалификацией и опытом работы индивида, диспропорциями на рынке труда и его сегментированностью, циклами экономической конъюнктуры и т.д. Ко второй группе относятся факторы, природа которых носит преимущественно субъективный характер, что находит отражение в сложившихся у человека представлениях о занятости и трудовой деятельности в целом, его чувствах, желаниях и убеждениях. Подобного рода барьеры могут исходить как со стороны соискателя, так и со стороны работодателя.

Большой вклад в развитие представлений о преградах на пути к трудоустройству молодежи в России внесли труды Е.М. Авраамовой, В.Н. Бобкова, В.А. Гневашевой, Ю.А. Зубок, Д.Л. Константиновского, А.А. Литвинюка, Т.А. Разумовой, О.Н. Шестопаловой и других ученых. При этом основной акцент в исследованиях делается на факторах, объективно

²⁰⁶ Лопаткин И.В. Адаптация молодежи на современном рынке труда: социологический аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.03 / Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2015. 26 с.

²⁰⁷ Гильманов А.З. Выпускники вузов на современном рынке труда: проблемы трудоустройства // Электронный экономический вестник Татарстана. 2013. № 1. С. 97-104.; Ageing and Employment Policies. Live longer, work longer // OECD. URL: http://www.monitoringis.org/documents/strat_reg/live_longer_work_longer.pdf; Social and Economic Inclusion of Deprived Groups ñ Possible Measures to Increase the Employability of the Most Vulnerable Categories of Long-term Unemployed and Inactive People // Международная организация труда. URL: http://www.mddsz.gov.si/fileadmin/mddsz.gov.si/pageuploads/dokumenti_pdf/raziskava_vkljuce_vanje2_an.pdf

затрудняющих выход молодых людей на рынок труда. Так, несоответствие квалификации соискателей требованиям рабочих мест называется в качестве одной из ключевых преград²⁰⁸. Как правило, причинами того служат отсутствие необходимого опыта работы и низкий уровень профессиональной подготовки²⁰⁹. В результате найм молодежи может сопровождаться ростом издержек для работодателя, связанных с необходимостью ее обучения (переобучения), что делает лиц старшего поколения с продолжительным трудовым стажем более привлекательными работниками. Вместе с тем анализ научной литературы показал, что среди субъективных барьеров трудоустройства наибольший интерес представляют личностные характеристики молодежи и особенности ее мотивационного поля, в то время как изучение сложившихся ментальных моделей не получило широкого распространения. При этом они играют большую роль в процессе выбора стратегий поведения на рынке труда и, как следствие, оказывают влияние на возможности трудоустройства²¹⁰.

Характерным примером ментальных барьеров трудоустройства молодежи может выступать молодость, как социокультурный феномен, обладающий набором определенных черт, формирующих предубеждения в обществе относительно этой группы населения. Молодое поколение зачастую считают ленивым и склонным сразу получать большую заработную плату, его обвиняют в отсутствии практических навыков работы, недостатке профессионализма, неустойчивости трудового поведения²¹¹ и т.д. Эти предубеждения усугубляются, когда прибавляется еще один слой стереотипов, связанный с собственным восприятием действительности. К основным из них относятся: игнорирование официальных каналов поиска работы, презрительное отношение к физическому труду, стремление получить высшее профессиональное образование. Всё это отрицательно сказывается на профессиональной самореализации молодых людей. Поэтому в настоящем параграфе анализируются

²⁰⁸ Механизмы трудоустройства российской молодежи / Е.М. Аврамова, С.А. Беляков, Д.М. Логинков, Е.А. Полушкина. М. : Дело, РАНХиГС, 2017. – С. 64.

²⁰⁹ Попов А.В. Требования работодателей к качественным характеристикам молодых работников (на примере Вологодской области) // Вестник НГУЭУ. – 2016. – № 4. – С. 219.

²¹⁰ Шестопалова О.Н. Стереотипы трудового поведения молодых работников: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Ур. Гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2009. 19 с.

²¹¹ Попов А.В. К вопросу о ментальной природе барьеров трудоустройства молодежи // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 3 (1). С. 32-39 (С. 37.)

как объективные, так и субъективные барьеры трудоустройства молодежи с учетом сложившихся в обществе стереотипов. При этом молодые люди представлены категорией «молодые специалисты», что обусловлено необходимостью исключения юношей и девушек, не имеющих диплома о профессиональном образовании, в связи с особенностями их положения на рынке труда. Как правило, их занятость в силу возрастных или статусных ограничений носит временный и неустойчивый характер, а продолжительность рабочего дня сокращена. В то же время спрос на неквалифицированную рабочую силу с непродолжительным трудовым стажем достаточно низок, в результате чего уровень безработицы среди молодежи в возрасте от 15 до 19 лет превышает 30%²¹². В свою очередь молодые специалисты в плане собственного позиционирования на рынке труда представляют собой гомогенную группу. Далее их положение будем оценивать с учетом мнения как населения в целом, так и представителей различных возрастных групп, в частности молодежи (от 18 до 29 лет). Информационную базу исследования составили данные социологического опроса «Социокультурная модернизация регионов», проведенного в 2017 г. ФГБУН ВолНЦ РАН в ряде регионов Северо-Западного федерального округа²¹³.

Как показывают результаты опроса, молодые специалисты наряду с инвалидами, пожилыми людьми и многодетными семьями воспринимаются большей частью общества как социально уязвимая группа населения на рынке труда (рис. 5.1). В данном случае речь идёт прежде всего о трудностях, возникающих в процессе поиска работы, о подверженности дискриминационным практикам, нестабильным трудовым отношениям и т.д. Интересно, что сами молодые люди наравне со всем населением отмечают незащищенность молодых специалистов (54% против 52%). Это свидетельствует об определенном единстве среди представителей различных поколений во взглядах на проблемы молодежной занятости.

²¹² Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: NEET-молодежь на рынке труда в России: препринт. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 21 с.

²¹³ Социологический опрос совершеннолетнего населения Северо-Западного федерального округа «Социокультурная модернизация регионов» был проведен в 2017 г. Вологодским научным центром РАН. Анкетирование проходило в Вологодской, Мурманской, Калининградской и Новгородской областях, а также в Республике Карелия. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составляет 3108 человек, ошибка выборки не превышает 5%.

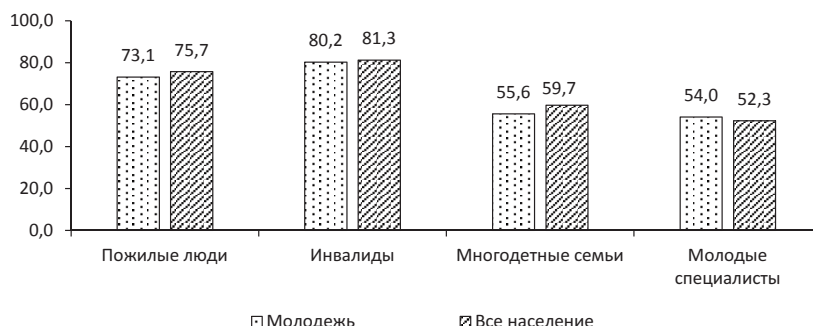

Рисунок 5.1. **Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы нижеперечисленных граждан социально уязвимыми на рынке труда?» (в % от числа опрошенных)**

Источник: здесь и далее – рассчитано авторами на основе данных опроса «Социокультурная модернизация регионов», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017 г.

По мнению респондентов, к числу основных причин, препятствующих активному включению молодых специалистов в трудовую деятельность, относятся: неразвитость профессиональных навыков (55%); отсутствие подходящих вакансий (44%); лень, неприспособленность к жизни (37%); неумение использовать предоставляемые возможности (33%); негативное отношение со стороны работодателей (31%) и излишняя надежда на «доброе дядю», который должен отстаивать их интересы, заботиться о них (31%; табл. 5.11).

Несмотря на то что наибольшее влияние на выход молодых специалистов на рынок труда оказывают барьеры, носящие объективный характер, значительное место отводится субъективным факторам, и в частности ментальным особенностям. По результатам проведенного нами социологического опроса выявлено, что практически треть опрошенных отмечают существование стереотипов положения, которые выражаются в негативном отношении работодателей к молодым специалистам. Оставшиеся барьеры, как правило, зависят от самого индивида и находятся в плоскости личностных ценностей и установок. Распространенность обозначенных выше стереотипов приводит к дискриминационному положению молодых специалистов на рынке труда²¹⁴.

²¹⁴ Руденко Г.Г., Савелов А.Р. Специфика положения молодежи на рынке труда // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 101-107 (С. 105)

Таблица 5.11. **Распределение ответов на вопрос: «Что, по-Вашему, мешает молодым специалистам активно включиться в трудовую деятельность?»**
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст, лет			Среднее
	18-29	30-49	старше 50	
Неразвитость профессиональных навыков	56,1	56,4	53,0	54,8
Отсутствие подходящих вакансий	45,6	43,6	43,5	43,9
Лень, неприспособленность к жизни	36,0	37,2	37,9	37,3
Неумение использовать предоставляемые возможности	36,7	31,8	32,6	33,1
Негативное отношение со стороны работодателей	34,3	31,7	29,7	31,3
Излишняя надежда на «доброту дядю», который должен отстаивать их интересы, заботиться о них	31,7	30,6	31,4	31,1
Неспособность к самостоятельному отстаиванию своих прав и интересов	26,3	24,2	25,9	25,3
Зависимость от чужого мнения	23,9	24,9	20,4	22,8
Нежелание менять привычный образ жизни	14,8	12,6	15,5	14,3
Несправедливость, социальное неравенство	15,0	13,6	12,1	13,2
Устоявшиеся убеждения в отсутствии своей нужности обществу	8,1	6,8	6,0	6,7
Одиночество и отсутствие поддержки	5,9	5,5	4,6	5,2
Затрудняюсь ответить	0,5	1,0	0,9	0,9

Существенных различий относительно барьеров, препятствующих включению молодых людей в трудовую деятельность, среди представителей различных возрастных групп населения не наблюдается. Вместе с тем, молодежь придает несколько большее значение неумению использовать предоставляемые возможности, а также негативному отношению со стороны работодателей.

Интересны оценки ряда предложенных респондентам утверждений об отношении общества и молодежи к молодым специалистам в контексте их готовности к трудовой жизни. Как видно из таблицы 5.12, наибольшую популярность получили варианты ответов о завышенных требованиях молодых людей к уровню заработной платы (59%), о предпочтениях работодателей в выборе, с одной стороны, более опытных работников (61%) а с другой – молодых в связи с их гибкостью, высокой восприимчивостью ко всему новому (54%). Противоречивость двух последних тезисов позволяет сделать вывод о том, что для успешного трудоустройства молодым специалистам желательно сочетать в себе как развитые трудовые навыки, так и качества, способствующие быстрой адаптации к требованиям рабочих мест. Это во многом объясняет те сложности, с которыми сталкиваются молодые люди в процессе поиска работы. Одной из иллюстраций подобной ситуации является распространенность мнения о него-

товности молодежи без опыта работы к трудовой жизни (с этим утверждением солидарны 42% опрошенных; табл.).

Таблица 5.12. **Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?»** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст, лет			Среднее
	18-29	30-49	старше 50	
При прочих равных условиях при приеме на работу работодатель отдаст предпочтение более опытному работнику, невзирая на его возраст	61,1	62,5	58,9	60,7
Молодые люди зачастую не могут найти работу, т.к. имеют завышенные требования к уровню заработной платы	49,3	61,7	61,2	59,2
При приеме на работу работодатель отдаст предпочтение более молодому сотруднику в связи с его гибкостью, высокой восприимчивостью ко всему новому	49,9	53,7	55,3	53,7
Молодые специалисты не обладают достаточной мотивацией для качественного выполнения трудовых обязанностей	33,7	42,6	46,5	42,6
Молодежь без опыта работы совсем не готова к трудовой жизни	36,5	41,4	46,0	42,4

Взгляды молодых людей на рассматриваемые вопросы заметно отличаются от взглядов представителей старших поколений. Первые в меньшей степени согласны с тезисом о том, что одной из причин безработицы является завышенный уровень собственных ожиданий от будущего места работы (49% против 61% среди лиц старше 50 лет). Разнятся взгляды и на проблемы готовности молодежи выйти на рынок труда без соответствующего опыта (37% против 46%) и отсутствия у молодых специалистов достаточной мотивации для качественного выполнения трудовых обязанностей (34% против 47%). Единодушие достигается только тогда, когда речь идет о предпочтении работодателями более опытных сотрудников (61% против 59%). Выявленные особенности позволяют предположить, что молодые люди связывают сложности, возникающие на молодежном рынке труда, с факторами внешней среды, а взрослое население – с личностными ограничениями.

В то же время молодежь демонстрирует наибольшую готовность к изменениям, что проявляется не только в декларации собственных намерений, но и на практике (табл. 5.13). Так, освоением новых знаний и навыков, личностным и профессиональным развитием занимаются 24% молодых людей, изучением и использованием новых технологий – 18%, изучением иностранного языка – 16% и т.д. Стоит оговориться, что в силу возрастных особенностей молодежь сильнее вовлечена в различные образовательные программы, в результате чего данные оценки могут быть

завышены. Тем не менее сам факт готовности к изменениям позволяет говорить о больших возможностях к преодолению возникающих сложностей. В этой ситуации создание благоприятных условий для реализации имеющегося потенциала может смягчить действие барьеров, препятствующих профессиональной самореализации.

Таблица 5.13. **Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы готовы...?»**
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Уже реализуют		Готовы реализовать	
	Молодежь	Все население	Молодежь	Все население
Осваивать новые знания и навыки, лично и профессионально развиваться	23,9	16,4	60,2	41,8
Изучать и использовать в своей работе и в быту новые технологии	17,7	11,5	60,2	47,5
Изучить иностранный язык	16,0	6,9	40,8	24,2
Стать высококлассным специалистом	14,1	12,5	65,4	39,1
Усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни	13,4	9,3	59,4	42,5
Заняться инновационной деятельностью (участвовать в создании чего-то нового)	7,6	4,5	49,2	31,0
Организовать собственное дело, семейный бизнес	5,0	3,8	42,2	25,4
Переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда	5,0	2,7	45,6	24,0
Заняться общественно-политической деятельностью (участие в работе творческих организаций, профсоюзов, политических партий и т.д.)	3,3	2,7	24,4	15,5

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что молодежь является уязвимой группой на рынке труда. Это, с одной стороны, обусловлено объективными обстоятельствами, к числу которых могут быть отнесены существующие рассогласования между образовательной системой и рынком труда, низкий уровень профессиональной подготовки, отсутствие продолжительного трудового стажа. С другой стороны, не меньшая роль отводится субъективным, ментальным барьерам, которые обладают устойчивостью и оказывают влияние на поведение молодежи. К числу таких факторов, например, относят неприспособленность к жизни, лень, негативное отношение со стороны работодателей, страх, обусловленный негативным прошлым опытом трудоустройства (повторяемость и закрепление в сознании результатов, связанных как с самим процессом поиска работы, так и образом работодателя), боязнь несоответствия требованиям рабочего места, в ряде случаев

недоверие тем вакансиям, которые предлагаются на рынке труда, а также скептическое отношение к деятельности службы занятости населения. Складывается своего рода парадокс – с одной стороны, недоверие обозначенному выше формальному институту рынка труда, с другой стороны, проблемы, возникающие при осуществлении трудоустройства самостоятельно.

Другой аспект стереотипизации может быть связан с образовательным уровнем населения. Широко распространенное представление о том, что наличие у молодого специалиста высшего образования создает предпосылки для более производительного и эффективного труда, на практике довольно часто не оправдывается. Большее влияние оказывает не формальное наличие диплома, а тот уровень профессиональных знаний и компетенций, который формируется в процессе обучения и профессиональной переподготовки. Об этом свидетельствуют и результаты проведенных нами социологических исследований, в которых обращается внимание на то, что у молодых специалистов отсутствует не только соответствующий рабочему месту опыт работы, но и необходимый для трудоустройства уровень профессиональных навыков.

Может усугублять вышеназванные проблемы и то, что взгляды молодых людей по многим вопросам заметно отличаются от позиции других поколений; это особенно проявляется в отношении таких аспектов, как готовность молодежи выйти на рынок труда без соответствующего опыта, отсутствие достаточной мотивации для качественного выполнения трудовых обязанностей, единодушие у этих групп достигается только относительно предпочтений работодателями более опытных сотрудников.

5.3. Проблемы социальной уязвимости в самооценках молодежи

Укрепление позиций России в мире, повышение ее конкурентоспособности возможно при эффективном задействовании потенциала развития разных групп населения, в т.ч. и молодежи. Отметим, что использование потенциала данной группы обусловлено не только наличием профессиональных и личных качеств, их применением на практике, но и тем, насколько молодые люди разделяют цели и задачи общественного развития, связывают с ними свои жизненные перспективы²¹⁵. В качестве

²¹⁵ Чирун С.Н. Реальности современного общества и противоречия современной молодежной политики // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 6. С. 125-127.

одного из условий эффективной реализации потенциала молодого поколения рассматривают и государственную молодежную политику. Однако относительно последней в научных кругах отмечается ряд противоречий, например, между внешней активностью государственных структур и отсутствием положительной динамики по показателям, характеризующим эффективность основных направлений молодежной политики в российском обществе; между декларируемой ориентацией государства на использование в молодежной политике творческого потенциала молодежи и фактическим отсутствием в качестве субъектов реальной молодежной политики молодежных структур, созданных на основе принципа самоорганизации²¹⁶ и др.

Подчеркивается, что в качестве одной из причин противоречий в молодежной политике можно рассматривать фрагментарные и стереотипные знания о молодежи, обусловленные, с одной стороны, позицией о совпадении интересов государства и представителей молодежных групп, с другой стороны, отношением к молодежи как единой социально-демографической группе, не имеющей социальных, культурных и физических различий.

В таких условиях одним из принципов государственной молодежной политики может быть социальная инклюзия, предполагающая преодоление стереотипов, включение молодежи в различные практики взаимопомощи, что в дальнейшем может влиять на степень социальной сплоченности российского общества²¹⁷. Тем самым должен осуществляться переход молодежной политики от идеологии эксклюзии²¹⁸ и сегрегации отдельных молодых страт к принципу социального включения, инклюзии разных по стилю жизни, социальному статусу, образованию, здоровью молодежных когорт²¹⁹. При этом включение отдельных индивидов или групп в более охватывающее сообщество должно быть направлено на

²¹⁶ Чирун С.Н. Реальности современного общества и противоречия современной молодежной политики // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 6. С. 125-127.

²¹⁷ Ярская В.Н. Инклюзия – новый код социального равенства // Образование для всех: политика и практика инклюзии. Саратов : Научная книга, 2008. С. 11-16.; Ярская В.Н. Социальная инклюзия в молодежной политике // Поволжский торгово-экономический журнал. 2010. № 1 (13). С. 63-74.

²¹⁸ Астоянц М.С. Социальное сиротство: условия, динамика и механизмы эксклюзии (социокультурная интерпретация) : автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.06. Азов, 2009. 42 с.

²¹⁹ Ярская В.Н. Молодежная политика: разные и пока не равные // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 8(2). С. 158-159.

приобщение их к определенным действиям или культурным процессам²²⁰. Подобные изменения будут связаны с преодолением дискриминации по полу, возрасту, здоровью, этничности, субкультуре и каким-либо другим признакам, с преодолением неравенства и обретением нового качества жизни данной группы населения.

Своего рода противоположным «полюсом» социальной инклюзии является социальное исключение, предполагающее фактически вытеснение людей за рамки социума, возникновение препятствий в участии в общественной жизни ввиду невозможности получения образования и недостатка базовых знаний, в результате дискриминации по разным признакам или фактора бедности. Подобные процессы ограничивают доступ к получению образования, работы, к участию в различных общественных процессах, снижая эффективность не только использования, но и формирования потенциала различных групп населения.

Отмечается, что социальному исключению могут быть подвержены различные возрастные группы населения, тем не менее исключение молодежи требует особого внимания, поскольку может оказывать влияние на эмоциональное состояние, здоровье молодых людей, может неблагоприятно сказываться на социальном и экономическом участии в разных процессах, может способствовать бедности, преследуя одно поколение за другим. В том случае когда молодые люди ощущают себя исключенными из социальной жизни, переживают отчужденность, чувствуют себя материально незащищенными, это может усиливать уже существующие проблемы социального исключения. Создается своего рода «замкнутый круг», когда социально исключенные молодые люди оказываются в еще большей опасности или страдают от новых материальных лишений, социальной или эмоциональной маргинализации. Например, у молодых людей с низким образовательным уровнем выше вероятность попадания в безработные или наличия низкооплачиваемой работы, что может приводить их к невозможности обеспечения достойного уровня жизни, в т.ч. и для своих детей. Подобная ситуация со временем может негативно отражаться на их эмоциональном и физическом состоянии, может поставить под угрозу их способность работать, и они рискуют стать еще беднее²²¹.

²²⁰ Алешина М., Ярская В. Содержание понятия инклюзии в контексте code switching // Образование для всех: политика и практика инклюзии: сб. науч. тр. Саратов : Научная книга ЦСПГИ, 2008. С. 32-44.

²²¹ Инклюзия от А до Я. Компас для международных инклюзивных проектов [Электронный ресурс] // SALTO-YOUTH Inclusion resource centre. Режим доступа: <https://www.salto-youth.net/downloads/4-17-3475/InclusionAtoZRU.pdf>

Сопоставление данных социологических опросов о качестве жизни в европейских странах (European Quality of Life Survey, EQLS), проведенных Европейским фондом улучшения условий жизни и труда в 2011 и 2007 годах, показало ухудшение положения молодых людей практически во всех европейских странах, в особенности проживающих в больших семьях с родителями и детьми; безработные молодые люди чаще других стали чувствовать себя одинокими, сталкивающимися с недостаточной социальной поддержкой; молодежь стала меньше доверять государственным учреждениям²²².

Преодоление подобной ситуации может быть связано с разработкой механизмов инклюзии социально уязвимых групп населения, к которым относятся и молодые специалисты. При этом следует ориентироваться на два типа механизмов личностного и ситуационного уровня. В первом случае предполагается обеспечение социального развития индивида и накопления им социального капитала, во втором – изменение установок социума по отношению к молодым специалистам, обеспечение доступности качественного образования, создание условий для реализации трудового потенциала, оказание необходимой правовой помощи²²³ и др.

Учитывая вышеобозначенное, подчеркнем, что цель исследования заключалась в выявлении ментальных барьеров социальной инклюзии молодых специалистов и разработке мероприятий, направленных на их преодоление.

Информационная база исследования

Анализ базировался на материалах 4 фокус-групповых дискуссий с молодыми специалистами (безработными, работающими не по специальности, работающими по специальности, молодыми специалистами, проживающими и работающими в сельской местности), проведенных сотрудниками ФГБУН ВолНЦ РАН в сентябре–октябре 2017 г. В каждую фокус-группу входило порядка 6 человек в возрасте до 18–25 лет, в равной степени представленности мужчин и женщин, а также населения с высшим и со средним специальным образованием.

²²² Инклюзия от А до Я. Компас для международных инклюзивных проектов [Электронный ресурс] // SALTO-YOUTH Inclusion resource centre. Режим доступа: <https://www.salto-youth.net/downloads/4-17-3475/InclusionAtoZRU.pdf>

²²³ Смолева Е.О. Основные подходы к исследованию ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения [Электронный ресурс] // Социальное пространство. 2016. № 4. Режим доступа: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2014>

Структура гайда для проведения фокус-групп включала в себя следующие блоки вопросов:

1. *Общая характеристика молодых специалистов.*
2. *Ценностное поле и отношение к труду* (отношение к труду молодежи в отличие от старшего поколения, успешность/неуспешность в жизни, черты успешного человека, позитивные и негативные черты молодых специалистов).
3. *Отношение общества к молодежи в контексте социально-трудовых отношений* (позитивные и негативные черты молодых специалистов в восприятии окружающих, стереотипы в отношении молодых специалистов).
4. *Особенности трудовой жизни молодых специалистов* (сильные и слабые стороны, способствующие и препятствующие трудоустройству, способы трудоустройства, доверие к ним и оценка их эффективности).
5. *Трудные жизненные ситуации и выход из них* (обеспечение себя без помощи родителей, уязвимость в сфере труда и занятости и причины этого, возможность самостоятельного выхода из проблемных ситуаций, наличие опыта обращения за помощью в проблемных ситуациях, мероприятия, направленные на преодоление проблем).

В данном исследовании обращено внимание на следующие аспекты: черты, присущие молодым специалистам (взгляд молодежи и общества); сильные и слабые стороны, способствующие и препятствующие трудоустройству молодых специалистов; каналы поиска работы (доверие им и их эффективность); стереотипное отношение к молодым специалистам; направления по решению проблем в сфере труда и занятости.

1. *Черты, присущие молодым специалистам: взгляд молодежи и общества*

Зачастую о постсоветской молодежи можно услышать как о «потерянном», «пожертвованном» поколении, которому свойственны *социальная апатия* (уход из политической и общественной жизни, распространение мещанских, семейно-эгоистических настроений)²²⁴, *кризис нравственных ценностей* (падение престижа честного труда, презрение к ежедневному упорному труду, пренебрежение духовными ценностями, дегуманизация отношений между людьми, рост потребительских настроений и др.)²²⁵.

²²⁴ Веселов В.Р. Интеллигенция и народ: возвращение к старой теме // Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации: материалы научной конференции. Иваново, 2003. С. 42-56.

²²⁵ Соколов А.В. Интеллектуально-нравственная дифференциация современного студенчества // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 91-97. (С. 91)

Если верить подобным суждениям и оценкам, получается, что с таким молодым поколением страна может только деградировать. Возникает вопрос о том, насколько это совпадает с действительностью, как молодые люди оценивают свое поколение, свои устремления, в т.ч. и в трудовой сфере.

Данные проведенных ВолНЦ РАН социологических исследований в отношении молодых специалистов свидетельствуют, что молодые люди практически во всех фокус-группах отнесли амбициозность, энергичность, готовность работать, трудолюбие, творческий подход к делу к своим положительным чертам. Следует отметить, что молодежь обращала внимание и на черты, связанные с образованием и коммуникабельностью. В первом случае, например, указывались хорошее образование, теоретические знания, эрудированность, интеллект, обучаемость, во втором – умение слушать и слышать, умение обсуждать (табл. 5.14).

Таблица 5.14. **Позитивные и негативные черты, которые присущи молодым специалистам (взгляд молодежи)**

Молодые специалисты (взгляд молодежи)	
Позитивные черты	Негативные черты
Фокус-группа 1	
Амбициозность Креативность Багаж теоретических знаний Хорошее образование Опыт общественной деятельности Ответственность Системное мышление Коммуникабельность Творческий подход [предлагать что-то для изменений в практике] Оригинальность Умение убеждать Готовность работать [трудолюбие] Честность Энергичность Пунктуальность	Отсутствие практики Неуверенность в себе Отсутствие определенных навыков Излишняя распыленность [нет концентрации на чем-то] Высокие запросы Недооценка собственных сил [беру больше, чем могу сделать, не рассчитал просто] Неумение завести связи и их поддержать Замкнутость
Фокус-группа 2	
Трудолюбие Обучаемость Мобильность Ценность опыта, а не зарплаты Исполнительность Умение слушать и слышать Внимательность на работе, внимательность к мелочам Амбициозность	Хочется быстрого результата Привязанность к престижной работе Малая ценность рабочего места (в том плане, что, если не понравилось, то ушел) [мобильность] Переоценка своих возможностей Ранимость (очень близко принимаю все к сердцу, особенно если это сказано администрацией) Несерьезность

Окончание таблицы 5.14

Молодые специалисты (взгляд молодежи)	
Позитивные черты	Негативные черты
Фокус-группа 3	
Энергичность Эрудированность, интеллект Молодые специалисты быстрее адаптируются, привносят что-то новое Тяга к новым технологиям Желание применить новые технологии Разносторонность Честность Умение быстро и качественно выполнять поставленные задачи Умение работать в каких-то программах	Недооценка своих знаний и умений или переоценка порой (говорил, что с проектом справлюсь за две недели, в результате полгода провозился) Не всегда востребованность труда Зависимость от социальных сетей («по идее должен не заходить, а не нет») Неумение поставить сроки (проблемы с планированием) Недисциплинированность (трудовая дисциплина, когда нужно обязательно прийти, не опоздать) Неумение распределять правильно время
Фокус-группа 4	
Желание учиться и работать Быстро адаптация к новым условиям Высокая мобильность Амбициозность Работоспособность	Отсутствие опыта работы Нетерпеливость Любовь к халяве Неуверенность в собственных силах
Источник: стенограммы фокус-групповых исследований молодых специалистов, проведенных сотрудниками ВолНЦ РАН в сентябре-октябре 2017 г.	

Тем не менее, наряду с положительными чертами, молодые специалисты приводили и отрицательные. Практически во всех фокус-группах речь шла о переоценке (недооценке) своих сил и возможностей, знаний и умений, об отсутствии определенных навыков. Помимо того, обращалось внимание на аспекты, связанные с отношением к рабочему месту и к делу, которым занимается человек (малая ценность рабочего места и, как следствие, мобильность, значимость престижной работы, а также несерьезность, недисциплинированность, неумение правильно распределять время и др.).

Интересными в контексте проведенного нами социологического исследования представляются результаты проекта «Гендерные аспекты рынка труда в постсоветской России» (при поддержке INTAS (1999–2001 гг., руководитель – С. Ашвин), в котором среди основным барьеров для достижения молодежью «взрослого» позиционирования назывались отсутствие профессионального опыта, бесправие в связи со статусом молодого специалиста, гендерные барьеры. Можно говорить о схожести некоторых полученных в рамках данного исследования результатов и наших выводов, в частности, связанных с отношением к опыту (значимость не «абстрактной трудовой репутации», а приобретение навыков и включение в суще-

ствующие взаимоотношения в коллективе), со склонностью к дополнительному образованию и знаниям, с отношением к работе и мобильности (страх остановиться в профессиональном и культурном росте, потерять «свободу перемещений» и проработать всю жизнь на одном месте – [мобильность молодых специалистов])²²⁶.

В вопросе о положительных и негативных чертах молодых специалистов значима и позиция общества, например, в лице работодателя. С одной стороны, работодатель зачастую не уверен в выборе молодого сотрудника, и эта неуверенность может быть обусловлена несколькими обстоятельствами. Так, если будущий сотрудник имеет учебную занятость, то у работодателя это может вызывать опасения, что ему придется оплачивать учебный отпуск молодого специалиста. Еще один стереотип может быть связан с тем, что, набравшись опыта, в ряде случаев обучившись за счет компании, молодой человек может выбрать более престижное и более высокооплачиваемое место работы. С другой стороны, несмотря на все обозначенные стереотипы и негативные стороны, работодатели видят в молодых сотрудниках амбициозных, нестандартно мыслящих молодых людей, обладающих креативным подходом и способных привнести новое в работу организации²²⁷.

С учётом вышеобозначенного для нас представляется значимой позиция не только молодежи о ее положительных и отрицательных чертах, но и общества в отношении преимуществ и недостатков молодых специалистов. Было установлено, что вне зависимости от того, исходили ли оценки от самой молодежи или от общества (через молодежь), качества, выделенные как в первом, так и во втором случае, практически не отличались. Это может свидетельствовать о том, что молодые специалисты распространяют свой взгляд и на остальные слои населения, приписывая им свою позицию.

Иллюстрацией этого могут быть выделенные респондентами положительные и отрицательные черты молодых специалистов: к положительным отнесены грамотность, быстрая обучаемость, в т.ч. самообучаемость, желание развиваться, активность, адаптируемость (к коллективу, к новым технологиям), креативность; к негативным – высокие запросы, завышен-

²²⁶ Омельченко Е. От проблемного конструкта молодежного вопроса – к анализу молодежной повседневности [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал «ЭСМ». Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/615/676/1219/otryvok_om.pdf

²²⁷ Основные проблемы рынка труда молодых специалистов в Российской Федерации [Электронный ресурс] // HR-Portal. Режим доступа: <http://hr-portal.ru/article/osnovnye-problemy-rynka-truda-molodyh-specialistov-v-rossiyskoy-federacii>

ные требования, отсутствие опыта, привязанности к рабочему месту, а также безответственное, равнодушное отношение к работе (табл. 5.15).

Таблица 5.15. **Позитивные и негативные черты, которые присущи молодым специалистам (взгляд общества)**

Молодые специалисты (взгляд общества)	
Позитивные черты	Негативные черты
Фокус-группа 1	
Харизматичные Самообучаемость Позитивное мышление Активность [жизненные силы, много энергии] Хорошее образование Адаптируемость [в т.ч. и вследствие отсутствия опыта] Неконфликтность Самоорганизованность	Безответственность Отсутствие опыта Высокие запросы Молодежь не хочет много работать [лень] Навязчивость Плохое образование [не в лане некачественное, а когда мы учились, нам говорили, что Вы с ним никуда не пройдет] Эгоизм
Фокус-группа 2	
Креативность (новые идеи какие-то) Активность Нацеленность на опыт (большая нацеленность на получение опыта, а не заработной платы) Адаптируемость (молодой, проще вольется в коллектив) Коммуникабельность Готовность выполнять то, что не является прямыми обязанностями Открытость (нет устоявшихся стереотипов)	Отсутствие опыта Низкое качество образования Завышенные требования Непривязанность к рабочему месту Гендерный стереотип (молодая семья, девушка уйдет в декрет)
Фокус-группа 3	
Коммуникабельность Активность Более быстрая адаптируемость к технологиям Обучаемость более быстрая Грамотность Внимательность (например, при работе с документами) Способность работать с большими объемами информации Креативность Желание развиваться	Молодые ничего не умеют Недисциплинированность Нетерпимость Вспыльчивость Наплевательское отношение (все равно как сделал, тят-ляп) Неответственность Равнодушное отношение к работе (только выполняет задание, никакой инициативы) Нежелание принимать решения, брать на себя ответственность
Фокус-группа 4	
Ответственность Готовность много работать (например, лишнюю смену) Исполнительность Умение обращаться с новыми технологиями Обучаемость	Стремление к деньгам, премиям Лень Плохая дисциплина Нежелание и неумение работать
Источник: стенограммы фокус-групповых исследований молодых специалистов, проведенных сотрудниками ВолНЦ РАН в сентябре-октябре 2017 г.	

Следует обратить внимание еще один аспект: и мнение молодежи о самих себе, и взгляд общества (с позиций косвенной оценки молодых специалистов) противоречивы. С одной стороны, речь идет о низком качестве образования, о том, что молодые люди ничего не умеют, с другой – об их грамотности и быстрой обучаемости. На «одном полюсе» – отсутствие опыта, «на другом» – нацеленность на получение опыта, желание развиваться. С одной стороны, среди черт называется неконфликтность, с другой – вспыльчивость и нетерпимость.

Схожие полярные суждения о молодом поколении получены, например, и в рамках еженедельного опроса граждан РФ ФОМнибус, проведенного в сентябре 2014 г. в 43 регионах РФ и охватившего 1500 респондентов. Выявлено, что респонденты отмечают взаимоисключающие качества молодых: образованные – глупые, всё познавшие – малоопытные, активные – ленивые. При этом большая часть россиян уверена в целеустремленности молодых людей, наличии у них жизненных целей (61%) и одновременно – в нежелании молодежи работать, плохой работе (47% случаев). Такие полярные оценки молодого поколения, как подчеркнуто в исследовании, не удивительны, поскольку имеют место поколенческие стереотипы (оптимисты ищут в молодежи доказательства того, что всё не так уж плохо, критики идеализируют себя в молодости и беспокоятся за будущее и др.). Кроме того, подобный «калейдоскоп мнений» встречается и у молодежи и в некоторой степени связан с дифференциацией данной группы населения по образованию, доходу и другим признакам²²⁸.

2. Стереотипное отношение к молодым специалистам

В отечественных исследованиях отмечается, что молодежь обладает значительным внутренним потенциалом, однако не имеет ни достаточного опыта его реализации, ни «системы защиты» от неблагоприятных социальных явлений²²⁹. По данным социологических исследований Фонда «Общественное мнение», 43% россиян считают, что сегодняшней молодежи сложнее реализовать себя, чем молодым людям конца 1980-х – начала 1990-х годов, что государство уделяет недостаточное внимание проблемам безработицы, платного образования, жилищному вопросу²³⁰;

²²⁸ Паутова Л. Противоречивая молодежь: казусы общественного мнения // Фонд Общественное мнение. Режим доступа: <http://fom.ru/blogs/11747>

²²⁹ Лига М.Б., Павлова Н.С., Щеткина И.А. Социальная безопасность молодежи: организационно-управленческое обеспечение. М.: Академия Естествознания, 2012. 158 с.

²³⁰ Легко или трудно живется молодым. Легко или сложно молодежи в нашей стране добиться успеха? [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». – Режим доступа: <http://fom.ru/TSennosti/11749>

60% молодежи соглашались с точкой зрения о том, что молодежи трудно добиться успеха в жизни и реализовать себя, в т.ч. и в связи с безработицей и бедностью²³¹. Подобное может не только снижать социальный и экономический потенциал общества, но и приводить к распространению общественной аномии²³². Следует сказать, что помимо объективных проблем, которые существуют в молодежной среде, можно выделить и субъективные, связанные с распространенностью тех или иных стереотипов, в т.ч. предвзятого отношения в обществе к исследуемой группе населения.

Среди примеров такого стереотипного отношения к молодым специалистам – отдельные высказывания, которые принадлежат сотрудникам кадровых агентств (так называемых HR'ов) и в которых находит отражение распространенный стереотип «молодой, значит...», обусловленный штатно-возрастными рамками (молодой специалист не может занимать перспективную позицию ранее 25 лет), успешным социальным портретом (молодая замужняя женщина без детей), стандартной «линейкой зарплат». Еще одно из типичных заблуждений может быть связано с тем, что молодых людей воспринимают как ищущих временную, а не постоянную работу. Эти и другие иллюстрации свидетельствуют о поверхностном и равнодушном отношении HR'ов к молодым кадрам. Тем не менее зачастую не учитывается тот факт, что рынок состоит не из вузовских выпускников разной степени подготовленности, а из амбициозных, креативных людей, направленных на реализацию накопленного потенциала²³³.

Принимая во внимание вышесказанное, заметим, что для нас было значимо определение того, как в обществе относятся к молодым специалистам. Результаты проведенных нами фокус-групповых исследований свидетельствуют об отсутствии однозначных позиций по этому вопросу – они демонстрируют как отрицательное, так и положительное отношение к молодежи.

Часть молодых специалистов подчеркивала распространенность негативных оценок [*Когда приходили на практику, женщина сидела на телефоне и все время ругалась, что мы молодые...* (ж, ВПО, 23); *У нас на практике девочка с пропуском проходила в Правительство, но при этом не*

²³¹ Молодежь о молодежи [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». Режим доступа: fom.ru/obraz-zhizni/12832

²³² Колпина Л.В., Реутов Е.В., Денищик А.Ю. Защита профсоюзами социально-экономических интересов молодежи: проблемы и ограничения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 147-162. (С. 149)

²³³ TOP-5 ошибок при подборе молодых специалистов [Электронный ресурс] // HR-Portal. Режим доступа: <http://hr-portal.ru/blog/top-5-oshibok-pri-podbore-molodyh-specialistov>

доходила до этажа, просто ходила и гуляла... На этом фоне сложилось отношение ко всему нашему курсу, сразу звонили и про всех уже говорили (ж, ВПО, 23); В целом отношение негативное, и если бы встал выбор между молодым сотрудником и «возрастным», то выбрали бы второго. Молодых специалистов работодатели рассматривают как дешевую рабочую силу, у которых меньше опыт и их можно нагрузить работой (м, ВПО, 24)].

Некоторые придерживались той позиции, что отношение к молодежи может изменяться – от позитивного, которое складывается в процессе обучения, до негативного, когда речь идет уже непосредственно о трудоустройстве и реализации своих качеств в труде [Когда устраивалась в процессе обучения, опыт был, и отношение было позитивное. Сейчас негативное, неопытная сейчас... (ж, ВПО, 24)]. Участники, настроенные положительно, отмечали, что хорошее отношение к молодым специалистам может быть обусловлено наличием качеств, которые представляют интерес для работодателя (харизматичность, коммуникабельность, оригинальность, самоорганизация) [Работал в четырех организациях, у руководителей были совершенно разные подходы, с некоторыми я до сих пор поддерживаю теплые, дружеские отношения (м, ВПО, 24)].

В ряде случаев говорилось, что следует принимать во внимание сферу деятельности, а также, например, величину компании [А какой работодатель, хотя бы сферу... в банках готовы обучать, даже если сотрудник молодой, в сфере образования посмотрят на уровень образования... я думаю, больше отрицательного, низкое образование у большинства молодежи (ж, ВПО, 25 лет); В нескольких местах работала, от сферы деятельности зависит... на одной работе принимали более молодых, потому что их можно переучить (ж, ВПО, 23); Я считаю, что скорее зависит от компании... работодателям выгодно принимать негативную позицию в отношении молодых, чтобы занизить их требования, однако крупные, успешные компании склонны принимать позитивную позицию (м, ВПО, 24 года)].

Кроме того, по мнению респондентов, взгляд на молодое поколение может различаться в зависимости от того, какая группа населения осуществляет оценку. Те, кто чаще соприкасается с молодыми кадрами, например работодатели, могут положительно их характеризовать, в то время как остальное население – отрицательно [Работодатели большей частью относятся со знаком плюс, а вот общество в равных долях... работодатель относится положительно, потому что образование и хорошие знания позволяют молодому специалисту действовать... (м, ВПО, 24 года); Те, кто в этой среде (в сфере занятости), больше видят позитив-

ного, а общество больше видит негативного, отсюда все мемы, что требуется молодой работник 20 лет с 30-летним стажем... это стереотипы (м, ВПО, 22 года)].

Среди факторов, которые оказывают влияние на восприятие молодого специалиста, – его личные характеристики и качества [Всё зависит от человека, от его интереса... если работодатель увидит интерес в глазах человека, что тот может трудиться, – положительно, если ты можешь сделать работу за них... то, что молодежь делает, не всегда может сделать старшее поколение (ж, ВПО, 22 года); Если человек работает, его опыт растет, знания и умения... я считаю положительно относятся (м, ВПО, 25)]. Одним из параметров, на который обращается внимание, являются межпоколенческие различия [Старшее поколение не всегда взаимодействует с молодыми специалистами, им не понятен их мир (м, ВПО, 24 года); Старшее поколение не всегда понимает специфику нашей работы, они могут завидовать молодежи, потому что молодежь делает то, что не всегда могут они (ж, ВПО, 22 года)].

Таким образом, можно говорить о том, что и по поводу оценки негативных и позитивных качеств молодых специалистов, и по поводу позитивного и негативного отношения к ним среди участвующих в фокус-групповых исследованиях не было единого мнения. Зачастую, наряду с высказыванием крайних позиций, подчеркивалось, что в данном вопросе следует учитывать факторы, которые могут оказывать влияние на отношение к молодым специалистам. Среди таких параметров назывались личные качества и характеристики, представляющие интерес для работодателя; группа населения, осуществляющая оценку (межпоколенческие различия); сфера деятельности, величина компании и другие.

Помимо вышеуказанных аспектов, связанных с неоднозначным отношением к молодым специалистам, необходимо отметить распространенность отдельных предубеждений или стереотипов относительно молодых специалистов. Во-первых, это стереотипы, связанные с возрастом. Среди отдельных иллюстраций действия подобных стереотипов следующие: «Раз ты молодой человек, значит ты непостоянный, ты можешь на другое место убежать»; «Если ты молодой, значит ты энергичный в любом случае, тебя можно переобучить... если высшего образования нет, значит идите...» (м, ВПО, 24). В данном случае принадлежавшим к группе «молодые специалисты» приписывались такие качества, как мобильность, высокая адаптивность, в т.ч. за счет обучаемости, которые, в ряде случаев, могли быть и не свойственны молодежи. Отдельно хотелось бы выделить

следующий пример: *«Российское общество – оно такое консервативное, эйджизм распространен... недавний пример – в Общественный совет при Департаменте природных ресурсов, подал заявку, пришел ответ: «Извините, мы Вас не берем, просто Вы молоды»... не посмотрели ни на образование, ни на личные качества, ни на научную деятельность, которой я занимался...»* (м, ВПО, 24). То есть ключевым параметром, который учитывался, был возраст, при этом работодатель не обратил внимания ни на уровень образования, ни на другие аспекты.

Помимо влияния возраста на мобильность и адаптивность, в ходе проведения фокус-групп отмечалось, что наличие данного признака накладывает отпечаток и на отношение к работе, возможность, связанную с занятием определенном должностью, с карьерным ростом [*Все думают, что вся молодежь направлена на то, чтобы ничего не делать и при этом получать огромные деньги* (ж, ВПО, 22 года); *Многие молодые люди хотят, ну как-то я не знаю, схалтурничать на работе, т.е. где-то, может быть, схитрить... молодо – зелено, легковверные, легкомысленные...; Если молодой человек занял должность начальника, то нижестоящие про него могут думать, что по знакомству, связи... не может быть молодой человек начальником* (м, ВПО, 22 года)]. Отметим также, что возрастные стереотипы приписывались не только молодежи, но и старшему поколению: *«Людей за 45 не берут на работу... не смотрят ни на те же грамоты, ни на стаж»*.

Другие стереотипы, которые получили распространение, связаны с гендерным признаком и с образованием. Для молодых девушек обозначалось следующее: *«Ты придешь, замуж выйдешь и в декрет уйдешь»*; для тех, у кого нет высшего образования: *«Если высшего образования нет, значит идите...»* (м, ВПО, 24). В научной литературе отмечается, что гендерные стереотипы не так безобидны, как это может показаться. Например, относительно женщин подчеркивается, что «женщина стремится, в соответствии со стереотипами, вначале завести семью, родить ребенка, а потом уже, освободившись, она готова принять участие...»²³⁴. Усиливает этот тезис следующее утверждение: «Представительница прекрасного пола в силу двойной занятости, обретая семью, быстро теряет свой темп в процессе социальной мобильности...»²³⁵. Т.е. работодатель, опираясь на такие расхожие представления, зачастую считает, что, вне зависимости от про-

²³⁴ Гендерные стереотипы в современной России / сост., общ. ред. И.Б. Назарова, Е.В. Лобза. М. : МАКС Пресс, 2007. 306 с.

²³⁵ Римашевская Н.М. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования. – М. : Наука, 2009. 272 с. (С. 23)

фессиональных характеристик, брать молодую женщину на работу, инвестировать в повышение ее квалификации просто не выгодно, поскольку она может уйти в декрет, и на поиски другого специалиста на ее место потребуются не только временные, но и финансовые затраты (дополнительные издержки на наем, обучение и адаптацию нового работника и др.). Еще одним признаком дискриминации становится образование работника в связи с расширяющейся доступностью высших уровней образования, что приводит к формированию нового стандарта найма на рабочие места. При этом высшее образование рассматривается уже не столько как свидетельство обладания профессиональными знаниями, умениями и навыками, сколько как характеристика культурного уровня человека, как показатель социальной адаптированности и самодисциплины. Подобная практика найма дискриминирует работника тем сильнее, чем больше разрыв между качествами, необходимыми для получения образования, с одной стороны, и выполнения работы – с другой²³⁶.

3. Сильные и слабые стороны, способствующие и препятствующие трудоустройству молодых специалистов

Как уже было показано ранее, на распространенность в обществе тех или иных стереотипов относительно молодежи влияют характеристики этой группы населения. При этом следует учитывать позицию не только работников, но и работодателей. Что касается последних, то отметим, что, например, согласно данным опроса Центра тестирования и развития «Гуманитарные технологии» в МГУ в 2010 г. требования работодателей сводились к наличию у молодых специалистов хороших знаний в своей области, опыта работы, готовности к переквалификации и работе вне зависимости от уровня зарплаты. Среди нежелательных качеств молодых специалистов назывались лень, повышенная агрессивность и конфликтность, пассивность, безынициативность и т.п. В исследованиях НИУ ВШЭ, основанных на данных регулярного общероссийского опроса работодателей шести секторов экономики, показано, что при приеме на работу работодатели обращали внимание не столько на диплом, сколько на наличие соответствующего опыта работы, а также личных качеств и способностей. Большинство работодателей были скорее удовлетворены социальными навыками выпускников учреждений ВПО и СПО, их уровнем интереса к работе, умением организовывать свою деятельность. Тем не менее

²³⁶ Стукен Т. Дискриминация при трудоустройстве причины проблемы пути решения [Электронный ресурс] // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2007. № 11. Режим доступа: <http://www.hr-portal.ru/article/diskriminaciya-pri-trudoustroystve-prichiny-problemy-puti-resheniya>

претензии вызывали нехватка умения анализировать и решать рабочие задачи в нестандартных ситуациях, недостаточность опыта работы²³⁷.

По мнению самих молодых специалистов, среди основных причин, сдерживающих их эффективное трудоустройство, – завышенная оценка своего квалификационного уровня, отсутствие навыков самоопределения на рынке труда, отсутствие заинтересованности профессиональных образовательных организаций в трудоустройстве выпускников, ориентация кадровой политики российских организаций на достижение текущих результатов, а не на перспективное развитие, отсутствие взаимосвязи между рынком труда и рынком образовательных услуг²³⁸. Обобщая, можно сказать, что причины, препятствующие эффективному трудоустройству и реализации накопленного потенциала, кроются как в институциональных особенностях, связанных с рассогласованием рынка труда и системы образования, так и в недостатке отдельных качеств (умение работать в нестандартных ситуациях, недостаток опыта работы, безынициативность, конфликтность и др.).

Схожие результаты получены нами в ходе проведения фокус-групповых исследований. Среди своих слабых сторон молодые специалисты называли несоответствие рабочего места своим ожиданиям (например, по величине заработной платы, несоответствие интереса и вакансии) и ожиданиям работодателя, отсутствие профессиональных навыков, опыта карьерного роста, склонности к саморазвитию. Практически во всех фокус-группах в качестве одного из препятствий к трудоустройству указывался негативный прошлый опыт, который связан с отсутствием карьерного роста, отрицательными оценками со стороны прежнего работодателя. Формирование стереотипов обусловливается наличием подобного опыта, повторением на практике ситуаций, которые сопровождаются появлением у молодых специалистов неуверенности в себе на собеседовании, особенно в том случае, когда «пустое резюме». Иногда можно говорить о формировании страха, связанного с несоответствием ожиданиям работодателя.

В качестве позитивных качеств для трудоустройства во всех фокус-группах молодыми специалистами называлось образование, в т.ч. знание специальности, профессиональные и непрофессиональные навыки,

²³⁷ Оценка общеэкономических условий на предприятиях и спроса на рабочую силу [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. Режим доступа: <https://memo.hse.ru/data/2017/01/19/1113912005/ИБ%20МЭО%20№98%2009-2016.pdf>

²³⁸ Проблемы трудоустройства молодых специалистов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ассоциации молодых специалистов. – Режим доступа: <http://asmol.ru/?id=8&page=mms>

обучаемость. Помимо этого подчеркивались наличие навыков самопрезентации, умение находить и анализировать информацию, способности заводить связи и выбирать друзей. В некоторых случаях молодыми специалистами обращалось внимание на необходимость таких качеств, как коммуникабельность и умение договариваться, целеустремленность, ответственность, самостоятельность в принятии решений (табл. 5.16).

Таблица 5.16. **Сильные и слабые стороны, способствующие и препятствующие трудоустройству молодых специалистов**

Сильные стороны	Слабые стороны
Фокус-группа 1	
Красный диплом [хорошее образование] Знание иностранных языков Разносторонняя развитость Опыт общественной деятельности Готовность к командировкам [мобильность] Наличие собственных проектов [реализованных; жизненный опыт] Связи Практический опыт Уметь себя подать	Негативный прошлый опыт [во время учебы работал продавцом или официантом, потом приходит в солидную компанию, а опыт тот... ты только что работал грузчиком, а уже хочешь идти в директоры] Отсутствие интереса [если ты хочешь конкретно что-то определенное и вот ждешь и ждешь; отсутствие подходящего места работы; несоответствие интереса и вакансии] Географическое расположение места работы [удаленность желаемого места работы; боязнь смены места жительства] Когда работодатель предыдущий дает характеристику, не очень хорошую оценку [отрицательная оценка со стороны предыдущего работодателя] Несоответствие Вашим ожиданиям; несоответствие предлагаемой заработной платы твоим желаниям Недоверие вакансиям, которые предлагаются [слишком большая зарплата за такую простую работу] Не хочется платить налоги за доходы [т.е. могу и в тени побыть; официальное место Вас скорее всего не очень интересует; скорее всего трудоустройство в неформальный сектор] Несоответствие ожиданиям работодателя [есть такой страх, что придешь, а тебе скажут «зачем ты пришел», Вы нам не подходите, и когда эта ситуация повторяется, это накладывает отпечаток, периодически в твоей голове всплывает] Негативный опыт трудоустройства
Фокус-группа 2	
Навыки профессиональные и непрофессиональные навыки (софт скилс) [сопутствующие навыки, типа навыков общения, самопрезентации] Согласиться сейчас на чуть меньшее, чтобы потом получить чуть больше Связи Доступ к информации, информативность (например, при трудоустройстве) Целеустремленность Самопрезентация Умение выбирать друзей	Опыта мало Страх менять «шило на мыло» Негативный опыт [и уже ты не веришь, что может быть как-то по-другому – К.А.] Отсутствие профессиональных навыков Низкий престиж образования Неуверенность в себе (навыки самопрезентации) [резюме практически пустое, нечего рассказать о себе, на собеседовании не так уверенно себя чувствуешь] Отсутствие опыта карьерного роста [должен быть опыт работы на одном месте несколько лет, приподнятые по обязанностям]

Окончание таблицы 5.16

Сильные стороны	Слабые стороны
Фокус-группа 3	
Знание специальности Обучаемость Коммуникативность Ответственность Умение поиска информации и применения Принимать самостоятельно важные решения Хитрость Горящие глаза, удача Эмпатия (сопереживание) Умение договариваться, особенно с начальником Хорошие отзывы с предыдущего места работы	Неуверенность в себе Лень (откладывание до последнего момента) Плохая репутация (когда узнают, наводят справки с предыдущего места работы) Нежелание себя изменить, поработать над собой Обидчивость
Фокус-группа 4	
Образование Большое желание заработать Молодость (но работает не всегда) Ответственность Целеустремленность	Лень Возраст Боязнь взять ответственность на себя Отсутствие здоровья Боязнь, что у тебя не получится
Источник: стенограммы фокус-групповых исследований молодых специалистов, проведенных сотрудниками ВолНЦ РАН в сентябре-октябре 2017 г.	

4. Каналы поиска работы: доверие к ним и оценка молодыми специалистами эффективности данных способов трудоустройства

Данная проблематика поднималась в отечественных исследованиях, в частности, можно отметить несколько работ начала 2000-х гг., в которых был проведен сравнительный анализ обращения в ГСЗ и негосударственные агентства²³⁹, исследовалась роль социальных сетей в процессе поиска работы в условиях современного российского рынка труда²⁴⁰, определялись факторы, влияющие на выбор способов трудоустройства²⁴¹. Тем не менее, несмотря на рост интереса к данному вопросу, в научной литературе отмечается, что довольно часто внимание акцентируется на исследовании различных аспектов трудоустройства безработных, в то время как проблемы поиска нового места работы еще занятым населением анализируется реже.

Трудоустройство молодых специалистов может осуществляться с использованием разных каналов, как формальных, так и неформальных.

²³⁹ Государственные и частные службы занятости на рынке труда: Исследование эффективности формальных посредников при трудоустройстве / под ред. В. Кабаиной, И. Козиной. М. : РОССПЭН, 2000. 173 с.

²⁴⁰ Якубович В. Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М. : РОССПЭН, 2002. С. 210-248.

²⁴¹ Матвеев В.Д., Савельев П.А. Стратегии поиска работы на российском рынке труда и роль государственной службы занятости. СПб., 2003. 37 с.

Среди наиболее распространенных – обращение в службу занятости населения, в кадровые агентства, непосредственно в организацию, использование помощи друзей и родственников, размещение объявлений в СМИ, в сети Интернет. При этом отметим, что у каждого канала поиска работы есть и свои преимущества, и свои недостатки. Преимуществом трудоустройства посредством службы занятости являются малые затраты средств и возможность получения пособия по безработице. Данный способ эффективен прежде всего для рабочих, поскольку структура вакансий смещена в пользу этих специальностей. Один из недостатков связан с затратами времени на посещение центров занятости и беседы с консультантами. Неформальным способом поиска работы является обращение к друзьям и знакомым. С одной стороны, его использование общедоступно, позволяет задействовать неформальные сети и связи, предполагает незначительные затраты времени и средств, определенную степень гарантированности трудоустройства²⁴². С другой стороны, эффективность социальных связей зависит от экономической ситуации, от профессионального и служебного положения, которое занимают знакомые и друзья. В связи с этим ухудшение экономического положения может снижать ценность этого канала трудоустройства²⁴³.

В рамках проводимых нами фокус-групповых исследований также поднимались вопросы использования различных каналов трудоустройства и их эффективности. Несмотря на различие жизненных обстоятельств молодых людей, индивидуальных стратегий трудоустройства, можно выделить общие черты поведения молодежи на рынке труда. Как показали фокус-групповые исследования, наиболее распространенным каналом трудоустройства является поиск работы через родственников и знакомых, что в ряде случаев объясняется большим доверием ему [*Работала раньше по совету свекрови, можно сказать, больше так я никого не слушала, сама по себе, через друзей нашла* (ж, ВПО, 23); *У меня связи... друзья, знакомые, удача* (ж, ВПО, 22 года); *Четверо из нас нашли работу через друзей, поскольку какая-то меньшая вероятность обмана, меньшая вероятность, что придется заниматься тем, о чём тебя не предупреждали* (м, ВПО, 24 года)]. Однако, как подчеркивали молодые люди, это накла-

²⁴² Козина И.М. Реструктурирование рынка труда и каналы мобильности // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России / под ред. В. Кабапиной, С. Кларка. М. : РОССПЭН, 1999. С. 172-200.

²⁴³ Рошин С.Ю., Маркова К.В. Выбор каналов поиска работы на российском рынке труда. М. : EERC, 2004. 66 с. (С. 11-12)

дывает определенную ответственность перед тем, кто тебя порекомендовал [*Иногда, если ты устраиваешься по связям, то нужно быть готовым, чтобы не подвести того человека, который тебя выдвигает на ту или иную должность* (ж, ВПО, 22 года)]. Несмотря на это, использование связей, поиск рабочего места через родственников и знакомых является по оценкам молодых специалистов и одним из самых эффективных [*Самый эффективный – связи, быстрее всех можно устроиться по знакомству...* (м, ВПО, 24 года); *Дак связи...* (м, ВПО, 22 года); *Я тоже считаю, что связи...*]. Однако другие участники придерживаются позиции об одинаковой эффективности практически всех каналов трудоустройства [*Не считаю, что одни эффективнее других* (ж, ВПО, 22 года); *Мне кажется, что все способы одинаковы... все вполне эффективны* (ж, ВПО, 22 года)].

Довольно много комментариев в молодежной среде было высказано и относительно использования формальных способов трудоустройства, например центров занятости населения. Показано, что от обращения в них молодежь сдерживает неоперативность их деятельности, бюрократизм, предложение вакансий, которые не соответствуют запросам [*Оперативнее через сайты получается, поиск локальный, адресный* (ж, ВПО, 23); *Я хотела туда пойти, посмотреть... сказали, что туда нужно очень много бумаг собрать, и в принципе это очень сложно* (ж, ВПО, 24); *Там они все-таки больше места работы для инвалидов предлагают, больше рабочие профессии (сварщик, столяр)* (м, ВПО, 24)].

Некоторые высказывания молодых людей относительно деятельности центра занятости могут свидетельствовать о существовании у них стереотипов, поскольку, даже не прибегая к услугам по трудоустройству данного института рынка труда, молодежь уже имеет некоторые предубеждения по поводу его функционирования [*Есть стереотипное что-то такое... было не модно туда идти, даже как-то не распространено среди моих знакомых... были мысли сходить туда, но мне сказали, что там предложат то же самое, что и на сайтах; ты зависишь все время от этого центра занятости... излишняя забота – она пугает, излишняя забота – значит, отдача должна быть, ответственность* (м, ВПО, 24)]. Формирование стереотипов относительно центра занятости может быть связано и с негативным опытом трудоустройства среди родственников, который накладывает отпечаток на принятие решений о трудоустройстве [*Есть негативный опыт родных, и, действительно, та работа, которую там предлагают, она очень тяжелая и, так скажем, не по статусу* (ж, ВПО, 25 года)].

Представления об эффективности рассматриваемого института рынка труда в основном также носят стереотипный характер, подобное отношение к этому способу трудоустройства возникает у молодых специалистов даже без обращения в центр занятости [*Менее эффективно, конечно, через центр занятости... я на самом деле им не пользовался, у меня сложилось такое представление... через государственную структуру найти работу гораздо сложнее, которая тебя устроит... за ту зарплату, которую ты хочешь, потому что там есть определенный минимум по различным позициям в зависимости от того, устраиваешься после вуза или ты уже сколько-нибудь отработал (м, ВПО, 24 года); Кадровые службы вроде бы эффективны, а вот центр занятости, как мне рассказывали... там вроде предлагают три вакансии по специальности, ты имеешь права отказываться, а потом уже не имеешь право отказываться (м, ВПО, 22 года)]].*

Еще одним активно применяемым способом трудоустройства молодых специалистов является использование интернета, подача резюме через сайты, в данном случае молодых специалистов привлекает разнообразие предложений, оперативность поиска [*Сайты поиска работы, потому что их много... там проще отсеивать ненужное, подходишь под вакансию – звонишь, узнаешь (ж, ВПО, 24); Ищу через сайты... ты хочешь в конкретный департамент, на сайте этого департамента ищешь вакансии и там рассматриваешь (ж, ВПО, 23); Посмотрела объявление на государственном портале услуг и нашла аспирантуру, и вот я младший научный сотрудник (ж, ВПО, 22 года); Я посмотрела объявление в Интернете, два дня искала работу... (ж, ВПО, 22 года)]].*

Другой канал трудоустройства связан с предварительным обучением, прохождением стажировки в данном месте [*Я преподаю в школе, я училась в этой школе, меня там знают... проходила в школе практику, меня позвали на работу (ж, ВПО, 25 года); У серьезных фирм есть свои программы обучения, за ним последующая стажировка, бывает сразу программа для молодых специалистов... (м, ВПО, 24); Устроился сюда, когда пришел на практику летнюю... он пришел, сказал, что набирает студентов на практику, я пришел и остался здесь (м, ВПО, 25); Я закончил учебу, работал и сам решил открыть дело (м, ВПО, 24 года)]].* Использование данного способа предполагает, с одной стороны, демонстрацию работодателю на практике своей готовности к переобучению, повышению квалификации, что в дальнейшем может создавать предпосылки для трудоустройства, помимо этого появляется возможность узнать больше о рабочем месте и принять решение о соответствии своих интересов целям деятельности организации.

5. Направления по решению проблем в сфере труда и занятости

Как уже было показано выше, одна из основных проблем, на которую обращали внимание молодые специалисты, – это рассогласование между образовательной системой и рынком труда. Подобная точка зрения проявлялась, например, в их ответах относительно качеств, способствующих и препятствующих трудоустройству, а также при обозначении направлений по решению проблем в сфере занятости. При этом молодые люди делали акцент, с одной стороны, на образовательной системе, подчеркивая необходимость практико-ориентированного обучения, с другой стороны, – на сфере занятости.

Относительно первого отмечалась необходимость увеличения доступности образования, возможностей для совмещения работы и учебы, практической направленности образовательного процесса [*Дадим доступное образование, больше бюджетных мест, будет спрос на данную должность, конкуренция будет, и отбор хороший* (ж, ВПО, 25 года); *Вот ты работаешь... хочешь еще и учиться одновременно...* (ж, ВПО, 23); *Большой отрыв образования от практики... нужны программы, в которых будут представители от бизнеса, от производства... приглашенные лекторы...* (м, ВПО, 24); *Нужно, чтобы практика была уже сразу привязана к вашему месту работы... в том числе и за счет создания базовых кафедр* (м, ВПО, 24)]. Молодыми специалистами подчеркивалась необходимость разработки федеральных стандартов, предполагающих увеличение практической составляющей образовательного процесса, повышение качества прохождения молодежью практики, немаловажное значение придавалось формированию заинтересованности молодых людей в прохождении стажировок, в т.ч. за рубежом.

Относительно второго – поднимались вопросы не только о спросе на труд, об условиях труда, но и повышении материального благосостояния и уровня жизни молодых специалистов (в последнем случае через регулирование минимального размера оплаты труда) [*Провести качественный, глубокий анализ среди конкретных отраслей либо направленностей, выявить спрос на труд...* (м, ВПО, 24); *Развивать производство, не банкротить все подряд* (ж, ВПО, 23); *Гибкий график... развитие гибких форм занятости; прозрачные условия работы... оговаривают четкие условия карьерного роста... могут предложить высокую зарплату; нужно найти средства, дотации, субвенции для повышения минимального размера оплаты труда* (м, ВПО, 24)]. Речь шла о расширении форм занятости в части, например, удаленного труда, о поддержке работодателей,

нанимающих на работу молодых специалистов. Но основной акцент был сделан на необходимости налаживания диалога между работодателем и соискателем, между работодателем и учебными заведениями [*Работодатель может приходить в вуз или другую образовательную организацию и узнавать у преподавателей личное мнение... была ситуация, когда в Русском доме выступали с дипломами, и девочке сразу предложили работу* (ж, ВПО, 24); *Возможность создания каких-то образовательных, практико-ориентированных полигонов в системе «вуз–предприятие»* (м, ВПО, 24)]. В проведенных нами фокус-групповых исследованиях молодежь отмечала необходимость улучшения информационного обеспечения процесса трудоустройства (в частности, речь шла об осуществлении рекламы вакансий), поскольку это один из способов снижения информационной асимметрии на рынке труда [*Больше информированности молодежи о том, где искать место работы, чтобы молодежь знала, к какому сайту можно смело обращаться...; По-моему, на ярмарках вакансий часто одни и те же организации, нужно расширить их*].

Обозначенные выше проблемы, связанные с рассогласованием образовательной системы и рынка труда, приводятся и в различных исследованиях. В частности, отмечается, что для России и переходных экономик (Чехия, Венгрия, Румыния, Словения, Сербия, Польша, Словакия, Хорватия) характерны проблемы, которые проявляются, например, в трудностях поиска и привлечения выпускников, обладающих необходимым уровнем навыков. Обращается внимание на то, что существующие рассогласования образовательной системы и рынка труда могут быть следствием проблем в образовательной системе (ранняя специализация, «узость» учебных планов на определенных навыках и компетенциях, негибкость и неадаптивность учебных систем к потребностям рынка труда). В связи с этим ключевыми требованиями управления системой образования в европейских странах и в России выступают поддержка непрерывного взаимодействия между системой образования и рынком труда, формирование учебных планов с учетом участия всех заинтересованных лиц (образовательных учреждений, работодателей), высокое качество преподавания и высокий уровень финансирования образовательного процесса (сочетание бюджетного и частного инвестирования)²⁴⁴.

Обращается внимание на отдельные особенности рынков труда разных стран, отражающиеся и на некоторых образовательных аспектах.

²⁴⁴ Roadmap to Vocational Education and Training Systems Around the World / W. Eichhorst, N. Rodríguez-Planas, R. Schmidl, K. Zimmermann. Bonn : IZA, 2012. 43 p.

Например, в южноевропейских странах (Испания, Португалия, Италия, Греция, Франция) наблюдается глубокая сегментация на рынке труда (между рабочими местами с постоянными и срочными контрактами), сопровождающаяся трудностями в процессе поиска работы, в т.ч. на условиях стабильной занятости. В этих странах для работодателей характерен низкий интерес к курсам переподготовки и повышения квалификации (Cedefop, 2010), незначительный объем финансирования программ молодежной занятости, низкий уровень эффективности затрат по программам временной занятости в Испании, Италии и во Франции.

Интересен опыт США, который связан с децентрализацией в регулировании трудовой сферы, с расширением полномочий институтов трудовых отношений, увеличением охвата населения предоставляемыми услугами [молодые люди, находящиеся в трудном жизненном положении (табл. 5.17); работники, сокращенные вследствие ликвидации предприятия и др.], ростом количества применяемых инструментов регулирования (помимо фондов и различных комитетов появились гранты).

Таблица 5.17. Инструменты, применяемые в США для улучшения социально-экономического положения молодых людей, находящихся в трудной жизненной ситуации

Инструмент	Характеристика
The Manpower Development Training Act (MDTA), 1962-1973	Направлены на повышение профессионального уровня молодых людей посредством обучения в течение одного года в центрах по всей стране. При условии, что обучение осуществлялось на местном уровне, на эти цели выделялись федеральные средства.
The Comprehensive Employment and Training Act (CETA), 1974-1984	Происходила децентрализация (передача полномочий по профессиональному обучению и занятости с федерального уровня на локальный – местным консультативным комитетам), уровень занятости среди взрослых и молодых людей, находящихся в трудном материальном положении (тех, кому была адресована эта программа), финансирование на реализацию программы было увеличено.
The Job Training Partnership Act (JTPA), 1984-1999	Местные консультативные комитеты были заменены частными промышленными советами (PIC), эти преобразования привели к сокращению отдельных видов занятости (общественные работы летом для молодежи). Был создан фонд по производственному обучению молодежи, взрослых и вынужденно сокращенных вследствие ликвидации предприятий. Обучение способствовало трудоустройству на рабочие места по разным направлениям.
The Workforce Investment Act (WIA), 1999	Отдача от обучения была довольно значительной (особенно в том случае, когда обучающиеся получали свидетельство об обучении или степень; Lerman, 2007). Помимо материальных выгод обучение сопровождалось и положительными социальными последствиями – ростом уровня занятости (Riccio et al. 1994).
Составлено по: Holzer H. Workforce Development as an Antipoverty Strategy: What Do We Know? What Should We Do?. Bonn : IZA, 2008. 40 p.	

Подобные изменения сопровождались не только положительными социальными и экономическими изменениями, связанными с расширением направлений подготовки, ростом отдачи от образования и повышения квалификации, но и увеличением уровня занятости. Однако наряду с этим сохранялись и нерешенные проблемы, среди которых *«негибкость» некоторых финансовых инструментов* (финансирование за счет грантов обучения преимущественно в аккредитованных колледжах, а не на краткосрочных курсах), *невысокий уровень финансирования программ обучения и развития рабочей силы* (0,1% ВВП, что ниже, чем в ряде индустриальных стран), *нецелевое расходование средств* (в ряде случаев направление средств, предназначенных для улучшения положения людей, находящихся в трудной материальной ситуации, другим группам населения). С учетом этого предусматривалось увеличение финансирования грантов (финансирование обучения в большей части колледжей), программ для молодых людей с низким уровнем дохода, а также рост вложений, направленных на переобучение и повышение квалификации взрослых²⁴⁵.

Многие из рассмотренных выше проблем получили распространение и в ближневосточных государствах (Тунис, Египет, Иордания, Ливан): например, *рассогласование между системой образования и рынком труда*, проявляющееся в невостребованности навыков, сформированных в образовательной системе, работодателями²⁴⁶; *низкая мотивация участников образовательного процесса к повышению своего профессионального уровня*; *недостаточное финансирование центров по переобучению и повышению квалификации* (за счет отчислений населения в бюджет, что позволяет покрывать лишь административные расходы в Египте, Тунисе, Иордании). Поэтому в ряде случаев можно говорить об универсальном характере проблем, связанных с рассогласованием образовательной системы и рынка труда, их возникновении в странах с разным уровнем социально-экономического развития.

Обобщая, отметим следующее: результаты проведенных фокус-групповых исследований свидетельствуют о формировании в обществе противоречивого отношения к молодым специалистам. Это выражается не только в том, как они воспринимаются, но и в том, какие качества им

²⁴⁵ Holzer H. Workforce Development as an Antipoverty Strategy: What Do We Know? What Should We Do?. – Bonn : IZA, 2008. – 40 p.

²⁴⁶ В Египте при сотрудничестве с ЕС в период 2005–2013 гг. осуществлялась программа реформ в области повышения квалификации и профессиональной подготовки. Главное ее назначение состояло в обеспечении взаимосвязи между системой образования и рынком труда.

приписываются. С одной стороны, речь идет о положительных чертах, связанных с образованием, трудолюбием, энергичностью, амбициозностью и творческим подходом к делу. С другой стороны, об отсутствии определенных навыков, переоценке (недооценке) своих сил и возможностей, несерьезности, недисциплинированности и пр. В научной литературе полярность суждений относительно молодежи и ее качеств объясняется как различиями внутри самой этой группы населения (по образованию, доходу и другим признакам), так и наличием поколенческих стереотипов (оптимисты ищут в молодежи доказательства того, что всё не так уж плохо, критики идеализируют себя в молодости и беспокоятся за будущее и др.).

Склонность молодых специалистов к формированию стереотипов в рамках фокус-групповых исследований была показана неоднократно. Это проявилось в ситуации, когда должен быть продемонстрирован не только взгляд молодежи на преимущества и недостатки молодых специалистов, но и косвенно, через молодежь, – взгляд общества. Было установлено, что вне зависимости от того, исходили ли оценки от самой молодежи или от общества (через молодежь), различий в выделенных качествах молодых специалистов нет. Иллюстрацией этого является тот факт, что как в первом, так и во втором случае среди положительных черт назывались грамотность, активность, адаптируемость, а среди отрицательных – завышенные требования, отсутствие опыта, безответственное, равнодушное отношение к работе. Подобную ситуацию можно рассматривать в качестве свидетельства того, что молодые специалисты распространяют свой взгляд и на остальные слои населения, приписывая им свою точку зрения.

Один из стереотипов, который нашел проявление в ответах молодых людей, – возраст. Наличие такого предубеждения, с одной стороны, обуславливает приписывание молодежи определенных качеств, которые могут быть им не свойственны (например, мобильность, адаптивность, высокая обучаемость и др.), с другой стороны, отражает отношение к данной группе населения, сказываясь на возможностях карьерного роста, должностного продвижения. В ряде случаев возраст становится ключевым критерием, на который обращает внимание работодатель при трудоустройстве молодого специалиста, не учитывая ни образовательный уровень, ни научную и общественную активность соискателя. Другим параметром, вызывающим формирование стереотипного отношения к молодому специалисту, выступает образовательный уровень. Отсутствие высшего образования зачастую оказывает негативное влияние на при-

нятие работодателем решения о трудоустройстве молодого специалиста. При этом подобная практика найма дискриминирует работника тем сильнее, чем больше разрыв между качествами, необходимыми для получения образования, с одной стороны, и выполнения работы – с другой. Еще один из стереотипов, который был выявлен в исследовании, – негативный прошлый опыт трудоустройства как одно из отрицательных качеств, препятствующих поиску работы молодыми специалистами. Формирование стереотипа связано не только с единовременным возникновением такой ситуации, но и с ее повторяемостью, формированием у молодежи неуверенности в себе, в ряде случаев появлением даже страха, вызванного с прогнозируемым несоответствием ожиданиям работодателя.

Следует отметить, что помимо стереотипов, которые так или иначе обусловлены индивидуальными характеристиками данной группы населения, в молодежной среде имеют место и предубеждения относительно обращения к отдельным каналам трудоустройства, а также их эффективности. Результаты обсуждений в фокус-группах свидетельствуют о том, что, даже не прибегая к услугам центра занятости населения, молодые специалисты, ориентируясь на опыт родственников и знакомых, уже сформировали предубеждения о данном канале трудоустройства, связанные с неоперативностью деятельности, бюрократизмом, предложением вакансий, не соответствующих запросам и др. Аналогичное стереотипное представление сложилось и об эффективности деятельности данного института рынка труда. В работе показано, что наибольшее доверие у молодых специалистов вызывают неформальные способы трудоустройства, обращение за содействием в поиске работы к ближнему окружению (к родственникам и знакомым). В этом случае большее доверие к данному каналу по сравнению с остальными обусловлено, с одной стороны, вероятностью гарантированного трудоустройства, с другой – тем, что не будет «обмана» относительно условий трудоустройства (например, режима работы, выполняемых должностных обязанностей, уровня заработной платы и др.). Кроме того, установлено, что к действенным способам трудоустройства молодых специалистов относится и прохождение стажировки или предварительного обучения на рабочем месте. При этом появляется возможность не только собрать информацию относительно предполагаемого места работы, но и понять, насколько оно соответствует запросам, и в то же время сделать предварительный вывод о своем соответствии требованиям работодателя. Получается, что чем выше вероятность взаимодействия с потенциальным работодателем либо напрямую (через непо-

средственное обращение, например путем прохождения стажировки), либо опосредованно (через родственников и знакомых), тем выше доверие к данному способу трудоустройства и оценка его эффективности.

Как определено в исследовании, наряду со стереотипным отношением к молодым специалистам одной из значимых проблем их трудоустройства является рассогласование между образовательной системой и рынком труда. Отдельные аспекты данного вопроса находят отражение, когда речь идет о выделении качеств молодежи, способствующих и препятствующих трудоустройству (например, завышенные требования, низкое качество образования, недооценка/переоценка своих знаний и умений и др.), а также направлений по преодолению проблем в сфере молодежной занятости. Среди некоторых аспектов молодыми специалистами назывались увеличение доступности образования, практической направленности образовательного процесса, повышение качества прохождения молодыми людьми практики, формирование у них заинтересованности в стажировке, расширении форм занятости.

ГЛАВА 6

МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ УЯЗВИМОСТИ В КОНТЕКСТЕ СЛОЖИВШЕЙСЯ МИРОВОЙ ПРАКТИКИ

6.1. Механизмы инклюзии пожилых людей

В эпоху глобального демографического старения подавляющее большинство развитых и развивающихся стран (в том числе и Россия) вынуждены перестраивать свою политику с учетом возможных негативных последствий данного явления. Перед стареющими государствами возникает важная задача по обеспечению достойного уровня и качества жизни неуклонно увеличивающейся социально-демографической группы пожилых людей.

Мировая общественность отреагировала на этот вызов созданием нормативных документов, регулирующих многие аспекты качества жизни старшего поколения:

- Международный (Венский) план действий по проблемам старения (1982);
- Принципы ООН в отношении пожилых людей (1992);
- Декларация ООН по проблемам старения, утвержденная Резолюцией 47/5 от 16 октября 1992 г.;
- Мадридский международный план действий по проблемам старения (2002).

Каждый из представленных документов преследовал цель по включению обсуждения проблем старения населения в международные дискуссии по вопросам развития и мероприятий по реализации национальных стратегий, отвечающих задаче построения общества для людей всех возрастов. Эти документы представляют собой набор рекомендаций по обеспечению достойного качества жизни пожилых людей, их повторной

интеграции в общественное пространство, а также реализации ресурсного потенциала данной группы населения. Главной же идеей документов можно назвать следующее: необходимо комплексное совершенствование социальной политики в интересах пожилых людей на всех уровнях управления. Ключевым моментом является тот факт, что все декларируемые ООН положения носят исключительно рекомендательный характер и не устанавливают жестких стандартов. Все конкретные нормативно-правовые акты и сопутствующие им документы принимаются на уровне отдельных государств.

Социальное обеспечение пожилых граждан в России гарантировано государством и отражено в главе 1 статьи 39 Конституции Российской Федерации в следующей трактовке: «Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом». Согласно главе 2 той же статьи, государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом. Пенсионное законодательство Российской Федерации достаточно объемно. К числу основных законов можно отнести следующие: № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»²⁴⁷, № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»²⁴⁸, № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»²⁴⁹. В России государство является гарантом поддержания экономического положения пожилых людей выше черты бедности. В частности, согласно Федеральному закону от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», пенсионерам, размер пенсионного пособия которых не достигает величины прожиточного минимума, устанавливается ежемесячная социальная доплата до необходимого уровня.

Трудовая занятость старшего поколения также регулируется перечнем нормативно-правовых актов. Согласно главе 2 статьи 37 Конституции Российской Федерации каждый гражданин имеет право «...свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и

²⁴⁷ О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ // Справочно-поисковая система Консультант-Плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

²⁴⁸ О страховых пенсиях [Электронный ресурс] : федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

²⁴⁹ Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ // Справочно-поисковая система Консультант-Плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

профессию», а также «...на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации...»²⁵⁰. Статья 3 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) «Запрещение дискриминации в сфере труда» декларирует, что гражданин РФ может получить отказ в приеме на работу только по обстоятельствам, связанным с деловыми качествами работника²⁵¹. В статье 63 ТК РФ указывается возраст, с которого допускается заключение трудового договора, однако верхняя граница (предельный возраст) – отсутствует²⁵². В то же время существует ряд профессий, для которых установлен предельный возраст пребывания на определенной должности (например, для руководителей на государственной гражданской службе этот срок составляет 70 лет). Опираясь на вышесказанное, можно утверждать, что российское законодательство защищает права пожилых людей на осуществление трудовой деятельности и не допускает проявлений возрастной дискриминации.

Одна из наиболее важных институциональных характеристик занятости пожилых людей в России – возможность трудиться после выхода на пенсию, продолжая получать пенсионное пособие по старости (статья 21 Закона 400-ФЗ «О страховых пенсиях»²⁵³). Данная мера дает возможность частично перекрывать низкий размер пенсии по старости, коэффициент замещения которой по отношению к средней заработной плате в России составляет 35% (например, в Нидерландах – 94%, в Исландии – 82%). Однако постепенно появляются некоторые законодательные ограничения по аналогии с развитыми странами. Примером может послужить введенное государством ограничение на выплату пенсий по старости гражданам, чей ежемесячный доход превышает 80 тыс. рублей, а также принятие Федерального закона²⁵⁴ № 385-ФЗ.

²⁵⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс] : по состоянию на 1 июля 2018 года // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

²⁵¹ Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : по состоянию на 5 февраля 2018 года // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

²⁵² Там же.

²⁵³ О страховых пенсиях [Электронный ресурс] : федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

²⁵⁴ О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий [Электронный ресурс] : федеральный закон от 29.12.2015 № 285-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

В Российской Федерации все больше осознается тот факт, что в условиях низкой рождаемости интенсивность старения населения будет нарастать. На самом высоком уровне эту проблему затронул Президент РФ В.В. Путин, поручивший разработать стратегию совместных действий в интересах пожилых людей, для того чтобы выход на пенсию не снижал социальный статус, а давал дополнительные возможности для активной полноценной жизни. Он подчеркнул, что ключевой задачей является решение проблем занятости и что это важно как для повышения доходов людей пенсионного возраста, так и для поддержания в них чувства востребованности. Президент добавил, что нужны механизмы повторной интеграции в профессию, программа переобучения востребованным на рынке труда специальностям и другое²⁵⁵.

Как итог, Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации была разработана «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» (далее – Стратегия)²⁵⁶. Стратегия направлена на решение вопросов сохранения и улучшения здоровья, повышения продолжительности жизни, улучшения жизнеобеспечения данной категории граждан, защиты их прав и интересов, повышения благосостояния и социального благополучия, создания условий для активного участия в жизни общества.

Стратегия, принятая в 2017 году, представляет собой перечень направлений и рекомендаций, в рамках которых напрямую решается одна из двух важных задач, возникающих перед «стареющими» государствами: обеспечение достойного качества жизни пожилых граждан. Вторая задача, а именно поддержание устойчивого социально-экономического развития, косвенно связана с первой (например, создание благоприятных условий для обеспечения занятости старшего поколения ведет к сокращению дисбаланса на рынке труда).

В Стратегии применен комплексный подход к проработке каждого из представленных выше направлений. Однако возникает вопрос: каким образом должна контролироваться реализация того или иного меропр-

²⁵⁵ О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий [Электронный ресурс] : федеральный закон от 29.12.2015 № 285-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

²⁵⁶ Заседание президиума Госсовета «О развитии системы социальной защиты граждан пожилого возраста» (5 августа 2016 года) [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/society/20140805/1018919448.html>

ятия в рамках Стратегии? Все показатели, включенные в нее, призваны дать обобщенную характеристику реализации, однако не дают возможности в полной мере оценить эффективность отдельных направлений. В документе не представлены целевые ориентиры и пороговые значения ни по одному из конкретных мероприятий.

Большинство программных документов, в том числе «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года», охватывают огромный спектр проблем данной социально-демографической группы, из чего вытекает фундаментальное противоречие: с одной стороны, изменение пропорций социально-демографических групп в структуре населения ведет к трансформации механизма функционирования рынка труда, требующего стимулирования занятости населения пенсионного возраста, с другой – существует осознание социального статуса пожилых людей, которые остаются одной из самых уязвимых категорий населения, чье физическое и психологическое состояние очень часто препятствует возможностям к продолжению трудовой деятельности.

С подобными противоречиями сталкиваются правительства всех стран, вынужденные проводить реформы и принимать управленческие решения в условиях старения населения, как очень многогранного по своим последствиям явления, не имеющего однозначной трактовки. Применительно к экономическим и социальным последствиям демографического старения работает известный принцип «действие–противодействие», который в данном случае выражается в нивелировании негативных аспектов того или иного явления (например, повышение среднего возраста занятого населения) положительными изменениями в его же рамках (увеличение доли трудящихся, имеющих большой опыт). Старение населения – с его негативными последствиями для трудовой структуры, потенциального экономического роста и налогово-бюджетной политики – должно придать необходимую актуальность новым усилиям по проведению соответствующих реформ. Несмотря на то что по уровню старения населения Россия находится рядом с западными странами, она еще не столкнулась с большинством возможных негативных последствий этого явления. В связи с этим возникает острая необходимость введения превентивных мер адаптации всех сфер общественной жизни к новой структуре населения уже сейчас, чтобы этот переход осуществлялся как можно безболезненнее, при этом сохраняя возможности для поддержания достойного уровня и качества жизни пожилого населения.

Механизмы инклюзии пожилых людей

Проведенные интервью с экспертами²⁵⁷ в сфере работы с пожилыми людьми позволяют сформулировать важный вывод: в условиях старения населения необходимо совершенствовать существующие механизмы социально-экономического обеспечения пожилых граждан либо создавать новые.

Можно с уверенностью утверждать, что Российская Федерация вступила в новую фазу социально-экономического развития в условиях старения населения. В июне 2018 года премьер-министр Д.А. Медведев объявил о старте реформы поэтапного повышения пенсионного возраста до 65 лет для мужчин и 63 лет для женщин с 1 января 2019 года. Увеличение возраста выхода на пенсию – непопулярная, но необходимая мера в условиях старения населения, позволяющая создать определенный временной лаг для проведения реформ в сфере пенсионного обеспечения, социального страхования и изменений в других перекрестных институциональных единицах.

Как показывает мировой опыт, увеличение возрастного порога выхода на пенсию становится своеобразным подготовительным этапом структурных реформ по повышению финансовой устойчивости пенсионных систем. Главной особенностью становится частичный или полный переход от схем с фиксированными выплатами (Defined Benefit Plans – DB; солидарные распределительные системы) к схемам с фиксированными отчислениями (Defined Contribution Plans – DC; накопительные системы).

Использование накопительного элемента (в том числе обязательного) обеспечивает дифференциацию пенсий в зависимости от уровня доходов работника и полученного инвестиционного дохода, что способствует усилению его ответственности за материальное обеспечение своей старости и, следовательно, усиливает заинтересованность в легализации доходов. Накопительные системы искусственно формируют предпосылки для повышения пенсионного возраста: правительства развитых стран создают благоприятные условия для повышения экономи-

²⁵⁷ В 2018 г. проведено 4 интервью с экспертами-специалистами в сфере работы с пожилыми людьми. В числе экспертов заместитель руководителя специализированного культурно-досугового учреждения для пожилых людей «Забота», сотрудник органов социальной защиты населения Вологодской области, главный специалист НКО «Фонд поддержки гражданских инициатив», представитель Совета ветеранов г. Вологды.

ческой активности пожилых людей, опираясь на стремление населения к сохранению прежнего уровня дохода и потребления в старших возрастах, что существенно увеличивает возраст фактического выхода с рынка труда. Таким образом, несколько изменяется экономическая сущность пенсии, когда ответственность за ее обеспечение распределяется между государством и работником, который может самостоятельно повлиять на ее размер.

Ахиллесовой пятой пенсионной системы в России является крайне низкая роль и значимость системы негосударственных пенсионных фондов. Главной проблемой было и остается отсутствие доверия к данным институтам со стороны общественности. Необходимо существенно усиливать работу в области повышения доверия к негосударственным пенсионным фондам, а также создавать максимально благоприятные условия для их функционирования. Солидарные распределительные системы демонстрируют свою неэффективность в условиях перманентно растущей доли населения старших возрастов и снижения удельного веса трудоспособного населения.

Формально реформа повышения пенсионного возраста служит механизмом, обеспечивающим интеграцию представителей старшего поколения в экономическое пространство. Однако необходимо учитывать все возможные риски, особенно в части недопущения ухудшения состояния здоровья населения старших возрастов. Повышение пенсионного возраста в России требует параллельных шагов государства в сфере институционализации занятости пожилых людей. Главными задачами должны стать обеспечение гарантий занятости в старших возрастах и повышение гибкости рынка труда.

В ходе исследования было выявлено, что уровень включенности старшего поколения в общественно полезную жизнь сильно коррелирует с продолжением трудовой деятельности на пенсии. Жизненные стратегии работающих и неработающих пенсионеров выстраиваются по принципиально различным траекториям: в первом случае – через отнесение себя к трудоспособной (производительной) части населения (что демонстрирует структура их ценностей), а во втором – через интериоризацию установок, характерных для субкультуры «старости» (определяющим является состояние здоровья, вытесняющее все остальные факторы на периферию). Население, продолжающее трудовую деятельность на пенсии, обладает по сравнению с неработающими пенсионерами лучшими

характеристиками индивидуального здоровья с приоритетом установкой на поддержание трудовой активности. Однако одним из наиболее существенных отличий является заметно более широкий круг социальных связей у работающих пожилых людей. Таким образом, продление трудовой деятельности на пенсии в подавляющем большинстве случаев выступает главным фактором включенности в жизнь общества. Проведенное исследование с применением как количественных, так и качественных инструментов позволяет выделить факторы трудовой активности старшего поколения, отталкиваясь от которых можно выделить главные барьеры, препятствующие эффективной реализации ресурсного потенциала старшего поколения:

1. Внутренние: неудовлетворительное состояние здоровья; недостаточный уровень профессиональных навыков; недостаточная мотивация.

2. Внешние: стереотипизация, возрастная дискриминация; недостаточная гибкость рынка труда; неразвитая инфраструктура.

Важно понимать, что все вышеперечисленные факторы взаимосвязаны между собой. Эффективность реализации ресурсного потенциала старшего поколения зависит одновременно как от индивидуальных характеристик самого пожилого человека, так и созданной вокруг него институциональной среды. Однако зачастую, имея необходимый уровень профессиональных навыков и мотивации, а также предложение от работодателя, пожилой человек не может трудиться по причине неудовлетворительного состояния здоровья. Здоровье напрямую определяет действие других внутренних (мотивация, квалификационно-образовательный статус) и внешних (экономических, социальных, правовых) детерминант. Здоровье – ключевой фактор («ядро»), определяющий дальнейшие возможности осуществления общественно полезной деятельности.

Трудовая активность напрямую связана с процессом общественной интеграции представителей старшего поколения. Однако работающие пенсионеры – это лишь часть большой и неоднородной группы пожилых людей, чьи возможности к продлению трудовой деятельности различны и могут быть ограничены в силу различного рода обстоятельств, озвученных выше. Проведенное исследование позволяет заключить, что эффективность процесса преодоления барьеров инклюзии зависит от множества аспектов, которые можно сгруппировать по трем главным интеграционным направлениям (табл. 6.1).

Таблица 6.1. **Интеграционные механизмы преодоления барьеров инклюзии старшего поколения**

Социальная интеграция	Экономическая интеграция	Инфраструктурная интеграция
Разработка социальных проектов в сфере обеспечения межпоколенческих контактов Стимулирование взаимоотношений между поколениями через репортажи в СМИ и имидж-кампании Стимулирование и расширение возможностей участия пожилых людей в работе общественных организаций Увеличение роли гражданского участия населения и волонтерства в решении проблем, связанных с негативными последствиями старения населения Смена социокультурной парадигмы старости на уровне государства, переосмысление роли и статуса представителей старшего поколения Разработка и принятие концепций активного долголетия, продвижение среди населения идей здоровьесберегающего (самосохранительного) поведения Развитие системы непрерывного образования.	Внедрение гибких форм занятости, развитие новых форм организации труда пожилых людей, позволяющих эффективно использовать их потенциал с учетом состояния здоровья и физических возможностей Стимулирование спроса на товары и услуги в пожилом возрасте, адаптация производимых товаров и услуг к потребностям старшего поколения Внедрение и тиражирование практик повышения профессиональной квалификации на протяжении всего трудового цикла жизни индивида Переориентации социальных проектов на создание условий для стимулирования занятости старшего поколения.	Создание адаптированных рабочих мест (в соответствии с рекомендациями МОТ) Развитие системы адресной социальной помощи, разработка новых эффективных и менее затратных способов работы с людьми старшего возраста Обеспечение максимальной доступности транспортных средств, оптимизация транспортной логистики, обеспечение транспортной связи с наиболее удаленными населенными пунктами Расширение геронтологического профилирования специалистов системы здравоохранения и повышение качества предоставляемых услуг с учетом возрастных особенностей.
Источник: составлено авторами.		

Остановимся на каждой группе подробнее.

1. Социальная интеграция. Важность данного направления определяется тем, что меры по повышению социальной интеграции старшего поколения в наименьшей степени декларированы в нормативно-правовых актах. Экспертами отмечалось, что данная область требует поиска новых механизмов повышения включенности старшего поколения в общественные процессы. В текущих условиях *необходимо стимулирование и расширение участия некоммерческих организаций в процессе преодоления барьеров инклюзии старшего поколения.* В интервью экспертами было акцентировано внимание на том, что социальные проекты в области работы с пожилыми людьми в подавляющем большинстве не имеют системного подхода и направлены на решение текущих задач, а дальнейшие перспективы, как правило, крайне ограничены.

Как показало исследование, в условиях нарастающего технологического прогресса разрыв межпоколенческих коммуникаций становится

одним из наиболее существенных барьеров социальной интеграции старшего поколения. Важной задачей НКО и социального проектирования в целом должна *стать разработка проектов в сфере обеспечения межпоколенческих контактов*. Эти меры должны осуществляться посредством выстраивания процесса коммуникации между пожилыми людьми и другими возрастными группами населения (как на уровне всего общества, так и на уровне семьи) с целью недопущения социальных и культурных «разрывов» между ними.

Результаты интервью с пожилыми людьми позволяют утверждать, что во многих случаях после завершения трудовой деятельности в жизни пожилого человека возникает некий вакуум, требующий поиска компенсаторных механизмов его заполнения. В этой связи особую важность приобретает *стимулирование и расширение возможностей участия пожилых людей в работе общественных организаций*. Эти функции могут выполнять культурно-досуговые центры для пожилых людей, которые, как показывает успешный опыт работы такого учреждения в г. Вологде (центр «Забота»), способствуют ресоциализации представителей старшего поколения и поддержанию ими активного образа жизни.

Последствия старения населения заметно осложняют задачу государства по обеспечению достойного качества жизни пожилых людей. *Увеличение роли гражданского участия населения и волонтерства в решении проблем, связанных с негативными последствиями старения населения*, может стать серьёзным подспорьем для государства, что наглядно демонстрирует опыт развитых стран.

Необходимо сделать акцент на продвижении среди населения *идей здоровьесберегающего (самосохранительного) поведения*. Это направление может быть реализовано через принятие на федеральном и региональном уровне концепции активного долголетия, целью которой является формирование личной ответственности человека за собственное здоровье, знаний и навыков долгой и активной жизни. Важно соблюдать сбалансированность режимов труда и отдыха, что может положительно повлиять на состояние здоровья человека в пожилом возрасте и, в свою очередь, заметно продлить период его трудовой деятельности. На решение проблем, связанных с продолжением активной общественно полезной деятельности в пожилом возрасте, должны быть направлены усилия органов власти и НКО.

Образ активного пенсионера не только меняет представление социума об этой социально-демографической группе населения, но и трансформи-

рует восприятие самого пожилого человека, который может поддерживать прежний круг общения и чувствовать свою значимость. Таким образом, возрастает потребность в смене медиа-образа старшего поколения в глазах общества, что может стимулировать процесс выстраивания взаимоотношений между поколениями. Это направление может быть реализовано через СМИ и имидж-кампании.

Современные условия требуют *пересмотра социокультурной парадигмы пенсионного возраста и пенсии*. Часть людей отправляется на заслуженный отдых, часть продолжает работать, но вне зависимости от выбранной деятельности пенсионный возраст становится невидимой границей, условно отделяющей пожилых людей от остальной части общества. После выхода на пенсию постепенно сужается круг общения, исчезают прежние социальные роли. В данном случае можно говорить о появлении условной субкультуры «старости», которая основывается на чувстве общности пожилых людей и постепенном отдалении от других социальных групп. Поэтому необходимо выстраивать такую систему межпоколенческих отношений, когда пенсионный возраст не будет иметь принципиального значения в процессе коммуникации между людьми, в формировании социальных групп и перераспределении общественных благ.

2. Экономическая интеграция. Данное направление представляется наиболее важным с точки зрения обеспечения устойчивого социально-экономического развития и поддержания достойного уровня жизни старшего поколения.

Высокий уровень образования и профессиональных компетенций – один важнейших факторов, обеспечивающих длительное пребывание на рынке труда в старших возрастах. *Необходимо уделять как можно больше внимания повышению квалификации работников на протяжении всего периода их трудовой деятельности, в том числе и после выхода на пенсию.* Сокращение разницы во времени между прохождением очередных курсов повышения квалификации поможет пожилым людям лучше адаптироваться к последним нововведениям. Несмотря на накопленный к пенсионному возрасту опыт в той или иной сфере деятельности, пожилые люди менее адаптивны к инновациям. Способность быстро перестраиваться под нововведения является важным конкурентным преимуществом любого специалиста, которое выступает залогом успеха как самого сотрудника, так и организации. Поэтому необходимо уделять как можно больше внимания повышению квалификации работников на протяжении

всего периода их трудовой деятельности, в том числе и после выхода на пенсию. Сокращение разницы во времени между прохождением очередных курсов повышения квалификации поможет пожилым людям лучше адаптироваться к последним нововведениям.

Трудовой потенциал старшего поколения – важнейший ресурс, определяющий устойчивое развитие государства в условиях старения населения. Однако следует учитывать, что население пожилого возраста – крайне неоднородная социально-демографическая группа и возможности (в первую очередь физиологические) к труду могут быть сильно дифференцированы. Поэтому требуется *внедрение гибких форм занятости, развитие новых форм организации труда пожилых людей, позволяющих эффективно использовать их потенциал с учетом состояния здоровья и физических возможностей*. Из интервью с экспертами можно заключить, что культурно-досуговая ниша в сфере работы с пожилыми людьми переполнена, в связи с чем нужна *переориентация социальных проектов на создание условий для стимулирования занятости старшего поколения*. Этот механизм может заметно расширить границы присутствия старшего поколения на рынке труда.

Изменение возрастной структуры в сторону увеличения доли населения старших возрастных групп опосредованно влияет на все сферы жизнедеятельности общества. Одной из наиболее острых становится проблема поддержания макроэкономического равновесия. Ввиду того что уровень потребления в старших возрастах снижается, соответственно сокращается и совокупный спрос, что ведет к возникновению дефляционного эффекта, выражающегося в спаде во многих отраслях экономики. *Стимулирование спроса на товары и услуги в пожилом возрасте, адаптация производимых товаров и услуг к потребностям старшего поколения* – механизм, позволяющий не только поддерживать совокупный спрос, но и обеспечивать рост качества жизни старшего поколения, а также включенность пожилых людей в процессы потребления и перераспределения.

3. Инфраструктурная интеграция. Базисом направления инфраструктурной интеграции выступает необходимость адаптации социальных-экономических институтов в условиях старения населения с учетом особенностей старшего поколения. Наиболее важным с точки зрения реализации ресурсного потенциала старшего поколения становится *создание адаптированных рабочих мест (в соответствии с рекомендациями МОТ)*. Под адаптируемыми рабочими местами в данном случае понимаются не профессии, которые часто ассоциируются с занятостью пожилых людей

(вахтеры, сторожи, дворники и т.д.), а создание условий на текущем рабочем месте представителя старшего поколения с учетом вероятных ограничений (например, физиологического характера).

В условиях старения населения актуализируется важность *развития системы адресной социальной помощи, разработки новых эффективных и менее затратных способов работы с людьми старшего возраста*. При постоянно растущей доле пожилых людей расходная часть по многим статьям федеральных и региональных бюджетов также будет увеличиваться (в том числе и на социальное обслуживание). В этом случае одним из направлений усовершенствования может стать постепенный переход к осуществлению ухода за пожилыми на дому. Поддержка внутри семьи и родственные связи имеют важнейшее значение для пожилых людей, поэтому государственная поддержка может быть направлена на укрепление семейных отношений. Требуется рассмотреть возможность предоставления преференций людям, которые ухаживают за своими престарелыми родственниками: например, организовать гибкий график работы либо материально компенсировать часть потенциально возможного заработка.

Исходя из результатов опроса и интервью одно из самых важных направлений заключается в расширении *геронтологического профилирования специалистов, работающих с пожилыми людьми: медицинских работников, преподавателей, профессионалов в рекреационной сфере, сфере досуга*. Специфика работы с пожилыми людьми требует соответствующих навыков и умений и должна быть направлена на поддержку эмоционального благополучия для профилактики и регулирования одиночества, идентичности, социальных отношений и участия в жизни общества.

Предлагаемые рекомендации по преодолению барьеров инклюзии старшего поколения должны учитываться при стратегическом планировании социально-экономической политики для обеспечения устойчивого развития и достойного качества жизни пожилых людей. Политика должна быть дифференцирована с учетом всей многогранности взаимовлияния внутренних и внешних факторов реализации ресурсного потенциала старшего поколения. Систематизация и классификация интеграционных направлений преодоления барьеров инклюзии, понимание психологии и мотивационной составляющей пожилых людей после выхода на пенсию позволяют получить более полное представление о дальнейших перспективах социально-экономического развития в условиях старения населения. При этом одним из главных направлений в сфере интеграции

старшего поколения в общественно полезную деятельность должна стать смена текущей парадигмы старости и преодоление социальных рудиментов в виде возрастной дискриминации и стереотипизации пожилых людей.

6.2. Механизмы инклюзии лиц с ограниченными возможностями здоровья

Социальная интеграция в современном мире стала не просто трендом, вызванным к жизни усовершенствованиями законодательства о правах человека, но необходимым условием перехода на новую ступень цивилизационного развития. Согласно теории социального становления П. Штомпки, процесс модернизации неразрывно связан именно с развитием человеческого потенциала, точнее, «... модернизация ... означает доступ все большего количества членов общества к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала». Учёный отмечает, что «коллективизм, доверие, верность, взаимопонимание и сплоченность» составляют один из важнейших типов потенциала, которым обладает человек. Основной управленческой задачей сторонников модернизации является, по его мнению, «создание структурного и институционального поля, позволяющего людям в полной мере реализовать свой потенциал»²⁵⁸.

Если, вслед за В.Г. Федотовой²⁵⁹, понимать современный этап трансформаций социума как переход к обществу знаний и, соответственно, экономике знаний, то следует разобраться в природе этого процесса. Согласно подходу, изложенному в работе автора, в западных странах кризис модели социального государства, связанный с невозможностью выполнения его задач в условиях глобализации, привёл к рождению нового соглашения между обществом и государством. Это событие ознаменовало переход к *третьей современности* и адаптацию социального государства к существованию в условиях глобальной экономики. Суть нового порядка состоит в том, что реализуется принцип взаимной ответственности государства и общества: люди несут большее финансовое бремя, но государство гарантирует защиту ряда социальных сфер от произвола рынка.

²⁵⁸ Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6. С. 119-126.

²⁵⁹ Федотова В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 3-16.

Как полагал Э. Гидденс, «... технологическим инновациям должен предшествовать и соответствовать свой уровень социальных инноваций»²⁶⁰. Общество нового типа должно обладать сплоченностью, необходимой для успешного выполнения функции контроля над государством.

Само возникновение третьей современности (равно как первой и второй), по мнению В.Г. Федотовой, явилось инновацией макромасштаба, которая стала возможной благодаря прохождению западными странами предшествовавших стадий цивилизационных преобразований, каждую из которых отличали собственные инновации (технические и социальные) меньшего масштаба.

Особенность наблюдаемого перехода к обществу знаний состоит в том, что он имеет 3 драйвера: науку как систему разработки и внедрения инноваций, социальный капитал как ресурс и среду для внедрения инноваций, управление инновациями как наиболее сложную систему целерациональной деятельности человеческого общества.

Важнейшая роль в формировании общества знаний и осуществлении непрерывного инновационного процесса принадлежит самим индивидам. Их личностные качества, ценности, взаимоотношения по «вертикали» и «горизонтали» определяют успех инновационных преобразований общества²⁶¹.

В работе Н.М. Лебедевой с соавторами²⁶² показано, что существует положительная взаимосвязь:

- 1) между ценностями открытости изменениям и позитивным отношением к инновациям;
- 2) доверием, толерантностью и воспринимаемым социальным капиталом и позитивным отношением к инновациям;
- 3) ценностями самопреодоления, выражающими интересы группы, и компонентами социального капитала;
- 4) социальным капиталом и позитивным отношением к инновациям.

Из данных приведённых исследований и результатов настоящей работы следует, что модернизация общества предполагает, в том числе, обретение свойств интегрированности, толерантности, открытости новому и гражданской активности. То есть в совокупности – переход к

²⁶⁰ Федотова В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 9.

²⁶¹ Гуцаленко Л.А. Инновации и квазиинновации в человеческом измерении // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 15-25.

²⁶² Лебедева, Н.М., Бушина Е.В., Черкасова Л.Л. Ценности, социальный капитал и отношение к инновациям // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 28-41.

активной реализации накопленного социального и человеческого капитала. В этом контексте особое внимание, на наш взгляд, следует обратить на проблемы, которые препятствуют осуществлению этой трансформации. К их числу относится состояние социальной эксклюзии отдельных категорий населения. В предыдущих главах было показано, с какими именно сложностями сталкиваются в повседневной жизни молодые специалисты, многодетные семьи, пожилые люди, инвалиды. В данном параграфе обратимся непосредственно к поиску механизмов преодоления выявленных барьеров социальной инклюзии лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Все барьеры социальной инклюзии по их локализации можно подразделить на внешние и внутренние относительно рассматриваемых категорий населения. По своей природе барьеры могут быть средовыми и отношенческими (согласно Конвенции ООН «О правах инвалидов»²⁶³). Средовые барьеры включают те препятствия инклюзии, которые связаны с несовершенством правовой и социальной среды, неадаптированностью пространств населённых пунктов к потребностям инвалидов. Отношенческие барьеры, согласно упомянутой классификации, охватывают проявления дискриминационных поведенческих практик со стороны населения по отношению к уязвимым группам (в данном случае к инвалидам). В то же время отношенческие барьеры также имеют под собой психологическую и социокультурную основу, возникают не спонтанно, а под влиянием социальной среды. То есть по своей природе они вторичны. Поэтому в нашем исследовании введено более широкое понятие *«ментальные барьеры инклюзии»*. В нашем представлении *ментальные барьеры инклюзии инвалидов* – установки, убеждения, стереотипы населения относительно людей с инвалидностью. В целом действие ментальных барьеров заключается в искажении объективной информации, распространении социальных мифов об инвалидах, что затрудняет для них получение образования, создание семьи, профессиональную самореализацию, препятствует равному участию в жизни общества²⁶⁴.

Для получения качественной оценки социального положения инвалидов в региональном сообществе в 2018 году был проведен опрос экспертов, занятых в общественных организациях инвалидов Вологодской обла-

²⁶³ Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] // ООН. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability

²⁶⁴ Фахрадова Л.Н. Проблемы социальной инклюзии инвалидов: теоретический экскурс и опыт эмпирического исследования // Проблемы развития территории. 2016. № 6 (86). С. 58-75.

сти. В рамках экспертного опроса была получена информация, касающаяся критики текущей системы работы по реабилитации инвалидов. Эксперты отмечают, что решающая роль в интеграционном процессе всегда принадлежит человеческому фактору. Так, эксперт из регионального отделения Всероссийского общества слепых (ВОС) считает, что «можно вложить миллиарды в доступную среду, но если общество к интеграции не готово, то это никому не нужно». В частности, конкретными проблемами в регионе являются слабая осведомлённость населения о проблемах инвалидов, непрофессиональное освещение сюжетов из их жизни в региональных СМИ, некомпетентность сотрудников центра занятости при определении возможностей трудоустройства для инвалидов. Серьёзные трудности встречают инвалиды и при получении образования. Как отмечает эксперт, в советский период для инвалидов по зрению и инвалидов по слуху существовали непрерывные образовательно-трудовые траектории. В интервью прозвучали предложения восстановить эти связи, разрушенные в период социально-политического кризиса.

В Вологодской области, как и на территории других регионов, внедрена практика инклюзивного образования. Однако эксперты отмечают неготовность педагогического и родительского сообщества, а также самих детей к инклюзии. По их словам, дети-инвалиды, регулярно сталкиваются с жестокостью, травлей со стороны сверстников, что негативно сказывается как на их психологическом самочувствии, так и на успеваемости и дальнейших жизненных перспективах. В числе решений этой проблемы предлагалось разделение учебных классов для здоровых детей и детей-инвалидов в рамках одной образовательной организации. Это позволило бы обеспечить дифференцированный подход к организации образовательного процесса, дать детям-инвалидам положительный опыт взаимодействия со сверстниками и педагогами. Остальным обучающимся до начала учебного процесса необходимо разъяснять, как себя вести в общении с инвалидами, показывать, что они имеют равное с другими людьми достоинство, равные права. Полезно регулярно напоминать детям и о том, что от инвалидности не застрахован никто и что формирование доброжелательного отношения к инвалидам однажды может спасти и их жизнь, и жизнь их близких. Эксперт из вологодской городской организации инвалидов Всероссийского общества инвалидов (ВОИ) отметил, что просветительская работа с обучающимися в этом направлении уже ведётся. В отдельные школы и средние специальные учебные заведения приглашают волонтеров, прошедших тематическое обучение у сотрудни-

ков Российской общественной организации инвалидов «Перспектива». Так называемые «уроки доброты» помогают здоровым детям понять, что их сверстники с инвалидностью равны им по своим достоинствам, что с ними можно строить дружеские отношения, свободно общаться. Здесь проблема, по словам экспертов, заключается не в отсутствии просветительской работы, а в том, что её масштабы в регионе пока недостаточны для преодоления ментальных барьеров инклюзии инвалидов.

Очень сложна, по мнению экспертов, работа с родителями самих детей-инвалидов. Распространённой практикой в их среде стал отказ от получения их ребёнком услуг среднего общего образования, игнорирование потребности детей в развитии их способностей посредством дополнительного образования и самостоятельных занятий. Вопиющим примером родительского «эгоизма» может служить возвращение феномена безграмотности детей-инвалидов. Один из экспертов привел результаты выполненного в 2010 году исследования по нескольким районам Вологодской области, в ходе которого выяснилось, что 12 детей-инвалидов по решению своих родителей никогда не получали образования. Причём мотивом такого решения родителей стало желание оградить детей от опасностей и проблем, ожидающих их вне дома. Дословно: «Он слепой, да он глухой – да и пусть он дома, и мы, пока мы живы, будем за ним ходить, а там уж как бог даст». На возвращение этой проблемы следует обратить внимание ещё и в контексте цифровизации экономики, приводящей к ещё большему разрыву между обществом и инвалидами, имеющими проблемы со зрением, слухом, ментальные нарушения. Как отмечал эксперт из общества слепых, для обучения незрячих людей работе на персональном компьютере требуется установка дорогостоящего программного обеспечения, которое, в свою очередь, подходит только для машин, имеющих достаточно большой объём встроенной памяти и, соответственно, тоже дорогостоящих. Эти продукты не входят в перечень технических средств реабилитации, которые могут быть предоставлены инвалиду за счёт средств федерального бюджета. Самостоятельное приобретение их людьми невозможно из-за недостаточной величины пенсии по инвалидности. Этот ряд обстоятельств приводит к нарастанию социальной дистанции между незрячими инвалидами и остальным обществом, к их дальнейшей, ещё более глубокой изоляции (теперь не только от реальных социальных взаимодействий, но и от возможностей виртуальных социальных сетей). Фактически в цифровой экономике в её российском варианте инвалиды по зрению становятся носителями устаревших ментальных установок, профессиональных навыков и знаний.

Выход из этой ситуации эксперты видят, во-первых, в восстановлении системы специализированных образовательных организаций для инвалидов разных категорий, восстановлении связей между этими организациями и специализированными предприятиями, а также в открытии дополнительных реабилитационных центров, предоставляющих людям услуги психологической поддержки, восстановления или развития коммуникативных, профессиональных, бытовых навыков. Эксперту из общества слепых, например, представляется, что у незрячих детей должна быть возможность, пройдя обучение в комфортной среде спецшколы, приехать в один из городов, где располагается предприятие ВОС, и трудоустроиться там по полученной профессии. Причём для этого должен быть решён ещё один сложный вопрос с предоставлением таким людям жилья. В идеале оно должно быть адаптировано к потребностям инвалидов по зрению. Этот подход мог бы восстановить положительный образ инвалидов в представлениях остального населения и дать самим инвалидам стимул для жизни и личностного развития.

Поскольку, по словам экспертов, государственная политика в сфере поддержки инвалидов сводится к предоставлению денежных выплат и декларированию прав группы, общественные организации теперь видят возможности решения накопленных проблем только в развитии сетей горизонтальных взаимодействий. Быстрее и эффективнее можно получить ресурсную поддержку не через каналы региональной и муниципальной власти, а обратившись напрямую к представителям бизнеса, НКО и обычным гражданам. Единственным каналом результативного взаимодействия с властью (чаще с федеральной) остаётся механизм грантового финансирования проектов и инициатив общественных и некоммерческих организаций.

Лейтмотивом экспертных интервью стало представление о необходимости систематизации работы государства с категорией «инвалиды». Социальные службы должны «следовать за человеком», оказывать ему именно те услуги, которые наилучшим образом помогут его развитию, будут способствовать расширению социальных связей и повышению благосостояния. Отметим лишь то, что во многих странах мира такую необходимость осознали намного раньше. Это привело к тому, что сектор производства товаров и услуг для людей с инвалидностью стал одной из ниш для внедрения и апробации новейших технологий. Таким образом, смысл инвалидности как социального и демографического явления был полностью преобразован. Инвалидность, вместо тормоза экономического

прогресса, стала служить одним из стимулов научно-технического и экономического развития. Это наглядный пример того, как изменение общественного мнения, смена парадигмы инвалидности помогли подняться на новую ступень социально-экономического развития. В конечном итоге социальный капитал в виде межличностных связей, а также результаты работы демократических институтов были конвертированы в рост качества жизни всего населения.

Нормативно-правовая база социальной поддержки инвалидов в России. Оценка существующей системы работы с инвалидами

В системе социального управления для решения проблемы социальной исключённости инвалидов могут быть поставлены две задачи, решение которых должно осуществляться параллельно. Первая задача заключается в разработке механизмов преодоления средовых барьеров инклюзии инвалидов. Вторая – в разработке механизмов преодоления ментальных барьеров инклюзии инвалидов.

В российской системе социальной защиты созданы и постоянно совершенствуются механизмы первого типа – направленные на устранение средовых барьеров инклюзии инвалидов. К их числу относятся алгоритмы межведомственного взаимодействия при реализации федеральной целевой программы «Доступная среда» и аналогичных по содержанию региональных программ, а также система взаимодействий между внебюджетными фондами, бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ), организациями медицинского и социального обслуживания, образовательными организациями, центрами занятости населения, предприятиями, на которых трудятся инвалиды. В Кодексе об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность физических и юридических лиц за проявления дискриминации по отношению к гражданам по признаку их принадлежности к какой-либо социальной категории²⁶⁵.

Несколько сложнее дело обстоит с разработкой механизмов преодоления ментальных барьеров инклюзии инвалидов. Для выполнения данной задачи требуется заинтересованность не только со стороны государства, но и гражданского общества, СМИ, самих людей с инвалидностью. Механизмы данного типа, в конечном итоге, должны воздействовать на социальные представления членов общества, создавать положительный, социально-одобряемый образ изучаемой категории (инвалидов). Сложность

²⁶⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : по состоянию на 19 июля 2018 года // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

разработки управленческих механизмов состоит в том, что ментальные барьеры инклюзии инвалидов действуют как со стороны общества, так и со стороны самих инвалидов.

Ментальные барьеры социальной инклюзии инвалидов со стороны общества:

- 1) приписывание им черт характера, создающих социальный образ инвалида-пассивного иждивенца;
- 2) убеждение в социальной несостоятельности инвалидов, их неспособности выполнять основные социальные роли (супруга, родителя, ответственного работника);
- 3) отсутствие толерантности и несформированность культуры общения с инвалидами.

Ментальные барьеры социальной инклюзии со стороны самих инвалидов:

- 1) привычка надеяться на помощь со стороны государства, родственников, общества;
- 2) стремление к ограничению круга своего общения людьми, имеющими сходные нарушения здоровья, что приводит к закреплению субкультуры инвалидности как устойчивого социального феномена;
- 3) неготовность активно бороться за свои права;
- 4) убеждение в невозможности свободного общения с окружающими людьми из-за наличия инвалидности;
- 5) отсутствие стремления к самореализации.

Необходимо определить, могут ли действующие уже сейчас управленческие механизмы служить для выполнения задачи по преодолению ментальных барьеров инклюзии инвалидов. Принимая во внимание результаты экспертного опроса, приведённые выше, следует указать на необходимость совершенствования, по крайней мере, механизма взаимодействия власти и общественности на уровне регионов и муниципалитетов. Подробнее следует остановиться на рассмотрении нормативной базы, в соответствии с которой строится система социальной защиты инвалидов в Российской Федерации.

В России основным законом, направленным на защиту прав инвалидов, является Федеральный закон № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»²⁶⁶. В тексте документа содержится определение категории инвалидов: «Лицо, которое имеет нарушение здоровья

²⁶⁶ О социальной защите инвалидов в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты». Данная трактовка позволяет определить круг получателей государственной поддержки по критерию наличия инвалидности. Тот же критерий используется при статистической информации об уровне инвалидизации населения. В мировой практике административные определения инвалидности подвергаются критике, поскольку приводят к так называемым ошибкам «исключения». К примеру, человек имеет тяжёлое заболевание, позволяющее ему претендовать на статус «инвалид», однако он предпочитает не получать его и, следовательно, не попадает в формы статистического учёта инвалидов. Но это не означает, что в действительности его состояние лучше, чем у другого человека с тем же заболеванием, получившего статус инвалида. Такой неполный учёт случаев инвалидности даёт исследователям право критиковать административные определения, как не учитывающие реальные масштабы проблемы инвалидизации населения. В то же время иные подходы к учёту численности инвалидов часто приводят к противоположной ошибке «включения». К примеру, в европейской статистике к инвалидам относят тех людей, в отношении которых выполняется ряд условий, в том числе: наличие длительно протекающего хронического заболевания, трудности в самообслуживании, проблемы с мобильностью. Этим критериям может соответствовать состояние здоровья не только человека с инвалидностью, но и любого человека, имеющего одно хроническое заболевание и в какой-то период времени испытывающего ограничения в самообслуживании и передвижении (например, вследствие травмы). Инвалидность, в свою очередь, означает необратимое ухудшение здоровья, сопровождающееся указанными ограничениями. Поэтому задача достоверного учёта численности людей с инвалидностью на сегодняшний день остаётся нерешённой.

Российская социальная политика в отношении инвалидов опирается преимущественно на указанный федеральный закон. Определение термина «инвалид», приведённое в его тексте, характеризуется преобладанием медицинского критерия, что указывает на сохранение ориентации на традиционную концепцию инвалидности. На мировом уровне, напротив, имеет место смещение акцента на социальную природу инвалидности – закрепляется социальная концепция инвалидности. Этот процесс полностью согласуется с упомянутым выше переходом к «третьей современности», общество которой отличается толерантностью и интегриро-

ванностью. Признание роли социума в конструировании инвалидности, в создании барьеров для включения людей с инвалидностью в активную жизнь – первый шаг на пути преодоления этих проблем.

Как показано в работе А.И. Шевченко, наиболее прогрессивная на сегодняшний день концепция социальной политики инвалидности – концепция гражданских прав. Она была разработана в США. Её основной тезис заключается в том, что общество, возводя институциональные барьеры, подвергает инвалидов дискриминации, мешает их включению в жизнь общества. При этом цель политических усилий в рамках данной концепции – преобразование социальных институтов таким образом, чтобы включить в них людей с инвалидностью. Кроме того, одной из задач является создание положительного образа инвалидов в представлениях общества²⁶⁷. Следует отметить, что социальная политика, опирающаяся на традиционную концепцию инвалидности, какая существовала, к примеру, в Советском Союзе, имела ряд своих преимуществ. К ним относились: разветвлённая система социальных льгот, гарантий, мер нематериальной поддержки для инвалидов, а также развитая сеть медицинских реабилитационных центров для инвалидов, поддерживаемые государством спецпредприятия, где трудились инвалиды. В то же время её существенным недостатком было то, что она порождала «параллельную социальную реальность», в которой жили люди с инвалидностью.

Возвращаясь к современному российскому законодательству в сфере защиты прав инвалидов, отметим, что оно ориентировано на предоставление широкого спектра мер социальной поддержки. Причём наблюдается дифференциация этих мер в зависимости от потребностей получателей. Основанием для предоставления технических средств реабилитации, социальных, профориентационных и медицинских реабилитационных услуг является индивидуальная программа реабилитации инвалида. Этот документ заполняется специалистами служб медико-социальной экспертизы, его содержание требует своевременной корректировки в соответствии с полученными человеком результатами реабилитационных мероприятий. На практике данный инструментарий не всегда используется с достаточной эффективностью. В рамках проведённых нами социологических исследований выявлено, что инвалиды часто отмечают игнорирование их интересов и пожеланий при составлении индивидуальной

²⁶⁷ Шевченко А.И. К вопросу о теоретических основах социальной политики в отношении людей с ограниченными возможностями в мире и в России // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2013. № 5. С. 66-73.

программы реабилитации (ИПР), а также невозможность получения прописанных в ней средств реабилитации и услуг за счёт выделенного государственного бюджета. Для некоторых из них решение состоит в приобретении этих товаров и услуг на собственные средства и последующем обращении в органы социальной защиты за компенсацией расходов. Однако, получая более быстрый результат реабилитации, люди с инвалидностью ухудшают собственное текущее материальное положение. Иные механизмы преодоления указанных сложностей связаны с развитием альтернативных систем социальной поддержки инвалидов. Частные фирмы, некоммерческие организации и благотворительные фонды способны предложить людям более гибкие и жизнеспособные схемы приобретения технических средств реабилитации, социально-бытовых и медицинских услуг. Существуют схемы рассрочки платежей за товары и услуги, временной аренды технических средств реабилитации, позволяющие более равномерно распределять финансовые расходы, не ухудшая материальное положение инвалидов.

Высокая значимость привлечения некоммерческих организаций, частных поставщиков социальных и медицинских услуг к работе с уязвимыми категориями граждан получила признание на государственном уровне. Следствием этого стали разработка и вступление в силу Распоряжения Правительства Российской Федерации № 1144-р от 08.06.2016 г.²⁶⁸, которое утвердило план мероприятий «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере».

Проблемы в системе реабилитации инвалидов предполагается решать, в том числе, благодаря пилотным проектам в регионах, реализуемым во исполнение задач подпрограммы №2 государственной целевой программы «Доступная среда на 2011–2020 годы». К примеру, с 2017 года в 56 регионах Российской Федерации реализуется пилотный проект, цель которого состоит в формировании системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов и детей-инвалидов. Конкретные задачи связаны именно с налаживанием работы механизмов межведомственного взаимодействия и отработкой алгоритмов работы по реабилитации инвалидов в различных ситуациях. Предполагается, что система комплексной реабилитации инвалидов будет включать медицинскую, социальную, профессиональную реабилитацию, в том числе содействие в трудоустройстве,

²⁶⁸ Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере» [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ от 08.06.2016 № 1144-р // Справочно-поисковая система Консультант-Плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

физкультурно-оздоровительные мероприятия, спорт. Для достижения поставленной цели разрабатываются типовые документы, регламентирующие вопросы реабилитации, отрабатываются единые подходы к формированию системы комплексной реабилитации в рамках пилотных проектов. Успешные практики закрепляются посредством разработки нормативных актов Минтруда, рекомендованных к исполнению на уровне регионов. В 2017 году были приняты следующие документы:

1. Об утверждении примерной модели межведомственного взаимодействия организаций, предоставляющих реабилитационные услуги, обеспечивающей принцип ранней помощи, преемственности в работе с инвалидами, в том числе детьми-инвалидами, и их сопровождение (приказ Минтруда России от 29.09.2017 № 705);

2. Об утверждении примерного порядка организации межведомственного взаимодействия организаций, предоставляющих реабилитационные услуги, обеспечивающего формирование системы комплексной реабилитации инвалидов, раннюю помощь, преемственность в работе с инвалидами, в том числе детьми-инвалидами, и их сопровождение (приказ Минтруда России от 27.09.2017 № 701);

3. Об утверждении методики оценки региональной системы реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов (приказ Минтруда России от 30.06.2017 № 545);

4. Об утверждении методики разработки и реализации региональной программы по формированию системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов (типовая программа субъекта Российской Федерации) (приказ Минтруда России от 26.12.2017 № 875);

5. Об утверждении примерных штатных нормативов организаций, предоставляющих услуги по социальной и профессиональной реабилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов (приказ Минтруда России от 27.09.2017 № 700);

6. Об утверждении примерного положения об организациях, обеспечивающих социальную занятость инвалидов трудоспособного возраста (приказ Минтруда России от 30.06.2017 № 547);

7. Утверждение методических рекомендаций по выявлению признаков дискриминации инвалидов при решении вопросов занятости (приказ Минтруда России от 09.11.2017 № 77)²⁶⁹.

²⁶⁹ Формирование системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов и детей-инвалидов [Электронный ресурс] // Минтруд России. Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/25>

В целом тематика долгосрочной целевой программы «Доступная среда» охватывает не только проблемы обеспечения доступности различных сфер жизнедеятельности для людей с инвалидностью, но и задачи, связанные с совершенствованием предоставляемых им услуг в сферах образования, социальной защиты, культуры, спорта, здравоохранения, транспортных пассажирских перевозок, жилищно-коммунального хозяйства, торговли, банковского дела. Особое место в программе отведено мероприятиям, направленным на формирование положительного образа инвалидов как социальной группы. Предполагается, что успешная реализация мероприятий программы позволит инвалидам беспрепятственно участвовать в общественной жизни, повысит их уровень жизни.

По данным отчёта о реализации программы, опубликованного на сайте Министерства труда и социальной защиты, удалось достичь следующих значений целевых индикаторов (по данным социологических исследований):

1) доля инвалидов, положительно оценивающих уровень доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности – 46,7%;

2) доля инвалидов, положительно оценивающих отношение населения к проблемам инвалидов, в общей численности опрошенных инвалидов – 60,1%;

3) доля граждан, признающих навыки, достоинства и способности инвалидов, в общей численности опрошенных граждан – 61,8%.

В то же время приведённые данные свидетельствуют о проблемах, сохраняющихся как в сфере создания доступной среды, так и в формировании толерантного отношения к инвалидам со стороны населения.

В регионах Северо-Западного федерального округа, согласно доступным данным о достигнутых значениях целевых индикаторов госпрограммы, наблюдается положительная динамика по приведению объектов инфраструктуры в соответствие с потребностями инвалидов. Сохраняется на уровне выше 70% оснащённость главных бюро МСЭ специальным диагностическим оборудованием, что имеет важнейшее значение для точного установления характера и степени нарушений здоровья и разработки индивидуальных программ реабилитации. Вместе с тем в 2017 году по сравнению с 2016 годом в некоторых регионах (Республика Коми, Ленинградская область, Псковская область) произошло снижение показателя обеспеченности инвалидов техническими средствами реабилитации. В указанном году во всех регионах на обучение по программам среднего

специального образования была принята большая доля инвалидов, чем в 2016 году. За тот же период максимальная доля студентов-инвалидов, отчисленных из организаций среднего профессионального образования за неуспеваемость, была зафиксирована в Архангельской области (8%; табл. 6.2).

Таблица 6.2. Значения целевых индикаторов госпрограммы «Доступная среда» за 2016 и 2017 годы по регионам Северо-Западного федерального округа

Целевые показатели, год	Субъект Северо-Западного федерального округа								
	АО	РКа	РКо	ВО	КО	ЛОиСПб	МО	НО	ПО
<i>Доля доступных для инвалидов и других маломобильных групп населения приоритетных объектов социальной, транспортной, инженерной инфраструктуры в общем количестве приоритетных объектов, %</i>									
2016	58,5	55,1	44,4	—	56,4	—	—	54,0	45,0
2017	63,3	56,9	73,0	—	72,0	—	—	65,5	67,9
<i>Доля главных бюро медико-социальной экспертизы по субъектам Российской Федерации, оснащенных специальным диагностическим оборудованием, в общем количестве главных бюро медико-социальной экспертизы по субъектам Российской Федерации, %</i>									
2016	75,0	87,5	75,0	87,5	75,0	87,5	87,5	87,5	87,5
2017	87,5	87,5	87,5	87,5	87,5	87,5	87,5	87,5	87,5
<i>Доля общеобразовательных организаций, в которых создана универсальная безбарьерная среда для инклюзивного образования детей-инвалидов, в общем количестве общеобразовательных организаций, %</i>									
2016	21,4	12,3	21,4	22,3	27	34	23	29	11,9
2017	22,4	19	22,3	25,7	27	34	23,7	31	13,3
<i>Доля лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов от 6 до 18 лет, систематически занимающихся физкультурой и спортом, в общей численности этой категории населения, %</i>									
2016	9,6	—	54,5	—	55	—	54,5	—	—
2017	55	—	67,5	—	55	—	74	—	—
<i>Доля инвалидов, обеспеченных техническими средствами реабилитации (услугами) в соответствии с федеральным перечнем в рамках индивидуальной программы реабилитации, в общей численности инвалидов, %</i>									
2016	95,6	98,1	84,1	94,2	89,2	86,0	88,5	90,8	87,5
2017	96,8	98,0	80,0	96,6	91,8	82,4	92,9	91,6	84,0
<i>Доля инвалидов, принятых на обучение по программам среднего профессионального образования (по отношению к предыдущему году), %</i>									
2016	112	—	107	152	101	129	120	101	101
2017	102	102	112	109	103	104	122	102	104
<i>Доля студентов из числа инвалидов, обучавшихся по программам среднего профессионального образования, выбывших по причине академической неуспеваемости, %</i>									
2016	6	—	0,7	0,65	0	0	2	1,6	7
2017	8	8	0,6	0	0	0	2	3,2	0
Примечание: АО – Архангельская область, РКа – Республика Карелия, РКо – Республика Коми, ВО – Вологодская область, КО – Калининградская область, ЛОиСПб – Ленинградская область и г. Санкт-Петербург, МО – Мурманская область, НО – Новгородская область, ПО – Псковская область. Источник: Сведения о достижении значений показателей (индикаторов) в разрезе субъектов РФ [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты РФ. – Режим доступа: https://rosmintrud.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-8481-src-1526654014.8216.xls									

По итогам проведённого анализа можно выделить ряд несовершенств, присущих нормативной базе социальной защиты инвалидов в России:

1. Смещение акцента в сторону медицинской природы инвалидности.
2. Избыточный патернализм и негибкость законодательства в части закрепления правил трудоустройства инвалидов: предусмотрены нормы, препятствующие дискриминации инвалидов на рынке труда, но нет мер, направленных на экономическое стимулирование работодателей, создающих специализированные рабочие места.

3. Устаревший перечень технических средств реабилитации, узкий перечень лекарственных препаратов, предоставление которых инвалидам производится за счёт средств федерального бюджета.

4. Не предусмотрены меры ответственности для сотрудников бюро МСЭ и других ведомств на тот случай, если после выполнения ИПР инвалид не получил *положительного* результата реабилитации. В Кодексе об административных правонарушениях закреплена только величина штрафа для работодателей, нарушающих права инвалидов (5–10 тысяч рублей)²⁷⁰. В ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» прописано, что разрешение споров по поводу содержания реализации мероприятий ИПР может происходить в судебном порядке²⁷¹.

5. Формальный и неинформативный характер отдельных целевых показателей государственной программы «Доступная среда», собираемых на региональном уровне (к примеру, неясно, какие выводы следует сделать, если растёт (или снижается) значение показателя «доля студентов из числа инвалидов, обучавшихся по программам среднего профессионального образования, выбывших по причине академической неуспеваемости» – студенты обладают низкой (или высокой) мотивацией или качество их обучения понизилось (или повысилось)?).

6. Недостаточный учёт значимости «человеческого фактора» для обеспечения социальной инклюзии инвалидов: в программе «Доступная среда» нет целевых показателей, по которым можно отследить, обеспечены ли отдельные сферы предоставления государственных услуг населению (здравоохранение, образование, социальная защита) квалифицированным персоналом для работы с инвалидами различных катего-

²⁷⁰ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : по состоянию на 27 июня 2018 года // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

²⁷¹ О социальной защите инвалидов в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

рий. Присутствует лишь общий целевой показатель «доля специалистов, обеспечивающих реабилитацию и абилитацию инвалидов, в том числе детей-инвалидов, прошедших обучение по реабилитационным и абилитационным методикам, в общем количестве таких специалистов». При этом далее в подпрограммах он не фигурирует. Неясно, каким образом его целевое значение (90% к 2020 году) будет обеспечено.

7. Несмотря на то что в задачи госпрограммы «Доступная среда» входит «формирование современной отрасли по производству товаров для лиц с ограниченными возможностями здоровья²⁷², в том числе технических средств реабилитации инвалидов», ни в одном нормативном документе не предусмотрен механизм экономической поддержки исследований, конструкторских разработок и производства инновационных товаров и услуг для реабилитации людей с инвалидностью.

8. Не предусмотрены меры ответственности для регионов за невыполнение (и/или ненадлежащее выполнение) мероприятий госпрограммы «Доступная среда».

С учётом результатов, полученных в ходе проведённого нами в 2016–2018 гг. исследования барьеров инклюзии инвалидов в региональном сообществе, для совершенствования государственной социальной политики в отношении инвалидов предлагается систематизировать уже реализуемые инициативы по трём крупным направлениям: социальное сопровождение, социальное продвижение и социальное лидерство.

К содержанию первого направления будет относиться вся работа, так или иначе связанная с созданием доступной среды, а также приведением в соответствие с потребностями инвалидов объектов и услуг в сферах государственного образования и здравоохранения, социального обслуживания.

Социальное продвижение предполагает формирование в обществе положительного образа инвалидов как социальной группы через работу средств массовой информации и через деятельность региональной и муниципальной власти, касающуюся заказа и размещения социальной рекламы в общественных пространствах населённых пунктов.

Направление «социальное лидерство» объединяет различные механизмы грантовой поддержки инициатив предпринимателей и некоммерческого сектора, направленных на повышение качества жизни и соци-

²⁷² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 01.12.2015 № 1297 (ред. от 30.03.2018) // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

ального влияния людей с инвалидностью. Именно благодаря поддержке таких инициатив возможно преобразование экономической роли инвалидности как демографического и социального явления. Как было сказано выше, в мире уже есть примеры, когда производство товаров и услуг для людей с инвалидностью стало площадкой для внедрения и апробации новейших технологий. Появление такой ниши особенно востребовано в России по двум причинам: во-первых, существует высокая потребность населения в качественных и недорогих ТСП, во-вторых, экономика нуждается в «точках роста», которые могут не только принести прибыль, но и «потянуть за собой» развитие кластера высокотехнологичных разработок.

Социальное сопровождение

Подробнее рассмотрим предлагаемый алгоритм работы с инвалидами в рамках первого из трёх предложенных направлений. Поскольку основанием предоставления гражданам социальной поддержки служит их обращение (заявительный принцип), первым этапом работы становится обращение гражданина (или его законного представителя) в органы медико-социальной экспертизы (МСЭ) за получением инвалидности. Второй этап связан с процедурой получения инвалидности – прохождением медицинской комиссии. Третий – с разработкой индивидуальной программы реабилитации (ИПР) или программы абилитации (ИПРА). В настоящее время на этом этапе заканчивается предоставление социального сопровождения в части получения прописанных в ИПР/ИПРА реабилитационных мероприятий. Так как в рамках исследования была выявлена потребность инвалидов в дополнительной поддержке в ситуациях получения медицинской помощи, социальных услуг, приобретении ТСП и лекарств, психологической помощи, образования (перечень можно продолжать), то *предлагается ввести механизм кураторства*. Его суть будет заключаться в следующем. За каждым инвалидом, получившим ИПР/ИПРА, будет закрепляться куратор (в идеале реабилитолог), который будет нести ответственность за выполнение этой программы. В функции куратора будет входить социальное сопровождение инвалида во всех ситуациях, связанных с обращением в государственные учреждения за оказанием реабилитационных услуг (в том числе получение ТСП, образовательная подготовка, трудоустройство), а также помощь в решении юридических, материальных и психологических проблем. На повторном освидетельствовании (как правило, через год) именно куратор должен будет представлять результаты выполнения мероприятий программы перед медицинской комиссией.

Следует отметить, что во избежание конфликта интересов кураторы не должны быть сотрудниками органов МСЭ. Их назначение обратившимся в МСЭ клиентам будет происходить по месту проживания последних. То есть предполагается использовать тот же принцип, который действует в амбулаторных отделениях поликлиник (распределение по участкам). Реализация такого механизма потребует разработки нормативов трудовой нагрузки для куратора и создания отдельной организации, которая будет вести этими вопросами. Внедрение предлагаемого механизма позволит повысить удовлетворённость граждан с инвалидностью предоставляемыми им реабилитационными услугами и будет способствовать устранению средовых барьеров инклюзии, связанных с несовершенством нормативно-правовой базы, определяющей порядок межведомственного взаимодействия по поводу реабилитации инвалидов.

Социальное продвижение

Данное направление социальной политики, вероятно, будет развиваться как логическое продолжение мероприятий программы «Доступная среда», ориентированных на формирование положительного образа инвалидов как социальной группы. В то же время необходимо не только вести просветительскую работу с населением, но и организовывать события, которые позволили бы населению «вживую» взаимодействовать с инвалидами. Это могут быть фестивали, праздники, различные социальные акции, приуроченные к значимым для общества датам. Безусловно, социальный эффект от реализации этих мер будет тем шире, чем большее число общественных организаций, ведомств и предприятий активно включится в их реализацию.

Социальное лидерство

Перспективы развития данного направления социальной политики тесно связаны с тем, будет ли выполнена задача по формированию отрасли высокотехнологичных разработок для инвалидов, прописанная в госпрограмме «Доступная среда». Можно предложить следующие инструменты её выполнения:

1. Софинансирование кредитных обязательств инновационных предприятий, занимающихся разработкой технических средств реабилитации и лекарственных препаратов для людей с инвалидностью.
2. Формирование специального инвестиционного фонда для поддержки наиболее перспективных стартапов в данной сфере.
3. Обеспечение стабильного спроса на продукцию отрасли через систему госзаказа.

4. Субсидирование спецпредприятий, находящихся в собственности общественных организаций инвалидов, для обновления оборудования и технологий производства ТСП.

5. Грантовая поддержка предприятий и НКО, продвигающих или самостоятельно реализующих технологические и социальные инновации в интересах людей с инвалидностью.

Ещё одним механизмом, предназначенным уже для стимулирования социальной активности самих инвалидов, может выступить социальный контракт. В европейской практике содействие самозанятости инвалидов считается наиболее прогрессивной формой социальной поддержки, отражающей идею «независимой жизни инвалидов». В российских реалиях важен не масштаб применения этого механизма, а создание успешных прецедентов, «историй», которые впоследствии могут транслироваться СМИ и работать на позитивную трансформацию образа инвалидов как социальной группы. Конкретными вариантами реализации этого подхода могут служить микрофинансирование или выделение грантов на поддержку бизнес-проектов, реализуемых людьми с инвалидностью.

Мировой опыт в сфере реализации инновационных проектов, направленных на поддержку инвалидов

Существующие в мире инновационные практики в области социальной инклюзии инвалидов можно разделить по нескольким сферам: трудоустройство, образование, обеспечение доступности среды, содействие в обеспечении независимой жизни. Согласно данным портала Zero Project, в мире реализуется 56 инновационных проектов в первой сфере, 86 – во второй, 68 – в третьей, 39 – в четвертой²⁷³. Причём характерной чертой проектов в сфере образования, обеспечения доступности среды и независимой жизни является ориентированность на применение новых технологий. Особое распространение получают проекты, ориентированные на помощь людям с инвалидностью по слуху и зрению. Очень часто их ядром становится технологическая разработка, позволяющая усовершенствовать уже имеющиеся средства реабилитации или предлагающая новую реабилитационную возможность. К подобным социальным инновациям относится, к примеру, израильский проект «Бесплатная телефонная линия помощи слепым и слабовидящим». Содержание данного проекта – поддержка и информационное сопровождение слепых и слабовидящих людей посредством специальной горячей телефонной линии. Клиенты могут связаться

²⁷³ Innovative practices [Electronic resources] // Zero Projects. Режим доступа: <https://zeroproject.org/innovative-practices/>

с операторами центра с помощью телефона, компьютера или планшета. Они получают инструкции в режиме реального времени, главным образом по телефону, пять дней в неделю. Эта услуга значительно снижает технологические барьеры интеграции на рабочем месте, помогая слабовидящим людям освоиться на рабочем месте и построить деловые отношения с коллегами. Кроме горячей линии организаторы проекта занимаются тестированием доступности информационных систем на рабочем месте для компаний, которые стремятся использовать труд слабовидящих. Проект открывает новые возможности развития инклюзивного образования, благодаря чему находит поддержку на уровне Министерства образования Израиля.

В меньшей степени распространены подобные инициативы, направленные на поддержку глухих и слабослышащих, людей с ментальными нарушениями, лиц, испытывающих трудности в передвижении, или нуждающихся в специальном лечении и реабилитации. Но есть и примеры, связанные с помощью данным категориям инвалидов. К примеру, в Австрии крупный банк предоставляет клиентам возможность заказать услугу сопровождения на языке жестов в режиме видеосвязи или при физическом посещении отделения. В Испании изобретена технология, интегрирующаяся в электронную почту, которая может упростить контент сообщений для восприятия людьми с ментальными нарушениями (табл. 6.3).

Таблица 6.3. **Некоторые проекты социальных инноваций в сфере создания доступной среды для инвалидов**

Сфера	Название инновационного проекта	Страна	Идея	Целевая категория
Обеспечение доступности среды	Создание доступных пешеходных маршрутов для отдыха и ежедневного использования	Норвегия	Сделать удобными для использования людьми с инвалидностью пешеходные пригородные маршруты во всех муниципалитетах	Люди с ментальной инвалидностью, слабовидящие и слепые, люди, использующие кресла-коляски
	Приложение для чтения меню ресторана для лиц с нарушениями зрения	Австрия	Безбарьерное многоязычное приложение, MenuSpeak, помогает людям с нарушениями зрения выбирать продукты питания и напитки из меню в кафе или ресторане.	Слепые и слабовидящие люди

Продолжение таблицы 6.3

Сфера	Название инновационного проекта	Страна	Идея	Целевая категория
Обеспечение доступности среды	Прибор, помогающий понимать тексты и определять предметы	Весь мир	Специальный прибор MyEye, состоящий из устройства ввода визуальной и вывода звуковой информации (очки с закреплёнными на них камерой и микрофоном), и блока обработки информации (небольшая коробочка). Прибор может использоваться для работы с любыми текстами. Управление его функциями осуществляется с помощью жестов. Благодаря функции запоминания может быстро выдавать ранее введённую пользовательскую информацию, например, номер счёта, номер телефона и т.п. Прибор разработан израильской компанией OrCam в 2013 году. В настоящее время он доступен по всему миру на десяти языках, с дополнительными языками в стадии разработки.	Слепые и слабовидящие люди
	Тактильные пути, дающие голосовые команды через смарт-палку и приложение для мобильного телефона	Италия, Бельгия и Канада	Система LVE состоит из тактильного покрытия (текстурированные поверхности которые позволяют потребителям чувствовать направления и опасности) интегрированного с определёнными радиочастотами. Пользователь держит Bluetooth-оборудованную трость, которая получает инструкции от радио-передатчиков, когда он касается пути. Затем эти инструкции отправляются через Bluetooth в приложение на мобильном телефоне пользователя, которое считывает голосовые инструкции на основе загружаемой карты. Пользователи получают уведомления о перекрестках, пересечениях, направлении движения и объектах застройки на маршруте.	Слепые и слабовидящие люди
	Обеспечение доступности электронной почты для лиц с ограниченными интеллектуальными возможностями	Испания	Приложение «Колумбия» было разработано с участием людей с интеллектуальными нарушениями. Они выступали в роли тестировщиков. Доступность общения по электронной почте обеспечивается благодаря трём функциям приложения, интегрированного в Gmail: 1) упрощение текста и контента (симплекс); 2) переводчик пиктограмма-текст, текст-пиктограмма и пиктограмма-пиктограмма (Text2Picto); 3) преобразование текста в речь.	Люди с нарушениями интеллекта

Окончание таблицы 6.3

Сфера	Название инновационного проекта	Страна	Идея	Целевая категория
	Обеспечение «безбарьерного» шоппинга	Испания	Сеть магазинов обуви, обеспечивающая доступность за счёт использования инновационных подходов. Товары расположены по размеру, а также промаркированы с использованием цветных бирок. Кроме того, магазины предоставляют услугу сопровождения с использованием жестового языка для людей с нарушениями слуха. Компания-владелец магазинов создала «круг обеспечения качества», состоящий из людей с различными типами инвалидности, которые посещают магазин в качестве тайных покупателей, оценивают его доступность и сообщают результаты компании. Сотрудники магазина прошли специальную подготовку по обслуживанию инвалидов, чему также способствует тот факт, что большинство из них также являются инвалидами.	Все категории людей с инвалидностью
	«Умный» банкинг на языке жестов	Австрия	UniCredit Bank Austria с 2015 года предлагает клиентам консультации на австрийском языке жестов посредством видеозвонков. Концепция применяется для различных операций (например, инвестиционная стратегия, финансирование недвижимости, кредитования, пенсионного страхования, сбережения и т.д.) и доступна с понедельника по пятницу с 8 утра до 8 вечера по предварительной записи. Ключевой инновацией «умного банкинга на языке жестов» является его доступность через веб-камеры, что делает процесс независимым от перехода к физическому местоположению.	Глухие и слабослышащие люди
Источник: Innovative practices [Electronic resources] // Zero Projects. Режим доступа: https://zeroproject.org/innovative-practices/				

Следует сказать и о том, что в европейских странах сильно движение за независимую жизнь инвалидов, деинституционализацию системы их социальной защиты. В докладе Уполномоченного по правам человека (еврокомиссара) в Евросоюзе за 2015 год отмечено, что приветствуется практика, реализуемая во Фландрии (провинция Бельгии), где принят закон о персональном финансировании. В соответствии с этим нормативным актом, все инвалиды имеют право на базовый бюджет поддержки (в размере 300 евро), который они могут свободно использовать для доступа к имеющимся услугам. Лица, нуждающиеся в большей поддержке, могут запросить дополнительный личный бюджет на основе оценки потребностей, который они могут использовать для покрытия стоимости реабили-

тационных услуг или технических средств. Инвалиды могут сами выбирать поставщиков услуг²⁷⁴.

Таким образом, проведённое исследование позволило установить, что для российских регионов продолжают сохранять актуальность проблемы инклюзии инвалидов, обусловленные несовершенством правового поля, а также неразвитостью у населения представлений о том, что такое общество равных возможностей. Показано, что для преодоления выявленных средовых и ментальных барьеров требуется систематизация мер действующей социальной политики в интересах инвалидов. Предложены конкретные механизмы преодоления барьеров социальной инклюзии инвалидов. Проанализирован мировой опыт, демонстрирующий вклад инновационного процесса в преодоление социального исключения инвалидов.

6.3. Механизмы инклюзии многодетных семей

Наличие внешних и внутренних причин эксклюзии многодетных семей требует адекватных им механизмов вовлечения в социум, расширения доступа к правам и ресурсам. В их качестве рассматривают создание среды общения (А.В. Суворов), удовлетворение интересов и раскрытие возможностей жизненных перспектив, обеспечение социального статуса (М.С. Астоянц, И.Г. Россихина), приобщение к культурному процессу (В.И. Ярская)²⁷⁵, наращивание социального капитала (Н.Е. Тихонова)²⁷⁶. Социум должен предоставить индивидам и социальным группам возможность включения на различных уровнях: политическом, культурном, экономическом, социальном.

Нормативно-правовое обеспечение социальной поддержки многодетной семьи

Социальная защита многодетных семей и механизм ее реализации базируются на нормативных документах, различающихся по уровню субъектов их издания:

1. Регламентирующие и рекомендательные документы международных организаций (декларации, конвенции, рекомендации и резолюции ООН, ВОЗ, ЮНИФЕС и др.).

²⁷⁴ Доклад Нильса Муйжниекса, Уполномоченного по правам человека Совета Европы, по итогам визита в Бельгию с 14 по 18 сентября 2015 года [Электронный ресурс] // Council of Europe. Режим доступа: [https://rm.coe.int/ref/CommDH\(2016\)1](https://rm.coe.int/ref/CommDH(2016)1)

²⁷⁵ Маслиева С.Н. Интеграция и инклюзия: парадигмальная характеристика // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 163.

²⁷⁶ Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 36-83.

2. Российские нормативные акты федерального значения: Конституция Российской Федерации, законы Российской Федерации, указы, распоряжения Президента Российской Федерации, приказы Министерства труда и социального развития.

3. Исполнительные акты регионального значения: указы, распоряжения главы региона.

4. Муниципальные акты районного значения: постановления, распоряжения главы муниципального образования.

В ст. 72 Конституции РФ закреплено, что защита семьи, материнства и детства находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Для проведения целенаправленной и адресной политики по усилению социальной поддержки многодетных семей Президентом РФ был принят Указ от 5.05.1992 года № 431-ФЗ «О мерах по социальной поддержке многодетных семей»²⁷⁷. В нормативном акте сделан акцент на учете региональных (национальных и культурных) особенностей при определении категорий семей, которые относятся к многодетным и нуждаются в дополнительной социальной поддержке. Также на федеральном уровне прописан перечень льгот, предоставляемых многодетным семьям: трудовых, пенсионных, налоговых, оказание социальной помощи в жилищных вопросах, области медицины и образования.

Многодетным семьям выплачиваются все виды государственных пособий, которые установлены в соответствии с Федеральным законом от 19.05.1995 года № 81-ФЗ:

- 1) пособие по беременности и родам;
- 2) единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности;
- 3) единовременное пособие при рождении ребенка;
- 4) ежемесячное пособие по уходу за ребенком;
- 5) пособие на ребенка;
- 6) единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью;
- 7) единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву;
- 8) ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву.

²⁷⁷ Действующий Указ Президента Российской Федерации уже длительное время заменяет собой федеральный закон. Временный характер нормативного акта предполагает необходимость принятия соответствующего документа федерального значения (Емельяненко О.С. Государственная поддержка многодетных семей // Вестник Бурятского университета. 2013. № 5. С. 139.)

Трудовые льготы. В случае официального трудоустройства родитель многодетной семьи может претендовать на льготы, предоставляемые работодателем или государством: помощь в устройстве на работу от службы занятости; дополнительный двухнедельный отпуск за свой счет по семейным обстоятельствам; один оплачиваемый выходной день в неделю дополнительно. При разработке региональных программ занятости государство обязывает учитывать необходимость трудоустройства многодетных родителей, возможность их работы на условиях применения гибких форм труда (неполный рабочий день, неполная рабочая неделя, работа на дому, временная работ и т.д.); обеспечивать организацию их обучения и переобучения с учетом потребностей экономики региона.

Пенсионные льготы. Многодетные матери могут претендовать на досрочный выход на пенсию и дополнительные пенсионные баллы на время декрета. Согласно действующему ФЗ от 17.12.2006 г. №173 «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» матери выходят на пенсию на 5 лет раньше положенного срока (с 50 лет), если страховой стаж в сумме составляет 15 и более лет.

Налоговые льготы предусматривают вычет НДФЛ из заработной платы за каждого воспитываемого несовершеннолетнего ребенка. В ряде регионов предусмотрены льготы на уплату транспортного налога и налога на недвижимость. Льготы по уплате налога на автомобиль действуют в следующих субъектах СЗФО: г. Санкт-Петербург, Ленинградская и Мурманская области.

Помощь многодетным семьям в решении жилищных вопросов. Государство через местные муниципальные органы берет на себя ответственность за обеспечение земельным участком, предоставление социального жилья для многодетных семей по договору найма, предоставление субсидий на оплату коммунальных услуг. В соответствии с ФЗ от 14.06.2011 года №138 и Земельным кодексом РФ многодетные семьи имеют право получить земельный участок размером от 6 до 15 соток на строительство дома, дачи, приусадебных помещений, на размещение насаждений для использования в личных целях. Размер субсидий на оплату коммунальных услуг составляет не менее 30% (общефедеральная норма). Также государство посредством финансово-кредитных организаций реализует льготные программы на покупку жилья.

Медицинские услуги. Многодетные матери имеют право получать бесплатно некоторые медикаменты, лекарственные препараты и витамины по рецептам врача. Проводится первоочередное обслуживание в поликлиниках и больницах, дается приоритетное право лечиться в санаториях и оздоровительных заведениях.

Сфера образования. Дети вправе получать бесплатно учебники, питание в школьных столовых; место в детсаду предоставляется вне очереди. Студенты могут воспользоваться приоритетным правом при поступлении в вуз. Родителям возвращается половина стоимости платного обучения.

Многодетным гражданам предоставляется бесплатная **юридическая поддержка** по некоторым вопросам.

В зарубежной практике также закреплены льготы семьям с детьми, в том числе и многодетным семьям (табл. 6.4). Во всех странах выплачивается единовременное (Испания, Латвия, Исландия и др.) и/или ежемесячное (Германия, Швеция, Финляндия и др.) пособие. В ряде стран размер пособия дифференцируется в зависимости от количества и возраста детей. Например, в Швеции предусмотрено прогрессивное пособие, размер которого увеличивается с рождением очередного ребенка, а в Германии размер дополнительного ежемесячного пособия меняется на четвертого и каждого последующего ребенка.

Таблица 6.4. **Сравнение законодательств, регламентирующих социальную поддержку многодетным семьям (на примере стран Европы)**

Вид социальной поддержки	Российская Федерация	Страны Европы
Ежемесячное пособие на ребенка	Ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком (до 1,5 лет в размере минимального размера оплаты труда)	Германия: ежемесячное пособие на каждого ребенка до двух (в некоторых землях до трех лет) в размере 300 евро. Дополнительное пособие на каждого ребенка 154 евро (до трех детей в семье) и 189 евро (на четвертого и т.д. ребенка). Выплачивается до 27 лет (при получении ребенком среднего и высшего образования). Швеция: прогрессивное пособие, размер которого возрастает с рождением очередного ребенка. Финляндия: ежемесячное пособие на каждого ребенка до 18 лет в размере 100 евро.
Единовременное пособие при рождении ребенка	Единовременная выплата на ребенка (16 350 рублей) Материнский капитал выплачивается в случае рождения (усыновления) третьего ребенка (если не оформлен при рождении второго)	Испания: при рождении ребенка родители получают 2500 евро. Украина: около 3000 долларов за первого ребенка, 6000 долларов за второго и 12000 – за третьего и последующих. Беларусь: первый ребёнок – около 900 долларов, второй и другие около 1200 долларов. Исландия: при рождении ребенка семье выплачивают 25 000 исландских крон. Латвия: единовременная выплата на ребенка 600 евро.

Окончание таблицы 6.4

Вид социальной поддержки	Российская Федерация	Страны Европы
Пенсионные льготы	Досрочное назначение трудовой пенсии по старости женщинам, родившим пять и более детей и воспитавшим их до достижения возраста 8 лет	Чехия: каждый рожденный ребенок уменьшает на год возраст выхода на пенсию матери.
Различные льготы на оплату услуг	Льготы по оплате коммунальных услуг Льготы на проезд детей на транспорте Льготы на бесплатное питание Льготы на бесплатное посещение музеев, выставок	Швеция: дополнительное пособие по оплате коммунальных услуг, если доход семьи не достигает прожиточного минимума. Германия: Многодетные семьи имеют право на бесплатную путевку на всю семью в дом отдыха, санаторий. Государство оплачивает детские сады/ясли, если семья имеет низкий уровень дохода. Финляндия: при рождении пакет предметов, необходимых на первом году жизни ребенка, на сумму 100 евро.
Налоговые льготы	Вычет НДФЛ из заработной платы за каждого воспитываемого несовершеннолетнего ребенка Дополнительные налоговые льготы (налог на имущество, налог на транспорт) на региональном уровне	Германия: налоговые льготы. Франция: дифференцированное уменьшение налогооблагаемой базы семьи (семьи с четырьмя детьми практически не платят налогов).
Источник: составлено авторами.		

Порядок назначения и выплаты пособия на ребенка устанавливается законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. В помощь многодетным семьям при оформлении документов на получение выплат и льгот разработан порядок межведомственного взаимодействия. Если документы (копии документов, сведения), необходимые для назначения и выплаты государственных пособий, не были представлены лицом, имеющим право на получение государственных пособий, по собственной инициативе, то они запрашиваются органами, осуществляющими назначение и выплату государственных пособий, в государственных органах, органах местного самоуправления и подведомственных государственным органам или органам местного самоуправления организациях, в распоряжении которых находятся указанные документы. Межведомственное информационное взаимодействие в целях назначения и выплаты пособий осуществляется в соответствии с требованиями Федерального закона от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Однако предоставление льгот, пособий и субсидий, положенных многодетным семьям по законодательству, носит заявительный характер. Для получения выплат и льгот следует обращаться с заявлением и необходимыми документами в орган социальной защиты населения, многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг или через портал государственных и муниципальных услуг.

Практика реализации социальной поддержки многодетных семей опирается на соблюдение следующих условий:

- 1) семья должна постоянно проживать на территории РФ;
- 2) семья имеет удостоверение многодетности, выданное органами социального обеспечения;
- 3) возраст родных или усыновленных детей соответствует принятым ограничениям по данному региону;
- 4) мать или отец не отказываются выполнять свои обязанности, добросовестно воспитывают детей и не ущемлены в родительских правах.

Если многодетная семья находится в трудной жизненной ситуации, то ей предоставляется комплекс социальных услуг, состав, объем и формы которых прописаны в национальном стандарте Российской Федерации «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги семье»²⁷⁸. Согласно действующему законодательству, право на получение государственной социальной помощи имеет семья, доход которой ниже прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Федерации.

В отсутствие федерального закона Указ Президента Российской Федерации от 5.05.1992 года № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» являлся базовым при принятии региональных нормативно-правовых актов. При опоре на одну федеральную базу перечень и виды мер социальной защиты существенно различаются в регионах и по количеству, и по содержанию, и по источникам финансирования. Региональное законодательство более развито, содержательно и разнообразно по сравнению с федеральным. «Однако существенное нормативное многообразие в социальной сфере не всегда оправданно, так как при отсутствии гарантированного минимума мер социальной защиты может возникнуть ситуация конституционного неравенства прав граждан в зависимости от места их жительства»²⁷⁹.

²⁷⁸ ГОСТ Р 52885-2013 Социальное обслуживание населения. Социальные услуги семье [Электронный ресурс] // АО «Кодекс». Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200107238>

²⁷⁹ Емельяненко О.С. Государственная поддержка многодетных семей // Вестник Бурятского университета. 2013. № 5. С. 141.

Итак, особенностью законодательного обеспечения социальной политики в отношении многодетных семей выступает необходимость подкрепления федеральных нормативных актов на региональном уровне и существующая дифференциация социальной политики в отношении многодетных семей, обусловленная различием уровней социально-экономического развития регионов. Также следует отметить, что в целом многодетная семья не является объектом прямой социальной защиты²⁸⁰. Большинство предоставляемых льгот касается различных категорий граждан, относящихся к «малоимущим» или «находящимся в трудной жизненной ситуации и требующих помощи государства». Действующее в сфере социальной защиты законодательство как на федеральном, так и на региональном уровнях предполагает не целостный подход, а лишь «набор» различных видов помощи чаще всего через систему отдельных пособий. Такой подход затрудняет получение многодетными семьями социальной поддержки в полном объеме вследствие неполноты информации, нехватки временных ресурсов, несоразмерности затраченных усилий по оформлению льготы и размера компенсации. Сами многодетные родители выражали пожелание, чтобы различные льготные выплаты были объединены в одну «корзину».

Александра: «Компенсация за проезд, садик, питание – не надо всего этого. Одно пособие, но нормальное, и не нужно никаких больше льгот».

Елена (6 детей): «Меня устраивает создание единого реестра, в который были бы занесены все данные по многодетным семьям, т.к. то на ЕДК справки собираешь, то на субсидии. У нас три семьи прописаны, поэтому справки надо собирать на три семьи. Почему не сделать справки только на семью, которая получает субсидию?»

Неоднородность регионального законодательства отражается на возможностях получения социальной помощи многодетным семьям в случае смены региона проживания, различий официального и фактического региона проживания, несовпадения региона официального проживания членов многодетной семьи. Так, если один из родителей официально зарегистрирован в г. Москве, а другой – в Московской области и дети имеют различную прописку, то семья не сможет получить статус «многодетной».

К недостаткам следует отнести и правовую регламентацию выявления многодетных семей, нуждающихся в поддержке. В настоящее время она носит заявительный характер, что, по мнению экспертов, влечет за собой неполный охват многодетных семей, нуждающихся в помощи.

²⁸⁰ Краснослободцева М.И. Многодетная семья как объект социальной защиты // Вестник Тамбовского государственного университета. 2008. № 11 (67). С. 176-179.

Система оказания социальной поддержки многодетным семьям

В систему социальной помощи многодетным семьям входят разные службы и организации: органы социальной защиты, служба занятости, органы народного образования, органы здравоохранения, благотворительные и торговые организации, НКО. Большая часть помощи многодетным семьям осуществляется государством, причем ее размеры сильно варьируются по регионам.

Муниципальные органы исполнительной власти (управление социальной защиты населения, отделы по проблемам семьи, материнства и детства) проводят ежегодную перерегистрацию многодетных семей с выделением категории малоимущих семей, имеющих доходы ниже утвержденного прожиточного минимума. В ведении органов социальной защиты, помимо оформления пособий и льгот, оказания адресной социальной и материальной помощи, предоставления семейных путевок, находится создание центров помощи семье. Органы социальной защиты населения формируют базу персонифицированного учета получателей социальной поддержки.

Служба занятости занимается первоочередным трудоустройством многодетных родителей, обеспечением, по возможности, гибкого графика работы; организацией обучения и переобучения родителей для получения другой специальности; привлечением к работе подростков из многодетных семей, получением ими статуса безработных, привлечением их к труду круглогодично.

Ассоциации многодетных семей участвуют в организации взаимопомощи (общение, одежда, обувь, игрушки и т.д.). В Вологодской области существует практика «Семья – семье», когда семья берет под опеку нуждающуюся многодетную семью и оказывает ей помощь в натуральном виде.

Виды и формы работы с многодетными семьями можно подразделить на экстренные, направленные на выживание семьи (экстренная помощь, срочная социальная помощь, немедленное удаление из семей детей, находящихся в опасности и т.п.); направленные на поддержание стабильности семьи и на социальное развитие семьи и ее членов. Основное внимание уделяется первым двум линиям работы с многодетными семьями. Однако поддержка семьи не может ограничиваться мерами по её выживанию, так как вырваться из замкнутого круга материального неблагополучия возможно лишь в условиях развития и изменения объекта социальной защиты.

Для системы оказания социальной помощи многодетным семьям характерно наличие следующих проблем: многочисленность различных льгот и пособий, в которых трудно разобраться получателям пособий и оценить их эффект органам власти; маленький размер пособия на ребенка, который не повышался с 1994 г.; низкие пороговые значения доходов семьи для отказа в назначении пособия; бюрократия и некомпетентность сотрудников органов социальной защиты при оформлении различных льгот.

Елена (6 детей): «Старший сын поступает в техникум, выплаты пособия как многодетной матери приостановили. Говорят, зачем вам бегать туда-сюда и дважды приносить справки, мы вам потом начислим. Сразу за 3 месяца заплатим. А мне сейчас детей в школу собирать надо».

Алла (3 детей): «С точки зрения поддержки материальной обратиться в МФЦ – безразличие и некомпетентность специалистов».

Александра (4 детей): «Я должна подтверждать каждый год справками, чтобы получить 1400 рублей за 4-х детей. В МФЦ десять человек сидят, чтобы каждый год оформить это пособие. Пусть до 2000 рублей увеличат, а не 345 рублей. За опеку государство платит больше».

Вика (3 детей) про бесплатные лекарства многодетным семьям: «За одной бутылочкой каждый раз ходить, проще купить самой. Это ведь надо выкроить время, детей с кем-то оставить, справки собирать».

В научной среде также отмечалась бюрократизация социальной работы, слабая регламентация труда социального работника «на фоне низкой профессиональной квалификации, слабого понимания структурных условий социальных проблем и дефицита в арсенале у специалистов технологий эффективной работы с трудными случаями»²⁸¹.

В ходе исследования выявилось противоречие во взглядах работников социальных служб и многодетных семей на организацию работы по предоставлению льгот. Многодетные родители указывали на бюрократизм и недостаточную компетентность специалистов при оформлении различных видов социальной помощи, отсутствие единого банка данных, что увеличивает временные затраты. Вместе с тем эксперты говорили о существовании единого реестра многодетных семей – получателей социальной помощи, который выполняет функцию единого банка данных

²⁸¹ Романов П., Ярская-Смирнова Е. Идеология социальной политики и практика социального обслуживания в период либеральных реформ // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М. : ЦСПГИ, Вариант, 2008. С. 103.

и сокращает перечень справок и документов, необходимых для оформления пособий, до одного паспорта и заявления. Нам кажется, что такое противоречие во взглядах представляет собой следствие недостаточного информирования многодетных семей о системе получения социальной помощи, нехватки именно актуальной информации.

Значительным недостатком системы социальной помощи многодетной семье, по мнению экспертов, является отсутствие эффективного межведомственного взаимодействия. Например, необходимы интеграция семейно-демографической политики с политикой в сфере трудовых отношений и занятости населения, осуществление перехода от персонализированной модели защиты к семейно-адресной модели социальной поддержки²⁸².

Механизмы инклюзии многодетных семей

Расширение доступа многодетных семей к правам и ресурсам предполагает разработку механизмов различного уровня: инклюзивной культуры, инклюзивной политики и инклюзивной практики.

Понятие инклюзивной культуры, которое уверенно входит в жизнь российского общества, связано в большей степени с инклюзивным образованием и изменением установок по отношению к детям/людям с ограниченными возможностями. Что же общего у инвалидов и многодетных семей? Это отношение к ним в первую очередь как к иждивенцам. «Инклюзивная культура – это такой уровень развития общества, который выражается в толерантном, гуманном, терпимом, безопасном отношении людей друг к другу, где разделяются идеи сотрудничества, ... а также формируются всеми принимающиеся инклюзивные ценности»²⁸³. На инклюзивной культуре должна основываться социальная политика и практика социального государства.

Механизмы формирования инклюзивной культуры в России подразумевают изменение отношения к многодетным семьям в обществе через демонстрацию нового образа многодетной российской семьи. Так, эксперты, работающие с многодетными семьями в системе оказания социальной помощи, отмечают, что происходит формирование другого образа многодетной семьи, повышается статус этой категории населения. Однако сами специалисты чаще характеризуют многодетные семьи как «ижди-

²⁸² Краснослободцева М.И. Многодетная семья как объект социальной защиты // Вестник Тамбовского государственного университета. 2008. № 11 (67). С. 176-179.

²⁸³ Кириллова Е.А. Инклюзивная культура как фактор развития поликультурного образования в России // Сайт КФУ. Режим доступа: https://kpfu.ru/staff_files/F1196477887/Sekciya_2_Kirillova_E._A..pdf

венцев», ведь характер их работы предполагает, что они контактируют с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации, что подкрепляет стереотип «многодетная семья – неблагополучная семья», «многодетные семьи все просят себе денег и преференций». Изменению установок социальных работников в отношении многодетных семей должно придаваться большое значение, так как представители многодетных семей наиболее часто обращают внимание на проявление негатива со стороны работников социальных служб. Как было показано ранее, его отмечают даже более благополучные многодетные семьи, отделяя чаще всего доброжелательное отношение к ним в обществе от недоброжелательного со стороны представителей учреждений и органов социальной защиты.

Для решения поставленной задачи необходимо задействовать *психологические механизмы инклюзии* многодетных семей, а именно выявление негативных установок и работа с ними. Для специалистов социальной сферы возможно применение следующих приемов: «проведение границы между профессиональным и личным восприятием социальной проблемы»²⁸⁴, перенос акцента с личностных на социально-экономические причины трудной жизненной ситуации, супервизия – по аналогии с работой психологов и психотерапевтов. Преодоление негативных (дискриминационных) стереотипов в сознании многодетных родителей связано с проработкой негативного опыта и деструктивных чувств (тревоги, вины), повышением самооценки, ответственности за свое поведение и результаты деятельности.

Изменение дискриминационных установок позволило бы, во-первых, выделить подгруппу благополучных многодетных семей, которые воспринимали бы свои отношения с обществом в целом как уважительные и равноправные, что стало бы первым шагом на пути к инклюзии всей социальной группы. А во-вторых, смягчило бы состояние эксклюзии многодетных семей, испытывающих затруднения, так как уменьшился бы негатив, сопровождающий обращение к органам власти за материальной помощью.

Демонстрируемый в СМИ образ «благополучной многодетной семьи» (самостоятельной, уверенной в завтрашнем дне, пользующейся уважением в обществе) оказал бы влияние на смену общественного мнения в отношении многодетности. Тем самым запустился бы процесс смены стереотипов, присущих как социуму в отношении многодетных семей, так и отдельным представителям этой категории населения.

²⁸⁴ Шмидт В. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 4. С. 559.

Что касается социальной политики, то в отношении многодетных семей более эффективной будет одновременная реализация двух направлений государственной политики: социальной поддержки семьи и стимулирования активности со стороны семьи в решении трудных жизненных ситуаций.

Здесь мы обращаемся в первую очередь к *нормативно-правовым и организационным механизмам инклюзии* многодетных семей (табл. 6.5).

Таблица 6.5. **Предложения по повышению эффективности социальной поддержки многодетных семей**

№ п/п	Основные проблемы	Предложения по повышению эффективности оказываемой социальной поддержки
1.	Временный характер Указа Президента РФ, заменяющего федеральный закон о многодетных семьях	1. Подготовить проект ФЗ о статусе и социальной политики в отношении многодетной семьи.
2.	Дифференциация социальной политики в отношении многодетных семей, обусловленная различием уровней социально-экономического развития регионов	1. На основании анализа действующего регионального законодательства и практики работы с многодетными семьями подготовить предложения по сглаживанию региональных различий в оказании социальной помощи многодетным семьям (например, льготного налогообложения).
3.	Необходимость предоставления различных пакетов документов для получения льготы/пособия	1. Создать единый реестр всех многодетных семей региона. 2. Унифицировать процесс ежегодного обновления документов.
4.	Недостаточная информированность реципиентов социальной помощи о возможности её получения	1. Ввести в штат учреждений и органов социальной защиты специалиста по правам многодетных родителей. 2. В МФЦ выделить один день для приема только многодетных семей. 3. Подключить НКО, занимающиеся проблемами многодетных семей, к информированию реципиентов социальной помощи. Органам социальной защиты населения проводить по мере необходимости учебу с представителями НКО по изменению действующего законодательства и порядка оформления льгот.
Источник: составлено авторами.		

Чтобы избавиться от отмечаемого сообществами многодетных семей большого количества справок, которые приходится собирать в разные комиссии, предлагается унифицировать процесс ежегодного обновления документов, создать единый реестр всех многодетных семей региона. Наряду с этим следует ввести в штат учреждений и органов социальной защиты специалиста по правам многодетных родителей. В многофункциональных центрах предоставления государственных услуг должен быть выделен день для приема только многодетных семей. Для того чтобы

было легче ориентироваться в предоставляемых льготах, желательно сформировать пакет льгот, предоставляемых многодетным родителям. Сообщество многодетных семей высказывает пожелание о назначении единого пособия всем многодетным, без категорий и групп, и создании единого реестра многодетных семей, в который будут занесены все данные о членах семьи, что избавит от необходимости собирать каждый раз справки для назначения пособия или предоставления льготы.

Еще одним финансовым механизмом оказания поддержки многодетным семьям является материнский капитал, но в отношении данной программы у многодетных семей имеются пожелания. Во-первых, они касаются целей, на какие может быть потрачен материнский капитал, который предлагается направлять на повышение качества занимаемого жилья, покупку автомобиля для семьи. Во-вторых, по механизму реализации программы предлагается размещать материнский капитал в банке, чтобы на него начислялись проценты, доступные для снятия получателем материнского капитала.

К финансовым механизмам относится также предоставление кредитов. В настоящее время банки практически не дают кредиты многодетным родителям. Поэтому актуально прорабатывание возможностей предоставления государством через банки специальных кредитов многодетным семьям, в частности ипотечных кредитов под льготные проценты и со списанием стоимости определенного количества квадратных метров за каждого ребенка в семье и за последующих, кто родится до момента выплаты кредита; кредитов для покупки земли и строительства своего дома, на тех же условиях списания части кредита в зависимости от количества детей.

Что касается предоставления налоговых льгот, то необходимо закрепить на федеральном уровне введение льгот по налогообложению для всех многодетных в зависимости от количества детей (налоги на транспорт, землю и собственность).

Итак, сообщество многодетных семей считает необходимым совершенствование механизма оказания прямой финансовой помощи в достаточных объемах. Вместе с тем программы социальной поддержки семей с детьми не должны гарантировать полное содержание ребенка только за счет ресурсов социальной защиты, сохраняя за семьей ответственность за содержание детей, с тем чтобы оставалось актуальным такое направление инклюзивной политики в отношении многодетных семей, как их активизация в решении жизненных проблем.

Ученые отмечают, что среди специалистов социальной сферы распространен экономический подход к процессам эксклюзии и инклюзии, основанный на трудовых доходах. Принимаемые меры по поддержке многодетных семей должны сопровождаться «разумной политикой в области труда»²⁸⁵. В связи с этим видится целесообразной практика предоставления льгот по налогам работодателям, берущим на работу многодетных родителей. Следует признать, что материнство, родительство – это труд, который должен в соответствии с его качеством оплачиваться, и работник этого труда вправе рассчитывать на полноценное пенсионное обеспечение. Поэтому деятельность по уходу и воспитанию детей в многодетной семье до достижения младшим ребенком 14 лет следует относить к общественно полезной деятельности. В решении проблем трудоустройства безработных многодетных родителей и молодежи из многодетных семей свои усилия должны объединить члены многодетных семей, службы занятости и социальной защиты.

Политика активизации многодетных семей по решению проблемных ситуаций включает развитие некоммерческих организаций, содействующих трудоустройству многодетных родителей и их гражданскому объединению, выработке и распространению лучших практик решения специфических проблем подобных семей. Сейчас властью уделяется много внимания вопросам развития гражданского общества, что можно совместить с решением проблем социальной уязвимости и социальной эксклюзии многодетных семей, например, развивать некоммерческие организации (в том числе из представителей многодетных семей), содействующие объединению данных семей для совместного преодоления трудных жизненных ситуаций, трудоустройству многодетных родителей, распространению опыта решения специфических проблем многодетных семей.

Алла (4 детей): «О реестре поставщиков социальных услуг. Огромный перечень организаций, которые входят в этот реестр. Кого не коснись, все действуют в своих интересах. Они существуют мало по времени. Должна быть организация с репутацией, где точно знаешь, что окажут помощь. А у нас у всех есть опыт воспитания и заботы о детях».

Елена (3 детей): «Среди многодетных много специалистов социальной сферы. Если создать структуру взаимопомощи, то участники могут посидеть с детьми. Мы хотим наладить взаимодействие друг с другом».

²⁸⁵ Шмидт В. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 4. С. 554.

Вхождение в состав НКО многодетных родителей повысит эффективность социальной работы с данной категорией населения. Ведь многодетные родители знакомы со всеми проблемами не понаслышке и у них есть опыт их решения и мотивация. Включение в реестр поставщиков социальных услуг позволит более действенно решать вопросы оформления профессионального родительства в региональном законодательстве и создания дополнительных детских садиков на дому, куда можно отвести ребенка на короткое время, необходимое для посещения женщиной каких-либо инстанций. Примерная программа деятельности НКО представлена в приложении.

Итак, для преодоления или профилактики риска социальной эксклюзии многодетных семей необходимо реализовать комплекс мер как на федеральном, так и на региональном уровне. Инклюзивная политика должна осуществляться в двух направлениях, таких как социальная поддержка и одновременно стимулирование активности со стороны многодетных семей в решении жизненных проблем. Основное внимание следует уделить решению проблем в трудовой сфере, объединению усилий служб занятости и социальной защиты в трудоустройстве безработных многодетных родителей, причем в большей степени эти вопросы касаются матерей.

Основной проблемой многодетных матерей выступает перераспределение личных ресурсов между семьей и работой. В связи с этим к режиму и условиям работы предъявляются определенные требования: гибкий график работы или возможность удаленной работы, планирование объемов выполняемой работы с работодателем; наличие рабочего пространства, возможно за пределами дома. Сейчас в ряде регионов реализуется идея профессионального материнства, согласно которой материнство – это труд, который должен оплачиваться, и впоследствии при соблюдении ряда условий работник должен получать полноценное пенсионное обеспечение.

Реализации инклюзивной политики будет способствовать развитие некоммерческих организаций (в том числе из представителей многодетных семей), содействующих объединению данных семей для совместного преодоления трудных жизненных ситуаций и решения вопросов в трудовой сфере; включение НКО в реестр поставщиков социальных услуг.

6.4. Механизмы преодоления барьеров социальной инклюзии молодых специалистов

Сплоченность в обществе обеспечивается за счет инклюзии разных групп граждан в социальные процессы вне зависимости от пола, возраста, социального статуса и других характеристик. Как было показано в предыдущих параграфах, одну из социально уязвимых групп населения представляют молодые специалисты. Сложности, возникающие в ходе их включения в социальные процессы, могут отрицательно сказаться не только на этой группе населения, но и на процессе общественного развития в целом²⁸⁶. В этой связи актуальным является обращение к нормативно-правовой базе поддержки молодых специалистов в России с целью оценки эффективности существующей системы и разработки механизмов преодоления социальной уязвимости.

Согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», целью государственной молодежной политики в России является создание условий для успешной самореализации и интеграции молодежи в общество, а также повышение ее роли в жизни страны²⁸⁷. К приоритетным направлениям деятельности отнесены: формирование системы ценностей с учетом многонациональной основы государства; развитие просветительской работы с молодежью, инновационных образовательных и воспитательных технологий; формирование ценностей здорового образа жизни; создание условий для реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере и т.д. На достижение поставленных целей и задач направлено множество нормативно-правовых документов, регулирующих вопросы общего характера и акцентирующих внимание на отдельных категориях молодых людей (табл. 6.6). Положения, связанные с реализацией государственной молодежной политики, находят отражение в отраслевых законодательных актах (например, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»²⁸⁸), а также в различных программах и стратегиях федерального и регионального уровней. Координа-

²⁸⁶ Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: Перспектива, 2016. 166 с. (С. 5-9)

²⁸⁷ Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/>

²⁸⁸ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 27.06.2018) // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

тором молодежной политики является Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), по данным которого каждый субъект РФ располагает нормативными документами, определяющими содержание работы с молодежью²⁸⁹.

Таблица 6.6. **Основные нормативно-правовые акты, регламентирующие молодежную политику в РФ**

Вопросы	Нормативно-правовые акты
Общие вопросы	- Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р; - О Федеральном агентстве по делам молодежи: постановление Правительства РФ от 29 мая 2008 г. № 409; - Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ.
Вовлечение в социальную практику молодежи и раскрытие ее потенциала	- О Всероссийском конкурсе молодежных проектов: распоряжение Правительства РФ от 16.12.2013 года №2359-р; - О мерах государственной поддержки талантливой молодежи: указ Президента РФ от 6 апреля 2006 г. № 325; - О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений: № 98-ФЗ от 28 июня 1995 г.: принят Государственной Думой РФ 26 мая 1995 г.; - О военно-патриотических молодежных и детских объединениях: постановление Правительства РФ от 24 июля 2000 г. № 551.
Отдельные категории молодежи	- О мерах по усилению государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов и докторов наук: указ Президента РФ от 9 февраля 2009 г. № 146; - Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: № 120-ФЗ от 24 июня 1999 г.: принят Государственной Думой РФ 21 мая 1999 г.
Источник: составлено авторами.	

В то же время российское законодательство в сфере молодежной политики не лишено недостатков, что выражается в противоречивости используемого понятийного аппарата, проблемах распределения полномочий между федеральным и региональным уровнями, наличии правовых пробелов в определении статуса органов по делам молодежи в РФ, несовершенстве организационных основ и юридических гарантий государственной поддержки молодежных и детских общественных объединений²⁹⁰ и т.д. Согласно мнению специалистов, это обусловлено отсутствием правового поля для проведения единой государственной моло-

²⁸⁹ Доклад о положении молодежи и реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации «Молодежь и молодежная политика в России в контексте глобальных тенденций» // Министерство образования и науки РФ. URL: <http://rosmetod.ru/files/docx/2015/08/05/22-16-44-doklad.docx>

²⁹⁰ Заседание Экспертного совета по государственной молодежной политике при Комитете Совета Федерации по социальной политике от 16.05.2017 // Комитет Совета Федерации по социальной политике. URL: http://social.council.gov.ru/activity/activities/expert_activities/80328/

дежной политики²⁹¹. В частности, «молодежная политика не имеет конституционной основы и предмета правового регулирования, поскольку Конституция РФ не упоминает даже самого термина «молодежь»»²⁹². На национальном уровне до сих пор не существует отдельного закона «О молодежи», хотя попытки разработать и принять такой документ предпринимались неоднократно, начиная с советских времен, однако они носили в основном декларативный характер и конечной цели так и не достигли, трансформируясь в законы о молодежной политике (например, «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР»²⁹³, «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации»²⁹⁴ и др.). В результате всё это негативно сказывается на эффективности реализуемых мероприятий, что помимо всего прочего приводит к укоренению системных проблем, касающихся качества подготовки выпускников учреждений общего и профессионального образования, состояния здоровья молодых людей и распространения среди них социальных девиаций, молодежной занятости²⁹⁵ и т.д.

В настоящее время в правовом поле России отсутствует единая точка зрения относительно определения категории молодых специалистов и выделения ее четких критериев. Дискуссионными остаются вопросы относительно возраста, профессионального образования, статуса и трудового стажа молодых людей. Так, на федеральном уровне под молодым специалистом понимается *«гражданин Российской Федерации в возрасте до 30 лет (для участников жилищных программ поддержки молодых специалистов – до 35 лет), имеющий среднее профессиональное или высшее образование, принятый на работу по трудовому договору в соответствии с уровнем профессионального образования и квалификацией»*²⁹⁶. В Модель-

²⁹¹ Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: ПЕРСПЕКТИВА, 2016. 166 с. (С. 43-44)

²⁹² Выдрин И.И. Состояние российского законодательства о молодежи и молодежной политике // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2014. № 4. С. 64-69. (64)

²⁹³ Об общих началах государственной молодежной политики в СССР: закон СССР от 16 апреля 1991 г. № 2114-1 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

²⁹⁴ Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации: постановление Верховного Совета РФ от 3 июня 1993 г. № 5090-1 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

²⁹⁵ Андреев А.И., Ильин И.В. Государственная молодежная политика Российской Федерации: стратегические ориентиры развития // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 5. С. 49-53. (С. 48-50)

²⁹⁶ Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

ном законе о государственной молодежной политике, принятом на 38-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, трактовка категории «молодой специалист» несколько уже. Под ней понимается *«выпускник образовательного учреждения высшего и среднего профессионального образования в возрасте до 30 лет, принятый на работу по трудовому договору в соответствии с полученной специальностью в течение года после окончания учебы»*²⁹⁷. В Трудовом кодексе РФ молодые специалисты не ограничены возрастными границами и определяются как *лица, получившие среднее профессиональное образование или высшее образование по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам и впервые поступающие на работу по полученной специальности в течение одного года со дня получения профессионального образования соответствующего уровня*²⁹⁸. Отсутствует единообразие в региональной практике. В соответствии с законом г. Москвы «О молодежи» под молодыми специалистами понимаются *«молодые граждане, впервые поступившие на работу непосредственно после окончания образовательного учреждения среднего профессионального или высшего профессионального образования (независимо от формы получения образования) и работающие по полученной специальности до истечения трехлетнего срока с момента окончания образовательного учреждения»*²⁹⁹. Закон Ульяновской области «О мерах социальной поддержки отдельных категорий молодых специалистов на территории Ульяновской области» предлагает собственную трактовку рассматриваемой дефиниции: *«Лица, не достигшие возраста 35 лет, получившие среднее профессиональное либо высшее образование в имеющих лицензию на осуществление соответствующей образовательной деятельности и свидетельство о государственной аккредитации профессиональных образовательных организациях либо образовательных организациях высшего образования и не позднее трёх лет со дня получения диплома о среднем профессиональном образовании либо диплома бакалавра, специалиста или магистра (не позднее трёх лет со дня получения сертификата специалиста или свидетельства об аккредитации специалиста в случае получения указанными лицами среднего профессионального*

²⁹⁷ О государственной молодежной политике: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 23.11.2012 № 38-10 // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=63368

²⁹⁸ Трудовой кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 21 декабря 2001 года (№ 197-ФЗ) (ред. 05.02.2018) // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

²⁹⁹ О молодежи: закон города Москвы от 30.09.2009 № 39 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

либо высшего медицинского или фармацевтического образования) впервые поступившие на работу по должности, квалификационные требования к которой в соответствии с утверждаемыми в установленном трудовым законодательством порядке квалификационными справочниками или профессиональными стандартами предусматривают наличие у работника среднего профессионального либо высшего образования, за исключением случаев поступления на работу по совместительству»³⁰⁰.

Большое количество подходов к определению понятия «молодой специалист» во многом обусловлено различиями при выделении категорий граждан, которые могут получать льготы. К числу наиболее распространенных гарантий можно отнести: единовременную денежную выплату, ежемесячную надбавку к заработной плате, беспроцентную ссуду на приобретение жилья, компенсацию расходов за содержание жилых помещений и коммунальные услуги (в случае проживания в сельской местности). При этом встречаются региональные государственные программы, направленные на поддержку молодых специалистов определенных профессий и занятых в отдельных отраслях экономики. Как правило, данные меры распространяются на медицинских работников, кадры образования и науки, трудящихся в агропромышленном комплексе³⁰¹. Впрочем, проводимая «на местах» политика в отношении молодых специалистов носит скорее точечный, нежели системный, характер, а в ряде субъектов РФ подобная работа вообще не проводится.

Отсутствие единого представления о мерах социальной поддержки молодых специалистов в России негативно сказывается на их положении в экономике и обществе. Среди некоторых проблем, которые были показаны нами ранее, подчеркнем в первую очередь несоответствие спроса и предложения на молодежном рынке труда, невысокий уровень информированности молодежи о ситуации на рынке труда, о сферах деятельности, в которых наблюдается дефицит кадров, невысокую практическую направленность образовательного процесса, проблемы при трудоустройстве в связи с недостаточным уровнем развития отдельных навыков, требуемых работодателем, а также отдельные трудности, которые носят ментальный характер и связаны, например, с недоверием отдельным каналам трудоустройства и с субъективно невысокой оценкой эффективности их

³⁰⁰ О мерах социальной поддержки отдельных категорий молодых специалистов на территории Ульяновской области: закон Ульяновской области от 02.05.2012 № 49-30 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

³⁰¹ Информация о правовом статусе и мерах поддержки молодых специалистов // Самарская губернская дума. URL: http://ssaa.ru/structur/trudoustr/podderjka_molody'h_specialistov.pdf

деятельности, с возникающим у молодых людей состоянием страха и неуверенности в собственных силах в случае накопления негативного опыта трудоустройства и др.

В академическом сообществе успешность инклюзии молодых специалистов в социальные процессы связывают как с формированием общественного инклюзивного сознания, так и с распространенностью ценностей и норм, на основе которых строится взаимодействие между людьми³⁰². Преодоление трудностей, которые возникают у молодых специалистов при выходе на рынок труда, связывают и с осуществлением эффективной политики в области занятости молодежи, направленной на реализацию активных программ на рынке труда, создание новых рабочих мест, развитие молодежного предпринимательства и самозанятости молодых граждан, реализацию трудовых прав молодежи³⁰³ и др.

Решение обозначенных выше проблем соотносится с участием не только государства, но и других структур, в частности работодателей. Представляется, что налаживание сотрудничества государства и бизнеса, направленного на повышение качества профессионального образования, будет способствовать обеспечению более тесной увязки образовательных стандартов и программ с потребностями работодателей и, следовательно, позволит устранить одну из основных причин, сдерживающих трудоустройство молодежи после окончания образовательной организации высшего или среднего профессионального образования.

В рамках комплексного исследования, посвященного анализу корпоративного опыта в области занятости молодежи ряда стран СНГ (Азербайджан, Армения, Казахстан, Россия), показано, что вероятность трудоустройства молодежи снижает несоответствие уровня квалификации выпускников учебных заведений требованиям работодателей вследствие недостатка знаний, отсутствия практических навыков по полученной специальности. Соответственно улучшение ситуации в сфере занятости будет обеспечено за счет повышения качества профессионального образования в соответствии с потребностями рынка труда, внедрения государственных программ субсидирования занятости молодежи, программ первого рабочего места, предоставления налоговых льгот компаниям, самостоя-

³⁰² Фурьева Т.В., Фурьев Е.А. Сопровождаемое жизнеустройство как механизм преодоления социальной эксклюзии молодых людей с расстройствами аутистического спектра // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2017. № 4 (18). С. 66-74. (С. 66-67)

³⁰³ Бесфамильная С. Анализ корпоративного опыта в области занятости молодежи на примере ряда стран СНГ (Азербайджан, Армения, Казахстан, Россия) М. : МОТ, 2016. 140 с. (С. 1)

тельно реализующим программы по расширению занятости молодежи, включая лиц, не являющихся работниками организаций³⁰⁴ и др. Помимо этого необходимо развивать информационные и коммуникационные технологии, создавать базы данных, содержащие информацию, с одной стороны, о студентах и выпускниках, с другой стороны, о предоставляемых вакансиях для получения обратной связи³⁰⁵.

Особенность нашего исследования заключается в том, что обращается внимание как на объективные, так и на субъективные проблемы в области трудоустройства и занятости молодых специалистов, и в первую очередь на ментальные барьеры, которые существуют в обществе по отношению к молодым специалистам, а у них – по отношению к протекающим в обществе процессам.

В качестве информационной базы исследования выступили данные экспертного опроса, проведенного сотрудниками ФГБУН ВолНЦ РАН в мае-июне 2018 г. и охватившего специалистов Департамента труда и занятости населения и Департамента внутренней политики Вологодской области, представителей ряда молодежных организаций и крупного бизнеса. При выборе экспертов для опроса исходили из необходимости их специализации, с одной стороны, на вопросах молодежной политики, с другой – трудоустройства и занятости населения, в т.ч. и молодых специалистов.

Характеризуя полученные результаты, отметим несколько типов программ, носящих информационный, обучающий характер, способствующих повышению конкурентоспособности молодых специалистов на рынке труда и, как следствие, повышению вероятности их социализации.

Среди программ, носящих **обучающий характер**:

– **программы целевого обучения** («Поликлиники дают направление в медвуз <...> в Архангельский мед, в Ярославский мед, ребята <...> потом возвращаются на условиях, что они три-пять лет должны отработать на благо поликлиники, от которой было направление... большой плюс – обучение ребят на безвозмездной основе, особенно <...> из районов... [у них] не такая большая финансовая поддержка со стороны родителей...» [Э_1]);

– **программы, по результатам участия в которых выдается свидетельство или сертификат** («Должность водителя официальная <...> без

³⁰⁴ Бесфамильная С. Анализ корпоративного опыта в области занятости молодежи на примере ряда стран СНГ (Азербайджан, Армения, Казахстан, Россия) М. : МОТ, 2016. 140 с. (С. 1)

³⁰⁵ Данакин Н.С., Деева Н.Н. Региональная система управления трудоустройством // Социология и жизнь. 2012. № 3. С. 50-59 (С. 55)

сертификата, свидетельства не допустят ни в один лагерь работать официально... несколько раз в год идут обучающие курсы, и приходят студенты из разных вузов, все, кому нужно получить данное удостоверение... В основном приходят те, кто знает, куда они будут трудоустраиваться...» [Э_1]);

– **программы по развитию практической направленности образования** («Ребята работают в "городе детства", <...> выходят играть с детьми на площадках каждый день с 11 до 13, т. е. такая неполная занятость. <...> ребята разные, много тех, которые получают педагогические специальности. Это для них как раз очень хорошая практика. <...> Нужно выйти во двор, собрать этих детей, ожидать, что родители разные бывают, которым может что-то не понравиться, может наоборот. <...> Тем не менее, уже сколько лет идет проект, и достаточно успешно.... Молодежный центр как раз занимается набором этих вожатых...» [Э_2]; «На будущий год <...> при подготовке бюджета к защите будем закладывать **финансирование наставничества** <...> для той молодежи, которая обратилась в центр занятости. <...> я думаю, нам удастся обосновать необходимость компенсировать предприятиям затраты на наставника... мы будем стараться помогать предприятиям, чтобы они понимали, что <...> за наставника заплатит государство» [Э_4]; **«программа «Ты – предприниматель»** у нас больше обучающая, для тех, у кого уже есть свой бизнес, и кто хотел бы попробовать себя в этой сфере... Осенью проходят обучающие курсы, все желающие могут приходить, какая-то часть из них регистрирует свое дело ... немного, но есть те, которые доведут это дело до конца. Надо в любом случае пройти обучение и понять, надо ли оно мне...» [Э_1]).

Из вышеперечисленных особую значимость имеют мероприятия, усиливающие практическую направленность образовательной подготовки, что подтверждается и некоторыми результатами отечественных исследований. Например, в рамках работы НИУ ВШЭ в 2016 г., направленной на оценку важности навыков, необходимых и наиболее востребованных при трудоустройстве, установлено, что, по мнению работодателей, выпускникам вузов больше всего не хватает профессиональных навыков, непосредственно связанных с работой (62%). Усиливает этот тезис и полученный вывод о приоритетной значимости наличия опыта работы или практики по специальности (63%), а также личных качеств и навыков кандидатов (56%). Это иллюстрирует значимость для работодателя не столько внешних признаков, формально характеризующих уровень полученного обра-

зования, сколько ценность опыта работы как по профилю деятельности организации, так и с учетом специфики вакансии³⁰⁶.

Само по себе отсутствие работы свидетельствует не только о невысоком уровне накопленного специфического человеческого капитала сотрудников, но и об их «непрозрачности» для работодателя в период предконтрактных взаимодействий и сложностях, которые связаны с определением их потенциальной производительности. Следствием этого являются риски информационной асимметрии, которые сопровождаются снижением мотивации работодателей к найму молодых сотрудников³⁰⁷.

Учитывая последнее обстоятельство, можно отметить, что на рынке труда становятся важными такие программы, которые направлены на снижение подобной асимметрии:

– **программы, имеющие информационный характер** («... Мы сейчас все-таки выступаем опять же больше как информационный центр, предполагаем перейти к такой системе, чтобы у нас круглогодичная база была этих вакансий.» [Э_2]; «Проект молодежные трудовые бригады шел несколько лет, речь шла о трудоустройстве ребят 18-24 лет... <...> мы выступали как информационный центр... нам центр занятости, предприятия предоставляли вакансии... зачастую, вакансии есть, а ребята на эти вакансии не все готовы пойти. Были позитивные примеры, и достаточно большое количество было трудоустроено, если говорить о самом начале, проект, по-моему, с 2013 года если не раньше реализовывался каждое лето... но год от года все менее активно... Ребята <...> приходили на предприятие, и недостаточно качественно свою работу выполняли, на следующий год работодатели были не готовы такое же количество вакансий предоставить, как в предыдущий...» [Э_2]);

– **программы, имеющие информационный и профориентационный характер** («День карьеры молодежи». <...> Ему больше 10 лет и просто идет по накатанной. В этом году мы изменили формат, и сразу стало столько вопросов: "А где, а почему?". У нас оно проводилось в апреле. Каждый год. Я не знаю, может быть, свежий взгляд, может быть нет. <...> Вот, в этом году, мы решили проводить осенью, у нас это будет в октябре. И уже сразу и письма пишут и звонят, а что, мол, где, почему –

³⁰⁶ Рудаков В.Н. Навыки и компетенции, приобретаемые студентами во время обучения в вузе: информационно-аналитические материалы по результатам социологических обследований // Мониторинг экономического образования. 2018. № 13. НИУ ВШЭ. URL: [https://memo.hse.ru/data/2018/04/19/1150470102/iam_13_2018\(79\).pdf](https://memo.hse.ru/data/2018/04/19/1150470102/iam_13_2018(79).pdf)

³⁰⁷ Рошин С.Ю., Слесарева А.А. Наем молодых работников на российском рынке труда М.: НИУ ВШЭ, 2012. 35 с. (С. 3)

вот мы хотели бы туда прийти, а ничего нет. <...> В этом году мы делаем его в четырех точках: Вологда, Череповец, Сокол, Великий Устюг. Т.е. охват будет больше. <...> Это, наверно, самое основное областное мероприятие, куда очень хотят попасть. Там присутствует очень много работодателей, учебных заведений. Они все рассказывают действительно очень интересно.» [Э_4]; **ярмарки различные по трудоустройству**. Мы считаем их достаточно эффективными. Причем у нас тоже есть они разной направленности: для людей с ограниченными возможностями, просто ярмарки для всех желающих, есть именно для молодежи. <...> очень хорошо проходят **открытые уроки**, там вопросы **профориентации**. Причем каждый раз мы пытаемся туда привлечь первых лиц. <...> беседа в основном о своем опыте. Ребята понимают, как к этому прийти, через чего.» [Э_4]; «Мы занимаемся профориентационной работой достаточно активно. Да и не только мы. В школах существуют целые направления по профориентационной работе для того, чтобы понимание было и у родителей, и у самих школьников куда пойти.» [Э_5]).

Если рассматривать некоторые мероприятия, носящие информационный характер, то можно отметить, что, с одной стороны, их реализация направлена на смягчение информационной асимметрии, а также проблем, связанных с рассогласованием образовательной системы и рынка труда, с другой стороны, в ходе их практического воплощения могут формироваться новые барьеры, носящие ментальную природу. Примером, иллюстрирующим данную ситуацию, является проект молодежных трудовых бригад, который с течением времени стал менее востребованным, в т.ч. и вследствие уменьшения количества вакансий для молодых работников. Одна из причин подобной ситуации заключалась в том, что некачественное выполнение молодыми работниками своих обязанностей приводило к тому, что у работодателей складывался негативный образ молодых специалистов и на следующий год они были не готовы предложить для трудоустройства такое же количество вакансий, как в текущий. В качестве еще одного примера формирования устойчивых стереотипных представлений – высказывания экспертов в отношении отдельных мероприятий, имеющих профориентационный характер. Причина подобной ситуации – неоднократное проведение тех или иных событий в одном формате (формирует определенное устойчивое представление о мероприятии), а затем смена формата.

Если говорить об **эффективности государственной политики по вопросам трудоустройства молодежи**, то здесь присутствуют полярные

суждения представителей экспертного сообщества: от негативных до носящих нейтральный характер. Вместе с тем эффективность проводимого курса оценивается довольно высоко, но отмечается необходимость внесения соответствующих корректировок, связанных, например, с обеспечением системного характера мероприятий, проводимых на разных уровнях управления. В качестве примеров высказываний «отрицательного полюса» приведем следующие: *«Давайте пропустим это. Я негативно отношусь к существующей политике. Мало этих программ, а их эффективность желает лучшего. [Э_6]; «Конкретно на себе я не ощутила никакой помощи от государства в трудоустройстве, когда мне нужно это было. Если я сейчас буду работу менять, то я тоже не буду это ощущать. Я не буду ощущать никакой поддержки государства, потому что я слишком простой кадр, который сам о себе заботится» [Э_1].* Примеры высказываний «положительного полюса»: *«... Направления политики правильные, она достаточно эффективна, поскольку, если вернуться в начало разговора, то все цифры, которые у нас есть официальные по центрам занятости... у нас нет глобальной проблемы с трудоустройством молодежи.» [Э_4]; «... Недостаточно <...> 7 баллов из 10. Видите, если бы это было системно, а так – получается выборочно: где-то кто-то что-то делает. На уровне регионов то же самое происходит. Централизации в этом нет. Я считаю, что здесь есть над чем подумать законодателям и работодателям.» [Э_5].*

Интересным с нашей точки зрения представляется тот факт, что положительные оценки проводимой молодежной политики и ее эффективности исходили в первую очередь от представителей органов власти, в то время как отрицательные и нейтральные – от работодателей и представителей молодежных структур, причем в суждениях последних речь шла не столько о политике как таковой, сколько о своем опыте трудоустройства. В качестве гипотезы о происхождении таких «полярных» высказываний можно выдвинуть предположение о том, что эксперты, которые участвовали в опросах, различались не только сферой деятельности (например, в области занятости или в вопросах молодежной политики), но и принадлежностью к той или иной возрастной группе. В частности, среди негативно оценивающих существующую политику – население более старших возрастов, в восприятии которого процессы, происходящие в сфере занятости молодежи, соотносятся с советским опытом. В то время как нейтральные и положительные суждения относительно рассматриваемого вопроса исходили от молодежных структур.

Еще одна из причин таких «полярных» суждений в отношении эффективности государственной политики по вопросам трудоустройства молодежи с нашей точки зрения может заключаться в том, что населением достаточно противоречиво воспринимаются и сами молодые специалисты. Как было показано ранее, молодежь тоже придерживается подобной противоречивой позиции, аналогичную точку зрения разделяют и представители экспертного сообщества.

Можно привести две следующие группы подобных высказываний экспертов:

1. «Молодежь для меня очень разная <...> Есть люди, которые **идут «по головам»** и готовы, к сожалению, пренебрегать какими-то вещами <...> [Э_1]; «Сейчас молодые люди «заточены» на то, чтобы добиться в карьере определенных успехов, **сложив свою судьбу, зачастую забывая о каких-то ценностях** основных, они к этому стремятся, несмотря ни на что...» [Э_2]; «Есть те **ребята, которые действительно являются не совсем благонадежными** и не совсем в тех условиях, в которых бы хотелось, воспитывались. <...> это не вина самой молодежи, это чаще всего последствия тех условий, в которых они вырастают.» [Э_3]; «Молодежь разная у нас. ... Есть такие молодые люди, которые приходят к нам и говорят: "Хочу большую зарплату, хочу хорошую работу с хорошими условиями труда". Получается так, что на рынке труда они в меньшей степени востребованы, потому что у них нет навыков работы, и они хотят сразу большую зарплату...» [Э_5]; «**Образовательный уровень желает быть лучшим, более высоким...** на сегодняшний день многие специалисты **не имеют возможностей применить теоретические знания на практике**. Мы тратим приличные деньги, чтобы человека адаптировать и его теоретические знания применить в нашем производственном процессе. Не хватает на сегодняшний день практики... молодежь – максималисты. Они **хотят сразу и всего. А вот базы под это желание нет**. Ни особого желания и рвения работать, ни, к сожалению, подготовки.» [Э_6].

2. «...Приходят очень **активные, талантливые, интересные**, и они **готовы плодотворно работать**, работать сверхурочно, готовы **вкладываться в то дело, которое они делают...** [Э_1]; «...Сейчас все-таки люди такие больше пошли, так скажем, **лидеры**, стараемся лидеров вырастить, очень много проектов лидерских запускается, школы лидера, федеральные конкурсы типа "Лидеры XXI века"... образ такого молодого человека. <...> человек, **с активной жизненной позицией, который интере-**

*суется тем, что происходит вокруг, не сидит в четырех стенах. Может быть, на меня накладывает отпечаток то, что я работаю в этой сфере, но, тем не менее, как-то так складывается...» [Э_2]; «...Молодежь очень разная <...> молодежь достаточно интересная... есть те ребята, которые действительно **очень заинтересованные и целеустремленные**. Не всегда, может быть, мы до конца осознаем и понимаем их цели. Как-то сейчас говорят про центениалов, что они стремятся к уюту, комфорту, гедонисты. Может быть это и правильно, может быть, это будет отвечать каким-то веяниям времени. Мне кажется, что такой положительной молодежи достаточно много...» [Э_3]; «Если отбросить пласты, нижние (те, кому ничего не надо) и верхние («золотая молодежь»), то можно сказать, что середина у нас нормальная. **Есть ребята, которые хотят учиться, работать, иметь семью, которые хотят быть полезными обществу.**» [Э_5].*

Отметим, что практически все эксперты в своих высказываниях о молодежи подчеркивают, что молодые люди бывают разными, и приводят черты, которые характеризуют эту группу населения как с положительной, так и с отрицательной стороны. Наряду с целеустремленностью, активностью, лидерскими качествами и заинтересованностью эксперты отмечают невысокий образовательный уровень, отсутствие практического опыта, невысокую мотивацию к работе, пренебрежение всеми остальными при реализации своих целей.

Заслуживает внимания и тот факт, что в ряде случаев «приписывание» молодежи положительных качеств связывалось со сферой деятельности, в которой работает эксперт (молодежная политика). Кроме того, сам представитель экспертного сообщества в данном случае являлся молодым специалистом, и, говоря о молодежи, он отчасти говорил и о себе, перенося некоторые свои положительные качества на рассматриваемую группу населения.

Отметим, что важным является вопрос не только об эффективности проводимой политики, но и о **мерах, которые будут способствовать улучшению трудоустройства молодых специалистов**. Одно из первых мест среди таких мер, по мнению экспертов, принадлежит **дуальной системе образования**, обеспечивающей практическую направленность образовательного процесса, а также **развитию института наставничества**: «Развитие дуального образования очень эффективная мера» [Э_1]; «Теоретическая подготовка и практическая – это действительно самое

важное, чего не хватает... <...> зачастую ребята приходят на практику и занимаются совершенно другим, чем должны были бы по роду своей специальности...» [Э_2]; «Практико-ориентированное образование и институт наставничества – наиболее эффективные (оцениваю на 10 баллов из 10), направленные на выявление компетенций» [Э_3]; «Развитие института наставничества в компаниях – это тоже очень важный момент. Я не знаю, как в других компаниях, в Администрации, например, достаточно хорошо развит институт наставничества. Там был такой проект, это важно – преемственность». [Э_2].

Еще одно направление связано с необходимостью реализации социальных программ для молодых специалистов. В частности, экспертами подчеркивалось, что говорить о реализации накопленного молодым поколением потенциала не приходится, если не удовлетворены их первичные потребности. На достижение этой цели как раз и направлены **социальные программы**: «Необходимо реализовывать социальные программы для молодежи, решать жилищные проблемы. Для молодежи первоначально, где жить, что кушать и как вообще существовать...» [Э_1]; «Расширение социальных программ для молодежи, направленных на решение жилищных и других проблем, мне кажется, это очень важно. Если человек минимально не чувствует гарантии, то о чем говорить, тут никакой активности, никакой стабильности нет, все время мысль о том, где взять, чтобы концы с концами свести.» [Э_3].

Большое внимание уделялось направлениям, которые непосредственно связаны с трудоустройством и занятостью молодых специалистов: например, **развитию гибких форм занятости**: «Гибкие формы занятости... этого не хватает.... Я тоже сторонник той идеи, что вы можете приходить в 12, уходить в 19 или в 18, но задачи, которые вам поставлены, должны быть выполнены. И вот вам питание тут под боком, фитнес... когда человек работал на мероприятии до глубокой ночи, то он может прийти в обед... Это скажется на его трудоспособности, зачем его заставлять. Понятно, что здесь важно середину найти, могут "на шею сесть", но тем не менее...» [Э_2]; «Неоднозначное отношение у меня к гибким формам занятости, потому что все-таки должна быть определенная трудовая дисциплина, есть организации, которые способны, но у них такой отбор кадров и такой рекрутинг идет... должна быть высокая самоорганизация человека. Но опять же для тех, кто находится в декретном отпуске, для людей с ограниченными возможностями оцениваю положительно» [Э_3].

Тем не менее эксперты неоднозначно высказывались относительно данного направления: с одной стороны, присутствовали положительные оценки, в которых отмечалось, что развитие гибких форм занятости создает возможности для молодого поколения быть более динамичными, вне зависимости от складывающихся условий реализовывать свои должностные обязанности. С другой стороны, распространение подобных форм создает, например, риски, связанные с ухудшением трудовой дисциплины. Поэтому, принимая решение об их развитии, следует учитывать эти два возможных типа последствий.

Отметим, что в зарубежной и отечественной литературе освещаются разные точки зрения относительно данного направления: одна из них, например, касается того, что для стимулирования спроса на молодых работников необходимо некоторое послабление трудового законодательства в части предоставления работодателям возможности заключать краткосрочные трудовые договоры с выпускниками. Использование данного инструмента для работодателей будет способствовать снижению информационной асимметрии, а молодым работникам позволит не только накопить необходимый опыт по профессии, но и понять то, насколько выбранное направление деятельности соответствует собственным внутренним установкам³⁰⁸.

Еще одно важное направление в сфере политики занятости и реализации потенциала молодого поколения – это **развитие молодежного предпринимательства**: *«Молодежное предпринимательство... опять же высоко оцениваю [эффективность], мне кажется, что за этим будущее.» [Э_3]; «Создание условий для успешной самореализации молодежи, развитие молодежного предпринимательства.... Опять же федеральная программа «ты предприниматель» существует. Есть это, и у нас в регионе достаточно активно одно время она реализовывалась, и финансирование выделялось, и курсы проводились.» [Э_2].* Некоторыми экспертами в ходе проведения опроса акцентировалось внимание на том, что, несмотря на невысокую активность в плане создания бизнеса, у молодых людей за счет участия в образовательной подготовке по соответствующему виду деятельности появляется возможность понять, насколько данное направление им близко, а затем уже принять решение об организации своего дела.

³⁰⁸ Рошин С.Ю., Слесарева А.А. Наем молодых работников на российском рынке труда. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 35 с. (С. 27-29)

Другое направление, которое набирает в настоящее время популярность, это **создание некоммерческих организаций** и, тем самым, развитие третьего сектора экономики. Эксперты, в целом положительно его оценивающие, отмечают, что эффективность данного направления может быть увеличена за счет развития системы обучения и вовлечения молодежи: *«Про некоммерческие организации и активный пиар у меня средние оценки.»* [Э_3]; *«Деятельность некоммерческих организаций – это тоже есть, другой вопрос, каким образом они [молодые специалисты] вовлекаются... много говорим, что должны появляться новые НКО, здесь слаб механизм обучения ребят. <...> не рассказывают, как регистрировать НКО, с какими трудностями столкнутся, когда зарегистрируют, сколько раз им в месяц нужно будет отчеты различные предоставлять... целые смены посвящают НКО, выходят состоявшиеся люди с позитивным опытом, что вот у меня НКО, мы реализуем такие-то проекты... а вот с юридической точки, с финансовой, вот этого всего они «не разжевывают». Тут не хватает системы какого-то обучения и вовлечения. Как был перечень НКО в области, он таким и остался, там две-три "молодые" организации появились, но это те люди, которые близки к Общественной палате, к органам муниципальной исполнительной власти, организационный ресурс должен быть...»* [Э_2]. Комментируя развитие данного направления, эксперты отмечали, что не столько оно само по себе, сколько создание сопутствующих механизмов, носящих как информационный, так и обучающий характер, будет способствовать большему вовлечению молодежи в эту деятельность. Вследствие отсутствия информации молодые люди зачастую полностью не понимают, насколько им нужно участвовать в данном направлении и с какими проблемами они столкнутся, создавая некоммерческую организацию. С нашей точки зрения подобные сопутствующие механизмы хотя бы отчасти смогли бы снять существующие проблемы.

Значимым направлением в плане повышения конкурентоспособности молодежи на рынке труда является и **установление квот**. Экспертное сообщество по этому поводу высказывалось следующим образом: *«Квоты – это нужно, должна быть гарантия у молодежи, а не то <...> все займут.»* [Э_3]; *«Это может иметь эффект, когда уже существуют структуры, в которых устоялся коллектив, <...> они выработались уже, не хватает "свежей крови". Если бы была некая квота, можно было бы этот вопрос регулировать. В районах, там бывает и не хватает молодежи <...>, но есть люди, которым тоже нужна работа, они не готовы уступить свое место.»* [Э_2]; *«Я считаю, что квота поможет. Эта та веревочка, которая*

нерадивого поведет за собой. Есть квота и туда молодого возьмут. А уж дальше... понятно, что кто-то отсеется, ему это не поможет. Но кому-то это даст толчок, потому что активных вести не надо, они сами устроятся...» [Э_4]. В данном случае механизм квотирования рассматривается, во-первых, с позиции резервирования рабочих мест для молодых специалистов, во-вторых, с позиции снижения дискриминационных практик, например, по возрасту. Квотирование рабочих мест связано с выделением предприятиям субсидий на осуществление найма молодых работников. В зарубежных исследованиях отмечается, что тогда, когда выделяемые средства пойдут на выплату заработных плат молодым специалистам, это может привести к увеличению их нагрузки, в частности количества отработанных часов³⁰⁹. Поэтому необходимо направлять такие субсидии в первую очередь на покрытие издержек найма молодых специалистов, связанных с поиском, подбором, обучением, поскольку именно это в ряде случаев выступает в качестве барьера для трудоустройства этой группы населения³¹⁰.

В зарубежных странах, помимо распространенности механизма квотирования как такового, существуют **гендерные квоты**, которые закрепляют минимальное представительство женщин, например, в советах директоров. Такой механизм впервые был применен в Норвегии в 1981 г. в отношении правительственных советов и комитетов. В начале 2000-х гг. подобными законодательными нормами были охвачены акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью, установлено 40%-ное представительство женщин в советах директоров этих фирм. За невыполнение этой нормы (фактическое представительство женщин в советах директоров доходило лишь до 17%) были введены санкции³¹¹. Использование систем пропорционального представительства по сравнению с другими системами приводит к росту представительства женщин в разных структурах. Тем не менее, несмотря на достаточно широкое распространение подобных систем в европейских странах, в остальном мире они применяются менее чем в половине случаев.

³⁰⁹ Lewis Ph.S. Substitution between Young and Adult Workers in Australia. Australian Economic Papers. 1985. Vol. 24. Pp. 115-126.

³¹⁰ Рошин С.Ю., Слесарева А.А. Наем молодых работников на российском рынке труда. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 35 с. (С. 27-29)

³¹¹ Breaking the glass ceiling? The effect of board quotas on female labor market outcomes in Norway / M. Bertrand, S. Black, S. Jensen, A. Lleras-Muney. The National Bureau of Economic Research. URL: <http://www.nber.org/papers/w20256>

Например, в Испании, как и в ряде других стран, при найме на работу предпочтение по-прежнему отдается мужчинам³¹². Подобная дискриминация находит проявление не только в социально-трудовой сфере, но и в политической³¹³. Такие дискриминационные практики отчасти обуславливаются распространенностью социальных норм, в соответствии с которыми лидерство связывается непосредственно с мужчинами. Кроме того, женщины могут сталкиваться с дополнительными барьерами в ситуации отсутствия образцов успешного опыта со стороны предшественниц³¹⁴. Отмечается, что отсутствие информации о женщинах, претендующих на лидерские позиции, может формировать представление об их средней производительности. Это представление может быть связано даже с небольшим количеством женщин-лидеров и переноситься на остальных, тем самым занижая представление об их производительности³¹⁵.

Интересными с нашей точки зрения в контексте рассматриваемых проблем представляются результаты международного исследования работодателей по оценке молодежной политики в области занятости (в период 2009–2015 гг.), проведенного в 27 странах мира³¹⁶ и охватившего вопросы создания рабочих мест для молодежи, льгот и стимулов для молодых людей, рассогласования между образовательной системой и рынком труда, сокращения разрыва в квалификации³¹⁷ и др.

Судя по результатам международного исследования, работодателями чаще всего обращалось внимание на такие программы, как ученичество, стажировки, поддержка предпринимательских инициатив, при этом первые из вышеобозначенных программ рассматривались как наиболее

³¹² Bagues M., Esteve-Volart B. Can Gender Parity Break the Glass Ceiling? Evidence from a Repeated Randomized Experiment. *Review of Economic Studies*. 2010. Vol. 77. Pp. 1301-1328.

³¹³ Kelley J., McAllister I. Ballot Paper Cues and the Vote in Australia and Britain: Alphabetic Voting, Sex and Title. *Public Opinion Quarterly*. 1984. Vol. 48. Pp. 452-466; Powerful Women: Does Exposure Reduce Bias? / L. Beaman, R. Chattopadhyay, E. Duflo, R. Pande, P. Topalova // *Quarterly Journal of Economics*. 2009. Vol. 124. Pp. 1497-1540.

³¹⁴ Rohini P., Ford D. Gender Quotas and Female Leadership. The World Bank. URL: <https://sitere-sources.worldbank.org/INTWDR2012/Resources/7778105-1299699968583/77862101322671773271/Pande-Gender-Quotas-April-2011.pdf>

³¹⁵ Selody K. Board independence and the gender pay gap for top executives. Ithaca, NY : Compensation Research Initiative, 2011. 40 p.

³¹⁶ Албания, Алжир, Аргентина, Австралия, Бельгия, Бразилия, Канада, Китай, Дания, Франция, Германия, Индия, Индонезия, Ямайка, Япония, Корея, Мексика, Новая Зеландия, Россия, Саудовская Аравия, Южная Африка, Испания, Суринам, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты, Турция и Швейцария.

³¹⁷ The youth employment opportunity Understanding labor market policies across the G20 and beyond // Deloitte. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/de/Documents/public-sector/youth-employment-opportunity-labor-market-policies.pdf>

эффективные для формирования навыков молодежи. По мнению работодателей, наиболее успешными считаются системы ученичества в Германии и Швейцарии, предполагающие обучение в соответствующих секторах экономики под контролем профсоюзов и администрации.

В Бразилии вводятся квоты для найма молодых людей в возрасте до 24 лет, заключается трудовой контракт с фиксированным сроком до двух лет, предполагающий дообучение в организации и последующее трудоустройство. Во Франции система гарантий занятости предназначена для резервирования рабочих мест для молодежи и накопления у них практического опыта, нацелена на население с низким образовательным уровнем. Одна из причин, по которой эта программа считается менее успешной, кроется в том, что у молодых людей не всегда есть необходимый уровень навыков для сохранения за ними рабочих мест. Работодателями отмечались и другие проблемы, среди которых нехватка мест для обучения (Бельгия), несоответствие квалификации молодых людей потребностям работодателя (Великобритания), проблемы, связанные с субсидированием заработной платы молодых работников и формированием других стимулов для работодателей³¹⁸.

Если рассматривать программы, направленные на стимулирование найма молодых специалистов, то в обобщенном виде можно выделить две группы программ – те, которые признаются успешными, и те, влияние которых на найм не является очевидным (табл. 6.7). Программы первой группы носят комплексный характер и связаны с регулированием как спроса, так и предложения на рынке труда. В рамках этих программ, с одной стороны, предусматриваются стимулы для работодателей, осуществляющих обучение молодых людей на рабочих местах и их последующее трудоустройство, с другой стороны, краткосрочные, так называемые «поддерживаемые контракты» для молодых специалистов, гарантирующие им закрепление в организации и повышение образовательного уровня. Недостаточная эффективность программ второй группы объясняется тем, что используемые механизмы не всегда способствуют получению молодежью необходимого опыта работы и развития профессиональных навыков вследствие краткосрочного характера обучения или неоплачиваемых стажировок. В ряде случаев можно говорить о существовании экономических ограничений для работодателей по созданию рабочих мест для молодых специалистов.

³¹⁸ The youth employment opportunity Understanding labor market policies across the G20 and beyond // Deloitte. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/de/Documents/public-sector/youth-employment-opportunity-labor-market-policies.pdf>

Таблица 6.7. Программы, направленные на стимулирование найма молодежи

Территория	Краткое описание программы
<i>Эффективные программы, стимулирующие найм молодежи</i>	
Алжир	Применяется комплексный подход. Распространение получают краткосрочные контракты в зависимости от уровня подготовки и квалификации молодежи. Найм молодых сотрудников стимулируется посредством «поддерживаемого трудового договора» (СТА), предполагающего распределение расходов на заработную плату с работодателем. Поощряется обучение на рабочем месте посредством заключения контракта и предоставления бонусов тем молодым людям, которые готовы к обучению и прохождению стажировок.
Аргентина	В рамках данного подхода сочетаются меры, связанные как со стимулированием спроса, так и предложения рабочей силы. Работодатели стимулируются для найма молодых сотрудников.
Бельгия	Используются различные механизмы, включая консультирование и помощь при трудоустройстве, применяются налоговые льготы, санкции в случае сокращения пособия по безработице или пособий по социальной защите.
Южная Африка	Существует законопроект «О налоговом стимулировании занятости молодежи» (январь 2014 года), который направлен на поощрение работодателей, нанимающих на работу неопытную молодежь и создающих условия для обучения и приобретения опыта на рабочем месте. В этой программе приняли участие около 18 000 сотрудников в возрасте 23 лет.
<i>Программы, оцениваемые как потенциально сложные для стимулирования найма молодежи</i>	
Австралия	Программа «Работа за пособие по безработице», которая предполагает занятость до 25 часов в неделю до 6 месяцев для населения в возрасте до 30 лет. Одно из ограничений программы связано с тем, что работа предоставляется в благотворительных организациях. Неоплачиваемые стажировки ограничивают возможности для приобретения молодыми людьми опыта, поскольку они не могут позволить себе работать на добровольных началах в связи с большими расходами на жизнь в крупных городах.
Франция	Действует система стимулов, мотивирующих работодателей к найму в первую очередь молодежи. Однако недостаток этой системы заключается в том, что в случае отсутствия у молодежи необходимых навыков, она не будет трудоустроена, поскольку для работодателя важен в первую очередь сам «ресурс», а не его «цена».
Корея	Непродолжительный период стажировки (3 месяца) недостаточен для получения соответствующего опыта работы и не позволяет достичь высокого квалификационного уровня. Это ограничивает переход к решению рутинных задач.
Испания	В рамках стратегии предпринимательства и занятости молодежи (2013-2016) предпринимаются различные меры, однако по оценкам работодателей необходимы дополнительные мероприятия для обеспечения более гибкого найма, учитывая такие параметры, как «срок работы» и «величина заработной платы».
Турция	Несмотря на экономический рост и снижение уровня безработицы, тем не менее, высокий уровень налогов и страховых отчислений на предприятиях формального сектора является одним из ключевых барьеров инвестирования в создание рабочих мест.
США	Пособия по безработице «привязаны» к частными системами страхования от безработицы, поэтому изменение их размера актуально лишь в рамках частного страхового провайдера. Налоговые вычеты на доходы направлены в основном на поддержку молодых работников старше 25 лет с низким уровнем дохода. Эта федеральная программа приводит к избавлению молодежи от иждивенческих настроений, однако это не так актуально для самых молодых когорт молодежи.
Источник: The youth employment opportunity Understanding labor market policies across the G20 and beyond [Electronic resource] // Deloitte. – Режим доступа: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/de/Documents/public-sector/youth-employment-opportunity-labor-market-policies.pdf	

Учитывая всё вышесказанное, подчеркнем, что решение проблемы трудоустройства и занятости молодых специалистов должно носить комплексный характер, снимать возникающие сложности как со стороны спроса, так и предложения на рынке труда, а также способствовать преодолению объективных и субъективных барьеров. В рамках проведенного нами опроса представителям экспертного сообщества задавался вопрос: какие с их точки зрения меры объективного или субъективного характера необходимо предпринимать в первую очередь для улучшения ситуации в сфере занятости молодых специалистов. Ответы экспертов разделились: часть посчитала, что нужно обращать внимание на решение объективных проблем, в то время как другие подчеркивали необходимость преодоления субъективных барьеров:

1. *«Нужно создать условия на предприятиях, в учреждениях для решения в основном объективных проблем.» [Э_5]; «Мне кажется, что объективные. <...> создадим все условия, чтобы были возможности для самореализации, самоопределения, дальше дело за молодыми людьми. Если базовые потребности у молодого человека ничем не обеспечены, самоопределения и самореализации не будет просто. <...> Хорошая стипендия, нормальные условия. Вузы могли бы обеспечивать должный уровень культурно-досуговой деятельности ... Показать, что ты можешь развиваться в этом направлении, это норма, ниже все не правильно.» [Э_3]; «Первое – организовывать рабочие места, а в связи с этим – развитие экономики, открытие новых мощностей. Второе – дать возможность человеку проявить свои способности в предпринимательстве, упростить и не жать бизнес. Третье – государственное планирование выпуска молодых специалистов и возврат к поддержке выпускников, в том числе материальной.» [Э_6].*

2. *«... Если говорить о том, какие доминируют, то это субъективные, объективные точно нет. <...> где-то на федеральном уровне эта политика озвучена <...> Но она не является нашим постоянным ежедневным началом. <...> Вот когда это было у всех в голове, там, матрос на амбразуру падал, он понимал, зачем он это делает. Вот это должно быть у человека. <...> Вот если в головах мы это настроим, и люди будут понимать, что где родился – там и пригодился, то все остальные проблемы решатся. Экономике решать проще. А вот эту идеологию в голове у каждого создать и создавать мы ее должны все. Вне зависимости от того, я по должности создаю или нет.» [Э_4].*

Обобщая, отметим, что в настоящее время среди экспертов не сложилось однозначного образа в отношении проводимой молодежной поли-

тики: кто-то признает ее неэффективной, кто-то в основном считает эффективной, но, тем не менее, требующей пересмотра отдельных положений. Как было показано выше, с одной стороны, подобные неоднозначные позиции экспертов могут быть обусловлены противоречивыми представлениями о самом объекте – молодежи, с другой стороны, вызваны различиями в социально-демографических и других характеристиках самих экспертов.

Большинство механизмов обладают как преимуществами, так и недостатками, и это необходимо принимать во внимание при их использовании. Применение ряда механизмов может способствовать решению одних проблем, направленных, например, на повышение профессионального уровня и трудоустройства, и в то же время приводить к формированию новых барьеров ментальной природы. Важную роль в возникновении последних играет информационная асимметрия. Например, недостаток информации приводит к отсутствию у работодателей целостного образа молодых специалистов, к не всегда объективной оценке накопленного ими потенциала и производительности их труда, что изначально сопровождается невысоким уровнем оплаты труда. Вместе с тем у молодых специалистов, даже в случае склонности к некоторым инициативам, не всегда есть полное представление о том, что эта инициатива для них дает и с какими проблемами они могут столкнуться, если будут участвовать в ее реализации. Это было наглядно показано нами на примере НКО, механизма, с одной стороны, создающего условия для реализации потенциала молодежи, а с другой – приводящего на практике, в случае недостаточного информационного и образовательного сопровождения, к многочисленным проблемам, в особенности для тех молодых людей, которые никогда не были вовлечены в создание подобного типа организаций. Важную роль в снижении существующей информационной асимметрии смогло бы сыграть практико-ориентированное образование, расширение возможностей для прохождения стажировок и повышения профессионального уровня молодых специалистов. Среди инструментов, направленных на решение этого типа задач, – заключение краткосрочных трудовых договоров между работодателями и молодыми специалистами, а также создание различных стимулов для работодателей. В качестве одного из способов снижения информационной асимметрии могла бы рассматриваться деятельность службы занятости, однако, как нами отмечалось, молодые специалисты невысоко оценивают ее эффективность, с недоверием относятся к ее деятельности. В настоящее время частично функции

службы занятости в плане, например, информационного сопровождения выполняют молодежные центры, которые эпизодически собирают необходимую для молодежи информацию о вакансиях. С нашей точки зрения необходимо усиливать это направление, переводить его на системную основу, подключать к деятельности молодежных объединений специалистов с юридическим образованием, тех, кто мог бы консультировать молодежь по возникающим у нее проблемам, в частности, с оформлением заявок на гранты или оказывать необходимую психологическую помощь в случае возникновения трудных жизненных ситуаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии авторы постарались дать общее представление о подходах к исследованию таких научных категорий, как «ментальные барьеры», «социально уязвимые группы населения», «социальная эксклюзия», «социальная инклюзия» и т.д. О том, как влияет наличие ментальных установок населения на включенность социально уязвимых групп в модернизационные процессы и о том, что можно сделать в рассматриваемой области на основе понимания тех процессов, которые происходят в настоящее время в сфере самосознания общества с учетом как глобальных, так и национальных вызовов.

Проведенное исследование показало, что в практике государственного управления превалирует экономико-правовой подход к проблеме социальной уязвимости. Он основан на понятии абсолютной бедности и критерии «низкий уровень дохода». В ходе анализа данного подхода был выявлен ряд его существенных недостатков. Во-первых, он подменяет понятие социальной уязвимости понятием экономической неустроенности. Во-вторых, при таком подходе оказание государством поддержки малоимущему населению ограничивается выделением социальных трансфертов, что влечет за собой закрепление иждивенческой позиции реципиентов государственной помощи и вызывает рост социальной напряженности в региональном сообществе.

Авторами книги при разработке критериев уязвимости сделан акцент на использовании концепции социальной эксклюзии – динамического процесса, состоящего из двух компонентов: ситуации исключения и состояния индивида. В этом случае социальная инклюзия (включение) рассматривается как противоположный эксклюзии процесс, который отражает возможности человека двигаться от групп с ограниченным доступом к социальным благам в группы с большим доступом к ним. При этом про-

цесс инклюзии предполагает изменения не только на ситуационном, но и на личностном уровне, чему препятствуют различные виды ментальных барьеров. Исходя из этого, управленческие решения в области социальной политики должны приниматься как на основе анализа экономических индикаторов, так и на основе критериев риска социального исключения для домохозяйств, а также наличия возможностей реагирования на них. Непринятие мер по преодолению социального исключения может привести к тому, что часть населения будет выпадать из процессов общественного развития, скатываясь в состояние стагнации и полной социальной зависимости, тем самым ограничивая модернизацию регионального сообщества. Использование концепции социальной эксклюзии позволит сместить приоритеты социальной политики государства с выделения социальных трансфертов на активное формирование новых ценностных установок, которые могут способствовать в будущем консолидации различных слоев населения и активизации модернизационных процессов.

Исследование выявило, что понимание модернизации в обществе связано с решением накопленных проблем, повышением эффективности государственного управления, полноценным выполнением государством своих обязанностей перед гражданами, в частности обеспечение равенства всех перед законом, соблюдение конституционных прав, борьба с коррупцией. Если власть будет успешно справляться со своими задачами, то при таком сильном и справедливом государстве, как считает население, возможно достичь больших успехов в инновационном развитии и повышении качества жизни.

Преобладание в среде социально уязвимого населения, как, впрочем, и всего населения в целом, патерналистских настроений существенно ограничивает готовность людей к участию в общественной и политической жизни страны, проявление творческой инициативы по созданию и внедрению инноваций, в целом участие в модернизационных переменах. Это подтверждают результаты исследования: уровень модернизированности регионального сообщества невысок, его индекс равен 0,36 единицы. Самая низкая готовность к включению в модернизационные процессы зафиксирована у пожилых людей (0,17 ед.) и инвалидов (0,23 ед.). Достаточно инертны и многодетные родители (0,27 ед.). Самой активной и «готовой к включению в модернизацию» группой является молодежь (0,50 ед.). Однако наличие необоснованных барьеров (ментальных установок и стереотипов) инклюзии этой группы населения (молодежи) нивелирует её активность, снижая модернизированность социума в целом.

Заметно ограничивает возможности реализации потенциала старшего поколения сформированный в общественном сознании образ пенсионера как представителя непроизводительной части населения. Этот образ во многом определяется и внутригрупповыми процессами. Свои жизненные стратегии работающие и неработающие пенсионеры выстраивают по принципиально различным траекториям. Одни относят себя к трудоспособной (производительной) части населения (что наглядно демонстрирует структура ценностей), другие интериоризируют (усваивают) установки, характерные для субкультуры «старости» (ключевым фактором здесь является состояние здоровья, вытесняющее все остальные на периферию). Ментальные барьеры инклюзии старшего поколения, выявленные в исследовании, во многом определяются особенностями восприятия пожилыми людьми своего положения в социальной структуре. Завершение трудовой деятельности вследствие личных или внешних причин постепенно увеличивает социальную дистанцию между ними и обществом, сужает круг общения, приводит к потере ощущения чувства «нужности» обществу. Причем причиной возникновения этих установок является именно завершение трудовой деятельности, а не получение статуса «пенсионера».

Кроме того, одним из основополагающих аспектов, препятствующих инклюзии старшего поколения, выступает разрыв межпоколенческих коммуникаций. Как показало исследование, данный процесс определяется множеством факторов, главным из которых является то, что навыки и опыт представителей старшего поколения утрачивают свою актуальность и востребованность среди молодого населения (в том числе внутри семьи). Сегодня ситуация осложняется колоссальными темпами технологического прогресса. Решение проблемы разрыва межпоколенческих коммуникаций должно быть двусторонним. Требуется изменение социокультурной парадигмы старости, базисным элементом которой должно стать осознание значимости межпоколенческого взаимодействия как молодыми людьми, так и представителями старшего поколения. Важно сформировать у молодого населения позитивные установки на старость, опираясь на то, что рано или поздно каждый из членов общества попадет в социально-демографическую группу пожилых.

Источником социального исключения инвалидов выступает, как и в случае старшего поколения, сумма объективных жизненных обстоятельств и воздействий негативных стереотипов о группе, присутствующих в обществе. Если объективные условия жизни (доступность материальных благ

и качество инфраструктуры) можно постепенно улучшить путём совершенствования стандартных механизмов социальной поддержки, то преодоление негативных стереотипов требует большей изобретательности. Необходимо выстроить работу с населением так, чтобы в конечном итоге сформировать позитивное представление о потенциале людей с инвалидностью и выгоде интеграционного процесса для обеих сторон. Особого внимания и тиражирования заслуживает опыт общественных организаций в сфере формирования у населения навыков этичного поведения во время общения с инвалидами. Преодоление внутренних ментальных барьеров инклюзии инвалидов требует расширения их представлений о собственных возможностях, освоения ими практического опыта участия в культурной и экономической жизни общества. Если работа с инвалидами и населением будет успешной, то можно рассчитывать на преодоление ментальных барьеров инклюзии группы благодаря приобретению сторонами этого процесса практического опыта конструктивного взаимодействия.

Социальная уязвимость **многодетной семьи** вызвана объективными факторами: поскольку проблемы сосредоточены в области материального обеспечения, а отсутствие позитивного прогноза в отношении его изменения обуславливает меньшую уверенность в завтрашнем дне. Несмотря на то, что ответственность за улучшение жизни многодетные семьи возлагают в первую очередь на самих себя, среди них распространены патерналистские настроения. Мало тех многодетных семей, которые считают необходимым быть активнее в жизни, изменить своё отношение к трудностям, объединить свои усилия в поиске решения проблем. В сфере трудовой занятости многодетные родители сталкиваются с многочисленными барьерами, среди которых можно выделить внешние (негативное отношение со стороны работодателей; несправедливость, социальное неравенство; отсутствие подходящих вакансий) и внутренние (излишняя надежда на «доброе дядю», который должен отстаивать их интересы, заботиться о них; неумение использовать предоставляемые возможности; неспособность к самостоятельному отстаиванию своих прав и интересов; нежелание менять привычный образ жизни; зависимость от чужого мнения). Можно констатировать, что сегодня в России на фоне преобладания патерналистского дискурса эффективные механизмы, позволяющие преодолеть ущемление прав многодетных родителей как социально уязвимых групп населения в трудовой сфере, отсутствуют или работают плохо.

В исследовании показано, что в обществе сложилось противоречивое отношение к **молодым специалистам**. С одной стороны, люди отмечают

их положительные черты, связанные с образованностью, трудолюбием, энергичностью, амбициозностью и творческим подходом к делу. С другой стороны, указывают на отсутствие определенных навыков, переоценку (недооценку) своих сил и возможностей, несерьезность, недисциплинированность, лень и пр. Полярность этих суждений объясняется как существенными различиями внутри самой этой группы населения (по образованию, доходу и другим признакам), так и наличием поколенческих стереотипов. Значимой проблемой, возникающей при трудоустройстве молодого специалиста, являются ментальные предубеждения работодателей, которые не склонны взять на себя риски, связанные с приемом молодого специалиста на работу, даже при наличии положительных качеств и преимуществ.

Проведя анализ положения групп населения, общепризнаваемых социально уязвимыми, и группы молодых специалистов, необходимость поддержки которых не столь очевидна, можно заключить, что все они в той или иной степени подвержены социальной эксклюзии. Главный пусковой механизм, негативный багаж стереотипа групп можно выразить известной пословицей «кто не работает, тот не ест». Любой иждивенец оценивается обществом негативно, т.к. это нагрузка, балласт, затем идет оценка его потенциальной полезности, соотношения затрат и благ (в том числе нематериальных), которые общество извлекает из его присутствия.

Хотя права социально уязвимых групп населения защищены законом, в общественном сознании сохраняются стереотипные представления, продолжающие влиять на отношение к данным группам. Парадокс заключается в том, что общее отношение к одной социально уязвимой группе разделяют и представители других.

Если стереотип отражает набор черт, характерный для подавляющего большинства представителей группы, он действительно способен облегчить восприятие колоссально разнообразного на уровне индивидов социума. При этом часть группы, которая стереотипу не соответствует, может либо пользоваться им с выгодой, либо испытывать чувство несправедливости, ущемленности. Как только представленность индивидов, не соответствующих стереотипному образу, начинает увеличиваться, растут и риски неадекватного выстраивания политики в их отношении, нарушения их прав и вероятность ухудшения положения группы. Это вызывает недовольство, протест, обоснованные тем, что государство не выполняет свои обязательства, не реализует объявленную социальность.

Все изученные группы ощущают действие стереотипов, препятствующих их успешной инклюзии. По отношению к объекту это внутренние, разделяемые представителями групп, и внешние, имеющиеся у общества, барьеры (таблица).

Ментальные барьеры инклюзии социально уязвимых групп населения

Инвалиды	Пожилые люди	Многодетные родители	Молодые специалисты
<i>Ментальные барьеры социальной инклюзии со стороны общества</i>			
1. Стереотипизация: - приписывание им черт характера, создающих социальный образ инвалида – пассивного иждивенца; - убеждение в социальной несостоятельности инвалидов, их неспособности выполнять основные социальные роли (супруга, родителя, ответственного работника). 2. Незрелость толерантного мышления, несформированность культуры общения с инвалидами. 3. Низкая заинтересованность в инклюзии группы.	1. Стереотипизация: образ аутсайдера, «спящего со счетов». 2. Возрастная дискриминация, обусловленная восприятием пожилых людей как низкопроизводительной рабочей силы. 3. Отсутствие понимания причин особенностей группы, нежелание вникать в их проблемы ввиду слабого развития геронтологии и гериатрии. 4. Низкая заинтересованность в инклюзии группы.	1. Стереотипизация: - образ иждивенцев – попрошайек, не справляющихся с родительскими обязанностями; - приписывание таких черт, как безответственность, недальновидность. 2. Низкая заинтересованность в инклюзии группы.	1. Стереотипизация: молодых специалистов зачастую считают ленивыми и склонными сразу получать большую заработную плату; обвиняют в отсутствии практических навыков работы, недостатке профессионализма, неустойчивости трудового поведения, нацеленности на быстрый уход в декретный отпуск (для женщин). 2. Возрастная дискриминация при приеме на работу (отказ в трудоустройстве молодых женщин, установление жестких требований к наличию большого опыта работы и т.д.). 3. Низкая заинтересованность в инклюзии группы.
<i>Ментальные барьеры социальной инклюзии со стороны группы</i>			
1. Неуверенность в собственных силах, привычка надеяться на помощь со стороны государства, родственников, общества. 2. Неготовность активно бороться за свои права в силу убежденности в невозможности изменить ситуацию. 3. Стремление к ограничению круга общения людьми с общими проблемами, убеждение в невозможности свободного общения с окружающими людьми из-за наличия инвалидности, что приводит к закреплению субкультуры инвалидности как устойчивого социального феномена.	1. Неуверенность в собственных силах на фоне ухудшения состояния здоровья и устаревания профессиональных навыков. 2. Менее выраженное, чем у инвалидов, но заметное стремление к ограничению круга общения пожилыми людьми (ввиду общих взглядов, интересов, проблем. И родственниками, что способствует сохранению субкультуры старости). 3. Неуверенность в возможности адаптироваться к изменениям окружающего мира.	1. Патернализм, ожидание помощи (уверенность в том, что государство им «должно», если нужно повышение рождаемости). 2. Стремление к ограждению семьи от вмешательств, изоляции. 3. Неуверенность в собственных силах по вопросам профессиональной самореализации.	1. Завышенная оценка уровня своей профессиональной подготовки. 2. Нетерпеливость в вопросах удовлетворения собственных потребностей. 3. Негативное отношение к физическому труду. 4. Игнорирование официальных каналов трудоустройства в силу нежелания ставить на себе клеймо «безработный».

Барьеры инклюзии социально уязвимых групп разделены в исследовании на ментальные, институциональные, инфраструктурные. При этом именно ментальность, сознание определяет характеристики институтов и параметры создаваемой инфраструктуры. К числу институциональных относится, в первую очередь, недостаточная гибкость рынка труда, ориентированного на полную занятость, стандартные рабочие места и «стандартных» сотрудников. Задача инфраструктуры – также преодолеть стремление к унификации и стандартизации и компенсировать физические сложности жизнедеятельности «особых» граждан.

Механизмы социальной инклюзии уязвимых групп населения базируются на понимании природы её барьеров и сгруппированы по трем направлениям: социальная, экономическая и инфраструктурная интеграция. Лейтмотивом разработки конкретных мероприятий для каждой из групп в направлении социальной инклюзии выступает пересмотр стереотипных представлений и выявление актуального образа группы. Это комплекс исследовательских работ и систематическая работа по закреплению нового образа группы в общественном сознании. Экономическая интеграция направлена в первую очередь на изменение институциональной среды, позволяющее обеспечить возможность всем гражданам реализовать свои права (в частности, право на труд). Создать условия для успешного функционирования обновленных институтов должна соответствующая инфраструктура. Главный критерий, который даст возможность обеспечить благополучие всех членов общества, – адаптивность, проявляющаяся в толерантности, гуманизме сознания, гибкости институтов и комфортности инфраструктуры. Общество объективно меняется, меняется и облик отдельных его групп; сегодня как никогда необходимо создание общества равных возможностей, истинно «равных», а не «одинаковых».

В условиях глобализации и рынка роль государства должна носить оберегающий характер и отношения с обществом должны строиться на принципах взаимной ответственности. В созданной благоприятной среде будет расти и активность граждан для обеспечения успешности модернизационного развития и всеобщего благополучия. А устранение ментальных барьеров будет способствовать более полной реализации ресурсного потенциала и формированию новых трендов в динамике и положения, и самосознания социально уязвимых групп населения, обогащая их креативность, повышая готовность к инновациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрахамсон, П. Социальная эксклюзия и бедность / П. Абрахамсон // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 2. – С. 158-166.
2. Аганбегян, А.Г. О продолжительности здоровой жизни в пенсионном возрасте / А.Г. Аганбегян // *ЭКО*. – 2015. – № 9. – 144-157.
3. Агеев, В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов / В.С. Агеев // *Вопросы психологии*. – 1986. – № 1. – С. 10-20.
4. Алешина, М. Содержание понятия инклюзии в контексте code switching / М. Алешина, В. Ярская // *Образование для всех: политика и практика инклюзии: сб. науч. тр.* – Саратов : Научная книга: ЦСПГИ, 2008. – С. 32-44.
5. Анализ социально-экономического положения многодетных семей [Электронный ресурс] // Доклад на II Всероссийской конференции «Многодетная семья в современной России», 2008 год. – Режим доступа: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1193
6. Андреев, А.И. Государственная молодежная политика Российской Федерации: стратегические ориентиры развития / А.И. Андреев, И.В. Ильин // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. – 2016. – № 5. – С. 49-53.
7. Андреев, А.Л. Российский менталитет и проблема модернизации / А.Л. Андреев // *Мониторинг общественного мнения*. – 2010. – № 3 (97). – С. 115-135.
8. Андреева, Г.М. Психология и общество. Социальная психология и социальные изменения / Г.М. Андреева // *Психологический журнал*. – 2005. – Т. 26. – № 5. – С. 5-15.
9. Антонов, А.И. Многодетная семья в эру депопуляции (результаты всероссийского исследования многодетных матерей) [Электронный ресурс] / А.И. Антонов // Портал DEMOGRAPHIA.RU. – Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1473
10. Антонова, В. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам / В. Антонова // *Журнал исследований социальной политики*. – 2013. – Т. 11. – № 2. – С. 151-170.

11. Астоянц, М.С. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия / М.С. Астоянц, И.Г. Россихина // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2009. – № 12. – С. 51-58.
12. Астоянц, М.С. Социальное сиротство: условия, динамика и механизмы эксклюзии (социокультурная интерпретация) : автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.06 / М.С. Астоянц. – Азов, 2009. – 42 с.
13. Ашхамахова, А.А. Феномен менталитета: анализ зарубежных исследований / А.А. Ашхамахова // Современное право. – 2006. – № 1. – С. 62-66.
14. Барсуков, В.Н. Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт / В.Н. Барсуков, О.Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4 (46). – С. 88-107.
15. Барсуков, В.Н. Последствия демографического старения и ресурсный потенциал населения «третьего» возраста / В.Н. Барсуков, Е.А. Чекмарева // Проблемы развития территории. – 2017. – № 3 (89). – С. 92-108.
16. Барсуков, В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории / В.Н. Барсуков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 1 (43). – С. 195-213.
17. Беглова, Е.И. Безработица молодежи: первоочередная проблема современного рынка труда / Е.И. Беглова // Экономика и управление. – 2010. – №11 (72). – С. 172-175.
18. Беляева, Л.А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа / Л.А. Беляева // Социологические исследования. – 2005. – № 4. – С. 57-64.
19. Беспалова, Л.Н. «Социальная политика Отто фон Бисмарка в освещении «Вестника Европы» / Л.Н. Беспалова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 7. – С. 63-75.
20. Бесфамильная, С. Анализ корпоративного опыта в области занятости молодежи на примере ряда стран СНГ (Азербайджан, Армения, Казахстан, Россия) / С. Бесфамильная. – М. : МОТ, 2016. – 140 с.
21. Бородкин, Ф.М. Социальные эксклюзии / Ф.М. Бородкин // Социологический журнал. – 2000. – № 3/4. – С. 5-17.
22. Бутрим, Н.А. Специфика проблем современной многодетной семьи / Н.А. Бутрим // Система ценностей современного общества. – 2012. – № 22. – С. 172-176.
23. Веселов, В.Р. Интеллигенция и народ: возвращение к старой теме / В.Р. Веселов // Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации: материалы научной конференции. – Иваново, 2003. – С. 42-56.
24. Вовк, Е. Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей / Е. Вовк // Нормы и ценности. – 2007. – № 3. – С. 33-46.

25. Всемирный доклад об инвалидности: резюме // Всемирная организация здравоохранения, Всемирный банк. – Женева, 2011. – 28 с.
26. Выдрина, И.И. Состояние российского законодательства о молодежи и молодежной политике / И.И. Выдрина // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2014. – № 4. – С. 64-69.
27. Гендерные стереотипы в современной России / сост., общ. ред. И.Б. Назарова, Е.В. Лобза. – М. : МАКС Пресс, 2007. – 306 с.
28. Гильманов, А.З. Выпускники вузов на современном рынке труда: проблемы трудоустройства / А.З. Гильманов // Электронный экономический вестник Татарстана. – 2013. – № 1. – С. 97-104.
29. Горохов, В.Ф. Проблема модернизации российского общества [Электронный ресурс] / В.Ф. Горохов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 5 (2). – Режим доступа: <http://publikacia.net/archive/2015/5/2/69>
30. Горшков, М.К. Социально-политическое измерение модернизации российского общества / М.К. Горшков // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 1. – С. 23-32.
31. ГОСТ Р 52885-2013 Социальное обслуживание населения. Социальные услуги семье [Электронный ресурс] // АО «Кодекс». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200107238>
32. Государственные и частные службы занятости на рынке труда: Исследование эффективности формальных посредников при трудоустройстве / под ред. В. Кабаиной, И. Козиной. – М. : РОССПЭН, 2000. – 173 с.
33. Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад [Электронный ресурс] // Институт социологии РАН. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Doclاد/gotovo_li_rossijskoe_obshestvo_k_modernizacii.pdf
34. Гриценко, Е.А. Менталитет как элемент институциональной архитектуры / Е.А. Гриценко // Институциональная экономика и динамика экономических преобразований / под ред. д-ра экон. наук А.А. Гриценко. – Харьков : Форт, 2008. – С. 802-819.
35. Грудина, Т.Н. Ценностные ориентации многодетной семьи в России : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Т.Н. Грудина. – М., 2014. – 24 с.
36. Груздева, М.А. Социокультурная дифференциация регионов Российской Федерации / М.А. Груздева // Проблемы развития территории. – 2014. – № 3. – С. 67-80.
37. Гулевич, О.А. Психология межгрупповых отношений / О.А. Гулевич. – М., 2007. – 432 с.
38. Гуцаленко, Л.А. Инновации и квазиинновации в человеческом измерении / Л.А. Гуцаленко // Социологические исследования. – 2011. – № 7. – С. 15-25.

39. Данакин, Н.С. Региональная система управления трудоустройством / Н.С. Данакин, Н.Н. Деева // Социология и жизнь. – 2012. – № 3. – С. 50-59.

40. Данилевич, А.И. Национально-культурная ментальность в смысловой пространстве концептосферы (на материале фразеологии русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. культур.: 24.00.01 / А.И. Данилевич. – СПб., 2015. – 24 с.

41. Демкина, Е.В. Предпосылки исследования проблемы «ментальности» и «менталитета» в трудах зарубежных и отечественных мыслителей / Е.В. Демкина // Социосфера. – 2011. – № 4. – С. 18-23.

42. Денисенко, М.Б. Демографические изменения и экономика [Электронный ресурс] / М.Б. Денисенко // Демоскоп Weekly. – 2010. – № 429-430. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0429/tema07.php>

43. Дмитриева, А.В. Социальное выключение/исключение как принцип структуризации современного общества / А.В. Дмитриева // Социологический журнал. – 2012. – № 2. – С. 98-114.

44. Додонов, Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования / Р.А. Додонов. – Запорожье : РА «Тандем-У», 1998. – 191 с.

45. Доклад Нильса Муйжниекса, уполномоченного по правам человека Совета Европы, по итогам визита в Бельгию с 14 по 18 сентября 2015 года [Электронный ресурс] // Council of Europe. – Режим доступа: [https://rm.coe.int/ref/CommDH\(2016\)1](https://rm.coe.int/ref/CommDH(2016)1)

46. Доклад о положении молодежи и реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации «Молодежь и молодежная политика в России в контексте глобальных тенденций» [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ. – Режим доступа: <http://rosmetod.ru/files/docx/2015/08/05/22-16-44-doklad.docx>

47. Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность: коллективная монография / рук. Л.Н. Овчарова. – М. : ГУ-ВШЭ, 2005. – 203 с.

48. Ежов, О.Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии / О.Н. Ежов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – № 3. – С. 22-33.

49. Емельяненко, О.С. Государственная поддержка многодетных семей / О.С. Емельяненко // Вестник Бурятского университета. – 2013. – № 5. – С. 139-143.

50. Ермаханова, С.А. Теория модернизации: история и современность / С.А. Ермаханова // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. – Новосибирск, 2005. – Разд. 2. – С. 233-247.

51. Жуковская, Л.И. Семантическое наполнение концепта «менталитет / ментальность» и его языковое воплощение в современном русском языке : дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.И. Жуковская. – Н. Новгород, 2015. – 197 с.

52. Заседание президиума Госсовета «О развитии системы социальной защиты граждан пожилого возраста» (5 августа 2016 года) [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/society/20140805/1018919448.html>

53. Заседание Экспертного совета по государственной молодежной политике при Комитете Совета Федерации по социальной политике от 16.05.2017 [Электронный ресурс] // Комитет Совета Федерации по социальной политике. – Режим доступа: http://social.council.gov.ru/activity/activities/expert_activities/80328/

54. Зеликова, Ю.А. Стареющая Европа: демография, политика, социология / Ю.А. Зеликова. – СПб. : Норма, 2014. – 224 с.

55. Зубок, Ю.А. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе / Ю.А. Зубок, Т.К. Ростовская, Н.Л. Смакотина. – М. : ИТД «Перспектива», 2016. – 166 с.

56. Зудина, А.А. «Не работают и не учатся»: NEET-молодежь на рынке труда в России : препринт / А.А. Зудина. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 21 с.

57. Иванова, Н.А. Безработица в России и меры по снижению напряженности на рынке труда / Н.А. Иванова // Экономические науки. – 2015. – № 5 (126). – С. 12-20.

58. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое издательство, 2011. 464 с.

59. Инклюзия от А до Я. Компас для международных инклюзивных проектов [Электронный ресурс] // SALTO-YOUTH Inclusion resource centre. – Режим доступа: <https://www.salto-youth.net/downloads/4-17-3475/InclusionAtoZRU.pdf>

60. Информация о правовом статусе и мерах поддержки молодых специалистов [Электронный ресурс] // Самарская губернская дума. – Режим доступа: http://ssaa.ru/structur/trudoustr/podderjka_molodyh_specialistov.pdf

61. Капелюшников, Р.И. Общая и регистрируемая безработица: в чем причина разрыва? [Электронный ресурс] / Р.И. Капелюшников // Демоскоп Weekly. – 2004. – № 149-150. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0149/analit02.php>

62. Кириллова, Е.А. Инклюзивная культура как фактор развития поликультурного образования в России [Электронный ресурс] / Е.А. Кириллова // Сайт КФУ. – Режим доступа: https://kpfu.ru/staff_files/F1196477887/Sekciya_2_Kirillova_E_A..pdf

63. Климантова, Г.И. Многодетная семья: за чертой бедности / Г.И. Климантова // Социальная безопасность женщин / Клуб «Реалисты». Информационно-аналитический бюллетень. – М., 1997. – № 31. – С. 27-31.

64. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : по состоянию на 27 июня 2018 года // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

65. Кожевников, Д.Е. Государственная социальная помощь малоимущим гражданам: правовые вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Д.Е. Кожевников. – Екатеринбург, 2010. – 26 с.

66. Козина, И.М. Реструктурирование рынка труда и каналы мобильности // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России / под ред. В. Кабиной, С. Кларка. – М. : РОССПЭН, 1999. – С. 172-200.

67. Колпина, Л.В. Защита профсоюзами социально-экономических интересов молодежи: проблемы и ограничения / Л.В. Колпина, Е.В. Реутов, А.Ю. Денищик // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 3. – С. 147-162.

68. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability

69. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс] : по состоянию на 1 июля 2018 года // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

70. Краснослободцева, М.И. Многодетная семья как объект социальной защиты / М.И. Краснослободцева // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2008. – № 11 (67). – С. 176-179.

71. Кризис в сфере занятости молодежи. Время действовать [Электронный ресурс] // Международная организация труда. – Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_345399.pdf

72. Курбатова, И.А. Проблемы реализации функций заработной платы в российской экономике / И.А. Курбатова, Н.П. Пермякова // Известия УрГЭУ. – 2015. – № 5. – С. 6-13.

73. Лапин, Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация-2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М. : МФРАН, 2010. – 135 с.

74. Лапин, Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2011. – № 9. – С. 3-18.

75. Лебедева, Н.М. Ценности, социальный капитал и отношение к инновациям / Н.М. Лебедева, Е.В. Бушина, Л.Л. Черкасова // Общественные науки и современность. – 2013. – № 4. – С. 28-41.

76. Легко или трудно живет молодое поколение. Легко или сложно молодежи в нашей стране добиться успеха? [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». – Режим доступа: <http://fom.ru/TSennosti/11749>

77. Лига, М.Б. Социальная безопасность молодежи: организационно-управленческое обеспечение / М.Б. Лига, Н.С. Павлова, И.А. Щеткина. – М. : Академия Естествознания, 2012. – 158 с.

78. Липман, У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчунова ; под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

79. Лопаткин, И.В. Адаптация молодежи на современном рынке труда: социологический аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.03 / И.В. Лопаткин. – Саратов, 2015. – 26 с.

80. Лукьянова, Т.Н. Совершенствование региональной системы социальной защиты социально уязвимых слоев населения: автореф. дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / Т.Н. Лукьянова. – М., 2009. – 29 с.

81. Малиновский, Л.Ф. Национальный экономический менталитет как общественный институт / Л.Ф. Малиновский // Вестник МГОУ. Серия: Экономика. – 2015. – № 3. – С. 24-29.

82. Маллаева, М.И. Методические подходы к определению объектов социальной защиты населения / М.И. Маллаева, Х.М. Хаджалов // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – № 5. – С. 21-25.

83. Мальцева, Е.В. Социально уязвимые категории населения на рынке труда и организация их социальной защиты: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / Е.В. Мальцева. – М., 2001. – 178 с.

84. Маслиева, С.Н. Интеграция и инклюзия: парадигмальная характеристика / С.Н. Маслиева // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 2 (24). – С. 159-165.

85. Матвеевко, В.Д. Стратегии поиска работы на российском рынке труда и роль государственной службы занятости / В.Д. Матвеевко, П.А. Савельев. – СПб., 2003. – 37 с.

86. Механизмы трудоустройства российской молодежи / Е.М. Авраамова, С.А. Беляков, Д.М. Логинов, Е.А. Полушкина. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. – 106 с.

87. Минтруд отметил, что 70% бедных россиян составляют семьи с детьми [Электронный ресурс] // МИЦ «Известия». – Режим доступа: <https://iz.ru/748878/2018-05-28/topilin-nazval-semi-s-detmi-bolshinstvom-sredizhivushchikh-v-bednosti>

88. Михалкина, Е.В. Молодежный рынок труда – системный импульс инновационного развития экономики / Е.В. Михалкина, А.Ю. Никитаева // Terra Economicus. – 2016. – № 3 (14). – С. 131-144.

89. Молодежь о молодежи [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». – Режим доступа: fom.ru/obraz-zhizni/12832

90. Морев, М.В. Глобальные угрозы и национальные особенности формирования социального капитала в России / М.В. Морев // Проблемы развития территории. – 2018. – № 2 (94). – С. 106-119.

91. Московичи, С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. – 480 с.

92. На просторах России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 2017. – № 723-724. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0723/rossia01.php#3>

93. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс] : от 05.08.2000 № 117-ФЗ: (ред. от 15.02.2016) // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

94. Нацун, Л.Н. «Поддерживаемое трудоустройство» инвалидов: обзор мирового опыта / Л.Н. Нацун // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2017. – Т. 16. – № 4. – С. 663-680.

95. О государственной молодежной политике: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 23.11.2012 № 38-10 [Электронный ресурс] // База данных «Законодательство стран СНГ». – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=63368

96. О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

97. О мерах социальной поддержки отдельных категорий молодых специалистов на территории Ульяновской области [Электронный ресурс] : закон Ульяновской области от 02.05.2012 № 49-30 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

98. О молодежи [Электронный ресурс] : закон города Москвы от 30.09.2009 № 39 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

99. О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий [Электронный ресурс] : федеральный закон от 29.12.2015 № 285-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

100. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

101. О социальной поддержке семей с детьми в городе Москве [Электронный ресурс] : закон г. Москвы № 56 от 05.11.2008 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

102. О страховых пенсиях [Электронный ресурс] : федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

103. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 27.06.2018) // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

104. Об общих началах государственной молодежной политики в СССР [Электронный ресурс] : закон СССР от 16 апреля 1991 г. № 2114-1 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

105. Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

106. Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Верховного Совета РФ от 3 июня 1993 г. № 5090-1 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

107. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 01.12.2015 № 1297 (ред. от 30.03.2018) // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

108. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ № 302 от 15 апреля 2014 г. // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

109. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

110. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

111. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере» [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ от 08.06.2016 № 1144-р // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

112. Омельченко, Е. От проблемного конструкта молодежного вопроса – к анализу молодежной повседневности [Электронный ресурс] / Е. Омельченко // Федеральный образовательный портал «ЭСМ». – Режим доступа: http://ecsosman.hse.ru/data/615/676/1219/otryvok_om.pdf

113. Основные проблемы рынка труда молодых специалистов в Российской Федерации [Электронный ресурс] // HR-Portal. – Режим доступа: <http://hr-portal.ru/article/osnovnye-problemy-rynka-truda-molodyh-specialistov-v-rossiyskoy-federacii>
114. Основы социальной работы / отв. ред. П.Д. Павленок. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 560 с.
115. Оценка общеэкономических условий на предприятиях и спроса на рабочую силу [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. – Режим доступа: <https://memo.hse.ru/data/2017/01/19/1113912005/ИБ%20МЭО%20№98%2009-2016.pdf>
116. Паутова, Л. Противоречивая молодежь: казусы общественного мнения [Электронный ресурс] / Л. Паутова // Фонд Общественное мнение. – Режим доступа: <http://fom.ru/blogs/11747>
117. Покручина А.А. Политика социальной защиты уязвимых слоев населения (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / А.А. Покручина. – М., 2000. – 21 с.
118. Попов, А.В. К вопросу о ментальной природе барьеров трудоустройства молодежи / А.В. Попов // Человек. Общество. Инклюзия. – 2016. – № 3 (1). – С. 32-39.
119. Попов, А.В. Требования работодателей к качественным характеристикам молодых работников (на примере Вологодской области) / А.В. Попов // Вестник НГУЭУ. – 2016. – № 4. – С. 215-223.
120. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост. и общ. ред. Л.А. Беляевой, Н.И. Лапина. – М. : Academia, 2013. – 416 с.
121. Проблемы трудоустройства молодых специалистов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ассоциации молодых специалистов. – Режим доступа: <http://asmol.ru/?id=8&page=mms>
122. Прокофьева, Л. Более 3-х детей растут только в 6,6% российских семьях [Электронный ресурс] / Л. Прокофьева, Е. Куприянова // Демоскоп Weekly. – 2009. – № 373-374. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema01.php>
123. Прокофьева, Л. География многодетности [Электронный ресурс] / Л. Прокофьева, Е. Куприянова // Демоскоп Weekly. – 2009. – № 373-374. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema02.php>
124. Профилактика рака [Электронный ресурс] // Вологодский областной онкологический диспансер. – Режим доступа: <http://www.volonko.ru/profilaktika-raka>
125. Работающие бедные в России и за рубежом [Электронный ресурс] : социальный бюллетень // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.vkp.ru/upload/global/1710_poverty_of_employee.pdf

126. Разумовский, И.В. Формирование современной российской ментальности / И.В. Разумовский // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 134-140.

127. Ракитянский, Н.М. Понятие сознания и менталитета в контексте политической психологии / Н.М. Ракитянский // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2011. – № 6. – С. 89-102.

128. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М. : Academia, 2009. – 807 с.

129. Рейтинги и индексы [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. – Режим доступа: <https://wciom.ru/?id=80>

130. Резр, Д. Экономические и социальные последствия демографического перехода (перевод с английского) [Электронный ресурс] / Д. Резр // Демографическое обозрение. – 2014. – № 4. – Режим доступа: <http://demreview.hse.ru/2014--4/150230090.html>

131. Римащевская, Н.М. Бедность и маргинализация населения / Н.М. Римащевская // Социологические исследования. – 2004. – № 4. – С. 33-44.

132. Римащевская, Н.М. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования / Н.М. Римащевская. – М. : Наука, 2009. – 272 с.

133. Римащевская, Н.М. Гендерные стереотипы и логика социальных отношений [Электронный ресурс] / Н.М. Римащевская // Интернет-конференция «Динамика гендерных стереотипов в современной России». – М.: ИСЭПН РАН, 2006. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/16208971/>

134. Романов, П. Идеология социальной политики и практика социального обслуживания в период либеральных реформ / П. Романов, Е. Ярская-Смирнова // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М. : ЦСПГИ, Вариант, 2008. – С. 80-105.

135. Россет, Э. Процесс старения населения / Э. Россет. – М. : Статистика, 1968. – 508 с.

136. Российская экономика в 2016 году. Тенденции и перспективы / под ред. С.Г. Синельникова-Мурылева, А.Д. Радыгина. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 520 с.

137. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капельюшниковой, С. Рощина. – М. : ЦСР-НИУ ВШЭ, 2017. – 148 с.

138. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. – М. : Весь Мир, 2017. – 427 с.

139. Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М. : Альфа-М, 2009. – 160 с.

140. Рошин, С.Ю. Выбор каналов поиска работы на российском рынке труда / С.Ю. Рошин, К.В. Маркова. – М. : EERC, 2004. – 66 с.
141. Рошин, С.Ю. Наем молодых работников на российском рынке труда / С.Ю. Рошин, А.А. Слесарева. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 35 с.
142. Рудаков, В.Н. Навыки и компетенции, приобретаемые студентами во время обучения в вузе: информационно-аналитические материалы по результатам социологических обследований [Электронный ресурс] / В.Н. Рудаков // НИУ ВШЭ. – Режим доступа: [https://memo.hse.ru/data/2018/04/19/1150470102/iam_13_2018\(79\).pdf](https://memo.hse.ru/data/2018/04/19/1150470102/iam_13_2018(79).pdf)
143. Руденко, Г.Г. Специфика положения молодежи на рынке труда / Г.Г.Руденко, А.Р.Савелов // Социологические исследования. – 2002. – №5. – С.101-107.
144. Сапонов, Д.И. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения / Д.И. Сапонов, А.А. Смолькин // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 5. – С. 83-94.
145. Сарычева, Т.В. Статистическое исследование влияния половозрастных факторов на продолжительность описки работы [Электронный ресурс] / Т.В. Сарычева // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7063>
146. Сведения о достижении значений показателей (индикаторов) в разрезе субъектов РФ [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты РФ. – Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-8481-src-1526654014.8216.xls>
147. Сергеева, Е.А. Социальная поддержка уязвимых семей (социологический анализ): дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Е.А. Сергеева. – М., 2006. – 151 с.
148. Смирнова, Т.В. Социальный статус пожилых людей: социологический анализ / Т.В. Смирнова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 70-78.
149. Смолева, Е.О. Основные подходы к исследованию ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения [Электронный ресурс] / Е.О. Смолева // Социальное пространство. – 2016. – № 4. – Режим доступа: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2014>
150. Смолькин, А.А. Социальное проектирование отношения к старости / А.А. Смолькин // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2007. – № 2. – С. 240-247.
151. Соболева, И. Социальная защищенность в сфере труда: тенденции распределения и зоны уязвимости / И. Соболева, Л. Лакунина // Общество и экономика. – 2010. – № 1. – С. 101-124.
152. Сови, А. Общая теория населения. Том второй. Жизнь населения / А. Сови : пер. с фран. Ф.Р. Окуневой. – М. : Прогресс, 1977. – 520 с.

153. Соколов, А.В. Интеллектуально-нравственная дифференциация современного студенчества / А.В. Соколов // Социологические исследования. – 2005. – № 9. – С. 91-97.

154. Стуken, Т. Дискриминация при трудоустройстве: причины, проблемы, пути решения [Электронный ресурс] / Т. Стуken // Кадровик. Кадровый менеджмент. – 2007. – № 11. – Режим доступа: <http://www.hr-portal.ru/article/diskriminaciya-pri-trudoustroystve-prichiny-problemy-puti-resheniya>

155. Суходольская, Н.П. Социальный стереотип / Н.П. Суходольская // Философия и общество. – 2007. – № 3. – С. 152-160.

156. Тихонова, Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 5-23.

157. Тихонова, Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России / Н.Е. Тихонова // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 36-83.

158. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: Издательство АСТ, 2002. – 557 с.

159. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : по состоянию на 5 февраля 2018 года // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

160. Урланис, Б. Эволюция продолжительности жизни / Б. Урланис. – М.: Статистика, 1978. – 310 с.

161. Фахрадова, Л.Н. Проблемы социальной инклюзии инвалидов: теоретический экскурс и опыт эмпирического исследования / Л.Н. Фахрадова // Проблемы развития территории. – 2016. – № 6 (86). – С. 58-75.

162. Федотова, В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества / В.Г. Федотова // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 3-16.

163. Формирование системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов и детей-инвалидов [Электронный ресурс] // Минтруд России. – Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/25>

164. Фуряева, Т.В. Сопровождаемое жизнеустройство как механизм преодоления социальной эксклюзии молодых людей с расстройствами аутистического спектра / Т.В. Фуряева, Е.А. Фуряев // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. – 2017. – № 4 (18). – С. 66-74.

165. Чирун, С.Н. Реальности современного общества и противоречия современной молодежной политики / С.Н. Чирун // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2005. – № 6. – С. 125-127.

166. Шабунова, А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности / А.А. Шабунова // Проблемы развития территории. – 2014. – № 2 (70). – С. 7-17.

167. Шабунова, А.А. Теоретико-методологические основы исследования ментальности и обусловленных ею стереотипов поведения / А.А. Шабунова, Г.В. Лео-

нидова, К.А. Устинова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – № 2. – С. 60-76.

168. Шевченко, А.И. К вопросу о теоретических основах социальной политики в отношении людей с ограниченными возможностями в мире и в России / А.И. Шевченко // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2013. – № 5. – С. 66-73.

169. Шевяков, А.Ю. Неравенство доходов как фактор экономического и демографического роста / А.Ю. Шевяков // Инновации. – 2011. – № 1 (147). – С. 7-19.

170. Шерстнева, В.В. Проблемы многодетных семей в современной России / В.В. Шерстнева // Институты развития демографической системы общества: сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием / под ред. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. – Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2014. – С. 236-241.

171. Шестопалова, О.Н. Стереотипы трудового поведения молодых работников: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / О.Н. Шестопалова. – Екатеринбург, 2009. – 19 с.

172. Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – М. : Прогресс, 1969. – 534 с.

173. Шкаратан, О.И. Социология неравенства. Теория и реальность / О.И. Шкаратан. – М. : Изд. Дом ВШЭ, 2012. – 526 с.

174. Шмидт, В. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии / В. Шмидт // Журнал исследований социальной политики. – 2004. – Т. 2. – № 4. – С. 547-566.

175. Штомпка, П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) / П. Штомпка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6. – С. 119-126.

176. Штомпка, П. Социология: анализ современного общества / пер. с пол. С.М. Червонной. – М. : Логос, 2005. – 664 с.

177. Ядов, В.А. Внутренняя регуляция социального поведения субъекта: (подход к построению диспозиционной теории) / В.А. Ядов, Э.В. Беляев, В.В. Водзинская // Проблемы социальной психологии. – Тбилиси, 1976. – С. 177-204.

178. Якубович, В. Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 210-248.

179. Ярская, В.Н. Инклюзия – новый код социального равенства / В.Н. Ярская // Образование для всех: политика и практика инклюзии. – Саратов : Научная книга, 2008. – С. 11-16.

180. Ярская, В.Н. Молодежная политика: разные и пока не равные / В.Н. Ярская, Н.И. Ловцова // Журнал исследований социальной политики. –

2010. – № 8 (2). – С. 151-164.

181. Ярская, В.Н. Социальная инклюзия в молодежной политике / В.Н. Ярская // Поволжский торгово-экономический журнал. – 2010. – № 1 (13). – С. 63-74.

182. Adequate and sustainable pensions [Electronic resource] // Commission of the European Communities. – Режим доступа: http://europa.eu.int/comm/employment_social/socprot/pensions/index_en.htm

183. Ageing and Employment Policies. Live longer, work longer [Electronic resource] // OECD. – Режим доступа: http://www.monitoringris.org/documents/strat_reg/live_longer_work_longer.pdf

184. Atkinson, R. Combating Social Exclusion in Europe: The New Urban Policy Challenge / R. Atkinson // Urban Studies. – 2000. – vol. 37. – Pp. 1037-1055.

185. Bagues, M. Can Gender Parity Break the Glass Ceiling? Evidence from a Repeated Randomized Experiment / M. Bagues, B. Esteve-Volart // Review of Economic Studies. – 2010. – Vol. 77. – Pp. 1301-1328.

186. Bauman, Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts / Z. Bauman. – Cambridge, UK : Polity, 2004. – 152 p.

187. Breaking the glass ceiling? The effect of board quotas on female labor market outcomes in Norway [Electronic resource] / M. Bertrand, S. Black, S. Jensen, A. Lleras-Muney // The National Bureau of Economic Research. – Режим доступа: <http://www.nber.org/papers/w20256>

188. Buthler, T. A generation lost: the reality of age discrimination in today's hiring practices [Electronic resource] / T. Buthler, B. Berret // Journal of Management and Marketing Research. – 2012. – vol. 10. – Режим доступа: <http://www.aabri.com/manuscripts/11981.pdf>

189. Chambers, R. Editorial Introduction: Vulnerability, Coping, and Policy / R. Chambers // IDS Bulletin. – 1989. – Vol. 20 (2). – Pp. 1-7.

190. Coudouel, A. Poverty Data and Measurement / A. Coudouel, J. Hentschel. – Washington, D.C. : The World Bank, 2000. – 55 p.

191. Data & Documentation [Electronic resource] // The World Values Survey. – Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

192. Davies, S. Adaptable Livelihoods. Coping with Food Insecurity in the Malian Sahel / S. Davies. – New York : St. Martin's Press, 1996. – 24 p.

193. Davis, A.P. Targeting the Vulnerable in Emergency Situations: Who is Vulnerable? / A.P. Davis // The Lancet. – 1996. – Vol. 348. – Pp. 868-871.

194. Does leaving home make you poor? Evidence from 13 European countries / A. Aassve, M.A. Davia, M. Iacovou, S. Mazzucco // European Journal of Population. – 2007. – vol. 23 (3). – Pp. 315-338.

195. Doise, W. Images, representations collectives et ideologies dans la psychologie sociale / W. Doise // Social Science Information. – 1978. – vol. 17 (1). – Pp. 41-69.

196. Eade, D. The OXFAM Handbook of Development and Relief // D. Eade, S. Williams. – Oxfam Publications : Oxford, 1995. – 1028 p.
197. Education at a Glance 2013 [Electronic resource] // OECD. – Режим доступа: [http://www.oecd.org/edu/eag2013%20\(eng\)--FINAL%2020%20June%202013.pdf](http://www.oecd.org/edu/eag2013%20(eng)--FINAL%2020%20June%202013.pdf)
198. Education Indicators in Focus. How Difficult is it to Move from School to Work? [Electronic resource] // OECD. – Режим доступа: [https://www.oecd.org/education/skills-beyond-school/EDIF%202013--N%C2%B013%20\(eng\)--FINAL.pdf](https://www.oecd.org/education/skills-beyond-school/EDIF%202013--N%C2%B013%20(eng)--FINAL.pdf)
199. Fact Sheet from International Year of Youth (2010/2011). Dialogue and Mutual Understanding [Electronic resource] // United Nations Children Fund. – Режим доступа: <https://social.un.org/youthyear/docs/youth-participation.pdf>
200. Farrington, F. Towards a useful definition: advantages and criticism of «social exclusion» [Electronic resource] / F. Farrington // The Big Lottery Fund. – Режим доступа: <http://www.nof.org.uk>
201. Giddens, A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press, 1998. – 176 p.
202. Global AgeWatch Index [Electronic resource] // HelpAge International. – Режим доступа: <http://www.helpage.org/global-agewatch/>
203. Global Health Observatory Data Repository [Electronic resource] // World Health Organization. – Режим доступа: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.680?lang=en>
204. Holzer, H. Workforce Development as an Antipoverty Strategy: What Do We Know? What Should We Do? / H. Holzer. – Bonn : IZA, 2008. – 40 p.
205. Holzmann, R. Social Protection as Social Risk Management: Conceptual Underpinnings for Social Protection Sector Strategy Paper / R. Hozmann, S. Jorgensen // Journal of International Development. – 1999. – vol. 11 (7). – Pp. 1005-1027.
206. Inglehart, R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies / R. Inglegart. – Princeton : Princeton University Press, 1997. – 464 p.
207. Innovative practices [Electronic resources] // Zero Projects. – Режим доступа: <https://zeroproject.org/innovative-practices/>
208. Kelley, J. Ballot Paper Cues and the Vote in Australia and Britain: Alphabetic Voting, Sex and Title / J. Kelley, I. McAllister // Public Opinion Quarterly. – 1984. – vol. 48. – Pp. 452-466.
209. Key Indicators of the Labour Market [Electronic resource] // Международная организация труда. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/lang--en/index.htm>
210. Keyfitz, N. Population Change and Social Policy [Electronic resource] / N. Keyfitz // POPLINE. – Режим доступа: <https://www.popline.org/node/378043>
211. Keyfitz, N. World Population Growth and Aging: Demographic Trends in the Late Twentieth Century / N. Keyfitz, W. Flieger. – Chicago : Chicago Press, 1990. – 616 p.

212. Kreimer, A. Managing Disaster Risk in Emerging Economies [Electronic resource] / A. Kreimer, M. Arnold // The World Bank. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/372441468740717582/pdf/multi-page.pdf>

213. Levitas, R. The concept of social exclusion and the new Durkheimian hegemony / R. Levitas // Critical Social Policy. – 1996. – vol. 16. – Pp. 5-20.

214. Lewis, Ph.S. Substitution between Young and Adult Workers in Australia / Ph.S. Lewis // Australian Economic Papers. – 1985. – vol. 24. – Pp. 115-126.

215. Lister, R. Poverty, Key Concepts / R. Lister. – Cambridge : Polity Press, 2004. – 252 p.

216. Loughhead, S. Urban Poverty and Vulnerability in India: A Social Perspective / S. Loughhead, O. Mittai // Social Change. – 2000. – vol. 30. – Pp. 33-54.

217. Lowe, R. The Welfare State in Britain since 1945 / R. Lowe. – London : Macmillan, 1993. – 528 p.

218. Mead, M. Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap / M. Mead. – The Bodley Head, 1970. – 128 p.

219. Morrow, B.H. Identifying and Mapping Community Vulnerability / B.H. Morrow // Disasters. – 1999. – vol. 23 (1). – Pp. 1-18.

220. Moser, C. The Asset Vulnerability Framework: Reassessing Urban Poverty Reduction Strategies / C. Moser // World Development. – 1998. – vol. 26 (1). – Pp. 1-19.

221. NEETs. Young people not in employment, education or training. Characteristics, costs and policy responses in Europe [Electronic resource] // Eurofound. – Режим доступа: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1254en.pdf

222. Neumark, D. Do Stronger Age Discrimination Laws Make Social Security Reforms More Effective? / D. Neumark, J. Song // Journal of Public Economics. – 2013. – vol. 108. – Pp. 1-16.

223. Pension at a Glance 2015: OECD and G20 indicators [Electronic resource] // OECD. – Режим доступа: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/pensions-at-a-glance-2015_pension_glance-2015-en

224. Powerful Women: Does Exposure Reduce Bias? / L. Beaman, R. Chattopadhyay, E. Duflo, R. Pande, P. Topalova // Quarterly Journal of Economics. – 2009. – vol. 124. – Pp. 1497-1540.

225. Preliminary Draft for A Sourcebook on Poverty Reduction Strategies / A. Coudouel, K. Ezemenari, M. Grosh, L. Sherburne-Benz. – Washington, D.C. : The World Bank, 2000. – 38 p.

226. Pritchitt, L. Quantifying Vulnerability to Poverty: A Proposed Measure, Applied to Indonesia / L. Pritchitt, A. Suryahadi, S. Sumarto. – Washington, D.C. : The World Bank, 2000. – 33 p.

227. Putnam, R.D. Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy / R.D. Putnam. – Princeton : Princeton University Press, 1994. – 258 p.

228. Quasthoff, U.M. Ethnozentrische Verarbeitung von Informationen: Zur Ambivalenz der Funktionen von Stereotypen in der interkulturellen Kommunikation // Wie verstehen wir fremdes: Aspekte zur Klärung von Verstehensprozessen: Dokumentation eines Werkstattgesprächs des GoetheInstituts München vom 24-28. November 1988. – München : Iudicium, 1989. – Pp. 37-62.

229. Ravallion, M. Expected Poverty Under Risk-Induced Welfare Variability / M. Ravallion // Economic Journal. – 1988. – vol. 98. – Pp. 1173-1183.

230. Roadmap to Vocational Education and Training Systems Around the World / W. Eichhorst, N. Rodríguez-Planas, R. Schmidl, K. Zimmermann. – Bonn : IZA, 2012. – 43 p.

231. Rohini, P. Gender Quotas and Female Leadership [Electronic resource] / P. Rohini, D. Ford // The World Bank. – Режим доступа: <https://siteresources.worldbank.org/INTWDR2012/Resources/7778105-1299699968583/7786210-1322671773271/Pande-Gender-Quotas-April-2011.pdf>

232. Rokeach, M. Beliefs, Attitudes and Values / M. Rokeach. – San Francisco : Jossey-Bass, 1968. – 230 p.

233. Rokeach, M. The Nature of Human Values / M. Rokeach. – N.Y. : Free Press, 1973. – 438 p.

234. Selody, K. Board independence and the gender pay gap for top executives / K. Selody. – Ithaca, NY : Compensation Research Initiative, 2011. – 40 p.

235. Sen, A. Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny [Electronic resource] / A. Sen // Asian Development Bank. – Режим доступа: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29778/social-exclusion.pdf>

236. Siegel, P. An Asset-Based Approach to Social Risk Management: A Conceptual Framework / P. Siegel, J. Alwang. – Washington, D.C : Human Development Network, Social Protection Unit, 1999. – 85 p.

237. Simon, J. Population pressure on the land: Analysis of trends past and future / J. Simon // World Development. – 1983. – vol. 11 (9). – Pp. 825-834.

238. Simon, J. Theory of population and economic growth / J. Simon // Journal of Biosocial Science. – 1988. – vol. 20 (1). – Pp. 121-122.

239. Smith, M.B. The personal setting of public opinion / M.B. Smith // Public Opinion Quarterly. – 1947. – vol. 3. – Pp. 517-523.

240. Social and Economic Inclusion of Deprived Groups – Possible Measures to Increase the Employability of the Most Vulnerable Categories of Long-term Unemployed and Inactive People [Electronic resource] // Международная организация труда. – Режим доступа: http://www.mddsz.gov.si/fileadmin/mddsz.gov.si/pageuploads/dokumenti_pdf/raziskava_vkljucevanje2_an.pdf

241. Stroebe, P. From Poverty to Exclusion: A Wage-Earning Society or a Society of Human Rights? / P. Stroebe // International Social Science Journal. – 1996. – vol. 48. – Pp. 173-189.

242. Taguiri, R. Person perception / R. Taguiri // *The Handbook of Social Psychology*. – 1969. – vol. 3. – Pp. 395-449.

243. Tajfel, H. Social stereotypes and social groups / H. Tajfel // *Key readings in social psychology. Intergroup relations: Essential readings* / M.A. Hogg, D. Abrams (eds.). – New York, NY, US: Psychology Press, 2001. – Pp. 132-145.

244. The Democracy Index [Electronic resource] // *The Economist*. – Режим доступа: <http://www.eiu.com/topic/democracy-index>

245. The youth employment opportunity Understanding labor market policies across the G20 and beyond [Electronic resource] // *Deloitte*. – Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/de/Documents/public-sector/youth-employment-opportunity-labor-market-policies.pdf>

246. TOP-5 ошибок при подборе молодых специалистов [Электронный ресурс] // *HR-Portal*. – Режим доступа: <http://hr-portal.ru/blog/top-5-oshibok-pri-podbore-molodyh-specialistov>

247. Walker, A. Public policy and theories of aging: constructing and reconstructing old age / A. Walker // *Handbook of Theories of Ageing*. – 1999. – № 3. – Pp. 361-378.

248. Weber, M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism / M. Weber. – N.Y. : Charles Scribner's Sons, 1958. – 320 p.

249. Wirtz, W. The older American worker, age discrimination in employment: Report of the Secretary of Labor to the Congress under section 715 of the Civil Rights Act of 1964 / W. Wirtz. – Washington, DC : Department of Labor, 1965. – 153 p.

250. World Bank Open Data [Electronic resource] // *The World Bank*. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/>

251. Youth not in employment, education or training (NEET) [Electronic resource] // *OECD*. – Режим доступа: <https://data.oecd.org/youthinac/youth-not-in-employment-education-or-training-neet.htm>

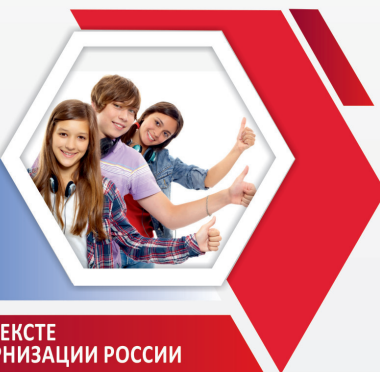
252. Youth Report Status of the situation of young people in the European Union [Electronic resource] // *European commission*. – Режим доступа: http://pjp-eu.coe.int/documents/1017981/3084919/EU_Youth_Report_SWD_situation_of_young_people-rev.pdf/a459c1d0-a336-4013-8e34-eee69e6bd203

253. Youth Strategy 2014-2017: Empowered Youth, Sustainable Future [Electronic resource] // *United Nations Development Programme*. – Режим доступа: <http://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/democratic-governance/youthstrategy.html>

КАЧЕСТВО МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Федеральное агентство научных организаций
Российская академия наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук

КАЧЕСТВО МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Вологда
2016

ВВЕДЕНИЕ

Модернизация российской экономики – актуальный вопрос современности. Для того чтобы привести в действие новую модель экономического роста, реализовать многоплановые реформы, требуется активизация человеческого капитала, основы воспроизводства которого закладываются еще в детстве. Детский и молодежный возрасты являются теми периодами, в которых происходит становление ценностного восприятия мира и культурной идентичности человека. Качественная смена поколений служит одной из ключевых движущих сил модернизационных изменений, а молодежь несет в себе колоссальный инновационный потенциал, стратегический ресурс развития, поэтому ее демографическое сохранение, укрепление здоровья, интеллектуальное и творческое развитие выступают важнейшей государственной задачей. Иначе говоря, от здоровья детей и молодежи, выбора ими профессии, ценностных ориентиров, знаний, умений и навыков зависит то, какой страна будет через 20–30 лет.

Переход к рыночной экономике, к качественно иному типу экономических и социальных отношений в России конца XX в. принципиально изменил социальную базу динамичной социально-демографической группы детей и молодежи. Изменилось все: материальное положение родителей, образовательные институты, уровень безопасности, потоки информации, социальные возможности и т.д.

Сегодня потенциал молодого поколения, в том числе детского, невысок. Наблюдаются устойчивые негативные тенденции в состоянии здоровья детей, характеризующиеся высоким уровнем заболеваемости (в стране около 35% детей уже рождаются больными). Идет постепенное «омоложение» детской инвалидности: оно происходит как по абсолютной величине,

так и по показателю уровня инвалидности. Доля детей I-й группы здоровья, не имеющих отклонений по всем избранным для оценки критериям здоровья, сократилась за 25 лет с 49 до 9%¹.

Сокращается численность населения моложе трудоспособного возраста (с 25% в 1989 г. до 17% в 2015 г.). Эти тенденции обостряют вопросы качества молодежных когорт, их образовательного потенциала, который находится в тесной взаимосвязи с трудовым потенциалом, представляющим собой совокупность образовательных, профессиональных, квалификационных и других возможностей человека.

В России самая высокая в мире доля взрослого населения с третичным образованием – 53,5% (для сравнения: средний показатель по странам ОЭСР составляет 32%). В начале XXI века Россия стала одним из эпицентров «образовательного бума» – с 1991 по 2014 год количество вузов выросло вдвое и более чем в два раза увеличилось число студентов. Удельный вес численности учащихся и студентов различных ступеней образования на 1 тыс. человек населения также является самым высоким среди стран – мировых лидеров (58%). Однако модернизационные процессы в России замедлились, в том числе и из-за низкой инновационной активности населения. Основным сдерживающим компонентом является когнитивный аспект. В этой связи важно понять, что нужно изменить в условиях формирования человеческого капитала молодых, на какие факторы влиять для подготовки качественного поколения молодых. Чрезвычайно важен поиск резервов повышения человеческого потенциала, основы которого закладываются в детстве. Именно поэтому особый акцент ставится на изучении детского населения, поддержке его здоровья и интеллектуального развития.

В последнее десятилетие проблемы детства все чаще оказываются в центре внимания представителей федеральной и региональной власти, научных кругов, общественных организаций. Так, на заседании Координационного совета по реализации «Национальной стратегии действий в интересах детей» Президент РФ обозначил ряд наиболее приоритетных в данной области вопросов и подчеркнул, что «сохранение и укрепление здоровья детей требуют комплексного, межведомственного подхода на всех уровнях власти...»². В его Послании Федеральному Собранию в 2016 г.

¹ Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие / под ред. проф. В.В. Локосова. – М.: Экон-Информ, 2015. – 411 с.

² Заседание Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей 27.05.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>

еще раз было заявлено, что «смысл всей нашей политики – это сбережение людей. Поэтому наши усилия направлены на поддержку традиционных ценностей, в том числе семьи»³. При этом немалая часть Послания была посвящена образованию детей и подростков, развитию нравственности и творческого начала школьников: «Каждый ребёнок, подросток одарён, способен преуспеть и в науке, и в творчестве, и в спорте, в профессии и в жизни. Раскрытие его талантов – это наша с вами задача, в этом – успех России»⁴.

Комплекс мер государственной поддержки семей с детьми, а также сохранения и укрепления детского здоровья реализуется в стране с 2005 года. Это приоритетный национальный проект «Здоровье», «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы», «Концепция демографической политики РФ до 2025 г.», Программа модернизации здравоохранения и др. За этот период существенно увеличились размеры единовременных пособий при рождении ребенка и ежемесячных выплат по уходу за ребенком до полутора лет. За прошедший период значительно возросло внимание к охране материнства и здоровья детей, улучшилось качество медицинской помощи, повысилась доступность высокотехнологичных медицинских услуг и др. Много внимания уделяется расширению профилактической направленности здравоохранения (иммунопрофилактика, диспансеризация населения и т.д.)⁵.

Но перечисленные и другие факты не снижают актуальности вышеобозначенных вызовов. Основными причинами, актуализирующими продолжение активной государственной политики, направленной на укрепление здоровья детей, являются стагнация основных показателей состояния здоровья детей, с одной стороны, и принятие Россией Конвенции ООН «О правах ребенка», положившей начало формированию нового, более высокого уровня ответственности государства и общества за осуществление права ребенка на жизнь, здоровье и развитие в благоприятных условиях⁶, с другой стороны.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 01.12.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения – 12.12.2016 г.)

⁴ Там же.

⁵ Шабунова А.А., Морев М.В., Кондакова Н.А. Здоровье детей: итоги пятнадцатилетнего мониторинга: монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 262 с.

⁶ Яковлева Т.В., Баранов А.А. Государственная политика в области охраны здоровья детей: проблемы и задачи // Вопросы современной педиатрии. – 2009. – № 2. – С. 6–10.

Книга, которую читатель держит в руках, – результат коллективного труда исследователей Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН) при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № №14-18-03120 «Качество детского населения в контексте модернизации России».

Результаты исследования позволили выделить три круга проблем, связанных с полем «модернизационного потенциала молодого поколения».

Первый круг – проблемы, касающиеся сущности гуманистического подхода к модернизационным процессам, определяющих их факторов.

Второй круг проблем связан с определением масштабов, численности и структуры детского и молодежного сегмента, оценкой его потенциала с точки зрения социокультурных параметров, образовательного потенциала, трудового поведения и здоровья, анализом условий и институтов формирования детства, вопросов социализации, позволяющих оценить молодое поколение с точки зрения готовности к участию в модернизационных процессах. Этим вопросам посвящены первая и вторая главы монографии.

Третий круг проблем подрастающего поколения в России – задача улучшения здоровья детей начиная с момента рождения, их образования и социализации во всей их внутренней взаимосвязи и многообразии как фундамента разработки системной Программы государственной политики в отношении детства. Из чего складывается здоровье детей? Из отношения к своему собственному здоровью, из образа жизни, который ведут родители до зачатия ребенка, их привычек и поведенческих установок; из качества внутриутробного периода (поведение матери, её эмоциональное состояние, питание, двигательная активность, медицинская грамотность); из особенностей младенческого периода (кормят ли ребенка грудью, соблюдают ли гигиенический режим, режим дня, занимаются ли зарядкой, массажем, закаливанием, есть ли положительный эмоциональный контакт, достаточно ли бывают на свежем воздухе и пр.). А далее следуют не менее важные периоды дошкольного и школьного возраста, когда ребенок подсознательно впитывает модели, паттерны поведения, присущие семье. Все эти кирпичики формирования здоровья и интеллектуального развития детей рассмотрены в третьей главе. В ней проведена некая «ревизия» детского поколения – комплексно рассмотрены формирование качества детского здоровья с применением статистического, медицинского и адаптационного подходов.

Исследования качества подрастающих поколений представляют существенный интерес для региональных органов власти. С привлечением его результатов Департаментом здравоохранения Вологодской области разрабатывались основные направления помощи семье и детям. Концепция «Вологодская область: Здоровье-21», российско-американский проект «Мать и дитя», Программа демографического развития региона, целевые программы «Здоровое поколение» и «Здоровый ребенок» – это неполный перечень исследований и документов, в которых использованы результаты мониторинга условий формирования здорового поколения.

Надеемся, что книга может быть полезна широкому кругу читателей, в том числе работникам здравоохранения, науки и образования, представителям органов власти, а также студентам и аспирантам, чьи научные интересы связаны с социальной проблематикой и ее осмыслением с позиций экономики, демографии и социологии.

Книга подготовлена под общей редакцией доктора экономических наук руководителя проекта РНФ №14-18-03120 «Качество детского населения в контексте модернизации России» А.А. Шабуновой.

ГЛАВА 1

МОДЕРНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

*Если мы хотим достичь
настоящего мира во всем мире,
то начинать надо с детей.
Махатма Ганди*

1.1. Сущность и тенденции модернизационных процессов

В переводе с английского слово «модернизация» означает «осовременение». Зачастую модернизация воспринимается как «вестернизация», т.е. заимствование англо-американского (западноевропейского) уклада жизни в области экономики, политики и культуры. Согласно Оксфордскому словарю термин «модернизация»⁷ появился в английской прессе в 1770-е гг. Тогда он толковался как «подновление» или «реконструкция» какого-либо объекта.

Макропроцесс модернизации – перехода от традиционного (доиндустриального) общества к обществу модерности – занял в Западной Европе несколько столетий (промышленный переворот в Англии, укрепление буржуазии и обретение ею политической власти в результате английской – 1640–1642 г., американской – 1776 г. и Великой французской – 1789 г. – революций)⁸. Ряд авторов, в частности Ю. Хабермас⁹ и Э. Гидденс¹⁰, пола-

⁷ Ричард Пайпс. Смысл слова: модернизация в узком смысле // Ведомости. – 2010. – № 69 (2587). – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/04/19/231672>.

⁸ Гавров С.Н. Социокультурные процессы модернизации // Вопросы социальной теории. – 2009. – Т. 3. – Вып. 1(3). – С. 359–368.

⁹ Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. – 1992. – №4. – С. 40–51.

¹⁰ Giddens A. Commentary on the reviews // Theory, culture and society. – L., 1992. – Vol. 9, №2. – P. 171–174.

гают, что эпоха модерности продолжается, а значит, продолжается и процесс модернизации. Некоторые авторы полагают, что модерность (современность) не может быть завершена в принципе. Так, сенегальский социолог С. Амин¹¹ утверждает: «Современность (modernity) не завершена, она открывает двери в неизведанное. Современность незавершаема по своей сути, но она предполагает последовательность форм, которые очень разнообразно преодолевают противоречия общества в каждый момент его истории».

Современное значение термина, заключающееся в трактовке его как процесса перехода от традиционного общества к современному обществу, от аграрного – к индустриальному, установилось в 1950-е гг. Модернизацию как целостное обновление общества российский культуролог Э.А. Орлова¹² описывает как «... изменения в области социально значимого знания и мировоззрения: в религиозной сфере – сдвиг от священного к более светскому обоснованию миропорядка; в философии – от монистического к плюралистичному миропониманию; в искусстве – от стремления к стилистическому единству к полистилистике; в науке – от объективизма к антропному принципу. Совокупность этих общих тенденций принято называть модернизацией».

Проблема изучения модернизации со времени своего возникновения постепенно расширялась и наполнялась все большим содержанием. К основателям модернизационной теории можно отнести М. Вебера, У. Ростоу, Р. Арона, Э. Дюркгейма, К. Маркса и др. Переход от аграрного (традиционного) общества к индустриальному (современному) с точки зрения процесса модернизации общества более широко и осознанно стал изучаться с опубликования теоретической работы С. Блэка¹³ «Динамика модернизации», вышедшей в 1966 году. Большой научный вклад в осмысление этапов развития, типов и состояний модернизации внесли политологи, социологи и экономисты США и Западной Европы: Г. Альмонд, Д. Белл, Р. Инглхарт, Г. Спенсер, Т. Парсонс и др.

Существенное внимание модернизационным процессам уделено в работах китайских ученых – Лю Гогун, Чжоу Шулян (1980-е гг.), Ли Цзин-вэн (1990-е гг.)¹⁴. Их теоретические разработки достаточно успешно при-

¹¹ Амин С. Экономический глобализм и политический универсализм: конфликтующие результаты? (Реф. обзор А. Б. Рахманова) // Социология: РЖ / ИНИОН РАН. – М., 2003. – №1. – С. 49–56.

¹² Орлова Э. А. Социокультурные предпосылки модернизации в России // Библиотека в эпоху перемен: информ. сб. (дайджест). – М.: РГБ, 2001. – Вып. 2 (10). – С. 7.

¹³ Black C. The Dynamics of Modernization. New York: Harper & Row, Publishers, 1966.

¹⁴ Портяков В.Я. О перспективах развития Китая // Проблемы Дальнего Востока. – 2005. – №5. – С. 44–61.

меняются в практике социально-экономического развития Китая. Это позволило поднять экономику и престиж страны, которая пытается выйти на ведущие мировые рынки. В начале XXI века особое внимание вопросам модернизации в мире и Китае было уделено учеными Центра исследования модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН) под руководством профессора Хэ Чуанци¹⁵, которые на примере 20 наиболее развитых стран мира разработали комплексный набор количественных ориентиров развития, отвечающих мировому уровню модернизации экономики.

Теоретические взгляды на процесс модернизации прошли путь от классической теории до теории постмодернизации. Концепция постмодерна связана с именами таких ученых, как А. Тойнби¹⁶ (Toynbee A.), П. Друкер¹⁷ (Drucker P.), А. Гидденс¹⁸ (Giddens A.) и др. Они утверждают, что с начала послевоенного периода в развитых индустриальных странах появились черты, которые характеризуются как post-modern order. Главное содержание эпохи постмодерна, приходящей на смену модерну, – возросшее место человека в социальной структуре (трансформируются мотивы и стимулы деятельности человека, возникают новые ценностные ориентиры и нормы поведения).

В отечественной научной литературе наиболее известными исследователями модернизационных преобразований являются Н.И. Лапин, И.В. Побережников, Ю.А. Красин, С.Н. Гавров, Л.Г. Ионин, В.Л. Иноземцев, А.Г. Сагадеев и др.

Взгляды А.Г. Сагадеева базируются на постулатах классической теории модернизации и она рассматривается им главным образом в трех значениях¹⁹:

- 1) как внутреннее развитие стран Западной Европы и Северной Америки, относящееся к европейскому Новому времени;
- 2) догоняющая модернизация, которую практикуют страны, не относящиеся к странам первой группы, но стремящиеся их догнать;
- 3) процессы эволюционного развития наиболее модернизированных обществ (Западная Европа и Северная Америка), т.е. модернизация как

¹⁵ Хэ Чуанци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011.

¹⁶ Тойнби А.Дж. Постигание истории: пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.

¹⁷ Drucker P.F. The Landmarks of Tomorrow. N. Y, 1957.

¹⁸ Гидденс Э. Последствия современности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2010. – №6(100). – С. 170–181.

¹⁹ Сагадеев А.В. Дуализм земли и неба: культурное наследие и идеология в современном арабском мире // Культурное наследие: преемственность и перемены: сб. реф. обзоров. – Вып. 3. – М.: ИНИОН РАН, 1991. – С. 52.

некий перманентный процесс, осуществляющийся посредством проведения реформ и инноваций, что сегодня означает переход к постиндустриальному обществу.

С.Н. Гавров определяет модернизацию как «макропроцесс перехода от традиционного к современному обществу – обществу модерности»²⁰, опираясь также на теорию классического модерна. Он разграничивает либеральную и имперскую модели модернизации и обосновывает, что «модернизационный процесс в российском обществе во внешнем аспекте детерминирован телеологией имперского противостояния Западу, которая выражается в амбивалентном отношении притяжения и отталкивания»²¹.

По мнению В.Л. Иноземцева, «успешная модернизация – это та, которая исключает в будущем необходимость все новых и новых модернизаций»²².

Таким образом, можно заключить, что модернизация – это эволюционный и исторический процесс, в комплексе представляющий создание, развитие и взаимодействие современных цивилизаций с характерными чертами жизни и личным выбором индивидов²³.

В своем исследовании мы опираемся на следующее определение Н.И. Лапина: «Модернизация – это процесс глубинных, цивилизационных изменений, обусловленный новыми потребностями общества и человека в меняющейся среде (природной и социокультурной), а его функция состоит в повышении способностей общества и индивидов удовлетворять свои потребности»²⁴. Как отмечает Н.И. Лапин в своей работе «Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии»²⁵, существуют три комплексных фактора, влияющие на направление эволюции модернизации в России. Первый фактор – централизующе-оборонный, подразумевает требование сильной централизующей власти и инвестиций в оборону с целью сохранения независимости и целостности. Данный фактор обусловлен большими численностью населения и территорией РФ,

²⁰ Гавров С.Н. Социокультурные процессы модернизации // Вопросы социальной теории. – 2009. – Т. 3. – Вып. 1 (3). – С. 359–368.

²¹ Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с. – С. 72.

²² Модернизация России: условия, предпосылки, шансы: сб. статей и материалов. – Вып. 1 / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009.

²³ Хэ Чуанци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011. – С. 40–47.

²⁴ Лапин Н.И. Модернизация как глобальный вызов и стратегия повышения ее социокультурной эффективности в регионах России // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. – М., 2015. – С. 34–63.

²⁵ Лапин Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социс. – 2016. – №5. – С. 23–34.

этнокультурным разнообразием, богатыми энергетическими и природными ресурсами. Второй фактор, глобально-модернизационный, обусловлен возрастающим взаимовлиянием стран (с вытекающими отсюда угрозами безопасности), сменой технологических укладов, интенсификацией горизонтальных, сетевых взаимодействий между регионами, капитализацией культурного потенциала общества. На соотношение этих факторов оказывают негативное воздействие частно-корпоративные интересы, что влечет социокультурный застой, рецессию гуманистического потенциала.

Третий фактор – это постоянное повышение культуры населения, и главным образом молодежи, рост знаний и компетенций специалистов, развитие науки и техники. Субъекты науки и культуры должны активнее решать проблемы гуманистической модернизации, повышения благополучия населения России. По мнению Лапина Н.И., при оптимизационном соотношении трех факторов будет обеспечен реальный гуманизм как общечеловеческий критерий прогрессивности. Гуманистическим основанием модернизации, или «социокультурной модернизации», является комплекс социальных и культурных преобразований, в том числе воспитание и установление ценностей, в фокусе которых находится человек и его развитие как полноценной личности. При этом первостепенным условием развития служит взаимосвязь с развитием институциональной среды.

Интерес к вопросам модернизационного развития в нашей стране существенно усилился в первом десятилетии XXI века. В 2009 г. целевая установка на модернизацию экономики прозвучала в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ. «Настало время нам, т.е. сегодняшним поколениям российского народа, сказать свое слово, поднять Россию на новую, более высокую ступень развития цивилизации». В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии. Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии²⁶.

Как показывает опыт развитых стран, модернизационное развитие достигается:

- путем принятия и эффективного сопровождения национальной программы модернизации;

²⁶ Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/5979>

- создания и функционирования инновационной институциональной среды на всех уровнях: национальном, региональном (муниципальном), отраслевом;

- наличия модернизационных проектов по всем приоритетным направлениям;

- ставки на инвестиции в инновации;

- модернизации сфер: политической, экономической, социальной, финансовой, культурной и ментальной.

Для реализации модернизации в нашей стране, по мнению исследователей²⁷, необходимы:

- национальный, а также региональные лидеры и элиты модернизации;

- менталитет народа и инновационная культуры, адекватные потребностям модернизации;

- социальный слой – носители общественной энергетики модернизации;

- национальная доктрина развития России: политико-социальная и экономическая модернизация без мобилизации;

- адекватная среда, субъекты, программы и проекты модернизации;

- либерализация политики и повновесное усиление влияния институтов гражданского общества;

- смена вектора развития и приоритетов в экономической политике: переориентация ресурсов из экономики «трубы» в экономику знания.

Важным аспектом модернизации является не только переход к новому производственно-технологическому укладу, но и уровень социокультурной организации общества, процесс формирования общественных ценностей, в центре которых оказывается личность. Социокультурные изменения являются предиктором и результатом модернизации.

В России существуют две группы факторов, тормозящих модернизацию: материальные и ценностно-институциональные. Правящую элиту больше интересуют материальные факторы (экономическое и технологическое развитие). Вторая же группа несправедливо остается в тени. По мнению Е.Г. Ясина, «успех модернизации российской экономики в значительной мере зависит от того, будут ли происходить необходимые изменения в

²⁷ Ермоленко В.В. Ресурсы модернизации России [Электронный ресурс] // Человек. Сообщество. Управление: науч. журнал КубГАУ. – Краснодар: КубГАУ, 2010. – №6(60). – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2010/06/pdf/04.pdf>.

культуре, в неформальных институтах, в системе ценностей, и если будут, то каким темпом и в каких направлениях. Эти изменения, по сути, образуют не только условия успеха модернизации, её социальный контекст, но, если задуматься, наиболее глубинное её содержание, результат: мы сами должны стать другими, чтобы сделать страну процветающей»²⁸. Таким образом, под социокультурной модернизацией подразумевается «формирование новых систем ценностей, распространение индивидуализма и мотивации успеха, нового типа мышления – рационального, что, в совокупности, создает базу и для формирования новых социальных институтов»²⁹.

Модернизация, по утверждению разработчиков доклада «Культурные факторы модернизации», не может ограничиться только сферами экономики и законодательства. «Модернизация предполагает запуск комплексного социокультурного процесса, в котором управленческие и технологические решения подчинены гуманитарным целям, а гуманитарные цели соотнесены с экономическими задачами. При этом под культурой мы понимаем всю сеть формальных и неформальных институтов, ответственных за производство, разрушение, трансляцию и распространение ценностей»³⁰. Авторы Доклада констатируют наличие прямой связи между количественным социально-экономическим развитием общества и динамикой его основополагающих ценностей³¹. Выход на устойчивую траекторию экономического развития сопровождается, по оценкам Р. Инглхарта и Г. Хофстеда, снижением дистанции граждан по отношению к власти, ростом статуса ценностей самовыражения, самореализации, личной ответственности за свою судьбу. «Чем шире эти ценности распространяются в обществе, тем устойчивей становится траектория экономического развития. И наоборот, чем меньше элита работает с ценностными ориентациями общества, тем меньше шансов для перехода экономики на модернизационную траекторию развития»³².

Сегодня базовые социокультурные условия модернизации, то есть повсеместное следование гуманистическим ценностям и нормам правового социального государства, отсутствуют. Кроме того, существуют рез-

²⁸ Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – С. 6.

²⁹ Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / под ред. М.К. Горшкова и Ф. Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 352 с.

³⁰ Культурные факторы модернизации / А.А. Аузан, А.Н. Архангельский, П.С. Лунгин, В.А. Найшуль. – М.: Фонд «Стратегия 2020», 2011. – 221 с.

³¹ Использовались данные, полученные по методологии Рональда Инглхарта и Гирта Хофстеда.

³² Культурные факторы модернизации / А.А. Аузан, А.Н. Архангельский, П.С. Лунгин, В.А. Найшуль. – М.: Фонд «Стратегия 2020», 2011. – 221 с.

кие отличия между условиями жизни различных слоев населения³³. Это представляет серьезный фактор дисфункциональности и торможения модернизации.

Социокультурная модернизация является процессом комплексным и апеллирует к молодежной группе населения, так как именно молодежь первой испытывает трансформацию во взглядах, интересах, ценностях и культуре. Жизненные приоритеты молодого поколения, нравственное здоровье и его облик в целом обуславливают социальное развитие общества и будущее страны. Для эффективного модернизационного развития необходим слой людей, которые были бы креативны, целеустремленны, обладали новаторскими способностями. Поэтому взаимоотношения молодежи и государства актуальны для функционирования последнего.

Молодое поколение как стратегический ресурс модернизации должно сберегаться государством и в демографическом, и интеллектуальном плане. Дети и молодежь выступают творцами будущего общества, ответственными за процветание страны и воспроизводство последующих поколений, преемниками ее культуры. Именно молодежь является преобразователем социальной культуры и организации общества и предопределяет социальный прогресс³⁴, несет в себе инновационный и социокультурный потенциал, служащий базой существующих и будущих изменений в общественной жизни. Эта социальная группа – носитель значительного интеллектуального потенциала, расширенных способностей к творчеству (в силу присущих ей повышенных чувственности, восприятия, образности мышления и т.п.). Являясь по своей природе противником консерватизма, молодежь способствует ускорению внедрения в практику новых идей, инициатив, новых форм жизни. В молодом возрасте человек легко приобретает основные знания, умения и навыки. Значимость и ценность молодости в современном мире повышается и в связи с необходимостью расширения объемов и глубины профессиональной подготовки, что неизбежно в условиях модернизации общества.

Современная молодежь должна принимать непосредственное участие в обеспечении инновационного развития общества и государства, формировании конкурентоспособной экономики за счет успешной социализации и эффективной самореализации, развития и использования накопленного потенциала. И хотя в настоящее время мы имеем дело с самым образо-

³³ Лапин Н.И., Л.А. Беляева. Проблемы социокультурной модернизации регионов России: монография. – М., 2013. – С. 26–27.

³⁴ Рахимова Л.А. Политическая социализация молодежи: механизмы и модели: дис. ... канд. полит. наук. – Уфа, 2006.

ванным поколением молодежи за все время российской истории, ни качество отечественного образования, ни состояние здоровья, ни имеющиеся сегодня возможности для самореализации не обеспечивают российской молодежи достаточных преимуществ, гарантирующих ее глобальную конкурентоспособность и успешность в достижении цели – обретения Россией статуса ведущей мировой державы.

Одной из важных характеристик молодежи выступает потенциал здоровья. Это наиболее здоровая физически и психологически страта населения. Молодые обладают значительным запасом нерастраченной энергии, которая при умелом руководстве, может внести оживление в жизнь общества. Принципиально новые типы машин и оборудования, новейшие технологии, системы управления, которые составляют основные факторы интенсификации экономики, могут быть созданы только людьми нового, нетрадиционного типа мышления. Как одна из важнейших социальных групп, молодежь не только включена в структуру общественных отношений, но и преобразует их, реализуя свой инновационный потенциал, является важным индикатором существующих тенденций и общей направленности развития всего общества.

Молодежь – наиболее мобильная часть общества, оказывающая активное воздействие на динамику социальной структуры, изменения классового и слоевого состава населения. Для молодежи характерна высокая интенсивность как вертикальной, так и горизонтальной мобильности (наибольшее число переходов из одних социальных групп в другие приходится, например, в России на первые 10 лет трудового стажа). Для молодых характерны территориальная, информационная и интеллектуальная мобильность.

Обсуждая социальный статус молодежи, следует учитывать, что она по законам преемственности (по закону отрицания отрицания) осваивает наследуемые общественные отношения, духовные и материальные ценности конкретного общества, а в последующем осуществляет их воспроизводство. Будет это простое или расширенное воспроизводство – зависит от уровня социального развития молодежи, которое определяется отношением к ней общества.

Нацеленное на прогресс и развитие общество обучает и воспитывает молодежь и побуждает ее быть социальным субъектом, способным к инициативе и обратному воздействию на общество. Если же социум настроен лишь на сохранение существующего строя, консервацию его идей, ценностей и традиций, молодежь не вовлекается в общественную жизнь и явля-

ется в большей степени объектом воздействия. Своеобразие социального положения, разнородность этой группы по составу диктует необходимость усиленного внимания к ней со стороны государства и различных общественных организаций.

Социологические исследования показывают, что ценности только 20% населения России наиболее близки к ценностям средних представителей западноевропейских стран. В эту группу входят сравнительно более молодые и обеспеченные люди. Среди них больше учащихся и, в целом, больше образованных людей, чем в других кластерах. Авторы доклада «Культурные факторы модернизации» отмечают, что если основными ценностями, способствующими развитию, являются ценности самоотдачи и открытости, то необходимо принимать меры по их укреплению, а так как они во многом закладываются во время обучения, нужно соответствующим образом «подстраивать» систему образования. И напротив, та часть населения, которая характеризуется высокими значениями ценностей сохранения, служит «буфером» стабильности, препятствующим дисбалансу социально-экономической системы, однако преобладание этого кластера может существенным образом препятствовать любой новаторской и инновационной активности.

Эксперты³⁵ отмечают, что *следующие* 30 лет будут формироваться под влиянием двух взаимосвязанных и влияющих друг на друга процессов. Первый – это глобальные демографический и ресурсный переходы. Второй – переход ведущих стран мира к шестому технологическому укладу.

Глобальный демографический переход подразумевает изменение закона роста населения с модели «высокая рождаемость – высокая смертность» на модель «низкая рождаемость – низкая смертность»³⁶. Последствиями этих демографических изменений ожидается старение населения, повышение ожидаемой продолжительности жизни, рост затрат на здравоохранение и пенсионное обеспечение.

Шестой технологический переход подразумевает развитие, нацеленное не только на применение наукоемких технологий (био- и нанотехнологии, генная инженерия, мембранные и квантовые технологии, искусственный интеллект, новый уровень в системах управления обществом), но и стабилизацию таких макропеременных, как экологическая безопасность и уровень жизни населения.

³⁵ Малинецкий Г.Г. Техногенные ресурсы в контексте новой индустриализации России // Вестник Российской академии наук. – 2015. – Т. 85. – №4. – С. 344.

³⁶ Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. – 3-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

Современной России крайне необходимо повышение производительности труда и его социальной результативности как минимум до уровня глобальной конкурентоспособности. Решение этой задачи требует комплексной социокультурной модернизации страны с позиции общества и цивилизации. Рассматривать модернизацию необходимо как переход цивилизованных сообществ, под воздействием новых потребностей индивидов (групп), к новым более эффективным способам жизнеустройства³⁷.

В мировой истории, так же как и в России, при осуществлении тех или иных преобразований никогда не ставился вопрос о гуманности путей и средств достижения поставленных целей, их адекватности мечтам народа. Все ранее состоявшиеся в России модернизации (индустриализация 30-х гг. XX в.; Косыгинская реформа 60-х гг. – большая степень экономической свободы предприятиям; перестройка 1985 г., «шоковая терапия» 90-х лет XX в.) при всех их достижениях и неудачах в целом так и не стали реализацией «русской мечты» о нашем «счастливом будущем». Среди общепринятых причин неудачного проведения преобразований отмечают и «закрытость общества», и «тоталитарный политический режим». Однако представляется, что весьма значимой причиной является то, что ни одна из предшествующих модернизационных программ не опиралась на достижения мировой обществоведческой мысли, предполагающей учет в таких масштабных преобразованиях ментальности народа, его национального характера, его ценностей. То есть того, что не может быстро измениться ни «по щучьему велению», ни по «хотенью» инициаторов и руководителей модернизационной политики³⁸.

Особенность гуманистического подхода к осуществлению модернизации состоит в том, чтобы сблизить и даже объединить разноплановые интересы разных социальных групп и элит на основе стратегии гуманистически ориентированной модернизации. Движение в этом направлении не осуществится спонтанно, без активных усилий. Нужно предпринять конкретные меры по гуманизации образования, что предполагает формирование креативности, обучение творчеству, ориентированное на общественно значимую самоорганизацию, на самотворение собственно человеческого потенциала в контексте любых возникших уязвимостей.

³⁷ Лапин Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социс. – 2016. – № 5. – С. 23–34.

³⁸ Кравченко С.А. Гуманистически ориентированная модернизация: востребованность преобразований адекватных чаяниям россиян // Россия реформирующаяся: Ежегодник. – Вып. 12. – М.: Новый хронограф, 2014. – С. 21–41.

Этот путь оправдан, поскольку индустриальная (первичная) стадия модернизации была эпохой установления капитализма и классовых антагонизмов. А следующая стадия модернизации (информационная/вторичная) утверждает общество, основанное на знаниях.

Российский философ Н.И. Лапин объясняет модернизацию «... как переход цивилизованных сообществ людей, под воздействием новых потребностей индивидов и их групп, к новым, более эффективным способам жизнеустройства – новым типам культуры и соответственно, новым социальным институтам и способам создания средств жизнедеятельности, новым качествам жизни»³⁹. Подразумевается, что подобный переход повлечет новые дифференциации в социуме и глубокие изменения цивилизации. Необходимо принятие триединства фундаментальных ценностей критического гуманизма – жизнь, ненасилие и достоинство человека. Именно они будут способствовать становлению и продвижению человечества по пути реальной гуманистической модернизации. В этой связи обратимся к еще одному знаменитому философу – Махатме Ганди: «Если мы хотим достичь настоящего мира во всем мире, то начинать надо с детей». Словом, если Россия готова идти по пути гуманистической модернизации, необходимо движение по вектору консолидирующего гуманизма, формирующего в подрастающем поколении принципы жизни, семьи, общения, законности.

1.2. Приоритетные национальные проекты как один из механизмов модернизации общества

Международный и отечественный опыт показывает: только вложения в человека способны помочь уйти от экономики «ресурсной и индустриальной» к экономике знаний, к экономике «ежедневной технологической революции», которая создается личными усилиями активных, здоровых, образованных граждан⁴⁰. Такими вложениями, «инвестициями» в человека стала реализация приоритетных национальных проектов (направлений) в области здравоохранения, образования, жилищной сферы и сельского хозяйства. Для их воплощения в жизнь в 2005 г. при Президенте РФ был создан Совет по реализации национальных приоритетных проектов⁴¹.

Национальный проект «Здоровье» был нацелен на укрепление здоровья населения, повышение доступности и качества медицинской помощи,

³⁹ Цит. по: Лапин Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социс. – 2016. – № 5. – С. 23–34.

⁴⁰ Медведев Д. Национальные приоритеты. Статьи и выступления. – М.: Европа, 2008. – 504 с.

⁴¹ В 2017 г. преобразован в Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам.

обеспечение населения высокотехнологичной медицинской помощью, развитие первичной медицинской помощи и профилактической направленности здравоохранения. Основным итогом его реализации – увеличение продолжительности жизни россиян. В рамках нацпроекта «Здоровье» дополнительно реализовывалась программа «Родовые сертификаты», целью которой было улучшение качества обслуживания в женских консультациях и родильных домах. В 2006 г. приоритетом государственной демографической политики стал проект «Материнский капитал» (поддержка семей, воспитывающих детей). Проектом предусматривалась существенная материальная выплата при рождении или усыновлении второго или последующего ребенка. В результате реализации проекта выросла рождаемость, снизилось количество аборт. 94% от суммы всех выплат материнского капитала использовалось российскими семьями для улучшения жилищных условий.

Благодаря принятым системным мерам, в том числе национальному проекту «Здоровье», удалось достичь национального исторического минимума по этим показателям и за последние 4 года (2012–2016 гг.) снизить младенческую смертность на 29%, а материнскую – на 38%⁴².

Национальный проект «Образование» был призван активизировать модернизацию образования для достижения современного качества образования, адекватного меняющимся запросам общества и социально-экономическим условиям. В нацпроекте было предусмотрено два основных механизма стимулирования системных изменений в образовании. Первое – это выявление и приоритетная поддержка лидеров – «точек роста» нового качества образования. Второе – внедрение в массовую практику элементов новых управленческих механизмов и подходов. Благодаря реализации нацпроекта были обеспечены такие системные сдвиги, как интернетизация образования, внедрение современных технологий, рост инновационного потенциала российской молодежи, модернизация материально-технической базы образовательных учреждений, внедрение новых программ и технологий. Существенной модернизации школьного образования способствовала инициатива «Наша новая школа», реализовывавшаяся в рамках нацпроекта «Образование».

В приоритетном нацпроекте «Жилье» была поставлена цель улучшения жилищных условий граждан и, в особенности, поддержки молодежи. Основное его направление – значительное увеличение расходов федераль-

⁴² Путин рассказал о Совете по стратегическому развитию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/3450895> (дата обращения 18.01.2017).

ного бюджета на поддержку молодых семей и решение жилищной проблемы молодых специалистов в селе. Конкретными итогами реализации данных направлений в 2006–2007 гг. явилось улучшение жилищных условий 69,5 тыс. молодым семьям; в 2008 г. – предоставление субсидий 50 тыс. молодых семей на приобретение жилья, оплату первоначального взноса при получении/погашении ипотечного кредита или строительство индивидуального жилья. В последующие годы акцент в проекте был поставлен на развитии массового жилищного строительства и повышении качества жилищного фонда, жилищных и коммунальных услуг.

В рамках национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» реализовывались меры по активизации развития агробизнеса (в особенности его малых форм), животноводства и земледелия путем строительства и переоснащения земледельческих, животноводческих комплексов, расширения производства в фермерских хозяйствах, а также лизинга и кредитной кооперации на селе. С 2008 года проект преобразован в Государственную программу развития сельского хозяйства.

Один из результатов проведения политики модернизации социальных институтов – улучшение демографической ситуации в стране.

Демографическая политика, направленная на увеличение рождаемости и сохранение здоровья граждан, инициированная в начале 2000-х гг., спустя несколько лет дала положительные результаты. К 2013 г. естественный прирост населения в целом по стране стал положительным (впервые с 1995 г., табл. 1.1).

Таблица 1.1. **Естественный прирост численности населения с 2000 по 2015 г.,** промилле

Территория	Год							
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Российская Федерация	-6,6	-5,9	-1,7	-0,9	0,0	0,2	0,2	0,3
Северо-Западный федеральный округ	-8,7	-8,4	-3,5	-2,5	-1,6	-1,2	-1,0	-0,9
Республика Карелия	-7,8	-8,2	-4,1	-2,8	-2,8	-2,7	-2,3	-3,1
Республика Коми	-3,5	-4,1	-0,2	0,7	1,8	2,2	2,0	1,3
Архангельская область	-7,5	-6,3	-2,0	-1,7	-0,8	-0,5	-0,7	-1,1
Ненецкий автономный округ	0,3	2,3	4,7	4,7	7,1	5,7	7,9	8,4
Вологодская область	-7,2	-8,3	-4,2	-2,7	-1,1	-1,2	-1,2	-1,1
Калининградская область	-7,3	-9,2	-2,8	-1,5	-0,8	-0,7	-0,7	-0,5
Ленинградская область	-12,1	-12,5	-7,0	-6,1	-5,7	-5,6	-5,4	-5
Мурманская область	-3,0	-3,6	-0,2	0,0	0,5	0,9	0,3	0,3
Новгородская область	-12,6	-13,2	-8,7	-7,1	-5,8	-6,0	-5,4	-5,6
Псковская область	-14,9	-15,7	-10,7	-8,9	-8,5	-7,6	-7,5	-7,2
г. Санкт-Петербург	-9,4	-7,4	-2,0	-0,9	0,2	0,7	1,3	1,7
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Р32 стат. сб. / Росстат. - М., 2015. - 1266 с.								

Данные таблицы показывают, что в северных регионах Северо-Западного федерального округа естественный прирост наблюдался ранее 2013 года: Республика Коми – с 2011 г.; Мурманская область и Санкт-Петербург – с 2012 г. В Вологодской, Архангельской и Калининградской областях, а также в СЗФО в целом с 2012 г. отмечается незначительная убыль населения (в пределах 1–2 промилле). В Новгородской, Ленинградской и Псковской областях убыль населения составляет более 5 промилле и сохраняется до настоящего времени. В рейтинге регионов СЗФО по данному показателю Вологодская область за 14 лет опустилась с 4 на 7 место.

Несмотря на позитивные демографические тренды последних лет, численность населения России в 2015 г. была на 37 тысяч человек меньше, чем в 2000 г. (табл. 1.2). Большую роль в сохранении демографического потенциала сыграла Концепция демографического развития Российской Федерации, принятая в 2001 г. и в обновленном виде функционирующая и сегодня. Её приоритетными направлениями являются: укрепление здоровья детей и подростков, улучшение здоровья населения трудоспособного возраста, сохранение здоровья пожилых людей, улучшение репродуктивного здоровья населения⁴³.

Таблица 1.2. **Динамика численности населения за период 2000–2015 гг., тыс. чел.**

Территория	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
<i>Среднегодовая численность</i>												
РФ	146304	142754	142221	142009	141904	141914	142865	143056	143347	143667	146267	146393
СЗФО	14199	13628	13550	13501	13462	13437	13626	13660	13717	13801	13844	13847
Вологодская область	1290	1235	1228	1223	1218	1214	1201	1198	1196	1193	1191	1 189
<i>Рост (- убыль за год)</i>												
РФ		-720	-533	-212	-105	10	951	191	291	320	2600	126
СЗФО		-103	-78	-49	-39	-25	189	34	57	84	43	3
Вологодская область		-10	-7	-5	-5	-4	-13	-3	-2	-3	-2	-2
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Р32 стат. сб. / Росстат. - М., 2015. - 1266 с.												

Согласно прогнозам Росстата⁴⁴ (средний вариант), к 2030 г. численность населения России составит 147267 тыс. человек, что на 874 тыс. человек

⁴³ Доклад о состоянии здоровья детей в Российской Федерации (по итогам всероссийской диспансеризации 2002 года) МЗ РФ. – М., 2003.

⁴⁴ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

больше, чем в 2015 г. Эти изменения произойдут за счет миграционного прироста (в среднем 300 тысяч человек ежегодно). Естественная убыль будет наращивать темпы: с 52 тысяч человек в 2017 г. до 450 – в 2030 г. Даже при рассмотрении высокого варианта прогноза естественный прирост будет положительным только до 2020 г. Высока будет смертность населения – около 12 промилле, а рождаемость к 2030 г. не сможет быть более 11 промилле. Даже при стимулирующей рождаемости демографической политике и росте суммарного коэффициента рождаемости до 2,009, не будут обеспечены устойчивые положительные тенденции роста населения России. Главная причина этого кроется в высокой смертности населения (по высокому варианту прогноза – 12 промилле в 2030 г.). Эффективные мероприятия по снижению смертности до уровня развитых стран (в 2014 г.: Швейцария – 7,8, США – 8,0, Швеция – 9,2) позволят преодолеть демографический спад и обеспечить естественный прирост населения России. Как показывают данные таблицы 1.2, чрезвычайная значимость демографических проблем во все большей степени проявляется и на региональном уровне. График распределения величины естественного прироста и численности населения Вологодской области (рис. 1.1) показывает постоянный демографический спад, при котором численность населения падает, а естественная убыль, испытывая длительное снижение, не может выйти в положительный тренд.

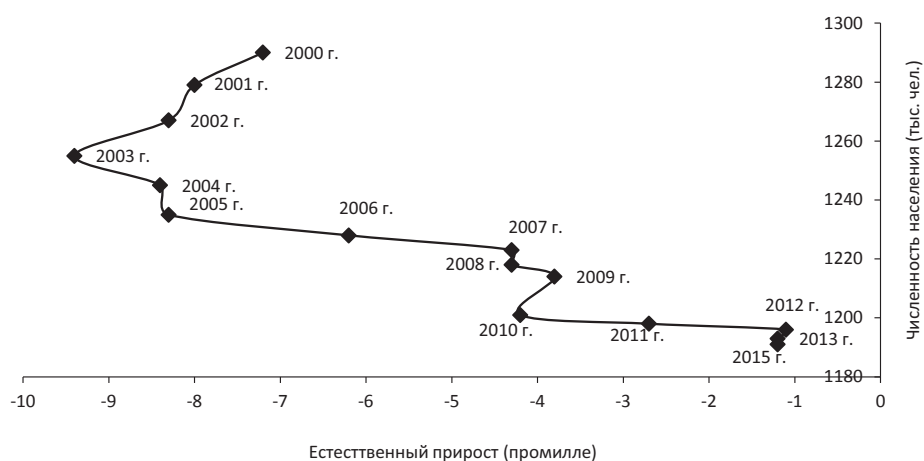

Рис. 1.1. Динамика численности и естественного прироста населения Вологодской области

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Р32 стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

Рост рождаемости в Вологодской области, начавшийся в начале 2000-х годов, так и не смог покрыть смертность населения, поэтому естественного прироста в регионе не случилось, хотя коэффициент был близок к отметке 0 и составлял в 2012–2014 гг. 1,1–1,2 промилле со знаком «минус».

В связи с этим ещё в 2003 г. в области был разработан Стратегический план «Охрана и укрепление здоровья населения Вологодской области на 2003–2010 годы». Он был нацелен на укрепление здоровья женщин и детей, улучшение показателей здоровья детей за счет улучшения социально-экономического положения семей, повышения доступности и качества акушерско-гинекологической и педиатрической помощи. Сегодня демографическая составляющая лежит во главе угла принятой Правительством области Стратегии социально-экономического развития региона до 2030 г.

Смертность населения в Вологодской области всегда превышала среднероссийский показатель на 1–2 промилле. Наиболее высокой является смертность мужского населения как в возрасте моложе трудоспособного (превышает женскую в 1,6 раза в 2014 г.), так и в трудоспособном (в 4,25 раза).

Негативные демографические тенденции последних 25 лет привели к существенной деформации возрастной структуры населения. Если в 1989 году доля молодежи в возрасте 0–14 лет составляла 23,1%, то к 2014 г. этот показатель снизился до 16,8% (табл. 1.3).

Таблица 1.3. **Возрастная структура и демографическая нагрузка на трудоспособное население Вологодской области за период 1989–2014 гг.**

Год	Доля населения			Коэффициенты демографической нагрузки, %		
	в возрасте 0–14 лет	в возрасте 15–64 лет	в возрасте 65 лет и старше	потенциального замещения	пенсионной нагрузки	общей нагрузки
1989	23,1	66,2	10,7	44,2	37,0	81,3
2001	16,6	69,6	13,8	30,4	34,7	65,0
2005	15,0	70,3	14,7	26,6	33,2	59,8
2010	15,2	71,6	13,2	26,1	35,3	61,3
2014	16,8	70,3	12,9	30,4	41,7	72,1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Р32 стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

На данный момент численность людей моложе трудоспособного возраста как в Вологодской области, так и в целом по стране, согласно всем вариантам прогноза (низкий, средний, высокий), будет незначительно

возрастать до 2024 г., а затем начнет сокращаться. Это в значительной степени связано с наличием большой доли женщин детородного возраста (с успешными мерами по стимулированию рождаемости в 1980-е гг.) Вступление же в активный детородный возраст поколения «демографической ямы» 1990-х гг. снизит количество рождений и, соответственно, уменьшит численность молодежи.

В России ситуация со здоровьем населения ухудшается из года в год⁴⁵, и это существенно затрудняет проведение социально-экономических реформ. Так, за последние 20 лет уровень первичной заболеваемости в России вырос на 30% (2013 г. – 799,4 случая на 1 тыс. чел.). Нисходящая динамика показателей здоровья населения, увеличение заболеваемости детей и молодежи снижают демографический и репродуктивный потенциал нации, что в должной мере не обеспечивает демографический рост, высокое качество жизни населения и социокультурное развитие территории.

20-летний опыт исследований трудового потенциала населения Вологодской области позволил прийти к выводу о наличии устойчивой динамики высокого качества трудового потенциала молодежи и стабильно низком и снижающемся качестве ее интеллектуального потенциала, об изменениях ценностного поля молодых людей в отношении к образованию. В то же время исследования показывают, что при увеличении инвестиций в молодое поколение существенно возрастает уровень реализации трудового потенциала (и в учебе, и в труде): например, рост отдачи от интеллектуальных характеристик начинается с уровня дохода 5 прожиточных минимумов (с 63 до 84%).

Таким образом, современные вопросы формирования демографического и социокультурного потенциала молодого населения России являются стержневыми в условиях социокультурной модернизации.

1.3. Оценка потенциала детского поколения в контексте модернизационных изменений

Процессы воспроизводства населения связаны между собой разными количественными соотношениями, что обуславливает применение многих математических методов для измерения и сравнения демографических характеристик. Для того чтобы разобраться, какие страны (регионы)

⁴⁵ Леонидова Г.В., Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Здоровье молодого поколения в контексте модернизации территории // Вопросы статистики. – 2015. – № 4. – С. 47–56.

служат эталоном развития, а какие являются отстающими и слабо развитыми, существуют различные индексы и коэффициенты. Они представляют собой разработанную и научно обоснованную систему показателей, отражающих количественные или качественные характеристики различных экономических, финансовых, социальных процессов, в том числе и демографических. Функционал индексов достаточно разнообразен: индикативный, демонстративный, диагностический, прогнозный и т.д.

Примерами использования этого метода являются индексы, разрабатываемые и применяемые крупными международными организациями⁴⁶.

Индекс развития человеческого потенциала – рассчитывается Программой развития Организации Объединенных Наций (ООН). Измеряется на основе показателей уровня жизни, грамотности, образованности и продолжительности жизни как основных характеристик человеческого потенциала⁴⁷.

Индекс экономики знаний Всемирного банка – оценивает, насколько инновации и знания в целом востребованы в экономике той или иной страны; рассчитывается по более чем 148 параметрам из 4 групп: экономическое стимулирование, институциональный режим, уровень образования и инновации, состояние сферы информационных и коммуникационных технологий. Всемирным банком используется более 2000 показателей, включая сотни индикаторов, охватывающих период продолжительностью в 50 лет и касающихся практически всех аспектов мирового развития⁴⁸.

Индекс глобальной конкурентоспособности – разрабатывается Всемирным экономическим форумом и оценивает способность стран обеспечить высокий уровень благосостояния своих граждан.

Индекс глобализации Швейцарского федерального технологического института Цюриха – оценивает параметры глобализации той или иной страны по трем основным категориям: экономическая, социальная и политическая глобализация.

Индекс устойчивости общества (The Sustainable Society Index) – рассчитывается Фондом устойчивого общества. Измеряет достижения стран мира с точки зрения устойчивости общественного развития.

⁴⁶ База данных международной статистики и индексов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/spec/stat/>

⁴⁷ Доклады о развитии человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en>

⁴⁸ Всемирный банк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/>

Индекс развития молодежи – рассчитывается ЮНЕСКО и оценивает уровень развития человеческого потенциала молодого поколения (молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет) по трем основным направлениям: продолжительность жизни и здоровье, образование, уровень жизни.

Формированием официальной статистической информации о социальном, экономическом, демографическом и экологическом положении России (ее субъектов) возложено на Федеральную службу государственной статистики (Росстат)⁴⁹.

Также интересными представляются *индексы модернизации* стран мира. Их рассчитывает Центр исследования модернизации Китайской академии наук для 131 страны мира⁵⁰. Эти индексы мы используем в данном исследовании для определения влияния модернизированности территорий и *индекса демографического благополучия*, разработанного научно-исследовательским коллективом ИСЭРТ РАН по проекту РНФ «Качество детского населения в условиях модернизации».

Согласно теории разделения всемирной модернизации, различают первичную и вторичную модернизацию⁵¹. Первичная модернизация связана с индустриальной эрой цивилизационного процесса, а вторичная – с информационной эрой, или эрой знаний. Интегрированная модернизация представляет собой координированное развитие первичной и вторичной модернизации. Для каждой стадии модернизации создана модель количественной оценки, включающая определенный набор индикаторов и их стандартных значений. Результатами оценки служат итоговые индексы и значения каждой стадии модернизации. За 60 лет модернизация существенно распространилась: половина анализируемых стран завершили первичную модернизацию к 2010 году. Прогнозные расчеты показали, что остальным странам потребуется в среднем еще 18 лет на ее реализацию. Индексный метод помог сделать вывод о том, что в 1970 г. лишь две страны мира (США и Канада) вступили в период вторичной модернизации. К 2010 г. таких стран стало уже 23%, а еще 20% стран находились на подготовительной стадии. Россия последние десять лет стабильно занимает 29 место в мировом рейтинге модернизированности.

Индексы модернизации рассчитываются для 131 страны мира. Для оценки уровня модернизированности российских регионов и федеральных

⁴⁹ <http://www.gks.ru/>

⁵⁰ Хэ Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. / под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.

⁵¹ Там же.

округов методика индексов была адаптирована под руководством д.ф.н. Н.И. Лапина⁵² в ИФ РАН. Для этой же цели сотрудниками ИСЭРТ РАН была разработана Информационно-аналитическая система (<http://mod.vssc.as.ru>). В результате проведенных работ стало возможным проследить эволюцию модернизации России в территориальном разрезе, появилось социокультурно-модернизационное понимание региона, обеспечена международная сопоставимость процессов модернизации.

В зависимости от уровня индекса вторичной модернизации (ВМ) регионы РФ можно разделить на три группы (табл. 1.4). Наиболее высокий уровень модернизации наблюдается в самых крупных городах страны – Москве и Санкт-Петербурге, некоторых сибирских регионах с развитой добывающей и обрабатывающей промышленностью и регионах, включающих крупные города или соседствующих с ними. Самым низким уровнем модернизации характеризуются в основном аграрные регионы и территории, принадлежащие Южному и Северо-Кавказскому федеральным округам.

Таблица 1.4. Динамика субъектов РФ по уровню индекса вторичной модернизации, 2000 и 2012 гг.

Уровень (индекс ВМ)	Субъекты РФ	
	2000 г.	2012 г.
Низкий (31–51)	Респ. Адыгея, Респ. Башкортостан, Респ. Бурятия, Респ. Алтай, Респ. Дагестан, Респ. Ингушетия, Кабардино-Балкарская Респ., Респ. Калмыкия, Карачаево-Черкесская Респ., Респ. Карелия, Респ. Мордовия, Респ. Тыва, Удмуртская Респ., Респ. Хакасия, Чеченская Респ., Чувашская Респ., Алтайский кр., Краснодарский кр., Ставропольский кр., Хабаровский кр., Амурская обл., Архангельская обл., Астраханская обл., Белгородская обл., Брянская обл., Волгоградская обл., Вологодская обл., Ивановская обл., Кемеровская обл., Кировская обл., Костромская обл., Курганская обл., Курская обл., Липецкая обл., Новгородская обл., Оренбургская обл., Орловская обл., Псковская обл., Рязанская обл., Сахалинская обл., Смоленская обл., Тамбовская обл., Забайкальский кр., Еврейская авт. обл., Чукотский АО, Южный ФО, Северо-Кавказский ФО, Дальневосточный ФО	Респ. Ингушетия, Чеченская Респ.

⁵² Лапин Н.И., Л.А. Беляева. Проблемы социокультурной модернизации регионов России: монография. – М., 2013. – 416 с.

Окончание таблицы 1.4

Средний (52–80)	Респ. Коми, Респ. Марий Эл, Респ. Саха (Якутия), Респ. Северная Осетия – Алания, Респ. Татарстан, Красноярский кр., Приморский кр., Владимирская обл., Воронежская обл., Иркутская обл., Калининградская обл., Калужская обл., Камчатский кр., Ленинградская обл., Магаданская обл., Московская обл., Мурманская обл., Нижегородская обл., Новосибирская обл., Омская обл., Пензенская обл., Пермский кр., Ростовская обл., Самарская обл., Саратовская обл., Свердловская обл., Тверская обл., Томская обл., Тульская обл., Тюменская обл., Ульяновская обл., Челябинская обл., Ярославская обл., г. Санкт-Петербург, Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО – Югра, Ямало-Ненецкий АО, Центральный ФО, Северо-Западный ФО, Приволжский ФО, Сибирский ФО, Уральский ФО, Россия	Респ. Адыгея, Респ. Башкортостан, Респ. Бурятия, Респ. Алтай, Респ. Дагестан, Кабардино-Балкарская Респ., Респ. Калмыкия, Карачаево-Черкесская Респ., Респ. Карелия, Респ. Коми, Респ. Марий Эл, Респ. Мордовия, Респ. Саха (Якутия), Респ. Северная Осетия – Алания, Респ. Татарстан, Респ. Тыва, Удмуртская Респ., Респ. Хакасия, Чувашская Респ., Алтайский кр., Краснодарский кр., Красноярский кр., Приморский кр., Ставропольский кр., Хабаровский кр., Амурская обл., Архангельская обл., Астраханская обл., Белгородская обл., Брянская обл., Владимирская обл., Волгоградская обл., Вологодская обл., Воронежская обл., Ивановская обл., Иркутская обл., Калининградская обл., Калужская обл., Камчатский кр., Кемеровская обл., Кировская обл., Костромская обл., Курганская обл., Курская обл., Ленинградская обл., Липецкая обл., Магаданская обл., Мурманская обл., Новгородская обл., Новосибирская обл., Омская обл., Оренбургская обл., Орловская обл., Пензенская обл., Пермский кр., Псковская обл., Ростовская обл., Рязанская обл., Самарская обл., Саратовская обл., Сахалинская обл., Свердловская обл., Смоленская обл., Тамбовская обл., Тверская обл., Томская обл., Тульская обл., Тюменская обл., Ульяновская обл., Челябинская обл., Забайкальский кр., Ярославская обл., Еврейская автономная обл., Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО – Югра, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО, Южный ФО, Северо-Кавказский ФО, Приволжский ФО, Сибирский ФО, Уральский ФО, Дальневосточный ФО, Россия
Высокий (81–120)	г. Москва	Московская обл., г. Москва, г. Санкт-Петербург, Центральный ФО

Источник: таблица подготовлена с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

В рассматриваемый период наблюдалась позитивная динамика индекса вторичной модернизации: так, если в 2000 г. 45 регионов соответствовали низкому уровню, то в 2012 г. таких осталось только два – Республика Ингушетия и Чеченская Республика. Все больше территорий (92% в 2012 г.) соответствуют среднему уровню вторичной модернизации; группа с высоким уровнем развития увеличилась за 12 лет с одного региона до трех. Следует отметить неравномерность процесса региональной модер-

низации в стране, причем очевидна асинхронность в развитии даже соседних по географическому положению территорий. Ярким примером служат Санкт-Петербург, по индексу ВМ опережающий Ленинградскую область на 31 п.п., Москва и Московская область (разница – 26 п.п.).

Из четырех групп показателей индекса ВМ менее благоприятна ситуация с субиндексом качества экономики и инноваций в знаниях (субиндексы в среднем по РФ равны 52%, табл. 1.5). Субиндексам качества жизни и трансляции знаний недостает 7–9 п.п. до уровня развитых стран. В рамках поставленных в данной монографии задач исследования рассмотрим более подробно субиндекс качества жизни, величина которого за 2000–2012 годы выросла на 9 п.п. Анализируя его состав, отметим, что при расчете уровня модернизированности учитываются социально-демографические характеристики населения. Наименьшее значение имеет показатель «ожидаемая продолжительность жизни» (ОПЖ), который составляет в среднем по России 70,2 года, что меньше уровня развитых стран на 10 лет. Наблюдаемый в стране с 2003 г. рост средней продолжительности жизни поднял планку более чем на 5 лет. Здесь позитивный вклад в демографию, на наш взгляд, внесла успешная реализация нацпроекта «Здоровье» и Концепция демографического развития. Более чем за десять лет объемы финансирования здравоохранения повысились почти в шесть раз. Немалые вливания в эту сферу принесли весомые результаты: в стране удалось увеличить продолжительность жизни, рождаемость, снизить смертность населения, младенческую смертность.

Ожидаемая продолжительность жизни – это комплексный индикатор, характеризующий состояние здоровья и качество жизни населения. Определяющее значение при расчете ОПЖ имеет смертность населения в раннем и трудоспособном возрасте. Наиболее распространенными причинами смертности являются заболевания сердечно-сосудистой системы (53,5% среди всех смертей в 2013 г.), ситуацию с которыми в РФ можно оценить как катастрофическую; новообразования (15,6%) и внешние причины (9,9%). По данным ВОЗ, по уровню преждевременной (то есть в возрасте до 64 лет) смертности от патологий органов кровообращения (206,9 случая на 100 тыс. населения) Россия находится в группе наиболее неблагополучных стран наряду с Казахстаном (208,8), Беларусью (191,3) и Украиной (176,8). Наименьшие значения показателя смертности от сердечно-сосудистых заболеваний зафиксированы в развитых странах: Финляндия – 44,5, Германия – 35,7, Великобритания – 35,6, Нидерланды – 26. Это в 4–8 раз меньше, чем в РФ [11].

Таблица 1.5. **Динамика индекса (субиндексов) вторичной модернизации в РФ, 2000 и 2012 гг.**

Показатель	2000 г.			2012 г.		
	Значение	Стандарт	Индекс	Значение	Стандарт	Индекс
Валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения, долл.	1660	27680	6	11204,8	38811,2	28,905
ВВП на душу населения по паритету покупательской способности (ППС), долл.	8010	27770	28,8	19048,2	37322	51,0
Доля добавленной стоимости материальной сферы в ВВП, %	38	32	84,2	43,8	25,5	58,2
Доля занятых в материальной сфере в общей занятости, %	38	30	78,9	37,5	25,9	69,1
Субиндекс качества экономики	49,5			51,8		
Доля затрат на НИОКР в ВВП, %	1,1	2,3	47,8	1	2,4	41,7
Число ученых и инженеров на 10 тыс. человек	34	33,4	101,8	30	39,8	75,4
Число жителей, подавших патентные заявки, на 1 млн. человек	138	790	17,5	294	745	39,5
Субиндекс инновации в знаниях	55,7			52,2		
Доля городского населения во всем населении, %	73	79	92,4	74	80	92,5
Число врачей на 1000 человек	4,2	2,9	120	4,9	2,8	120
Младенческая смертность (в возрасте до 1 года) на 1000 родившихся	15	6	40	8,6	5,1	59,3
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	65	78	83,3	70,2	80	88
Энергетическая эффективность: ВВП на душу / стоимость потребления энергии на душу, раз	4121	5448	75,6	4943	4999,2	98,9
Субиндекс качества жизни	82,3			91,7		
Доля студентов, обучающихся в вузах, среди населения от 18 до 22-х лет, %	41	60	68,3	76	72,1	104
Доля обучающихся в средних учебных заведениях среди населения 12–17 лет, %	95	100	95	88,6	100	84
Число телевизоров на 100 домохозяйств	124	189	65,6	174	160	108,7
Число персонал. компьютеров на 100 домохозяйств	6	85	7,1	86	117	73,5
Субиндекс трансляции знаний	59,0			92,6		
Индекс вторичной модернизации	61,6			72,4		

Примечание. Индекс ВМ есть среднее арифметическое субиндексов ВМ. Значения индексов округляются до 120 (согласно методике).

Источники: таблица подготовлена с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

Еще одним не менее важным показателем, участвующим в расчете индекса ВМ, является младенческая смертность, которая хотя и сократилась в последние годы почти в 2 раза, но все еще значительно превышает уровень развитых стран (в 1,7 раза). В рейтинге стран мира по данному показателю за 2014 год Российская Федерация находится на 160 позиции (7,08 умерших в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся живыми) из 224 возможных, по соседству с Чили и Кувейтом. Положительные тенденции в состоянии здоровья детей первого года жизни начались после 2006 г. в результате реализации приоритетного национального проекта «Здоровье». Однако достигнутые параметры все же хуже, чем в 1990 г.: так, в 2012 году 34% детей (в 2 раза больше показателя 1990 г.) уже родились больными или заболели в первую неделю жизни. Как показывают исследования [2], проведенные в различных регионах России, здоровье детей имеет комплексный характер, включая множество факторов (социальное окружение, здоровье матери, питание, жилищные условия и др.), которые поддаются изменению и требуют безотлагательного вмешательства со стороны общества и государства. От их эффективности во многом зависит здоровье и жизнь подрастающего поколения, а следовательно, и будущее России. Кроме того, **здоровье детей** особенно значимо, если учитывать существенное сокращение населения страны.

Демографические тенденции в странах европейского региона (депопуляция, старение населения, увеличение демографической нагрузки) и в России несколько сходны, но в нашей стране ситуация осложняется отставанием в экономическом и социальном развитии. Подчеркнем, что современная модернизация возможна только при осознании важности демографических проблем, при сбережении человеческого капитала (численность и здоровье населения, образование, соотношение возрастных групп).

Демографически благополучными считаются те страны, в которых численность населения увеличивается, жители имеют хорошее здоровье, сохранены крепкие семейные традиции и забота о детях. Например, *индекс демографического благополучия*, разработанный В.В. Тимаковым (Экспертный центр ВРНС) и А. Токаревым (МГИМО), включает: естественный и миграционный прирост населения, младенческую смертность, продолжительность жизни, разводы, аборты, долю брошенных детей и детей, родившихся в неполных семьях⁵³. Россия в данном рейтинге за последние 15 лет поднялась с 15 на 10-е место. Это произошло благодаря росту рож-

⁵³ Тимаков В.В. Сравнения, которых боится Запад [Электронный ресурс] // RusNext Русская весна. 19.06.2016. Режим доступа: http://rusnext.ru/recent_opinions/1466351547

даемости, увеличению продолжительности жизни и сокращению числа брошенных детей. Большой проблемой остается высокая доля разводов и количество абортотв. Данный индекс является достаточно важной мерой общественного развития, т.к. от демографического благополучия зависит существование страны и нации.

Опираясь на трактовку понятия демографического потенциала⁵⁴, базовых показателей демографии, выделенных В.В. Тимаковым, а также на имеющийся в свободном доступе статистический материал по регионам России, мы разработали индекс демографического благополучия (ИДБ). Под демографическим благополучием региона будем понимать совокупность качественных и количественных характеристик населения, выражающихся в структуре населения, социальной специфике и мобильности населения.

Построенный индекс демографического благополучия включил 6 показателей:

- естественный прирост (ЕП) населения на 1 тыс. чел. нас., промилле;
- миграционный прирост (МП) на 10 тыс. чел.;
- ожидаемую продолжительность жизни (ОПЖ), лет;
- общий коэффициент смертности (ОКС), на 1 тыс. чел. нас., промилле;
- долю детей (ДД) 0–14 лет в общей численности населения, в %;
- число абортов на 100 родов (ЧАР).

На состояние и развитие демографического благополучия влияет множество разнообразных факторов и условий. С учетом важности потенциала подрастающего поколения для развития модернизационных процессов, был разработан также индекс потенциала детского поколения (ИПДП). В его состав вошли следующие показатели:

- суммарный коэффициент рождаемости СКР, единиц;
- младенческая смертность (МС) – умерших в возрасте до года на 1 тыс. родившихся живыми;
- коэффициент материнской смертности (КМС), умерших на 100 тыс. живорожденных;
- доля детей-инвалидов (ДДИ) от общей численности детей в возрасте 0–14 лет, в %;
- соотношение браков и разводов (СБР), разводов на 1 тыс. браков;
- заболеваемость детей (ЗД) 0–14 лет с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 100 000 дет. населения.

⁵⁴ Мингалева Ж.А., Игошев М.В. Формирование современного демографического потенциала как основа структурной модернизации экономики // Российское предпринимательство. – 2011. – № 2-1 (177). – Режим доступа: <https://bgscience.ru/lib/6595/>

Для автоматизации расчета этих индексов была создана Информационно-аналитическая система «Население и модернизация» (ИСЭРТ РАН, 2016 г., <http://nim.vscs.ac.ru/>), которая позволяет на основе загруженных таблиц импорта статистических данных по описанным выше формулам рассчитать итоговые показатели.

Расчеты в информационной системе «НиМ» (см. приложение) индекса демографического благополучия (ИДБ) и индекса потенциала детского поколения (ИПДП) показали неоднородность данных по федеральным округам. Например, в 2000 г. более чем в 2 раза отличались величины ИДБ в Северо-Западном (31,8) и Северо-Кавказском (77,6) федеральных округах (табл. 1.6). К 2005 г. значения индексов имели в основном понижающий тренд, а с 2006 г. начали неоднородно расти. В 2014 г. территории можно разделить на 2 группы: 1 группа повысила уровень ИДБ по сравнению с 2000 г. (Уральский, Северо-Западный, Центральный, Сибирский, Дальневосточный ФО); 2 группа понизила уровень ИДБ (Северо-Кавказский, Южный, Приволжский ФО). Снижение индексов произошло в основном за счет уменьшения миграции в данные федеральные округа.

Таблица 1.6. Динамика индекса демографического благополучия в федеральных округах России, 2000–2014 гг.

Территория	Год									
	2000	2005	2006	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Россия	49,4	36,4	38,1	42,5	43	41,9	44	44	45,8	44,9
Северо-Кавказский ФО	77,6	60,9	61,4	62,6	62,2	63,8	62,3	62,9	63,8	64
Уральский ФО	44,5	36,7	39,7	40,8	45,1	40,3	58	58,9	53,6	55,7
Северо-Западный ФО	31,8	34,3	37,7	42,3	42,9	48,4	49,3	49,7	50,4	50,7
Южный ФО	53,7	37,1	38,6	52	52,3	50,4	50,7	46,8	51,9	50,7
Центральный ФО	47,9	46,6	47,1	47,8	48,5	48,3	49,4	49,6	50,2	50,5
Сибирский ФО	34,4	31,4	32,3	34,7	38	33,7	37,1	42,4	44,3	44,7
Дальневосточный ФО	35,4	32	33	33,4	33,8	33,6	33,9	39,9	43,1	44
Приволжский ФО	40,8	31,8	32,4	35,5	37,7	32,6	33,3	33,9	34,3	34,5
Источник: информационно-аналитическая система «Население и модернизация» / ИСЭРТ РАН, 2016. – Режим доступа: http://nim.vscs.ac.ru/index.php/site/index .										

Динамика индекса потенциала детского поколения имеет схожие тенденции с предыдущим показателем, однако снижение его значений было отмечено в 2006 и 2013 гг. За анализируемые 14 лет разброс в значениях значительно сократился – с 18 до 9 п.п. (табл. 1.7). Во всех федеральных округах произошло увеличение потенциала детского поколения, за исключением Северо-Кавказского, в котором до уровня 2000 г. недостает 2 п.п.

Таблица 1.7. **Динамика индекса потенциала детского поколения в федеральных округах России, 2000–2014 гг.**

Территория	Год									
	2000	2005	2006	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Россия	42,5	45,2	44,3	45,7	46,7	49	50,8	53,5	51,7	51,8
Южный ФО	48,9	50	47,5	45,7	53,7	55,7	53,3	55,7	54,9	57,5
Уральский ФО	43,1	45,6	44,8	46,7	48,5	51,7	53	55,2	54,5	56
Северо-Кавказский ФО	57,5	58,4	55,8	56,3	57,6	57,7	59,1	60,4	56,8	55,9
Приволжский ФО	43,3	45,6	44,4	45,5	47,1	49,2	51,8	55,6	53,6	54,7
Центральный ФО	41,8	44,6	44	46,2	46,9	48,9	50,7	53,8	51,3	51,8
Сибирский ФО	42,3	43,7	43,7	46,6	46,7	49,8	51,6	54,5	53	51,8
Северо-Западный ФО	39,7	44,3	44,6	43,9	45,5	48,6	49,3	51,6	49,9	49,8
Дальневосточный ФО	40,3	42,4	41,7	42,4	43,5	45,7	49,3	50,5	47,4	48,9

Источник: информационно-аналитическая система «Население и модернизация» // ИСЭРТ РАН. 2016. – Режим доступа: <http://nim.vscs.ac.ru/index.php/site/index>

Как показывает рис. 1.2, движение ФО идет в большей степени по пути увеличения потенциала детского здоровья, чем по пути увеличения демографического потенциала. Все территории, за исключением СКФО, имеют положительные тенденции. Увеличение доли детей-инвалидов в этом округе отрицательно сказалось на величине индекса потенциала детского поколения.

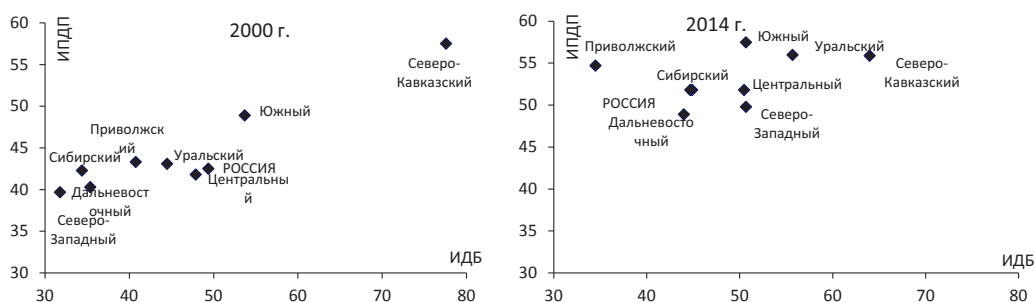

Рис. 1.2. **Распределение федеральных округов в зависимости от индекса демографического благополучия (ИДБ) и индекса потенциала детского поколения (ИПДП), 2000–2014 гг.**

Источник: информационно-аналитическая система «Население и модернизация» / ИСЭРТ РАН, 2016. – Режим доступа: <http://nim.vscs.ac.ru/index.php/site/index>

Рассмотрим более подробно регионы Северо-Западного федерального округа. Как показывают рисунки 1.3 и 1.4, индекс потенциала детского поколения имеет более синхронное развитие (разница между значениями – от 8 до 14 п.п.) в различных территориях в отличие от индекса демографического благополучия (разница между значениями – от 20 до 38 п.п.).

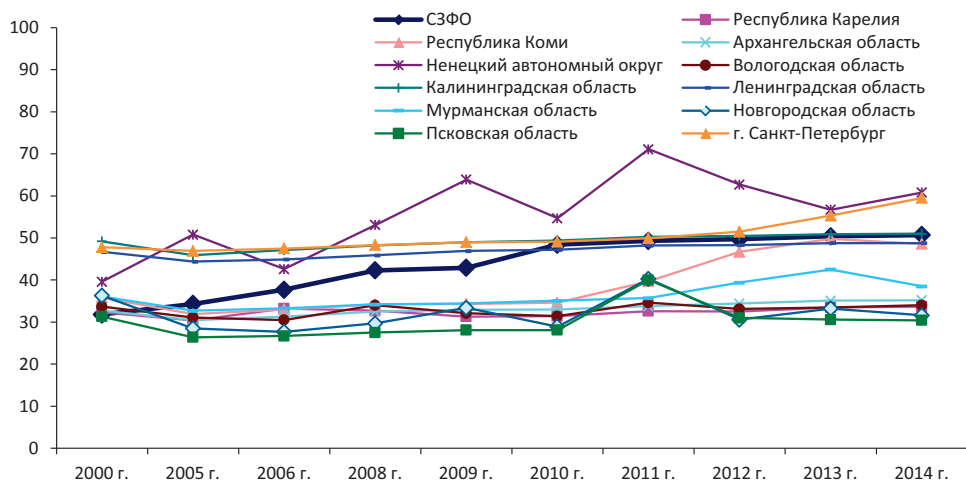

Рис. 1.3. Динамика индекса демографического благополучия (ИДБ) регионов СЗФО, 2000–2014 гг.

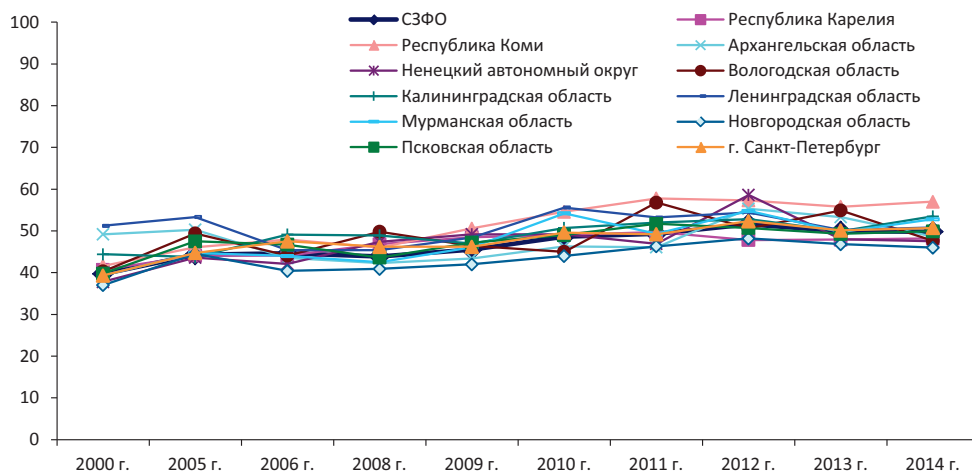

Рис. 1.4. Динамика индекса потенциала детского поколения (ИПДП) регионов СЗФО, 2000–2014 гг.

Источник: информационно-аналитическая система «Население и модернизация» / ИСЭРТ РАН, 2016. – Режим доступа: <http://nim.vscs.ac.ru/index.php/site/index>

В 2000 г. ни один из регионов СЗФО не превышал среднероссийский уровень по демографическому благополучию; улучшение демографической обстановки (снижение смертности, увеличение рождаемости) благоприятно отразилось на росте индекса. Таким образом, в 2014 г. Республика Коми, Ненецкий АО, Ленинградская область и Санкт-Петербург имели индексы, превышающие российский уровень. Что касается сравнения индекса потенциала детского поколения в регионах СЗФО с российским, то наблюдается разбалансированность динамики: регионы, в зависимости от периода времени, занимали позиции то выше (до 9 п.п.), то ниже российских (до 5 п.п.). Исключением является Новгородская область, позиция которой всегда ниже российской.

Как показывают расчеты, в период с 2000 по 2012 г. произошло заметное увеличение индекса первичной модернизации при незначительном снижении индекса демографического благополучия и одновременном увеличении доли демографически стабильных территорий. Региональный минимум ИПМ возрос на 11 п.п. – с 77 до 88. Таким образом, 9 регионов, 3 федеральных округа и Россия в целом достигли 100% реализации первичной модернизации. Что касается индекса демографического благополучия, то произошли незначительные положительные сдвиги в сторону его увеличения. Число регионов с низким значением индекса (от 20 до 40) сократилось с 46 до 36; со средним (от 40 до 60) – увеличилось с 30 до 36; с высоким (от 60 до 80) – увеличилось с 5 до 10; с очень высоким (более 80) – сократилось с 2 до 1. Из диаграммы распределения (рис. 1.5) видно, что территории, характеризующиеся высоким демографическим благополучием, имеют не самые высокие значения индекса первичной модернизации. Демографические характеристики России начала XXI века весьма противоречивы, большие успехи идут в ногу с неудачами: с одной стороны, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, снижение смертности, рост рождаемости; с другой – всё еще сильное отставание от развитых стран по продолжительности жизни и по смертности.

В результате произошло включение России в общемировой процесс демографического перехода, при этом уровень рождаемости не может обеспечить простого воспроизводства населения, что создает угрозу демографической безопасности страны. Все эти тенденции, с которыми в XXI веке Россия начала модернизационное развитие, во многом обусловлены кризисом перестроечного времени и советской догоняющей модернизации. Результаты исследования показали, что экономическое развитие страны идет более быстрыми темпами, нежели позитивное изменение демографических тенденций.

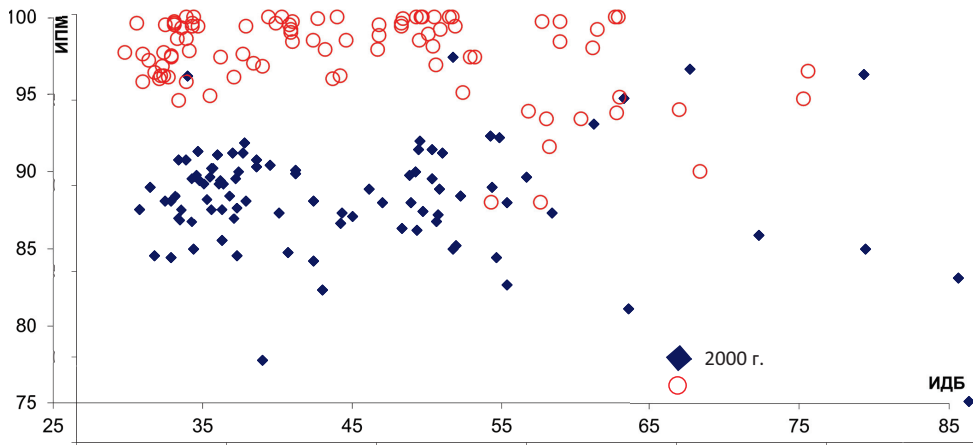

Рис. 1.5. Динамика индекса демографического благополучия (ИДБ) и индекса первичной модернизации (ИПМ) в регионах России, 2000–2012 гг.

Источник: информационно-аналитическая система «Население и модернизация» / ИСЭРТ РАН, 2016. – Режим доступа: <http://nim.vscg.ac.ru/index.php/site/index>

Более плотная диаграмма рассеяния наблюдается при рассмотрении индекса потенциала детского поколения и индекса первичной модернизации. За 12 лет показатели увеличились в среднем на 10 п.п. (рис. 1.6).

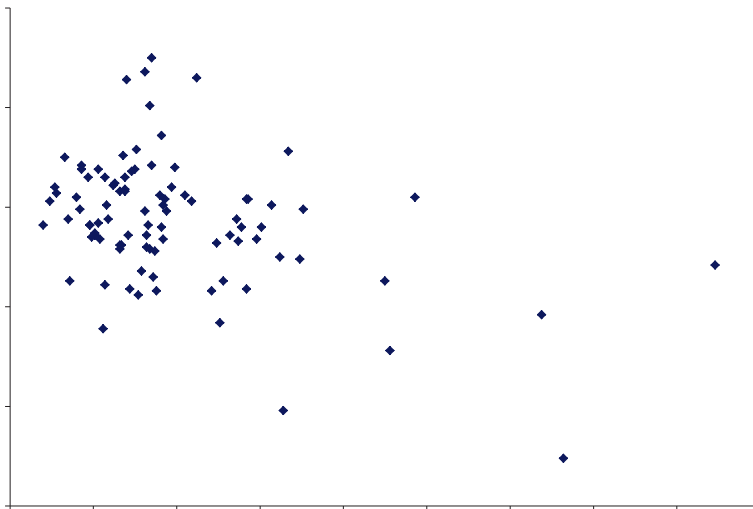

Рис. 1.6. Динамика индекса потенциала детского поколения (ИПДП) и индекса первичной модернизации (ИПМ) в регионах России, 2000–2012 гг.

Источник: информационно-аналитическая система «Население и модернизация» / ИСЭРТ РАН, 2016. – Режим доступа: <http://nim.vscg.ac.ru/index.php/site/index>

Количество регионов с высоким уровнем потенциала детского поколения (индекс от 60 до 80) увеличилось с трех (республики Дагестан, Ингушетия, Чеченская) до 13-ти (республики Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Северная Осетия–Алания, Тыва; Краснодарский и Забайкальский край, Воронежская, Самарская, Тюменская области, Ханты-Мансийский автономный округ–Югра). К 2012 г. не осталось регионов с низким уровнем (индекс от 20 до 40), т.е. все 14 регионов, которые в 2000 г. имели низкий потенциал детского поколения (Приморский и Хабаровский край, Волгоградская, Ивановская, Магаданская, Мурманская, Новгородская, Псковская, Ростовская, Сахалинская, Смоленская и Тамбовская области, г. Санкт-Петербург, Ненецкий автономный округ), переместились в группу среднего уровня (70 территорий – в 2012 г.). Что касается индекса первичной модернизации, то в 2012 г. в 10 субъектах она была реализована на 100% (Краснодарский край, Архангельская, Калининградская, Московская, Мурманская, Самарская, Свердловская и Томская области, Москва и Санкт-Петербург), в 60 – не хватало менее 5% до ее полной реализации. Тогда как в 2000 г. 77 регионам не хватало более 5% до полной реализации первичной модернизации. Из диаграммы распределения видно также, что территории, характеризующиеся высоким потенциалом детского поколения, имеют не самые высокие значения индекса первичной модернизации. В силу этнического разнообразия населения России прослеживается связь между потенциалом детского поколения и формами образования института семьи в различных регионах. Ослабление внутренних сил семьи, изменение форм организации частной жизни ведут к снижению потенциала подрастающего поколения. Модернизационные преобразования кроме технологического прогресса ведут и к изменению традиционных устоев. Проведенное исследование показало, что в тех субъектах РФ, где сохранились семейные традиции, чтят обычаи, приветствуются крепкие семьи, имеется более высокий потенциал детского поколения, чем в регионах, где произошло глубокое перенимание привычек и особенностей европейского общества, снижение значимости семьи, как ячейки общества.

Проанализировав распределение территорий РФ в зависимости от уровня вторичной модернизации и демографического благополучия (табл. 1.8), отметим, что основная масса территорий имеют средний или ниже среднего уровень ИВМ и средний или низкий уровень ИДБ. Республика Ингушетия в 2012 г., имея низкий уровень ИВМ, обладает наибольшими по

стране ИДБ. Подобное соотношение показателей наблюдается у республик Чеченской, Кабардино-Балкарской, Дагестана. Т.е. потенциал населения не используется для модернизационного развития данных территорий. Совершенно иную ситуации видим в Республике Татарстан, Ненецком АО, Ханты-Мансийском АО–Югра, Тюменской и Томской областях, г. Москве – территориях с относительно высоким уровнем вторичной модернизации и демографическим благополучием. Низкий уровень демографического потенциала населения создает угрозу для дальнейшего модернизационного развития Ульяновской, Сахалинской, Магаданской, Калужской и Мурманской областей, ИВМ которых имеет уровень выше среднего.

Таблица 1.8. **Кластеризация регионов и федеральных округов РФ по индексам вторичной модернизации (ИВМ) и индексу демографического благополучия (ИДБ), 2012 г.**

ИВМ	ИДБ			
	Низкий	Средний	Выше среднего	Высокий
Низкий			Чеченская Республика	Республика Ингушетия
Ниже среднего	Республики Мордовия, Марий Эл, Еврейская АО, Алтайский край, Псковская, Орловская, Брянская, Тамбовская, Костромская, Курганская, Вологодская, Кемеровская, Амурская, Смоленская, Липецкая, Оренбургская области	Республики Бурятия, Северная Осетия-Алания, Калмыкия, Тыва, Карачаево-Черкесская, Башкортостан, Хакасия, Адыгея, Ставропольский, Забайкальский край, Рязанская, Астраханская, Белгородская области	Республики Кабардино-Балкарская, Дагестан	
Средний	Республики Карелия, Чувашская; Приморский, Хабаровский край; Тульская, Новгородская, Владимирская, Кировская, Пензенская, Тверская, Волгоградская, Архангельская, Ивановская, Саратовская, Ростовская области; Приволжский, Дальневосточный ФО	Республики Коми, Удмуртская, Алтай, Саха (Якутия); Камчатский, Красноярский, Краснодарский край; Чукотский АО; Омская, Курская, Иркутская, Ленинградская, Ярославская, Калининградская; Уральский, Сибирский, Южный ФО	Ямало-Ненецкий АО, Северо-Кавказский ФО	
Выше среднего	Ульяновская, Сахалинская, Магаданская, Калужская, Мурманская области	Пермский край, Самарская, Челябинская, Свердловская, Воронежская области, Россия	Республика Татарстан, Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО–Югра, Тюменская область	
Высокий		Нижегородская, Московская, Новосибирская области, г. Санкт-Петербург, Центральный, Северо-Западный ФО	Томская область, г. Москва	

Распределение территорий РФ в зависимости от уровня вторичной модернизации и потенциала детского поколения (табл. 1.9) показало, что у 26 территорий ИВМ ниже среднего уровня и ИПДП среднего уровня. Два субъекта – республики Чеченская и Ингушетия относятся к регионам-аутсайдерам по этим двум показателям. Наилучшие показатели имеют Ханты-Мансийский АО–Югра, Воронежская, Самарская и Тюменская области, т.е. потенциал детского поколения выше среднего должен стать одним из стимулирующих факторов модернизационного развития в будущем.

Таблица 1.9. **Кластеризация регионов и федеральных округов РФ по индексам вторичной модернизации (ИВМ) и индексу потенциала детского поколения (ИПДП) в 2012 г.**

ИВМ	ИПДП	
	Средний	Выше среднего
Низкий	Республика Ингушетия, Чеченская	
Ниже среднего	Республики Мордовия, Калмыкия Хакасия, Карачаево-Черкесская, Марий Эл, Адыгея; Еврейская АО; Чукотский АО; Алтайский, Ставропольский, Камчатский край; Рязанская, Амурская, Тамбовская, Костромская, Вологодская, Псковская, Кемеровская, Брянская, Курганская, Липецкая, Оренбургская, Смоленская, Орловская, Белгородская, Астраханская области (26)	Республики Башкортостан, Северная Осетия–Алания, Дагестан, Тыва, Кабардино-Балкарская, Бурятия; Забайкальский край
Средний	Республики Карелия, Саха (Якутия), Алтай, Удмуртская, Коми; Красноярский, Приморский, Хабаровский край; Ямало-Ненецкий АО; Новгородская, Владимирская, Ивановская, Иркутская, Тульская, Волгоградская, Калининградская, Кировская, Курская, Ростовская, Тверская, Ленинградская, Архангельская, Омская, Саратовская, Ярославская, Пензенская области; (26) Дальневосточный, Сибирский, Уральский, Приволжский, Южный ФО	Чувашская Республика, Краснодарский край, Северо-Кавказский ФО
Выше среднего	Республика Татарстан; Пермский край; Ненецкий АО; Ульяновская, Сахалинская, Челябинская, Магаданская, Мурманская, Калужская, Свердловская области (10), Россия	Ханты-Мансийский АО – Югра, Воронежская, Самарская, Тюменская области (4)
Высокий	Нижегородская, Московская, Новосибирская, Томская области, г. Москва, г. Санкт-Петербург (6), Центральный, Северо-Западный ФО	

Таким образом, в модернизирующемся российском обществе молодежь содержит в себе потенциал обновления страны, являясь основным критерием ее стабильного развития и направляющим вектором трансформаций общества. Сокращение численности детей, ухудшение здоровья, инвалидизация, младенческая смертность оборачиваются для регионов экономиче-

скими потерями. Потери здоровья нынешних детей в будущем обернутся растущими экономическими потерями вследствие снижения трудового и репродуктивного потенциала населения, увеличения расходов на здравоохранение и социальное обеспечение. Поэтому крайне важно сохранение и укрепление здоровья подрастающего поколения.

* * *

Итак, оценка вторичной модернизации (ВМ) выявила неравномерность модернизации в регионах и федеральных округах России – разница в индексах составила 25 п.п. Расчеты показали, что в результате финансово-экономического кризиса снизились темпы среднегодового прироста индексов, а в некоторых территориях они пошли на убыль. Позитивным был 2012 год, когда ситуация стабилизировалась. Анализ, проведенный в 2014–2013 гг. в регионах СЗФО, выявил застой модернизационного развития, а в трех регионах – спад интегрированного индекса модернизации. Причиной такой тенденции стал незначительный рост ВРП на душу населения при снижении валютного курса в 2014 г., данное соотношение послужило причиной уменьшения величины экономического субиндекса интегрированной модернизации. Для модернизационных процессов в российских регионах характерна также разбалансированность и разновекторность, что приводит к асинхронному развитию этих территорий. Субъекты науки и культуры должны активнее решать проблемы гуманистической модернизации, повышения благополучия населения России.

Продвижение по пути модернизации в этих условиях представляет непростую задачу, для реализации которой требуются трудовые ресурсы, которые, судя по прогнозам, в ближайшие 20 лет (скорее всего и в дальнейшем) будут ограничены. Следовательно, стране нужна наукоемкая высокотехнологичная модель развития, необходимым условием которой является высокий уровень человеческого капитала, образования и социокультурного развития. Дети и молодежь должны стать одним из основных приоритетов модернизации. Качественная смена поколений служит одной из ключевых движущих сил модернизационных изменений. Кроме того, молодежь несет в себе колоссальный инновационный потенциал, представляющий источник существующих и будущих изменений в общественной жизни. Возрастание значения молодежи в социокультурной жизни государства – обоснованный факт, который в большей степени проявляется на этапе модернизации.

Для эффективного модернизационного развития необходим слой людей, которые должны быть креативными, целеустремленными, обладающими новаторскими способностями. Молодое поколение, представляющее стратегический ресурс модернизации, должно сберегаться государством как в демографическом, так и интеллектуальном плане. Необходимо принятие триединства фундаментальных ценностей критического гуманизма – жизнь, ненасилие и достоинство человека. Именно они будут способствовать становлению и продвижению человечества по пути реальной гуманистической модернизации. Словом, если Россия готова идти по пути гуманистической модернизации, необходимо движение по вектору консолидирующего гуманизма, формирующему в подрастающем поколении принципы жизни, семьи, общения, законности.

ГЛАВА 2

ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ: ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ

2.1. Молодежь как часть российского общества

Молодежь является той частью российского общества, с которой в наибольшей степени связываются перспективы дальнейшего развития страны на ближайшие десятилетия. Как отдельную социально-демографическую группу молодежь отличают: а) возрастные характеристики; б) обусловленные этими характеристиками психологические свойства и в) особый правовой и социальный статус, который определяется принадлежностью к молодому возрасту⁵⁵.

Говоря о возрастном критерии, заложенном в определение молодежи, необходимо отметить, что за его нижнюю границу обычно принимается момент завершения физиологических и психических процессов, связанных с половым созреванием; за верхнюю – момент окончательного вхождения человека в социум, освоения социальных норм и ролей.

Процессы социализации проходят по-разному в современном обществе, в зависимости от сложившихся традиций, социально-экономических и культурных условий; жестких и универсальных границ для возраста молодежи не существует. В различных документах он чаще всего определяется в пределах от 14 до 30 лет, но для молодых специалистов «продлевается» вплоть до 40 лет⁵⁶.

⁵⁵ Белый О.И. Определение понятия «молодежь» // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №12. – С. 156–158.

⁵⁶ Стратегия развития молодежи в Российской Федерации на период до 2025 года (проект). – URL: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/98/ae/98aeadb5-7771-4e5b-a8ee-6e732c5d5e84.pdf> (дата обращения: 02.12.2016).

Проблема «размытости» возрастных границ дополняется территориальной неоднородностью молодежи как социально-демографической группы. Принимая за базу расчетов условную границу молодежного возраста 15–29 лет, мы видим, что в высокоразвитых государствах доля молодых групп в населении страны достигает в среднем 20%, в развивающихся и наименее развитых переходит за отметку 25% (табл. 2.1).

Таблица 2.1. **Удельный вес молодого населения (15–29 лет) по странам мира,**
% от всего населения

Географический регион	Год									2015 к 1950, +/-
	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2005	2010	2015	
Россия	29,5	24,2	22,4	26,4	21,2	22,8	24,6	23,3	19,4	-10,1
Весь мир	25,9	24,3	24,8	27,0	27,2	25,9	26,0	25,7	24,5	-1,4
Высокоразвитые страны	25,0	22,4	23,2	24,6	22,6	20,9	20,5	19,7	18,4	-6,6
Развивающиеся страны	26,4	25,1	25,3	27,8	28,5	27,1	27,2	27,0	25,8	-0,6
Наименее развитые страны	26,7	26,0	25,5	25,8	26,8	27,5	27,8	27,8	27,9	+1,2
Источник: World Population Prospects [Electronic resource]. – URL: http://esa.un.org/unpd/wpp/Download/Standard/Population/										

В сложные послевоенные годы в России доля молодежи достигала трети населения страны. Сейчас же этот показатель уменьшился до 19%, достигнув своего исторического минимума.

Наряду с демографическими характеристиками молодежь обладает определенной статусной ролью. Одни исследователи видят в ней демографический потенциал, необходимый для обновления поколений; другие – базу для эволюции («оздоровления») экономических и социальных отношений в обществе; третьи – креативный потенциал, без которого освоение и внедрение инноваций будет невозможным.

Другими словами, при всей неопределенности (дискуссионности) положения молодежи, ее роль в социуме исключительно значима (что особенно актуализируется на фоне демографических процессов). Этот факт побуждает более детально рассмотреть опыт научного исследования молодого поколения как социально-демографической группы, обладающей уникальным потенциалом для преобразования общества.

Началом научному исследованию миссии молодежи в обществе послужил выход в свет труда Генри Стэнли Холла «Юность» в начале XX века⁵⁷.

⁵⁷ Hall, G. Stanley Youth: Its Education, Regiment, and Hygiene. New York, Appleton, 1906.

С тех пор в науке сложился ряд школ, представители которых изучают молодежь как носителей психофизиологических, культурных и социальных свойств.

С нашей точки зрения, учитывая отмеченную ранее «размытость» границ молодости, современной ситуации более соответствует концепция изучения юного поколения как носителя не столько свойств возраста, сколько особого типа общественного сознания и образа жизни. Эта идея ярко представлена в научном направлении «социологии молодежи».

В России исследования в рамках направления социологии молодежи проводятся с 1960-х годов (одним из его «пионеров» был известный социолог Владимир Николаевич Шубкин)⁵⁸.

Сейчас активность в данной области проявляет ряд научных структур, которые в своих исследованиях затрагивают разные аспекты социального развития молодежи – положение на рынках образования и труда, профессиональные стратегии, политическую и социальную активность и т.д. (табл. 2.2).

Таблица 2.2. **Научная география российских исследований молодежи**

Исследование	Год	Предмет исследования	Исполнитель
Выбор профессии молодежью и межпоколенческая мобильность	1962 – настоящее время	Профессиональные и образовательные траектории молодежи	ИС РАН ИСЭПН РАН
Всероссийский мониторинг «Социальное развитие молодежи»	1990 – настоящее время	Вопросы социального развития молодых	ИСПИ РАН
Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты	2007 – настоящее время	Межпоколенческий анализ социально-профессиональных стратегий населения	ИС РАН Фонд им. Ф. Эберта в РФ
Социологическое исследование «Политическое сознание подростков: благополучные школьники vs дети улиц»	2008	Образ жизни благополучной молодежи (школьники в гимназических и лицейских классах) и «детей улиц» (бездомные; беспризорники; дети, лишенные родителей и крова; дети из неблагополучных семей)	Высшая школа экономики
Всероссийское исследование «Политическая активность молодежи»	2010 – 2012	Политическая активность молодежи	МГУ им. М.В. Ломоносова
Всероссийское исследование «Социальный потенциал молодежи»	2010 – 2012	Использование потенциала молодых в общественной жизни	МГУ им. М.В. Ломоносова

⁵⁸ Штайнер Г. Социология профессии как призвание: Владимир Николаевич Шубкин // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. – №4. – С. 175–183.

Окончание таблицы 2.2

Молодежь России	2011	Ценностные ориентации молодых людей, установки на образование и успех, отношение к политическим процессам	Левада-Центр
Комплексное исследование потенциала молодежи	2012	Положение в обществе, здоровье, образование, труд и занятость, репродуктивное поведение, инновационная активность, компетенции и востребованность на рынке труда, ценности	ИСЭРТ РАН
Источник: составлено авторами.			

Интерес к результатам исследований в данной области растет: так, если в 2010 году было опубликовано более 3 тыс. работ по молодежной тематике, то в 2016 году эта цифра увеличилась в 4 раза.

В том числе растет и исследовательская активность на этом научном поле Института социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН). Здесь накоплена значительная эмпирическая база, которая дает представление о разных сторонах жизни молодежи: состоянии здоровья, образовательных и профессиональных траекториях развития, социокультурных ценностях и т.д. (рис. 2.1).

Проводимые в Институте исследования позволили выявить ряд важных проблем в положении молодежи. Остановимся на некоторых из них подробнее.

Потенциал здоровья молодого поколения. Потенциал здоровья закладывается с ранних лет, он определяет не только личностный рост, но и возможности социальной и трудовой активности населения. По данным Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, этот потенциал к моменту перехода от юности к молодости сокращается более чем наполовину за счет роста выявленной заболеваемости и отсутствия навыков здорового образа жизни⁵⁹. Наиболее выраженное ухудшение здоровья происходит в период получения образования. К выпускному классу школы частота функциональных нарушений возрастает на 86%, хронических болезней – на 100%⁶⁰.

По данным Организации экономического сотрудничества и развития, ожидаемая продолжительность здоровой жизни⁶¹ у российской молодежи

⁵⁹ Здоровье молодого поколения России: проблемы и подходы // Здоровье молодежи. Сравнительное исследование. Россия, Беларусь, Польша. – М.: Экон-Информ, 2016. – С. 11–18.

⁶⁰ Там же. – С. 11–18.

⁶¹ Ожидаемая продолжительность здоровой жизни – комплексный показатель здоровья, определяющий средний промежуток времени, в течение которого ожидается, что человек проживет в определенном состоянии здоровья, при неизменном уровне смертности и заболеваемости.

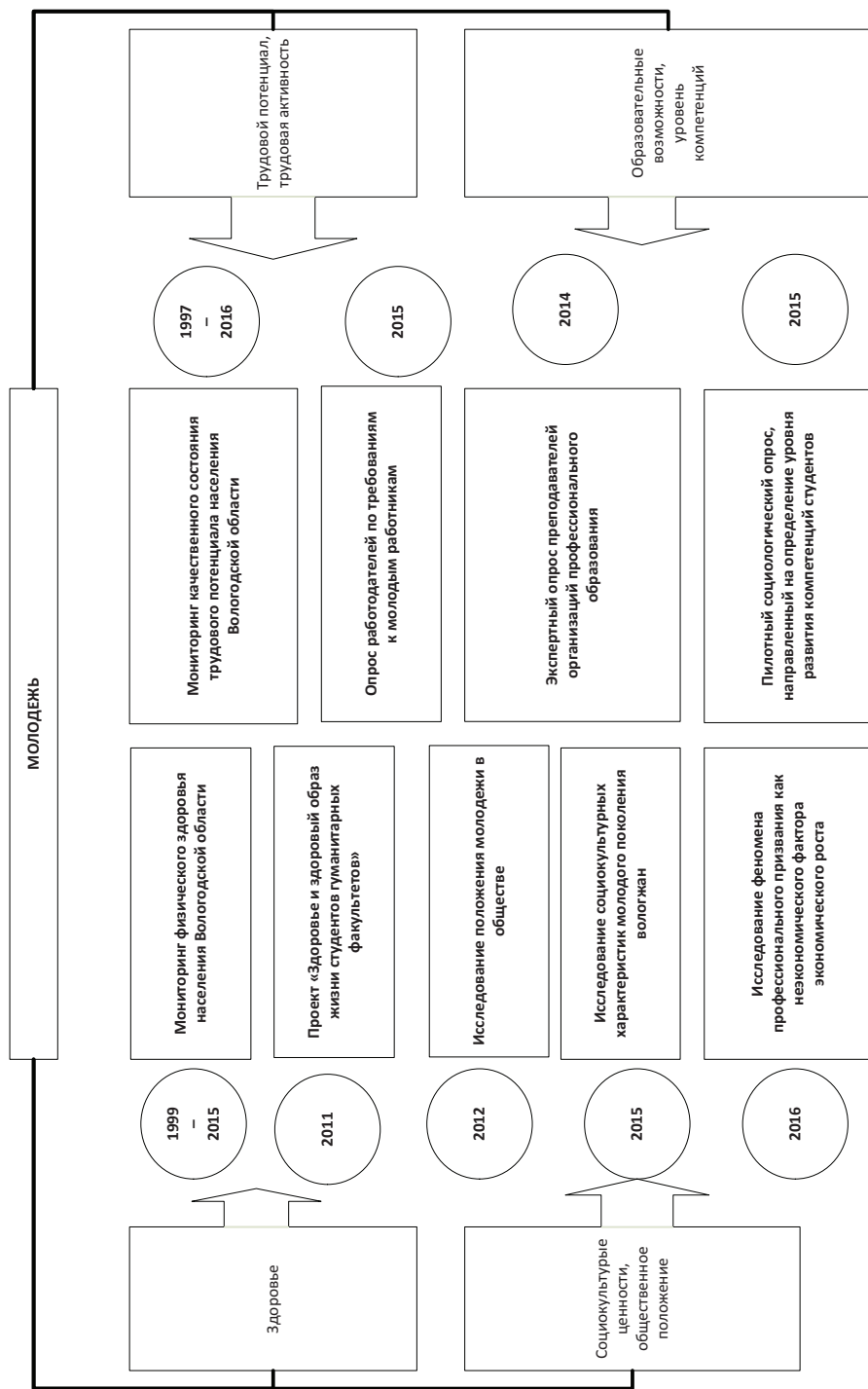

Рис. 2.1. Эмпирическая база исследования молодежи в ИСЭРТ РАН

Источник: составлено авторами.

(в возрасте 20 лет) не превышает 40 лет, тогда как у их ровесников из Западной Европы достигает 55 лет⁶². Факторами, ослабляющими здоровье молодого поколения, являются некачественное питание, недостаток физической нагрузки, распространенность курения и неконтролируемого потребления алкоголя.

Профессиональный выбор молодежи. Обращает на себя внимание несоответствие жизненных и образовательных траекторий профессиональному выбору молодых. В условиях расширения доступа к получению высшего образования выпускники школ стали делать выбор в пользу высокооплачиваемых профессий, но с низкой востребованностью на рынке труда. Это такие профессии, обладающие признаками «социального престижа», как юрист, экономист, финансист. Вследствие этого выпускники вузов не могут найти работу по специальности. Уровень трудоустройства по специальности в России в последние годы достигает в среднем 66%.

Судя по данным опросов, проведенных в Вологодской области, в соответствии со специальностью трудоустроены 44% молодежи и еще 14% работают в близкой сфере. При этом, как показывают исследования, уровень реализации трудового потенциала и его интеллектуальной компоненты у трудоустроенных по специальности намного выше.

Трудоустройство не по специальности приводит к расширению масштабов явления «сверхквалификация»: за период 1997–2016 гг. доля людей, занимающих рабочие места с более низкими требованиями, чем их квалификация, среди молодых увеличилась с 11 до 28% (табл. 2.3 и 2.4).

Таблица 2.3. Распределение ответов молодых вологжан на вопрос: «В какой мере Ваша квалификация (подготовка) соответствует выполняемой Вами работе?», в % от числа опрошенных

Вариант ответа	Год		2016 к 1997 г., +/-
	1997	2016	
Моя квалификация выше, чем требует от меня работа, могу выполнять и более квалифицированную работу	10,7	27,5	+16,8
Моя квалификация соответствует требованиям, предъявляемым работой (чтобы выполнять более квалифицированную работу, мне нужно подучиться)	51,2	48,5	-2,7
Моя квалификация ниже, чем это требуется работой	13,5	6,8	-6,7
Не знаю, трудно сказать	24,6	17,3	-7,3
Источник: мониторинг качества трудового потенциала населения Вологодской области (1997–2016 год). Выборка – 1500 чел.			

⁶² Tompson W. Healthcare Reform in Russia: Problems And Prospects, Economics Department Working Papers No. 538, Paris: OECD, 2007. P. 6.

Таблица 2.4. **Распределение ответов на вопрос: «Чему из нижеперечисленного соответствует Ваша профессия?», в % от числа опрошенных**

Соответствует ли Ваша профессия..?	«Поколение детей» (младше 30 лет)		«Поколение отцов» (старше 30 лет)	
	Да	Нет	Да	Нет
Способностям	83,6	16,4	85,3	14,7
Склонностям	72,9	27,1	80,5	19,5
Призванию	49,5	50,5	60,6	39,4

Источник: социологический опрос населения Вологодской области в возрасте экономической активности (15-72 лет), ИСЭРТ РАН, 2016 г. Общая выборка опроса – 1500 чел. (генеральная совокупность – 679419 чел.).

Подобная дифференциация говорит о том, что чем моложе человек, тем сложнее ему глубже осознать свои профессиональные намерения. Нельзя отрицать и тот факт, что люди старшего поколения сделали свой профессиональный выбор в советское время, когда была сильна система профориентации.

Социальная активность молодежи. В ценностном плане молодежь во многом является «слепком общества». Проведенные сравнения показали, что жизненные ценности молодого поколения и старшей группы зачастую перекликаются. Одинаково высоко и «дети» и «отцы» оценивают ценности здоровья, семьи, денег (табл. 2.5). Это говорит о наследственности традиционных форм идентичности, которые нередко завязаны на реализации меркантильных (потребительских) интересов – в заботе, отдыхе, уюте. Условия для подобной «наследственности» в немалой степени создает тип «ускоренной» (форсированной) модернизации, характерный для российского общества.

Таблица 2.5. **Оценка наиболее значимых сторон жизни поколениями «детей» и «отцов», баллов, по пятибалльной шкале (ранг)**

Ценности	«Поколение детей» (младше 30 лет)	«Поколение отцов» (старше 30 лет)
Здоровье	4,5 (1)	4,5 (1)
Счастливая семейная жизнь	4,5 (1)	4,4 (2)
Материальная обеспеченность	4,5 (1)	4,4 (2)
Любовь	4,4 (2)	4,2 (3)
Наличие хороших и верных друзей	4,4 (2)	4,1 (4)
Интересная работа	4,3 (3)	4,2 (3)
Свобода, независимость	4,3 (3)	4,2 (3)
Общественное признание, авторитет	3,8 (7)	3,6 (5)
Одобрение окружающих	3,7 (8)	3,6 (5)
Творчество, искусство	3,5 (9)	3,4 (7)

Источник: социологический опрос населения Вологодской области в возрасте экономической активности (15-72 лет), ИСЭРТ РАН, 2016 г. Общая выборка опроса – 1500 чел. (генеральная совокупность – 679419 чел.).

Необходимо отметить, что подобная «наследственность» не всегда принимает конструктивные формы. Так, из данных опросов населения Вологодской области следует, что снижается активность его участия в общественно-политических акциях (особенно это видно на примере выборных кампаний). Обращает на себя внимание, что подобные тренды характерны и для молодежи (табл. 2.6).

Таблица 2.6. **Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?», в % от числа опрошенных**

Вариант ответа	2014 г.		2015 г.		2016 г.	
	Молодёжь	Область	Молодёжь	Область	Молодёжь	Область
Активное и скорее активное	20,5	21,9	17,2	17,7	16,5	15,2
Пассивное и скорее пассивное	56,7	54,1	55,9	51,4	67,0	61,6
Затрудняюсь ответить	22,8	23,9	26,9	30,9	16,5	23,2
Источник: данные мониторинга социально-экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН.						

Апатичность молодого поколения в сфере политической активности подтверждается данными не только региональных, но и всероссийских исследований. Так, по информации Института социологии РАН в политической жизни страны не участвуют 45% молодых россиян⁶³.

Несмотря на это, в молодежной среде отмечается заметная готовность к реализации своего потенциала в других социальных мероприятиях, таких как курсы повышения квалификации, изучение иностранных языков, организация бизнеса, туризм и т.д. (табл. 2.7). Уровень готовности к подобной активности у представителей старшего поколения, наоборот, находится в «отрицательной зоне» (меньше 100 п.).

Таблица 2.7. **Индексы* готовности населения к социальной активности**

Варианты ответов	«Поколение детей» (младше 30 лет)	«Поколение отцов» (старше 30 лет)
Приносить своим трудом пользу людям	169,0	164,5
Развивать свой личностный потенциал	165,5	151,6
Осваивать новые знания и навыки на протяжении всей своей жизни	159,9	131,9
Духовно расти и самосовершенствоваться	156,0	139,4
Выстраивать партнерские отношения в сфере труда	154,9	148,2
Трудиться на благо нашей страны	151,4	147,6

⁶³ Шереги Ф.Э. Российская молодежь: настроение, ожидания, ценностные ориентации. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. – С. 24.

Окончание таблицы 2.7

Изучить при необходимости новый иностранный язык	119,1	90,7
Переехать в другой населенный пункт с более привлекательными условиями труда	118,9	73,1
Организовать собственное дело, семейный бизнес	116,7	91,3
Повышать свою профессиональную квалификацию за счет собственных средств	114,1	81,6
* Здесь и далее: индексы рассчитаны как разница положительных и отрицательных ответов респондентов, к которым прибавлялось 100, чтобы не иметь отрицательных значений. Источник: социологический опрос населения Вологодской области в возрасте экономической активности (15–72 лет), ИСЭРТ РАН, 2016 г. Общая выборка опроса – 1500 чел. (генеральная совокупность – 679419 чел.).		

Причина разницы между проявлениями социальной и общественно-политической активности кроется в том, что на настоящий момент сформированы институты, способствующие самореализации в социальной среде (центры предпринимательства и туризма, повышения квалификации, территориального общественного самоуправления, социальные предприятия и т.д.). В условиях кризиса семьи и образования они постепенно становятся новыми «агентами» социализации.

В то же время современная деятельность политических партий, профсоюзов способствует не активности в социально-политической среде, а усугублению «структурированной безответственности»⁶⁴ (по терминологии Т. Парсонса) за судьбы региона и страны (о чем свидетельствует невысокая явка молодежи на выборы в органы власти).

Молодежь является той социальной группой, характеристики которой непосредственно определяют будущее развитие страны. Рост инвестиций в молодежную политику, а также системная работа по формированию у молодежи необходимых качеств, воспитанию гражданской и политической активности, вовлечению в продуктивную деятельность позволяют существенно повысить качество ее человеческого потенциала и увеличить экономическую и социальную отдачу для общества.

Эту гипотезу подтверждают результаты исследования ИСЭРТ РАН. Они показывают, что при наличии позитивной динамики качества трудового потенциала стабильно снижается качество интеллектуального потенциала (рис. 2.2 и 2.3). При этом ценность образования приобретает инструментальный характер: так, 32% молодых вологжан целью получения образования видят возможность устроиться на престижную работу. Еще четверть (25%) считает обучение в учебных заведениях ключом к достижению своих жизненных целей.

⁶⁴ Зарубина Н.Н. Молодежь в условиях анонии: кто примет ответственность за будущее России? // Общественные науки и современность. – 2016. – №2. – С. 52–63.

Вместе с тем уровень реализации трудового потенциала возрастает при увеличении инвестиций в молодое поколение. Например, рост отдачи от интеллектуальных характеристик начинается с уровня дохода в 5 прожиточных минимумов.

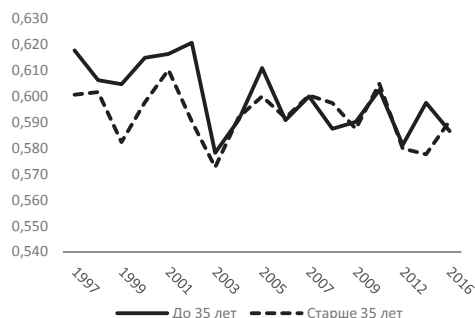

Рис. 2.2. Динамика индексов интеллектуального потенциала населения Вологодской области в возрастном разрезе

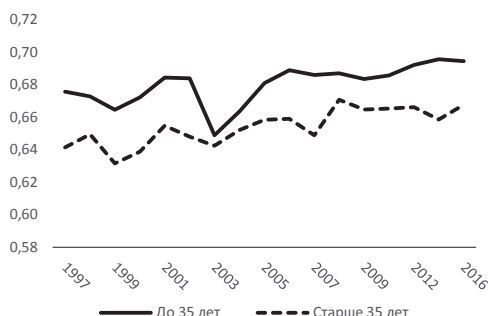

Рис. 2.3. Динамика качества трудового потенциала населения Вологодской области в возрастном разрезе

Источник: мониторинг качества трудового потенциала населения Вологодской области (1997–2016 год). Выборка – 1500 чел.

Какая же ситуация складывается с инвестированием в молодое поколение на сегодняшний день? Согласно расчетам ЮНЕСКО, индекс развития российской молодежи (0,597 ед.) уступает среднеевропейскому индексу и индексу США (0,7–0,8 ед.)⁶⁵. Расходы на молодежную политику также существенно ниже: 1,6 млрд. руб. в России против 2,4 млрд. евро (163,9 млрд. руб. по текущему курсу валют) в странах ЕС в среднем⁶⁶. На основании этого можно сказать, что недостаточное внимание к молодежи в настоящее время ставит под вопрос осуществление плана преобразований страны и достижение стратегических целей в среднесрочной перспективе (повышение производительности труда, рост доли инновационного сектора и т.д.).

В контексте этого представляется важным изучение качественных характеристик молодежи и юношества в условиях трансформации общества, его модернизационных аспектов, активности выделенных групп населения в модернизационных процессах.

⁶⁵ Global Youth Development Index and Report – 2016. Commonwealth Secretariat, 2016.

⁶⁶ EU Youth Report 2015. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2016.

2.2. Социокультурные факторы реализации модернизационного потенциала молодого поколения

Для современного этапа развития общества и экономики характерно «затухание» темпов модернизации. Как отмечают П. Штомпка, Н.И. Лапин, причина подобных процессов кроется в том, что идеям модернизации не хватает поддержки «снизу». Эта поддержка будет возможна лишь при условии включения в модернизацию широких общественных слоев, «мобилизации масс» на достижение поставленных целей трансформации экономической и социокультурной среды.

В этом ключе главное внимание должно быть направлено на формирование инновационного типа личности как носителя особого мировоззрения, набора жизненных детерминант развития, которые характеризуются следующими ценностями:

- 1) открытость к экспериментам, инновациям и изменениям;
- 2) ориентация на настоящее и будущее (потребность в переменах, умение уйти от власти традиций);
- 3) уверенность и способность преодолевать жизненные препятствия, планирование будущих действий для достижения поставленных целей;
- 4) вера в возможность регулирования социальной жизни, системный и прогностический подход к отбору и организации нововведений;
- 5) наличие творческого мышления, способность находить идеи и возможности их оптимальной реализации;
- 6) высокая ценность образования, развитая способность к рефлексии и самоанализу;
- 7) трансгрессивность сознания (стремление не к приспособлению к окружающей действительности, а к её активному преобразованию). Благодаря трансгрессивности новые общественные реалии для образа жизни людей моментально становятся «естественной средой обитания»⁶⁷.

Молодежи ближе функция специфического «социального аккумулятора» преобразований, тогда как старшее поколение ориентировано на восприятие и переработку главным образом традиционных ценностей и норм. Это подтверждается данными исследования Института комплексных стратегических исследований РАН (2001 г.). Согласно им, молодое население России в сравнении с «поколением отцов» (41–50 лет) с боль-

⁶⁷ Морозов С., Черных Н. Студенческая молодежь как инновационный потенциал политической модернизации в России // Власть. – 2013. – №9. – С. 47–49.

шим интересом воспринимает жизнь в постоянно меняющемся обществе, пусть это и связано с определенными трудностями (подобного мнения придерживается 78% представителей «молодого поколения» и 52% представителей «поколения отцов»). Молодые реже считают, что все перемены к худшему, что лучше жить в неизменном мире (21% против 46%). Инициативу, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску они предпочитают традиционному, привычному (табл. 2.8).

Таблица 2.8. **Установки на перемены в жизни среди молодежи и «поколения отцов»,**
в % от числа опрошенных

Суждения	Возрастные группы	
	16-30 лет	41-50 лет
Жить в непрерывно меняющемся обществе трудно, но все-таки интересно	78,2	52,4
Все перемены к худшему, пусть мир вокруг меня остается таким, каким я привык его видеть	20,8	46,3
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску остаться в меньшинстве	61,9	45,4
Главное – это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством	27,3	49,0
Источник: опрос Института комплексных социальных исследований РАН (ИКСИ РАН). Исследование проведено по заказу Министерства образования РФ в конце 2001 г. Общая выборка – 833 чел., среди них молодежь 16–30 лет и респонденты 41–50 лет («поколение отцов»).		

В то же время, на фоне постоянно меняющихся требований к общественной жизни, радикальных государственных реформ, происходит латентная эрозия норм и образцов поведения молодежи, существенно деформирующая механизм межпоколенной передачи ценностей. Одна из специфических черт этого процесса – высокие темпы трансформации ценностных установок в сознании молодежи. Если ранее на изменение смысловой интерпретации таких базовых понятий, как «свобода», «справедливость», «труд», «материальный достаток», «жизненный успех», уходили десятилетия, то сейчас лишь несколько лет.

В том или ином поколении проявляется тот или иной ценностный ряд. У поколений «отцов» преобладают традиционные ценности, которые характеризуются направленностью на социальную стабильность, конформизм в отношениях, сплоченность со своим социальным окружением. Важными приоритетами для этого поколения становятся работа, семья, здоровье, образование⁶⁸.

⁶⁸ Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. – 2011. – №2. – С. 80–88.

На образ жизни молодых значительное влияние оказывают нестабильные и быстроменяющиеся социально-экономические условия. Данные опросов, проведенных Институтом социально-экономического развития территорий РАН в 2012 и 2015 гг. среди жителей Вологодской области (выборку составило население в возрасте от 16 до 29 лет включительно⁶⁹), подтверждают этот факт. Основная их часть (82%) не обладает достаточными финансовыми средствами, чтобы позволить себе приобретение дорогостоящих товаров и услуг (удельный вес этой группы в сравнении с 2012 г. практически не изменился); 1/10 респондентов не имеют постоянной занятости на рынке труда, нигде не обучаются.

Материальное положение опрошенных характеризуется низкой покупательной способностью. Так, среди городского населения доля тех, кому денег хватает на дорогостоящие покупки, достигает 23%. Среди сельской молодежи представителей данной группы более чем в два раза меньше (11%). Заметно выше представительство тех, для кого покупки не вызывают никаких затруднений, среди молодежи, работающей в сфере материального производства (43%), а также финансово-банковской системе (28%). Среди занятых в духовном производстве (образование, наука, культура, искусство и т.д.) такие возможности имеются лишь у 7%.

Из-за стихийности общественного развития процессы социализации в молодежном возрасте приобретают все более спонтанный характер. При этом общей детерминантой развития является стремление к ценностям независимости, характерно проявления атомизма (оторванности от нужд окружающих, заикленности на себе) и ретретизма (ухода в себя, свои проблемы, бегства от реальности), т.е. всего того, что является отличительной чертой общества массового потребления⁷⁰. Отчасти это подтверждается заметной для молодежи потерей значимости стремления к активным формам жизнедеятельности, творчеству. Вместе с тем из «аутсайдеров» в «лидеры» выходят «вечные» (общечеловеческие) ценности – семья, здоровье, любовь.

Так, данные Института социологии РАН говорят, что, так же как и большинство населения, российская молодежь более высоко оценивает значимость здоровья, семьи, материальной обеспеченности. Аналогичные выводы подтверждаются и материалами региональной выборки (табл. 2.9).

⁶⁹ В 2012 г. общий объем выборки составил 2923 чел.; в 2015 г. – 1000 чел.

⁷⁰ Чупров В.И., Zubok Ю.А. Социология молодежи. – М.: Норма, 2014. – 336 с.

Таблица 2.9. **Ценности молодежи: общероссийская и региональная выборка, баллов, по 5-балльной шкале**

Ценность	РФ*	Вологодская область**
Здоровье	4,8	4,5
Семья	4,8	4,5
Свобода, независимость	4,5	4,3
Материальная обеспеченность	4,5	4,5
Дружба	4,3	4,4
Творчество, искусство, религия	3,8	3,7
Власть, общественное признание, авторитет	3,2	3,8
* Данные общероссийского репрезентативного социологического исследования молодежи в возрасте 16-30 лет (ИС РАН, 2012 г.).		
** Данные опроса молодежи Вологодской области (2015 гг.). Объем выборки – 1000 чел.		

Традиционной детерминантой психологического развития молодого поколения является стремление к свободе, независимости от общества, родителей и родственников. Однако для молодых вологжан ценность свободы и независимости несколько ниже, чем для остальных россиян (4,3 балла против 4,5 балла соответственно).

Молодые люди все чаще видят в своем поколении стремление быть полезными для своих близких (табл. 2.10). За период 2012–2015 гг. удельный вес придерживающихся такой точки зрения увеличился вдвое (с 21 до 42%). Однако, несмотря на эту положительную тенденцию, доля тех, кто намеревается приносить пользу обществу, государству, стала меньше (на 3%).

Таблица 2.10. **Распределение ответов молодежи на вопрос: «Что, по-Вашему, наиболее характерно для современной российской молодёжи?», в % от числа опрошенных**

Вариант ответа	Год		2015 к 2012, +/-
	2012	2015	
Стремление быть полезными для своих близких и друзей	21,2	42,2	21,0
Стремление избежать всяких забот	24,8	17,9	-6,9
Стремление заботиться только о самом себе	23,2	16,8	-6,4
Стремление быть полезными для общества, для государства	15,0	12,5	-2,5
Затрудняюсь ответить	15,9	10,6	-5,3

Как мы видим, желание приносить пользу обществу заметно уступает установкам на полезность для ближайшего окружения. Эта тенденция прослеживается и в ответах молодых на вопрос об ответственности перед государством. Растет доля юношей и девушек, рассматривающих свой долг перед обществом, прежде всего, как создание семьи и воспитание детей (на 9 п.п., табл. 2.11). Сокращается удельный вес молодых волог-

жан, имеющих желание активно участвовать в общественной жизни (на 16 п.п.), проходить службу в армии (на 9 п.п.). Тревожной тенденцией выглядит рост числа уверенных в том, что молодежь не обязана государству ничем (на 8 п.п.).

Таблица 2.11. **Распределение ответов молодежи на вопрос: «В чём, на Ваш взгляд, прежде всего, состоит долг молодых людей перед государством?», в % от числа опрошенных**

Вариант ответа	Год		2015 к 2012, +/-
	2012	2015	
Создавать семьи и воспитывать детей	42,6	51,6	9,0
Молодые люди ничего не должны государству	6,4	14,6	8,2
Овладевать полезными знаниями и профессиями	39,2	41,1	1,9
Участвовать в выборах	27,4	24,0	-3,4
Юноши должны проходить службу в Вооруженных Силах	41,9	32,9	-9,0
Активно участвовать в общественной жизни	34,4	18,1	-16,3
Затрудняюсь ответить	14,0	14,8	0,8

Наиболее яркими чертами характера представителей своего поколения вологодская молодежь считает чувство братства, искренность (доверчивость), совестливость, чувственность (душевность), умение дорожить мнением окружающих (более 20%). Наиболее негативно воспринимаемые в обществе качества – безынициативность, безответственность, бесхозяйственность – выделяются менее чем у 3% респондентов (что косвенно может свидетельствовать о недостаточном уровне самокритичности у молодого поколения).

Для молодых людей характерно позитивное отношение к динамично меняющемуся настоящему (положительные оценки высказали 65% респондентов). В то же время доля тех, кого жизненные условия полностью устраивают, в молодежной среде несколько меньше, чем в среднем среди всего населения области (8% против 14%)⁷¹.

Доля тех, кого устраивает жизненная ситуация, превалирует в группе молодежи, занятой в экономике (57%), а также среди верующих молодых людей (60%).

⁷¹ Для сравнения использованы данные социологического исследования «Социокультурный портрет жителей Вологодской области» (2015 г.). Общий объем выборки – 1500 чел. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения региона; пропорций между группами населения с различным уровнем образования. Ошибка выборки не превышает 3%.

Неудовлетворенность жизнью более характерна для мужской части респондентов (55%) и представителей сельских территорий (47%). Среди них меньше тех, кто активно проявляет себя в политической жизни страны, региона (4%).

При этом социальное настроение с возрастом ухудшается. Доля крайне положительных оценок в отношении своей жизни составляет 11% среди молодежи от 16 до 18 лет и 6% среди молодежи от 25 до 29 лет (табл. 2.12).

Таблица 2.12. **Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Вас устраивает жизнь, которую Вы ведёте?»** по социально-демографическим категориям молодежи, в % от числа опрошенных молодых людей

Группа	Устраивает	Не устраивает
<i>По территориям</i>		
Вологда	34,1	32,9
Череповец	34,7	19,7
Районы	31,2	47,4
<i>По полу</i>		
Мужчины	49,9	54,8
Женщины	50,1	45,2
<i>По возрасту</i>		
16 - 18 лет	14,9	12,3
19 - 24 года	40,4	39,9
25 - 29 лет	44,7	47,8
<i>По уровню образования</i>		
Неполное среднее	6,5	8,8
Средняя школа, в т. ч. ПТУ со средним образованием	19,7	22,8
Среднее специальное образование (техникум и др.)	31,5	34,6
Незаконченное высшее (не менее 3 курсов ВУЗа)	16,3	17,5
Высшее	26,0	16,2
<i>По занятости</i>		
Работаю; совмещаю работу и учёбу	57,1	54,2
Учусь	34,9	29,5
Неработающие	8,0	16,3
<i>По отношению к религии</i>		
Верующие	60,2	49,1
Неверующие	36,3	46,5
Неопределившиеся	3,5	4,4
<i>По общественной активности</i>		
Активные	19,3	17,4
Пассивные	80,7	82,6
<i>По политической активности</i>		
Активные	12,8	3,9
Пассивные	87,2	96,1

Позитивное отношение к жизни у молодежи во многом связано с уровнем материального благосостояния. Удельный вес одобрительных оценок среди тех, кто не испытывает финансовых затруднений с покупками, составляет 81%, среди тех, кто может позволить себе траты только на еду и необходимые вещи, – 47%.

Менее однородна молодежь в оценках социального будущего. В исследовании ярко выделяются две категории опрошенных по отношению к своим жизненным перспективам:

- полностью и скорее уверенные в том, что со временем жизнь изменится к лучшему, – 55%;
- полностью и скорее уверенные в обратном – 45%.

Отсутствие единого и выверенного представления о своем будущем, стремление «жить сегодняшним днем» серьезно ограничивает развитие в молодежной среде такого важного качества «инновационного типа» личности, как способность к планированию своих жизненных траекторий.

Исследование выявило, что положительно оценивающих будущее больше среди следующих категорий молодежи:

- городских жителей (80%);
- работающих и совмещающих работу с учебой (57%);
- верующего населения (65%);
- активно проявляющих себя в общественной (51%) и политической (47%) жизни;
- положительно оценивающих межличностные отношения с окружающими людьми (88%; табл. 2.13).

Менее уверены в будущем молодые люди, не имеющие профессионального образования (39%), постоянного места работы (27%).

Неуверенность в завтрашнем дне более характерна для старшей возрастной группы молодежи 25–29 лет (51%). Среди представителей младшей группы (16–18 лет) пессимистов только 12%, что связано с тем, что молодые люди на этом этапе только включаются в социализацию, делают первые попытки философского осмысления мироустройства.

Заметное влияние на оценку молодежью социальной перспективы оказывает характер межличностных отношений с окружающими людьми (родственниками, друзьями, коллегами). Удельный вес уверенных в том, что в общении окружающие их люди проявляют равнодушие, в 3 раза больше среди тех, кого жизнь совершенно не устраивает, чем в группе считающих иначе (19% против 7%).

Таблица 2.13. **Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы уверены в своём будущем?» по социально-демографическим категориям молодежи, в % от числа опрошенных молодых людей**

	Уверен	Не уверен
<i>По территориям</i>		
Вологда	36,2	32,5
Череповец	43,6	28,2
Районы	20,2	39,3
<i>По полу</i>		
Мужчины	50,2	50,6
Женщины	49,8	49,4
<i>По уровню образования</i>		
Неполное среднее	6,7	6,4
Средняя школа, в т. ч. ПТУ со средним образованием	19,5	21,4
Среднее специальное образование (техникум и др.)	26,4	33,6
Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза)	18,3	19,4
Высшее	29,1	19,2
<i>По возрасту</i>		
16 – 18	14,4	12,2
19 – 24	41,1	37,2
25 – 29	44,5	50,6
<i>По занятости</i>		
Работающие; совмещающие работу и учёбу	56,5	58,8
Обучающиеся	35,1	30,6
Неработающие	8,4	10,6
<i>По отношению к религии</i>		
Верующие	64,7	48,1
Неверующие	31,4	48,6
Неопределившиеся	3,9	3,3
<i>По общественной активности</i>		
Активные	50,9	43,3
Пассивные	49,1	56,7
<i>По политической активности</i>		
Активные	47,3	25,2
Пассивные	52,7	74,8
<i>По оценке межличностных отношений</i>		
Положительные	88,3	77,4
Безразличные	10,6	20,6
Отрицательные	1,2	2,0

В отношениях с другими людьми молодежь склонна видеть не способ коммуникации с окружающей средой, а механизм выживания в обществе, средство достижения поставленных целей. Наиболее ярко эти позиции проявляются в младшей возрастной группе. С возрастом человек начинает больше ценить отзывчивость и чуткость собеседника, более важным в межличностном общении становится умение идти на компромисс:

таким образом ответили 80% представителей младшей возрастной группы (16–18 лет) и 89% – старшей (25–29 лет).

Обращает на себя внимание тот факт, что если на первом месте в ранжированном списке факторов, влияющих на отношения с окружающими людьми, находится совместное времяпрепровождение, то взаимная привязанность – лишь на седьмом: данный фактор более важен для женщин (22%), чем для мужчин (12%; табл. 2.14). Это говорит о том, что современная молодежь рассматривает общение главным образом как необходимое условие решения деловых вопросов, не вносит в него личностный подтекст (одна из доминантных черт «инновационного типа» личности). В то же время это не является общим правилом для всего молодого населения: например, индекс важности делового характера общения для жителей г. Череповца находится в «отрицательной зоне» (87 п.).

Таблица 2.14. **Индекс важности для молодежи условий в общении с другими людьми***, по данным 2015 г.

Вариант ответа	Среднее по опросу	По территории			По возрасту, лет		
		Вологда	Череповец	Районы	16-18	19-24	25-29
Совместное времяпрепровождение	177,7	183,1	172,6	175,0	183,6	174,5	178,5
Взаимные интересы, увлечения	177,2	182,0	173,3	176,0	185,1	172,1	179,0
Взаимопомощь, чувство команды	174,4	168,8	185,4	171,2	171,4	169,6	179,4
Чуткость, терпимость	169,6	169,6	169,6	169,6	169,6	169,6	169,6
Желание поделиться, посоветоваться	164,7	171,4	151,9	168,2	171,5	165,2	178,5
Защита друг друга и своих прав	157,5	161,6	137,7	169,2	163,2	151,8	160,6
Личная привязанность	150,6	166,2	110,2	159,4	158,5	140,2	156,9
Деловой характер общения	130,6	139,9	86,5	156,5	136,7	120,7	139,1
Общие убеждения, единство политических взглядов	130,3	139,3	100,8	144,0	133,4	123,8	134,8

* Для расчета индекса вычислялась разница между удельным весом ответов «важно» и «не важно». Затем к этой разнице прибавлялось 100, чтобы в результате не получилось отрицательных ответов.

Близость юного поколения к модернизационным процессам подтверждается тем фактом, что большинство сфер жизнедеятельности молодежи охватывают современные технологии. Для получения информации о событиях, происходящих в мире, обществе, 94% молодых вологжан используют Интернет, чему способствует распространение относительно дешевых устройств, обеспечивающих доступ к глобальной сети. Молодежь использует эту сеть не только для развлекательных, но и для рабочих и образовательных целей. Так, среди неработающего населения подобный источник получения знаний предпочитает 83%, среди работающих и обучающихся – почти 100% (табл. 2.15).

Таблица 2.15. **Источники, которыми пользуются представители молодого поколения для получения знаний о жизни, природе и обществе,**
по данным 2015 г., в % от числа опрошенных

Источник	Среднее по опросу	По возрасту, лет			По виду занятий				
		16–18	19–24	25–29	Работающие	Обучающиеся	Совмещающие работу с учебой	Совмещающие учебу с работой	Неработающие
Интернет	93,8	94,6	96,4	91,3	92,9	97,4	92,3	93,3	83,3
Учебные и методические пособия	33,4	37,4	35,5	30,4	30,9	35,7	43,1	33,3	24,4
Родители, друзья, знакомые	26,8	34,7	26,8	24,3	25,5	26,6	33,8	23,3	25,4
Художественная и научная литература	17,2	11,6	18,6	17,8	17,6	14,0	21,5	23,3	17,0
Телевизионные и радиопередачи	13,9	15,6	11,2	15,6	15,5	11,1	20,0	10,0	11,5
Газеты, журналы	8,4	4,1	9,4	8,9	8,4	7,0	12,3	6,7	11,2
Другое	0,2	0,0	0,0	0,4	0,2	0,0	0,0	0,0	1,2

Роль традиционных средств массовой информации (за исключением Интернета) респонденты в этом вопросе оценивают наиболее низко (в среднем 11%), что может быть объяснено вытеснением их из ценностной системы молодого поколения сетью Интернет (с помощью которой можно свободно читать журналы, книги, газеты, смотреть телевизионные программы, слушать радио).

Родители, друзья и знакомые теряют статус авторитетного «поставщика» знаний по мере взросления молодежи (37% – в младшей возрастной группе и 24% – в старшей).

Помимо интернет-технологий, основой обновления и преумножения знаний является образование. В процессе приобщения молодежи к принятым в обществе ценностям и нормам оно выполняет многоаспектную роль.

1. Образовательные институты сопровождают социализацию на всем протяжении юного и молодого возраста. В младшей возрастной группе роль первичного социализационного института играет школа, в более старших возрастах – организации профессионального образования (хотя их влияние носит уже вторичный характер)⁷².

⁷² Васильева Е.Н. Образование как фактор социализации молодежи: опыт регионального исследования // Вестник Волгоградского государственного университета: Сер. 7: Философия. – 2011. – №3(15). – С. 49–58.

2. Современное образование создает условия для жесткого государственного и общественного контроля за передачей новых социальных установок⁷³. В этом коренное отличие данного института социализации от других – семьи, масс-медиа (особенно интернет-ресурсов), которые в условиях наличия сравнительно лояльных надзорных механизмов могут презентовать как «положительные», так и «отрицательные» примеры для молодого поколения.

3. Школы, колледжи, вузы способствуют выходу молодежи из-под традиционных семейных форм контроля, закладывая основу для социализации молодых людей на рынке труда⁷⁴.

4. Функционирование образовательных институтов обеспечивает возможность индивида участвовать в социализации в качестве ее полноправного агента, так как прививает молодежи строго выверенное понимание процесса воспитания, основанное на научном опыте, а не на интуиции (как часто происходит в семье).

5. Образование взаимодействует с другими институтами социализации. Например, установлена тесная взаимосвязь между образовательными стратегиями молодежи и культурным капиталом семьи⁷⁵.

В то же время система образования должна быть адекватна целям и задачам развития общества и государства. Так, необходимость ликвидации узкой сырьевой специализации российской экономики создает предпосылки для изменений в образовании, повышая значимость качества подготовки специалистов для ряда сфер развития (медицинские технологии и фармацевтика; технологии энергосбережения; ядерная энергетика; космические технологии и телекоммуникации; стратегические и информационные технологии, нанотехнологии)⁷⁶. Много надежд возлагается на «встраивание» российской системы образования в европейскую образовательную модель.

Однако современная система образования не всегда соответствует возложенным на нее задачам. Прежде всего, стоит обратить внимание на фактическое превращение образования из «сферы служения» в «сферу услуг» (что законодательно закреплено в Федеральном законе от 29.12.2012

⁷³ Майер А.А. Закономерности социализации детства в образовании // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – №52. – С. 54–60.

⁷⁴ Зарубина Н.Н. Молодежь в условиях анонимии: кто примет ответственность за будущее России? // Общественные науки и современность. – 2016. – №2. – С. 52–63.

⁷⁵ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // Социс. – 2012. – №8. – С. 103–111.

⁷⁶ Изгарская А.А. Образование в эпоху модернизации с позиций миросистемного подхода // Философия образования. – 2011. – №3. – С. 12–18.

№273-ФЗ). По данным социологических исследований, 60% российских учителей заявляют, что в ходе этой трансформации качество обучения и воспитания в школах резко ухудшилось⁷⁷. В Вологодской области такого мнения придерживаются 63% педагогических работников общеобразовательных организаций⁷⁸.

Нельзя недооценивать и «ценностный эффект» этого явления: педагоги теперь фактически воспринимаются как исполнители, а молодежь – как потребители соответствующей услуги. Подобная расстановка в «образовательном поле» укореняет потребительское отношение к социализации. В сознании молодежи это порождает «структурированную безответственность» – явление, в рамках которого целенаправленные усилия государства по модернизации социальной сферы порождают иждивенческие и патерналистские настроения⁷⁹.

Подобная безответственность все чаще проникает и в академическую среду, где ее развитию потворствует политика университетов по набору абитуриентов, которая основывается не на учете запросов со стороны государства, а на либеральном отношении к непосредственным потребителям⁸⁰.

Благодаря этому в 2015 г. средний проходной балл ЕГЭ на бюджетные места в российских вузах составил 65,7 (на уровне «тройки»). Особенно низкие требования предъявляются к желающим работать в отраслях, стратегически важных для развития экономического уклада России, – машиностроении, технологии, транспорте⁸¹. Это подспудно стимулирует расширение сферы действия «симулякров знаний» в стратегически важных областях, создает ментальные «барьеры» для модернизации реального сектора экономики⁸².

Описанные выше процессы приводят к проявлению в кругах молодежи определенного эскапизма⁸³. Трендом времени становится отношение к

⁷⁷ Хагуров Т.А., Остапенко А.А. Реформа образования глазами профессионального сообщества: опыт социологического исследования. – М.: Институт социологии РАН, 2014. – 230 с.

⁷⁸ Головчин М.А., Соловьева Т.С. Государственная образовательная политика в оценках педагогов (на примере Вологодской области) // *Universum: Экономика и юриспруденция*. – 2015. – № 7(18) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/2304>.

⁷⁹ Зарубина Н.Н. Молодежь в условиях анонии: кто примет ответственность за будущее России? // *Общественные науки и современность*. – 2016. – №2. – С. 52–63.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Мониторинг качества приема в вузы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/ege/>

⁸² Зарубина Н.Н. Молодежь в условиях анонии: кто примет ответственность за будущее России?..

⁸³ Нятина Н.В. Эскапизм – отклонение в социализации молодежи // *Вестник КемГУ*. – 2013. – № 2 (54). – Т. 1. – С. 133–136.

знаниям исключительно как к источнику достатка, что свидетельствует о девальвации образовательных ценностей⁸⁴.

Согласно данным исследования Института социологии РАН, проведенного в 2012 г. в 21 субъекте РФ, образование находится на четвертом месте в ряду ценностных приоритетов молодежи (4,2 балла по пятибалльной шкале). Больше внимание молодые россияне уделяют семье и здоровью (по 4,8 балла); свободе и материальному достатку (по 4,5 балла); друзьям и трудовой деятельности (по 4,3 балла)⁸⁵.

Аналогичные выводы были получены в ходе анализа данных опроса вологодской молодежи. Первое место в иерархии ценностей молодых вологжан занимают семья, здоровье, любовь, деньги (4,5 балла по пятибалльной шкале). Образованность, познание – лишь шестое (4 балла).

Тот факт, что ценность образования не является приоритетом для современной молодежи, во многом объясняется прагматичным отношением юного поколения к получению знаний в школах, техникумах, вузах. Как отмечает Н.Н. Зарубина, отношение к институту образования в молодежной среде во многом определяется «заменой терминальной ценности знания на инструментальную – получение диплома»⁸⁶, что говорит о недостаточной востребованности когнитивных ценностей у молодых.

Этот тезис подтверждается результатами российских социологических исследований. Так, по данным Института социально-политических исследований, в 2011 г. примерно каждый второй (48,6%) молодой россиянин был убежден, что «деньги могут заменить знания». Примерно столько же (47,9%) считают, что «знания являются лишь средством решения поставленных задач»⁸⁷.

Как показывают данные опроса вологодской молодежи, около трети юношей и девушек (31%) не считают знания решающим элементом социальной жизни современного человека (табл. 2.16). Приоритет в данном случае отдается материальному достатку. Это мнение наименее характерно для молодежи с высшим образованием (20%), а в большей степени свойственно тем, кто не имеет профессионального образования (42%).

⁸⁴ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // Социс. – 2012. – №8. – С. 103–111.

⁸⁵ Шереги Ф.Э. Российская молодежь: настроение, ожидания, ценностные ориентации / Ф.Э. Шереги. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. – 93 с.

⁸⁶ Зарубина Н.Н. Молодежь в условиях анонимии: кто примет ответственность за будущее России?

⁸⁷ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // Социс. – 2012. – №8. – С. 103–111.

Таблица 2.16. **Мнения молодежи о роли знания в своей жизни**, в % от числа опрошенных

Утверждение	Среднее по опросу
К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни	34,7
В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги	30,6
Знание – это главное достояние человека	19,5
Знания – это не самоцель, а средство решения поставленных задач	15,0

Еще 15% молодых вологжан к знаниям относятся сугубо с практических позиций, признавая их пользу, но только как средства достижения жизненных целей. Подобное мнение особенно распространено среди городских жителей.

Возможность получить диплом и устроиться на престижную работу видят в образовании 32% молодых людей (рис. 2.4). Еще четверть (25%) считает обучение в учебных заведениях ключом к достижению своих жизненных целей. Мнение об образовании как внутренней потребности характерно для очень небольшого круга вологодской молодежи (7%).

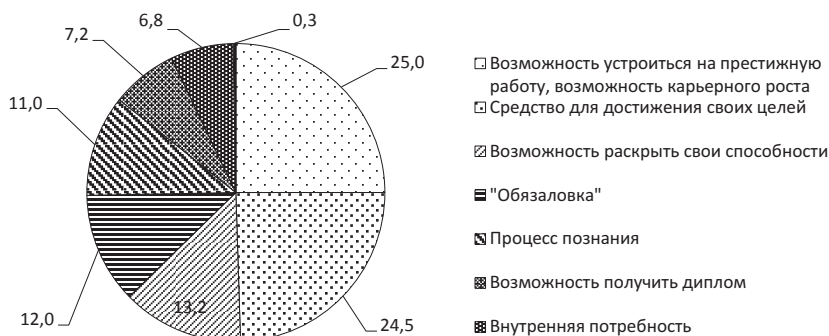

Рис. 2.4. **Мнения молодежи о роли образования в своей жизни**, в % от числа опрошенных

Однако инструментальное отношение к образовательным ценностям у молодых вологжан с возрастом несколько нивелируется. В младшей возрастной группе (16–18 лет) знания считают главной целью в жизни и «ориентиром» в социальном развитии 50%, в старшей (25–29 лет) – 56%.

По мере взросления снижается доля тех, кто в образовании видит «обязаловку», возможность получить нужный документ об образовании и хорошо устроиться в жизни (с 71% в группе 16–18-летних до 66% в группе 25–29-летних).

Данные всероссийской выборки также говорят о наличии подобных явлений: в 2011 г. в возрастной группе 18–24-летних россиян отношение к образованию как к терминальной ценности оказалось на уровне 41%, а в группе 25–29 летних – 36,4%⁸⁸.

Таким образом, говоря о ценностях молодого поколения, необходимо отметить, что современное поколение *arġiōġi* тяготеет к «инновационному типу» личности. Это проявляется в значительной образовательной активности, положительном социальном самочувствии, жизнерадостности, распространении образцов делового характера общения и стремлении к переменам и компьютерной грамотности. Все это свидетельствует о значительном потенциале молодого поколения, который можно применить для решения модернизационных задач.

В то же время обращает на себя внимание неблагоприятный фон, сопровождающий социализацию молодежи. Отсутствие у её части склонности к планированию, эскапизм в отношении образовательных ценностей, неготовность отвечать за будущее страны накладывает негативный отпечаток на модернизационные процессы в обществе. Неопределенность, нестабильность, порождаемая социальными рисками, из ситуационной характеристики деятельности молодежи постепенно переходит в некую социальную реалью, которая характеризуется деформацией всех привычных структур и нравственных устоев, сопровождается утратой ощущения реальности, своего статуса и общественной роли⁸⁹.

Вследствие этого возникает возможность распространения в молодежной среде переходной ментальности, основанной на ценностях «вертикального коллективизма». Данный тип ценностей предполагает четкую иерархию в социальных отношениях, обществе, при которой роль личности и индивидуальных достижений размывается, возникает кризис социальной идентичности, приводящий к усилению патернализма, нигилизма, психологической зависимости от окружающих и государства.

Таким образом, в силу наличия этих неблагоприятных условий существует риск того, что жизненные ценности и образ жизни молодежи со временем перестанут выполнять роль факторов, способствующих модернизации.

⁸⁸ Зубок, Ю.А., Чупров В.И. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // Социс. – 2012. – №8. – С. 103–111.

⁸⁹ Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодежи. – М.: Норма, 2014. – 336 с.

2.3. Социализация современной молодежи: контрасты центра и периферии

Несомненно, существенное влияние на образ жизни и менталитет молодежи оказывает территория проживания. Особенности географического положения региона по отношению как ко всей стране, так и к административному центру района накладывают отпечаток на жизненные ценности и стереотипы молодого поколения. Учитывая, что это поколение является стратегическим ресурсом развития, для прогнозирования региональной молодежной политики необходимо знать об особенностях социализации, ценностных ориентациях, жизненных планах молодых людей. В связи с этим актуальным является получение ответов на следующие вопросы: ради чего живут сегодня молодые люди; каковы особенности социализации современной молодежи в обществе; какие ценности разрушаются, а какие остаются среди подрастающего поколения; в чем различия сельской и городской молодежи?»⁹⁰ Исследование основывается на данных социологических опросов, проведенных в Вологодской области в 2008, 2012, 2015 гг. (табл. 2.17). Объект исследования – молодое население Вологодской области от 18 до 30 лет (в 2012 г. – также группа 14–17 лет).

Таблица 2.17. **Справочные данные о социологических исследованиях**

Параметры	2008 г.	2012 г.	2015 г.
Объем всей выборки, человек	1516	2923	1450
Молодое поколение 18–30 лет, человек (доля)	449 (29,6)	554	318 (21,9)
Место проведения	г. Вологда, г. Череповец 8 районов Вологодской области	Все муниципальные образования (26) Вологодской области	г. Вологда, г. Череповец 8 районов Вологодской области
Тема исследования	Социокультурный портрет Вологодской области	Положение молодежи Вологодской области	Социокультурный портрет Вологодской области
Организаторы	ИСЭРТ РАН	ИСЭРТ РАН, Комитет по физической культуре, спорту и молодежной политике Вологодской области	ИСЭРТ РАН

Источник: Данные социологических опросов населения Вологодской области, 2008, 2012, 2015 гг.

⁹⁰ Ласточкина М.А. Социализация современной молодежи: контрасты центра и периферии // Социология культуры: опыт и новые парадигмы: VI Санкт-Петербургские социологические чтения: междунар. науч. конф., г. С.-Петербург, 17–18 апр. 2014 г. – СПб., 2015. – Т. 208. – С. 303–313.

Как показал анализ распределения ответов на вопрос «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?», большая часть молодежи – 65–72% – удовлетворена тем, что живет в Вологодской области (табл. 2.18).

Таблица 2.18. **Распределение ответов молодежи (18–30 лет) на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?», в %**

Варианты ответов	2008 г.	2012 г.	2015 г.
Я рад, что живу здесь	29,8	25,6	28,3
В целом я доволен, но многое не устраивает	42,5	39,9	41,5
Не испытываю особых чувств по этому поводу	14,0	13,2	13,2
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	0,0	4,7	3,8
Хотел бы уехать в другой регион России	5,1	5,8	5,7
Хотел бы вообще уехать из России	2,0	4,1	3,5
Затрудняюсь ответить	6,5	6,6	4,1

Источник: данные социологических опросов населения Вологодской области, 2008, 2012, 2015 гг.

В 2012 г. отмечалось снижение положительных оценок и даже появилась доля тех, кому не нравится жить в области, но они привыкли и не собираются уезжать – 4,7%. Подобные негативные тенденции можно объяснить финансово-экономическими потрясениями, а также низким уровнем жизни в Вологодской области по сравнению с соседними регионами, например Москвой и Санкт-Петербургом. Жители г. Вологды (областная столица) более всех удовлетворены местом своего проживания – 63%, а наименее удовлетворены жители Череповца (экономический центр) – 49%. Значимо больше и число тех, кто не испытывает особых чувств по поводу того, что живет в Череповце, кроме того, здесь больше желающих эмигрировать. О позитивных перспективах в отношении будущего говорит каждый второй житель Вологодской области. Вместе с тем каждый третий сомневается в том, что он будет жить хорошо через год. При этом в городской местности молодежь более позитивно смотрит в будущее, чем в сельской: разница составляет 15%.

Каждого четвертого из опрошенных молодых людей не устраивает жизнь, которую он ведет. В районах Вологодской области такой молодежи на 5% больше, чем в городах. Соответственно в Вологде и Череповце заметно больше довольных своей жизнью – разница с сельской составляет 13%. Проведенный анализ не показал значимых различий при оценке своей жизни в разрезе по гендерному признаку, уровню образования и доходным группам. Различия выявлены лишь по возрастным критериям. Так, молодых людей в возрасте 14–17 больше устраивает жизнь, которую

они ведут, по сравнению с возрастной группой 18–29 лет (рис. 2.5). Возраст также оказался значимым при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, через год Вы будете жить лучше или хуже, чем сейчас?» Оценки старшей возрастной когорты хуже оценок, данных младшей возрастной когортой: 54 и 62% соответственно ответили, что через год они будут жить лучше. Разделение респондентов на доходные группы выявило, что чем выше уровень материальной обеспеченности, тем оптимистичнее настрой молодежи при оценке своей жизни в предстоящем году.

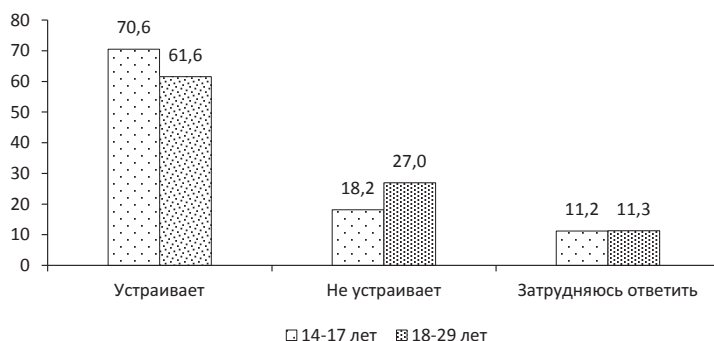

Рис. 2.5. Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?», возрастной разрез, в %

Источник: данные социологического опроса молодежи Вологодской области, 2012 г.

Важной составляющей социального самочувствия является уверенность в будущем, которую высказали от 44 до 52% опрошенных молодых людей (табл. 2.19). В 2012 г. можно снова наблюдать снижение доли положительных оценок по сравнению с 2008 г. и рост к уровню 2015 г. В 2012 году почти каждый третий молодой человек был не уверен в своем будущем. Возникновению подобной реакции способствовали «экстремальные» условия жизнедеятельности, которые вызывали не только неуверенность, но и стресс, страх и различные фобии. В сложной социально-экономической обстановке в стране актуализируются проблемы, связанные с разрешением трудных жизненных ситуаций. Городские жители чувствуют большую уверенность в завтрашнем дне (64%), чем сельские (52%). И хотя число неуверенных в целом по области велико, но их доля среди городского населения значимо меньше (23%), чем среди сельского (30%). Велика и доля затруднившихся в ответе на данный вопрос, что говорит о сомнениях вологжан относительно улучшения социально-экономического положения в области. Проведенный анализ по доходным группам показал,

что чем выше уровень материальной обеспеченности, тем увереннее молодежь смотрит в будущее. С увеличением возраста, напротив, растет неуверенность – разница между долей уверенных и долей неуверенных в 2015 г. составляла почти 27%. Данная ситуация является отражением более взвешенной и вдумчивой оценки будущего, которую дает старшая когорта.

Таблица 2.19. **Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы сегодня уверены в своем будущем?», возраст, доходные группы, в %**

Варианты ответов	2008 г.	2012 г.	2015 г.
Уверен	51,7	44,1	48,1
Не уверен	19,4	30,6	21,4
Затрудняюсь ответить	29,0	25,3	30,5

Источник: данные социологических опросов населения Вологодской области, 2008, 2012, 2015 гг.

Понять особенности жизненных стратегий поведения молодежи помогает структура факторов жизнедеятельности. Доминантами жизненных ценностей и поведенческих приоритетов выступают: личная безопасность, материальное положение, отношения в семье, состояние здоровья, работа, дружба и общение (табл. 2.20).

Таблица 2.20. **Распределение ответов на вопрос: «Насколько важны для Вас/Вас удовлетворяют следующие факторы жизнедеятельности?», в %**

Важность	Доля		Доля	Удовлетворенность
Личная безопасность (безопасность семьи)				
Важно	93,7		66,9	Удовлетворен
Затрудняюсь ответить	4,6		22,3	Затрудняюсь ответить
Не важно	1,6		10,7	Не удовлетворен
Материальное положение				
Важно	93,2		43,0	Удовлетворен
Затрудняюсь ответить	5,1		20,1	Затрудняюсь ответить
Не важно	1,7		36,9	Не удовлетворен
Отношения в семье				
Важно	93,1		80,4	Удовлетворен
Затрудняюсь ответить	5,6		12,1	Затрудняюсь ответить
Не важно	1,3		7,4	Не удовлетворен
Состояние здоровья				
Важно	92,4		66,9	Удовлетворен
Затрудняюсь ответить	5,7		20,4	Затрудняюсь ответить
Не важно	1,9		12,7	Не удовлетворен
Работа				
Важно	89,9		50,1	Удовлетворен
Затрудняюсь ответить	7,7		30,6	Затрудняюсь ответить
Не важно	2,3		19,3	Не удовлетворен

Окончание таблицы 2.20

Дружба, общение				
Важно	89,6		81,0	Удовлетворен
Затрудняюсь ответить	7,3		15,7	Затрудняюсь ответить
Не важно	3,1		3,3	Не удовлетворен
Возможность достижения поставленных целей				
Важно	88,9		47,4	Удовлетворен
Затрудняюсь ответить	9,2		31,4	Затрудняюсь ответить
Не важно	1,9		21,2	Не удовлетворен
Наличие досуга и возможность его реализации				
Важно	81,8		50,4	Удовлетворен
Затрудняюсь ответить	12,5		28,9	Затрудняюсь ответить
Не важно	5,7		20,7	Не удовлетворен
Экология				
Важно	79,2		33,1	Удовлетворен
Затрудняюсь ответить	13,8		26,4	Затрудняюсь ответить
Не важно	6,9		40,5	Не удовлетворен
Социальный статус				
Важно	78,0		44,4	Удовлетворен
Затрудняюсь ответить	14,5		37,2	Затрудняюсь ответить
Не важно	7,4		18,5	Не удовлетворен
Творческая самореализация на работе (в учебе) и вне работы				
Важно	74,5		42,1	Удовлетворен
Затрудняюсь ответить	16,8		42,1	Затрудняюсь ответить
Не важно	8,7		15,7	Не удовлетворен
Социальная инфраструктура				
Важно	72,7		31,1	Удовлетворен
Затрудняюсь ответить	20,4		43,5	Затрудняюсь ответить
Не важно	6,8		25,3	Не удовлетворен
Экономическая и политическая обстановка в стране				
Важно	71,1		25,6	Удовлетворен
Затрудняюсь ответить	18,9		43,5	Затрудняюсь ответить
Не важно	10,0		30,9	Не удовлетворен
Комфортный климат и хорошая погода				
Важно	70,2		50,4	Удовлетворен
Затрудняюсь ответить	12,9		28,9	Затрудняюсь ответить
Не важно	17,0		20,7	Не удовлетворен
Источник: данные социологических опросов населения Вологодской области в 2012 гг.				

Наличие этих условий важно для 90–94% опрошенных. В последнее время наблюдается следующая тенденция: молодежь в основном отдает предпочтение не столько духовным и нравственным ценностям, сколько большим деньгам. Полезность труда для большинства молодых людей определяется достижением собственного экономического достатка (93%). Причем ставится преимущественно цель зарабатывать деньги, а творче-

ская самореализация на работе (в учебе) и вне работы важна только для 75% молодых вологжан. Экологическая обстановка волнует 79% молодежи, вместе с тем наблюдается значимая разница между городами: экологическая обстановка важна для 84% населения Вологды и только для 73% череповчан, что говорит скорее о их непритязательности. Последние позиции по степени важности в целом по области занимают: экономическая и политическая обстановка в стране (71%), комфортный климат и хорошая погода (70%).

В дополнение к картине оценки удовлетворенности факторами жизнедеятельности можно отметить, что молодые люди максимально удовлетворены дружбой, общением и отношениями в семье – более 80% опрошенных. Наименее удовлетворены они экономической, политической обстановкой в стране и социальной инфраструктурой: 43,5% неудовлетворенных и только 25,6 и 31,1% удовлетворенных соответственно. Сильно разнятся оценки важности фактора и удовлетворенности им по следующим аспектам: материальное положение (разница 50,2%), экология (46,1%), экономическая и политическая обстановка в стране (45,5%), социальная инфраструктура (41,6%), возможность достижения поставленных целей (41,5%). Данный список и указанные различия выступают как показатели осознания молодежью региона наличия и актуальности экологических, социально-экономических проблем. Существует включенность молодежи в социальные отношения, что обуславливает возрастание её роли в общественной жизни. Растет значимость социально-политических молодежных объединений в решении социальных проблем молодежи и всего российского общества. Однако многие молодые люди не вовлечены в социальную и политическую жизнь страны. Как показывают исследования, проводимые в ряде регионов России, от 55–80% молодежи изъявляют желание принять участие в каких-либо инициативах, хотя реальный уровень политического участия невысок⁹¹. Именно они представляют потенциал, который нужно использовать государству для повышения активизации творческих, интеллектуальных и трудовых ресурсов молодого поколения во благо развития страны.

Вместе с тем, как оказалось, оценки важности личной безопасности (безопасность семьи), материального положения и состояния здоровья не зависят от возраста, пола и уровня доходов респондентов. Для женщин больше, чем для мужчин, важны: экологическая обстановка (83 и 75%

⁹¹ Зарубина Ю.Н. Социально-политические молодежные объединения и их роль в решении социальных проблем современного российского общества. – 2011. <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/bitstream/123456789/1917/1/Зарубина.doc>

соответственно), комфортный климат и хорошая погода (73 и 67% соответственно). Социальная инфраструктура, экономическая и политическая обстановка в стране приобретают важность с увеличением уровня образованности и ростом доходов респондентов. Уровень образования отражается и на оценках значимости социального статуса, высказываемых молодыми людьми: доля опрошенных с неполным средним и средним специальным образованием, отметивших важность социального статуса, на 7% ниже подобной доли с высшим и незаконченным высшим образованием. Дружба и общение важнее для тех, у кого выше уровень доходов.

Субъективное восприятие молодежью удовлетворенности своей жизнью выросло: группа удовлетворенных увеличилась с 53,2 до 67,0%. В 2008 году каждый третий молодой человек был неудовлетворен своей жизнью, спустя 7 лет – каждый десятый (табл. 2.21). Судя по оценкам взрослого населения, в этой группе можно установить меньшую удовлетворенность жизнью: 58,8% удовлетворенных и 26,4% неудовлетворенных.

Таблица 2.21. **Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?», в %**

Ответ	2008 г.	2012 г.	2015 г.
Удовлетворен	53,2	62,8	67,0
Затрудняюсь ответить	12,2	22,0	21,4
Не удовлетворен	32,7	15,2	11,6
Источник: данные социологических опросов населения Вологодской области, 2008, 2012, 2015 гг.			

Функциональная направленность городов меняет палитру социального образа молодежи. Развитость инфраструктуры и сети учреждений культурно-досуговой направленности оказывает значимое влияние на культурный капитал населения. Одним из наиболее популярных мест отдыха и развлечений в молодежной среде считаются кинотеатры, однако на селе их качество и доступность оставляют желать лучшего, и, скорее всего, именно поэтому 27% сельской молодежи никогда не посещают кинотеатр. В районах Вологодской области доля тех, кто регулярно посещает кинотеатры, в 4 раза меньше, чем в Вологде, и в 6 раз меньше, чем в Череповце. Большинство сельских молодых людей никогда не посещают театры – 60% (Вологда – 24%, Череповец – 42%) и музеи – 39% (Вологда – 22%, Череповец – 32%). И, напротив, библиотеки являются более посещаемыми в районах области – 14%. Не наблюдается значимых различий между городом и селом в посещении городских (районных) праздников, в которых участвует около 73% молодежи от 1 до 10 раз в год.

Важное условие социально-экономического развития территории – уровень обеспеченности различными услугами. По результатам проведенного опроса сельская молодежь дает более негативную оценку развитости инфраструктуры своего района. Самые отрицательные отметки по разделу ЖКХ: 42% населения оценивают его уровень «неудовлетворительно, плохо» и только 17% – «отлично, хорошо». Культура, эстетика городской среды каждым третьим респондентом обозначена негативно, каждым четвертым – позитивно. Ситуация со здравоохранением – аналогичная. Лучше всего, как считают молодые люди, обстоит дело с обеспеченностью телефонной связью – 56% отметили хороший и отличный уровень.

Особую значимость при оценке современной молодежью ситуации в регионе имеет место проживания. Жители районов Вологодской области более критичны, чем городов, и чаще характеризуют положение дел как критическое (18% против 10% в крупных городах). Ретроспективные оценки, данные респондентами, свидетельствуют, что большая часть из них склоняется к тому, что положение дел в регионе не изменилось (44%). Прогнозные оценки вологодской молодежи более оптимистичны: 30% склоняются к мысли, что через год ситуация в регионе улучшится; каждый третий ответил, что не изменится, и 13% – что ухудшится (рис. 2.6). При ответе на вопрос, в правильном ли направлении идут дела в регионе, утвердительные и отрицательные ответы распределились на равные доли (по 37%), а каждый четвертый затруднился с ответом.

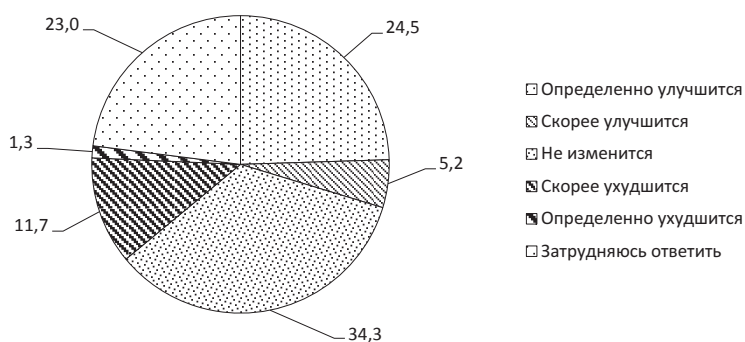

Рис. 2.6. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, как изменится ситуация в регионе через год?», в %

Источник: данные социологических опросов населения Вологодской области 2012 г.

Современное подрастающее поколение проходит этап своего становления в очень сложных условиях ломки многих старых ценностей и формирования новых социальных отношений. Отсюда растерянность и пессимизм, неверие в себя и общество. Одни живут в прошлом, слушая рассказы старших о «прекрасном времени, когда якобы успешно решались все проблемы». Другие, наоборот, агрессивно ведут себя по отношению ко всем нововведениям, критикуют «все и вся», занимаются поисками «врагов», на которых можно было бы свалить причины всех бед. Третьи, отчаявшись, уходят в «никуда», становясь на преступный путь, превращаясь в алкоголиков и наркоманов. Четвертые ищут «путь к богу», вступая в различные секты или увлекаясь мистикой. Пятые, понимая, что только с помощью собственной активности можно добиться успеха в жизни, объективно оценивают новые реалии, ищут пути решения возникающих проблем.

Анализируя терминальные ценности молодого поколения Вологодской области, отметим, что первое место у молодежи области и г. Вологды занимает здоровье, второе – семья, третье – материальная обеспеченность. На первом месте у череповчан – семья, а на втором – здоровье. Однако здесь доля отмечающих семью в качестве главной ценности значимо меньше, чем у молодежи других территорий области. Последние места в списке занимают активная жизнь и творчество.

Образованность считается главной инструментальной ценностью у молодежи как районов, так и городов области. Нравственные потребности (честность и ответственность) также входят в число преобладающих ответов молодежи. На реализацию этих потребностей не в последнюю очередь влияют такие факторы, как разница в культурном развитии разных социальных слоев общества, в их интересах и занятиях в свободное время.

Череповецкая молодежь более остальных ориентирована на высокий заработок, при этом она не обращает внимания на вредное производство и неблагоприятные климатические условия (33%). В г. Вологде таких молодых людей на 5% меньше, а в районах – на 7%. Основная масса молодого населения области (60–67%) ориентирована на средний и даже низкий заработок, но при этом должно быть собственное жилье и работа на безопасном производстве (рис. 2.7). За 2012–2015 годы незначительно (на 3%) увеличилась доля молодежи, желающей иметь высокие доходы и согласной жить в неблагоприятных климатических условиях и работать на вредном производстве. Подобный факт свидетельствует о существовании такой проблемы, как низкое материальное благополучие молодых людей и невнимание к своему здоровью. С 10,7 до 13,5% возросло число

молодых людей, желающих жить в экологически безопасной местности, но при этом без развитой инфраструктуры, т.е. проблемы экологии и её негативное влияние на здоровье человека заставляют молодежь задумываться о своем будущем и будущем своих детей. Выбирая подобную альтернативу, они руководствуются тем, что городская среда оказывает отрицательное влияние на здоровье человека.

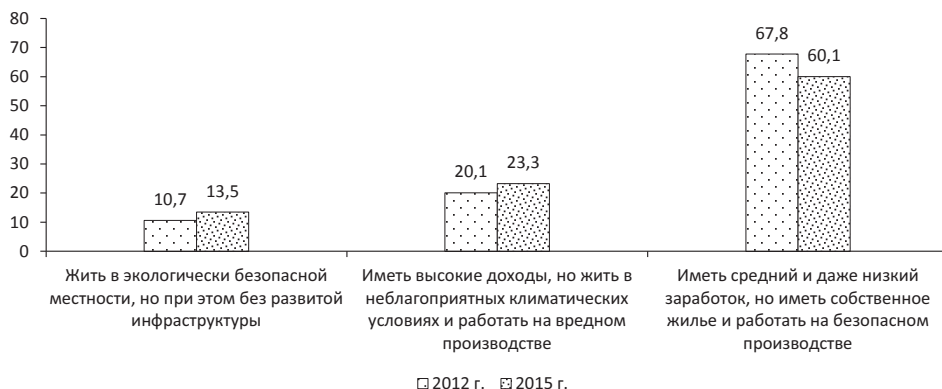

Рис. 2.7. Распределение ответов на вопрос: «Какую из следующих альтернатив Вы бы предпочли, если могли бы выбирать?», в %

Источник: данные социологических опросов населения Вологодской области 2012, 2015 гг.

Подростки в возрасте 14–17 лет чаще (разница 17%), чем молодежь в возрасте 18–29 лет, предпочитают иметь высокие доходы, но жить в неблагоприятных климатических условиях и работать на вредном производстве (рис. 2.8). Значительно меньше среди них доля тех, кто согласен на средний и даже низкий заработок, если будет иметь собственное жилье и работать на безопасном производстве (разница 14%). Аналогичная ситуация наблюдается при анализе предпочтений молодежи по доходным группам: чем выше доход, тем больше понимания того, что деньги не самое главное в жизни, а важнее социальные гарантии и стабильность.

Наиболее контрастные различия в ответах на вопрос: «В какой области находятся Ваши главные интересы?» выявлены при разделении респондентов по возрасту. Почти каждый второй молодой человек в возрасте 18–29 лет связывает свои главные интересы с семьей и домом, каждый шестой – с работой, а каждый десятый – с обеспечением приличного заработка, а также с учебой, образованием, повышением квалификации (табл. 2.22). У подростков 14–17 лет иерархия другая: на первом месте – учеба (36%), на втором – семья (24%), на третьем – приличный заработок (9%).

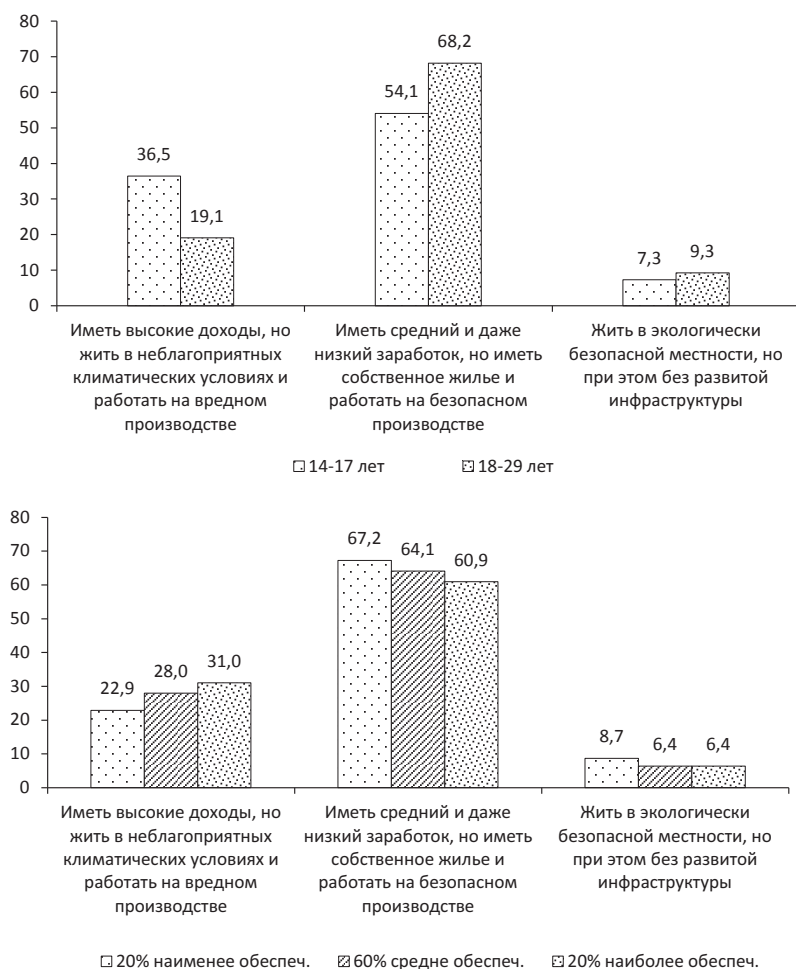

Рис. 2.8. Распределение ответов на вопрос: «Какую из следующих альтернатив Вы бы предпочли, если могли бы выбирать?», возрастной разрез, по доходным группам, в %

Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области 2012 г.

Подобные различия вполне закономерны в силу потребностей и возможностей, возникающих по мере взросления человека и вхождения его в общественную жизнь. Большая доля женщин, в отличие от мужчин, видят свои главные интересы в семье и доме (47 и 35% соответственно). Учеба актуальна для каждой пятой женщины и для каждого 6–7 мужчины. Интересы мужчин нацелены больше на работу и обеспечение приличного заработка – 33%, доля женщин с такими интересами почти в 2 раза

меньше – 18%. По доходным группам также есть значимые отличия: чем обеспеченнее человек, тем сильнее его интересы связаны с источниками достижения дохода. Соответственно снижается интерес к семье и дому: с 50% у наименее обеспеченной молодежи до 42% у наиболее обеспеченной. При разделении молодежи по уровню образования выяснилось, что получение специального высшего образования естественным образом снижает интерес к учебе и повышает интерес к семье и дому (с 34 до 46–50%).

Таблица 2.22. **Распределение наиболее популярных ответов на вопрос: «В какой области находятся Ваши главные интересы?»**, разрез половозрастной, по доходным группам, в %

Варианты ответов	Пол		Возраст		Доходные группы		
	Мужской	Женский	14–17 лет	18–29 лет	20% наименее обеспеч.	60% средне-обеспеч.	20% наиболее обеспеч.
Мои главные интересы связаны прежде всего с моей работой	17,4	10,8	7,3	15,9	10,7	14,6	19,1
Мои главные интересы в семье и доме	34,5	46,8	23,8	46,4	50,4	49,6	41,7
Главные интересы в области учебы, образования, повышения квалификации	15,1	19,7	36,4	11,8	16,8	12,2	8,7
Главное дело – обеспечить приличный заработок	16,2	6,8	8,5	11,9	8,7	10,0	16,8

Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области 2012 г.

Изменение социокультурных традиций – процесс продолжительный, во многом зависящий от преобладающих в обществе ценностных ориентиров. Ценности образуют ядро мировоззрения индивида. Исследование показало, что ценностное пространство молодежи Вологодской области определено общительностью, свободой и независимостью. Значимость работы больше ценится городской молодежью, при этом 55% респондентов ответили, что только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы быть основным делом жизни; в сельской местности таких ответов меньше – 44%. Жители г. Вологды более склонны к инициативности, жертвенности, порядку, чем жители г. Череповца и районов. Обратимся к анализу динамики ценностного пространства молодежи. Итак, терминальные ценности (ценности-цели) более значимы, чем инструментальные – ценности-средства (разница составляет 0,54 балла в 2008 г., 0,75 балла в 2015 г.). Современные типы ценностей являются

более весомыми, чем общечеловеческие и традиционные. Рассмотренная 7-летняя динамика не показала резкой смены ценностного поля у молодежи, оно характеризуется стабильностью и консервативностью. Как наиболее положительный момент отметим рост ценностей порядка и соблюдения традиций (табл. 2.23). Уменьшилась доля людей, принимающих ценность работы. В снижении властности и своевольности проявляется установка все большей части молодежи на отрицание вседозволенности, несущей зачастую не только разрушение и трагедии в жизни людей, но и самое главное – моральное разложение личности изнутри.

Таблица 2.23. **Динамика сочетания культурных типов базовых ценностей населения Вологодской области в 2008–2015 гг.**, взвешенные средние баллы по 5-балльной шкале

Культурные типы ценностей	Терминальные (4,23 / 4,39)	Инструментальные (3,69 / 3,64)
Современные (4,24 / 4,33)	Жизнь человека (4,50 / 4,74) Свобода (4,24 / 4,32)	Независимость (4,16 / 4,34) Инициативность (4,04 / 3,92)
Общечеловеческие (3,97 / 3,97)	Порядок (4,25 / 4,58) Благополучие (4,21 / 4,49) Работа (4,24 / 3,96)	Общительность (4,31 / 4,39) Нравственность (3,85 / 3,71) Властность (2,97 / 2,72)
Традиционные (3,82 / 3,89)	Семья (4,32 / 4,41) Традиция (3,82 / 4,22)	Жертвенность (3,56 / 3,68) Своевольность (2,91 / 2,72)
Источник: данные опроса «Социокультурный портрет региона», проведенного ИСЭРТ РАН в 2008, 2015 гг. Методика определения ценностей Н.И. Лапина, ИФ РАН. Источник: Лапин Н.И. Тяжкие годы России (Перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. – 1992. – №1. – С. 30–31.		

Данные социологического исследования позволили выделить жизненные ориентиры молодых людей Вологодской области. Они высоко ценят жизнь человека, семью и порядок, но не слишком инициативны в принятии решений, не готовы рисковать. Нравственность и жертвенность оказались в оппонирующем дифференциале, карьерная составляющая не является прерогативой многих и занимает срединное положение в иерархии жизненных ценностей. Властность и своевольность отрицаются большинством. Благоприятным для развития региона фактором выступает расширение пространства базовых ценностей.

Таким образом, становится очевидным, что ценностный аспект имеет особенное значение и является важным с точки зрения не только мировоззренческого, но и социокультурного развития индивида и общества. Это обстоятельство обуславливает необходимость их обязательного анализа и формирования адекватной системы ценностей, потому что очень значимы как характер социализации молодежи, так и характер взаимодействия

различных групп людей в сферах общественного производства. В итоге система ценностей и норм, стиль жизни определяют тенденции функционирования и направления развития общества, уровень благосостояния молодежи и в конечном счете авторитет государства в мире.

Достижение успехов в жизни современные молодые люди в большинстве своем связывают с наличием хороших связей с нужными людьми (45,8%). Каждый третий молодой человек Вологодской области считает, что жизненный успех зависит от умения хорошо работать, профессионализма и высшего образования; каждый четвертый – от наличия высокооплачиваемой работой и влиятельных родственников, каждый шестой – от удачи и наличия хорошей (востребованной) специальности. Проведение досуга является важным фактором социализации молодежи. Здесь очень хорошо прослеживается «мода» на компьютеризацию и интернетизацию – более половины респондентов проводят свободное время «зависая» в сети Интернет (56,6%) или перед телевизором (39,8%), занимаются хозяйственными делами 37,1% опрошенных. Увлечение (хобби) имеет каждый третий молодой человек в крупном городе и только каждый четвертый – на селе. Очень мала доля занимающихся физической культурой и спортом – так проводит время только каждый шестой. Крупные города (Вологда и Череповец), значительно отличающиеся от сельских поселений области, характеризуется не только разнообразием трудовой и внепроизводственной сфер, но и имеют ряд особенностей, которые создают специфические условия для социализации молодежи:

- средоточие человеческих ресурсов – потенциал человека (физический, психологический, интеллектуальный, эмоциональный, социальный);
- средоточие культуры – материальной (промышленность, архитектура, транспорт), духовной (образованность жителей, учебные заведения, учреждения культуры).

Каждый человек имеет свои социокультурные, половозрастные и индивидуальные особенности, и в связи с этим будет существенно различаться то, как он использует предоставляемые социумом, городом, селом возможности. Городской образ жизни дает каждому жителю огромный ряд самых различных альтернатив. Это создает потенциальные возможности для индивидуального выбора в различных сферах жизнедеятельности. Городская молодежь, в отличие от сельской, имеет возможности широкого выбора кругов и групп общения, существенно дифференцированы взаимодействия и взаимоотношения.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что молодежь Вологодской области обладает значительным социокультурным потенциалом, однако его реализации препятствует не только социально-экономическая отсталость региона проживания, что касается в основном сельской местности, но и пессимистичные настроения. Движение в направлении гуманистической модернизации обеспечивается за счет базовых ценностей консолидирующего гуманизма (жизни человека, семьи) и отрицания авторитарной вседозволенности.

2.4. Молодежь на рынке труда: проблемы реализации потенциала

В современном мире выход на рынок труда является важнейшим этапом в жизни молодых людей. От возможности реализовать полученные знания, умения и навыки в трудовой деятельности напрямую зависит их интеграция в общество. Однако именно они чаще других сталкиваются с проблемами как при трудоустройстве, так и при выполнении должностных обязанностей. Это можно объяснить тем, что молодежь в процессе поиска работы вынуждена на равных конкурировать со старшим, более опытным поколением, которое, помимо профессионального образования, обладает дополнительными характеристиками, повышающими его привлекательность для работодателей. К перечню таких характеристик относят, например, продолжительный трудовой стаж, высокую квалификацию, знание специфики деятельности и профессиональной культуры организаций профильных отраслей и дисциплинированность. В то же время присущие молодым людям креативность, амбициозность, высокая обучаемость и т.д. далеко не всегда являются конкурентными преимуществами на рынке труда.

Вместе с тем молодежи зачастую свойственны завышенные ожидания от будущего места работы (высокий заработок, хорошие условия труда, быстрый карьерный рост), которые, в случае несоответствия фактическому положению дел, приводят к развитию контрпродуктивных форм трудового поведения⁹². Не являются редкостью и ситуации, когда юношам и девушкам сразу после приема на работу требуется пройти дополнительную профессиональную подготовку⁹³, что повышает издержки, связанные

⁹² Савченко В.В., Попова М.В. Особенности и стратегии молодежи на современном рынке труда (на примере Ставропольского края) // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – №29. – С. 28–36. (33)

⁹³ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с. (357); Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодые специалисты; подготовка и востребованность на рынке труда // Социологические исследования. – 2015. – №5. – С. 114–122. (121)

с их наймом. В результате работодатели вынуждены создавать искусственные барьеры, препятствующие соискателям в получении вакантной должности. Так, трудовой стаж выступает главным ограничителем для трудоустройства у молодых людей как в России⁹⁴, так и за рубежом⁹⁵.

Указанные аспекты во многом определяют положение молодежи на рынке труда. Как показывают данные статистики, молодые люди составляют существенную часть в структуре безработных, что говорит о наличии проблем с трудоустройством именно данной категории населения (табл. 2.24). Однако если по стране и Северо-Западному федеральному округу их доля в общей численности безработных в период с 2000 по 2014 г. увеличилась на 3,1 и 1,8 п.п. соответственно, то по Вологодской области она снизилась на 5,9 п.п.

Таблица 2.24. **Удельный вес молодежи (15–29 лет) в общей численности безработных, %**

Территория	Год				2014 г. к 2000 г., п.п.
	2000	2005	2010	2014	
Российская Федерация	37,2	41,9	42,4	40,3	+3,1
Северо-Западный федеральный округ	34,9	40,6	41,5	36,7	+1,8
Вологодская область	38,6	36,5	37,9	32,7	-5,9

Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Уровень безработицы среди молодежи Вологодской области также имеет тенденцию к снижению, за исключением категории 15–19 лет, где данный показатель вырос на 43% (табл. 2.25). Во многом это связано с последовательным сокращением «плохих» рабочих мест в российской экономике⁹⁶, что приводит к росту требований к квалификации и качеству подготовки работников⁹⁷. В результате юноши и девушки, находящиеся в стадии профессионального самоопределения и становления, зачастую не могут найти подходящие вакансии. Среди молодежи в возрасте 20–24 и 25–29 лет, напротив, уровень безработицы снизился на 26 и 50%, что соответствует данным общероссийской динамики.

⁹⁴ Москвцева Е.А. Современные проблемы молодежи на рынке труда // Ученые заметки ТОГУ. – 2013. – №2. – С. 15–20. (19)

⁹⁵ Paşnicu D., Tudose G. Youth employment and measures to increase employability during the crisis // Theoretical and Applied Economics. – 2013. – Vol. XX, issue Special II. – Pp. 276–287. (278)

⁹⁶ Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Поляризация или улучшение? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы // Вопросы экономики. – 2015. – №7. – С. 87–119.

⁹⁷ Шабунова А.А., Леонидова Г.В. Человеческий капитал – индикатор устойчивого развития территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – №5. – С. 101–115.

Таблица 2.25. **Уровень безработицы молодежи, %**

Возрастная группа, лет	Год							2014 г. к 2000 г., %
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	
Российская Федерация								
15–19	27,6	29,2	31,9	30,8	28,2	26,1	28,0	101,5
20–24	16,2	12,3	15,1	13,4	13,4	12,6	12,4	76,5
25–29	10,6	7,1	8,2	7,1	6,1	6,0	5,6	52,8
Вологодская область								
15–19	26,0	29,3	26,6	39,8	30,1	23,6	37,2	143,1
20–24	14,0	6,0	13,9	12,4	11,6	10,9	10,3	73,6
25–29	8,0	2,5	6,5	9,9	5,2	7,2	4,0	50,0
Источник: данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/								

В Вологодской области показатели занятости среди молодежи 25–29 лет в период 2000–2014 гг. выросли на 5% (по России – на 7%), в то время как в остальных возрастных группах они снизились (табл. 2.26). Это может быть обусловлено массовым характером получения высшего образования в основном представителями данных возрастных категорий, а также невысоким спросом на кадры без опыта работы и распространением неформальных и нестабильных форм занятости.

Таблица 2.26. **Уровень занятости молодежи, %**

Возрастная группа	Год							2014 г. к 2000 г. %
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	
Вологодская область								
15–19	19,0	12,0	10,8	7,4	6,9	6,2	4,8	25,3
20–24	69,1	75,6	60,3	63,0	63,9	66,5	65,7	95,1
25–29	80,8	89,4	86,2	81,0	84,0	83,4	84,9	105,1
Российская Федерация								
15–19	13,3	11,0	8,1	7,3	6,7	6,7	5,8	43,6
20–24	57,6	54,8	53,5	53,8	51,5	52,5	51,6	89,6
25–29	77,2	82,1	79,9	81,4	82,8	82,1	82,4	106,7
Источник: данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/								

В свою очередь, растущая миграция молодых людей за пределы области может свидетельствовать о наличии серьезных барьеров, препятствующих реализации их трудового потенциала (табл. 2.27). В период 2000–2014 гг. молодежь все более активно покидает регион (потоки выбытия увеличились на 60%, сальдо миграции отрицательное и имеет тенденцию к росту), что не покрывается численностью приезжающих молодых людей.

Таблица 2.27. Показатели миграции населения Вологодской области в возрасте 15–30 лет, человек

Показатель	Год							2014 г. к 2000 г.
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	
Прибытие	9340	5430	7167	11375	13487	13300	14039	150,3%
Выбытие	9524	5857	7480	11974	14797	14956	15208	159,7%
Сальдо миграции	-184	-427	-313	-599	-1310	-1656	-1169	-985 чел.

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

В настоящее время проблемам молодежи на рынке труда, особенно вопросам занятости, уделяется большое внимание. Значительный вклад в развитие данного направления внесли труды Е.Д. Вознесенской, М.К. Горшкова, Ю.А. Зубок, Д.Л. Константиновского, М.В. Поповой, С.Ю. Рощина, А.А. Слесаревой, Ф.Э. Шереги, Г.А. Чередниченко, В.И. Чупрова и других ученых. Однако актуальным, по нашему мнению, является рассмотрение вопросов реализации трудового потенциала молодого поколения, что обусловлено тем, что его представители, выходящие на рынок труда, зачастую сталкиваются с различного рода барьерами, препятствующими реализации их знаний, умений и навыков в трудовой деятельности.

Анализ результатов мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области⁹⁸ за 2016 год показал, что к числу ключевых барьеров, препятствующих самореализации в трудовой деятельности, молодые люди относят: недостаток профессиональных знаний (18%), работу не по специальности (16%), неудобный график работы (12%), несоответствие работы способностям и склонностям (12%), а также отсутствие интереса к работе (11%; рис. 2.9). Рассмотрим эти факторы в контексте использования трудового потенциала более подробно.

Недостаток профессиональных знаний. Как показывают исследования, профессиональная компетентность выступает важнейшим критерием отбора молодых специалистов на вакантные места. Очевидно, что выполнение должностных обязанностей, вне зависимости от вида экономической деятельности хозяйствующего субъекта, невозможно без соответ-

⁹⁸ Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области проводится Институтом социально-экономического развития территорий РАН с 1997 г. Объектом исследования является население Вологодской области трудоспособного возраста. Опросы проходят один раз в два года (до 2009 г. ежегодно) в августе – сентябре в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек, ошибка выборки не превышает 3%.

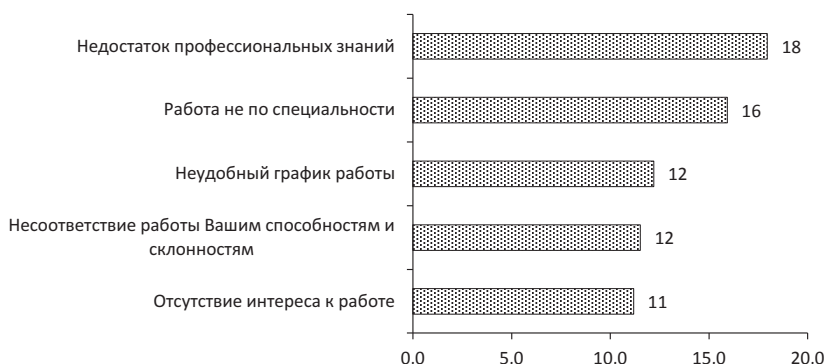

Рис. 2.9. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, что мешает Вам реализовать свой потенциал, качества и способности в трудовой деятельности?», %

Примечание. Отображено 5 наиболее популярных ответов.

Источник: здесь и далее – данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 2016 г.

ствующей подготовки. К сожалению, в настоящее время многими российскими учеными отмечается ухудшение качества подготовки специалистов. По результатам исследований НИУ ВШЭ, около 50% руководителей организаций считают, что уровень и качество профессионального образования в России не соответствуют требованиям современности⁹⁹, а квалификация 30–40% работников не соответствует требованиям рабочих мест¹⁰⁰. Данная тенденция наблюдается и на уровне регионов. Судя по итогам опроса руководителей предприятий Вологодской области¹⁰¹, качество подготовки выпускников организаций профессионального образования региона находится преимущественно на среднем и низком уровнях (рис. 2.10). Почти 30% молодых специалистов не соответствуют предъявляемым требованиям и лишь 1% – обладают высокой подготовкой. Это позволяет заключить, что в настоящее время подготовка кадров ведется без учета специфики трудовой деятельности.

⁹⁹ Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Уровень образования российских работников: оптимальный, избыточный, недостаточный? – М.: НИУ ВШЭ, 2010. – 64 с. (16–17).

¹⁰⁰ Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Королев И.Б. Дефицит рабочей силы в экономике России: макроэкономическая оценка // Проблемы прогнозирования. – 2006. – №4. – С. 34–51. (52).

¹⁰¹ Опросы руководителей промышленных предприятий Вологодской области ежегодно проводятся ИСЭРТ РАН с 1993 г. В 2013 г. в анкетировании приняли участие 97 руководителей крупных и средних промышленных предприятий: черной металлургии, лесопромышленного комплекса, машиностроения и металлообработки, пищевой, легкой и строительной промышленности.

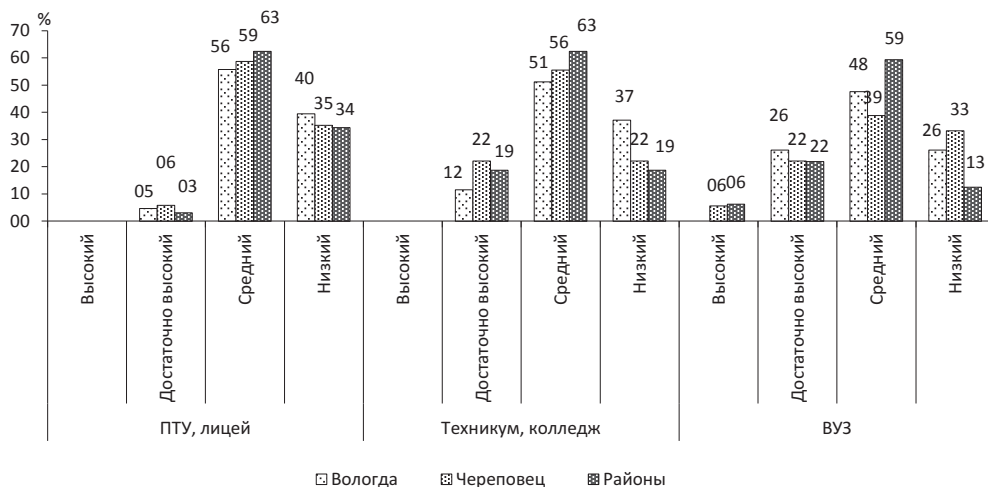

Рис. 2.10. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете уровень подготовки новых работников Вашего предприятия, только что закончивших учебное заведение?», 2014 г., %

Источник: данные мониторинга функционирования и развития промышленности Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 2014 г.

Данные социологического опроса, проведенного в 2015 г. Департаментом труда и занятости населения Вологодской области совместно с ИСЭРТ РАН¹⁰², позволили выявить основные причины несоответствия профессиональных навыков молодежи требованиям рабочих мест (рис. 2.11). Эти причины, по мнению подавляющего большинства работодателей (76%), кроются в отсутствии необходимого опыта работы. Незначительный трудовой стаж препятствует практической реализации полученных знаний, которые в силу множества обстоятельств не всегда применимы в условиях реального сектора экономики. При этом каждый четвертый молодой специалист (25%) не соответствует требованиям интересующей его вакансии из-за низкого уровня профессиональной подготовки, полученной в процессе обучения. То есть найм таких специалистов зачастую приводит к дополнительным издержкам на их последующее обучение (переобучение). Таким образом, конкурентоспособность молодых специалистов ниже, чем у специалистов старшего возраста, имеющих большой трудовой стаж и, тем самым, более высокий уровень квалификации.

¹⁰² Объектом исследования являются хозяйствующие субъекты Вологодской области. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения относительно территории и основных видов экономической деятельности (в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД) от 2007 г.). Объем выборки составил 711 работодателей, ошибка выборки не превышает 3%.

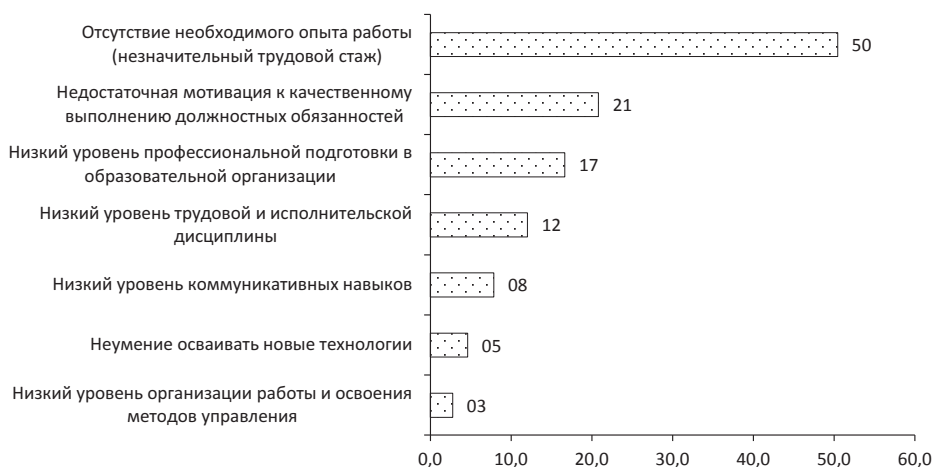

Рис. 2.11. **Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, каковы основные причины несоответствия профессиональных навыков молодых работников требованиям рабочих мест?», %**

Источник: данные опроса работодателей Вологодской области, 2015 г.

Недостаточная мотивация к качественному выполнению трудовых обязанностей и низкий уровень трудовой и исполнительской дисциплины также оказывают существенное влияние на соответствие профессиональных навыков молодых работников занимаемым должностям (так ответили 36 и 18% работодателей соответственно). Как отмечалось ранее, завышенные ожидания молодежи от нового места работы влекут за собой снижение внутренней заинтересованности в результатах трудовой деятельности и развитие контрпродуктивных форм поведения при столкновении с действительностью. В особенности это касается специфики занятости в небольших населенных пунктах, где условия труда являются менее благоприятными, нежели в экономическом (г. Череповец) или административном (г. Вологда) центрах области. Роль других факторов (низкий уровень коммуникативных навыков, организации работы и освоения методов управления, неумение осваивать новые технологии), препятствующих использованию профессиональных навыков, незначительна.

Вместе с тем недостаток профессиональных знаний не оказывает существенного влияния на трудовую активность молодежи (табл. 2.28). Некоторое несоответствие мы можем наблюдать как в случае недостатка квалификации, так и в случае ее переизбытка (*overqualification*). При этом наибольший негативный эффект на уровне реализации трудового потенциала

молодых людей проявляется именно во второй ситуации (79% против 81% при соответствии). Несмотря на относительно небольшой разрыв в значениях показателя, распространенность данного явления в Вологодской области вызывает тревогу (28%). Более того, несоответствие квалификации работника требованиям рабочего места в дальнейшем может стать причиной возникновения различных деформаций трудового поведения, например таких, как рестрикционизм (сознательное ограничение работниками своей производительности труда), некомпетентность, избыточная интенсивность труда и т.д.

Таблица 2.28. **Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Ваша квалификация (подготовка) соответствует выполняемой Вами работе?», 2014 г., %**

Вариант ответа	Удельный вес	Уровень реализации трудового потенциала*	
		Интеллектуальная компонента	Всего
Моя квалификация выше, чем требует от меня работа, могу выполнять и более квалифицированную работу	27,5	73,0	79,1
Моя квалификация соответствует требованиям, предъявляемым работой (чтобы выполнять более квалифицированную работу, мне нужно подучиться)	48,5	76,6	81,2
Моя квалификация ниже, чем это требуется работой	6,8	75,0	80,5
Не знаю, трудно сказать	17,3	64,7	73,4
* Трудовой потенциал включает в себя творческий и когнитивный потенциал. Примечание. Показатель реализации трудового потенциала показывает уровень использования работающим населением своих качеств и умений в конкретной трудовой деятельности. Методика, разработанная в ИСЭРТ РАН, основана на блоке вопросов вида «Насколько сильно Вы «выкладываетесь» на работе? В какой мере используете свои качества и умения?»¹⁰³			

Несоответствие образовательных программ требованиям реального сектора экономики России, обусловленное недостаточным финансированием системы образования, устареванием образовательных программ¹⁰⁴ и т.д., приводит к снижению трудовой активности будущих работников и, как следствие, деградации перспективных отраслей производства. В целях достижения качества профессиональной подготовки специалистов, необходимого для реализации государственной политики инновационного развития экономики и обеспечения ее конкурентоспособности, на федераль-

¹⁰³ Шабунова А.А., Чекмарева Е.А. Реализация трудового потенциала региона: социологический анализ // Экономика региона: реальность и перспективы. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2011. – №3. – С. 180–188.

¹⁰⁴ Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях : к IX Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и глобализация», Москва, 1–3 апреля 2008 г. / под ред. Я. Кузьминова, И. Фрумина ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : ГУ ВШЭ, 2008. – 39 с.

ном уровне было разработано более 800 профессиональных стандартов¹⁰⁵. Разработка и актуализация профессиональных стандартов (в т.ч. федеральных государственных образовательных стандартов и образовательных программ) происходит на основании списка наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, требующих среднего профессионального образования¹⁰⁶. Кроме того, в 2015 г. союз «Агентство развития профессиональных сообществ и рабочих кадров "Ворлдскиллс Россия"» определен базовым центром профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации рабочих кадров¹⁰⁷, а с 2017 года специальные центры будут проводить независимую оценку квалификации работников¹⁰⁸. В совокупности эти и другие меры должны коренным образом изменить текущую ситуацию.

Работа не по специальности. Одной из тенденций современной России выступает распространенность практик трудоустройства не по специальности, полученной в организации профессионального образования¹⁰⁹. Данные Обследования населения по проблемам занятости показывают, что среди российских выпускников 2010–2014 гг. связь основной работы с имеющейся профессией была отмечена в среднем в 66% случаев (табл. 2.29). Причем наименьшее соответствие между профилем образования и занимаемой должностью наблюдалось у работников с начальным профессиональным образованием (56%), а наибольшее – с высшим (70%).

Таблица 2.29. Связь основной работы с полученной профессией (специальностью) у российских выпускников, окончивших организации профессионального образования, в % от числа тех, чья работа связана с полученной специальностью

Уровень образования	Выпускники 2010–2012 гг. по состоянию на 2013 г.	Выпускники 2011–2013 гг. по состоянию на 2014 г.	Выпускники 2012–2014 гг. по состоянию на 2015 г.
Высшее профессиональное образование	70,1	70,5	69,3
Среднее профессиональное образование	59,2	58,8	60,9
Начальное профессиональное образование	56,4	57,6	56,2
В среднем по всем уровням образования	65,6	65,9	65,6
Источник: данные Обследования населения по проблемам занятости / Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации.			

¹⁰⁵ Согласно статье 195.2 ТК РФ, введенной Федеральным законом от 02.05.2015 №122-ФЗ.

¹⁰⁶ Утвержден Приказом Минтруда России от 02.11.2015 №83.

¹⁰⁷ Распоряжение Правительства РФ от 26 ноября 2015 года №2424-р.

¹⁰⁸ Федеральный закон от 03.07.2016 № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации».

¹⁰⁹ Леонидова Г.В., Попов А.В. Заработная плата и эффективность труда: взгляд социолога: препринт. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 50 с. (15)

В результате профессиональные навыки значительной части молодежи, полученные в ходе продолжительного обучения, остаются не использованными на рынке труда. Это влечет за собой потерю приобретенной квалификации и обуславливает необходимость прохождения дополнительной профессиональной подготовки, тем самым повышая издержки найма. Кроме того, снижается эффективность государственной системы профессионального образования, поскольку молодые люди выбирают работу не по специальности, в силу чего потребность приоритетных отраслей экономики в высококвалифицированных кадрах остается неудовлетворенной.

Мониторинговые данные подтверждают выше обозначенные тенденции и в Вологодской области (табл. 2.30).

Таблица 2.30. **Распределение ответов на вопрос: «Работаете ли Вы по специальности, полученной в профессиональном учебном заведении (вузе, техникуме, училище)?», %**

Вариант ответа	Удельный вес	Уровень реализации трудового потенциала	
		Интеллектуальная компонента	Всего
Да	43,7	79,4	82,7
Работаю по близкой (схожей) специальности	13,9	74,6	78,6
Нет, работаю по другой специальности	42,4	72,1	79,2

Трудоустройство по специальности, полученной в образовательной организации профессионального образования, способствует более полной реализации трудового потенциала населения, нежели трудоустройство по иной специальности (83% против 79%). В особенности это касается интеллектуальной компоненты (в этом случае разрыв в использовании данного качества увеличивается до 7 п.п.).

В условиях распространенности среди вологжан (42%) практик трудоустройства не по специальности это является весомым фактором снижения трудовой активности населения, а также основной причиной роста дисбаланса между спросом и предложением рабочей силы в профессионально-квалификационном разрезе на рынке труда. Среди основных причин работы не по специальности можно выделить: неудовлетворенность условиями труда, предложенными работодателем; отсутствие возможности получения высокого дохода, а также перспектив профессионального роста в будущем.

Неудобный график работы может являться следствием развития в экономике России теневого сектора. В настоящее время осуществление

оплачиваемой трудовой деятельности без оформления договорных отношений все чаще рассматривается в обществе как более выгодная форма занятости по сравнению с официальным наймом. Как правило, сознательный отказ от гарантированных законом прав (согласно части 1 ст. 21 Трудового кодекса РФ) при неформальном трудоустройстве сопровождается улучшением материального положения работника за счет экономии работодателя на налогах и страховых взносах во внебюджетные фонды. Похожим образом обстоят дела и в случаях самозанятости в теневом секторе. Однако отсутствие социальной защищенности зачастую оборачивается для работников ненормированным рабочим днем, тяжелыми условиями труда, задержками выплаты заработной платы и т.д., что в совокупности приводит к снижению уровня использования накопленных знаний, умений и навыков.

Результаты опроса показывают, что официальное трудоустройство предоставляет молодежи больше возможностей по сравнению с неформальной занятостью (табл. 2.31). Так, молодые люди, работающие по бессрочному трудовому договору, наиболее полно реализуют свой потенциал (76%). Занятые в теневом секторе используют свои знания и умения в трудовой деятельности значительно в меньшей степени (отличия в оценках в среднем составляют около 10 п.п.).

Таблица 2.31. **Распределение ответов на вопрос: «Как оформлены Ваши трудовые отношения на основной работе?», %**

Вариант ответа	Удельный вес	Уровень реализации трудового потенциала	
		Интеллектуальная компонента	Всего
Бессрочный (постоянный) договор	68,3	76,8	75,6
Срочный трудовой договор	7,0	65,6	73,8
Договор-подряд	5,3	68,3	76,7
Без оформления трудового договора (устная договоренность)	13,7	67,6	66,0
Затрудняюсь ответить	5,6	69,5	73,4

В этой связи тревожным сигналом является увеличение в экономике страны теневого сектора (рис. 2.12). С 2001 г. неформальная занятость демонстрирует устойчивую тенденцию к росту, лишь несколько сократившись в годы финансово-экономического кризиса. К 2015 г. значения показателя достигли максимума за рассматриваемый период, составив 22% для мужчин и 19% для женщин (против 14% в 2001 г.).

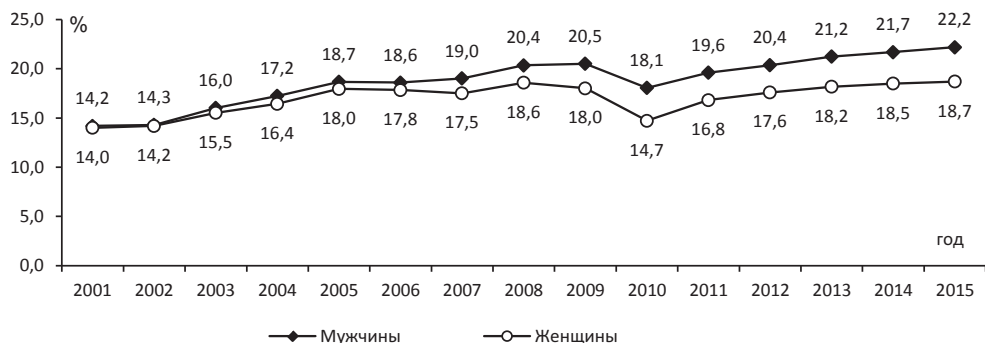

Рис. 2.12. Неформальная занятость в России, %

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Как показывают данные обследования населения по проблемам занятости, полученные органами государственной статистики в 2015 г., наибольшая доля занятых в неформальном секторе была зафиксирована в Северо-Кавказском федеральном округе: Чеченской Республике (63%), республиках Дагестан (57%) и Ингушетия (51%), а наименьшая – в городах федерального значения Москве (4%) и Санкт-Петербурге (5%), что свидетельствует о высокой дифференциации значений показателя. Отраслевая структура теневого сектора представлена в основном такими видами экономической деятельности, как: оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (32%); сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (23%); строительство (12%); транспорт и связь (9%) и обрабатывающие производства (9%).

Несоответствие работы способностям и склонностям; отсутствие интереса к работе. Похожим образом обстоят дела и при несоответствии профессии предпочтениям молодежи. Так, если молодой человек занимается деятельностью, к которой он внутренне предрасположен, то это способствует более полному использованию знаний, умений и навыков (табл. 2.32). В противном случае это служит мощным фактором, препятствующим развитию трудовой активности. Разрыв в уровне реализации трудового потенциала между теми молодыми людьми, чья работа соответствует личностным предпочтениям (способностям, склонностям и призванию), и теми, у кого не соответствует, составляет в среднем 7 п.п., а в интеллектуальной компоненте достигает 13 п.п.

Таблица 2.32. **Соответствие основной деятельности способностям, склонности, призванию и уровень реализации трудового потенциала, %**

Вариант ответа	Удельный вес	Уровень реализации трудового потенциала	
		Интеллектуальная компонента	Всего
Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашим способностям и склонностям?			
Да	65,8	76,8	81,4
Нет	18,3	66,2	74,8
Затрудняюсь ответить	15,9	67,8	75,2
Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашему призванию?			
Да	49,2	79,6	83,4
Нет	24,7	65,6	75,0
Затрудняюсь ответить	26,1	69,3	75,3

Таким образом, недостаток профессиональных знаний, работа не по специальности и ее несоответствие способностям и склонностям, неудобный график и отсутствие интереса к работе служат значимыми барьерами, препятствующими самореализации молодежи в трудовой деятельности. Кроме того, снижается эффективность государственной системы профессионального образования, поскольку молодые люди выбирают работу не по специальности, в силу чего потребность приоритетных отраслей экономики в высококвалифицированных кадрах остается неудовлетворенной. В этой связи необходимы реальные действия в направлении неоднократно озвученных, но на практике далеко не всегда реализуемых мер государственной политики, таких как: повышение качества профессионального образования и его соответствие требованиям экономики, совершенствование систем профориентации школьников и сопровождения профессионального становления студентов и выпускников образовательных организаций и т.д.

Одним из перспективных направлений деятельности по повышению уровня реализации трудового потенциала молодежи является усиление сотрудничества между работодателями и организациями профессионального образования в целях привлечения наиболее подготовленных к трудовой деятельности студентов и выпускников профильных специальностей. В рамках опроса выявлено, что 88% руководителей предприятий оказались заинтересованы в подобном взаимодействии. Основываясь на предпочтениях работодателей, можно прийти к выводу, что наиболее широкое распространение должны получить такие формы сотрудничества, как: участие в днях открытых дверей и ярмарках вакансий; организация стажировок и практик для обучающихся; заключение прямых договоров на подготовку кадров. Это позволит скорректировать образовательные и

профессиональные траектории молодежи в соответствии с потребностями реального сектора экономики, тем самым повысив уровень реализации трудового потенциала молодежи.

2.5. Образовательный потенциал и инновационная активность молодежи

Важную роль в модернизационных процессах играет человеческий капитал. Эта идея подтверждается во многих исследованиях. Например, в работе Carina Hirsch и Giovanni Sulis¹¹⁰ на данных о промышленном производстве десяти макросекторов Италии показано, что те отрасли, в которые вовлечены работники с высоким уровнем человеческого капитала, развиваются быстрее. Другой иллюстрацией является исследование John Whalley и Xiliang Zhao¹¹¹, в котором оценивался вклад человеческого капитала в экономический рост Китая в период 1978–2008 гг. Показано, что за счет эффективного использования человеческого капитала обеспечивается 38% экономических преобразований в стране. То есть развитие отраслей и территорий во многом определяется накопленным и реализованным человеческим капиталом, который рассматривается как интенсивный производительный фактор развития экономики и общества.

В большинстве случаев, характеризуя человеческий капитал, говорят о «ядре», ключевых составляющих, встречающихся во многих определениях человеческого капитала. К их числу относят знания, навыки, способности населения (С. Уолш, Л. Тороу, У. Боуэн, В. Костюк), то, что характеризует образовательный потенциал¹¹². В настоящее время человеческий капитал в нашей стране считается одним из самых высокообразованных в мире. Например, по данным международного исследования PISA, в 2015 году по сравнению с 2012 г. улучшились результаты российских учащихся по математической грамотности (на 12 баллов – с 482 до 494) и грамотности чтения (на 20 баллов – с 475 до 495), а с 2006 г. – по естественнонаучной грамотности (с 479 до 487 баллов)¹¹³. Кроме того, по данным переписей населения, с 1989 г. и по начало 2000-х гг. численность занятых с закончен-

¹¹⁰ Hirsch Carina. Sulis Giovanni Schooling, Production Structure and Growth: An Empirical Analysis on Italian Regions. – Cagliari: Università di Cagliari, 2007. – 25 p.

¹¹¹ Whalley John, Zhao Xiliang The contribution of human capital to China's economic growth [Text] : NBER working paper № 16592. – Cambridge: National bureau of economic research, 2010. – 33 p.

¹¹² Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике: монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – С. 20–21.

¹¹³ Основные результаты международного исследования PISA-2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.centeroko.ru/pisa15/pisa15_res.htm

ным высшим профессиональным образованием возросла почти на треть, а с незаконченным высшим – на 80%, в то время как контингент работников с начальным профессиональным образованием, напротив, сокращался¹¹⁴.

Несмотря на происходящие положительные изменения, центральный вопрос, который сохраняется, связан с тем, насколько имеющийся в современной российской экономике человеческий капитал по своим количественным и качественным характеристикам соответствует задачам модернизации и переориентации экономики на инновационный тип развития¹¹⁵. Проще говоря, достаточно ли российский работник сегодня образован, чтобы успешно справляться со своей работой¹¹⁶. Например, Э. Тоффлер пишет о том, что «... создание даже пяти миллионов рабочих мест не решит проблему, если один миллион безработных не обладает специфическими знаниями и квалификацией, необходимыми на новом рынке труда...»¹¹⁷. Даже в имеющихся условиях примерно каждый пятый российский работник испытывает потребность в профессиональной подготовке более высокого уровня, а доля населения, работающего не по полученной специальности, по некоторым расчетам составляет порядка 40–45%¹¹⁸. Аналогичная ситуация складывается и в целом по стране, и на региональном уровне.

Повышенное внимание уделяется не только знаниям, но и способности применять их на практике, участвовать в создании инноваций. В Вологодской области даже у более образованного населения такие навыки, как готовность к повышению профессионального уровня, наличие творческого подхода, сформированы в недостаточной степени (около 40% населения с высшим образованием оценивают уровень этих навыков как низкий).

Среди факторов, препятствующих развитию инновационных навыков, – материальное стимулирование. Например, совершенствование инициа-

¹¹⁴ Капельюшников Р.И. Структура российской рабочей силы: особенности и динамика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0277/analit04.php>

¹¹⁵ Капельюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения). – М.: Либеральная миссия, 2010. – С. 4.

¹¹⁶ Гимпельсон В.Е., Капельюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Уровень образования российских работников: оптимальный, избыточный, недостаточный? : препринт WP3/2010/09 [Текст]. – М.: ГУ ВШЭ, 2010. – С. 4 (64 с.)

¹¹⁷ Тоффлер Э, Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. – М.: АСТ МОСКВА: Профиздат, 2008.

¹¹⁸ Капельюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения). – М.: Либеральная миссия, 2010. – С. 50.

тивности и творческого подхода, а также навыка «умение переучиваться» фактически не обеспечивало улучшения материального благосостояния работников. В большей степени поощрялось совершенствование традиционных навыков (различия в оплате труда среди населения Вологодской области, у которого базовые профессиональные навыки развиты на уровне «выше среднего» и «ниже среднего», в 2014 г. составляло 1,5 раза, по дисциплинированности и исполнительности – 1,3 раза; табл. 2.33).

Таблица 2.33. **Результативность трудовой деятельности в зависимости от уровня развития компетенций, 2014 г.**

Навыки	Уровень развития навыков (оценка по 5-балльной шкале, баллов)	Производительность труда, средний балл	Средний размер заработной платы, руб.	Индекс социальной дееспособности, ед.
Общеобразовательные	Ниже среднего (1,2)	6,8	17579	0,604
	Средний (3)	7,1	17245	0,659
	Выше среднего (4,5)	7,9	19248	0,701
Базовые профессиональные	Ниже среднего (1,2)	6,2	12738	0,611
	Средний (3)	6,7	15862	0,653
	Выше среднего (4,5)	7,9	19288	0,693
Базовая компьютерная грамотность	Ниже среднего (1,2)	7,1	15260	0,618
	Средний (3)	7,2	17523	0,665
	Выше среднего (4,5)	7,8	19641	0,702
Уровень общей культуры	Ниже среднего (1,2)	6,9	17518	0,606
	Средний (3)	7,1	17570	0,647
	Выше среднего (4,5)	7,8	18795	0,697
Дисциплинированность, исполнительность	Ниже среднего (1,2)	6,3	14977	0,592
	Средний (3)	7,0	18013	0,646
	Выше среднего (4,5)	7,7	18678	0,690
Умение переучиваться, готовность к повышению профессионального уровня	Ниже среднего (1,2)	6,1	19530	0,593
	Средний (3)	7,0	16459	0,645
	Выше среднего (4,5)	7,8	18868	0,697
Инициативность, творческий подход	Ниже среднего (1,2)	6,3	19154	0,600
	Средний (3)	7,1	16590	0,654
	Выше среднего (4,5)	7,9	19107	0,701
Умение работать в коллективе, навыки общения и взаимопонимания	Ниже среднего (1,2)	6,4	17383	0,600
	Средний (3)	7,0	17075	0,649
	Выше среднего (4,5)	7,8	18830	0,692
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области.				

При невысоком уровне развития навыков, востребованных в условиях инновационной экономики, а также низкой мотивации к их совершенствованию, с одной стороны, и росту требований к этим навыкам со стороны

работодателей – с другой, разрыв между имеющимися и востребованными навыками будет увеличиваться. Так, в условиях, когда базовые профессиональные навыки находятся на уровне ниже среднего, выявлено и более низкое качество трудового потенциала, в первую очередь за счет когнитивных (разрыв составляет 0,110 ед.) и творческих (0,103 ед.) способностей.

Развитие базовых профессиональных навыков от уровня «ниже среднего» до «выше среднего» обеспечивает увеличение интегрального индекса качества трудового потенциала на 12% (с 0,611 до 0,693 ед.) и производительности труда в 1,27 раза (с 6,2 до 7,9 балла по 10-балльной шкале). В то время как совершенствование навыка «умение переучиваться» сопровождается большим, чем в первом случае, улучшением качества трудового потенциала (на 15%) и ростом производительности труда (в 1,29 раза). Схожая закономерность наблюдается и по таким навыкам, как «дисциплинированность и исполнительность», «инициативность, творческий подход». Соответственно можно заключить, что развитие компетенций, востребованных в инновационной экономике (готовность к повышению профессионального уровня, инициативность и творческий подход), по сравнению с совершенствованием традиционных навыков (базовые профессиональные навыки, дисциплинированность и исполнительность) позволяет достичь более высокого качества трудового потенциала и роста производительности труда.

Одна из гипотез исследования состоит в том, что уровень развития компетенций сопровождается не только ростом качества трудового потенциала и его более эффективной реализаций в трудовой деятельности, но и повышением инновационной активности.

Для доказательства этой гипотезы использовались данные пилотного опроса, проведенного в октябре 2015 г. и направленного на определение уровня развития компетенций студентов высших и средних профессиональных образовательных организаций г. Вологды. Выборочная совокупность составляла 500 человек и была сформирована с учетом удельного веса студентов той или иной образовательной организации в общей численности обучающихся. Поскольку в выборке численность обучающихся отдельных образовательных организаций, в частности некоторых СПО, была незначительной, важным условием был учет обучающихся с разной успеваемостью для предотвращения смещенности данных.

Результаты социологического опроса показали, что более развиты (4 балла по пятибалльной шкале) навыки общения и взаимопонимания,

готовность брать на себя ответственность и добиваться результатов, а также установка на карьерный успех и самостоятельную работу. Оценки хуже получили навыки прогнозирования и управления, способности к исследовательской работе, умение представлять свои работы в письменном виде на иностранном языке (табл. 2.34).

Таблица 2.34. **Средний уровень развития компетенций**, баллов, по пятибалльной шкале

Вариант ответа	Среднее	ВПО	СПО
Способность к общению, взаимодействию	4,0	4,0	4,0
Способность добиваться результатов	4,0	4,0	4,2
Способность брать на себя ответственность за выполнение задач	4,0	4,0	4,0
Способность к критике и самокритике	4,0	4,0	4,0
Способность учитывать нормы и ценности других культур	4,0	4,0	4,1
Установка на карьерный успех	4,0	4,0	4,1
Способность к самостоятельной работе	4,0	4,0	4,2
Компьютерная грамотность (знания и практические навыки при работе с персональным компьютером)	3,9	4,0	3,9
Способность определять цели деятельности	3,8	3,8	3,8
Умение анализировать конкретные ситуации	3,8	3,8	3,9
Мобильность, умение ориентироваться в быстро меняющихся условиях	3,8	3,8	4,0
Способность к нестандартным решениям	3,8	3,7	3,9
Креативность (творчество, изобретательство)	3,8	3,8	4,0
Умение систематизировать информацию	3,8	3,8	3,7
Решительность	3,7	3,8	3,7
Понимание профессиональных перспектив	3,7	3,7	3,7
Умение и желание постоянно учиться	3,7	3,7	3,8
Умение работать в условиях риска и неопределенности	3,7	3,7	3,8
Общая эрудированность (оперирование большим объемом информации, глубокие познания в какой-либо области науки, техники, искусства)	3,6	3,6	3,6
Способность общаться со специалистами из других областей	3,6	3,6	3,7
Умение прогнозировать (предвидеть)	3,5	3,6	3,5
Способность управлять людьми	3,5	3,5	3,6
Лидерские качества	3,5	3,5	3,6
Навыки управления проектами (знание особенностей проектной деятельности, знания, умения и навыки в отраслях, к которым относится проект, навыки общения и коммуникации с командой проекта и др.)	3,4	3,4	3,5
Способность к исследовательской работе (способность применять знания и методы исследования, формулировать проблему, цели, задачи исследования, представлять результаты исследования в форме научных докладов, статей)	3,4	3,4	3,4
Умение представлять свои работы в письменной форме на иностранных языках	2,3	2,3	2,3
Источник: данные пилотного социологического опроса об уровне развития компетенций студентов ВПО и СПО г. Вологды, 2015 г., N=500 чел.			

В исследовании выявлено, что по мере обучения уровень развития компетенций растет. Средний уровень развития компетенций у первокурсников составил 3,66 балла, обучающихся на последнем курсе – 3,76, у учащихся СПО – 3,71 и 3,83 балла соответственно.

Анализ распределения респондентов по уровню компетенций в зависимости от курса обучения показал, что среди студентов выпускного курса по сравнению с первокурсниками на 10% больше тех, кто имеет высокий уровень развития компетенций (3,66 балла и выше; табл. 2.35).

Таблица 2.35. Распределение студентов по уровню развития компетенций в зависимости от уровня профессионального образования и курса обучения, % (100% по столбцу)

Уровень развития компетенций (средний балл)	В целом по выборке	ВПО	В том числе:		СПО	В том числе:	
			первый курс	последний курс		первый курс	последний курс
Разбиение на 3 группы (деление шкалы от 1 до 5 на 3 равные группы)							
Низкий уровень (до 2,33)	2,0	2,1	4,2	0,0	1,9	3,6	0,0
Средний уровень (2,33...3,66)	39,6	40,9	42,9	38,8	33,7	37,5	29,2
Высокий уровень (выше 3,66)	58,4	57,0	52,9	61,2	64,4	58,9	70,8
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Источник: данные пилотного социологического опроса об уровне развития компетенций студентов ВПО и СПО г. Вологды, 2015 г., выборка – 500 чел.							

Вместе с тем в ряде случаев (компьютерная грамотность, умение анализировать конкретные ситуации, общая эрудированность, способность общаться со специалистами из других областей) уровень компетенций фактически не различается в зависимости от курса, а у студентов вузов к концу обучения по ряду позиций наблюдается даже незначительное ухудшение ситуации.

Результаты, схожие с прямыми оценками, получены и с использованием косвенных показателей, характеризующих успеваемость. Так, выявлено, что по мере обучения успеваемость растет (на 18%; табл. 2.36). Примерно в половине случаев студенты хорошо оценивают результаты своего обучения, однако среди учащихся ВПО таких оценок на 6% больше по сравнению со студентами СПО.

Полезность полученных во время обучения знаний и навыков оценивается высоко (в 80% случаев студенты ответили, что они полезны в достаточной степени). Причем большинство из тех, кто дает такие оценки, – студенты СПО. Это неудивительно в связи с большей направленностью их обучения на формирование практикоориентированных навыков.

Таблица 2.36. **Распределение ответов на вопросы об успеваемости, полезности знаний и навыков, полученных во время обучения, желании продолжить обучение, в % от числа ответивших**

Вариант ответа	Среднее	ВПО	СПО
<i>Успеваемость</i>			
Бывают неудовлетворительные оценки	12,0	11,1	13,4
Чаще удовлетворительные оценки	14,1	13,7	16,1
В основном хорошие оценки	46,5	45,9	45,5
Только хорошие и отличные оценки	25,7	27,6	23,2
Только отличные оценки	1,7	1,7	1,8
<i>Полезность знаний и навыков, полученных во время обучения</i>			
Очень полезны	34,1	32,6	36,0
Достаточно полезны	53,0	53,5	56,1
Не очень полезны	7,1	7,8	3,5
Почти бесполезны	2,2	2,8	0,9
Совсем бесполезны	1,0	1,4	0,0
Затрудняюсь ответить	2,4	1,9	3,5
<i>Желание продолжить обучение</i>			
Да	39,8	43,9	49,2
Скорее да	39,8	38,6	39,3
Нет	2,4	3,5	1,6
Скорее нет	10,8	7,9	3,3
Затрудняюсь ответить	7,1	6,1	6,6
Источник: данные пилотного социологического опроса об уровне развития компетенций студентов ВПО и СПО г. Вологды			

Схожие результаты содержатся в докладе Всемирного банка «Развитие навыков для инновационного роста в России», в котором отмечено, что примерно треть студентов на выпускных курсах приходят к выводу о недостаточности полученного образования для успешного трудоустройства. Обучение в вузе дает минимальный прирост во владении такими востребованными навыками, как умение работать в коллективе, лидерство и открытость новым идеям, навыки принятия решений¹¹⁹. Эти и ряд других компетенций (умение и желание постоянно учиться, компьютерная грамотность, креативность, умение работать в условиях риска и неопределенности, умение прогнозировать) наиболее востребованы в условиях инновационной экономики.

В контексте модернизации экономики важен не только уровень сформированных компетенций, но и умение применять их на практике. Очевидно, что в большей степени востребованы те навыки, которые необходимы в образовательном процессе (умение анализировать конкретные

¹¹⁹ Развитие навыков для инновационного роста в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2015/04/06/1096342275/russia_skills.pdf.

ситуации и систематизировать информацию; понимание профессиональных перспектив). В меньшей степени пользуются спросом инновационные навыки, однако частота их использования к выпускным курсам увеличивается. Студенты последних курсов вузов по сравнению с первокурсниками на 12% чаще применяют на постоянной основе общую эрудированность (среди учащихся СПО различие в использовании данного навыка в зависимости от курса обучения достигало 18%). Если сравнивать студентов вузов и СПО, то у первых такие инновационные навыки, как компьютерная грамотность, были востребованы на 17% чаще. Однако овладение ИТ-компетенциями происходило преимущественно в направлении коммуникаций, а не за счет профессионального обучения и повышения квалификации (в 60% случаев – за счет общения в чатах, блогах, форумах, отправки и получения электронной почты).

В рамках проведенного исследования для нас было значимо не только определение уровня развития компетенций, но и оценка их влияния на инновационную активность молодежи. К инновационно активным студентам, согласно исследованию, можно отнести 9% опрошенных (по результатам ответа на вопрос: «Приходилось ли в течение последнего года что-либо изобретать? Если да, то запатентованы ли эти изобретения и использовались ли они в практике?»). Это соотносится с уровнем инновационной активности по статистическим данным.

Результаты социологического опроса свидетельствуют о разной инновационной активности студентов вузов и средних профессиональных образовательных организаций. Несмотря на меньшую активность в инновационном плане первых, частота использования их изобретений в практической деятельности выше (57% случаев против 29%; табл. 2.37).

Разнятся и параметры, влияющие на инновационную активность. Студенты ВПО ключевую роль отводят образовательному уровню (такой позиции придерживаются более половины опрошенных); студенты СПО – наличию производственно-технической базы и взаимодействию с научными группами (по последнему фактору различие между студентами вузов и учащимися СПО достигает пяти раз). Однако как в том, так и в другом случае важна вовлеченность в научно-исследовательскую работу, в опытно-конструкторские разработки, в патентование изобретений. Участие в подобных мероприятиях связано с накоплением опыта осуществления инновационной деятельности, формированием кооперации в инновационной среде, что, предположительно, может оказывать положительное воздействие на инновационную активность.

Таблица 2.37. **Наличие изобретений и их патентование,**
в % от числа ответивших, имеющих изобретения

Вариант ответа	Среднее	ВПО	СПО
<i>Наличие изобретений и их патентование</i>			
Да, у меня есть изобретения и они запатентованы	0,8	1,1	0,0
Да, у меня есть изобретения, но они не запатентованы	8,3	7,2	12,3
Нет, у меня нет никаких изобретений	90,9	91,6	87,7
<i>Использование изобретений в практике</i>			
Используются в практической деятельности	46,7	56,7	28,6
Не используются в практической деятельности	37,8	33,3	50,0
Нет ответа	15,6	10,0	21,4
<i>Факторы, способствующие осуществлению изобретений</i>			
Уровень образования	47,7	55,2	28,6
Участие в стажировках, программах по обмену опытом	6,8	6,9	7,1
Участие в грантах научных фондов, конкурсах поддержки молодых ученых	2,3	3,4	0,0
Наличие производственно-технической базы (возможность использования лабораторного и иного оборудования и др.)	11,4	10,3	14,3
Возможность взаимодействия с научными группами (участие в конференциях, семинарах, научных проектах и др.)	6,8	3,4	14,3
Другое	25,0	20,7	35,7
Источник: данные пилотного социологического опроса об уровне развития компетенций студентов ВПО и СПО г. Вологды, 2015 г., выборка – 500 чел.			

Студенты вузов по сравнению с учащимися СПО более активно проявляют себя в этом направлении (вовлечены в НИР 45% против 27%). Кроме того, к последнему курсу вовлеченность студентов вузов в научно-исследовательскую работу возрастает на 17%. Факторами, мотивирующими к участию в этих мероприятиях, судя по оценке более трети опрошенных, является интерес к делу, направленность на постановку и решение проблем.

На инновационную активность молодежи влияют и социально-демографические параметры, один из которых – гендерный: у юношей практически вдвое чаще по сравнению с девушками имеются изобретения (64% против 36%; табл. 2.38).

Судя по результатам опроса, на инновационную активность также влияет образовательный уровень. Следствие этого является тот факт, что студенты с компетенциями на уровне 3,71 балла и выше чаще участвовали в создании изобретений. При этом развитие компетенций обычно положительно отражалось на разработке устройств и способов (создание новых или совершенствование существующих операций и приемов, использование новых приспособлений, инструментов; табл. 2.39).

Таблица 2.38. **Наличие инновационных разработок**, % по столбцу

Характеристики студентов	Наличие изобретений	
	Есть	Нет
<i>Пол</i>		
Мужской	64,4	39,1
Женский	35,6	60,9
<i>Образование</i>		
Неполное среднее	13,3	21,7
Средняя школа, в т.ч. ПТУ со средним образованием	37,8	32,4
Среднее специальное образование (техникум и др.)	20,0	8,7
Незавершенное высшее (не менее трех курсов вуза)	26,7	35,6
Высшее	2,2	1,6
<i>Соответствие профессии способностям и склонностям</i>		
Да; скорее да	71,1	73,8
Нет; скорее нет	26,7	17,9
Затрудняюсь ответить	2,2	8,3
<i>Соответствие профессии призванию</i>		
Да; скорее да	66,7	63,5
Нет; скорее нет	17,8	19,9
Затрудняюсь ответить	15,6	16,6
<i>Достаточность знаний, полученных во время обучения, для выполнения работы</i>		
Нет, мне полностью хватает имеющихся у меня знаний	20,0	20,2
Да, чувствую некоторую нехватку знаний, необходимость дополнительных знаний	73,3	69,1
Чувствую острую нехватку знаний, необходимость дополнительных знаний	6,7	10,7
<i>Желание продолжить обучение</i>		
Да; скорее да	86,7	79,0
Нет; скорее нет	13,3	13,2
Затрудняюсь ответить	0,0	7,8
<i>Участие в научно-исследовательской работе</i>		
Да	48,8	40,5
Нет	51,2	59,5
<i>Участие в работе над опытно-конструкторскими разработками и в патентовании изобретений</i>		
Да	11,6	2,5
Нет	88,4	97,5
Источник: данные пилотного социологического опроса уровня об уровне развития компетенций студентов ВПО и СПО г. Вологды, 2015 г., N=500 чел.		

Таблица 2.39. **Распределение молодых людей по наличию изобретений**, %

Уровень развития компетенций (средний балл)	Изобретательство		Вид изобретений			
	Есть изобретения	Нет изобретений	Устройство	Способ	Компьютер. программы	Методы и технологии
<i>Разбиение на основании среднего</i>						
Ниже среднего (до 3,71)	4,5	95,5	11,1	11,1	33,3	11,1
Выше среднего (3,71 и выше)	13,5	86,5	23,5	32,4	26,5	11,8
Источник: данные пилотного социологического опроса об уровне развития компетенций студентов ВПО и СПО г. Вологды, 2015 г., N=500 чел.						

В исследовании подтверждается предположение о большем влиянии на инновационную активность инновационных качеств, среди которых креативность (творчество, изобретательство), способность к исследовательской работе, навыки управления проектами. Различие в уровне развития инновационных компетенций (управление проектами, креативность, способность к исследовательской работе) в зависимости от наличия (отсутствия) разработок достигало 0,4–0,5 балла. По некоторым профессиональным и общекультурным компетенциям (способность к общению, взаимодействию, способность к критике и самокритике, установка на карьерный успех, способность учитывать нормы и ценности других культур) такая разница фактически отсутствовала.

Развитие компетенций воздействует на создание изобретений, но не является необходимым и достаточным условием для этого. В 96% случаев у студентов с невысоким уровнем компетенций отсутствовали изобретения, в то время как в обратной ситуации таких было только на 10% меньше.

На фактических данных в исследовании показано, что имеет место обратная зависимость: в случае наличия изобретений у молодых людей был выше уровень развития компетенций (3,93 балла против 3,69 балла при отсутствии разработок; рис. 2.13).

Рис. 2.13. Наличие изобретений и вид изобретений в зависимости от среднего уровня развития компетенций, средний балл по пятибалльной шкале

Выявлено также, что изобретения в 60% случаев обеспечивались за счет участия в инновационном процессе молодых людей с компетенциями в диапазоне 3,71–4,25 балла. Схожий результат получен и при анализе отдельных видов изобретений в зависимости от уровня развития компетенций (табл. 2.40).

Таблица 2.40. **Распределение молодых людей по наличию изобретений в зависимости от уровня развития компетенций, %**

Уровень развития компетенций (средний балл)	Изобретательство		Вид изобретений			
	Есть изобретения	Нет изобретений	Устройство	Способ	Компьют. программы	Методы и технологии
<i>Разбиение на основании среднего и стандартного отклонения</i>						
До 3,18	9,3	15,4	0,0	0,0	8,3	20,0
От 3,18 до 3,71	11,6	31,5	11,1	8,4	16,7	0,0
От 3,71 до 4,25	60,5	39,2	77,8	58,3	58,3	60,0
Больше 4,25	18,6	13,9	11,1	33,3	16,7	20,0
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Источник: пилотный социологический опрос об уровне развития компетенций студентов ВПО и СПО г. Вологда, 2015 г., N=500 чел.						

Таким образом, в исследовании показано, что в условиях модернизации экономики значительная роль отводится человеческого капиталу, в частности образовательному, профессиональному уровню и навыкам населения. Выявлено, что возможности для преобразований могут снижаться вследствие невысокого уровня развития инновационных навыков (инициативность, творческий подход, готовность к непрерывному повышению образовательного и профессионального уровня) по сравнению с дисциплинированностью, исполнительностью. На совершенствование первых не всегда влияет рост образовательного уровня, к этому следует добавить и невысокое материальное стимулирование их развития со стороны работодателей. Принимая во внимание этот факт, а также учитывая рост требований к этим навыкам со стороны работодателей, можно прогнозировать увеличение разрыва между их имеющимся и требуемым уровнем. Следует подчеркнуть, что в контексте модернизации экономики важен не только уровень сформированных компетенций, но и возможность их применения на практике. В исследовании показано, что среди студентов в большей степени востребованы навыки, необходимые в образовательном процессе (умение анализировать конкретные ситуации и систематизировать информацию, а также понимание профессиональных перспектив), в меньшей степени – инновационные навыки.

В свою очередь, необходимо отметить, что развитие навыков, востребованных в инновационной экономике (готовность к повышению профессионального уровня, инициативность и творческий подход), по сравнению с совершенствованием традиционных навыков (базовые профессиональные навыки, дисциплинированность и исполнительность) позволяет достичь более высокого качества трудового потенциала и роста производитель-

ности труда. Следует отметить и аналогичный характер их воздействия на инновационную активность молодежи. Так, различие в уровне развития инновационных компетенций студентов ВПО и СПО (управление проектами, креативность, способность к исследовательской работе) в зависимости от наличия (отсутствия) разработок достигало 0,4–0,5 балла. По некоторым профессиональным и общекультурным компетенциям такой разницы не выявлено.

Среди направлений мероприятий, обуславливающих эффективное воспроизводство компетенций, ключевая роль должна отводиться преодолению рассогласований между образовательной системой и рынком труда и повышению инновационной активности молодежи. В рамках первого направления целесообразным представляется формирование системы мониторинга текущих и перспективных потребностей работодателей в кадрах необходимой квалификации, развитие разных форм сотрудничества между образовательными организациями и работодателями для усиления практической нацеленности образования, а также усиление профориентационной работы в образовательных организациях разного уровня в части предоставления учащимся услуг по диагностике их способностей с акцентировкой на выборе направления деятельности в соответствии с уровнем развития навыков.

Для повышения инновационной активности молодежи целесообразно, на наш взгляд, увеличение вовлеченности студентов высших и средних профессиональных образовательных организаций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, усиление их практической направленности, создание «площадок» для разработки и реализации междисциплинарных исследовательских проектов, формирование условий для накопления общей эрудированности, исследовательских способностей, умения анализировать конкретные ситуации, способности общаться со специалистами из других областей.

ГЛАВА 3

КАЧЕСТВО ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Истоки творческой активности, способностей к созданию и освоению инноваций, а также характеристик трудового поведения следует искать в детстве. Именно в этот период закладывается тот потенциал, который во взрослой жизни будет определять индивидуальный социальный успех, а в более общем контексте – обеспеченность экономики квалифицированными кадрами, её конкурентоспособность. Безусловно, характеристики населения не единственный фактор экономического развития, однако его эффект масштабен, а корректировка воздействия занимает длительное время. Качество каждого нового поколения зависит от качества предшествующего, а также от функционирования всех систем общества. Существующий цикл «качество населения – качество социальных систем – качество управления – качество населения» не может быть разорван, поэтому его компоненты должны изменяться синхронно. Если целью социального развития остаётся достижение высокого качества жизни¹²⁰, то необходимы и улучшение здоровья населения, и повышение материального благосостояния, и обеспечение доступности основных социальных благ и услуг. Данные аспекты рассматриваются в работах многих отечественных учёных. Вопросы трансформации российского общества, социальной политики и социально-экономической адаптации населения, проблемы «качества населения» исследованы в трудах Е. Авраамовой, Е. Бреевой, И. Веселковой, Т. Заславской, В. Ильина, И. Катковой, Д. Львова, М. Можинной, Н. Марковой, И. Назаровой, Н. Римашевской, С. Рогачева, Н. Русановой, Т. Федоровой,

¹²⁰ Нагимова А.М. Государственное управление качеством жизни регионального социума: методология оценки эффективности : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08. – Уфа, 2011. – 46 с.

Л. Храпылиной¹²¹. Осознавая всю сложность взаимосвязей качества населения и динамики общественных изменений, акцентируем наше внимание на качестве детского населения, поскольку оно может служить маркером успешности социальных преобразований, а также основой для прогнозирования траектории будущего развития территории.

Качество детского населения – это прежде всего потенциал здоровья, творческих способностей и готовность к их реализации в будущей трудовой деятельности. Его оценка предполагает рассмотрение характеристик физического и психического здоровья, параметров развития детей, их интеллектуального потенциала. Сформированность перечисленных характеристик у детей разных возрастов может оцениваться только относительно показателей нормы, присущих данным периодам, поэтому и качество детского населения целесообразно рассматривать с дифференциацией по возрастам. Высокое качество детского населения в целом достигается, когда благополучна ситуация в каждой из возрастных групп. Рассматривая качество детского населения в возрасте до 4 лет, особое внимание мы уделяли характеристикам здоровья и физического развития. Для детей школьного возраста был добавлен блок анализа, связанный с оценкой психического здоровья, нервно-психического развития, а также наличием и реализацией творческих способностей. Сочетание в ходе исследования статистического и социологического подходов позволило сформулировать обоснованные выводы относительно трендов здоровья и развития детей, выявить факторы, определяющие качество детского населения региона. В завершающей части главы предложен ряд рекомендаций, направленных на снижение или устранение факторов, негативно воздействующих на качество детского населения.

3.1. Динамика здоровья детей: данные статистического учёта

Остановимся более подробно на анализе здоровья подрастающего поколения, как одной из фундаментальных характеристик его качества. Исследование здоровья детей остаётся актуальным в силу продолжающегося демографического старения населения страны, снижения общественного здоровья. В перспективе нескольких поколений потери здоровья нынешних детей означают растущие в геометрической прогрессии экономические потери вследствие снижения репродуктивного потенциала населения и увеличения расходов государства и общества на здравоохранение. Изуче-

¹²¹ Шабунова А.А. Общественное и индивидуальное здоровье в современной России: состояние и динамика : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. – М., 2011. – 43 с.

нию детского здоровья посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных учёных. Наиболее авторитетными исследователями данной темы в России являются Е. Андриюшина, А. Баранов, Г. Вельтищев, И. Веселкова, Е. Бреева, С. Громбарх, И. Журавлева, О. Кислицина, Ю. Лисичин, В. Родионов, Г. Онищенко. Среди зарубежных работ особый интерес представляет уникальное исследование Центра лонгитюдных исследований Института образования Лондонского университета на основе мультидисциплинарного мониторинга здоровья людей, родившихся в Англии, Шотландии и Уэльсе в течение одной недели марта 1958 года (НИРД, 1958 г.). Именно этот опыт послужил прообразом мониторинга здоровья детского населения, который по предложению профессора Н. Римашевской и под ее руководством в 1995 году был начат в Вологодской области. Некоторые его результаты представлены в данной работе, а также в тематических монографиях ИСЭРТ РАН.

Основным источником объективных данных о состоянии здоровья детского населения остаётся государственная статистика. В научных трудах, посвящённых изучению здоровья детского населения, используются показатели заболеваемости по основным возрастным группам, заболеваемости по причинам болезней, общей заболеваемости, первичной заболеваемости, общей инвалидности, первичного выхода на инвалидность, инвалидности по причинам, возрастным группам.

Начать рассмотрение состояния здоровья детей уместно с анализа динамики показателя заболеваемости новорожденных. По данным государственной статистики, в России в 2013 году его уровень составил 33% (рис. 3.1). Это значит, что среди детей, родившихся живыми, уже около трети имели нарушения здоровья. Смягчает ситуацию только тренд на снижение рассматриваемого показателя, наметившийся с 2005 года. В Вологодской области регистрируемый уровень заболеваемости новорождённых в 2013 году был ниже общероссийского на 5 п.п. В регионе постепенное снижение значений показателя наблюдается с 2010 года. В 2015 году родились больными или заболели в ближайшее после рождения время около 27% детей, что меньше, чем в 2000 г., на 13 п. п. До 2002 г. включительно заболеваемость в области была выше, чем по стране, однако уже в 2003 г. ситуация изменилась в обратную сторону. Следует отметить, что заболевания, перенесённые в младенчестве, могут подрывать здоровье человека всю последующую жизнь. Поэтому регистрируемая в стране и регионе высокая заболеваемость новорожденных является угрозой для общественного здоровья и развития соответствующих территорий.

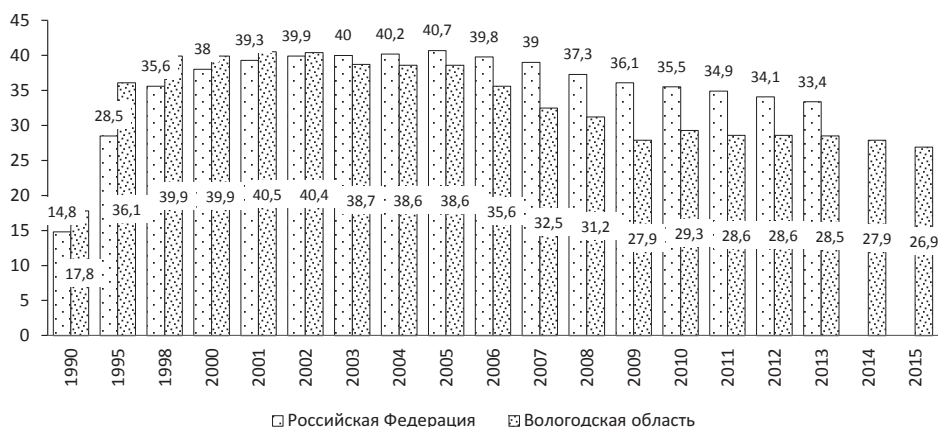

Рис. 3.1. **Заболеваемость новорожденных детей, в % от числа родившихся живыми**

Источники: Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare; Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 1999–2015 гг.: стат. сб. – Вологда: Департамент здравоохранения Вологодской области, ГУЗ ДЗ ВО «МИАЦ», 1999–2016.

Наблюдаемое в Вологодской области снижение показателя заболеваемости новорожденных может являться результатом реализации областной целевой программы «Здоровый ребенок» и приоритетного национального проекта «Здоровье», в рамках которых проводится скрининг беременных женщин и неонатальный скрининг¹²². По данным статистики, в 2015 г. в России неонатальным скринингом было охвачено 94%, в Вологодской области – 96% новорожденных (табл. 3.1). Благодаря проведению обследования в Российской Федерации в 2015 г. выявлено 226 детей, страдающих фенилкетонурией, 374 ребёнка с врождённым гипотиреозом, 166 детей с муковисцидозом, 165 – с адреногенитальным синдромом, 65 – с галактоземией. В Вологодской области случаи названных заболеваний редки, но стабильно выявляются практически каждый год.

В отличие от ситуации с новорожденными, заболеваемость детей до 14 лет растет. В Российской Федерации значение показателя в 2014 году достигло величины 183499,4 случаев на 100 тысяч детского населения (рис. 3.2). Это означает, что на каждого ребёнка в данной возрастной группе за прошедший год приходилось по 1,8 случая заболевания. Очень медленное снижение детской заболеваемости наблюдается с 2011 года. Однако

¹²² Официальный сайт Департамента здравоохранения Вологодской области. – URL: <http://depzdrav.gov35.ru/>

Таблица 3.1. **Охват детей неонатальным скринингом**, число новорожденных, поступивших под наблюдение медицинских организаций, от общего числа новорожденных

Год	2010		2012		2014		2015	
Территория	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО
Охват скринингом, %	93,0	95,5	93,1	95,4	94,0	96,7	93,6	95,9
<i>из числа новорожденных, поступивших под наблюдение, обследовано (человек) на:</i>								
фенилкетонурию	1589312	14322	1698211	15786	1777565	15533	1778368	15410
врожденный гипотиреоз	1584948	14322	1716405	15786	1776502	15533	1778854	15411
адрено-генитальный синдром	1565747	14298	1695399	15786	1776517	15533	1778487	15411
галактоземию	1566910	14232	1707852	15786	1746343	15533	1748569	15411
муковисцидоз	1543079	14238	1690276	15493	1766729	15291	1767682	15192
<i>из них выявлено пациентов (человек), с диагнозом:</i>								
фенилкетонурия	213	5	956	3	247	5	226	2
врожденный гипотиреоз	398	2	445	6	455	3	374	4
адрено-генитальный синдром	190	0	154	2	147	0	165	2
галактоземия	53	2	59	2	66	2	65	2
муковисцидоз	148	3	159	3	151	0	166	1

Источник: Охват детей неонатальным скринингом // ФCGC. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

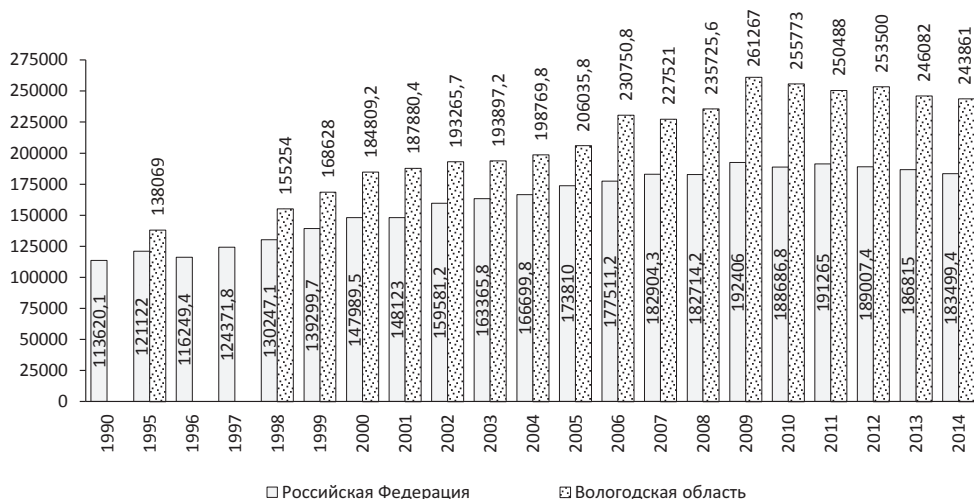

Рис. 3.2. **Заболеваемость детей в возрасте от 0 до 14 лет**, на 100 тыс. населения соответствующего возраста

Источники: ФCGC. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/#; Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 1999–2015 гг.: стат. сб. – Вологда: Департамент здравоохранения Вологодской области, ГУЗ ДЗ ВО «МИАЦ», 1999–2016.

общая картина такова, что показатель заболеваемости, зарегистрированный в 2000 году, остаётся ниже текущего значения: за рассматриваемый период он вырос в 1,2 раза. В Вологодской области за 2000 – 2015 г. значение показателя увеличилось в 1,3 раза, причем на протяжении периода с 2000 по 2014 г. заболеваемость в регионе была значительно выше средней по России.

Здоровье детей во многом зависит от уровня организации профилактических осмотров и своевременной постановки диагноза. В 2011 г. в Вологодской области в рамках Национального проекта «Здоровье» было обследовано 6133 подростка в возрасте 14 лет. По результатам обследований только 8% подростков имели первую группу здоровья, 48% – вторую, 44% – третью группу здоровья.

Большую озабоченность вызывает состояние здоровья подростков 15–17 лет. В России за период с 2000 по 2014 г. показатель заболеваемости в данной возрастной группе вырос в 1,6 раза (рис. 3.3). В Вологодской области уровень заболеваемости детей подросткового возраста за 2000 – 2015 гг. увеличился в 1,3 раза.

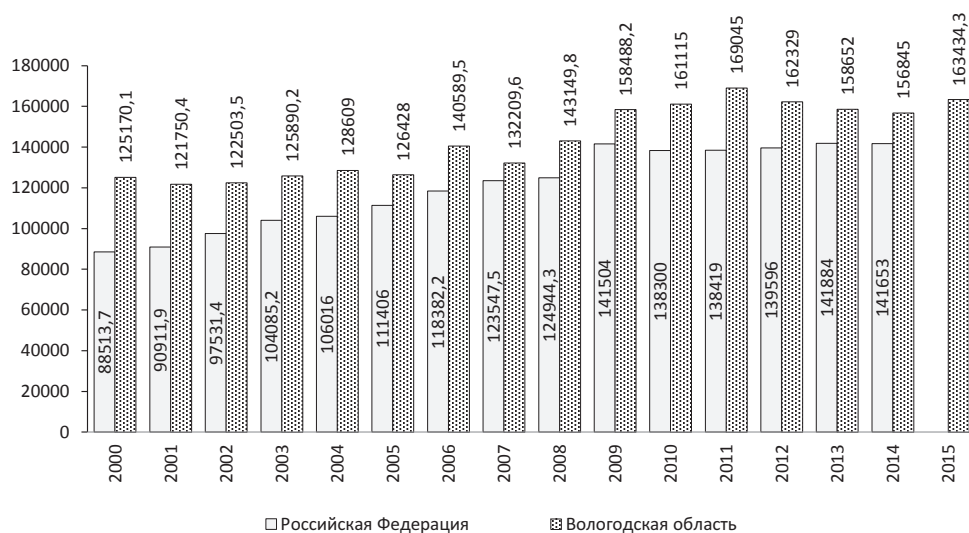

Рис. 3.3. **Заболеваемость подростков в возрасте от 15 до 17 лет, на 100 тыс. населения соответствующего возраста**

Источники: Здоровоохранение в России. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 365 с.; Молодежь в России. 2010: стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. – 166 с.; Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2000–2012 год: стат. сб. – Вологда: Департамент здравоохранения Вологодской области, ГУЗ ДЗ ВО «МИАЦ», 2000–2012.

Важным аспектом оценки детского здоровья является территориальная дифференциация показателей. За 2000–2014 г. детская заболеваемость выросла во всех федеральных округах России (табл. 3.2). Следует отметить, что её уровень в Северо-Западном федеральном округе на протяжении этих лет был выше, чем в других федеральных округах и в среднем по России. Показатель заболеваемости детей в Вологодской области, в свою очередь, превышал аналогичный показатель в Северо-Западном федеральном округе и стране в целом. В 2014 г. область занимала четвёртое место в своём округе по детской заболеваемости, уступая только Архангельской области, Ненецкому автономному округу, республикам Коми и Карелия, с заметным опережением общероссийского показателя.

Таблица 3.2. **Заболеваемость детей в возрасте от 0 до 14 лет по округам Российской Федерации, на 100 тыс. населения соответствующего возраста**

Территория	2000	2010	2011	2013	2014	2014 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	147990	188687	191265	189135	183499	124
Центральный ФО	166360	205274	203619	192858	190393	114
Северо-Западный ФО	172810	238162	239033	232717	227925	132
Республика Карелия	178900	247140	252947	262189	265590	148
Республика Коми	219080	267345	273608	282936	282460	129
Архангельская область	187130	278206	286404	268351	266155	142
в том числе Ненецкий АО	250660	373362	368374	358529	332882	133
Вологодская область	184809	255773	250488	246082	237157	128
Калининградская область	120200	238103	228581	220254	198516	165
Ленинградская область	131410	167354	153281	146678	159368	121
Мурманская область	209940	248210	236652	241342	235735	112
Новгородская область	178370	233200	229183	207624	209277	117
Псковская область	130450	194827	204056	201681	187834	144
г. Санкт-Петербург	170910	240550	250446	241185	232895	136
Южный ФО*	112320	162302	165344	162566	153590	137
Северо-Кавказский	Н/Д	102322	10498	111552	111297	Н/Д
Приволжский ФО	149100	207087	210675	208912	205144	138
Уральский ФО	160270	197104	201183	197949	187855	117
Сибирский ФО	134330	176612	182558	181258	175265	130
Дальневосточный ФО	149030	212507	224070	218306	208272	140

* С 2010 г. без учета республик Северо-Кавказского федерального округа.
 Источники: Число заболеваний детей в возрасте 0–14 лет с впервые установленным диагнозом на 100000 детей (человек) // Центральная база статистических данных сайт. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=2322082>
 Примечание: ФО – федеральный округ, Н/Д – нет данных.

Показатель заболеваемости среди детей подросткового возраста (15–17 лет) в 2000 – 2013 гг. также вырос во всех округах РФ (табл. 3.3). Рост среднероссийского показателя составил 56%. В Вологодской области прирост заболеваемости был ниже как в сравнении с другими регионами округа, так и с Россией в целом.

Таблица 3.3. **Заболеваемость подростков в возрасте от 15 до 17 лет по округам Российской Федерации**, на 100 тыс. населения соответствующего возраста

Территория	Год*				
	2000	2011	2012	2013	2013 г. к 2000 г., %
Российская Федерация	90912	141133	139596	141884	156
Северо-Западный федеральный округ	103290	168495	168403	165599	160
Республика Карелия	113730	218375	206834	207143	182
Республика Коми	122700	191733	191892	185012	151
Архангельская область	110250	218153	210273	192827	175
в том числе Ненецкий авт. округ	75920	336184	294621	271689	358
Вологодская область*	125170	169045	162329	158652	127
Калининградская область	82390	137315	141880	142880	173
Ленинградская область	73300	114971	112823	104852	143
Мурманская область	104720	176643	172132	176664	169
Новгородская область	121480	178082	172411	165136	136
Псковская область	73040	139524	152045	137449	188
г. Санкт-Петербург	104490	168546	173435	176962	169

* Данные за 2010 и 2014 год отсутствуют.
 Источник: Здравоохранение в России / Официальный сайт ФГГС. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919134734

Рассматривая здоровье детей, важно учитывать структуру заболеваемости по причинам. В России на первых местах по величине показателя заболеваемости среди детей 0–14 лет в 2013 г. находились болезни органов дыхания, травмы, отравления и другие последствия воздействий внешних причин, болезни кожи и подкожной клетчатки (табл. 3.4); в Вологодской области – болезни органов дыхания, травмы, отравления и другие последствия воздействий внешних причин, некоторые инфекционные и паразитарные болезни. В 2015 г. список ведущих причин заболеваний в регионе не изменился: болезни органов дыхания (167563,3 случая на 100 тыс. чел. соответствующего возраста), травмы и отравления (15372,2 случая на 100 тыс. чел.), инфекционные и паразитарные болезни (11311,6 случая на 100 тыс. чел.)¹²³.

¹²³ Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2000–2013 год: стат. сб. – Вологда: Департамент здравоохранения Вологодской области, ГУЗ ДЗ ВО «МИАЦ», 2001–2014.

Таблица 3.4. **Сравнительные показатели заболеваемости детей в возрасте от 0 до 14 лет в Российской Федерации (РФ) и Вологодской области (ВО), на 100 тыс. населения соответствующего возраста**

Классы болезней	2000 г.		2013 г.		Прирост / снижение, %		Ранг*	
	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО
Болезни органов дыхания	87805,6	113671,2	119829	161755	36%	42%	1	1
Травмы, отравления и др. последствия воздействия внешних причин	9146,6	10163,4	10708	14578	17%	43%	2	2
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	н/д	н/д	7939	12283	–	–	5	3
Болезни кожи и подкожной клетчатки	7228,8	7165,3	8667	10833	20%	51%	3	4
Болезни органов пищеварения	6538,7	6282,9	8242	8439	26%	34%	4	5
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	2904	2857,5	3700	3697	27%	29%	6	6
Болезни мочеполовой системы	2062,4	1399,4	3151	2605	53%	86%	7	7
Болезни крови, кроветворных органов	1210,4	2112,1	1538	2049	27%	-3%	9	8
Болезни эндокринной системы	1501,2	2375,5	1558	1834	4%	-23%	8	9
Новообразования	228,4	216,5	483	453	111%	109%	10	10
* Ранжировано по заболеваемости в 2013 г. Источники: Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2010 год: стат. сб. – Вологда: Департамент здравоохранения Вологодской области, ГУЗ ДЗ ВО «МИАЦ», 2011.; Здравоохранение в России / Официальный сайт ФГС. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139919134734								

В динамике за 2000–2014 гг. в Вологодской области выявлен рост первичной заболеваемости детей в возрасте от 0 до 14 лет: сахарным диабетом – в 3,8 раза; болезнями органов пищеварения – в 2,2 раза; болезнями мочеполовой системы, врожденными аномалиями и хромосомными нарушениями – в 2 раза; новообразованиями – в 2 раза; болезнями костно-мышечной системы – в 1,9 раза. При этом первичная заболеваемость болезнями нервной системы снизилась почти в 2 раза, психическими заболеваниями – в 3 раза¹²⁴.

¹²⁴ Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2000–2013 год.

Наиболее высокая частота первичной заболеваемости подростков в 2015 году была связана с болезнями органов дыхания (96376,3 случая на 100 тыс. чел.), на втором месте – травмы и отравления (18093,4 на 100 тыс. чел.), на третьем – болезни кожи и подкожной клетчатки (12654,7 случая на 100 тыс. чел.) и др. За 1995–2014 гг. в четыре раза увеличилась частота первичной заболеваемости сахарным диабетом, в 2,2 раза – болезнями мочеполовой системы, крови и кроветворных органов¹²⁵.

Врожденные пороки и заболеваемость детей находят свое отражение в показателях инвалидности. Поэтому важным индикатором состояния здоровья населения является его инвалидизация. В Вологодской области, как и в Российской Федерации, в 2000–2007 гг. отмечалось снижение показателя детской инвалидности (на 11% – по стране в целом, на 4% – в регионе; рис. 3.4). С 2012 г. среднероссийское значение показателя стало повышаться и к 2014 г. достигло 1976 случаев на 100 тыс. населения в возрасте от 0 до 17 лет. В Вологодской области рост показателя начался на два года раньше.

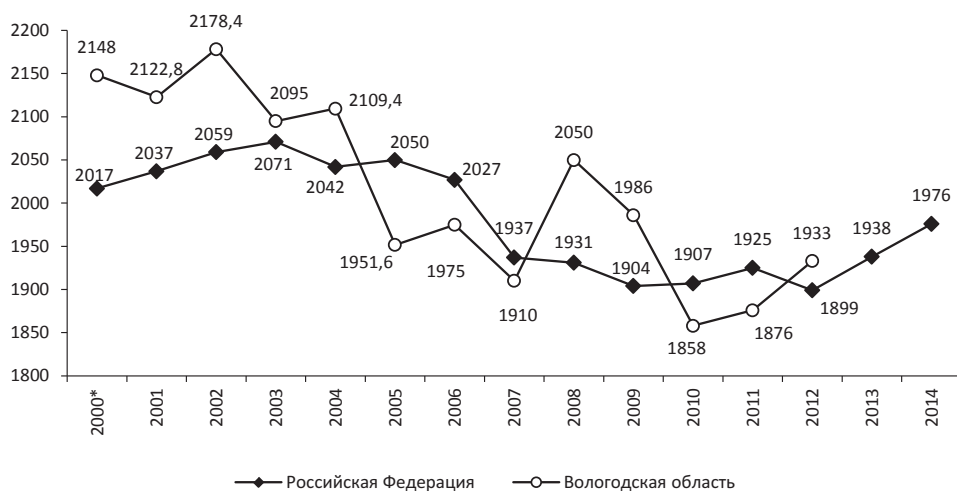

Рис. 3.4. Численность детей-инвалидов в возрасте от 0 до 17 лет, человек на 100 тыс. детей

* В 2000 г. в возрасте 0–15 лет.

Источники: Здравоохранение в России: стат. сб. / Росстат. – М., 1998, 2000, 2011; Основные показатели здоровья матери и ребенка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации: стат. сб. / Министерство здравоохранения. – М., 2012. – 190 с.

¹²⁵ Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2000–2013 год.

В возрастной структуре детской инвалидности в регионе наибольший удельный вес составляют дети в возрасте от 10 до 14 лет – 1407 чел. (31,5%). В структуре причин инвалидности детей в 2013 г. на первом месте были психические расстройства (24%), на втором – болезни нервной системы (22%), на третьем месте – врожденные аномалии (21,8%)¹²⁶.

Таким образом, статистически фиксируемые показатели здоровья детского населения Вологодской области ухудшаются. Если в ближайшее время не будут существенно изменены факторы, влияющие на здоровье, следует ожидать дальнейшего усугубления ситуации.

Здоровье в совокупности с другими факторами определяет не только возможности индивида, но и потенциал страны. Результаты исследований свидетельствуют о том, что снижение общественного здоровья связано с особой уязвимостью новых поколений. Поэтому так важно исследование качества детского населения и эффективности государственной поддержки здоровья и развития подрастающего поколения¹²⁷.

Учитывая ограниченность картины состояния здоровья детей, полученной на основе данных государственной статистики, можно отметить, что важным является также использование оценок состояния индивидуального здоровья, полученных в результате социологического исследования. На качественно ином уровне помогает увидеть здоровье детей и подростков медико-социологическое мониторинговое исследование «Изучение условий формирования здорового поколения», проводимое ИСЭРТ РАН с 1995 г.

3.2. Здоровье детей в раннем детстве

Наше исследование опирается на периодизацию детства, предложенную Д.Б. Элькониным. Она основана на выделении особенностей динамики и направленности развития детей на каждом из этапов их взросления. В зависимости от преобладания деятельности связанной с освоением отношений «человек–предмет» или «человек–человек», а также от степени расхождения результатов развития по каждому из этих направлений друг с другом он выделил три эпохи детства, каждая из которых состоит из двух периодов (табл. 3.5).

¹²⁶ Дети-инвалиды по заболеваниям, обусловившим возникновение инвалидности.

¹²⁷ Шабунова А.А., Кондакова Н.А. Здоровье и развитие детей: итоги 20-летнего мониторинга // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – №5(35). – С. 33–54.

Таблица 3.5. Периодизация детства

Эпоха детства	Период	Возрастные границы	Ведущий вид деятельности / новообразование периода
Раннее детство	Младенчество	0–1 год	Непосредственное эмоциональное общение/ потребность в общении с другими людьми
	Раннее детство	1–3 года	Предметно-орудийная/речь, наглядно-действенное мышление
Детство	Дошкольное	3–7 лет	Ролевая игра/стремление к общественно значимой и общественно оцениваемой деятельности
	Младшее школьное	7–11 лет	Учение/произвольность психических явлений, внутреннее планирование, рефлексия
Подростничество	Подростковый возраст	11–15 лет	Общение в системе общественно-полезной деятельности/умение подчиняться нормам коллективной жизни
	Старший школьный возраст	15–17 лет	Учебно-профессиональная/мировоззрение, профессиональные интересы, самосознание, мечты, идеалы
Составлено по: Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.			

Согласно этой системе раннее детство включает периоды младенчества и раннего детства. Особенность этих периодов – ярко выраженная зависимость ребёнка от окружающих условий и людей. Рассмотрим насколько благоприятные условия сложились в семьях с детьми этого возраста, а также какие характеристики присущи детям в период раннего детства, на примере когорт, принимающих участие в мониторинге «Изучение условий формирования здорового поколения», проводимом ИСЭРТ РАН.

Идею проведения мониторинга в Вологодской области предложила член-корреспондент РАН Н.М. Римащевская, занимавшая в то время (1995 год) должность директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН. Прообразом этой идеи стало исследование здоровья и развития детей (NCDS), начатое в Великобритании в 1958 г. Национальным учреждением детства (NCB), а с 1985 г. продолженное Центром многолетних исследований (CLS)¹²⁸. Обратившись к данному исследованию, еще в 1980 г. ИСЭПН РАН апробировал его аналог на примере г. Таганрога. В Вологодской области мониторинг был начат в середине 90-х лет прошлого века.

Медико-социологический мониторинг – это ежегодное обследование здоровья когорт детей, попавших в выборку исследования: все семьи, в которых в течение двух первых недель марта родились дети. Среди

¹²⁸ Now we are 50: Key findings from the National Child Development Study. Edited by Jane Elliott and Romesh Vaitilingam. London: The Centre for Longitudinal Studies, 2008.

территорий, охваченных мониторингом, присутствуют крупные города области (Вологда, Череповец), районные центры (Великий Устюг, Кириллов) и поселок городского типа (Вожега). Основным методическим инструментарием мониторинга является анкетирование участников по месту жительства. До достижения ребенком возраста 10 лет в опросе принимает участие один из его родителей, а затем участвует и родитель, и он сам. Также проводится опрос тех врачей-педиатров, на учёте у которых состоит каждый из детей.

К настоящему времени в мониторинге задействованы пять когорт семей (дети 1995, 1998, 2001 и 2004, 2014 годов рождения). **Когорта детей 2014 г.р. была сформирована благодаря финансовой поддержке Российского научного фонда.** Следует отметить, что репрезентативность полученных научных обобщений определяет объём выборки. Поэтому очень важной, но очень сложной задачей является сохранение численности отобранных когорт. Это требует значительных ресурсов и большого объёма организационной работы. На протяжении всего периода мониторинга наблюдалось неуклонное снижение численности участников, особенно сильно проявляющееся после достижения детьми школьного возраста. **Дополнительное финансирование, полученное в рамках гранта РНФ, позволило в 2016 году провести целый ряд мероприятий, направленных на сохранение выборки:** был увеличен объём оплаты труда анкетёров; для участников подготовлены информационные буклеты, в которых были представлены: основные итоги исследования за 1995–2015 годы, отзывы родителей и педиатров, контакты специалистов ИСЭРТ РАН для обеспечения обратной связи. Участники опроса проявили активность, предложив несколько нововведений для оптимизации взаимодействия и ускорения сбора данных. Все перечисленные меры помогли предотвратить сокращение числа участников опроса среди семей с детьми 2014 г.р., а также способствовали возврату в исследование тех семей, которые в предшествующий год отказывались от участия. Выборка двухлетних детей, полученная в 2016 году, стала наиболее многочисленной за все периоды наблюдения – 194 человека (рис. 3.5).

В 2014 году в состав новой когорты вошли 567 новорожденных, из которых только 370 были жителями территорий, отобранных для анализа. Первые потери объёма выборки, таким образом, были обусловлены объективными причинами: женщины, приехавшие из районов области в роддома г. Вологды, Череповца, В. Устюга и Кириллова, после родов возвратились на место постоянного проживания и были исключены из числа участников мониторинга.

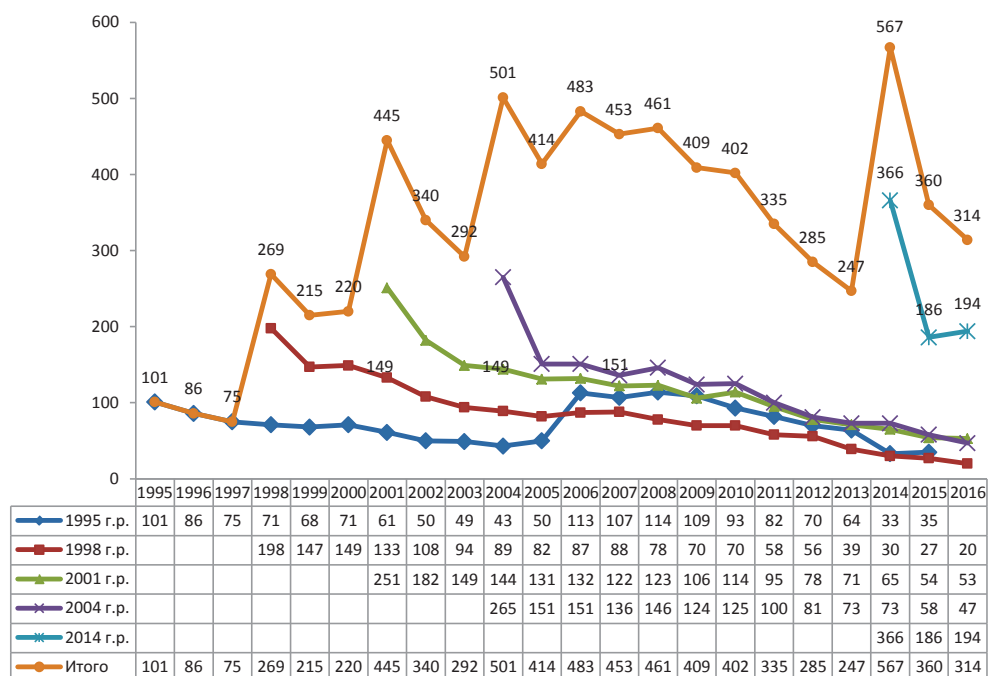

Рис. 3.5. Численность детей, участвующих в мониторинге, человек

Результаты исследований показали, что здоровье детей в первую очередь зависит от состояния здоровья и условий жизни родителей. Чем лучше здоровье женщин репродуктивного возраста, тем больше вероятность того, что их дети будут здоровы. Наилучшие шансы родить здорового ребёнка имеют молодые женщины. Однако в России средний возраст матери при рождении ребёнка в течение последних 19 лет увеличивается¹²⁹ (согласно официальной статистике, в 2014 году в России этот показатель составлял 28,1 года). Судя по данным мониторинга, такая же тенденция характерна и для Вологодской области, где рассматриваемый показатель равен 28,5 года (табл. 3.6). Практически треть выборки 2014 г. (29%) составляли женщины в возрасте 25–29 лет. Средний возраст отцов – 33,5 года, наибольшее количество мужчин относились к возрастной категории 25–29 лет.

¹²⁹ Демографический ежегодник России, 2015. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/demo15.pdf

Таблица 3.6. **Социальный портрет семей когорты 2014 г.р.; Вологодская область,**
в % от числа опрошенных

Показатель	Среднее		Вологда		Череповец		Районы	
	2014 г.	1995 г.	2014 г.	1995 г.	2014 г.	1995 г.	2014 г.	1995 г.
Возраст матери, лет	28,5	24,7	28,6	25,9	28,7	23,7	27,5	24,2
Возраст отца, лет	33,5	22,6	31,3	21,2	31	21,6	28,9	26,1
Тип семьи, %*:								
- полная	93,2	83	89	83	97,3	83	97,5	85
- неполная	6,8	17	11	17	2,7	17	2,5	15
Наличие других детей, %	51	56	45	59	55	33	62,5	82
Многодетные семьи, %	12	4	11	3	12	0	20	7

* Тип семьи определялся на основе ответов респондентов о лицах, проживающих с ними на одной жилплощади.

Как видно из приведённых данных, большинство детей (93%) из когорты 2014 года родились в полных семьях. Половина семей при этом уже имели в своем составе детей. Более характерным наличие старшего ребенка оказалось для семей из районов области (63%; в городах – 50%). По сравнению с выборкой 1995 года стало больше многодетных и меньше неполных семей.

Наблюдение за детьми и их семьями показало рост образовательного уровня родителей. В 1995 году среди матерей новорожденных высшее образование имели 12%, в 2014 году – 45%, среди отцов – 11% против 32% (табл. 3.7). Эта тенденция является прямым отражением массовизации высшего образования, фиксируемой в последние два десятилетия¹³⁰.

Таблица 3.7. **Характеристика уровня образования родителей детей когорты 2014 года,**
в % от числа опрошенных

Образование	Когорта 1995 г.р.		Когорта 1998 г.р.		Когорта 2001 г.р.		Когорта 2004 г.р.		Когорта 2014 г.р.	
	Мать	Отец	Мать	Отец	Мать	Отец	Мать	Отец	Мать	Отец
Высшее	12	11	17	16	15	16	26	22	45	32
Незаконченное высшее	7	4	7	5	8	6	12	9	5	5
Среднее профессиональное	57	39	52	42	55	44	39	40	27	32
Среднее общее	20	20	18	19	15	14	13	11	9	7
Основное общее	–	–	5	4	–	–	–	–	10	14
Начальное общее	–	–	–	–	–	–	–	–	2	4
ПТУ без среднего образования	4	2	1	2	5	7	8	6	–	–

Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 1995, 1998, 2001, 2004, 2014 гг.

¹³⁰ Костина А.В. Массовизация образования – массовизация общества / А.В. Костина // Высшее образование для XXI века: X Международная научная конференция, Москва, 14–16 ноября 2013 г. : Доклады и материалы. Секция 1. Философия образования / отв. ред. А.В. Костина, В.А. Луков. – М.: Моск. гуманит. ун-т, 2013. – Вып. 2. – 72 с.

В 2014 году большинство родителей новорожденных (84%) на момент зачатия ребёнка работали по найму. Этот факт в совокупности с тенденцией увеличения среднего возраста мужчин и женщин при рождении ребёнка и ростом доли людей с высшим образованием среди родителей детей исследуемой когорты соответствует ситуации, характерной для большинства развитых стран: приоритетным для молодёжи становится получение образования и построение карьеры, а не рождение детей. По данным, приводимым М. Кастельсом, социально-экономическая сфера в развитых странах опирается именно на образованных людей в возрасте 25–40 лет¹³¹, что в итоге обуславливает формирование прогрессивных тенденций социетального масштаба.

В целом в регионе складывается **благоприятный портрет современного родительства**. Большинство семей с новорожденными детьми в 2014 г. имели постоянный источник дохода, высокий человеческий капитал, что необходимо для воспитания детей.

Исследование когорты 2014 г. показало, что в целом благосостояние семей улучшилось. В 35% семей «денег было достаточно для приобретения необходимых продуктов питания и одежды», хотя в 1995 году таких было на 8,8 п.п. меньше (табл. 3.8). Если двадцать лет назад среди ответов опрашиваемых семей на вопрос анкеты преобладала позиция «денег хватает только на приобретение продуктов питания» (53%), то сегодня доля таких ответов снизилась в 1,6 раза (31%). Существенно возросла доля обеспеченных семей (0% в 1995 г. против 23% в 2014 г.). Об улучшении материального положения семей с детьми свидетельствует также сокращение доли бедных в выборке с 12% в 1995 году до 7% в 2014 году.

Таблица 3.8. **Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, возможности удовлетворения потребностей Вашей семьи исходя из её совокупного дохода», в % от числа опрошенных**

Оценка	1995	1998	2001	2004	2014
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	0,0	1,5	4,6	8,7	22,8
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	26,5	37,7	38,8	41,5	35,3
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	53,1	36,7	35,4	27,2	31,4
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги	12,2	14,1	6,9	5,7	6,5

¹³¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. / под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

В то же время материальное положение семей выборки 2014 г. характеризуется нестабильностью. В течение двух лет с 23 до 9% сократилась доля семей, способных полностью удовлетворять свои потребности (табл. 3.9). Можно предположить, что после рождения ребёнка материальное положение семей, ранее считавших себя обеспеченными, ухудшилось. Существенно увеличилась (с 35 до 64%) доля тех, кто оценивает свой уровень доходов как достаточный для приобретения необходимой одежды и продуктов питания. Вместе с тем для семей, доходы которых до рождения ребёнка обеспечивали только приобретение продуктов питания, рассматриваемый период был благоприятен: доля таких семей в выборке сократилась с 31 до 16%.

Таблица 3.9. **Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, возможности удовлетворения потребности Вашей семьи исходя из её совокупного дохода», в 2016 г., в % от числа родителей детей когорты 2014 г.р.**

Вариант ответа	Возраст детей		
	Новорожденные	1 год	2 года
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чём себе не отказывать	23	10	9
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	35	64	64
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	31	13	16
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги	7	7	6
Затрудняюсь ответить	4	6	5

46% семей этой когорты имеют душевой доход менее одного прожиточного минимума, 47% – на уровне от одного до двух прожиточных минимумов¹³². Величина среднедушевого дохода семей с детьми 2014 г.р. за 2 года также изменилась. По результатам опроса 2016 г. величина среднедушевого дохода составляла 10396 рублей, в 2015 г. – 9370 рублей, в 2014 году – 15759 рублей. Вероятно, рост абсолютной величины доходов в период с 2015 по 2016 г. обусловлен назначением семье социальных пособий. Судя по данным опросов, роль таких выплат для семей, имевших разный уровень доходов при рождении ребёнка, неодинакова. Семьи с низкими доходами улучшают своё положение за счёт государственной социальной поддержки и оценивают свои материальные возможности

¹³² По состоянию на апрель 2016 г. величина прожиточного минимума составляла 9678 руб.

более благоприятно. Тогда как обеспеченные семьи, теряющие часть дохода при уходе женщины в декретный отпуск, оценивают своё материальное положение более пессимистично, несмотря на получение социальных пособий. Статистически это выражается в увеличении доли семей со средним уровнем дохода: в эту категорию, с одной стороны, переходят семьи, ранее считавшие себя обеспеченными, с другой – те, которые ранее были бедными. Можно сказать, что социальные выплаты на детей сглаживают неравенство семей по доходам, причём их положительная роль заметна в основном семьям с низкими доходами.

Для подтверждения высказанного предположения обратимся к данным о распределении мнений респондентов о том, какую величину текущего дохода они считают достаточной для полного удовлетворения собственных материальных потребностей. Полные семьи с детьми, как правило, предъявляют более высокие требования к уровню дохода, способному обеспечить удовлетворение их материальных потребностей. Так, в 2014 году те из них, кто отметил достаточность среднедушевого дохода, указали его уровень в 24346 рублей, тогда как неполные семьи отметили величину 24000 рублей. Характерно, что сходная тенденция наблюдается и в зависимости от числа детей: многодетные семьи, как правило, удовлетворены более низким душевым доходом, чем семьи с одним ребёнком. Например, в 2014 году многодетные семьи считали себя обеспеченными при уровне дохода в 17667 руб., тогда как обеспеченные семьи с одним ребёнком указывали величину среднедушевого дохода 25846 руб., а при уровне дохода в 18503 руб. уже отмечали проблемы с крупными покупками. Общей тенденцией для всех типов семей является снижение среднедушевого дохода в первый год жизни ребёнка. Эта тенденция наиболее выражена у полных семей, считающих себя обеспеченными: в 2014 году средняя величина дохода составляла 24346 руб., в 2015-м – 14500 руб., в 2016 году – 17091 руб. При этом доля семей, считающих себя обеспеченными, за 2014–2016 гг. снизилась только на 2% (табл. 3.10).

Интересно, что доход многодетных семей, относящих себя к разным доходным группам, изменялся неодинаково: увеличился в группе с высоким (см. столбец А) и низким доходом (см. столбец В), уменьшился в группе семей со средним доходом (см. столбец Б). В то же время только среди многодетных семей исчезла категория тех, чей доход не обеспечивал даже приобретение необходимых продуктов питания: в 2014 г. их было 5%, а уже в 2015 г. такой группы не было зафиксировано (см. столбец Г).

Таблица 3.10. **Среднедушевой доход (рубли) в семьях с детьми когорты 2014 г.р. с различной оценкой покупательной способности доходов и доли этих семей в выборке, в % от числа опрошенных**

Тип семьи	А		Б		В		Г	
	1	2	1	2	1	2	1	2
2014 год								
Полная семья	24346	9	16182	68	11514	14	8000	2
Неполная семья	24000	10	16889	57	4833	19	–	–
Нуклеарная	26304	9	16613	69	11152	14	8333	1
Сложная	15200	8	14532	63	10909	15	7500	4
Единственный ребёнок	25846	10	18503	68	12175	12	7500	2
Два ребёнка	24333	9	14226	70	10681	15	10000	1
Многодетная семья	17667	7	10387	57	9625	23	7500	5
2015 год								
Полная семья	14500	11	10126	67	6028	12	4562	5
Неполная семья	–	–	11850	31	5667	25	3940	31
Нуклеарная	14864	10	10172	67	6130	13	4087	5
Сложная	13167	11	10247	55	5300	14	4700	14
Единственный ребёнок	14900	12	11361	62	5933	11	3783	7
Два ребёнка	14562	8	9545	65	5676	15	4786	7
Многодетная семья	12000	6	7409	77	7850	12	–	–
2016 год								
Полная семья	17091	7	11462	71	8035	15	4557	3
Неполная семья	10000	7	10750	29	10000	29	2333	29
Нуклеарная	16500	7	11501	68	7945	15	3723	6
Сложная	16500	6	11088	66	9317	22	–	–
Единственный ребёнок	18714	10	13608	63	9542	15	3000	7
Два ребёнка	13500	5	10445	69	7800	15	3964	7
Многодетная семья	13000	5	8226	76	4833	14	–	–
Примечание: 1 – средняя величина душевого дохода, руб.; 2 – доля семей в выборке, в % (100% в строке). Обозначения групп семей по самооценке уровня дохода: А – «денег вполне достаточно, чтобы ни в чём себе не отказывать»; Б – «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом»; В – «денег хватает только на приобретение продуктов питания»; Г – «денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги».								

В целом, оценивая изменения материального положения семей с детьми 2014 г.р., следует отметить некоторые закономерности: общее снижение дохода после рождения ребёнка, неравномерность действия мер социальной поддержки и высокую значимость психологического фактора при оценке семьями достаточности своего дохода для нормальной жизни. Рождение детей, по всей видимости, приводит к тому, что родители снижают уровень своих материальных потребностей в пользу

ребёнка, что позволяет им продолжать считать себя материально благополучной семьёй. Следует также учитывать, что показатель среднедушевого дохода в любом случае будет снижаться при рождении каждого последующего ребёнка. Мы не располагаем сведениями о распределении источников дохода семей, чтобы судить о том, насколько снижение дохода может быть скорректировано благодаря мерам социальной поддержки. Однако можем высказать предположение, что пособие, выплачиваемое до достижения ребёнком полутора лет, и другие социальные гарантии не могут компенсировать семье потери дохода, связанные с уходом матери в декрет.

Что касается жилищных условий большинства семей с детьми, то их можно назвать удовлетворительными: 72% проживают в собственной квартире, 8% – в собственном доме (табл. 3.11). Часть семей пока не обзавелись собственным жильём: 11% живут в съёмной квартире, 3% – в коммунальной, 2% – в общежитии, 0,5% – в квартире гостиничного типа.

Таблица 3.11. **Характеристика условий проживания семей с детьми когорты 2014 г.р., в % от числа опрошенных**

Наименование показателя	Среднее	Вологда	Череповец	Районы
Отдельный собственный дом	7,6	6,1	1,3	37,5
Отдельная квартира	71,6	71,3	79,2	45,0
Коммунальная квартира	3,2	5,0	1,3	2,5
Квартира гостиничного типа	0,5	0,0	0,7	2,5
Комната в семейном общежитии	1,4	1,7	0,7	2,5
Комната в общежитии	0,8	0,6	1,3	0,0
Съёмная квартира	11,4	12,7	10,1	10,0

Кроме того, в обеспеченности жильём присутствуют территориальные различия. Например, в г. Вологде отмечена самая высокая доля семей, проживающих в съёмных (13%) и коммунальных квартирах (5%), а в районах – проживающих в семейных общежитиях (2,5%) и в квартирах гостиничного типа (2,5%). Наиболее благоприятная ситуация сложилась в г. Череповце.

Таким образом, описать **социальный портрет типичной семьи с новорожденными детьми (по состоянию на 2014 год)** можно следующим образом: это полная семья, в которой родители имеют высшее или среднее специальное образование, работают по найму, проживают в собствен-

ной квартире и имеют уровень дохода, позволяющий приобретать только необходимые продукты питания и одежду. Сильными сторонами современной семьи с точки зрения формирования её воспитательного потенциала можно назвать высокий человеческий капитал и наличие постоянных источников дохода у родителей.

Социальное положение и человеческий капитал семьи оказывают воздействие не только на её воспитательный потенциал, но и на здоровье родителей и детей.

За период наблюдений произошли изменения в структуре распределения новорождённых детей по группам здоровья. **Среди новорожденных когорты 1995 г.р. здоровые дети составляли 8%, тогда как в когорте 2014 г.р. – 15%.** Как и в 1995 г., большинство новорожденных в 2014 г. имели те или иные функциональные отклонения (83%; см. рис. 3.6).

В то же время наблюдается **благоприятная тенденция**. В течение первого года жизни детей когорты 2014 г.р. не произошло резкого перехода тех, кто имел минимальные риски формирования хронических заболеваний, в категорию с морфологическими и функциональными отклонениями и спада доли здоровых детей. Такая **стабильность состояния здоровья регистрируется впервые за период мониторингового исследования**. В других когортах первый год жизни приносил реализацию рисков для здоровья, вследствие чего доля здоровых годовалых детей не превышала 5% ни в одной из когорт (см. рис. 3.6).

Ещё больший **контраст** представляет динамика здоровья детей разных когорт на втором году жизни. Во всех когортах, за исключением когорты 2014 г.р., наблюдалось увеличение доли детей с хроническими заболеваниями, тогда как среди «младшей» когорты показатели здоровья, наоборот, улучшились. **Впервые отмечено сокращение доли детей с хроническими заболеваниями (на 1%) и увеличение доли здоровых детей (на 6%).** Вместе с тем именно в когорте 2014 г.р. впервые отмечен один случай инвалидности ребёнка (рис. 3.6).

В когорте 2014 г.р. произошли изменения в распределении детей по группам здоровья в зависимости от пола. Доля здоровых девочек по итогам второго года жизни сократилась, тогда как доля здоровых мальчиков, напротив, выросла (рис. 3.7). Такая динамика свидетельствует о большей уязвимости здоровья девочек на втором году жизни для воздействия негативных факторов.

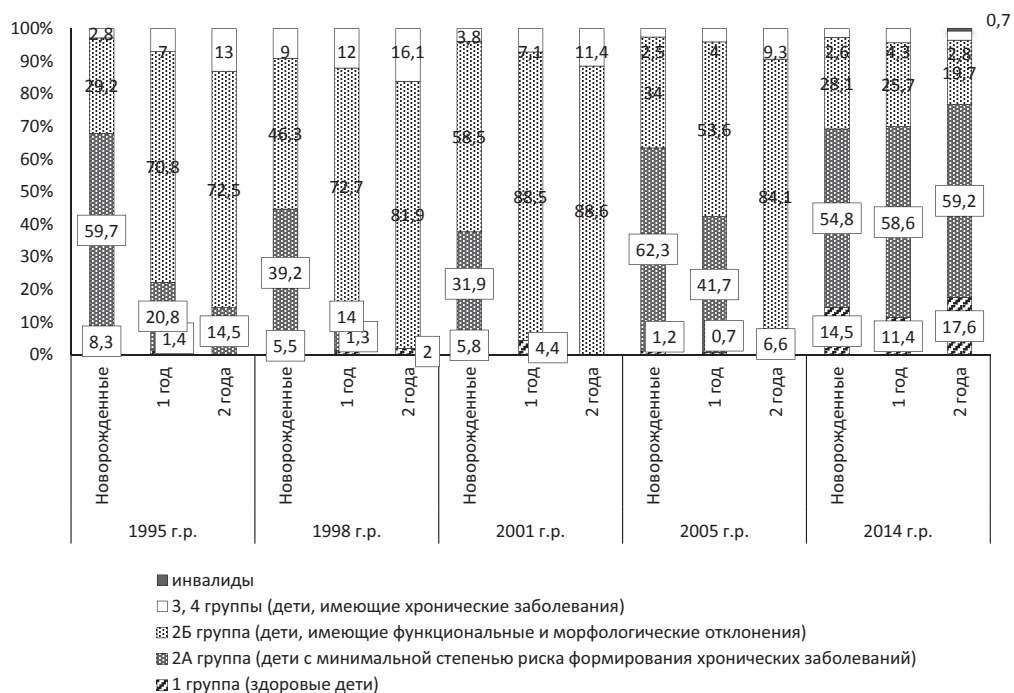

Рис. 3.6. Распределение детей по группам здоровья, в % от численности детей соответствующей когорты

Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 1995–2016 гг.

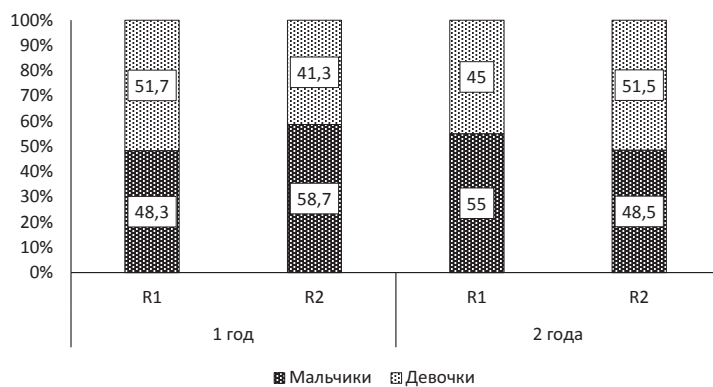

Рис. 3.7. Распределение детей 2014 г.р. по группам здоровья в зависимости от пола, в % от общей численности детей когорты

Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 1995–2016 гг.

Более предметно разобраться в причинах благоприятных изменений можно на основе данных корреляционного анализа.

Для того чтобы выяснить, какие факторы оказывают влияние на здоровье новорожденных детей, был использован метод логистической регрессии. В качестве зависимой переменной выступал уровень индивидуального здоровья ребенка, оцененный по группам здоровья (1 – здоровые дети; 2А – дети с минимальной степенью риска формирования хронических заболеваний; 2Б – дети, имеющие функциональные и морфологические отклонения; 3, 4 – дети, имеющие хронические заболевания; V – ребенок-инвалид). Для дальнейшего статистического анализа здоровье новорожденных было дихотомизировано как «хорошее» здоровье (группы здоровья 1, 2А) и «плохое» здоровье (группы здоровья 2Б, 3, 4, 5).

Логистический анализ показал, что здоровье новорожденных тесно связано со здоровьем матери (табл. 3.12). Чем выше самооценка матерью состояния своего здоровья, тем больше вероятность хорошего здоровья у её ребёнка. Так, для тех детей, чьи матери имеют хронические заболевания, риск плохого здоровья и хронических патологий в 3 раза выше, чем для детей здоровых матерей. Вместе с тем для детей, матери которых оценивают свое здоровье как «удовлетворительное» или «плохое», риск плохого здоровья в 1,6 раз выше.

Таблица 3.12. **Воздействие здоровья матери на здоровье новорожденных детей 2014 г.р.**

Здоровье матери ребенка	Наличие функциональных отклонений, хронических заболеваний (группы здоровья: 2Б, 3, 4, 5)	
	OR*	CI**
Наличие хронических заболеваний у матери		
Нет	1	
Есть	2,9	(1,95-5,1)
Самооценка здоровья матери		
Отличное, хорошее	1	
Удовлетворительное, плохое	1,58	(1,10-2,21)
Примечание. Здесь и далее уровень значимости $p < 0,05$.		
* Шанс – это отношение вероятности того, что событие произойдет, к вероятности того, что событие не произойдет. Отношение шансов (OR) – это отношение шансов для первой группы объектов к отношению шансов для второй группы объектов (контрольной; $OR=1$). Отношение шансов, равное единице, указывает на отсутствие различий между сравниваемыми группами (т.е. шансы появления хронического заболевания примерно 50 на 50). Если $OR > 1$, то шансы для первой группы выше, чем для второй. Если $OR < 1$, то шансы для первой группы ниже, чем для второй.		
** 95% доверительный интервал.		
Источники: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 2014; расчёты Н.А. Кондаковой.		

Такие болезни матери, как анемия, вегетососудистая дистония, гипотония, влекут за собой недостаточную обеспеченность плода питательными веществами и кислородом. Различные инфекции матери вызывают ослабление иммунитета ребенка, вследствие чего увеличивается его болезненность, ухудшается здоровье. Простудные заболевания, гипертоническая болезнь, болезни органов пищеварения, инфекции мочеполовых путей и связанные с ними дисфункции в организме женщины в период протекания беременности также неблагоприятно отражаются на здоровье ребенка. Результаты мониторинга показывают, что у женщин, страдавших анемией во время беременности (в когорте 2004 г.), всего 3% детей родились здоровыми, к трем годам практически все дети (91%) имели какие-либо отклонения в состоянии здоровья (табл. 3.13). При этом ослабленное при рождении здоровье детей пролонгируется на весь период раннего детства.

Таблица 3.13. **Влияние болезненных состояний беременных женщин на здоровье ребенка, в % от числа опрошенных**

Болезненные состояния будущей матери	Здоровье детей по возрастам*							
	Новорожденные		1 год		2 года		3 года	
	R1	R2	R1	R2	R1	R2	R1	R2
	Когорта 1995 г.р.							
Анемия	58,3	41,7	25,0	75,0	66,7	33,3	0	100
Инфекция мочеполовых путей	66,7	33,3	0	100	0	100	0	100
Гинекологические заболевания	80,0	20,0	0	100	0	100	0	100
	Когорта 2004 г.р.							
Анемия	2,7	97,3	55,7	44,3	6,8	93,2	9,3	90,7
Инфекция мочеполовых путей	5,0	95,0	65,0	35,0	4,3	95,7	0,0	100
Гинекологические заболевания	2,2	97,8	57,1	42,9	6,1	93,9	4,0	96
Вегето-сосудистая дистония	9,1	90,9	33,3	66,7	0,0	100	0	100
Гипертония	0,0	100	0,0	100	0,0	100	0	100
* 100% в строке, отдельно по каждому возрасту. Обозначения: R 1 – группа с наименьшим риском ухудшения здоровья (I и IIA гр. здоровья); R 2 – дети, имеющие различные отклонения в состоянии здоровья, хронические заболевания (IIB–V гр. здоровья). Источник: Мониторинг «Изучение условия формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 1995–1998, 2004–2007 гг.								

Наблюдается взаимосвязь между обеспеченностью продуктами питания и состоянием здоровья ребёнка (табл. 3.14). Среди детей, испытывающих недостаток продуктов питания, выше доля тех, кто имеет отклонения в состоянии здоровья. Эта закономерность сохраняется на всех этапах наблюдения за здоровьем когорты 2014 г.р.

Таблица 3.14. **Влияние обеспеченности продуктами питания на здоровье детей,**
в % от числа опрошенных, 2015 и 2016 гг.

Обеспеченность ребёнка необходимыми продуктами питания	2014 г.р. в 1 год		2014 г.р. в 2 года	
	R1	R2	R1	R2
Хорошая	81	66,7	70,1	54,5
Удовлетворительная	18,4	23,8	27,1	39,4
Плохая	0	4,8	1,9	6,1
Очень плохая	0,7	0	0,9	0
Затрудняюсь ответить	0	4,8	0	0
Обозначения: R1 – группа с наименьшим риском ухудшения здоровья (I и IIА гр. здоровья), R2 – дети, имеющие различные отклонения в состоянии здоровья, хронические заболевания (IIБ – V гр. здоровья).				

На примере когорты 2014 г.р. выявлено, что условия проживания также влияют на состояние здоровья новорожденных (табл. 3.15). Для детей, проживающих в съёмной квартире, риск ухудшения здоровья выше в 0,33 раза. Для семей жилищные условия которых «плохие» или «очень плохие», риск снижения здоровья детей выше в 1,9 раза по сравнению с контрольной группой (с хорошими условиями проживания).

Таблица 3.15. **Влияние жилищных условий семьи на здоровье новорожденных детей**
2014 г.р.

Характеристика жилищных условий	Наличие функциональных отклонений, хронических заболеваний (группа здоровья: 2Б, 3, 4, 5)	
	OR*	CI*
Тип жилья		
Собственное	1	
Съемное, общежитие, комната	1,33	(0,85-1,98)
Оценка жилищных условий		
Хорошие	1	
Удовлетворительные	1,25	(0,74-2,06)
Плохие, очень плохие	1,92	(1,12-2,87)
* Расшифровку см. под табл. 3.11. Источники: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 2014; расчёты Н.А. Кондаковой.		

Важным условием сохранения здоровья детей выступает состав семьи. Независимо от причины возникновения неполной семьи (развод, смерть одного родителя, внебрачное рождение) можно выделить несколько аспектов, негативно отражающихся на состоянии здоровья и развитии ребенка, воспитывающегося в данной семье. Во-первых, это социально-психологические аспекты, которые выражаются в том, что дети оценивают свой статус в ней как неполноценный или заниженный. Мониторинговые исследования среди школьников Подмосковья показали, что подростки из неполных семей испытывают острое чувство одиночества в 1,7 раза чаще, чем из полных¹³³. Во-вторых, это социально-экономические аспекты, проявляющиеся в материальных трудностях: преобладающее большинство неполных семей (61%) имеют доходы ниже прожиточного минимума¹³⁴. Следующий аспект – медицинский: по данным педиатров, дети из неполных семей значительно чаще, чем дети из полных, подвержены острым и хроническим заболеваниям, протекающим в более тяжелой форме¹³⁵. После развода у взрослых усиливается склонность к вредным привычкам (курение, употребление алкоголя), что влияет на состояние здоровья детей¹³⁶.

Судя по результатам исследования, дети, рожденные в полных семьях, с меньшей вероятностью имеют риск возникновения отклонений в здоровье. Тогда как у детей, появившихся в неполных семьях, риск возникновения проблем со здоровьем в 1,5 раза выше (табл. 3.16).

Таблица 3.16. Влияние состава семьи на здоровье новорожденных детей 2014 г.р.

Тип семьи	Наличие функциональных отклонений, хронических заболеваний (группа здоровья: 2Б, 3, 4, 5)	
	OR*	CI*
Полная	1	
Неполная	1,54	(0,98–1,85)
* Расшифровку см. под табл. 3.11. Источники: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения». ИСЭРТ РАН, 2014 г.; расчёты Н.А. Кондаковой.		

¹³³ Государственный доклад о положении детей в РФ / Министерство здравоохранения и социального развития РФ. – М., 2011. – 270 с.

¹³⁴ Дементьева И.Ф. Факторы риска современного детства // Социологические исследования. – 2011. – №10. – С. 108–112.

¹³⁵ Андрушина Е.В. Семья и здоровье подростка // Народонаселение. – 1998. – №2. – С. 55.

¹³⁶ Дементьева И.Ф. Факторы риска современного детства // Социологические исследования. – 2011. – №10. – С. 108–112.

В ходе мониторингового исследования было подтверждено, что здоровье родителей, в частности репродуктивное, влияет на здоровье детей. Непосредственно тематике сохранения здоровья родителей посвящена монография ИСЭРТ РАН «Репродуктивный потенциал населения региона: состояние, тенденции, перспективы» и диссертация М.А. Ласточкиной, основным научным результатом которых стали систематизация и обобщение накопленных данных мониторинга здоровья детей и построение эконометрической модели репродуктивного потенциала населения региона¹³⁷.

Мониторинговое исследование здоровья детей также наглядно подтвердило тот факт, что у курящих до и во время беременности женщин риск родить ребенка с отклонениями в здоровье в 4 раза выше, чем у некурящих (табл. 3.17).

Таблица 3.17. **Влияние курения матери на здоровье новорожденных детей: на примере когорты 2014 г.р.**

Курение матери	Наличие функциональных отклонений, хронических заболеваний (группа здоровья: 2Б, 3, 4, 5)	
	OR*	CI*
Не курила	1	
Курила до беременности и/или после беременности	4,16	(2,41-8,32)
* Расшифровку см. под табл. 3.11. Источники: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 2014 г.; расчёты Н.А. Кондаковой.		

Курение матери влияет и на вес будущего ребенка: у курящих матерей чаще рождаются маловесные дети (в среднем 14% новорожденных). У женщин, продолжавших курить во время беременности, 20% от общего числа детей родились с весом менее 2500 г. То есть у курящей женщины риск родить младенца с недостаточной массой тела до трех раз больше, чем у некурящей¹³⁸. Этот фактор во взрослой жизни может повышать риск возникновения сердечнососудистых заболеваний, заболеваний почек, печени. Воздействие табачного дыма до рождения может спровоцировать морфологические дефекты у ребенка (расщелины губы и костного неба, поликистоз почек, деформации черепа); привести к задержке роста легких; способствовать развитию эмоциональных и поведенческих проблем и т.д.

¹³⁷ Шабунова А.А. Двадцать лет мониторинга детского здоровья: организация, результаты, выводы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – № 2(38). – 2015. – С. 116–128.

¹³⁸ Шабунова А.А., Морев М.А., Кондакова Н.А. Здоровье детей: итоги пятнадцатилетнего мониторинга : монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 262 с.

Количество женщин, куривших до беременности, в период с 1995 по 2014 год увеличилось с 2 до 27%. Причем, узнав о беременности, только половина женщин в 2014 г. отказалась от курения (табл. 3.18).

Таблица 3.18. **Курение матерей до и во время беременности, в % от числа опрошенных**

Вариант ответа	До беременности					Во время беременности				
	1995	1998	2001	2004	2014	1995	1998	2001	2004	2014
Курила	2,2	28,1	29,6	27,9	26,5	2,8	12,6	14,2	13,1	10,3
Не курила	77,8	68,3	69,2	70,2	73,5	97,2	83,9	84,2	86,9	89,2
Нет ответа	20	3,5	1,2	1,9	0	0	3,5	1,6	0	0,5

Источник: Мониторинг «Изучение условия формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 1995, 1998, 2001, 2004, 2014 гг.

Ответственное отношение родителей к сохранению и укреплению здоровья детей предполагает не только отказ от вредных привычек и хороший уход за ребёнком, но и выполнение всех необходимых медицинских мероприятий.

Благоприятное течение беременности и родов в значительной мере определяется тем, насколько аккуратно будущая мать выполняет все медицинские предписания и соблюдает режим. Чем раньше будут выявлены и устранены отклонения в её здоровье, тем больше шансов, что ребенок родится здоровым. Поэтому важно, чтобы женщина при первых признаках беременности обращалась в женскую консультацию для получения дальнейших медицинских указаний, которые могут сохранить не только здоровье ребенка, но и жизнь матери. Результаты мониторинга показали, что в 2014 г. подавляющее большинство женщин (91%) встали на учет в женскую консультацию до 12 недели беременности, что на 17 п.п. больше, чем в 1998 г. (74%; табл. 3.19).

Таблица 3.19. **Срок подтверждения данной беременности врачом, в % от числа опрошенных**

Показатель	Когорта 1995 г.р.	Когорта 1998 г.р.	Когорта 2001 г.р.	Когорта 2004 г.р.	Когорта 2014 г.р.
12 неделя и ранее	н.д.	74	82	88	91
Позже 12-й недели	н.д.	26	18	12	4,6

Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 1995, 1998, 2001, 2004, 2014 гг.

О том, что отношение к рождению и воспитанию детей стало более осознанным и ответственным, свидетельствует распространение прак-

тики планирования семьи. Так, по данным за 2014 год, 68% респондентов ответили, что рождение ребёнка – результат совместного решения родителей, а не просто следствие случайности (табл. 3.20). Очень важным представляется и планирование беременности, включающее в себя не только осознанное решение завести ребенка, но и обследование организма будущей мамы с целью выявления и лечения заболеваний, которые могут отрицательно сказаться на здоровье ребенка. Стоит отметить, что количество случаев планирования беременности за годы исследования увеличилось на 20 п.п.

На возможность реализации репродуктивных планов сильно влияет здоровье обоих родителей. Современные вспомогательные репродуктивные технологии помогают семейным парам в случае бесплодия. Так, в 2014 г. в выборку попали 4 роженицы, которые забеременели в результате экстракорпорального оплодотворения (ЭКО).

Таблица 3.20. **Распределение ответов на вопрос: «Планировалось ли появление этого ребенка?», в % от числа опрошенных**

Вариант ответа	Когорта 1995 г.р.	Когорта 1998 г.р.	Когорта 2001 г.р.	Когорта 2004 г.р.	Когорта 2014 г.р.
Да, ребенок появился в результате совместного решения, принятого до наступления беременности	48	63	54	54	68
Беременность была случайной, но мы решили ее сохранить	38	25	36	35	25
Беременность была случайной, но респондентка настояла на ее сохранении	7	4	4	5	1
Беременность была случайной, но муж настоял на ее сохранении	3	4	2	2	2
Беременность была случайной, но на ее сохранении настояли родители респондентки и (или) ее мужа	0	1	1	0,4	0
Беременность как результат ЭКО (экстракорпорального оплодотворения)**	–	–	–	–	1
* Без учета затруднившихся ответить. ** Вопрос задавался с 2014 г. Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 1995, 1998, 2001, 2004, 2014 гг.					

По результатам опроса родителей детей когорты 2014 г.р. установлено, что 79% родителей последовательно выполняют все рекомендации врача в отношении здоровья ребёнка. Необходимые прививки на первом году жизни были сделаны 84% детей, на втором году жизни – 79% детей. Меди-

цинские осмотры на втором году жизни были пройдены также большинством детей (94%). Такие показатели свидетельствуют, с одной стороны, об улучшении отношения родителей к сохранению здоровья детей, с другой, – о повышении качества медицинского сопровождения семей с детьми.

Степень доступности услуг, связанных с организацией медицинского наблюдения в период беременности и подготовки к родам, в оценках будущих мам, по данным мониторингового исследования, в 2014 г. была выше, чем в 1995 г., по всем показателям. В целом в 2014 г. большинство (59%) будущих мам оценивали качество медицинского предродового наблюдения как «хорошее», и это наиболее высокая доля положительных отзывов за весь период мониторинга (табл. 3.21).

Приведённые факты позволяют говорить об улучшении качества услуг здравоохранения и повышении ответственности родителей за здоровье своих детей. В сочетании с этим факт лучшего состояния здоровья детей когорты 2014 г.р. свидетельствует о тесной взаимосвязи качества социальной сферы, семейного благополучия и здоровья подрастающего поколения.

Таблица 3.21. **Распределение ответов на вопрос: «Укажите, пожалуйста, как Вы оцениваете качество медицинского предродового наблюдения в целом», в % от числа опрошенных**

Вариант ответа	Когорта 1998 г.р.	Когорта 2001 г.р.	Когорта 2004 г.р.	Когорта 2014 г.р.
Хорошее	55	39	37	59
Удовлетворительное	33	43	43	32
Плохое	3	3	6	1
Очень плохое	2	0	1	1

* В 1995 г. данный вопрос не задавался.
 Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 1998, 2001, 2004, 2014 гг.

Таким образом, когорта 2014 г.р. демонстрирует благоприятную динамику показателей здоровья. В течение первого года жизни, в противовес тенденции, зарегистрированной в предшествующих когортах, **не произошло резкого ухудшения здоровья детей. Доля здоровых детей впервые превысила рубеж 5%, составив 14%.** На втором году жизни впервые (по сравнению с динамикой по предшествующим когортам) **отмечено сокращение доли детей с хроническими заболеваниями (на 1%) и увеличение доли здоровых детей (на 6%).** По результатам анализа динамики здоровья в гендерном разрезе установлено, что на втором году жизни

более подвержено воздействию негативных факторов здоровье девочек: их доля среди здоровых детей сократилась на 7%.

Ведущими факторами риска для здоровья новорожденных детей являются: курение матери, плохая обеспеченность продуктами питания, неблагоприятные жилищные условия, низкий уровень материального благосостояния семьи, неполнота семьи.

3.3. Состояние физического здоровья и развития детей по итогам мониторинга

Состояние здоровья детей изменяется с возрастом. По данным мониторинга, проводимого в Вологодской области, для всех когорт наблюдается снижение здоровья на первом году жизни, после поступления детей в школу, а также при переходе из начальной школы в среднюю. Высоким риском для здоровья характеризуется и подростковый период. В нашем исследовании к здоровым отнесены те дети, которые до достижения возраста 4 лет имели группу здоровья 1 или 2А, а после 4 лет – первую группу здоровья. Эта категория детей обозначалась R1. Остальные дети, имевшие хронические заболевания, относились к группе R2. Рассмотрим, как изменялось соотношение численности этих двух категорий детей в разных возрастах и когортах.

На примере когорт 1995 и 1998 г.р. можно наблюдать снижение доли здоровых детей при достижении участниками мониторинга возрастов 7, 10 и 14 лет (рис. 3.8).

При этом в когорте 1995 г.р. такое снижение произошло и в возрасте 5 лет – на 8% по сравнению с показателем предшествовавшего периода наблюдения. Наибольшим снижением было в рассматриваемой когорте. При поступлении в школу (7 лет) здоровье детей подвергается риску ухудшения из-за возрастания нагрузки на организм. Обучение в школе сопровождается не только уменьшением двигательной активности, но и стрессом, обусловленным привыканием к новым правилам, людям и растущей учебной нагрузкой. Доля здоровых детей в когорте 1995 г.р. снизилась на 5%, в когорте 1998 г.р. – на 10%.

Ухудшение здоровья по достижении возраста 10 лет может быть обусловлено ростом учебной нагрузки при переходе из начальной в среднюю школу, а также психоэмоциональным стрессом. В когорте 1995 г.р. доля здоровых детей в этот период снизилась на 7%, в когорте 1998 г.р. – на 6%.

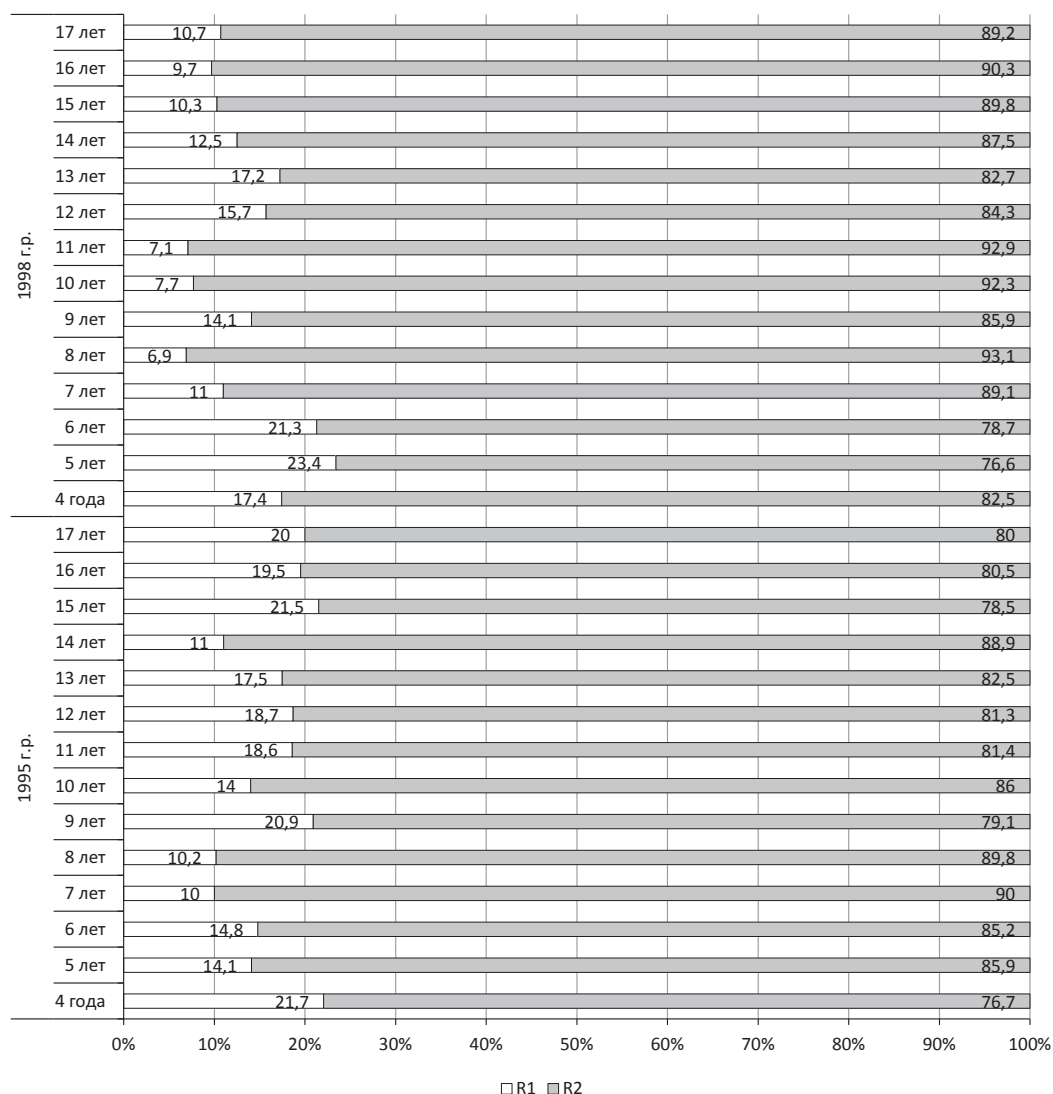

Рис. 3.8. Распределение детей когорт 1995 и 1998 г.р. по состоянию здоровья в возрастном разрезе, в % от численности детей соответствующей когорты в данном году

* R1–здоровые дети, R2–дети, имеющие заболевания.

Источник: данные мониторинга здоровья детей, проводимого ИСЭРТ РАН, 1995–2015 гг.

По данным мониторинга, в когорте 1995 г.р., в возрасте 14 лет, наблюдалось снижение доли здоровых детей на 7%, а в когорте 1998 г.р. – на 4%. В подростковом возрасте физическое развитие организма протекает нерав-

номерно, что способствует формированию функциональных отклонений и повышает риск хронических заболеваний. Взросление сопровождается также поведенческими изменениями. Не все привычки, распространённые в подростковой среде, безвредны для здоровья. Так, именно на этот возраст приходится значительная часть первых в жизни проб алкогольных напитков, табачных изделий. Возрастает склонность к неправильному питанию, нарушению режима сна и бодрствования.

Динамика состояния здоровья детей когорт 2001 и 2004 г.р. соответствует закономерностям, выявленным на примере старших когорт (рис. 3.9).

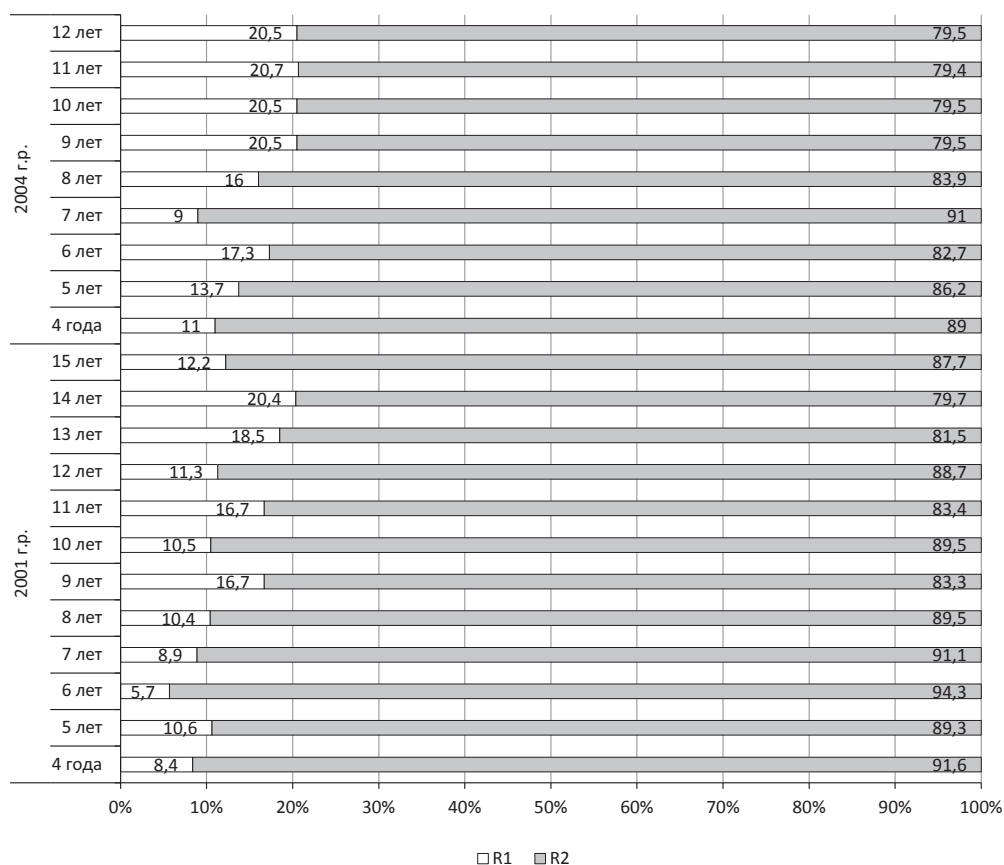

Рис. 3.9. Распределение детей когорт 2001 и 2004 г.р. по состоянию здоровья в возрастном разрезе, в % от численности детей соответствующей когорты в данном году

* R1—здоровые дети, R2—дети, имеющие заболевания.

Источник: данные мониторинга здоровья детей, проводимого ИСЭРТ РАН, 2001–2016 гг.

Здоровье ребёнка определяется наличием или отсутствием хронических заболеваний, кратностью и длительностью перенесённых заболеваний, не перешедших в устойчивую форму.

Частые острые заболевания снижают иммунитет и повышают риск развития хронических патологий, что подтверждается данными исследования. Среди детей, которые имеют первую группу здоровья, от 20 до 100% не болели в течение года. Среди детей со второй и третьей группами здоровья, по оценкам педиатров, больше всего часто болеющих детей (4–12%; табл. 3.22). Хорошо прослеживается такая тенденция: чем старше дети, тем реже они обращаются за медицинской помощью из-за болезни.

Таблица 3.22. **Зависимость здоровья детей от кратности заболеваний***, 2014 г., в % от числа опрошенных

Кратность заболеваний	I группа здоровья	II группа здоровья	III, IV группы здоровья
	Дети 2004 г.р. (10 лет)		
Не болел	20,0	23,7	10,0
Эпизодически (2-3 раза)	66,7	60,5	75,0
Часто (4-5 раз)	0,0	10,5	10,0
	Дети 2001 г.р. (13 лет)		
Не болел	50,0	28,9	26,7
Эпизодически (2-3 раза)	50,0	65,8	66,7
Часто (4-5 раз)	0,0	0,0	6,7
	Дети 1998 г.р. (16 лет)		
Не болел	100,0	13,3	25,0
Эпизодически (2-3 раза)	0,0	60,0	66,7
Часто (4-5 раз)	0,0	6,7	8,3
	Дети 1995 г.р. ** (19 лет)		
Не болел	78,6	41,7	41,2
Эпизодически (2-3 раза)	21,4	55,6	47,1
Часто (4-5 раз)	0,0	2,8	11,8
*100% – в столбцах. ** Данные 2012 г. Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2012, 2014 гг.			

На основе сведений о кратности заболеваний обследуемых детей был рассчитан индекс здоровья детей в различных возрастах. Традиционно данный показатель вычисляется по формуле¹³⁹:

$$\text{Индекс здоровья} = \frac{\text{Число ни разу не болевших детей за определенный временной интервал}}{\text{Число обследуемых детей в когорте}} \times 100 \quad (1)$$

¹³⁹ Методические рекомендации по комплексной оценке состояния здоровья детей и подростков при массовых врачебных осмотрах. № 08-14/4 от 27.04.82. – М., 1982. – 30 с.

На протяжении всего периода наблюдений индекс здоровья был выше у детей когорты 1995 г.р. (рис. 3.10). Если рассматривать динамику индекса по всем когортам, то можно отметить, что в целом по мере взросления детей его величина возрастает. Во всех когортах величина индекса здоровья детей в 12 лет превышала значение индекса на первом году жизни. Расхождение величины повозрастных индексов здоровья для когорт минимально в период 4–9 лет. До 4 лет и после 9 лет расхождение выражено сильнее. Вероятно, именно в эти периоды детский организм приобретает большую чувствительность к воздействию неблагоприятных факторов внешней среды, а также образа жизни.

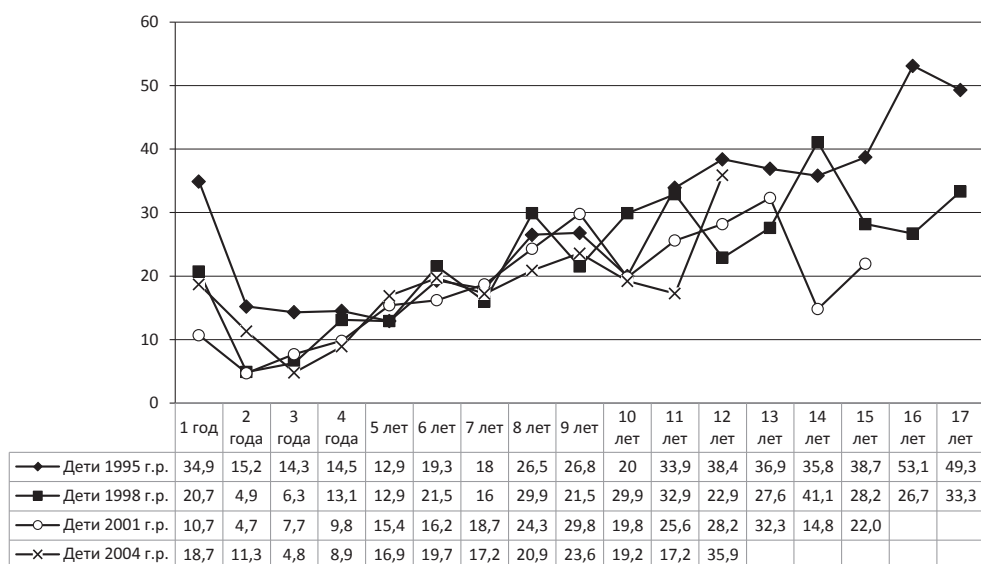

Рис. 3.10. Индекс здоровья детей (рассчитан по ответам педиатров)

Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 1995–2016 гг.

В то же время есть определённые отличия по когортам. Так, снижение индекса здоровья у детей 1995 г.р. происходило в 2, 5, 7, 10 лет, затем, с 12 до 14 лет и на шестнадцатом году жизни. В когорте 1998 г.р. индекс здоровья снижался в 2, 5, 7, 9, 12, 15 и 16 лет.

В когортах 2001 и 2004 г.р. отмечен самый низкий индекс здоровья в возрасте одного года. Для когорты 2004 г.р. характерно более длительное снижение индекса здоровья в раннем детстве – на протяжении второго и третьего года жизни, а не только до двух лет, как это имеет место в других когортах.

Анализ кратности заболеваний в территориальном разрезе показал, что в 2016 г. в когорте 2004 г.р. доля часто болеющих детей больше в Вологде (7%) и в районных центрах (9%), ни разу не болевших детей – в Череповце (53%; рис. 3.11). Среди детей 2001 г.р. ни разу не болели 33% из тех, кто проживает в Череповце, 31% – в районах, и только 6% тех, кто проживает в Вологде. Среди детей из областного центра наибольшую долю составляют те, кто болел эпизодически (81%) или более 6 раз в год (6%). Вероятно, это различие может быть связано с действием климатических факторов, а также с качеством медицинской профилактики заболеваний. Один из её аспектов – прохождение детьми профосмотров – будет проанализирован ниже.

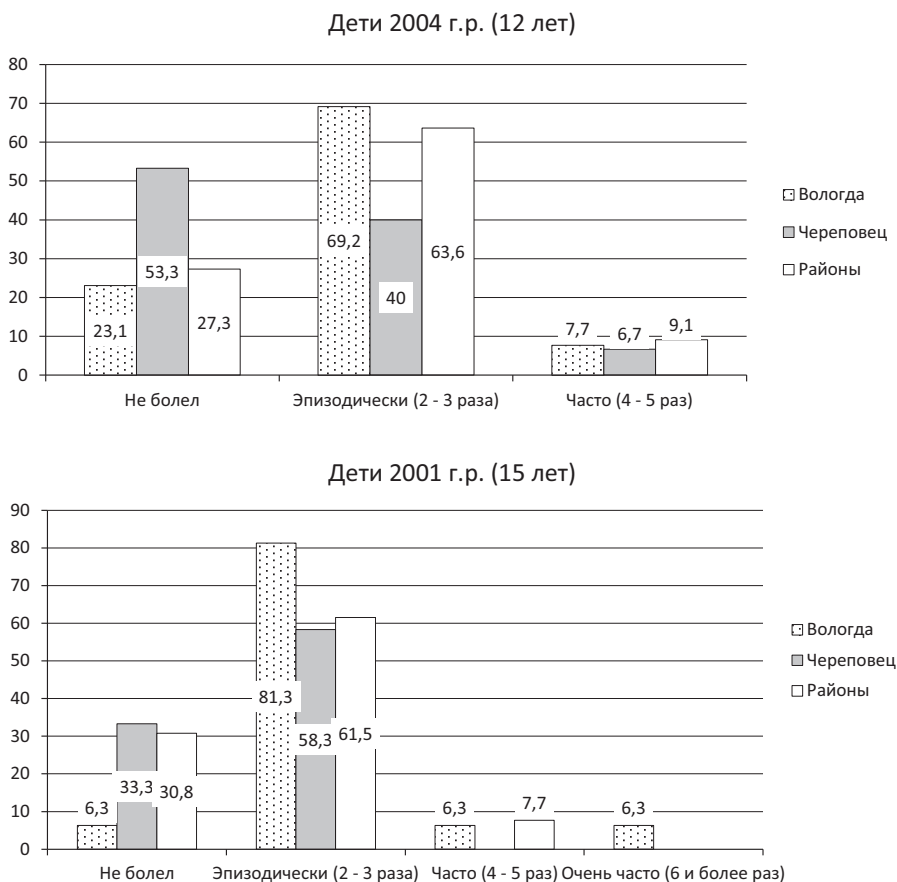

Рис. 3.11. **Кратность заболеваний детей** (территориальный срез, 2016 г.), %

Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2016 г.

Состояние здоровья детей описывают и через параметры их физического развития¹⁴⁰. Судя по результатам мониторингового исследования, средние значения роста и веса у детей имеют территориальную специфику (рис. 3.12).

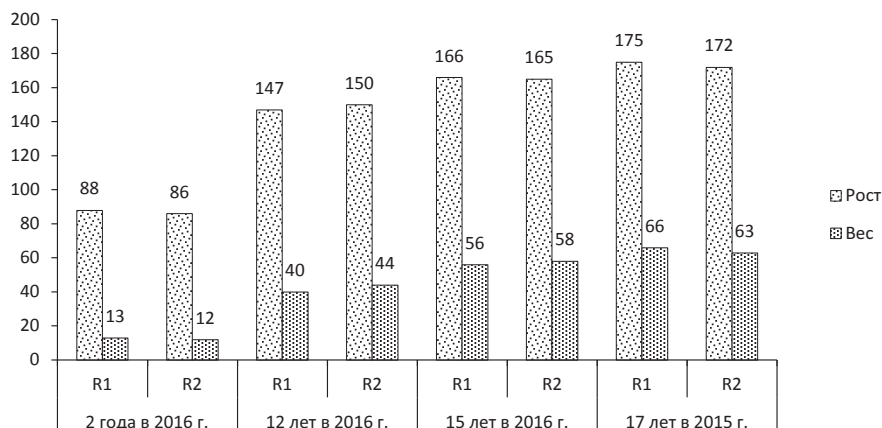

Рис. 3.12. **Весоростовая гистограмма** (средние значения роста и веса детей когорт 2014, 2004, 2001, 1998 г.р.)

Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2015, 2016 г.

В когорте детей 2014 г.р. максимальный средний рост детей зафиксирован в Вологде, минимальный – в районах; средний вес детей на всех территориях одинаков. Среди детей 2004 г.р. максимальный средний рост отмечен в Вологде, максимальный средний вес – в районах. В Череповце средний вес детей минимален, средний рост такой же, как в районах. В когорте детей 2001 г.р. минимальные показатели роста и веса зафиксированы в Череповце. В то же время в когорте 1998 г.р. дети из Череповца в возрасте 17 лет отличались максимальными значениями роста и веса. Основываясь на приведённых распределениях, можно сделать вывод о существовании особенностей физического развития детей, проживающих на разных территориях и принадлежащих к разным когортам.

Показатели среднего роста и веса детей на территориях обследования измерялись в продолжение всего периода мониторингового исследования. Рассмотрим, какие показатели физического развития наблюдались у детей разных когорт в возрасте двух лет (рис. 3.13).

¹⁴⁰ Методы исследования и оценки физического развития детей и подростков : методическое пособие [Эл. рес.]. – Чита: Министерство здравоохранения РФ, Читинская государственная медицинская академия, 2013. – Реж. дост.: <http://www.studfiles.ru/preview/3832707/>

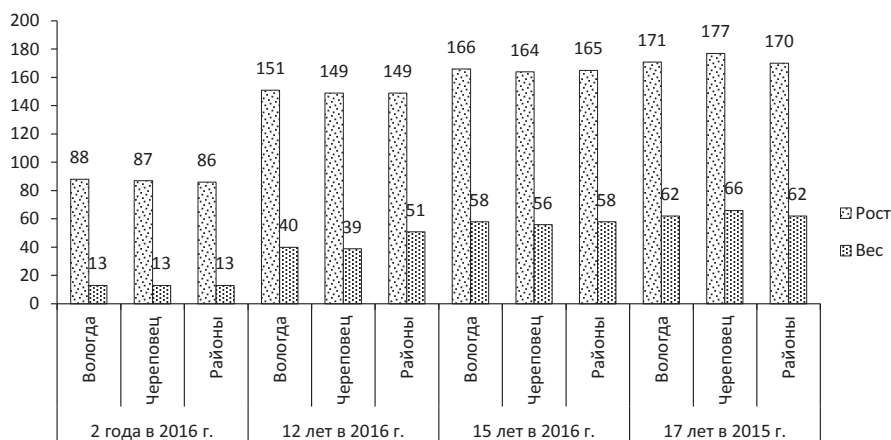

Рис. 3.13. **Весоростовая гистограмма: дети в возрасте двух лет** (средние значения роста и веса детей когорт 2014, 2004, 2001, 1998 и 1995 г.р.)

Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 1997, 2000, 2003, 2006, 2016 гг.

Дети когорты 2004 г.р. в возрасте двух лет отличались более высоким ростом по сравнению с детьми других когорт. Причём это явление отмечено только для Вологды и Череповца. В районах показатель среднего роста детей был максимальным в когорте детей 2014 г.р. (86 см).

Следует отметить, что средний рост населения является одним из индикаторов качества жизни на данной территории. Так, результаты междо-странового сравнительного исследования изменения среднего роста населения стран мира в период XIX–XX вв. позволили А. Дитону сделать вывод о том, что на средний рост популяции сильнее всего воздействуют детская смертность и уровень доходов населения¹⁴¹.

Уровень детской смертности, в свою очередь, зависит от качества медицинской помощи, санитарно-гигиенического благополучия, качества питания детей. Так, развитие профилактической медицины и соблюдение гигиенических норм способствуют снижению гибели детей от инфекционных заболеваний; качественное питание определяет нормальный рост, высокую сопротивляемость организма к воздействиям неблагоприятных факторов, развитие и функционирование его систем.

¹⁴¹ Дитон А. Великий побег: здоровье, богатство и истоки неравенства / пер. с англ. А. Гуськова. – М.: Институт Гайдара; Фонд «Либеральная миссия», 2016. – 368 с.

В ходе проведения мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения» рассматриваются все перечисленные аспекты. По данным за 2016 год, участники исследования в возрасте 15 лет имели необходимые в соответствии с возрастом прививки (рис. 3.14). Среди детей в возрасте 12 лет прививки не были сделаны только у 10%, среди двухлетних детей – у 20%. В том и другом случаях наибольшая доля детей, которым не сделаны необходимые прививки, приходится на г. Вологду: 15 и 28% соответственно.

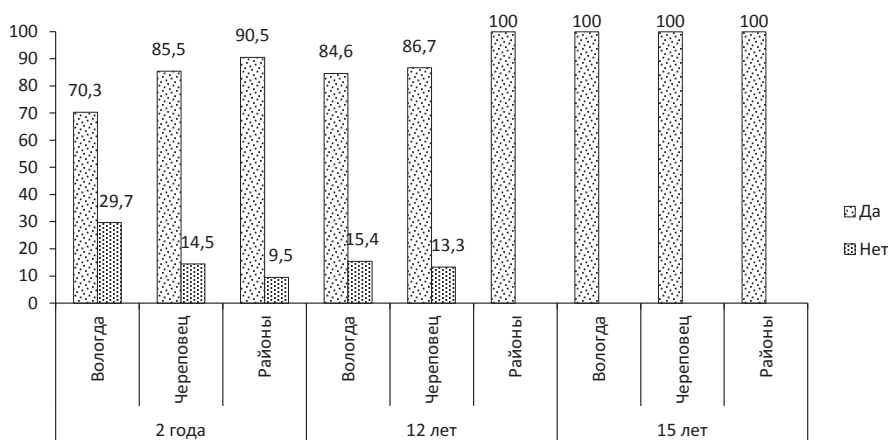

Рис. 3.14. Распределение ответов педиатров на вопрос: «Все ли прививки сделаны ребёнку в соответствии с возрастом?» (в территориальном разрезе, по возрастам детей), в % от числа опрошенных

Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения», ИСЭРТ РАН, 2016 г.

В последние годы в Вологодской области отмечается рост числа отказов родителей от вакцинации детей. Причиной может быть распространение СМИ сведений о случаях осложнений после прививочных мероприятий, в том числе связанных с переходом с импортных на отечественные вакцины.

Другой аспект профилактики снижения здоровья детей – прохождение плановых профилактических осмотров. Охват этим мероприятием детей в возрасте 2 лет в среднем по области составил 94%, детей в возрасте 12 лет – 87%, детей в возрасте 15 лет – 83% (рис. 3.15). При этом наименьший охват детей всех рассматриваемых возрастов отмечен в г. Вологде.

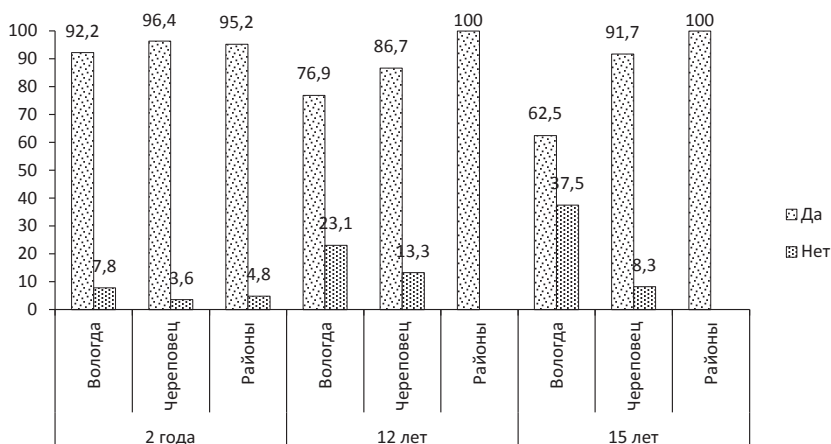

Рис. 3.15. Распределение ответов педиатров на вопрос: «Проходил ли ребёнок плановые медосмотры на данном году жизни?» (в территориальном разрезе, по возрастам детей), в % от числа опрошенных

Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения», ИСЭРТ РАН, 2016 г.

Увеличение охвата и эффективности проводимых профилактических мероприятий является приоритетом в развитии здравоохранения России. В соответствии с федеральной целевой программой «Развитие здравоохранения», к 2020 году планируется достичь 95% охвата детского населения профилактическими осмотрами¹⁴². По результатам за 2014 год охват профилактическими осмотрами детей в возрасте от 0 до 14 лет составил 82%, подростков 15–17 лет – 95% (рис. 3.16).

Профилактические осмотры детей позволяют своевременно выявлять нарушения, которые могут оказывать негативное влияние на учебную деятельность ребёнка, его успеваемость. Так, по данным Министерства здравоохранения РФ, среди детей, прошедших медосмотр в 2014 году, было выявлено 6% детей с нарушениями зрения и 6% детей с нарушениями осанки. Ещё у 3,5% детей выявлены дефекты речи¹⁴³.

¹⁴² Государственная программа развития здравоохранения Российской Федерации. – URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2014/01/30/1686-gosudarstvennaya-programma-razvitiya-zdravooxraneniya-rossiyskoy-federatsii>

¹⁴³ Результаты профилактических осмотров детей в возрасте 0–14 лет // Здравоохранение / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/#

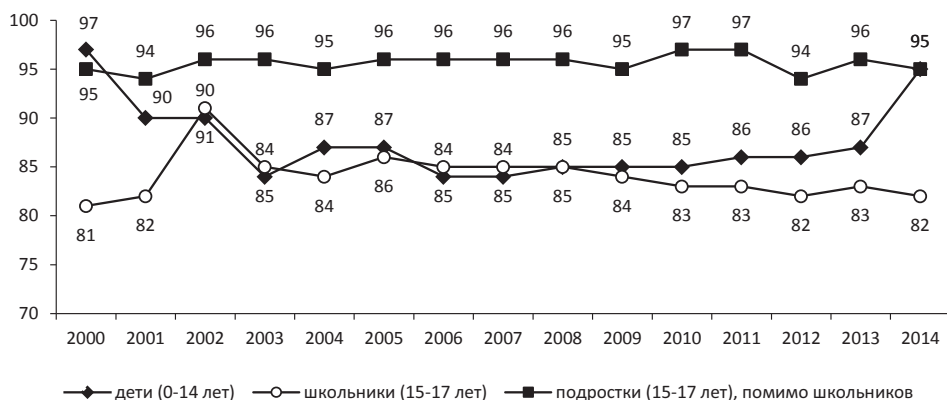

Рис. 3.16. Охват профилактическими осмотрами населения, подлежащего периодическим осмотрам, в % от численности подлежащих осмотрам

Источник: Здравоохранение // Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/#

Одним из компонентов профилактической медицины является диспансерное наблюдение за состоянием здоровья населения. В соответствии с Порядком проведения диспансерного наблюдения, оно осуществляется в отношении граждан, имеющих хронические неинфекционные и некоторые инфекционные заболевания, повышенный риск развития таких заболеваний, а также в отношении лиц, проходящих реабилитацию после травм, отравлений, операций. Диспансерное наблюдение за гражданами, имеющими основные факторы риска развития хронических заболеваний (повышенный уровень артериального давления, дислипидемия, повышенный уровень глюкозы в крови, курение табака, пагубное потребление алкоголя, нерациональное питание, низкая физическая активность, избыточная масса тела и ожирение) входит в часть комплекса мероприятий по проведению диспансеризации и профилактических медицинских осмотров населения¹⁴⁴.

Согласно результатам этапа мониторинга 2016 года, на диспансерном наблюдении состояли 24% двухлетних детей, 54% 12-летних детей и 39% подростков 15 лет (от общей численности детей соответствующих возрастов, принимавших участие в мониторинге в 2016 году; рис. 3.17).

¹⁴⁴ Об утверждении Порядка проведения диспансерного наблюдения: приказ Министерства здравоохранения РФ от 21.12.2012 г. № 1344н. – URL: <http://base.garant.ru/70321224/>

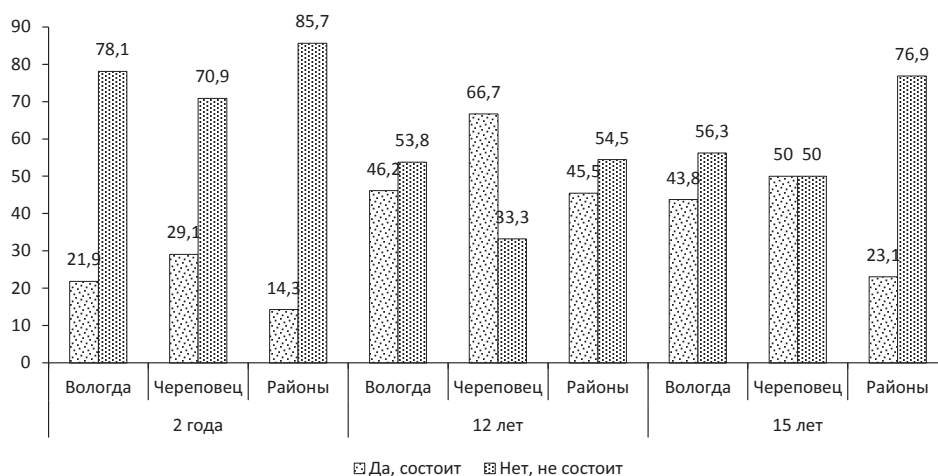

Рис. 3.17. Распределение ответов педиатров на вопрос: «Состоит ли ребёнок на диспансерном наблюдении в связи с заболеванием?» (в территориальном разрезе, по возрастам детей), в % от числа опрошенных

Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения», ИСЭРТ РАН, 2016 г.

Следует отметить, что наибольшая доля состоящих на диспансерном наблюдении зафиксирована среди детей в возрасте 12 лет, проживающих в Череповце (67%). В других когортах наибольшие показатели постановки на диспансерный учёт также отмечены в Череповце: 50% подростков 15 лет и 29% детей в возрасте двух лет. Среди жителей районов только в когорте 2004 г.р. наблюдался высокий показатель доли детей, состоявших на диспансерном учёте (46%).

В 2015 году среди детей когорт 2001 и 2004 г.р. сложилась несколько иная картина в отношении постановки на диспансерный учёт. Среди детей 2004 г.р., проживавших в Череповце, доля тех, кто состоял на диспансерном наблюдении, была ниже, чем в 2016 году, – 57% (рис. 3.18). Среди детей 2001 г.р., проживавших в Череповце, доля состоящих на диспансерном наблюдении была на 17% ниже. Изменилась и ситуация в Вологде: выросла доля состоящих на диспансерном наблюдении детей 2001 и 2004 г.р. В районах доля таких детей увеличилась только в когорте 2004 г.р.

Приведённые данные свидетельствуют об увеличении в 2016 г. распространённости хронических заболеваний, а также состояний, обуславливающих высокий риск их развития, в когортах детей 2001 и 2004 г.р.

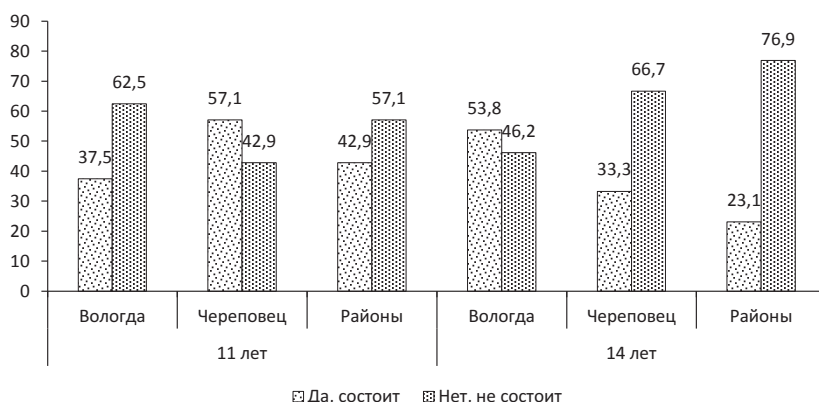

Рис. 3.18. Распределение ответов педиатров на вопрос: «Состоит ли ребёнок на диспансерном наблюдении в связи с заболеванием?» (в территориальном разрезе, по возрастам детей), в % от числа опрошенных

Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения», ИСЭРТ РАН, 2015 г.

Подводя итоги обзора изменений здоровья детей Вологодской области, можно сделать следующие выводы. На протяжении 2010–2015 гг. в регионе наблюдалось снижение заболеваемости новорождённых на фоне сохранения высокой заболеваемости детей в возрасте 0–14 лет. Показатель заболеваемости последних вырос в 1,3 раза, причем на протяжении периода с 2000 по 2014 г. он был значительно выше среднего по России. В целом по стране рассматриваемый показатель вырос в 1,2 раза. Уровень заболеваемости детей подросткового возраста в Вологодской области за 2000–2015 гг. увеличился в 1,3 раза, в России за период с 2000 по 2014 г. – в 1,6 раза.

Согласно результатам, полученным в ходе мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения», подтвердились ранее выявленные закономерности, связанные со снижением индексов здоровья детей в первый год жизни, в период поступления в школу, а также при переходе из начальной школы в среднюю. На основе сопоставления динамики индексов здоровья детей пяти когорт показано, что минимальное расхождение их величин приходится на возрастной промежуток 4–9 лет. В раннем детстве и в возрасте старше 10 лет расхождение усиливается. В связи с этим сформулировано предположение о том, что именно в указанных возрастных периодах здоровье детей становится наиболее подверженным действию внешних факторов и факторов, обусловленных образом жизни семей и самих детей.

Что касается когорты 2014 г.р., то она демонстрирует благоприятную динамику показателей здоровья. В течение первого года жизни, в противовес тенденции, регистрируемой в предшествующих когортах, не произошло резкого ухудшения здоровья детей. Доля здоровых детей впервые превысила рубеж 5%, составив 14%. На втором году жизни впервые (по сравнению с динамикой по предшествующим когортам) отмечено сокращение доли детей с хроническими заболеваниями (на 1%) и увеличение доли здоровых детей (на 6%). По результатам анализа динамики здоровья в гендерном разрезе показано, что на втором году жизни более подвержено воздействию негативных факторов здоровье девочек: их доля среди здоровых детей сократилась на 7%.

Установлено также, что ведущими факторами риска для здоровья новорожденных детей являются курение матери, плохая обеспеченность продуктами питания, неблагоприятные жилищные условия, низкий уровень материального благосостояния семьи, её неполнота.

Для оценки здоровья важно учитывать и его физические параметры, и показатели нервно-психического развития. Психическое здоровье, нормальное нервно-психическое развитие способствует успешной социализации детей, освоению социальных ролей, самовыражению. Творческая, деятельностьная реализация личности ребёнка служит базисом его профессионального самоопределения, максимальной реализации трудового потенциала.

3.4. Состояние психического здоровья и нервно-психическое развитие детей

3.4.1. Психическое здоровье детей

В известной мудрости «в здоровом теле – здоровый дух» нашла отражение диалектическая взаимосвязь физического и психического здоровья человека. Поэтому, говоря о качестве детского населения, нельзя оставить без внимания то, что определяет облик нового поколения, его потенциальный вклад в социальные преобразования. Процесс модернизации общества немыслим без воспитания подрастающего поколения, способного творчески подходить к решению проблем, активно проявлять себя в общественной деятельности, предлагать и осваивать инновационные технологии. Основой для развития перечисленных способностей выступают психическое здоровье, гармоничное нервно-психическое развитие детей.

Психическое здоровье нового поколения неразрывно связано с социальным здоровьем всего общества. Существует двусторонняя связь между проявлениями социального нездоровья и нарушениями психического здоровья детей. Неблагополучие общества порождает девиации в детской среде, способствует распространению психических патологий. Эти нарушения, в свою очередь, рожают новый виток болезней общества. Точно так же психическое благополучие детей определяет их способность к успешной социализации, обучению, творческой трудовой деятельности, освоению инноваций. Эти особенности – залог прогрессивного развития общества в последующие десятилетия, а также основа для воспитания новых благополучных поколений.

Значимость защиты и укрепления психического здоровья подрастающего поколения признана на мировом уровне. В частности, эту задачу Всемирная организация здравоохранения включила в число стратегических приоритетов улучшения здоровья и развития детей и подростков¹⁴⁵.

Комплексное исследование здоровья детей в контексте социально-экономических трансформаций требует решения нескольких задач: выявления трендов основных показателей психического здоровья детей, оценки распространённости среди них нарушений нервно-психического развития, определения значимости нервно-психического развития детей для достижения учебных успехов, выявления степени его влияния на одарённость, выбор будущей профессии.

Психическое здоровье детей оценивается путём его соотнесения с принятым критерием возрастной нормы. Однако проблема определения нормы психического здоровья носит междисциплинарный характер и решается на стыке таких областей знания, как: медицина (психиатрия), дифференциальная психология, психология развития, педагогическая психология, психология личности, нейропсихология и др. Можно выделить несколько подходов к пониманию «нормы» (табл. 3.23).

Для целей данного исследования использовались статистический и адаптационный подходы. Первый – при анализе тенденций психического здоровья детей в масштабах страны и её округов. Второй – при рассмотрении психического здоровья детей как производной их нервно-психического развития. (Эта задача решена в п. 3.4.2. с использованием данных медико-социологического мониторинга ИСЭРТ РАН.)

¹⁴⁵ Стратегические направления улучшения здоровья и развития детей и подростков / Всемирная организация здравоохранения, 2003. – URL: https://www.rorbic.ru/upload/site1/document_file/T1vpcPHpX6.pdf

Таблица 3.23. Подходы к пониманию «нормы» психического здоровья

Подход	Преимущества	Недостатки
Статистический подход	Предполагает возможность количественного измерения свойств исследуемого объекта и установление с помощью математического аппарата соответствующих средних показателей. Чем реже встречается та или иная форма, например, поведения, тем больше вероятность, что ее будут воспринимать как отличную от нормальной. Быть нормальным в рамках данного подхода – значит соответствовать среднестатистическому нормативу.	Вызывает критику, так как представление о норме, как о чём-то наиболее часто встречающемся, ограничивает представление о человеческом развитии.
Культурно-релятивистский подход	Норма и патология определяется соотношением особенностей культуры социальных групп, к которым принадлежат исследуемые. То, что считается нормой для одной социальной группы, для другой будет выглядеть как патология.	Нормальным является то, что соответствует представлениям данной культуры о норме, то есть делает невозможным однозначное определение нормального поведения.
Психопатологический подход	Норма понимается как отсутствие выраженных патологических симптомов. Если у человека нет этих симптомов, значит, он нормален, здоров.	Здоровье определяется через нездоровье, норма – через аномалию.
Экзистенциальный подход	Является описательным и связан с гуманистической теорией личности. Представители данного подхода пытаются выделить то позитивное, что несет в себе нормальная личность.	В данном подходе нет описания внутренних закономерностей процесса развития личности, который привел к ее появлению.
Адаптационный подход	Адаптация понимается, во-первых, как динамическое равновесие между организмом и средой, а во-вторых, между психическими процессами и деятельностью человека. То есть норма – это процесс достижения личностью такого оптимального функционирования, которое позволяет реализовать в полной мере самосохранение, самореализацию и развитие.	Этот подход не позволяет получить целостную картину психического здоровья населения, поскольку не опирается на универсальные, однозначно установленные критерии нормы.
Источник: составлено авторами.		

Для характеристики состояния психического здоровья подрастающего поколения обратимся к анализу статистических показателей: заболеваемости и инвалидности детского населения. Сведения о нарушении психического здоровья необходимы для прогнозирования условий, в которых будет происходить модернизация общества в течение следующих лет. Величина и динамика этих показателей характеризует и потенциал здоровья подрастающего поколения, который определяет будущую обеспеченность экономики квалифицированными специалистами, потребителями и создателями инноваций.

В период 2011–2015 гг. в целом по Российской Федерации численность детей в возрасте 0–14 лет, страдающих психическими расстройствами и расстройствами поведения, снизилась на 2%. Среди подростков значение показателя снизилось на 14%. Северо-Западный федеральный округ в 2015 году занимал 4-е место среди всех федеральных округов по заболеваемости детей 0–14 лет психическими расстройствами и расстройствами поведения. В Вологодской области показатели заболеваемости детей и подростков были выше, чем на остальных территориях округа, за исключением г. Санкт-Петербурга. По сравнению с 2014 г. наблюдается увеличение детской заболеваемости и снижение заболеваемости подростков (табл. 3.24).

Таблица 3.24. **Заболеваемость детей психическими расстройствами и расстройствами поведения** (состоит под наблюдением на конец отчетного года), человек

Территория	2011		2012		2013		2014		2015	
	0–14	15–17	0–14	15–17	0–14	15–17	0–14	15–17	0–14	15–17
РФ	189836	74118	187476	70812	183873	68507	186669	66676	186341	64036
ЦФО	31376	13431	31194	12676	30168	11968	30376	11196	31353	31376
СЗФО	18874	6906	19740	6907	20246	6719	20252	6898	19054	6450
Республика Карелия	478	218	479	244	517	225	555	269	570	197
Республика Коми	778	466	700	419	685	397	666	424	565	383
Архангельская область	551	229	581	213	597	215	748	267	748	259
Вологодская область	1945	1076	1771	1063	1556	929	1548	937	1578	807
Калининградская область	616	667	599	619	609	592	579	523	614	487
Ленинградская область	845	379	902	391	935	365	1004	376	1029	363
Мурманская область	463	189	457	170	419	149	427	157	417	172
Новгородская область	1880	848	1843	777	1822	744	1746	748	1668	773
Псковская область	775	462	793	403	769	369	797	378	818	377
г. Санкт-Петербург	10543	2372	11615	2608	12337	2734	12182	2819	11047	2632
ЮФО	10381	4822	10032	4486	9211	4236	8968	3999	9008	3788
СКФО	23451	6908	24138	6693	24416	6403	24053	5828	24741	5492
ПФО	40664	16243	39752	15602	38596	15224	38575	14667	38742	14311
УФО	16052	7181	15557	6693	15036	6222	14999	6050	14981	5831
СФО	38871	14345	37349	13769	36908	13890	35606	13144	34553	12429
ДФО	10167	4282	9714	3986	9292	3845	9126	3434	9308	3320
КФО	–	–	–	–	–	–	4714	1460	4601	1223

Источник: Семья, материнство и детство // Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

Разнонаправленность тенденций в регионе может быть обусловлена различиями в динамике факторов, приводящих к развитию психических заболеваний в детстве и в подростковом возрасте. Вероятно, период 2014–2015 гг. характеризовался улучшением условий для развития подростков и ухудшением условий для развития остальных детей.

Психические расстройства и расстройства поведения выступают одной из ведущих причин инвалидности детей в Российской Федерации и в Вологодской области. По состоянию на 2015 г. инвалидность, обусловленную данной причиной, имели более 186 тыс. российских детей в возрасте 0–14 лет и более 64 тыс. подростков 15–17 лет. В Вологодской области – 1578 детей и 807 подростков (табл. 3.25).

Таблица 3.25. **Численность детей с инвалидностью, обусловленной психическими расстройствами и расстройствами поведения, человек**

Территории	2011		2012		2013		2014		2015	
	0–14	15–17	0–14	15–17	0–14	15–17	0–14	15–17	0–14	15–17
РФ	189836	74118	187476	70812	183873	68507	186669	66676	186341	64036
ЦФО	31376	13431	31194	12676	30168	11968	30376	11196	31353	31376
СЗФО	18874	6906	19740	6907	20246	6719	20252	6898	19054	6450
Республика Карелия	478	218	479	244	517	225	555	269	570	197
Республика Коми	778	466	700	419	685	397	666	424	565	383
Архангельская область	551	229	581	213	597	215	748	267	748	259
Вологодская область	1945	1076	1771	1063	1556	929	1548	937	1578	807
Калининградская область	616	667	599	619	609	592	579	523	614	487
Ленинградская область	845	379	902	391	935	365	1004	376	1029	363
Мурманская область	463	189	457	170	419	149	427	157	417	172
Новгородская область	1880	848	1843	777	1822	744	1746	748	1668	773
Псковская область	775	462	793	403	769	369	797	378	818	377
г.Санкт-Петербург	10543	2372	11615	2608	12337	2734	12182	2819	11047	2632
ЮФО	10381	4822	10032	4486	9211	4236	8968	3999	9008	3788
СКФО	23451	6908	24138	6693	24416	6403	24053	5828	24741	5492
ПФО	40664	16243	39752	15602	38596	15224	38575	14667	38742	14311
УФО	16052	7181	15557	6693	15036	6222	14999	6050	14981	5831
СФО	38871	14345	37349	13769	36908	13890	35606	13144	34553	12429
ДФО	10167	4282	9714	3986	9292	3845	9126	3434	9308	3320
КФО							4714	1460	4601	1223

Источник: Семья, материнство и детство // Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

На первый взгляд это невысокие показатели, однако их снижение в 2011–2015 гг. было медленным. Учитывая высокие издержки ресурсов здравоохранения и социальной защиты на лечение и реабилитацию таких детей, можно говорить о выраженном негативном влиянии нарушений психического здоровья на развитие общества

Проявлениями нарушений психического здоровья служат факты нарушения социальных и правовых норм. Статистическими показателями, описывающими эти явления, выступают численность преступлений, совершённых при участии несовершеннолетних, число лиц в возрасте до 18 лет, состоящих на учёте в правоохранительных органах, отбывающих наказание в исправительных колониях.

По данным государственной статистики, в 2015 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 61,8 тыс. преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии. В Северо-Западном федеральном округе – 6703 преступления, в Вологодской области – 1110 преступлений (рис. 3.19).

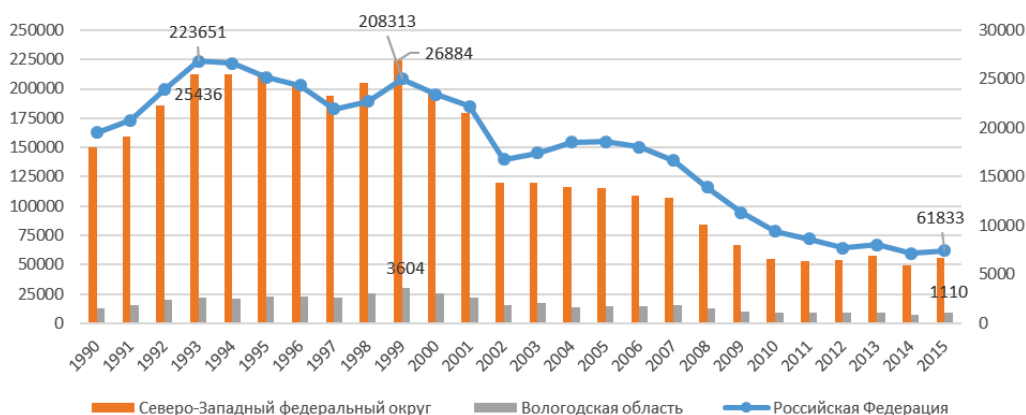

Рис. 3.19. Число преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, единиц, значение показателя за год

Источник: Число преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, единица, значение показателя. Хорошее психическое здоровье определяется, в том числе, гармоничностью нервно-психического развития (НПР). Несоответствие нервно-психического развития возрастным характеристикам и требованиям общества может привести к нарушению формирования личности, психическим заболеваниям, девиантному, делинквентному поведению // Центральная база статистических данных. – URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBinet.cgi>

Доля несовершеннолетних правонарушителей в возрасте 14–17 лет в Вологодской области в 2014 г. составила 1,7% от общей численности данной возрастной группы детей, что несколько выше среднероссийского показателя (1%)¹⁴⁶.

Серьёзную опасность для психического здоровья детей представляют алкогольные напитки и наркотики. Эти вещества оказывают пагубное воздействие на нервную систему, что становится причиной разрушения личности, интеллектуальной деградации и асоциального поведения. Общество принимает на себя обязательства по исправлению, лечению и реабилитации таких детей, устранению негативных последствий их действий, и это представляет дополнительное препятствие для успешного социально-экономического развития территорий.

Статистические данные свидетельствуют, что в 2015 году в России численность детей, страдающих расстройствами поведения, обусловленными употреблением наркотиков, составляла 916 человек, из которых подавляющее большинство – подростки 15–17 лет (882 чел.)¹⁴⁷. На первый взгляд это небольшая цифра. Однако статистический учёт позволяет получить данные только о тяжёлых случаях зависимости, зарегистрированных государственными учреждениями. Латентный уровень показателя может оказаться в несколько раз выше.

Краткий обзор динамики статистических показателей психического здоровья детей показал, что в стране и в регионе наблюдаются тренды снижения заболеваемости и инвалидности детского населения психическими расстройствами и расстройствами поведения. Благоприятно для социального здоровья населения и наблюдаемое снижение преступности среди несовершеннолетних. Эти социальные процессы свидетельствуют об улучшении условий жизни семей, более успешной социализации подрастающего поколения, чем в предшествующие периоды развития российского общества. В свете этого уровень психического здоровья детей и подростков в целом благоприятствует экономической и социокультурной модернизации территории.

¹⁴⁶ Доля несовершеннолетних участников преступлений от численности детского населения в возрасте от 14 до 17 лет // ЕМИСС. Государственная статистика. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43836>

¹⁴⁷ Семья, материнство и детство // Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

3.4.2. Нервно-психическое развитие детей: по данным мониторингового исследования в Вологодской области

Если нарушения психического здоровья снижают качество детского населения, то нормальное нервно-психическое развитие, напротив, играет положительную роль: обеспечивает самоконтроль, успешную социализацию, развитие интеллектуальных и творческих способностей, самовыражение личности. Это, в свою очередь, влияет на профессиональное самоопределение, степень реализации трудового потенциала во взрослой жизни. Для того чтобы определить, как именно нервно-психическое развитие влияет на учебные успехи детей, их одарённость, выбор будущей профессии, необходимо обратиться к данным лонгитюдных социологических исследований.

Проводимый ИСЭРТ РАН мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» позволяет на примере нескольких когорт оценить показатели, выступающие индикаторами уровня нервно-психического развития (НПР) детей. В рамках данного исследования основное внимание будет сосредоточено на рассмотрении следующих компонентов НПР:

- соответствие возрастной норме;
- учебная мотивация;
- успеваемость;
- наличие особых способностей.

Перечисленные характеристики отражают результат процесса социализации и дают представление о формирующемся интеллектуальном и творческом потенциале поколения. Удобнее всего провести их оценку на примере детей школьного возраста – подростков 11, 14 и 17 лет. Именно в этот период происходит становление личности, расширение спектра социальных взаимодействий, появляется способность критически мыслить. По мере взросления детей воспитательная роль семьи и школы ослабевает, всё большее значение приобретает общение со сверстниками, усиливается стремление самостоятельно выбирать жизненные ориентиры.

Одним из главных критериев оценки нервно-психического развития является его соответствие или несоответствие возрастной норме. По ответам педиатров, в разных когортах наблюдалось от 91 до 98% 11-летних детей, чьё развитие соответствовало возрасту, от 2 до 4% тех, у кого развитие отставало от нормы, и от 1 до 2% развивавшихся с опережением возраста (табл. 3.26). Оценки, высказанные врачами и родителями, различались: родители чаще отмечали, что их дети развиваются с опережением или отставанием относительно возрастной нормы.

Таблица 3.26. **Комплексная оценка нервно-психического развития 11-летних детей врачами-педиатрами и родителями, в % от числа опрошенных**

Нервно-психическое развитие ребенка	Когорты							
	1995 г.р.		1998 г.р.		2001 г.р.		2004 г.р.	
	Педиатры	Родители	Педиатры	Родители	Педиатры	Родители	Педиатры	Родители
Соответствует возрасту	95,6	82,3	94,3	81,4	91,0	85,7	98,3	86,2
Отстает от нормы	3,5	3,5	1,4	4,3	2,6	5,2	0,0	3,4
Опережает возраст	0,0	1,8	1,4	0,0	0,0	3,9	1,7	5,2
Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 2006, 2009, 2012, 2015 гг.								

Аналогичное расхождение мнений родителей и педиатров наблюдается и при оценке нервно-психического развития 14-летних подростков (табл. 3.27). В этом возрасте педиатры фиксировали опережение нервно-психического развития у 1% детей 1995 г.р. и 3,6% детей 1998 г.р. Отставание развития фиксировалось у небольшой группы детей в каждой из когорт: 1% детей 1995 г.р., 2% детей 1998 г.р., 3% детей 2001 г.р.

Таблица 3.27. **Комплексная оценка нервно-психического развития 14-летних детей врачами-педиатрами и родителями, в % от числа опрошенных**

Нервно-психическое развитие ребенка	Когорта					
	1995 г.р.		1998 г.р.		2001 г.р.	
	Педиатры	Родители	Педиатры	Родители	Педиатры	Родители
Соответствует возрасту	94,5	87,2	92,9	85,7	91,0	85,7
Отстает от нормы	0,9	3,7	1,8	3,6	2,6	5,2
Опережает возраст	0,9	0,0	3,6	0,0	0,0	3,9
Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 2006, 2009, 2012, 2015 гг.						

Причины различий в оценках объяснимы с нескольких позиций. Первая: врачи более компетентны в профессиональном плане, чем родители. Вторая: при оценке развития ребенка педиатрами не используются сведения об успеваемости, мотивации, увлечениях ребёнка, его психологическом состоянии. Третья: родители оценивают развитие ребёнка, опираясь на опыт наблюдения за ним на протяжении всей жизни, кроме того, они ориентируются также на опыт своего окружения – мнение родственников и друзей, педагогов.

Успеваемость и отношение к обучению также являются важными показателями нервно-психического развития школьников. Эти параметры в рамках проведения мониторинга оценивались только самими детьми и их родителями. За период исследования наблюдалось увеличение доли 11-летних детей и 14-летних подростков с положительной школьной мотивацией. Нужно отметить, что не всегда положительное отношение к школе включает в себя только учебный интерес. Часто детям нравится общение с одноклассниками, участие в тематических мероприятиях, занятия в дополнительных кружках и секциях, посещение столовой (табл. 3.28).

Таблица 3.28. **Распределение ответов детей 11–14-лет на вопрос: «Интересно ли тебе учиться?», в % от числа опрошенных**

Вариант ответа	Когорта					
	1995 г.р.		1998 г.р.		2001 г.р.	
	11 лет	14 лет	11 лет	14 лет	11 лет	14 лет
Да, я учусь с интересом	68,8	51,9	68,1	59,3	72,6	60,8
Не очень, я могу учиться лучше	8,0	16,7	10,1	13,0	13,7	31,4
Мне не интересно, я учусь с неохотой, потому что заставляют родители	3,6	5,6	5,8	0,0	2,7	Н.д.
Совершенно не нравится учиться	0,9	4,6	0,0	3,7	0,0	3,9
Затрудняюсь ответить	17,0	21,3	15,9	22,2	11,0	Н.д.

* Н.д. – вариант ответа не предусмотрен опросом.
 Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 2006, 2009, 2012, 2015 гг.

В соответствии с возрастными характеристиками в среднем школьном возрасте учебная деятельность у детей уходит на второй план. Количество детей 14-летнего возраста, обучающихся на «отлично», за время проведения исследования снизилось на 9–10 %, обучающихся на «4» и «5» – увеличилось на 10–20%, обучающихся на «3 и 2» – снизилось на 10% (табл. 3.29).

Таблица 3.29. **Распределение ответов 11 и 14-летних детей на вопрос: «Какие оценки ты чаще получаешь?», в % от числа опрошенных**

Вариант ответа	Когорты					
	1995 г.р.		1998 г.р.		2001 г.р.	
	11 лет	14 лет	11 лет	14 лет	11 лет	14 лет
«4 и 5»	48,7	32,1	57,1	50,0	62,3	54,9
«4 и 3»	17,7	18,3	11,4	32,1	24,7	33,3
Больше «3»	22,1	34,9	18,6	Н.д.	Н.д.	11,8
Только «5»	10,6	0,9	8,6	8,9	9,1	0,0
Бывает «3 и 2»	0,9	12,8	2,9	5,4	3,9	0,0

Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 2006, 2009, 2012, 2015 гг.

Установлено, что большая часть родителей (от 71 до 82%) считают, что их дети «не полностью реализуют свой потенциал, могут учиться лучше». Причем, такая тенденция сохраняется с 1995 года (табл. 3.30).

Таблица 3.30. **Распределение ответов родителей 14-летних детей на вопрос: «Как Вы считаете, Ваш ребёнок учится...?», в % от числа опрошенных**

Вариант ответа	1995 г.р.		1998 г.р.		2001 г. р.	
	11 лет	14 лет	11 лет	14 лет	11 лет	14 лет
Не полностью реализует свой потенциал, может учиться лучше	74,3	85,3	81,4	73,2	72,7	71,7
В полную меру своих способностей	23,0	8,3	17,1	12,5	15,6	24,5
Совершенно не проявляет интереса к обучению	1,8	6,4	1,4	12,5	7,8	3,8
Затрудняюсь ответить	0,9	0,0	0,0	0,0	3,9	0,0
Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 2009, 2012, 2015 гг.						

Полученные данные согласуются с особенностями психологических изменений, характерных для подросткового возраста. В этот период существенно меняется самооценка ребенка. Если у младших школьников она складывалась под влиянием оценок учителя и касалась в основном учёбы, то теперь ведущее значение имеет мнение сверстников, а мнение родителей и педагогов становится второстепенным. Сфера интересов детей становится более насыщенной, расширяется сеть социальных взаимодействий.

Формализовать этот стихийный процесс, сделать его более управляемым и направить в социально приемлемое русло может вовлечение детей в систему дополнительного образования. Благодаря занятиям в кружках и секциях по интересам у детей появляется возможность попробовать себя в различных видах деятельности. Расширение социального опыта способствует более глубокому осознанию собственных жизненных установок, приобретению новых знаний, умений, навыков. Ещё большее значение имеет дополнительное образование для обучающихся выпускных классов. Для них занятия в сфере дополнительного образования могут служить стимулом для профессионального самоопределения.

Результаты исследования показывают, что дополнительные занятия посещали менее половины детей когорт 1995, 1998, 2001 г.р. в возрасте 14 лет. При этом в каждой более младшей когорте доля таких детей оказывалась ниже, чем в предшествующей. Доля детей 17-летнего возраста, занятых дополнительным образованием, в когорте 1998 г.р. была на 20 п.п. ниже, чем в когорте 1995 г.р. (табл. 3.31).

Таблица 3.31. **Распределение ответов детей 14 и 17 лет на вопрос: «Посещаешь ли ты какие-нибудь кружки, спортивные секции, дополнительные занятия в школе, центре дополнительного образования, доме культуры и т.п.?», в % от числа опрошенных**

Вариант ответа	1995 г.р.		1998 г.р.		2001 г.р.
	14 лет	17 лет	14 лет	17 лет	14 лет
Да	45,0	45,7	42,9	25,9	41,5
Нет	55,0	52,9	55,4	74,1	58,5

Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 2012, 2015 гг.

Следует отметить, что наиболее распространёнными причинами отказа детей от посещения дополнительных занятий является не отсутствие у них особых способностей, увлечений и интересов, а внешние ограничения. Основными причинами непосещения дополнительных занятий родители назвали отсутствие необходимости в них (30% в когорте 1995 г. и 40% в когорте 1998 г.), а также отсутствие времени у ребенка (32 и 40% соответственно; табл. 3.32).

Таблица 3.32. **Распределение ответов родителей детей в возрасте 17 лет на вопрос: «Если ребёнок не посещает учреждения дополнительного образования, то почему?», в % от числа опрошенных, ребёнок которых не посещает дополнительные занятия**

Вариант ответа	Когорта	
	1995 г.р.	1998 г.р.
Считаете, что в этом нет необходимости	29,7	40,0
Не хватает времени у ребёнка	32,4	40,0
Не хватает времени у родителей	13,5	10,0
Нет денег для оплаты занятий	0,0	0,0
Учреждения доп. образования расположены далеко от дома	5,4	5,0
Другие причины	10,8	10,0
Нет учреждений дополнительного образования	0,0	0,0

Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 2012, 2015 гг.

То, что родители не в полной мере осознают значимость дополнительных занятий для всестороннего развития ребенка, позволяет сделать вывод о недостаточно высоком уровне их педагогической грамотности.

В то же время дополнительные занятия сопряжены с затратами свободного времени, которое ребёнок мог бы провести за выполнением заданий по основной учебной программе или просто отдыхая. Поэтому на родителей ложится ответственность за рациональное распределение времени труда и отдыха ребёнка. Посещение дополнительных занятий не должно становиться угрозой его здоровью и учебной успеваемости. По данным мониторинга, среди детей когорты 2004 г.р., посещающих дополнитель-

ные занятия, большинство (62%) учится хорошо, в то время как среди детей, не посещающих такие занятия, преобладают те, кто учится на «4» и «3» (табл. 3.33).

Таблица 3.33. **Взаимосвязь школьной успеваемости и посещения дополнительных занятий: по ответам детей 2004 г.р. в 2016 году**, в % от числа опрошенных

Варианты ответов	Посещаешь ли ты кружки, секции, дополнительные занятия?*	
	Да	Нет
Какие оценки ты чаще получаешь?		
«5»	11,5	11,1
«4» и «5»	61,5	22,2
«4» и «3»	23,1	66,7
«3»	3,8	0,0
«3» и «2»	0,0	0,0
Сложно ли тебе сейчас учиться в школе?		
Учёба даётся мне легко	23,1	33,3
По некоторым предметам сложно	69,2	55,6
Большая часть учебных предметов вызывает сложности	7,7	0,0
Учёба даётся мне тяжело	0,0	11,1
* 100% – в столбце.		
Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН.		

Для тех, кому учёба в школе даётся с трудом, дополнительные занятия могут стать не столько полезным досугом, сколько избыточной нагрузкой. Поэтому интересно отметить, что среди детей, посещающих дополнительные занятия, всё же присутствует небольшая доля тех, кто испытывает сложности с учёбой в школе (7%). Родителям таких детей, возможно, следовало бы отказаться от дополнительной нагрузки на ребёнка и дать ему возможность сосредоточить силы и способности на освоении учебной программы. Вместе с тем наличие среди детей, не посещающих дополнительные занятия, значительной доли тех, кому учёба даётся легко (33%), позволяет говорить о недостаточной вовлечённости школьников в программы дополнительного образования.

Рассмотрим, в какой мере соответствует приоритетам экономического развития и потребностям самих детей спектр услуг дополнительного образования, имеющийся в Вологодской области.

По данным Регионального центра дополнительного образования детей (РЦДОД), в Вологодской области охват детей в возрасте 5–18 лет образовательными программами дополнительного образования вырос с 65% в 2014 году до 71% в 2015 году. В структуре обучающихся в 2015/2016 учеб-

ном году преобладала возрастная категория 5–9 лет (53%). Доля детей среднего школьного возраста (10–14 лет) составляет 36%, подростков (15–17 лет) – 11%.

Сроки реализации дополнительных общеобразовательных программ по итогам 2015/2016 уч. г. в основном не превышали двух лет (65,5%). На 5 и более лет были рассчитаны только 14% программ.

Направления дополнительного образования в Вологодской области представлены неравномерно: наибольшая доля реализуемых программ приходится на художественное (50%), физкультурно-спортивное (19%), социально-педагогическое (17%) направления подготовки. По сравнению с 2014/2015 уч. г. в 2015/2016 уч. г. произошло сокращение представленности естественнонаучного (с 7 до 4%) и туристско-краеведческого (с 5 до 4,6%) направлений. Приоритетное для развития кадрового потенциала экономики техническое направление составляет в структуре программ дополнительного образования только 6%.

Важным аспектом развития дополнительного образования является его доступность для жителей сельской местности. В 2015/2016 уч. г. сеть организаций дополнительного образования в сельской местности включала только одну организацию в сфере физкультуры и спорта, 11 организаций в сфере культуры (8 школ искусств и 3 музыкальные школы).

Как и в регионе в целом, на 2015/2016 уч. г. в сельской местности в структуре распределения обучающихся по направлениям подготовки преобладали художественное (50%), социально-педагогическое (19,5%) и физкультурно-спортивное (13%). Сроки реализации образовательных программ также чаще всего были ограничены 1–2 годами (70%).

Как отмечалось выше, дополнительное образование может играть важную роль в работе по профессиональной подготовке школьников, способствовать подготовке высококвалифицированных специалистов. В Вологодской области по состоянию на 2015 год действовало 36 организаций, ведущих программы дополнительного профессионального образования. Наиболее представленными по числу обучающихся были физкультурно-спортивное (58%) и художественное (19%) направления подготовки. Программы технического направления более востребованы в системе дополнительного профессионального образования (доля обучающихся по ним составляет 15% от числа посещающих занятия по программам дополнительного профессионального образования). Однако сроки реализации большинства образовательных программ всё же остаются сжатыми: 74% программ рассчитаны менее чем на 1 год.

В то же время подготовка инженерных кадров – задача государственного уровня. 23 июня 2014 года на заседании Совета по науке и образованию при Президенте РФ В.В. Путин сказал, что «... в России исчерпаны ресурсы инженерных кадров советского периода. Весь мир и наша экономика втягиваются, если уже не вошли, в новый технологический уровень, совершенно другого качества... везде на крупных передовых предприятиях один и тот же вопрос с кадрами и прежде всего с инженерными». По его словам, это так же, как и недостаток инфраструктуры, становится ограничителем экономического роста¹⁴⁸. Вовлечение одарённых детей в систему дополнительного образования могло бы гарантировать более высокую долю юношей и девушек, выбирающих профессию, соответствующую их способностям. Для общества это означало бы дополнительные выгоды – рост производительности труда и рост инновационной активности в инженерной среде.

В Вологодской области, по данным мониторинга ИСЭРТ РАН, юноши и девушки, увлекающиеся точными науками, чаще, чем их сверстники, характеризуются нервно-психическим развитием, опережающим возраст. Среди детей 1995 г.р. в возрасте 17 лет таких было 14%, 1998 г.р. – 33% (табл. 3.34).

Таблица 3.34. **Зависимость НПР 17-летних детей от наличия особых способностей (увлечений) ребенка***, в % от числа опрошенных

Вариант ответа	Когорта			
	1995 г.р.		1998 г.р.	
	Опережает	Соответст.	Опережает	Соответст.
Да, проявляются:	2,2	97,8	5,0	95,0
рисует	0,0	100,0	14,3	85,7
лепит (пластилин, глина)	0,0	0,0	0,0	0,0
пишет стихи, рассказы	0,0	100,0	0,0	100,0
сочиняет музыку	0,0	100,0	0,0	100,0
увлекается спортом	0,0	100,0	0,0	100,0
любит точные науки	14,3	85,7	33,3	66,7
увлекается иностранными языками	0,0	100,0	0,0	100,0
любит рукоделие (вяжет, стругает)	0,0	100,0	0,0	100,0
другие увлечения	0,0	100,0	0,0	100,0
Нет, не проявляются	0,0	100,0	0,0	100,0

* Распределение ответов родителей на вопрос: «Проявляются ли у Вашего ребёнка особые способности?». Источник: Мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 2012, 2015 г.

¹⁴⁸ Заседание Совета по науке и образованию 23 июня 2014 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/45962>

Этот факт позволяет указать на целесообразность расширения спектра программ дополнительного образования инженерной направленности, рассчитанных на длительный период обучения. Вовлечение в них одарённых детей должно стать одной из задач при формировании кадрового потенциала экономики региона.

Серьёзным вызовом для развития системы дополнительного образования детей Вологодской области является сжатие её кадрового потенциала. Число педагогов дополнительного образования в 2015/2016 уч. г. сократилось по сравнению с предыдущим годом с 1161 до 1026 чел. Причём сокращение затронуло и педагогический состав с высшей и первой квалификационной категорией – сокращение с 786 до 695 чел. Доля молодых сотрудников в возрасте до 35 лет снизилась с 33 до 29%¹⁴⁹.

С целью обеспечения условий для реализации детьми творческих способностей, а также для подготовки квалифицированных кадров необходимо решить проблему сокращения кадрового потенциала системы дополнительного образования, расширить охват детей программами дополнительного образования по техническому и естественнонаучному направлению. Особое внимание следует обратить на расширение сети организаций дополнительного образования в сельской местности.

Показатели нервно-психического развития детей, полученные по итогам мониторингового наблюдения, позволяют заключить, что интеллектуальный и творческий потенциал детского населения региона соответствует задачам модернизационных преобразований общества. Если у детей будет возможность реализовать его в трудовой деятельности, экономика региона получит новый резерв для развития. В связи с этим требуется сосредоточить усилия на проблемах профессионального самоопределения детей и содействия им в этом со стороны семьи и школы, как основных институтов, выполняющих функцию воспитания подрастающего поколения.

3.4.3. Профориентация

В продолжение рассуждения о предпочтениях школьников и их профессиональной направленности приведём результаты комплексного обследования, выполненного в 2015 г. на базе Научно-образовательного центра (НОЦ) ИСЭРТ РАН, который посещают дети как из профильных классов, так

¹⁴⁹ Колыгин Н.М. О реализации Концепции развития дополнительного образования детей в Вологодской области (итоги 2015/2016 уч. года и задачи на 2016–2017 уч. год // АОУ ДО ВО «Региональный центр дополнительного образования детей». – URL: <http://rcdop.edu.ru/attachments/article/754/Колыгин%20Н.М.%20О%20реализации%20Концепции%20развития%20доп.%20образования%20детей%20в%20ВО.pdf>

и прошедшие дополнительное тестирование, в том числе с первичной профориентацией. Следует подчеркнуть, что одним из ключевых направлений деятельности НОЦ является начальная профессиональная подготовка школьников с последующей профилизацией их образования и ориентацией на работу в высокоинтеллектуальных отраслях, поэтому контингент обучающихся в НОЦ представлен наиболее талантливыми и мотивированными детьми¹⁵⁰.

Как известно, эффективное развитие и продуктивное использование потенциала молодых выступает главным преимуществом стран с инновационной экономикой. Связано это с тем, что более высокий уровень развития профессиональных компетенций обеспечивает и более высокую инновационную активность¹⁵¹. В качестве одного из критериев успешной социализации ребёнка и его готовности к модернизационным процессам в рамках адаптационного подхода, наряду с общественной активностью, характером взаимоотношений со сверстниками и родителями, школьной успеваемостью и мотивацией, ценностными установками и др., выделяется **профессиональное самоопределение**. Профессиональное самоопределение нельзя сводить только к акту выбора профессии. Его необходимо рассматривать как сложный и длительный процесс, в результате которого происходит увязка личностных свойств и профессиональных требований¹⁵², подготовка к новым «вызовам» современности. Оно поэтапно формируется на протяжении всей жизни человека, однако, как утверждают ведущие специалисты в области возрастной психологии (Л.И. Божович, Е.А. Климов, И.С. Кон, Д.И. Фельдштейн, Д.Б. Эльконин и др.)¹⁵³, самым значимым периодом считается именно подростковый возраст, когда выбор будущей сферы деятельности и, соответственно, типа учебного заведения определяет жизненный путь юношей и девушек.

¹⁵⁰ Леонидова Г.В. Генерация знаний талантливой молодёжи в интересах интеллектуализации человеческого капитала: методы и формы осуществления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – №1(13). – С. 90–100. (С. 96)

¹⁵¹ Шабунова, А.А., Леонидова Г.В., Калачикова О.Н. Дети и молодёжь в России: глобальные вызовы современности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – 6(42). – С. 36–57. (С. 53)

¹⁵² Шишкина Е.А. Особенности профессиональной ориентации выпускников школ: проблемы и решения [Электронный ресурс] // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. – 2012. – №6. – Режим доступа: http://www.mivlgu.ru/site_arch/educational_activities/journal_ec/journal_arch/N6/shikina.pdf

¹⁵³ Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Хрестоматия по возрастной психологии. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО МОДЭК, 1998. – С. 120–131; Климов Е.А. Как выбирать профессию. – М.: Просвещение, 1990. – 159 с.; Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.; Фельдштейн Д.И. Особенности стадий развития личности на примере подросткового возраста // Хрестоматия по возрастной психологии. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО МОДЭК, 1998. – С. 298–309.

Как показывает опыт, российская модель взаимоотношений между личностью, системой образования и рынком труда оказалась не готовой к стремительным модернизационным процессам в обществе, на почве чего возник серьёзный диссонанс. Так, в настоящее время в сфере занятости на первый план выходит проблема структурной безработицы, выражающейся в несоответствии профессиональных качеств рабочей силы, особенно молодых специалистов, требованиям, предъявляемым современным рынком труда. Данный факт подтверждается результатами исследований ряда учёных (Р.И. Капелюшников, В.Е. Гимпельсон, А.Л. Лукьянова, Т.В. Попова, Г.В. Леонидова, К.А. Устинова и др.)¹⁵⁴. Как показывают результаты мониторинговых исследований ИСЭРТ РАН, лишь 49% населения Вологодской области трудоспособного возраста работают по полученной специальности, тогда как 40% заняты на рабочих местах не по профилю профессиональной подготовки.

Основные причины несформированности профессионально важных качеств кроются в серьёзных институциональных ограничениях (дистанцированность рынка труда и системы образования), недостаточно эффективно выстроенной системе профориентационной работы со школьниками, отсутствии со стороны родителей адекватных действий и заинтересованности в профессиональном становлении детей. Всё это свидетельствует о необходимости немедленного пересмотра фундаментальных принципов функционирования отечественных общеобразовательной и профессиональной школ¹⁵⁵ в части осуществления профориентационной деятельности.

Рассматривая вопрос профориентации, полезно обратиться к положительному опыту зарубежных стран. Так, в США профориентационная работа носит пролонгированный и постепенно усложняющийся характер: сначала учащихся знакомят с миром профессионального труда, выявляют

¹⁵⁴ Выбор профессии: чему учились и где пригодились? / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников, Т.С. Карабчук, З.А. Рыжикова, Т.А. Биляк // Экономический журнал ВШЭ. – 2009. – Т. 13. – №2. – С. 172–216; Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»). – М.: Либеральная миссия, 2010. – 196 с.; Леонидова Г.В., Устинова К.А. Образовательный потенциал молодежи как ресурс модернизации // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – №4 (28). – С. 172–178; Попова Т.Н. Структурный дисбаланс системы занятости в регионе [Электронный ресурс] // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. – 2011. – №5. – Режим доступа: http://www.mivlgu.ru/site_arch/educational_activities/journal_ec/journal_arch/N5/popova.pdf; Устинова К.А. Соответствие квалификации занятого населения требованиям рабочих мест // ЭКО. – 2012. – №9. – С. 181–188; Шабунова А.А., Леонидова Г.В. Качество трудовых ресурсов в России: региональный аспект // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – №2(22). – С. 126–134.

¹⁵⁵ Рыбаков М.Ю. Профессиональная ориентация школьников: традиционное содержание и векторы модернизации // Среднее профессиональное образование. – 2008. – №2. – С. 6–8.

их основные склонности и способности в динамике, на основе чего выстраивают долгосрочные прогнозы выбора ими профиля дальнейшего обучения; затем ученикам непосредственно на практике предлагают попробовать свои возможности в том или ином направлении профессиональной деятельности. Заметным преимуществом американской системы профориентации выступает наличие крепких внешних связей между учреждениями образования, профессиональными учебными заведениями и предприятиями, строящихся на принципе социального партнёрства (например, через «институт наставничества»)¹⁵⁶. Кроме того, в поиске и выборе будущей профессии учащимся США значительную помощь оказывают психолого-консультативная система «Guidance», родительские комитеты учебных заведений и Национальный совет по координации и профессиональному самоопределению молодёжи¹⁵⁷.

Во Франции особенностью практики организации профессиональной ориентации является тесное взаимодействие внешкольной (деятельность сети специальных служб различных уровней) и внутришкольной её составляющих, а также координация со стороны трёх министерств: труда, здравоохранения и образования. В рамках внутришкольной профориентационной работы среднее образование во Франции разделено на пять педагогических циклов: 1) наблюдение и адаптация – изучение личности учащегося, определении его способностей, склонностей, уровня знаний, психофизических данных, индивидуальных черт характера (VI класс¹⁵⁸); 2) центральный – знакомство учащихся с разнообразием мира профессий, выбор дополнительных предметов по своим интересам и возможностям (V–IV классы); 3) ориентация – определение дальнейшего учебного пути: общеобразовательный и технологический лицей; профессиональный лицей; центр профессионального обучения (III класс); 4) определение – уточнение профессиональных предпочтений учащихся, стажировки на предприятиях, встречи с бывшими учениками, которые уже стали студентами, и со специалистами различных профессиональных областей (II класс); 5) выпускной – информирование о различных учебных заведениях профессионального образования, правилах поступления в них, условиях обучения, перспективах дальнейшего трудоустройства (I класс).

¹⁵⁶ Взаимосвязь профильной и профессиональной подготовки учащихся в США и России / М.П. Пальянов, А.Р. Демченко, О.А. Семина, Б.А. Беловолов // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – №1. – С. 29–36. (С. 31)

¹⁵⁷ Cray K., Herr E. Other ways to win: creating alternatives for high school graduate. – Thousand Oaks, California: Corwin Press, Inc. A Sage Publications Company, 2000. – 198 p.

¹⁵⁸ Нумерация классов среднеобразовательной школы во Франции идёт в обратном порядке.

Первые три относятся к обучению в колледже, два последних – в лицее. Примечательно, что уже с IV класса учащиеся, по желанию, могут пройти стажировку на предприятии в форме «ознакомительного визита» или «сеанса наблюдения»¹⁵⁹.

У российских школьников существует множество вариантов выбора своего индивидуального учебного и, как следствие, профессионального маршрута, что, с одной стороны, представляет большое преимущество современной системы образования, а с другой – вызывает у детей дополнительные затруднения, связанные со сложностью самоопределения и ответственностью за свой выбор. При этом неизбежно столкновение желаемого будущего и реального настоящего, которое усугубляется как возрастным кризисом, так и кризисом учебно-профессиональной ориентации¹⁶⁰. Вместе с тем сохраняется проблема соответствия этого выбора потребностям рынка труда и тем способностям, которые нужны для достижения успеха в конкретной трудовой деятельности.

Целью обследования школьников среднего и старшего подросткового возраста (8–11 классы)¹⁶¹, посещающих НОЦ ИСЭРТ РАН, стал анализ сформированности их профессионального самоопределения и выявление его воздействия на своевременное овладение и умелое исполнение социальных ролей в соответствии с требованиями современного инновационно-ориентированного общества. Методологическую основу исследования составили:

- дифференциально-диагностический опросник Е.А. Климова, необходимый для оценки профессиональной направленности на основе предпочтений различных по характеру видов деятельности (позволяет выявить принадлежность учащихся к определённому типу профессий);
- дополнительное анкетирование – для получения информации о конкретных профессиональных предпочтениях подростков, о планируемых действиях после окончания школы, о школьных предметах и человеческих качествах, необходимых для овладения выбранной профессией, о степени осведомлённости подростков об учебных заведениях, ведущих подготовку по выбранной ими профессии и т.д.;

¹⁵⁹ Cray K., Herr E. Other ways to win: creating alternatives for high school graduate. – Thousand Oaks, California: Corwin Press, Inc. A Sage Publications Company, 2000. – 198 p. (С. 106–108)

¹⁶⁰ Данилова М.В. Кризис профессионального выбора и направления профориентационной помощи старшеклассникам // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2013. – №31. – С. 102–109. (С. 103)

¹⁶¹ В обследовании профессиональных предпочтений приняли участие 75 обучающихся различных школ областного центра, посещающих НОЦ ИСЭРТ РАН. Из них: 52 человека – представители среднего подросткового возраста (13–16 лет), 23 человека – старшего подросткового возраста (17–18 лет).

- фокус-групповое исследование – для выявления представлений подростков об успехе и качествах, требующихся для его достижения, о будущей профессии, о возможных преградах в её освоении и т.д.

Крайне важным аспектом в оценке сформированности профессионального самоопределения является соответствие личностных качеств, склонностей, предрасположенности детей выбранной профессии. Результаты диагностики принадлежности к определённому типу профессий¹⁶² по методике Е.А. Климова показали, что более трети обследованных учащихся (34%) ориентированы на профессии типа «человек-художественный образ» (рис. 3.20). На втором месте среди профессиональных ориентаций школьников оказался тип «Ч-З» (16%), на третьем – «Ч-Ч» (11%). У 10% учащихся выявлен смешанный тип «Ч+Х», у 8% – «Т+Ч». Примечательно, что лишь у 6,5% подростков наблюдалась склонность к профессиям типа «Ч-Т» и у 2% к типу «Ч-П». У остальных 13% учащихся отмечены другие варианты сочетаний типов профессиональных предпочтений.

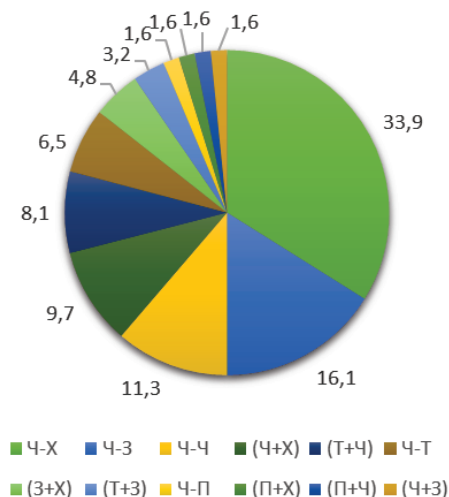

Рис. 3.20. Распределение учащихся по типам профессиональных предпочтений, в % от числа опрошенных

¹⁶² Типы профессиональных предпочтений по Климову Е.А.: человек-природа (Ч-П); человек-техника (Ч-Т); человек-человек (Ч-Ч); человек-знаковая система (Ч-З); человек-художественный образ (Ч-Х); человек-природа + человек-человек (П+Ч); человек-природа + человек-художественный образ (П+Х); человек-техника + человек-человек (Т+Ч); человек-техника + человек-знаковая система (Т+З); человек-человек + человек-знаковая система (Ч+З); человек-человек + человек-художественный образ (Ч+Х); человек-знаковая система + человек-художественный образ (З+Х).

Симптоматично, что анализ ответов на открытый вопрос «Какую именно профессию ты планируешь выбрать?» показал, что в 48% случаев подростки, посещающие НОЦ, выбирали специализации, не соответствующие их индивидуальному типу профессиональных предпочтений. Это говорит о недостатке у школьников информации о собственных возможностях и профессиональных качествах, о незнании необходимых для овладения данной специализацией характеристик. Как отмечает В.Г. Якимов, выбор своего образовательно-профессионального развития у школьников подросткового возраста недостаточно основателен и рационален, поскольку зачастую импульсивен, они слабо подготовлены к интеграции в профессионально-образовательную сферу и недостаточно мобильны¹⁶³.

Стоит отметить, что чаще всего избранная специальность совпадала с профессиональной ориентацией у детей смешанных типов профессиональных предпочтений: «П+Ч», «П+Х», «Т+З», «Т+Ч», «Ч+Х» и у детей типа «Ч-З» (табл. 3.35). В то время как подростки, относящиеся к остальным типам, в большинстве случаев выбирали специальности, не соответствующие их индивидуальным склонностям. Так, например, школьники с типом профессиональных предпочтений «человек–художественный образ» по большей части выбирали профессии из сферы менеджмента и управления персоналом (HR-менеджер, PR-менеджер и др.), а каждый второй подросток, принадлежащий к типу «человек–человек», в качестве приоритетной обозначал специальность, больше подходящую типу «человек–знаковая система» (экономист-финансист, специалист рынка ценных бумаг, рентгенолог).

Таблица 3.35. **Соответствие выбранных подростками профессий их профессиональным предпочтениям**

Соответствие выбранной профессии типу проф. предпочтений	Типы профессиональных предпочтений (по Климову Е.А.)												Всего
	П	Т	Ч	З	Х	П+Ч	П+Х	Т+Ч	Т+З	Ч+З	Ч+Х	З+Х	
Всего (указали профессию и прошли тест)*	1	4	6	6	16	1	1	4	2	1	6	2	50
Число совпадений, абс.	0	2	3	4	4	1	1	3	2	1	4	1	26
Доля совпадений, %	0	50	50	67	25	100	100	75	100	100	67	50	52
Число несовпадений, абс.	1	2	3	2	12	0	0	1	0	0	2	1	24
Доля несовпадений, %	100	50	50	33	75	0	0	25	0	0	33	50	48
* Часть детей не дали ответ на вопрос: «Какую именно профессию ты планируешь выбрать?»													

¹⁶³ Якимов В.Г. Исследование уровня сформированности компетенции полипрофессионального ориентирования школьников // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – №1. – С. 3–6. (С. 4)

Исходя из этой специфики, в систему школьных профориентационных мероприятий необходимо включить диагностику степени соответствия реального выбора школьников их профессиональной предрасположенности.

Одним из ключевых компонентов зрелости решения в отношении выбора образовательного или профессионального пути является сформированность представлений подростков о дальнейших действиях после окончания школы, что особенно важно для выпускников общеобразовательных школ. Судя по данным опроса учащихся 8–11 классов в целом для подростков доминирующей траекторией является получение высшего образования (82%; табл. 3.36).

Таблица 3.36. **Распределение ответов учащихся на вопрос: «Что ты планируешь делать после окончания школы?» в зависимости от возрастной группы учащихся*, в % от числа опрошенных**

Варианты ответов	Возраст		В среднем
	средний подростковый (13–16 лет)	старший подростковый (17–18 лет)	
Поступить в вуз	84,6	78,3	82,3
Получить среднее специальное образования (в техникуме)	0,0	0,0	0,0
Освоить рабочие профессии в училище, колледже	2,6	0,0	1,6
Работать сразу после школы	0,0	0,0	0,0
Другое, в том числе:	12,8	21,7	16,1
работать и учиться в вузе	2,6	21,7	9,7
сначала техникум/колледж, а затем вуз	5,1	0,0	3,2
Не знаю	5,1	0,0	3,2

* 100% в сумме по каждому столбцу.

Любопытен тот факт, что никто из опрошенных детей не отметил таких возможных вариантов, как «получить среднее специальное образования (в техникуме)» или «работать сразу после школы», что говорит о непопулярности рабочих специальностей среди обследованных подростков. Так, О.С. Тоисеева отмечает, что в наши дни, несмотря на востребованность на рынке труда рабочих профессий, они, как правило, даже не рассматриваются молодежью в качестве перспективных¹⁶⁴. В то же время среди ответов

¹⁶⁴ Тоисеева О.С. Профессиональное самоопределение подростков: актуальность, проблемы, пути решения // Педагогическое образование в России. – 2011. – №4. – С. 60–64. (С. 61)

учащихся среднего подросткового возраста встречались и альтернативные варианты: «сначала поступить в техникум/колледж, а затем в вуз». Кроме того, часть школьников планируют совмещать учебную деятельность в вузе с рабочей занятостью. При этом доля подобных вариантов ответов оказалась значительно выше у старших подростков по сравнению с более младшими (22% против 3%).

Данные об особенностях выбора образовательной траектории учащихся иллюстрируют важнейшие структурные изменения в системе образования: подавляющее большинство учащихся старших классов основной школы, планирующих продолжить обучение в школе, ориентируются на дальнейшую подготовку в вузе, а средний и начальный уровни профессиональной подготовки либо не рассматриваются ими совсем, либо рассматриваются в качестве промежуточного этапа. Как известно, в настоящее время на территории Вологодской области наблюдается дефицит рабочей силы и снижение экономической активности граждан трудоспособного возраста, особенно среди молодёжи до 24 лет, что во многом объясняется увеличением масштабов вовлечения данной категории в процесс получения образования, главным образом высшего¹⁶⁵.

Среди всех опрошенных школьников 45% в настоящее время ещё не определились окончательно с выбором будущей профессии, при этом доля таких ответов больше в группе детей среднего подросткового возраста по сравнению с детьми старшей возрастной группы (49% против 39%; табл. 3.37). Кроме того, среди детей среднего подросткового возраста оказалось значительно больше тех, кто не знает, какую профессию хочет выбрать (23 против 9%). Во многом это обусловлено тем, что в 13–16 лет профессиональные намерения подростков ещё диффузны, неопределённые, поэтому профессионально ориентированные мечты и романтические устремления реализовать в настоящем для них зачастую невозможно¹⁶⁶. В то же время, более половины учащихся старшего подросткового возраста (52%) уже окончательно определились с выбором профессии и лишь 9% не знают, какую специальность хотят выбрать.

¹⁶⁵ Попов А.В. Обеспеченность Вологодской области трудовыми ресурсами: проблемы и перспективы // *Universum: экономика и юриспруденция*. – 2015. – №7(18). – Режим доступа : <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/2305>; Фёдорова Л.Д. Профессиональное самоопределение школьников // *Муниципальное образование: инновации и эксперимент*. – 2014. – №3. – С. 19–23. (С. 21)

¹⁶⁶ Симатова О.Б., Прокопьева Е.В. Возрастные особенности профессиональной направленности школьников на разных этапах онтогенеза // *Психология*. – 2011. – №5. – С. 210–213. (С. 211)

Таблица 3.37. **Распределение ответов учащихся на вопрос: «Определился ли ты окончательно с выбором профессии?» в зависимости от возрастной группы*, в % от числа опрошенных**

Варианты ответов	Возраст		В среднем, оба возраста
	13–16 лет	17–18 лет	
Да, я знаю, какую профессию хочу выбрать	28,2	52,2	37,1
Я сомневаюсь	48,7	39,1	45,2
Нет, я не знаю, какую профессию хочу выбрать	23,1	8,7	17,7

* 100% в сумме по каждому столбцу.

Планирование и выбор профессионального пути во многом определяется теми мотивами, которые подросток определяет для себя в качестве приоритетных. При выборе профессии проявляются: интересы и отношение человека к самому себе, его самосознание, его самооценивание и ответственность. Мотивы профессионального выбора обусловлены социальными условиями, представлениями об особенностях профессиональной деятельности, информацией о ней, состоянием здоровья¹⁶⁷. Но на выбор профессии могут влиять и ситуационные, нередко случайные причины, природа которых различна. Это и увлечение внешней стороной профессии, и неверное представление о содержании будущего труда¹⁶⁸.

Результаты опроса школьников показали, что при выборе профессии они в большей степени руководствуются интересом к ней (89%). На втором месте по значимости находится возможность карьерного роста (60%), на третьем – престиж профессии (40%; табл. 3.38). В то же время на такой внешний мотив выбора профессии, как желание родителей, ориентируются лишь 8% подростков, что может говорить о значительной самостоятельности принимаемых ими решений.

Примечательно, что у учащихся выпускных классов по сравнению с младшими сверстниками в целом преобладают мотивы востребованности профессии на рынке труда, престижа профессии, возможности постоянного повышения квалификации и возможности профессионального и карьерного роста. Данный факт свидетельствует о большей осведомленности учащихся выпускных классов о реальной ситуации, тенденциях на рынке труда и о текущей востребованности профессий.

¹⁶⁷ Груздова Е.В., Абдалина Л.В. Общая характеристика профессионального выбора подростка // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – №4. – С. 163–166. (С. 165)

¹⁶⁸ Абдалина Л.В., Гаврилова Е.В. Психологические аспекты профессионального самоопределения учащихся. – Воронеж : ВоГПУ, 2004. – 77 с.

Таблица 3.38. **Распределение ответов учащихся на вопрос: «Что повлияло на выбор данной профессии?» в зависимости от возрастной группы учащихся*, в % от числа опрошенных**

Варианты ответов	Возраст		В среднем
	средний подростковый (13–16 лет)	старший подростковый (17–18 лет)	
Интерес	87,2	91,3	88,7
Возможность профессионального роста, успешной карьеры	53,8	69,6	59,7
Престиж профессии	30,8	56,5	40,3
Высокая заработная плата	33,3	43,5	37,1
Востребованность на рынке труда	23,1	52,2	33,9
Возможность постоянно повышать квалификацию	25,6	43,5	32,3
Хорошие условия труда	20,5	34,8	25,8
Желание родителей	7,7	8,7	8,1
Другое	10,3	8,7	9,7
* Вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа, поэтому сумма процентов по каждому столбцу не равна 100.			

Ещё одним немаловажным критерием профессионального самоопределения подростков служит их осведомлённость об учебных заведениях, готовящих специалистов по выбранной специальности. Ответы школьников на вопрос о том, знают ли они о подобных образовательных учреждениях на территории региона, страны или за границей, показали большую информированность в этом плане подростков 17–18 лет (91%), тогда как среди учащихся среднего подросткового возраста доля таких детей значительно ниже (41%; рис. 3.21).

Низкая информированность школьников 13–16-летнего возраста об учебных заведениях, осуществляющих подготовку специалистов по избранной профессии, представляет собой серьёзную проблему, поскольку уже по окончании 9 класса общеобразовательной школы часть из них принимает решение о поступлении в учреждения среднего профессионального образования. Без таких знаний девятиклассники рискуют сделать ситуативный и непродуманный выбор образовательной траектории, что в перспективе повышает вероятность смены учебного заведения или, после его окончания, ведение трудовой деятельности в сфере, не связанной с приобретённой специальностью.

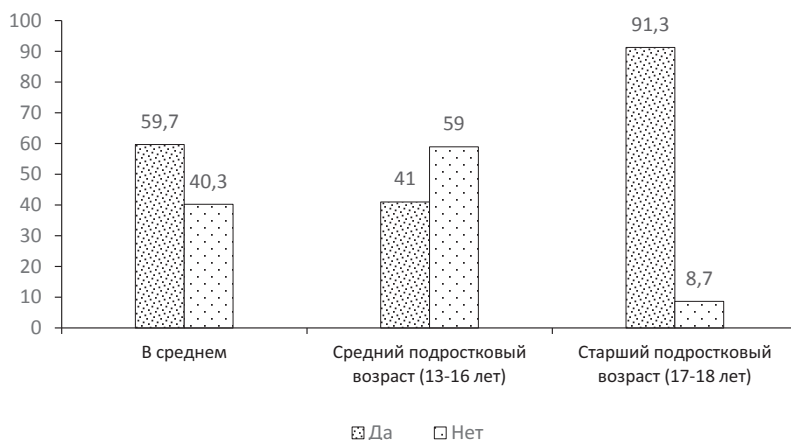

Рис. 3.21. Распределение ответов на вопрос: «Знаешь ли ты, какие учебные заведения (в нашей области, в других регионах России, за границей) готовят специалистов по данной профессии?» в зависимости от возрастной группы учащихся, в % от числа опрошенных

О сформированности профессионального самоопределения учащихся говорит и выбор профильных школьных предметов, которые будут необходимы им для овладения избранной специальностью. Так, большей популярностью среди подростков пользуются физико-математические и гуманитарные дисциплины (52 и 50% соответственно; табл. 3.39). Далее по степени приоритетности следуют филологические предметы (32%), информационные технологии и экономика (по 27% соответственно). Меньше всего предпочтений подростки отдают предметам в рамках трудового обучения (5%) и искусства (11%).

Следует подчеркнуть, что именно у старших подростков возникает избирательное отношение к учебным предметам. Однако если у учеников средней школы избирательность обусловлена, как правило, личностью учителя, уровнем и стилем преподавания, то у старшеклассников причины избирательного отношения к предметам носят совершенно другой характер: сложившиеся интересы, профессиональная направленность. В старших классах у юношей и девушек обычно определяется свой специфически устойчивый интерес к той или иной науке, отрасли знания, области деятельности. Именно в старшем школьном возрасте такой интерес приводит к формированию профессиональной направленности личности, определяет жизненный путь молодых людей после завершения учёбы в школе.

Таблица 3.39. Распределение ответов на вопрос: «Знаешь ли ты, какие школьные предметы в большей мере необходимы тебе для овладения выбранной профессией?» в зависимости от возрастной группы учащихся*, в % от числа опрошенных

Варианты ответов	Возраст		В среднем
	средний подростковый (13–16 лет)	старший подростковый (17–18 лет)	
Физико-математические (алгебра, геометрия, физика)	53,8	47,8	51,6
Информационные технологии (информатика, программирование)	38,5	8,7	27,4
Естественнонаучные (химия, биология, география)	23,1	17,4	21,0
Гуманитарные науки (история, право, обществознание)	43,6	60,9	50,0
Филологические (русский язык, литература, иностранный язык)	28,2	39,1	32,3
Экономика	28,2	26,1	27,4
Физкультура	12,8	21,7	16,1
Трудовое обучение (труд, черчение, технология)	5,1	4,3	4,8
Искусство (музыка, изобразительное искусство, мировая художественная культура и т.д.)	5,1	21,7	11,3
*Вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа, поэтому сумма процентов по каждому столбцу не равна 100.			

Результаты анализа соответствия школьных предметов, выбранных подростками в качестве наиболее важных для освоения специальности, выявленным типам их профессиональных предпочтений продемонстрировали высокую степень взаимосвязи между данными характеристиками. Так, дети типа «человек–природа» выбирали исключительно естественнонаучные дисциплины, «человек–техника» – преимущественно физико-математические предметы и информационные технологии, «человек–человек» – гуманитарные науки и экономику, «человек–знаковая система» – информационные технологии (табл. 3.40). Подростки профессиональной ориентации «человек–художественный образ» большее предпочтение отдавали гуманитарным предметам, в то время как дисциплины, относящиеся к сфере искусства, они выбирали гораздо реже. Подростки смешанных типов профессиональных предпочтений в основном имеют разнонаправленные в плане школьных предметов интересы. В одних случаях выбранные ими предметы в большей степени соответствовали их типу, например, у детей, склонных к профессиям «Т+Ч», «Т+З». В других случаях предпочитаемые дисциплины лишь частично соответствовали профессио-

нальным склонностям («П+Ч», «П+Х», «Ч+З», «Ч+Х», «З+Х»). Примечательно, что подростки, относящиеся к типу «З+Х», в равной степени признавали важность многих дисциплин, но абсолютно не отмечали предметы в рамках направления «искусство».

Таблица 3.40. **Соответствие ответов на вопрос: «Знаешь ли ты, какие школьные предметы в большей мере необходимы тебе для овладения выбранной профессией?» типам профессиональных предпочтений учащихся (по Климову Е.А.)***

Варианты ответов	Профессиональные предпочтения (по Климову Е.А.)											
	П	Т	Ч	З	Х	П+Ч	П+Х	Т+Ч	Т+З	Ч+З	Ч+Х	З+Х
Физико-математические (алгебра, геометрия, физика)	0,0	100,0	42,9	50,0	38,1	0,0	100,0	80,0	100,0	0,0	50,0	66,7
Информационные технологии (информатика, программирование)	0,0	50,0	14,3	70,0	4,8	0,0	0,0	40,0	50,0	0,0	16,7	66,7
Естественнонаучные (химия, биология, география)	100,0	0,0	28,6	20,0	23,8	0,0	0,0	20,0	50,0	0,0	0,0	33,3
Гуманитарные науки (история, право, обществознание)	0,0	0,0	71,4	30,0	57,1	100,0	0,0	60,0	0,0	100,0	66,7	66,7
Филологические (русский язык, литература, иностранный язык)	0,0	0,0	28,6	30,0	33,3	100,0	0,0	40,0	50,0	0,0	33,3	66,7
Экономика	0,0	0,0	57,1	30,0	19,0	0,0	0,0	60,0	0,0	0,0	16,7	66,7
Физкультура	0,0	0,0	28,6	20,0	19,0	0,0	0,0	20,0	0,0	100,0	0,0	0,0
Трудовое обучение (труд, черчение, технология)	0,0	0,0	0,0	10,0	4,8	0,0	0,0	0,0	50,0	0,0	0,0	0,0
Искусство (музыка, изобразительное искусство, мировая художественная культура и т.д.)	0,0	0,0	0,0	10,0	14,3	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0	16,7	0,0

* Вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа, поэтому сумма процентов по каждому столбцу не равна 100.

Обозначения: зелёным цветом выделены выбранные школьные предметы, соответствующие типу профессиональных предпочтений; красным – не соответствующие типу профессиональных предпочтений; серым – невыбранные варианты.

Способность адекватной оценки подростками тех качеств, которые необходимы для овладения избранной профессией, также можно отнести к ключевым индикаторам профессионального самоопределения. Среди перечня предложенных на выбор профессиональных характеристик наиболее ценными для будущей профессии, по мнению опрошенных школьников, оказались устойчивость внимания (73%), общительность

(61%), эмоциональная устойчивость и наблюдательность (по 60% соответственно; табл. 3.41).

Таблица 3.41. Распределение ответов на вопрос: «Какие качества необходимы для овладения выбранной тобой профессией?» в зависимости от возрастной группы учащихся*, в % от числа опрошенных

Варианты ответов	Возраст		В среднем
	средний подростковый (13–16 лет)	старший подростковый (17–18 лет)	
Общительность	53,8	73,9	61,3
Эмоциональная устойчивость	51,3	73,9	59,7
Организаторские способности	28,2	47,8	35,5
Способности к геометрии, к физике	28,2	26,1	27,4
Пространственное воображение	25,6	30,4	27,4
Технический склад мышления	35,9	13,0	27,4
Склонности к практическому труду	25,6	30,4	27,4
Наблюдательность	61,5	56,5	59,7
Устойчивость внимания	71,8	73,9	72,6
Склонность к учету наблюдений	43,6	39,1	41,9
Потребность в двигательной активности	30,8	26,1	29,0
Способность к математике (абстрактное мышление)	48,7	34,8	43,5
Склонность к обобщениям	30,8	21,7	27,4
Склонность к малоподвижной работе	15,4	0,0	9,7
Наглядно-образное мышление	23,1	30,4	25,8
Яркое воображение	25,6	43,5	32,3
Склонность к творчеству	33,3	47,8	38,7
Развитость функциональных анализаторных способностей (хорошее зрение, слух, обоняние, точность, координация движений)	38,5	56,5	45,2
* Вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа, поэтому сумма процентов по каждому столбцу не равна 100.			

Понимание подростками тех характеристик, которые необходимы для овладения выбранной специализацией, очень важно рассматривать и с позиций их типов профессиональных предпочтений. Так, наибольшую осведомлённость о ценных профессиональных качествах в соответствии с собственными профессиональными склонностями проявили дети типа «Ч–Т», «Ч–Ч», «Ч–З», «П+Ч», «П+Х», «Т+З» (табл. 3.42). В свою очередь, подростки, относящиеся к типам «Ч–П», «Ч–Х», «Т+Ч», «Ч+З», «Ч+Х» и «З+Х», либо уделяют недостаточное внимание нужным профессиональным качествам, либо обозначают те из них, которые совершенно не соответствуют собственным склонностям.

Таблица 3.42. **Соответствие ответов на вопрос: «Какие качества необходимы для овладения выбранной тобой профессией?» типам профессиональных предпочтений учащихся (по Климову Е.А.)***

Варианты ответов	Профессиональные предпочтения (тест Климова Е.А.)											
	П	Т	Ч	З	Х	П+Ч	П+Х	Т+Ч	Т+З	Ч+З	Ч+Х	З+Х
Общительность	100,0	25,0	71,4	40,0	71,4	100,0	100,0	80,0	0,0	0,0	50,0	100,0
Эмоциональная устойчивость	100,0	50,0	85,7	60,0	52,4	100,0	100,0	40,0	100,0	0,0	66,7	33,3
Организаторские способности	0,0	0,0	71,4	30,0	38,1	0,0	0,0	20,0	0,0	0,0	33,3	100,0
Способности к геометрии, к физике	0,0	75,0	14,3	30,0	9,5	100,0	100,0	60,0	0,0	0,0	33,3	33,3
Пространственное воображение	0,0	50,0	14,3	40,0	23,8	0,0	100,0	20,0	50,0	0,0	16,7	33,3
Технический склад мышления	0,0	100,0	0,0	50,0	4,8	0,0	0,0	20,0	100,0	0,0	33,3	66,7
Склонности к практическому труду	0,0	25,0	42,9	20,0	28,6	0,0	0,0	20,0	50,0	0,0	33,3	33,3
Наблюдательность	0,0	50,0	42,9	70,0	66,7	100,0	0,0	40,0	100,0	100,0	66,7	33,3
Устойчивость внимания	0,0	75,0	85,7	80,0	61,9	100,0	100,0	80,0	100,0	100,0	66,7	66,7
Склонность к учету наблюдений	100,0	0,0	42,9	70,0	28,6	0,0	0,0	60,0	100,0	0,0	33,3	66,7
Потребность в двигательной активности	0,0	0,0	42,9	20,0	14,3	0,0	0,0	40,0	0,0	100,0	83,3	66,7
Способность к математике (абстрактное мышление)	0,0	100,0	28,6	50,0	33,3	0,0	100,0	80,0	50,0	0,0	16,7	66,7
Склонность к обобщениям	0,0	0,0	28,6	50,0	23,8	0,0	0,0	0,0	50,0	0,0	50,0	33,3
Склонность к малоподвижной работе	0,0	25,0	0,0	10,0	4,8	0,0	0,0	20,0	0,0	0,0	16,7	33,3
Наглядно-образное мышление	100,0	25,0	28,6	20,0	33,3	0,0	100,0	20,0	0,0	0,0	0,0	33,3
Яркое воображение	0,0	0,0	28,6	0,0	47,6	100,0	100,0	0,0	50,0	0,0	66,7	33,3
Склонность к творчеству	0,0	25,0	28,6	10,0	57,1	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0	83,3	33,3
Развитость функциональных анализаторных способностей (хорошее зрение, слух, обоняние, точность, координация движений)	100,0	0,0	42,9	40,0	38,1	100,0	100,0	60,0	100,0	100,0	50,0	33,3

* Вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа, поэтому сумма процентов по каждому столбцу не равна 100.

Обозначения: зелёным цветом выделены выбранные школьные предметы, соответствующие типу профессиональных предпочтений; красным – не соответствующие типу профессиональных предпочтений; серым – невыбранные варианты.

Выбор профессии отражает определенный уровень личных притязаний, включающий оценку своих объективных возможностей и способностей. Кроме того, на него влияет часто не осознаваемый самим субъектом уровень требований, предъявляемых им к профессии. Нередко у 15–17-лет-

них юношей и девушек уровень притязаний завышен. Однако, по мнению известного российского социолога И.С. Кона, «это вполне нормально и даже полезно, так как стимулирует молодого человека к росту и преодолению трудностей»¹⁶⁹. В ходе исследования, из того же перечня профессиональных качеств, школьники выбирали те, которых им больше всего не хватает для овладения будущей профессией. Чаще всего в качестве недостающих профессиональных характеристик они называли устойчивость внимания (27%), эмоциональную устойчивость и развитость функциональных анализаторных способностей (по 24% соответственно) и наблюдательность (16%; табл. 3.43).

Таблица 3.43. Распределение ответов на вопрос: «Каких качеств тебе не хватает для овладения выбранной тобой профессией»? в зависимости от возрастной группы учащихся*, в % от числа опрошенных

Варианты ответов	Возраст		В среднем
	средний подростковый (13–16 лет)	старший подростковый (17–18 лет)	
Общительность	7,7	13,0	9,7
Эмоциональная устойчивость	17,9	34,8	24,2
Организаторские способности	15,4	8,7	12,9
Способности к геометрии, к физике	7,7	13,0	9,7
Пространственное воображение	7,7	8,7	8,1
Технический склад мышления	15,4	4,3	11,3
Склонности к практическому труду	5,1	13,0	8,1
Наблюдательность	12,8	21,7	16,1
Устойчивость внимания	28,2	26,1	27,4
Склонность к учету наблюдений	17,9	8,7	14,5
Потребность в двигательной активности	2,6	0,0	1,6
Способность к математике (абстрактное мышление)	7,7	21,7	12,9
Склонность к обобщениям	0,0	13,0	4,8
Склонность к малоподвижной работе	15,4	0,0	9,7
Наглядно-образное мышление	15,4	4,3	11,3
Яркое воображение	5,1	4,3	4,8
Склонность к творчеству	0,0	4,3	1,6
Развитость функциональных анализаторных способностей (хорошее зрение, слух, обоняние, точность, координация движений)	28,2	17,4	24,2
* Вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа, поэтому сумма процентов по каждому столбцу не равна 100.			

¹⁶⁹ Кон И.С. Психология ранней юности. – М. : Просвещение, 1989. – 255 с. (С. 178)

Выбор подростками «недостающих» для освоения профессии качеств позволяет оценить степень развития у них не только критического мышления и способности к рефлексии, т.е. к самоанализу, но и понимания сущности профессиональной деятельности, её содержания. При ответе на вопрос «Каких качеств тебе не хватает для овладения выбранной тобой профессией?» в большинстве случаев учащиеся отмечали характеристики, не в полной мере соответствующие их типам профессиональных предпочтений (табл. 3.44), что может свидетельствовать о диффузном характере профессиональной идентичности и о её незрелости. Наиболее адекватные собственным склонностям варианты называли дети типа «П+Х».

Таблица 3.44. **Сопряжение типов профессиональных предпочтений учащихся (по Климову Е.А.) с ответами на вопрос: «Каких качеств тебе не хватает для овладения выбранной тобой профессией?»***

Варианты ответов	Профессиональные предпочтения (тест Климова Е.А.)												
	П	Т	Ч	З	Х	П+Ч	П+Х	Т+Ч	Т+З	Ч+З	Ч+Х	З+Х	
Общительность	0,0	0,0	14,3	10,0	14,3	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	
Эмоциональная устойчивость	100,0	25,0	14,3	10,0	33,3	0,0	0,0	0,0	100,0	0,0	16,7	33,3	
Организаторские способности	0,0	0,0	14,3	10,0	19,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	16,7	0,0	
Способности к геометрии, к физике	0,0	0,0	14,3	30,0	0,0	0,0	0,0	20,0	0,0	0,0	16,7	0,0	
Пространственное воображение	0,0	0,0	14,3	10,0	9,5	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	
Технический склад мышления	0,0	25,0	28,6	10,0	9,5	0,0	0,0	20,0	0,0	0,0	0,0	0,0	
Склонности к практическому труду	0,0	0,0	0,0	0,0	14,3	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	16,7	0,0	
Наблюдательность	100,0	25,0	0,0	0,0	14,3	0,0	0,0	20,0	50,0	0,0	50,0	0,0	
Устойчивость внимания	0,0	50,0	28,6	0,0	23,8	0,0	100,0	20,0	100,0	0,0	50,0	33,3	
Склонность к учету наблюдений	0,0	0,0	28,6	10,0	19,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	66,7	
Потребность в двигательной активности	0,0	0,0	0,0	10,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	
Способность к математике (абстрактное мышление)	100,0	0,0	14,3	10,0	23,8	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	
Склонность к обобщениям	0,0	0,0	0,0	0,0	9,5	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	
Склонность к малоподвижной работе	0,0	25,0	0,0	20,0	9,5	0,0	0,0	20,0	0,0	0,0	0,0	0,0	
Наглядно-образное мышление	0,0	25,0	0,0	0,0	19,0	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	16,7	0,0	
Яркое воображение	0,0	0,0	0,0	10,0	0,0	0,0	100,0	0,0	0,0	100,0	0,0	0,0	
Склонность к творчеству	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	
Развитость функциональных анализаторных способностей (хорошее зрение, слух, обоняние, точность, координация движений)	0,0	0,0	14,3	40,0	9,5	0,0	100,0	40,0	0,0	100,0	33,3	66,7	

* Вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа, поэтому сумма процентов по каждой строке не равна 100.

Обозначения: зелёным цветом выделены выбранные школьные предметы, соответствующие типу профессиональных предпочтений; красным – не соответствующие типу профессиональных предпочтений; серым – не выбранные варианты.

Как выявил анализ ответов на вопрос «Каким образом ты можешь развить качества, необходимые для выбранной тобой профессии?», самым распространённым направлением развития профессиональных качеств для учащихся является самообразование (73%; табл. 3.45). Кроме того, популярными оказались и такие варианты, как дополнительная подготовка в других учебных заведениях (53%) и встречи с представителями различных профессий (48%). При этом для учащихся выпускных классов в большей степени характерно стремление к совершенствованию профессиональных качеств.

Таблица 3.45. **Распределение ответов на вопрос: «Каким образом ты можешь развить качества, необходимые для выбранной тобой профессии?» в зависимости от возрастной группы учащихся***, в % от числа опрошенных

Варианты ответов	Возраст		В среднем
	средний подростковый (13–16 лет)	старший подростковый (17–18 лет)	
Самообразование	69,2	78,3	72,6
Дополнительная подготовка в НОЦ ИСЭРТ РАН	51,3	0,0	32,3
Дополнительная подготовка в других учебных заведениях	46,2	65,2	53,2
Трудовая практика (лагеря труда и отдыха, трудовая занятость на период летних каникул и т.д.)	35,9	39,1	37,1
Встречи с представителями различных профессий	46,2	52,2	48,4
Другое	7,7	26,1	14,5
* Вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа, поэтому сумма процентов по каждому столбцу не равна 100.			

Помимо узкоспециализированных профессиональных характеристик для овладения избранным призванием необходимы и общечеловеческие качества, обеспечивающие успех в любой деятельности, в том числе и в профессиональной. В результате фокус-группового исследования учащихся 10–11 классов установлено, что в качестве ведущих критериев успешности человека старшеклассники чаще всего видят целеустремлённость, мотивацию, умение не останавливаться на достигнутом, благополучную семью, наличие хорошей и любимой работы, финансовый достаток и статус в обществе. Вместе с тем, по мнению школьников, помешать личностному развитию и успеху могут лень, неграмотная организация своего времени, слабая мотивация, конфликты в семье и отношения с друзьями.

Показательно, что ради успешной профессиональной карьеры подростки готовы пожертвовать не только личным временем и увлечениями, но и собственным здоровьем. В то же время они демонстрировали высокую оценку роли здоровья, как физического, так и духовного, в профессиональном становлении человека, в достижении им определённого успеха. Подобное противоречие во взглядах на здоровье свидетельствует о слабых здоровьесберегательных установках старшеклассников, о непонимании ими вклада здоровья в общее благополучие и развитие человека. Однако для большинства подростков недопустимо жертвовать ради профессионального и личностного роста отношениями с близкими людьми (родителями, родственниками, друзьями).

Таким образом, исследование соответствия предпочитаемых учащимися школьных дисциплин и тех качеств, которые, по их мнению, нужны для овладения избранной специальностью, индивидуальным типам профессиональных предпочтений позволяет сделать вывод о том, что подростки гораздо лучше осваивают предметные компетенции, чем профессионально значимые качества. То есть в настоящее время для детей подросткового возраста характерна крайне низкая информированность о сути и содержании профессиональной деятельности, о важнейших характеристиках, которые необходимы для работы по выбранной специальности.

Очевидно, что сложившаяся система школьной профориентации не достигает своих конечных целей, а именно формирования у школьников грамотного профессионального самоопределения в соответствии с их индивидуальными склонностями, а также с реальными запросами в кадрах общества и рынка труда. Фокусируясь на профессиональных компетенциях, система профориентации уделяет значительно меньше внимания личностным качествам, соответствию интересов и возможностей школьников, что в будущем может существенно снизить удовлетворенность трудовой деятельностью, уровень реализации трудового потенциала и инновационной активности.

Результаты исследования профессиональных предпочтений подростков позволяют сформулировать **ряд рекомендаций**, направленных на решение вышеизложенных проблем:

I. Модернизация системы профессиональной ориентации школьников. Необходимо совершенствовать комплекс диагностических мероприятий с целью выявления профессиональных ориентаций и предпочтений школьников.

1. Требуется включать диагностические методики выявления профессиональных предпочтений в число обязательных мероприятий профориентации образовательных организаций, учитывая их результаты при разработке планов воспитательной и профориентационной работы. Необходимо разработка для школьников специальных образовательных курсов, включающих методики формирования навыков самоопределения, ценностно-мотивационных установок для того, чтобы их будущие профессии соответствовали выявленным профессиональным склонностям, чертам и индивидуальным предпочтениям.

2. Учитывая существенные психологические и возрастные различия в уровне профессионального самоопределения школьников, психолого-педагогическое сопровождение в школе следует выстраивать поэтапно, с постепенным усложнением и углублением профориентационных мероприятий. Так, например, до 9 класса включительно целесообразно осуществлять мероприятия, направленные на формирование у школьников личностного выбора пути продолжения образования, выработку умения соотносить общественные цели выбора сферы будущей профессиональной деятельности со своими идеалами, представлениями и реальными возможностями. В 10–11 классах необходимо уточнение профессионального выбора в условиях избранного профиля обучения, к которому у подростка имеются устойчивый интерес и способности. В этот период основные усилия должны быть направлены на развитие профессионально важных качеств, индивидуального стиля деятельности, на составление и коррекцию образовательных и профессиональных планов, способы оценки результатов, достижений в избранной деятельности, саморазвитие, формирование опыта коммуникативной деятельности¹⁷⁰.

3. Кроме того, одной из серьезных проблем, на наш взгляд, является отсутствие официальной статистической информации о трудоустройстве выпускников по полученной специальности для отслеживания их дальнейшего профессионального пути. Несмотря на этот факт, в качестве ключевого индикатора реализации федеральной программы «Развитие образования», а также плана мероприятий («дорожной карты») изменений в сфере образования выступает показатель «удельный вес выпускников организаций профессионального образования последнего года выпуска, трудоустроив-

¹⁷⁰ Симатова О.Б., Прокопьева Е.В. Возрастные особенности профессиональной направленности школьников на разных этапах онтогенеза // Психология. – 2011. – №5. – С. 210–213. (С. 213)

шихся по полученной специальности»¹⁷¹. Поэтому для органов управления образованием и органов государственной статистики необходимо ввести показатель, характеризующий трудоустройство и работу по специальности выпускников учреждений высшего, среднего и начального профобразования, и сформировать единую методику расчета и контроля достижения данного показателя, благодаря чему станет возможным осуществление мониторинга трудоустройства по профилю подготовки.

II. Формирование информационного поля с целью установления баланса между спросом на профессии среди молодёжи и предложением на рынке труда:

1. Теоретическое знакомство с профессиями разных направленностей в рамках школьных курсов.

2. Привлечение СМИ (телевидение, радио, газеты) к проведению мероприятий, направленных на развитие профессионального самоопределения подростков, популяризацию отдельных профессий, в настоящее время не вызывающих большого интереса среди школьников (например, рабочие специальности), проведение акций, передач, встреч, нацеленных на повышение осведомлённости школьников о типичных ошибках, допускаемых при выборе профессии, о том, как грамотно и осознанно сделать свой выбор и т.д.

3. Знакомство подростков с разнообразием существующих профессий в рамках школьных образовательных программ с учётом выявленной в ходе диагностических мероприятий индивидуальной специфики (факультативные курсы «В мире профессий», «Человек и профессия», «Мой профессиональный выбор» и т.д.). При этом акцент должен делаться на наиболее востребованных на рынке труда специальностях.

III. Практическое знакомство школьников с профессиями на основании взаимодействия субъектов рынка труда.

Для повышения осведомлённости школьников о реальной ситуации на рынке труда необходимо наладить систему взаимодействия школы и центров занятости, различных предприятий с целью повышения уровня информированности учащихся о востребованных в обществе профессиях и активизации заинтересованности будущих работодателей в успешности

¹⁷¹ План мероприятий («Дорожная карта») «Изменения, направленные на повышение эффективности образования» на 2013–2018 гг. [Электронный ресурс] : утв. пост. Правительства Вологодской области от 25 февраля 2013 г. №201 // Официальный портал Правительства Вологодской области. – Режим доступа : http://vologda-oblast.ru/dokumenty/ispolnenie_ukazov_prezidenta_rf/244791/; Развитие образования : государственная программа Российской Федерации на 2013–2020 годы [Электронный ресурс] : утв. пост. Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. №295 // Портал государственных программ Российской Федерации. – Режим доступа : <http://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/2>

профессионального выбора молодежи. Реализация подобного взаимодействия возможна за счёт проведения экскурсий на предприятия, организации встреч с представителями отдельных профессий, а также учебных практик, тренингов.

В настоящее время степень сформированности профессиональных предпочтений школьников можно характеризовать как достаточно слабую, что обуславливает необходимость усиления работы в этом направлении. Учет успешного зарубежного опыта в рамках модернизации системы профориентации позволит существенно повысить её эффективность. Благополучная профессиональная самореализация будет способствовать наиболее полной реализации трудового потенциала учащихся, повышению их инновационной активности, успешной социализации, обеспечивая устойчивое развитие экономики и модернизационных процессов.

3.5. Факторы формирования здоровья детей

Модернизационные процессы затрагивают все сферы жизни общества, вызывая изменения в широком спектре его институтов. Эти преобразования порождают как проблемы, так и новые возможности для развития потенциала подрастающего поколения. На благополучие среды, в которой он формируется, влияют различные по своему характеру, направленности и силе факторы, взаимодействующие друг с другом, изменяющиеся во времени. Особое внимание в рамках данного исследования было сосредоточено на тех факторах, которые определяют здоровье детей – базовый компонент их человеческого потенциала. Одни из них действуют внутри семьи, другие сопряжены с эффективностью системы здравоохранения и социальной защиты населения, третьи вступают в действие при поступлении ребёнка в детский сад, школу. На каждом этапе взросления складывается уникальный набор факторов, равнодействующая которых приводит к ухудшению, сохранению на прежнем уровне или к улучшению здоровья ребёнка.

Данные мониторинга позволяют оценить воздействие на здоровье и развитие детей различных факторов исходя из информации, получаемой в режиме реального времени. Вопросы в анкете, нацеленные на выявление факторов риска для здоровья ребенка, составлены экспертным путем на основе опыта отечественных и зарубежных практик. В исследовании рассматривались как социально-демографические, так и медицинские факторы (рис. 3.22).

Рис. 3.22. Факторы, оказывающие влияние на здоровье детей

Говоря о внешних условиях, влияющих на здоровье детей, следует начать с социально-экономических условий и политики в сфере охраны здоровья беременных женщин и новорожденных детей.

В связи с реализацией демографической политики в России сложилась парадоксальная ситуация: в объективно менее благоприятных с точки зрения экономического развития¹⁷² условиях рождаемость населения растёт. Во многом это обусловлено большим вниманием государства к семьям в период появления детей. При этом если материальная поддержка может не иметь существенного вклада в бюджет домохозяйств¹⁷³, бесплатная медицинская помощь во время беременности, родов, младенчества является бесспорным преимуществом и гарантом государственного участия в жизни матери и ребенка.

В Вологодской области, как и в России в целом, действует система охраны материнства и детства. В регионе реализован ряд программ в сфере укрепления детского здоровья, результатом которых стала впервые выявленная в когорте 2014 г.р. позитивная тенденция сохранения потенциала здоровья новорожденных детей в течение первого года жизни.

Основной груз нездоровья ребенок приносит с собой при рождении. Заболевания, обусловленные генетическими факторами (наследственная

¹⁷² Миронов В.В. Российская девальвация 2014–2015: падение в пропасть или окно возможностей // Вопросы экономики. – 2015. – №12. – С. 5–32.

¹⁷³ Кондакова Н.А. Современная социальная поддержка семей с детьми // Проблемы развития территорий. – 2016. – №3. – С. 72–89.

отягощенность), встречаются у 70–80% детей. Всё или почти всё зависит от состояния здоровья родителей, и прежде всего – матери, витальности ее поведения, степени позитивного отношения к появлению ребёнка, а также от качества объективных условий (доходы, жилище)¹⁷⁴. По мере развития ребенка большую роль начинают играть социально-экономические факторы, детерминирующие реализацию рисков ухудшения здоровья.

Проведенный нами корреляционный анализ условий формирования здоровья детей в раннем детстве на примере когорты 2014 г.р. дал возможность выделить наиболее значимые факторы, определяющие здоровье детей в период *младенчества и раннего детства (до 3-х лет)*. Это:

- низкий показатель гемоглобина у женщин в конце беременности (Rs=0,712 на момент рождения; Rs=0,830 к 1 году);
- здоровье родителей (Rs=0,645 на момент рождения; Rs=0,832 к 1 году; Rs=0,532 к 2 годам);
- характер протекания родов (Rs=0,513 на момент рождения; Rs=0,147 к 1 году);
- неблагоприятные условия труда матери в период беременности: загазованность воздуха рабочей зоны (Rs=0,939 на момент рождения); действие радиации и СВЧ (Rs=0,839 на момент рождения); работа с токсическими химическими веществами (Rs=0,6 на момент рождения); работа в 2–3 смены (Rs=0,510 на момент рождения);
- курение матери в период беременности (Rs=0,898 на момент рождения, Rs=0,661 к 1 году);
- характер вскармливания ребенка (при грудном вскармливании до 6 мес. Rs=0,85).

При формировании здоровья в дошкольном и школьном возрасте более значимыми, чем в период раннего детства, становятся несколько иные факторы. Наиболее распространёнными из них являются:

1. Ослабленное здоровье детей в раннем детстве. Например, частые и длительные заболевания в возрасте 1–2 лет усиливают риск формирования хронических заболеваний в более старших возрастах.
2. Неблагоприятные экологические условия в районе проживания. Дети, постоянно живущие в экологически загрязнённых микрорайонах, чаще болеют.
3. Неудовлетворительные жилищные условия. У детей, проживающих в хороших условиях, более крепкое здоровье в сравнении с теми, кто живет

¹⁷⁴ Римащевская Н.М. Человеческий потенциал России и проблемы «сбережения населения» // Российский экономический журнал. – 2004. – №9–10. – С. 22.

в неудовлетворительных жилищных условиях. Особенно заметное влияние на здоровье детей оказывают такие неудовлетворительные характеристики жилища, как холод и повышенная влажность, перенаселенность или теснота.

4. Низкая медицинская активность семьи. Около 70% родителей в обследуемых семьях всегда обращаются к врачам в случае острых либо обострения хронических заболеваний у ребенка и полностью выполняют рекомендации докторов. Примерно четверть родителей признались, что не всегда выполняют рекомендации, данные педиатром. Особенно часто такая тенденция прослеживается в неполных семьях. В других семьях прибегают к самолечению, средствам народной медицины или же обращаются к врачу уже при тяжелом состоянии ребенка.

5. Низкий достаток семьи. Высокие доходы не являются автоматически залогом лучшего здоровья, но они позволяют обеспечить определенный набор благ, способствующих развитию ребенка.

Подробнее факторы здоровья детей в раннем детстве были рассмотрены в пункте 3.2. Здесь же мы остановимся на некоторых из них, ярче проявляющихся в период детства и отрочества и требующих, на наш взгляд, более пристального внимания.

Так или иначе, вышеуказанные факторы здоровья детей детерминированы характеристиками семей их родителей. Одна из важных функций семьи – формирование здоровья и здоровьесберегающей среды, так как основы здоровья закладываются в семье. Она же является и основной социальной средой обитания и развития человека, особенно в детском возрасте. Поэтому изучение характера и направленности влияния семьи на формирование здоровья детей приобретает наибольшую актуальность¹⁷⁵.

Все факторы, влияющие на здоровье детей, взаимосвязаны между собой и степень их влияния на здоровье неодинакова. Доминирует среди них образ жизни, воздействие которого на здоровье в 2–2,5 раза выше, чем других факторов¹⁷⁶.

К основным компонентам образа жизни относятся: питание, быт, организация учебного труда и отдыха, отношение к вредным привычкам. Одним из важнейших слагаемых здорового образа жизни, особенно в школьный период, являются систематические занятия физической культурой и спортом.

¹⁷⁵ Артеменко В.В., Шабунова А.А. Влияние социально-экономических характеристик семьи на здоровье детей // Проблемы развития территории. – 2009. – №2(48). – С. 68–77.

¹⁷⁶ Улумбекова Г.Э. Здоровоохранение в России. Что надо делать: научное обоснование «Стратегии развития здравоохранения РФ до 2020 года». – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – С. 48.

В обеспечении нормального развития и полноценного здоровья детей огромна роль окружающих его взрослых, так как формирование здорового образа жизни начинается уже в раннем детстве. Семья – это микросоциальная среда, где наследуются и формируются здоровье и образ жизни новых поколений¹⁷⁷. Многие специалисты считают, что условия жизни ребенка в семье и в образовательном учреждении, сформированность ценностного отношения к своему здоровью определяют до 40% позитивных и негативных влияний на состояние здоровья детей¹⁷⁸. Несомненно, позитивные установки и ценность «здоровья» являются положительной предпосылкой для формирования здорового образа жизни. В сознании большинства семей ценность «здоровья ребенка» наряду с ценностью «семьи» занимает 1–2 место среди других важнейших социальных ценностей. Далее следует «свое здоровье» (8,5–9,9 балла), «материальное благополучие» (8–9 баллов), «образование» (7,3–8,6 балла; табл. 3.46). Интересен тот факт, что за два года исследования (2013–2014) среди родителей детей 2004 г.р. наблюдается повышение на 1 балл ценности «собственного здоровья», по сравнению с ценностью «здоровья ребенка».

Таблица 3.46. **Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, по шкале от 1 до 10 баллов (где 1 – самая низкая оценка, 10 – самая высокая оценка) наиболее важные для Вас социальные ценности» ***, 2013–2014 гг., средний балл

Показатель	Дети 2004 г.р. (10 лет)		Дети 2001 г.р. (13 лет)		Дети 1998 г.р. (16 лет)		Когорта 1995 г.р.* (19 лет)	
	2013	2014	2013	2014	2013	2014	2013	2014
Семья	9,7	9,7	9,6	9,6	9,7	9,9	9,3	8,8
Здоровье ребенка	9,5	8,7	9,4	9,5	9,7	10	–	–
Свое здоровье	8,8	9,9	8,5	8,6	8,8	9,2	9,2	8,7
Материальное благополучие	8	8,4	8,2	8,5	8,3	9	8,4	8,2
Образование	7,4	7,8	7,3	7,5	7,3	8	8,1	8,6
Работа, карьера	7,1	7,7	7,5	7,5	6,7	7,4	8,2	8,1
Поездки, отдых	6,1	6,3	7	7	6,6	7,3	7	7,2
Друзья	5,8	6,1	6,7	6,4	5,8	6,4	8	8,3
Увлечения, хобби	5,4	5,5	6	6,4	5	6	7,1	7,9
* Ответы подростков. Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2013, 2014 гг.								

¹⁷⁷ Макарова Л.П., Корчагина Г.А. Роль семьи в профилактике девиантного поведения подростка. Семья и здоровье ребенка // Материалы XII Международной конференции «Ребенок в современном мире. Семья и дети», 20–22 апреля 2005 года. – СПб., 2005. – С. 422.

¹⁷⁸ Безруких М.М. Сохранение здоровья детей как важное направление развития системы образования // Научные исследования в образовании: педагогика, психология, экономика. – 2011. – №7. – С. 3–10.

Отрицательное влияние на здоровье подрастающего поколения оказывают вредные привычки родителей (курение, чрезмерное потребление алкоголя и др.). Наличие вредных привычек у ближайшего окружения подростков служит фактором риска формирования у них саморазрушительных поведенческих практик. Для детей очень важно, курят родители или нет. В семьях, где курил хотя бы один из членов семьи, 12-летние дети пробовали курить в 4 раза чаще, чем при некурящих родственниках. К 16 годам количество детей, пробовавших курить, увеличилось более чем в 2 раза (табл. 3.47).

Таблица 3.47. **Влияние курящих членов семьи на вероятность пробы курения ребенком,**
в % от числа опрошенных, когорта 1998 г.

Курит ли кто-либо из членов семьи?	Пробовал ли ребенок курить?									
	12 лет		13 лет		14 лет		15 лет		16 лет	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Да	17	83	34	66	49	51	41	59	45	55
Нет	4	96	20	80	33	67	32	68	35	65

Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2007, 2010–2014 гг.

Уже в возрасте 10 лет доля детей, которые пробовали курить, составляет в среднем 6%, в возрасте 13 лет – 8%, что крайне отрицательно скажется на их состоянии здоровья в последующем. Полученные данные подтверждаются и другими исследованиями: российские 11-летние школьники – «лидеры» в европейском регионе по числу курящих, по крайней мере, 1 раз в неделю: 4% девочек и 5% мальчиков¹⁷⁹. По данным ВОЗ, в Европе почти каждый пятый подросток (19,9%) в возрасте 13–15 лет курит, причём мальчиков несколько больше (22,7%), чем девочек (16,8%)¹⁸⁰.

Еще одной вредной привычкой родителей, которая может оказывать негативное влияние на здоровье детей, является чрезмерное потребление алкогольных напитков. Исследование показало, что если в семье есть практика употребления алкоголя, то в возрасте 12 лет его пробовали 13% детей, а в возрасте 16 лет – 73%, что в 2 раза больше, чем в семьях, где такой практики нет (табл. 3.48). Согласно российским исследованиям, по уровню употребления алкоголя 11-летними школьниками Россия уступает только Украине. 7% девочек и 10% мальчиков употребляют алкоголь, по крайней

¹⁷⁹ Школы здоровья в России / В.Р. Кучма, Л.М. Сухарева, И.К. Рапопорт [и др.]. – М.: Научный центр здоровья детей РАМН, 2009. – 128 с.

¹⁸⁰ World health statistics 2009. Geneva, World Health Organization, 2009. – URL: <http://www.who.int/whosis/whostat/2009/en/index.html>.

мере, 1 раз в неделю¹⁸¹. Данные международного отчета HBSC показывают, что в странах Европы в среднем употребляют алкоголь, по крайней мере, раз в неделю 21% подростков в возрасте 15 лет. Две трети подростков в возрасте 16-ти лет уже пробовали алкоголь¹⁸².

Таблица 3.48. **Влияние потребления алкоголя членами семьи на вероятность потребления алкоголя ребенком, 2014 г., в % от числа опрошенных, когорта 1998 г.**

Выпивает ли кто-либо из семьи?	Пробовал ли ребенок алкоголь?									
	12 лет		13 лет		14 лет		15 лет		16 лет	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Да	12	88	48	52	70	30	69	31	73	27
Нет	6	94	23	77	36	64	71	29	72	28

Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2010–2014 гг.

В исследовании установлена важная роль уровня жизни семьи в формировании здоровья детей. Влияние это опосредованное. Высокие доходы не являются автоматически залогом лучшего здоровья, но они позволяют обеспечить определенный набор материальных благ, способствующих сохранению и укреплению потенциала здоровья. Низкий уровень доходов обуславливает невысокую покупательную способность доходов семьи, что сказывается на качестве питания, возможностях приобретения лекарств и витаминов, оздоровления в санаторно-курортных условиях и т.д. Если большая часть доходов используется только на приобретение минимально необходимого набора продуктов и самые неотложные платежи, то семья не в состоянии удовлетворить другие свои потребности (социальные, медицинские, образовательные, культурные, рекреационные).

Анализ социального положения семей, выполненный на основе данных мониторинга, показывает, что более половины родителей оценивают свое положение как «среднее» (66–89%; табл. 3.49). Наибольшее количество семей с детьми в возрасте 14-ти лет характеризуют его как «высокое» и «выше среднего» (6%). Причём сами подростки дают в этом отношении также более оптимистичные оценки: «высокое» или «выше среднего» – 12%, «ниже среднего» – 9%, и никто не считает социальное положение своей семьи «низким».

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Currie C. et al., eds. Social determinants of health and well-being among young people. Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) study: international report from the 2009/2010 survey. Copenhagen. WHO Regional Office for Europe, 2012.

Таблица 3.49. **Оценка социального положения семей с детьми, 2015 г.**

Варианты ответа	Дети 2004 г.р. (11 лет)	Дети 2001 г.р. (14 лет)	Дети 1998 г.р. (17 лет)	Дети 1995 г.р. (20 лет)*
Высокое	0,0	0,0	0,0	8,6
Выше среднего	1,7	5,7	3,7	2,9
Среднее	65,5	62,3	88,9	77,1
Ниже среднего	29,3	24,5	7,4	8,6
Низкое	3,4	7,5	0,0	0,0
* По оценкам самих ребят. Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2015.				

Для приведения качественной характеристики в количественную был построен индекс удовлетворенности материальным положением (ИМ) семей с детьми за все годы исследования. За индекс принималась субъективная оценка возможности семьи удовлетворять потребности исходя из своего совокупного дохода, а именно: среднее арифметическое суммы произведений применявшихся балльных оценок (1 – совершенно недостаточно; 2 – недостаточно; 3 – достаточны при определенных условиях; 4 – достаточны для нормальной жизни) и их доли в совокупности опрошенных:

$$\text{ИМ} = \frac{(1 \times q_1 + 2 \times q_2 + 3 \times q_3 + 4 \times q_4)}{4},$$

где q_i – доля респондентов, выбравших ответ i .

В полученной шкале колебания индекса составляют от 0,1 до 1. При интерпретации данных ИМ следует учитывать, что его значение до 0,6 соответствует низкой самооценке материального положения, 0,61-0,8 – средней, 0,81-1 – высокой.

Исследование показало тенденцию улучшения материального положения за годы реформ только у когорты 1995 г. (рис. 3.23). При этом в остальных когортах можно видеть нисходящий тренд оценки возможности семьи удовлетворять потребности исходя из своего совокупного дохода. В 2015 г. в когорте 2001 г.р. значение ИМ соответствовало низкой самооценке (0,59) уровня удовлетворенности материальным положением, в других когортах – средней (0,62–0,75).

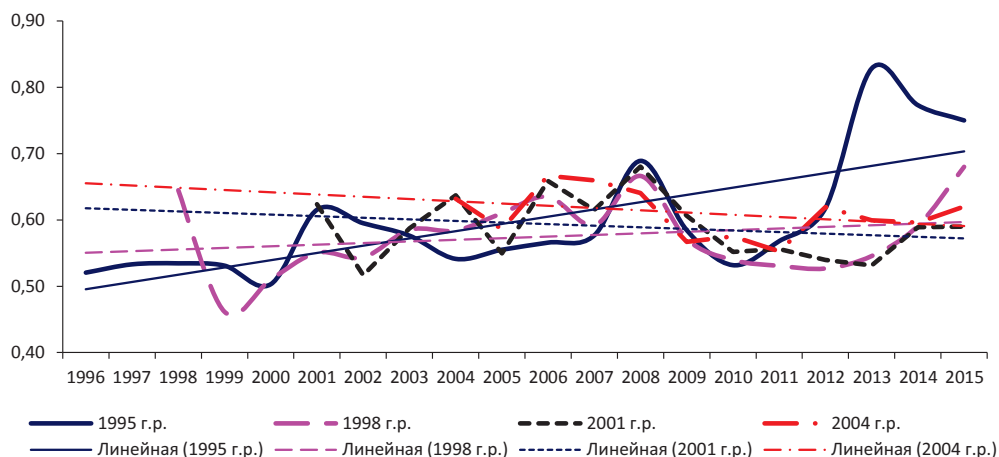

Рис. 3.23. Динамика индекса удовлетворенности семьи материальным положением за 1996–2015 гг.

Примечание. С 2013 г. в когорте 1995 г.р. оценки дают сами ребята.

Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 1996–2015.

Социальное положение семьи, ее материальные возможности влияют на обеспеченность ребенка необходимыми продуктами питания. Чем больше возможностей у семьи для удовлетворения базовых потребностей, тем больше внимания уделяется качеству питания детей.

По данным опроса, проведенного в 2015 г., «хорошую» оценку обеспеченности продуктами питания ребенка в среднем дали 50% семей с детьми, «удовлетворительную» – 44%, «плохую» – 5% семей (табл. 3.50).

Таблица 3.50. Оценка родителями обеспеченности детей продуктами питания, в % от числа опрошенных

Вариант ответа	Дети 2004 г.р. (11 лет)	Дети 2001 г.р. (14 лет)	Дети 1998 г.р. (17 лет)	Дети 1995 г.р. (19 лет)*
Хорошая	48,3	34,0	37,0	50
Удовлетворительная	44,8	54,7	55,6	45
Плохая, очень плохая	5,2	7,5	3,7	6
Затрудняюсь ответить	0,0	1,9	3,7	0

* В 2014 г. – по оценкам самих ребят.
Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2015.

Подавляющие число семей (60–89%) с хорошей обеспеченностью ребенка продуктами питания отметили, что им достаточно денег для приобретения необходимых продуктов питания (табл. 3.51). Тогда как в семьях с плохой обеспеченностью продуктами возможности удовлетворения материальных потребностей намного ниже (в 67% семей с 11-летними детьми денег хватает только на продукты питания, а во всех семьях с 17-летними не хватает даже и на это).

Таблица 3.51. **Обеспеченность продуктами питания в семьях с различным уровнем удовлетворения материальных потребностей, 2015 г.**

Обеспеченность ребенка продуктами питания	Возможность удовлетворения материальных потребностей				
	Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды	Денег хватает только на приобретение продуктов питания	Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания	Затрудняюсь ответить
Дети 2004 г.р. (11 лет)					
Хорошая	3,4	86,2	0	0	10,3
Удовлетворительная	3,7	51,9	40,7	3,7	0
Плохая	0	0	66,7	33,3	0
Дети 2001 г.р. (14 лет)					
Хорошая	11,1	88,9	0	0	0
Удовлетворительная	0	37,9	34,5	20,7	6,9
Плохая	0	25	25	50	0
Дети 1998 г.р. (17 лет)					
Хорошая	10	60	20	10	0
Удовлетворительная	0	87,5	6,3	6,3	0
Плохая	0	0	0	100	0
Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2015.					

За годы исследования (1997–2015) в оценке респондентами обеспеченности детей продуктами питания наметилась тенденция снижения количества «удовлетворительных» оценок при росте доли «хороших». Однако в 2010 г., на фоне посткризисных явлений в экономике региона, произошло снижение доли «хороших» оценок с 41% в 2008 г. до 33% в 2010 г. и увеличение доли «плохих» и «очень плохих» – с 3,7 до 4,3% соответственно (рис. 3.24).

С увеличением размера семьи в домохозяйствах с детьми снижается пищевая и энергетическая ценность питания. Так, судя по данным выборочных обследований таких домохозяйств в Вологодской области, в многодетных семьях преобладает углеводная модель питания, для которой характерно превышение потребления хлебопродуктов и картофеля и недопотребление мяса и рыбы. По сравнению с домохозяйствами с одним ребенком

домохозяйства с тремя детьми в 2010 г. потребляли на 48% меньше мяса и мясопродуктов, на 30% меньше рыбы и рыбопродуктов (табл. 3.52).

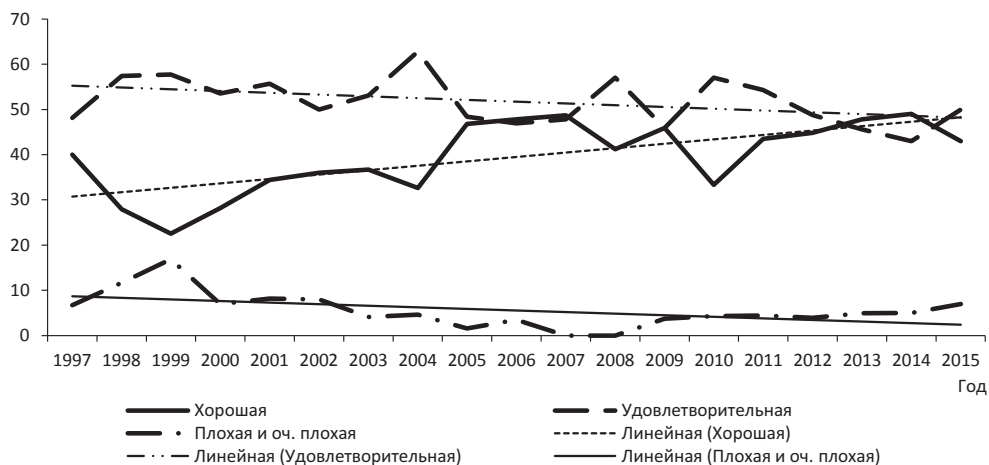

Рис. 3.24. Оценка обеспеченности ребенка продуктами питания за 1997–2015 гг., в % от числа опрошенных

Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 1997–2015.

Таблица 3.52. Потребление основных продуктов питания домохозяйствами с детьми Вологодской области, на члена домохозяйства, килограммов в год

Продукты питания	Домохозяйства, имеющие детей в возрасте до 16 лет:											
	с 1 ребенком				с 2-мя детьми				с 3-мя детьми			
	2007	2008	2009	2010	2007	2008	2009	2010	2007	2008	2009	2010
Хлебные продукты	101	100	98	99	90	95	94	81	107	104	104	110
Картофель	87	81	84	74	80	86	77	65	152	82	61	79
Овощи и бахчевые	88	86	91	88	84	86	73	81	96	54	61	49
Фрукты и ягоды	58	60	58	62	57	66	49	51	82	51	39	43
Мясо и мясопродукты	60	65	63	71	58	64	52	54	56	61	49	37
Молоко и молочные продукты	226	219	221	239	231	226	223	205	231	248	315	155
Яйца, шт	210	218	204	242	204	225	193	193	289	177	168	192
Рыба и рыбопродукты	16	18	17	17	14	16	14	14	19	15	12	12
Сладости	37	38	36	33	37	35	32	30	37	34	29	32
Масло растительное и другие жиры	11	11	11	10	9	9	9	8	10	10	9	10

Источник: О положении детей Вологодской области в возрасте до 16 лет в 2010 году : статистический бюллетень / Вологдастат. – Вологда, 2011. – 17 с.

В принятых Генеральной Ассамблеей ВОЗ документах указано, что около трети всех болезней системы кровообращения обусловлено неправильным питанием¹⁸³. Сбалансированность и рациональность питания во многом зависит от привычек, образа жизни семей с детьми. Углубленный анализ данных опроса показал, что до 93% детей ежедневно употребляют хлебобулочные изделия и свыше 60% – балуются сладостями, но не каждый день получают овощи и фрукты (табл. 3.53). Рацион питания с повышенным содержанием калорий может приводить к избыточному весу и ожирению, при этом могут вырабатываться нездоровые привычки питания, сохраняющиеся на протяжении всей жизни. Исследование также показало, что с увеличением возраста детей практика ежедневного употребления овощей и фруктов снижается.

Таблица 3.53. **Распределение ответов на вопрос: «Как часто ребенок получает следующие продукты питания?», 2015 г., в % от числа опрошенных**

Частота потребления	Продукты питания							
	Дети 2004 г.р. (11 лет)	Дети 2001 г.р. (14 лет)	Дети 1998 г.р. (17 лет)	Дети* 1995 г.р. (20 лет)	Дети 2004 г.р. (11 лет)	Дети 2001 г.р. (14 лет)	Дети 1998 г.р. (17 лет)	Дети* 1995 г.р. (20 лет)
	<i>Мясо, мясные продукты</i>				<i>Рыба</i>			
Ежедневно	50,0	54,7	29,6	31,4	3,4	1,9	0,0	2,9
3-4 раза в неделю	31,0	30,2	33,3	17,1	13,8	9,4	11,1	28,6
1-2 раза в неделю	13,8	9,4	25,9	37,1	34,5	41,5	18,5	34,3
1-2 раза в месяц	1,7	0,0	0,0	2,9	27,6	18,9	40,7	20,0
Реже	0,0	1,9	0,0	0,0	10,3	5,7	7,4	8,6
Не употребляет	1,7	0,0	0,0	11,4	8,6	18,9	11,1	0,0
	<i>Молочные продукты</i>				<i>Овощи</i>			
	Дети 2004 г.р. (11 лет)	Дети 2001 г.р. (14 лет)	Дети 1998 г.р. (17 лет)	Дети* 1995 г.р. (20 лет)	Дети 2004 г.р. (11 лет)	Дети 2001 г.р. (14 лет)	Дети 1998 г.р. (17 лет)	Дети* 1995 г.р. (20 лет)
	<i>Молочные продукты</i>				<i>Овощи</i>			
Ежедневно	69,0	64,2	48,1	37,1	55,2	43,4	33,3	40,0
3-4 раза в неделю	20,7	26,4	22,2	20,0	31,0	34,0	29,6	37,1
1-2 раза в неделю	8,6	5,7	11,1	37,1	10,3	11,3	22,2	17,1
1-2 раза в месяц	0,0	1,9	0,0	2,9	0,0	3,8	0,0	0,0
Реже	1,7	0,0	0,0	2,9	0,0	1,9	0,0	0,0
Не употребляет	0,0	0,0	7,4	0,0	1,7	3,8	0,0	0,0

¹⁸³ Улумбекова Г.Э. Здоровоохранение в России. Что надо делать: научное обоснование «Стратегии развития здравоохранения РФ до 2020 года». – М.: ГЕОТАР-Медиа, 2010. – 592 с.

Окончание таблицы 3.53

Частота потребления	Продукты питания							
	Дети 2004 г.р. (11 лет)	Дети 2001 г.р. (14 лет)	Дети 1998 г.р. (17 лет)	Дети* 1995 г.р. (20 лет)	Дети 2004 г.р. (11 лет)	Дети 2001 г.р. (14 лет)	Дети 1998 г.р. (17 лет)	Дети* 1995 г.р. (20 лет)
	Мясо, мясные продукты				Рыба			
	Фрукты				Хлебобулочные изделия			
Ежедневно	67,2	47,2	25,9	37,1	93,1	92,5	81,5	65,7
3-4 раза в неделю	19,0	20,8	40,7	37,1	3,4	1,9	3,7	17,1
1-2 раза в неделю	12,1	20,8	22,2	17,1	0,0	1,9	3,7	14,3
1-2 раза в месяц	0,0	1,9	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Реже	0,0	3,8	0,0	5,7	0,0	1,9	0,0	2,9
Не употребляют	0,0	0,0	0,0	0,0	1,7	0,0	0,0	0,0
* По оценкам самих ребят.								
Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2015.								

Регулярно завтракают в среднем более 77% детей в возрасте 11 лет и только 59% 17-летних детей (табл. 3.54). Это определяется в большей степени пищевыми привычками семей, чем социально-экономическими условиями, и приводит к формированию у части молодых людей неправильной организации своего питания.

Таблица 3.54. **Распределение ответов на вопрос: «Всегда ли ребёнок завтракает утром?», 2015 г., в % от числа опрошенных**

Вариант ответа	Дети 2004 г.р. (11 лет)	Дети 2001 г.р. (14 лет)	Дети 1998 г.р. (17 лет)	Дети 1995 г.р. (20 лет)*
Всегда	77,6	67,9	59,3	77,1
Иногда	13,8	20,8	18,5	20,0
Очень редко	6,9	5,7	14,8	2,9
Никогда	0,0	3,8	0,0	0,0
* По оценкам самих ребят.				
Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2015.				

Еще одной важной характеристикой, которая может повлиять на здоровье ребёнка, являются жилищные условия, в которых проживает его семья. За период с 2000 по 2014 г. в Вологодской области увеличилась на 30% средняя обеспеченность населения жильем, в 2014 г. составившая 28 кв. м на человека (табл. 3.55). Обновление жилищного фонда в основном происходит за счет строительства нового жилья.

Таблица 3.55. **Средняя обеспеченность жильем населения Вологодской области,**
кв. м на жителя

Территория	2000	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 г. к 2000, %
Вологодская область	21,4	24,6	25,0	25,5	26,1	26,7	27	27,1	28,0	130
г. Вологда	19,8	22,2	22,7	23,3	22,6	23,2	22,7	23,2	24,0	121
г. Череповец	20,5	22,2	22,7	23,1	23,1	23	23,3	23,5	23,9	113

Источник: Жилищный фонд Вологодской области в 2014 году : стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2015.

В 2014 г. в области удельный вес ветхого и аварийного жилья составил 4% от общей площади жилищного фонда (табл. 3.56). В областной столице удельный вес жилья, непригодного для жизни, сокращается, происходит это за счет расселения из ветхого фонда и ввода нового жилья. Причем в том же году около 61 тыс. населения области проживало в ветхом и аварийном жилье.

Таблица 3.56. **Удельный вес ветхого и аварийного жилья в жилищном фонде**
Вологодской области, %

Территория	Год							2014 к 2000, п.п.
	2000	2007	2010	2011	2012	2013	2014	
Вологодская область	2,1	6,0	6,1	6,2	6,2	4,1	3,9	1,8
г. Вологда	3,7	5,0	3,9	4,1	4,2	0,7	0,6	- 3,1
г. Череповец	0,2	0,2	0,1	0,1	0,2	-	-	-

Источник: Жилищный фонд Вологодской области в 2014 году : стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2015.

Негативное влияние условий проживания с течением времени накапливается. Слишком влажное либо холодное жилье могут нивелировать все попытки родителей сохранить или улучшить здоровье ребенка. Таким образом, состояние здоровья детей, длительно проживающих в неблагоприятных жилищных условиях, с возрастом ухудшается. Заметим, что более половины семей в исследовании оценивают свои жилищные условия как удовлетворительные.

Результаты опроса 2015 г. показали, что в среднем более трети родителей оценивают жилищные условия своей семьи как «хорошие», 48-64% – «удовлетворительные» (табл. 3.57). Интересен тот факт, что молодежь более оптимистично подошла к этому вопросу: в этой категории удельный вес положительных оценок составил 46%.

Таблица 3.57. **Оценка жилищных условий**, 2015 г., в % от числа опрошенных

Вариант ответа	Дети 2004 г.р. (11 лет)	Дети 2001 г.р. (14 лет)	Дети 1998 г.р. (17 лет)	Дети 1995 г.р. (20 лет)*
Хорошие	36,2	26,4	44,4	45,7
Удовлетворительные	51,7	64,2	48,1	54,3
Плохие	10,3	7,5	3,7	0,0
Очень плохие	0,0	1,9	3,7	0,0
Затрудняюсь ответить	1,7	0,0	0,0	0,0

* По оценкам самих ребят.

Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2015.

На основе методики вычисления индекса удовлетворенности материальным положением (ИМ) был рассчитан индекс удовлетворенности жилищными условиями (ИЖ). В оценке респондентами своих жилищных условий за годы мониторинга (1996–2015 гг.) наметилась положительная тенденция: рост самооценок со «средних» до «высоких» (рис. 3.25).

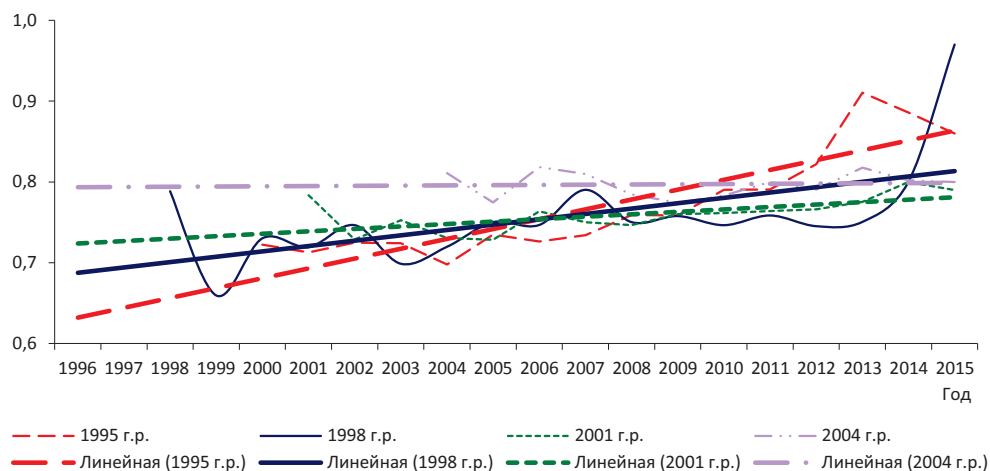

Рис. 3.25. **Динамика индекса удовлетворенности семей жилищными условиями**

Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 1996–2015.

Приведённые результаты свидетельствуют о сохранении жилищных проблем у семей с детьми в течение длительного времени. Это можно объяснить ценовой недоступностью жилья на рынке региона. Большинство семей с детьми не могут позволить себе приобретать квартиру, полагаясь целиком на свой доход. Это обстоятельство вынуждает их становиться участниками программ ипотечного кредитования и на долгие годы утрачивать финансовую стабильность. Негативным следствием ипотечного

кредитования является падение уровня жизни семей с детьми, что отражается на их возможности обеспечивать детям полноценное питание, уход и медицинское обслуживание. В дальнейшем эта ограниченность ресурсов действует как фактор, снижающий шансы ребёнка на получение хорошего образования, следовательно, определяет его низкую конкурентоспособность на рынке труда по сравнению с детьми из семей со средним и высоким душевым доходом. Очевидно, что проблема обеспечения семей с детьми жильём носит системный характер, её неразрешённость порождает действующие на протяжении жизни нескольких поколений препятствия для расширенного воспроизводства человеческого капитала. Для экономики региона это означает пролонгацию неконкурентоспособности, сокращение шансов на быструю и эффективную реализацию модернизационных процессов.

Фактором более широкого спектра воздействия на здоровье детского населения являются условия окружающей среды. Их изменение влияет на такие важнейшие гигиенические параметры, как чистота воздуха и питьевой воды. В свою очередь эти параметры прямо и косвенно действуют на здоровье детей. Для эффективного регулирования таких параметров необходима достоверная оценка текущей и будущей уязвимости здоровья детей.

Наибольшее воздействие на природную среду Вологодской области оказывают отходы производства предприятий металлургической, химической и целлюлозно-бумажной промышленности, выбросы от автотранспорта, а также свалки и полигоны захоронения бытовых отходов. Так, за период с 2000 по 2013 г. объем выбросов в атмосферу в Вологодской области сократился на 9%, при этом процент их улавливания и обезвреживания составил 71%, что на 7 п.п. меньше, чем в 2000 г. (табл. 3.58). В 2012 г. в Вологде улавливалось только 50% от общего объема загрязняющих атмосферу веществ, тогда как в Череповце – 80%.

В России насчитывается более 100 опасно загрязненных городов. В 2013 г. среди промышленных городов на втором месте по числу загрязняющих веществ (выбросы в атмосферу составили 333,3 тыс. тонн) оказался Череповец¹⁸⁴. В период спада производства и временного улучшения экологической ситуации в стране Череповецкий промышленный комплекс продолжал работать в полную мощность, что привело к формированию в регионе неблагоприятного экологического фона.

¹⁸⁴ РИА-Аналитика по данным Росстата. – URL: http://ria.ru/research_rating/20110527/3805-99990.html

Таблица 3.58. **Объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, их улавливание и обезвреживание**

Территория	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2013 к 2000, %
<i>Выбросы вредных веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, тыс. тонн</i>									
Вологодская область	2162	2114	2508	1990	2247	2079	2036	1747	81
г. Вологда	12	12	11	9	9	7	7	7	58
г. Череповец	1857	1852	2189	1781	1896	1783	1758	1309	70
<i>Улавливание загрязняющих атмосферу веществ, в % от общего объема вредных веществ</i>									
Вологодская область	77,9	77,4	81,7	79,3	78,9	77,4	76,7	71	-6,8
г. Вологда	44,3	55,7	66,2	67,3	61,6	56,0	50	н.д.	5,7
г. Череповец	81,0	80,9	84,9	82,9	82,4	81,5	80	н.д.	-1
Источник: Муниципальные районы и города Вологодской области : стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2000–2014 гг. – 187 с.									

Причиной загрязнения атмосферного воздуха в Череповце является высокая концентрация на ограниченной площади крупных предприятий тяжелой индустрии, в процессе эксплуатации которых образуется большое количество загрязняющих веществ, выбрасываемых в окружающую среду.

Таким образом, загрязнение атмосферного воздуха в Вологодской области носит локальный характер и проявляется в основном в городах, т.е. там, где расположены предприятия металлургической, химической, целлюлозно-бумажной промышленности, энергетики и сосредоточен автомобильный транспорт.

По данным исследования 2015 г., более половины респондентов (57-69%) в Вологде и Череповце оценивают экологические условия места, в котором проживают, как «удовлетворительные», четверть – как «плохие и очень плохие». При этом жители районов области более удовлетворены экологической обстановкой: удельный вес «хороших» оценок у них выше, чем у жителей крупных городов (табл. 3.59). Следует подчеркнуть, что в Череповце представленность «плохих» и «очень плохих» оценок значительно больше, чем в Вологде.

Среди основных причин формирования неблагоприятных экологических условий в районе проживания респонденты отметили: в Вологде – загрязненный воздух (50–100%), плохое качество питьевой воды (50–83%), повышенный уровень шума (50–67%); в Череповце – загрязненный воздух (80–100%), плохое качество питьевой воды (40–44%), повышенный уровень шума (11–60%; табл. 3.60).

Таблица 3.59. **Оценка экологических условий респондентами, 2015 г., в % от числа опрошенных; без учета затруднившихся ответить**

Вариант ответа	Дети 2004 г.р. (11 лет)			Дети 2001 г.р. (14 лет)		
	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы
Хорошие	12,5	10,7	14,3	7,7	14,3	15,4
Удовлетворительные	68,8	57,1	71,4	69,2	50,0	61,5
Плохие	18,8	32,1	7,1	11,5	28,6	15,4
Очень плохие	0,0	0,0	0,0	11,5	7,1	0,0
Затрудняюсь ответить	0,0	0,0	7,1	0,0	0,0	7,7
	Дети 1998 г.р. (17 лет)			Дети 1995 г.р. (20 лет)*		
	Вологда	Череповец	Районы	Вологда	Череповец	Районы
Хорошие	33,3	14,3	50,0	15,0	н.д.	6,7
Удовлетворительные	53,3	57,1	50,0	85,0	н.д.	73,3
Плохие	13,3	14,3	0,0	0,0	н.д.	13,3
Очень плохие	0,0	14,3	0,0	0,0	н.д.	0,0
Затрудняюсь ответить	0,0	0,0	0,0	0,0	н.д.	6,7

* По оценкам самих ребят. В 2015 г. в опросе приняло участие 20 человек из Вологды и 15 человек из районов области.
Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 1996–2015.

Таблица 3.60. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если экологические условия неблагоприятные, то в чем это выражается?», 2015 г., в % от числа опрошенных**

Особенности экологических условий	Дети 2004 г.р. (11 лет)		Дети 2001 г.р. (14 лет)		Дети 1998 г.р. (17 лет)		Дети 1995 г.р. (20 лет)*	
	Вологда	Череповец	Вологда	Череповец	Вологда	Череповец	Вологда	Череповец
Плохое качество питьевой воды	66,7	44,4	83,3	40,0	50,0	0,0	0,0	23,1
Загрязненный воздух	100,0	100,0	83,3	80,0	50,0	100,0	0,0	0,0
Загрязненная почва (свалки, мусор)	0,0	11,1	50,0	20,0	50,0	0,0	0,0	15,4
Повышенный уровень шума	66,7	11,1	50,0	60,0	50,0	50,0	11,8	0,0
Отсутствие зелени, парка	33,3	0,0	50,0	20,0	100,0	0,0	0,0	0,0
Нет мест для игр детей	33,3	55,6	50,0	40,0	50,0	0,0	0,0	7,7
Близость автомагистрали	66,7	55,6	66,7	100,0	0,0	50,0	0,0	15,4

* По оценкам самих ребят.
Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2015.

Аналогично индексам удовлетворенности материальными и жилищными условиями построен индекс удовлетворенности экологическими условиями (ИЭ). За период проведения мониторинга (2000–2015 гг.) семьи

стали проявлять более высокую неудовлетворенность экологическими условиями в районе проживания (рис. 3.26).

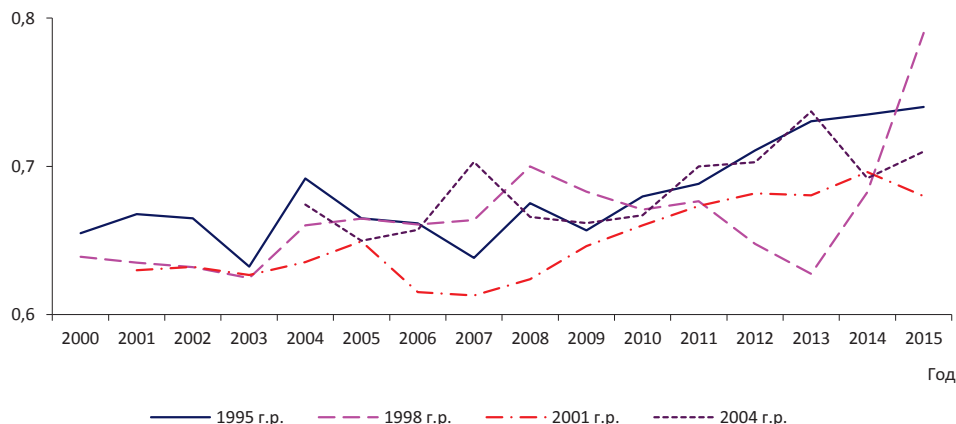

Рис. 3.26. Динамика индекса удовлетворенности семей экологическими условиями в месте проживания, 2000–2015 гг.

Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2000–2015.

Ухудшение условий среды, происходящее в регионе в течение длительного времени, стало результатом неэффективного контроля над выполнением промышленными предприятиями природоохранного законодательства. Загрязнение атмосферного воздуха и речных потоков – слишком высокая цена за выпуск дополнительной единицы промышленной продукции. Если качество детского населения определяет облик будущего общества, то качество природных ресурсов – возможности его выживания. Действия или бездействие, направленные на деградацию природной среды, запускают процессы ухудшения здоровья населения, ставят под угрозу его воспроизводство и вызывают дополнительные (возрастающие в геометрической прогрессии) издержки на восстановление нанесённого ущерба. Денежное выражение этих затрат, как правило, в несколько раз выше объёма налоговых поступлений и штрафов, уплаченных в бюджет предприятиями-загрязнителями. Недальновидная политика в сфере охраны биоразнообразия и природной среды является одной из угроз национальной безопасности и препятствием для модернизации экономики.

Компенсировать негативное влияние факторов на здоровье детей частично возможно с помощью грамотной профилактики. С этой точки зрения для формирования детского здоровья крайне важна *медицинская*

активность семьи. Под медицинской активностью понимают деятельность людей в области охраны, улучшения индивидуального и общественного здоровья в определенных социально-экономических условиях. Медицинская (медико-социальная) активность включает: наличие гигиенических навыков, выполнение медицинских рекомендаций, участие в оздоровлении образа жизни и окружающей среды, умение оказывать первую доврачебную помощь себе и родственникам, использовать средства народной, традиционной медицины¹⁸⁵.

Знания и представления родителей о состоянии здоровья ребенка не всегда соответствуют действительности и не всегда совпадают с мнением врачей. Результат сопоставления показал: родители в 1,5 раза чаще, чем педиатры, оценивают здоровье детей как «хорошее» (табл. 3.61).

Таблица 3.61. **Сопоставление оценки здоровья детей родителями и педиатрами, 2014 г., в % от числа опрошенных**

Оценка здоровья ребенка родителями (в % от числа опрошенных)		Оценка здоровья ребенка педиатрами (в % от числа наблюдаемых детей)	
Когорта 1998 г.			
Хорошее	40	10	Хорошее (1 группа зд.)
Удовлетворительное	57	48	Удовлетворительное (2 гр. зд.)
Плохое	3	42	Плохое (3, 4 группа зд.)
Когорта 2001 г.			
Хорошее	28	19	Хорошее (1 группа зд.)
Удовлетворительное	68	59	Удовлетворительное (2 гр. зд.)
Плохое	3	23	Плохое (3, 4 группа зд.)
Когорта 2004 г.			
Хорошее	32	21	Хорошее (1 группа зд.)
Удовлетворительное	62	52	Удовлетворительное(2 гр. зд.)
Плохое	4	27	Плохое (3, 4 группа зд.)
Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2014.			

Судя по данным исследования 2014 г., регулярные профилактические осмотры постоянно проходят всего от 30 до 53% семей с детьми (табл. 3.62). Это является настораживающим фактом, так как известно, что заболевание легче предупредить, чем лечить. В то же время 30–40% родителей не обращаются к врачам при первых признаках болезни ребенка, а предпочитают самолечение.

¹⁸⁵ Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. – 2-е изд. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. – С. 98.

Таблица 3.62. **Распределение ответов на вопрос: «Укажите, пожалуйста, какие мероприятия для сохранения и укрепления здоровья ребенка Вы проводите в настоящее время», в % от числа опрошенных**

Вариант ответа	Дети 2004 г.р. (10 лет)	Дети 2001 г.р. (13 лет)	Дети 1998 г.р. (16 лет)
	Регулярные профилактические осмотры		
Постоянно	53	31	43
Редко	23	29	20
Не проводим	12	23	27
	Обращаемся к врачу при первых признаках болезни		
Постоянно	67	59	70
Редко	22	19	13
Не проводим	3	6	13
	Закаливание		
Постоянно	16	5	7
Редко	23	23	10
Не проводим	49	55	70
	Ежедневно делаем зарядку		
Постоянно	10	5	7
Редко	23	22	20
Не проводим	49	57	63
	Ребенок занимается спортом		
Постоянно	36	34	20
Редко	19	22	13
Не проводим	34	28	50
	Правильное питание		
Постоянно	88	82	87
Редко	6	0	3
Не проводим	1	9	3
	По возможности оздоравливаем ребенка в санатории, на курорте и т.д.		
Постоянно	34	28	20
Редко	11	17	20
Не проводим	43	39	47
Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2014 г.			

Результаты опроса показали, что большинство родителей (63–67%) считают себя достаточно информированными в вопросах здорового образа жизни, гигиены и физиологии ребенка (табл. 3.63). Однако до 23% родителей придерживаются противоположного мнения. Именно **недостаточная информированность родителей о факторах риска здоровья детей и, вследствие этого, слабая мотивация на проведение укрепляющих семейных мероприятий могут являться одной из причин ухудшения здоровья подрастающего поколения.**

Таблица 3.63. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы достаточным свой уровень знаний по физиологии и гигиене ребенка, вопросам ЗОЖ для организации оптимального образа жизни своего ребенка?», 2014 г., в % от числа опрошенных

Вариант ответа	Дети 2004 г.р. (10 лет)	Дети 2001 г.р. (13 лет)	Дети 1998 г.р. (16 лет)
Да, вполне достаточно	67	66	63
Нет, недостаточно	19	17	23
Затрудняюсь ответить	14	17	13
Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2014.			

Основную информацию об особенностях состояния здоровья и организации ухода за своим ребенком родители получают от врача (71–84%), а также из медицинской карты ребенка (11–17%; табл. 3.64). Не в меньшей мере в семьях стараются читать специальную литературу по здоровью детей (19–23%). Таким образом, значительную помощь системе здравоохранения в распространении культуры здоровья могут оказать средства массовой информации, система просвещения и пропаганды здорового образа жизни и правильного питания, профилактики заболеваний.

Таблица 3.64. Источники, из которых родители получают информацию об особенностях состояния здоровья и организации ухода за детьми, 2014 г., в % от числа опрошенных

Источник	Дети 2004 г.р. (10 лет)	Дети 2001 г.р. (13 лет)	Дети 1998 г.р. (16 лет)
От врача	83,6	70,8	76,7
Из медицинской карты ребенка	11,0	20,0	16,7
Из специальной литературы	19,2	24,6	16,7
От медсестры	9,6	10,8	16,7
Из других источников (знакомые, ТВ, радио, газеты)	20,5	18,5	13,3
Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2014.			

Как показали результаты исследования, чем старше дети, тем реже родители обращаются за медицинской помощью в случае наступления острых заболеваний у ребенка (табл. 3.65).

Таблица 3.65. **Распределение ответов на вопрос: «Всегда ли при острых заболеваниях ребенка или обострениях хронического заболевания Вы обращаетесь к медикам?», 2014 г., в % от числа опрошенных**

Вариант ответа	Дети 2004 г.р. (10 лет)	Дети 2001 г.р. (13 лет)	Дети 1998 г.р. (16 лет)
Всегда	82	75	67
Не всегда, сначала пытаетесь лечить ребенка сами	16	14	27
Только при тяжелых состояниях ребенка	0	5	0
Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2014.			

При выявлении уровня медицинской активности и грамотности населения необходимо учитывать и степень готовности родителей к укреплению здоровья детей, предотвращению возможных заболеваний.

Родители и врачи придерживаются разных точек зрения при определении приоритетов в выборе мероприятий, укрепляющих здоровье детей (табл. 3.66).

Таблица 3.66. **Сопоставление видения родителями и врачами мероприятий, необходимых для укрепления здоровья ребенка, 2014 г., в % от числа опрошенных**

Мероприятия	Дети 2004 г.р. (10 лет)		Дети 2001 г.р. (13 лет)		Дети 1998 г.р. (16 лет)	
	Врачи	Родители	Врачи	Родители	Врачи	Родители
Организация диетпитания	25	10	29	5	20	10
Лечение ребенка в условиях стационара	4	6	5	2	7	7
Санаторно-курортное лечение	55	32	55	35	47	37
Организация консультаций у врачей специалистов	27	41	32	26	33	30
Помощь в разрешении юридических проблем, связанных с особенностями состояния здоровья ребенка	1	0	2	2	0	0
Моральная и психологическая помощь	11	7	15	3	7	13
Бесплатные лекарства	4	15	5	12	7	17
Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2014.						

Родители уделяют мало внимания организации диетпитания детей (5–10%), которое используют в основном только при обострении у них хронических заболеваний. Обеспечение бесплатными лекарственными средствами родители считают более необходимым (12–17%), чем врачи (4–7%). При этом необходимость санаторно-курортного лечения ребенка врачи признают чаще (47–55%), чем сами родители (32–37%).

Сохраняется проблема недостаточной медико-гигиенической грамотности родителей. В контексте этого важно сформировать у них осознание непреходящей ценности здоровья, потребности личного участия в его сохранении и укреплении. Необходимо стремиться пробудить у населения ответственность не только за свое здоровье, но и за здоровье детей. Средства, затраченные на гигиеническое просвещение родителей сегодня, обернутся меньшими затратами на лечение заболеваний уже в ближайшем будущем¹⁸⁶.

В исследовании мы предлагали ответить на вопрос: «Что такое для Вас и Вашей семьи здоровый образ жизни?» На первом месте расположился ответ «здоровое питание» (85–90%; табл. 3.67). На втором – «отсутствие вредных привычек (85–90%)», на третьем – «взаимопонимание всех членов семьи» (57–70%).

Таблица 3.67. **Распределение ответов на вопрос: «Что такое для Вас и Вашей семьи здоровый образ жизни?», 2014 г., в % от числа опрошенных**

Варианты ответа	Дети 2004 г.р. (10 лет)	Дети 2001 г.р. (13 лет)	Дети 1998 г.р. (16 лет)
Здоровое питание	86	85	90
Отсутствие вредных привычек	80	83	87
Взаимопонимание всех членов семьи, отсутствие ссор и конфликтов	70	63	57
Прогулки на свежем воздухе, за городом	58	51	53
Регулярные занятия спортом, физической культурой	37	28	30
Поездки в санатории, к морю	29	34	23
Регулярное посещение врачей и других медицинских специалистов	19	19	10
Закаливание	10	12	10

Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2014.

Стоит отметить, что всего треть семей отметили регулярные занятия спортом и физической культурой как залог здорового образа жизни. Именно постоянная физическая нагрузка необходима и полезна, она делает организм выносливее и крепче, повышает его сопротивляемость болезням. Исследование показало, что большинство родителей уделяют мало внимания привитию ребенку навыков физической культуры. Менее половины детей (45%) занимается физкультурой и спортом вне школы. Основными причинами не посещения детьми спортивных секций роди-

¹⁸⁶ Репродуктивный потенциал населения региона: состояние, тенденции, перспективы / колл. авт. под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. – С. 74.

тели отметили отсутствие необходимости (15–20%) и возможности платить за занятие (11–15%), наличие противопоказаний по состоянию здоровья ребенка (15–25%).

Причинами низкой физической активности современных детей-школьников являются также: перегруженность учебных программ, негативное отношение детей к физической культуре и уменьшение времени занятий физическими упражнениями, чрезмерное увлечение телевизионными передачами, компьютерными играми и Интернетом.

Судя по результатам опроса, подростки в возрасте 16 лет ежедневно пользуются Интернетом, при этом основными посещаемыми Интернет-ресурсами являются социальные сети (86%), Интернет-игры (41%), энциклопедии (38%; табл. 3.68).

Таблица 3.68. **Регулярность использования Интернета, по ответам самих детей,**
в % от числа опрошенных

Частота использования	Дети 2004 г.р. (10 лет)	Дети 2001 г.р. (13 лет)	Дети 1998 г.р. (16 лет)
Несколько раз в день	23,6	54,7	90,0
Один раз в день	34,7	28,1	0,0
Несколько раз в неделю	13,9	9,4	6,7
Несколько раз в месяц	8,3	4,7	0,0
Один раз в месяц	4,2	0,0	0,0
Реже одного раза в месяц	5,6	0,0	0,0
Не пользуюсь	9,7	3,1	3,3

Источник: Мониторинг условий формирования здорового поколения / ИСЭРТ РАН, 2014.

Время работы ребенка в возрасте 10 лет за компьютером контролируют родители, и оно составляет не более часа (34%) или двух (26%). Тогда как в возрасте 13 лет уже около 39% школьников пользуются Интернетом более 2 часов в день, 16% – 3–4 часа в сутки.

Из результатов исследования предыдущих лет следует, что **концентрация факторов риска (низкий уровень медицинской активности, неблагоприятные экологические условия, неблагоприятные жилищные условия, неудовлетворительное здоровье женщины в период беременности, неполная семья) происходит в семьях с низкими доходами**¹⁸⁷.

Таким образом, данные мониторинга позволили выделить факторы, наиболее неблагоприятные для формирования здоровья детей.

Здоровье новорожденных тесно связано со здоровьем матери. Для тех из них, матери которых имеют хронические заболевания, в 3 раза выше

¹⁸⁷ Репродуктивный потенциал населения региона: состояние, тенденции, перспективы / колл. авт. под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. – С. 138–140.

риск плохого здоровья и хронических патологий. Вместе с этим дети, матери которых оценивают свое здоровье как «удовлетворительное, плохое», имеют в 1,6 раза выше риск плохого здоровья.

Наблюдается более высокий (в 1,4 и в 1,2 раза соответственно) риск возникновения хронических заболеваний у детей, рожденных в семьях, материальное обеспечение которых «недостаточно» и «достаточно при определенных условиях» для удовлетворения базовых потребностей, по сравнению с семьями, имеющими хороший материальный достаток.

Все дети, проживающие в плохих жилищных условиях, имеют какие-либо отклонения в состоянии здоровья. Одновременно с этим анализ данных пятой когорты (2014 г.р.) позволил установить тесную связь между здоровьем и типом жилья. Семьи, проживающие в отдельной квартире или собственном доме, имеют меньший риск для здоровья своего будущего ребенка по сравнению с теми, кто живет в семейном общежитии или снимает жилье. Семьи, арендующие жилье или проживающие в общежитии, имели более высокий риск (в 1,3 раза) возникновения проблем со здоровьем ребенка, чем проживающие в собственной квартире или доме.

На здоровье ребенка оказывает влияние тип семьи (полная, неполная). Дети, рожденные в полных семьях, имеют меньший риск (в 1,5 раза) возникновения отклонений в здоровье, чем дети, появившиеся в неполных семьях.

Особо сильное влияние на здоровье ребенка оказывает никотин. У курящих (до беременности и во время) женщин в 4 раза выше риск родить ребенка с отклонениями в здоровье, чем у некурящих. В период с 1995 по 2014 год увеличилось с 2 до 27% соответственно количество женщин, куривших до беременности. При этом, узнав о беременности, только половина женщин в 2014 г. отказались от курения.

Сохраняется низкая медицинская активность родителей. Многие семьи при первых признаках недомоганий у ребенка не обращаются к врачу, предпочитая самолечение (в среднем 21%).

Выявлена «трансляция» образцов поведения от родителей к детям, ярко проявляющаяся, в частности, в пробе табака и алкоголя. В семьях, где курил хотя бы один из членов семьи, дети в возрасте 13 лет пробовали курить в 4 раза чаще, чем при некурящих родственниках. К 16 годам количество детей, пробовавших курить, увеличилось более чем в 2 раза.

Распространенность вышеперечисленных факторов риска довольно высока. Лишь 6% семей благополучны в этом отношении, в остальных риски присутствуют в различных сочетаниях. Более чем в трети семей отмечаются два каких-либо фактора риска, примерно в 20% семей сочета-

ются три. Наибольшая доля здоровых детей выявлена в семьях, где негативные воздействия отсутствуют или минимальны (около 30%). Наиболее велика доля детей, имеющих хронические заболевания, в семьях, сочетающих четыре (25%) и пять (33%) факторов риска. При этом факторы риска сконцентрированы в семьях с низкими доходами. Распространенность выявленных факторов риска в популяции представлена в таблице 3.69.

Таблица 3.69. **Распространенность факторов риска в популяции**

Факторы	Распространенность в популяции
Неудовлетворительное здоровье матери	В 2014 г. в Вологодской области 8% женщин в репродуктивном возрасте оценивают свое здоровье как плохое и очень плохое; 43% – как удовлетворительное.
Низкий уровень гемоглобина у женщин в период беременности	Анемии составляют 33% заболеваемости беременных женщин.
Курение матери	Распространенность курения среди беременных женщин значительно возросла (с 3% в 1995 году до 10% в когорте 2014 г.). В Вологодской области в репродуктивном возрасте курит 29% женщин. Их доля увеличивается.
Условия труда будущей матери, не соответствующие санитарным нормам	В Вологодской области в 2006 г. 26% женщин трудились в не отвечающих санитарным нормам условиях, в то время как в 2000 г. этот показатель не превышал 7% (по данным Вологдастата).
Низкие доходы семей	Около 20% детей в возрасте до 16 лет в России проживают в условиях бедности. Выявлено и некоторое улучшение в данный период субъективных оценок покупательной способности семей, участвующих в мониторинге. Отмечено увеличение доли респондентов, которым денег хватает на все текущие расходы, с 27 до 38% соответственно. Число семей, считающих, что денег им хватает только на ежедневные расходы, но покупка одежды и других вещей представляет трудности, уменьшилось соответственно с 53 до 37%.
Неблагоприятные жилищные условия	13–18% семей, участвующих в мониторинге, проживают в плохих либо требующих капитального ремонта домах и квартирах.
Неудовлетворительные экологические условия в районе проживания	28% детей (по оценке родителей) проживают в плохих или очень плохих экологических условиях.

Полученные данные свидетельствуют о формировании определенной закономерности: широкая распространенность факторов риска в популяции ведет к ухудшению здоровья детей, это в свою очередь ведет к низкому уровню здоровья молодежи и в конечном счете отражается на здоровье взрослых, плохое здоровье родителей становится причиной нездоровья детей. Формируется так называемая «социальная воронка», куда всё активнее втягиваются молодые когорты: проблемы здоровья перемещаются из групп населения старшего возраста в группы детей и молодежи¹⁸⁸.

¹⁸⁸ Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России // Вестник Российской академии наук. – 2004. – Т. 74. – №3. – С. 209–218.

* * *

Здоровье служит одним из основных компонентов качества детского населения. Физическое и психологическое благополучие подрастающего поколения формируют основу его человеческого потенциала, обеспечивают возможность конструктивного участия в жизни общества. Статистически фиксируемые в стране и регионе рост заболеваемости несовершеннолетних, сохранение высокой заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения создают неблагоприятный фон для развёртывания процессов модернизации. В то же время ситуация неоднозначна в силу различного воздействия факторов риска на здоровье детей разного возраста. Лонгитюдное исследование ИСЭРТ РАН позволило установить, что здоровье детей 2014 г.р. лучше по сравнению с когортами предшествовавших лет. Это достижение стало возможным благодаря отмеченному респондентами повышению качества медицинских услуг, более ответственному отношению семей к планированию рождения детей и к их воспитанию, общему улучшению экономических условий и повышению доходов домохозяйств. В когорте 2014 г.р. впервые с начала мониторингового исследования не было зафиксировано **резкого ухудшения здоровья детей в возрасте до одного года. Доля здоровых детей превысила ранее непреодолимый рубеж 5%, составив 14%.** На втором году жизни впервые (по сравнению с динамикой по предшествующим когортам) **отмечено сокращение доли детей с хроническими заболеваниями (на 1%) и увеличение доли здоровых детей (на 6%).** В ходе мониторингового исследования **удалось выявить ведущие факторы риска для здоровья новорожденных детей:** курение матери, плохая обеспеченность продуктами питания, неблагоприятные жилищные условия, низкое материальное положение семьи, неполная семья.

Подтвердились ранее выявленные в рамках мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения» закономерности, связанные со снижением индексов здоровья детей в первый год жизни, в период поступления в школу и при переходе из начальной школы в среднюю. На основе сопоставления динамики индексов здоровья детей пяти когорт показано, что минимальное расхождение их величин приходится на возрастной промежуток 4–9 лет. В раннем детстве и в возрасте старше 10 лет расхождение усиливается. Сформулировано предположение, что именно в этих возрастных периодах здоровье детей становится наиболее подвержено действию внешних факторов, а также факторов, обусловленных образом жизни семей и самих детей.

Показатели нервно-психического развития детей, полученные по итогам мониторингового наблюдения, позволяют заключить, что интеллектуальный и творческий потенциал детского населения региона соответствует задачам модернизационных преобразований общества. Если у детей будет возможность реализовать его в трудовой деятельности, экономика региона получит новый резерв для развития.

Научную новизну составляют результаты, полученные в ходе исследования профориентации школьников, обучающихся в НОЦ ИСЭРТ РАН. Установлено, что в настоящее время степень сформированности профессиональных предпочтений детей можно характеризовать как достаточно слабую, что обуславливает необходимость усиления работы в этом направлении. Практические рекомендации по совершенствованию профориентационной работы с подрастающим поколением, предложенные в рамках данного исследования, могут служить руководством к действию для специалистов системы образования региона.

Качество детского населения Вологодской области в целом отвечает требованиям задач модернизации общества. Современные дети обладают высоким творческим и интеллектуальным потенциалом, готовы осваивать учебную программу, настроены на достижение социального успеха. Реализация этого потенциала требует только благоприятных социокультурных и экономических условий: упрочения материального благосостояния семей с детьми, совершенствования медицинского обслуживания, развития программ дополнительного образования, расширения профориентационной работы, создания достойно оплачиваемых рабочих мест, где будут востребованы творческий подход и инновационная активность молодёжи.

Рассмотрение факторов формирования здоровья подрастающего поколения позволило выявить противоречия, которые создают реальную угрозу для протекания модернизационных процессов в регионе. Во-первых, между стимулами, заложенными в государственные программы пронатальной направленности, и интересами модернизации. Наблюдается следующая картина. Семьи, принимающие решение о рождении ребёнка, действуют в соответствии с интересами государства. Но при этом их реальные доходы после рождения ребёнка сокращаются. Более всего это заметно на примере семей, считавших себя до рождения ребёнка обеспеченными. Как следствие, происходит сжатие среднего класса в регионе. Учитывая, что модернизация опирается в основном на представителей именно этой прослойки общества, можно заключить,

что её сокращение создаёт неблагоприятный фон для социально-экономических преобразований. Во-вторых, выявлено противоречие между возможностями семей приобретать отдельное жильё и интересами модернизации. Недостаточность дохода семей с детьми эксклудирует их от рынка жилья. Единственная реальная возможность приобретения отдельного жилого помещения для семей с детьми – ипотечное кредитование. Этот инструмент при наличии одного текущего положительного экономического эффекта (обеспечение прибыли банковского сектора, страховых и строительных компаний) в перспективе нескольких поколений выступает тормозом социально-экономического развития региона. Механизм его действия основан на долговременном снижении располагаемого дохода семей с детьми. Обязательства по кредиту вынуждают семьи перенаправлять свои ресурсы на их выполнение, а не на удовлетворение собственных потребностей и воспитание детей. Это подрывает основу воспроизводства общества. Недоступность жилого фонда искажает результаты пронатальной политики государства. Рождаемость повышается, но материальной основы для воспитания здорового и интеллектуально развитого поколения не сформировано. Следствием этой асинхронности может стать сохранение низкого уровня модернизированности, дальнейшее углубление отставания социально-экономического развития региона. В связи с этим возникает необходимость совершенствования институтов, ответственных за управление качеством социально-экономической среды. Прежде всего, эта работа связана с разработкой согласованных между собой программ развития медицинской помощи семьям с детьми, демографической и семейной политики, программ обеспечения семей с детьми доступным жильём, охраны окружающей среды. Не менее важны усилия по совершенствованию системы образования, приведению её в соответствие с требованиями модернизации. В частности, особое внимание следует обратить на развитие дополнительного образования и профориентационной работы с детьми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последние десятилетия в России произошли масштабные общественные и политические изменения. Однако задача модернизации экономики остаётся нерешённой до сих пор. Её приоритетность определяется остротой проблем поддержания темпов экономического роста, обеспечения высокого качества жизни населения и, в целом, сохранения социально-экономической устойчивости в долгосрочной перспективе. В настоящий момент страна столкнулась с вызовами, связанными с необходимостью развиваться по наукоемкой высокотехнологичной модели в условиях прогнозируемой ограниченности трудовых ресурсов. В этих условиях дети и молодежь должны стать основным модернизационным ресурсом. Именно качественная смена поколений, нарастание человеческого капитала движут изменениями в обществе, формируют инновационный потенциал. Политика сбережения молодого поколения, в количественном и качественном аспектах, должна находиться во главе угла при стратегическом планировании развития страны и ее регионов.

В монографии рассмотрены важные характеристики качества детского населения, показатели его физического, психического здоровья, нервно-психического развития, факторы, влияющие на здоровье, особенности социализации, в том числе через образовательную систему. Исследование включило также изучение параметров современной молодежи через призму ее готовности к модернизации: были оценены социокультурные характеристики, образовательная и инновационная активность, трудовое поведение. Особое внимание уделено проблемам формирования и сохранения здоровья детей и молодежи.

Основные выводы и предложения, полученные в результате проведенных исследований, состоят в следующем.

Доказана важность сохранения и укрепления здоровья подрастающего поколения для успешного социально-экономического развития в стране в будущем; обосновано, что игнорирование этой проблематики может обернуться существенными экономическими потерями.

В ходе углубленного изучения здоровья и развития детей установлена благоприятная динамика показателей здоровья когорты 2014 г.р. Впервые за период наблюдения не произошло резкого ухудшения здоровья детей на первом году жизни, на втором – впервые отмечено сокращение доли детей с хроническими заболеваниями и увеличение доли здоровых детей.

Установлено, что интеллектуальный и творческий потенциал детского населения региона соответствует задачам модернизационных преобразований общества. В случае если будут созданы благоприятные условия и дети смогут реализовать свой потенциал в трудовой деятельности, экономика региона получит новый толчок для развития.

Значительный вклад в улучшение здоровья детей вносят такие параметры семей, как материальное положение, педагогический потенциал (в частности образование родителей), а также медико-социальная активность родителей.

Выявлено, что молодые люди более склонны к проявлению инновационной активности, нежели старшее поколение, их представления о будущем связаны с активным преобразованием мира вокруг себя, а реальная готовность к социальной активности выражена сильнее.

В результате анализа условий социализации молодежи определены некоторые проблемные точки, связанные с её низкой физической активностью, уделением большого количества свободного времени компьютеру и сети Интернет. Показано, что большое значение для социализации имеет экономическое и социокультурное развитие территории проживания молодых людей (присутствуют различия в становлении городской и сельской молодежи).

Доказана важность адекватной профориентационной работы. В настоящее время система профориентации не достигает своих конечных целей, а именно формирования у подростков грамотного профессионального самоопределения, соответствующего индивидуальным особенностям личности и одновременно кадровым запросам общества, его требованиям к современному работнику. Ключевыми проблемами для подростков являются незнание условий и основных требований, предъявляемых к про-

фессии, собственных психофизиологических возможностей и неумение сопоставлять свои предпочтения с реальными способностями. Большинство студентов на момент обучения не владеют необходимыми знаниями о профессии, специфике будущей работы. Вследствие этого, по мере обучения, становится больше тех, кто считает выбранную профессию не соответствующей своему призванию, и это приводит к существенному недоиспользованию их трудового потенциала, росту дисбаланса на рынке труда. Модернизация системы школьного профессионального ориентирования будет способствовать устранению выявленных проблем и развитию модернизационных процессов.

Выявлено, что приоритетной задачей выступает создание условий для формирования слоя креативных, целеустремленных, обладающих новыми идеями, рационализаторскими способностями и хорошим здоровьем молодых людей. При выборе модернизационного движения страны по вектору консолидирующего гуманизма особую значимость приобретает формирование у молодежи адекватной ценностной системы, основанной на принципах гуманизма, патриотизма, законности. Требуется грамотная оценка и изменение институтов, воздействующих на демографический потенциал и качество молодого поколения России, таких как управление качеством социально-экономической среды, демографическая и семейная политика, медицинская помощь, социализация детей и молодежи, участие различных социально-демографических групп в сферах общественного производства, образования, профессиональной ориентации и дополнительного образования, улучшение состояния окружающей среды.

По итогам изучения молодого поколения Вологодской области можно сделать вывод о соответствии его качества требованиям модернизации общества. Однако для его полной реализации необходимы благоприятные социокультурные и экономические условия, повышение эффективности социальных институтов.

Полученные результаты могут быть использованы в деятельности федеральных и региональных органов власти, при стратегическом планировании и создании целевых проектов для детей и молодежи. Особенности использования междисциплинарного подхода, продемонстрированные в рамках исследования, могут быть полезны для научных работников, педагогов, чьи научные интересы связаны с осмыслением социальной проблематики с позиций экономики, социологии, демографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Абдалина, Л.В. Психологические аспекты профессионального самоопределения учащихся [Текст] / Л.В. Абдалина, Е.В. Гаврилова. – Воронеж : ВоГПУ, 2004. – 77 с.
2. Амин, С. Экономический глобализм и политический универсализм: конфликтующие результаты? [Текст] / С. Амин // Социология: РЖ / РАН ИНИОН. – М., 2003. – №1. – С. 49–56.
3. Андриюшина, Е.В. Семья и здоровье подростка [Текст] / Е.В. Андриюшина // Народонаселение. – 1998. – №2. – С. 55.
4. Артеменко, В.В. Влияние социально-экономических характеристик семьи на здоровье детей [Текст] / В.В. Артеменко, А.А. Шабунова // Проблемы развития территории. – 2009. – №2(48). – С. 68–77.
5. База данных международной статистики и индексов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/spec/stat/>
6. Безруких, М.М. Сохранение здоровья детей как важное направление развития системы образования [Текст] / М.М. Безруких // Научные исследования в образовании: педагогика, психология, экономика. – 2011. – №7. – С. 3–10.
7. Белый, О.И. Определение понятия «молодежь» [Текст] / О.И. Белый // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №12. – С. 156–158.
8. Божович, Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе [Текст] / Л.И. Божович // Хрестоматия по возрастной психологии. – М. : Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж : НПО МОДЭК, 1998. – С. 120–131.
9. Васильева, Е.Н. Образование как фактор социализации молодежи: опыт регионального исследования [Текст] / Е.Н. Васильева // Вестник Волгоградского государственного университета: Сер. 7: Философия. – 2011. – №3(15). – С. 49–58.
10. Взаимосвязь профильной и профессиональной подготовки учащихся в США и России [Текст] / М.П. Пальянов, А.Р. Демченко, О.А. Семина, Б.А. Беловолов // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – №1. – С. 29–36.

11. Всемирный банк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/>
12. Выбор профессии: чему учились и гдегодились? [Текст] / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников, Т.С. Карабчук, З.А. Рыжикова, Т.А. Биляк // Экономический журнал ВШЭ. – 2009. – Т. 13. – №2. – С. 172–216.
13. Гавров, С.Н. Вопросы социальной теории [Текст] / С.Н. Гавров. – 2009. – Том 3. – Вып. 1(3). – С. 359–368.
14. Гавров, С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России [Текст] / С.Н. Гавров. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с. – С. 72.
15. Гавров, С.Н. Социокультурные процессы модернизации [Текст] / С.Н. Гавров // Вопросы социальной теории. – 2009. – Т. 3. – Вып. 1(3). – С. 359–368.
16. Гидденс, Э. Последствия современности [Текст] / Э. Гидденс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2010. – №6(100). – С. 170–181.
17. Головчин, М.А. Государственная образовательная политика в оценках педагогов (на примере Вологодской области) [Электронный ресурс] / М.А. Головчин, Т.С. Соловьева // Universum: Экономика и юриспруденция. – 2015. – №7(18). – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/2304>.
18. Государственная программа развития здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2014/01/30/1686-gosudarstvennaya-programma-razvitiya-zdravoohraneniya-rossiyskoy-federatsii>
19. Государственный доклад о положении детей в РФ [Текст] / Министерство здравоохранения и социального развития РФ. – М., 2011. – 270 с.
20. Груздова, Е.В. Общая характеристика профессионального выбора подростка [Текст] / Е.В. Груздова, Л.В. Абдалина // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – №4. – С. 163–166.
21. Данилова, М.В. Кризис профессионального выбора и направления профориентационной помощи старшеклассникам [Текст] / М.В. Данилова // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2013. – №31. – С. 102–109.
22. Дементьева, И.В. Факторы риска современного детства [Текст] / И.В. Дементьева // Социологические исследования. – 2011. – №10. – С. 108–112.
23. Демографический ежегодник России, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/demo15.pdf
24. Дитон, А. Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства [Текст] / А. Дитон; пер. с англ. А. Гуськова. – М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная миссия», 2016. – 368 с.

25. Доклад о состоянии здоровья детей в Российской Федерации (по итогам Всероссийской диспансеризации 2002 года) [Электронный ресурс]. – М. 2003. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
26. Доклады о развитии человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en>
27. Ермоленко, В.В. Ресурсы модернизации России [Электронный ресурс] / В.В. Ермоленко // Человек. Сообщество. Управление: науч. журнал КубГАУ. – Краснодар: КубГАУ, 2010. – №6(60). – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2010/06/pdf/04.pdf>.
28. Зарубина, Н.Н. Молодежь в условиях анонии: кто примет ответственность за будущее России? [Текст] / Н.Н. Зарубина // Общественные науки и современность. – 2016. – №2. – С. 52–63.
29. Зарубина, Н.Н. Социально-политические молодежные объединения и их роль в решении социальных проблем современного российского общества [Электронный ресурс] / Н.Н. Зарубина. – Режим доступа: <http://elar.uniya.ac.ru/jspui/bitstream/123456789/1917/1/Зарубина.doc>
30. Заседание Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей 27.05.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>
31. Заседание Совета по науке и образованию 23 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/45962>
32. Здоровье молодого поколения России: проблемы и подходы [Текст] // Здоровье молодежи. Сравнительное исследование. Россия, Беларусь, Польша. – М.: Экон-Информ, 2016. – С. 11–18.
33. Зубок, Ю.А. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров [Текст] / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социс. – 2012. – №8. – С. 103–111.
34. Изгарская, А.А. Образование в эпоху модернизации с позиций миросистемного подхода [Текст] / А.А. Изгарская // Философия образования. – 2011. – №3. – С. 12–18.
35. Изменения, направленные на повышение эффективности образования на 2013 – 2018 гг. [Электронный ресурс] : утв. пост. Правительства Вологодской области от 25 февраля 2013 г. №201 // Официальный портал Правительства Вологодской области. – Режим доступа: http://vologda-oblast.ru/dokumenty/ispolnenie_ukazov_prezidenta_rf/244791/
36. Капелюшников, Р.И. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения») [Текст] / Р.И. Капелюшников, А.Л. Лукьянова. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. – 196 с.

37. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
38. Климов, Е.А. Как выбирать профессию [Текст] / Е.А. Климов. – М.: Просвещение, 1990. – 159 с.
39. Кон, И.С. Психология ранней юности [Текст] / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.
40. Кондакова, Н.А. Современная социальная поддержка семей с детьми [Текст] / Н.А. Кондакова // Проблемы развития территорий. – 2016. – №3. – С. 72-89.
41. Костина, А.В. Массовизация образования – массовизация общества [Текст] / А.В. Костина; отв. ред. А. В. Костина, В.А. Луков // Высшее образование для XXI века: X Международная научная конференция, Москва, 14–16 ноября 2013 г.: доклады и материалы. Секция 1. Философия образования. – Вып. 2. – М.: Моск. гуманит. ун-т, 2013. – 72 с.
42. Кравченко, С.А. Гуманистически ориентированная модернизация: востребованность преобразований адекватных чаяниям россиян [Текст] / С.А. Кравченко // Россия реформирующаяся: ежегодник. – Вып. 12. – М.: Новый хронограф, 2014. – С. 21–41.
43. Культурные факторы модернизации [Текст] / А.А. Аузан, А.Н. Архангельский, П.С. Лунгин, В.А. Найшуль. – М.: СТРАТЕГИЯ 2020, 2011. – 221 с.
44. Кучма, В.Р. Школы здоровья в России [Текст] / В.Р. Кучма, Л.М. Сухарева, И.К. Рапопорт. – М.: Научный центр здоровья детей РАМН, 2009. – 128 с.
45. Лапин, Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии [Текст] / Н.И. Лапин // Социс. – 2016. – №5. – С. 23–34.
46. Лапин, Н.И. Модернизация как глобальный вызов и стратегия повышения ее социокультурной эффективности в регионах России [Текст] / Н.И. Лапин // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. – М., 2015. – С. 34–63.
47. Лапин, Н.И. Проблемы социокультурной модернизации регионов России [Текст] / под общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М., 2013. – С. 26–27.
48. Лапин, Н.И. Тяжкие годы России (Перелом истории, кризис, ценности, перспективы) [Текст] / Н.И. Лапин // Мир России. – М., 1992. – №1. – С. 30–31.
49. Ласточкина, М.А. Социализация современной молодежи: контрасты центра и периферии [Текст] / М.А. Ласточкина // Социология культуры: опыт и новые парадигмы: VI Санкт-Петербургские социологические чтения: междунар. науч. конф., 17–18 апр. 2014 г. – СПб., 2015. – Т. 208. – С. 303–313.
50. Леонидова, Г.В. Генерация знаний талантливой молодежи в интересах интеллектуализации человеческого капитала: методы и формы осуществления

[Текст] / Г.В. Леонидова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – №1(13). – С. 90–100.

51. Леонидова, Г.В. Здоровье молодого поколения в контексте модернизации территории [Текст] / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова, А.Н. Гордиевская // Вопросы статистики. – 2015. – №4. – С. 47–56.

52. Леонидова, Г.В. Образовательный потенциал молодёжи как ресурс модернизации [Текст] / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – №4(28). – С. 172–178.

53. Лисицын, Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник [Текст] / Ю.П. Лисицын. – 2-е изд. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. – С. 98.

54. Майер, А.А. Закономерности социализации детства в образовании [Текст] / А.А. Майер // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – №52. – С. 54–60.

55. Макарова, Л.П. Роль семьи в профилактике девиантного поведения подростка. Семья и здоровье ребенка [Текст] / Л.П. Макарова, Г.А. Корчагина // Материалы XII Международной конференции «Ребенок в современном мире. Семья и дети», г. Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2005 года. – СПб., 2005. – С. 422.

56. Малинецкий, Г.Г. Техногенные ресурсы в контексте новой индустриализации России [Текст] / Г.Г. Малинецкий // Вестник Российской академии наук. – 2015. – Т. 85. – №4. – С. 344.

57. Медведев, Д. Национальные приоритеты [Текст] / Д. Медведев // Статьи и выступления. – М.: Европа, 2008. – 504 с.

58. Методические рекомендации по комплексной оценке состояния здоровья детей и подростков при массовых врачебных осмотрах. № 08-14/4 от 27.04.82. [Текст]. – М., 1982. – 30 с.

59. Методы исследования и оценки физического развития детей и подростков : методическое пособие [Текст]. – Чита: Министерство здравоохранения РФ. Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Читинская государственная медицинская академия», 2013.

60. Мингалева, Ж.А. Формирование современного демографического потенциала как основа структурной модернизации экономики [Текст] / Ж.А. Мингалева, М.В. Игошев // Российское предпринимательство. – 2011. – № 2-1 (177).

61. Миронов, В.В. Российская девальвация 2014–2015: падение в пропасть или окно возможностей [Текст] / В.В. Миронов // Вопросы экономики. – 2015. – №12. – С. 5–32.

62. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы [Текст] : сборник статей и материалов. – Вып. 1 / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009.

63. Модернизация российского образования: проблемы и перспективы [Текст] / под ред. М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 352 с.

64. Мониторинг качества приема в вузы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/ege/>

65. Морозов, С. Студенческая молодежь как инновационный потенциал политической модернизации в России [Текст] / С. Морозов, Н. Черных // Власть. – 2013. – №9. – С. 47–49.

66. Нагимова, А.М. Государственное управление качеством жизни регионального социума: методология оценки эффективности : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08 [Текст] / А.М. Нагимова. – Уфа, 2011. – 46 с.

67. Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие [Текст] / под ред. проф. В.В. Локосова. – М.: Экон-Информ, 2015. – 411 с.

68. Нятина, Н.В. Эскапизм – отклонение в социализации молодежи [Текст] / Н.В. Нятина // Вестник КемГУ. – 2013. – №2(54). – Т. 1. – С. 133–136.

69. О реализации Концепции развития дополнительного образования детей в Вологодской области (итоги 2015/2016 уч. года и задачи на 2016/2017 уч. год [Электронный ресурс] / Н.М. Колыгин // АОУ ДО ВО «Региональный центр дополнительного образования детей». – Режим доступа: <http://rcdop.edu.ru/attachments/article/754/Колыгин%20Н.М.%20О%20реализации%20Концепции%20развития%20доп.%20образования%20детей%20в%20ВО.pdf>

70. Об утверждении Порядка проведения диспансерного наблюдения [Электронный ресурс]: приказ Министерства здравоохранения РФ от 21.12.2012 г. № 1344н. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70321224/>

71. Орлова, Э.А. Социокультурные предпосылки модернизации в России [Текст] / Э.А. Орлова // Библиотека в эпоху перемен: информ. сб. (дайджест). – Вып. 2 (10). – М.: Изд. РГБ, 2001. – С. 7.

72. Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2000–2013 год [Текст]: стат. сб. – Вологда: Департамент здравоохранения Вологодской области, ГУЗ ДЗ ВО «МИАЦ», 2001–2014.

73. Официальный сайт Департамента здравоохранения Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://depzdrav.gov35.ru/>

74. Пайпс, Р. Смысл слова: модернизация в узком смысле [Электронный ресурс] / Р. Пайпс // Ведомости. – 69 (2587). – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/04/19/231672>

75. Пищик, В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности [Текст] / В.И. Пищик // Социальная психология и общество. – 2011. – №2. – С. 80–88.

76. Попов, А.В. Обеспеченность Вологодской области трудовыми ресурсами: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / А.В. Попов // Universum: эко-

номика и юриспруденция. – 2015. – №7(18). – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/2305>

77. Попова, Т.Н. Структурный дисбаланс системы занятости в регионе [Электронный ресурс] / Т.Н. Попова // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. – 2011. – № 5. – Режим доступа: http://www.mivlgu.ru/site_arch/educational_activities/journal_ec/journal_arch/N5/popova.pdf

78. Портяков, В.Я. О перспективах развития Китая [Текст] / В.Я. Портяков // Проблемы Дальнего Востока. – 2005. – №5. – С. 44–61.

79. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ. – 01.12.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения – 12.12.2016 г.)

80. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ. – 12.11.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/5979>

81. Путин рассказал о Совете по стратегическому развитию. – 13.07.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/3450895> (дата обращения : 18.01.2017).

82. Развитие образования [Электронный ресурс] : государственная программа Российской Федерации на 2013–2020 годы : утв. пост. Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. №295 // Портал государственных программ Российской Федерации. – Режим доступа : <http://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/2>

83. Рахимова, Л.А. Политическая социализация молодежи: механизмы и модели : дис. ... канд. полит. наук [Текст] / Л.А. Рахимова. – Уфа, 2006.

84. Репродуктивный потенциал населения региона: состояние, тенденции, перспективы [Текст] / колл. авт. под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. – С. 74.

85. Римашевская, Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России / Н.М. Римашевская // Вестник Российской академии наук. – 2004. – Т. 74. – №3. – С. 209–218.

86. Римашевская, Н.М. Человеческий потенциал России и проблемы «сбережения населения» [Текст] / Н.М. Римашевская // Российский экономический журнал. – 2004. – №9–10. – С. 22.

87. Рыбаков, М.Ю. Профессиональная ориентация школьников: традиционное содержание и векторы модернизации [Текст] / М.Ю. Рыбаков // Среднее профессиональное образование. – 2008. – №2. – С. 6–8.

88. Сагадеев, А.В. Дуализм земли и неба: культурное наследие и идеология в современном арабском мире [Электронный ресурс] / А.В. Сагадеев // Культурное наследие: преемственность и перемены: сборник реф. обзоров. – Вып. 3. – М.: ИНИОН РАН, 1991. – С. 52.

89. Симатова, О.Б. Возрастные особенности профессиональной направленности школьников на разных этапах онтогенеза [Текст] / О.Б. Симатова, Е.В. Прокопьева // Психология. – 2011. – №5. – С. 210–213.

90. Синергетика и прогнозы будущего [Текст] / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. – Изд. 3-е. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

91. Стратегические направления улучшения здоровья и развития детей и подростков [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. 2003. 32 с. – Режим доступа: https://www.rorbic.ru/upload/site1/document_file/T1vpcPHpX6.pdf

92. Стратегия развития молодежи в Российской Федерации на период до 2025 года (проект) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/98/ae/98aeadb5-7771-4e5b-a8ee-6e732c5d5e84.pdf> (дата обращения: 02.12.2016).

93. Тимаков, В.В. Сравнения, которых боится Запад [Электронный ресурс] / В.В. Тимаков // «Руснект» Русская весна. – Режим доступа: http://rusnext.ru/recent_opinions/1466351547

94. Тойнби, А. Дж. Постигание истории [Текст] : сборник / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.

95. Тоисеева, О.С. Профессиональное самоопределение подростков: актуальность, проблемы, пути решения [Текст] / О.С. Тоисеева // Педагогическое образование в России. – 2011. – №4. – С. 60–64.

96. Улумбекова, Г.Э. Здравоохранение в России. Что надо делать: научное обоснование «Стратегии развития здравоохранения РФ до 2020 года» [Текст] / Г.Э. Улумбекова. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – С. 48.

97. Устинова, К.А. Соответствие квалификации занятого населения требованиям рабочих мест [Текст] / К.А. Устинова // ЭКО. – 2012. – №9. – С. 181–188.

98. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/#

99. Фёдорова, Л.Д. Профессиональное самоопределение школьников [Текст] / Л.Д. Фёдорова // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2014. – №3. – С. 19–23. (С. 21)

100. Фельдштейн, Д.И. Особенности стадий развития личности на примере подросткового возраста [Текст] / Д.И. Фельдштейн // Хрестоматия по возрастной психологии. – М.: Институт практической психологии, 1998. – С. 298–309.

101. Хабермас, Ю. Модерн – незавершенный проект [Текст] / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – №4. – С. 40–51.

102. Хагуров, Т.А. Реформа образования глазами профессионального сообщества: опыт социологического исследования [Текст] / Т.А. Хагуров, А.А. Остапенко. – М.: Институт социологии РАН. – 230 с.

103. Хэ, Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. [Текст] / Хэ Чуаньци; под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.

104. Шабунова, А.А. Двадцать лет мониторинга детского здоровья: организация, результаты, выводы [Текст] / А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – №2(38). – С. 116–128.

105. Шабунова, А.А. Дети и молодёжь в России: глобальные вызовы современности [Текст] / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова, О.Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – №6(42). – С. 36–57.

106. Шабунова, А.А. Здоровье детей: итоги пятнадцатилетнего мониторинга [Текст]: монография / А.А. Шабунова, М.В. Морев, Н.А. Кондакова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 262 с.

107. Шабунова, А.А. Здоровье и развитие детей: итоги 20-летнего мониторинга [Текст] / А.А. Шабунова, Н.А. Кондакова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5(35). – С. 33–54.

108. Шабунова, А.А. Качество трудовых ресурсов в России: региональный аспект [Текст] / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 2 (22). – С. 126–134.

109. Шабунова, А.А. Общественное и индивидуальное здоровье в современной России: состояние и динамика : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 [Текст] / А.А. Шабунова. – М., 2011. – 43 с.

110. Шереги, Ф.Э. Российская молодежь: настроение, ожидания, ценностные ориентации [Текст] / Ф.Э. Шереги. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. – С. 24.

111. Шишкина, Е.А. Особенности профессиональной ориентации выпускников школ: проблемы и решения [Электронный ресурс] / Е.А. Шишкина // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. – 2012. – №6. – Режим доступа: http://www.mivlgu.ru/site_arch/educational_activities/journal_ec/journal_arch/N6/shikina.pdf

112. Штайнер, Г. Социология профессии как призвание: Владимир Николаевич Шубкин [Текст] / Г. Штайнер // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. – №4. – С. 175–183.

113. Якимов, В.Г. Исследование уровня сформированности компетенции полипрофессионального ориентирования школьников [Текст] / В.Г. Якимов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – №1. – С. 3–6.

114. Яковлева, Т.В. Государственная политика в области охраны здоровья детей: проблемы и задачи [Текст] / Т.В. Яковлева, А.А. Баранов // Вопросы современной педиатрии. – 2009. – №2. – С. 6–10.

115. Ясин, Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей [Текст] / Е.Г. Ясин. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – С. 6.
116. Black, C. The Dynamics of Modernization [Text] / C. Black. – New York: Harper & Row, Publishers, 1966.
117. Cray, K. Other ways to win: creating alternatives for high school graduate [Text] / K. Cray, E. Herr. – Thousand Oaks, California: Corwin Press, Inc. A Sage Publications Company, 2000. – 198 p.
118. Currie, C. Social determinants of health and well-being among young people. Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) study: international report from the 2009/2010 survey [Text] / C. Currie. – Copenhagen. WHO Regional Office for Europe, 2012.
119. Drucker. P.F. The Landmarks of Tomorrow [Text] / P.F. Drucker. – N.Y., 1957.
120. EU Youth Report 2015. Luxembourg [Text]: Publications Office of the European Union, 2016.
121. Giddens, A. Commentary on the reviews [Text] / A. Giddens // Theory, culture and society. – 1992. – Vol. 9, № 2. – P. 171–174.
122. Global Youth Development Index and Report – 2016 [Text] Commonwealth Secretariat, 2016.
123. Hall, G. Stanley Youth: Its Education, Regiment, and Hygiene Text] / G. Hall. – New York, Appleton, 1906.
124. Now we are 50: Key findings from the National Child Development Study. Edited by Jane Elliott and Romesh Vaitilingam [Text]. London: The Centre for Longitudinal Studies, 2008.
125. Tompson. W. Healthcare Reform in Russia: Problems And Prospects [Text] / W. Tompson // Economics Department Working Papers No. 538, Paris: OECD, 2007. – P. 6.
126. World health statistics 2009 [Electronic resource]. Geneva, World Health Organization, 2009. – URL: <http://www.who.int/whosis/whostat/2009/en/index.html>

СОТРУДНИКИ ВОЛОГОДСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН – АВТОРЫ МОНОГРАФИЙ, ВКЛЮЧЕННЫХ В ИЗДАНИЕ

Ильин Владимир Александрович – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации

Монографии:

Эффективность государственного управления. Политический цикл 2012–2018: точка зрения главного редактора (2019 г., том 1). Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Анализ и моделирование экономики на основе межотраслевого баланса (2017 г., том 3).

Социальное государство в России: проблемы и перспективы (2018 г., том 5).

Шабунова Александра Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, директор

Монографии:

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Ускова Тамара Витальевна – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Государственно-частное партнерство в жилищно-коммунальном хозяйстве региона: проблемы и перспективы развития (2016 г., том 2).

Анализ и моделирование экономики на основе межотраслевого баланса (2017 г., том 3).

Алферьев Дмитрий Александрович – научный сотрудник лаборатории интеллектуальных и программно-информационных систем

Монографии:

Научно-технологическое пространство и прогнозирование его развития в условиях глобальной конкуренции (2018 г., том 6).

Барсуков Виталий Николаевич – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

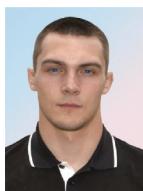

Ворошилов Николай Владимирович – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация (2019 г., том 3).

Галухин Антон Викторович – младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах (до октября 2018 г.)

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Головчин Максим Александрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона (2018 г., том 5).

Груздева Мария Андреевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, заведующий лабораторией исследования проблем управления в социальной сфере

Монографии:

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Губанова Елена Сергеевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов и кредита Вологодского государственного университета, член Ученого совета Вологодского научного центра РАН

Монографии:

Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация (2019 г., том 3).

Гужавина Татьяна Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Гулин Константин Анатольевич – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом проблем научно-технологического развития и экономики знаний (до сентября 2018 г.)

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Научно-технологическое пространство и прогнозирование его развития в условиях глобальной конкуренции (2018 г., том 6).

Малое предпринимательство в экономике территорий (2017 г., том 6).

Калачикова Ольга Николаевна – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Каминский Вадим Сергеевич – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Квитко Катерина Борисовна – младший научный сотрудник отдела проблем научно-технологического развития и экономики знаний (до июня 2019 г.)

Монографии:

Научно-технологическое пространство и прогнозирование его развития в условиях глобальной конкуренции (2018 г., том 6).

Кожевников Сергей Александрович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, заведующий лабораторией пространственного развития и размещения производительных сил

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Эффективность государственного управления: проблемы и методы повышения (2018 г., том 2).

Государственно-частное партнерство в жилищно-коммунальном хозяйстве региона: проблемы и перспективы развития (2016 г., том 2).

Анализ и моделирование экономики на основе межотраслевого баланса (2017 г., том 3).

Организация и факторы новой индустриализации (2018 г., том 3).

Кондакова Наталья Александровна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Копытова Екатерина Дмитриевна – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах

Монографии:

Эффективность государственного управления: проблемы и методы повышения (2018 г., том 2).

Социальная ответственность бизнеса: проблемы и перспективы развития (2017 г., том 2).

Короленко Александра Владимировна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Косыгина Ксения Евгеньевна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Кремин Александр Евгеньевич – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела проблем научно-технологического развития и экономики знаний (до февраля 2020 г.)

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Малое предпринимательство в экономике территорий (2017 г., том 6).

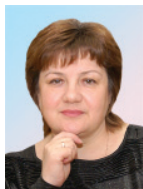

Ласточкина Мария Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения (до августа 2018 г.)

Монографии:

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Леонидова Галина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, заведующий лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона (2018 г., том 5).

Лукин Евгений Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, заведующий лабораторией моделирования и прогнозирования социально-экономического развития территорий

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Анализ и моделирование экономики на основе межотраслевого баланса (2017 г., том 3).

Организация и факторы новой индустриализации (2018 г., том 3).

Мазилев Евгений Александрович – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом проблем научно-технологического развития и экономики знаний

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Научно-технологическое пространство и прогнозирование его развития в условиях глобальной конкуренции (2018 г., том 6).

Малое предпринимательство в экономике территорий (2017 г., том 6).

Мельников Алексей Евгеньевич – младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах (до сентября 2019 г.)

Монографии:

Организация и факторы новой индустриализации (2018 г., том 3).

Морев Михаил Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом исследования уровня и образа жизни населения, заведующий лабораторией исследования социальных проблем и эффективности государственного управления

Монографии:

Эффективность государственного управления. Политический цикл 2012–2018: точка зрения главного редактора (2019 г., том 1). Социальное государство в России: проблемы и перспективы (2018 г., том 5).

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Нацун Лейла Натиговна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

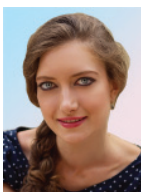
Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Панов Александр Михайлович – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения (до 2017 г.)

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Печенская-Полищук Мария Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, заведующий лабораторией исследования проблем развития общественных финансов

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Поварова Анна Ивановна – старший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах (до февраля 2019 г.)

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Социальное государство в России: проблемы и перспективы (2018 г., том 5).

Попов Андрей Васильевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Разварина Ирина Николаевна – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Россошанский Александр Игоревич – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Смолева Елена Олеговна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Соловьева Татьяна Сергеевна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона (2018 г., том 5).

Теребова Светлана Викторовна – доктор экономических наук, доцент, директор Северо-Западного научно-исследовательского института молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленного подразделения ВолНЦ РАН

Монографии:

Малое предпринимательство в экономике территорий (2017 г., том 6).

Механизмы повышения инновационной активности промышленных предприятий: проблемы разработки и внедрения (2017 г., том 6).

Устинова Ксения Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела проблем научно-технологического развития и экономики знаний, заведующий лабораторией инновационной экономики

Монографии:

Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления (2018 г., том 4).

Качество молодого поколения в контексте модернизации России (2016 г., том 4).

Уханова Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Монографии:

Гражданское общество – общество граждан (2018 г., том 5).

Чекавинский Александр Николаевич – научный сотрудник, заместитель заведующего отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах (до 2017 г.)

Монографии:

Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста (2016 г., том 1).

Якушев Николай Олегович – научный сотрудник отдела проблем научно-технологического развития и экономики знаний

Монографии:

Малое предпринимательство в экономике территорий (2017 г., том 6).

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ МНОГОТОМНЫХ ИЗДАНИЙ

Научные труды к 15-летию ВНКЦ ЦЭМИ РАН

Тенденции и проблемы развития региона
в 3-х частях

Часть I

Становление и стратегия развития рыночной экономики

Ильин В.А., Пашко А.А., Сычев М.Ф.; под ред. Усачева П.А.

Вологодская область: движение к рынку

Ильин В.А., Сычев М.Ф., Гулин К.А., Бакаева Е.А.,
Губанова Е.С., Дубов С.Н., Задумкин К.А.,
Костылева Л.В., Куковеров М.А., Миронова З.С.,
Москвина О.С., Поляков М.М., Селякова С.А.,
Ускова Т.В., Хамидулина Е.А., Шабунова А.А., Шулев А.С.

Стратегия развития региона

Ильин В.А., Сычев М.Ф., Гулин К.А., Губанова Е.С.,
Задумкин К.А., Костылева Л.В., Куковеров М.А., Миронова З.С.,
Митенев В.В., Ускова Т.В., Шулев А.С.

Региональная стратегия экономического роста – 2015

Часть II

Территориальные проблемы экономического и социального развития

Ильин В.А.

Модернизация промышленного сектора региона

Иогман Л.Г.

Организационно-экономические основы модернизации промышленности региона

Ильин В.А., Сычев М.Ф., Дубов С.Н.,
Дурнова Е.А., Костылева Л.В.

Общественные финансы региона: состояние, факторы, перспективы

Изотова Г.С.; под ред. Гончарук О.В.

Бюджетная безопасность региона: методы обеспечения

Якуничев А.С.

Управление перспективным развитием муниципальных образований городского типа

Часть III

Социальные проблемы регионального развития

Ильин В.А., Гулин К.А.,
Леонидова Г.В., Давыдова В.В.

Трудовой потенциал региона: состояние и развитие

Ильин В.А., Гулин К.А.

Социальная ситуация в регионе: некоторые тенденции и перспективы

Гулин К.А.

Социальная ситуация в регионе и потребительские настроения населения

Попугаев А.И., Гулин К.А., Короленко Н.А.,
Селиванов Е.А., Тихомирова Г.В.;
под ред. Ильина В.А., Колинко А.А.

Состояние здоровья населения региона: тенденции и перспективы

Шабунова А.А., Вологодина Е.Л.;
под ред. Ильина В.А., Колинко А.А.

Формирование здоровья детей: от роддома до школы (итоги 7 лет исследований (на титуле «исследования»))

Гулин К.А., Фалалеева О.И., Ослопова Ю.Е.;
под ред. Ильина В.А., Колинко А.А.

Проблемы психического здоровья населения

Научные труды к 20-летию ИСЭРТ РАН

Тенденции и проблемы развития региона
2006–2010 гг.

в 4 томах

Том 1

Стратегические ориентиры социально-экономического развития региона

Ильин В.А., Сычев М.Ф., Гулин К.А., Шабунова А.А.,
Ускова Т.В., Леонидова Г.В., Слободской Г.В., Задумкин К.А.,
Костылева Л.В., Селякова С.А.

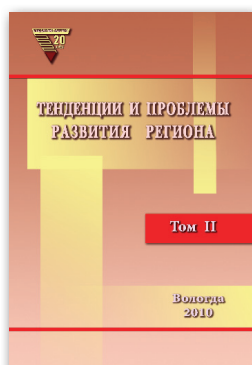
Пространственные аспекты развития региона

Ильин В.А., Гулин К.А., Сычев М.Ф., Ускова Т.В.,
Шабунова А.А., Задумкин К.А., Кожина Т.П.

Проблемы регионального развития: 2009–2012

Ускова Т.В.

Управление устойчивым развитием региона

Том 2

Проблемы становления инновационной экономики

Теребова С.В., Губанова Е.С.

Активизация инновационного процесса в регионе

Задумкин К.А., Кондаков И.А.

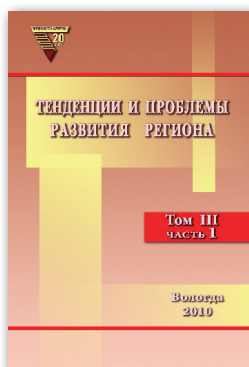
Региональная инновационная система: теория и практика формирования

Ильин В.А., Задумкин К.А., Кондаков И.А.

Научно-технический потенциал региона: проект долгосрочной программы развития

Леонидова Г.В.

Теория и практика формирования научно-образовательного пространства

Том 3 Социальный императив регионального развития

Часть I

Ильин В.А., Колинко А.А., Дуганов М.Д., Гулин К.А.,
Шабунова А.А., Морев М.В., Петухов Р.В., Макеев А.Н.

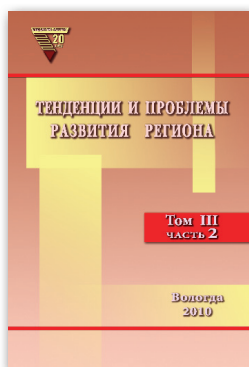
Эффективность здравоохранения региона

Морев М.В., Шабунова А.А., Гулин К.А.; под ред. Ильина В.А.

Социально-экономические и демографические аспекты суицидального поведения

Шабунова А.А.

Здоровье населения в России: состояние и динамика

Часть II

Костылева Л.В., Гулин К.А., Дубиничев Р.В.

Социально-экономическое неравенство населения региона

Попова В.И.

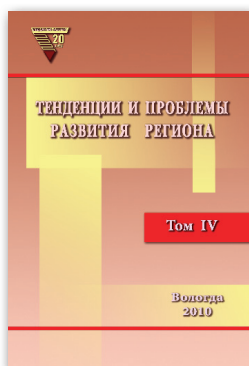
Региональные аспекты безнадзорности несовершеннолетних: социально-экономический подход

Шабунова А.А., Гулин К.А., Окулова Н.А., Соловьева Т.С.

Социокультурные аспекты развития территории

Северо-Запад России: тенденции общественных настроений

Развитие институтов гражданского общества: региональное измерение

Том 4

Модернизация экономического пространства региона

Ильин В.А., Селякова С.А., Малышев Р.Ю., Иогман Л.Г.,
Дубиничева Л.В., Ускова Т.В.

Формирование городской агломерации

Ильин В.А., Гордеев А.В., Ускова Т.В., Сычев М.Ф., Гулин К.А.,
Шабунова А.А., Задумкин К.А., Костылева Л.В., Жаравин Д.П.,
Малышев Р.Ю., Селякова С.А., Орлова Э.О., Дубиничева Л.В.,
Перевалов Д.В. **Экономика сельского района**

Ильин В.А., Плеханов Ю.Н., Ускова Т.В., Селякова С.А.,
Дубиничева Л.В., Марков К.В., Богачева Е.Н.

Стратегия развития туризма в Вологодской области

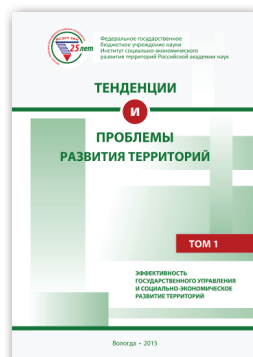
Ускова Т.В., Барабанов А.С., Попова О.И., Иогман Л.Г.,

Ильин В.В. Производственные кластеры и конкурентоспособность региона

Научные труды к 25-летию ИСЭРТ РАН

Тенденции и проблемы развития территорий
2011–2015 гг.

в 6 томах

Том 1

Эффективность государственного управления и социально-экономическое развитие территорий

Ильин В.А., Поварова А.И.

Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации

Ускова Т.В., Ворошилов Н.В.

Региональная политика территориального развития

Ильин В.А., Морев М.В., Кожина Т.П., Дементьева И.Н., Каминский В.С.

Эффективность государственного управления в оценках населения (по материалам исследований ИСЭРТ РАН)

Том 2

Управление экономическим базисом развития территорий

Ускова Т.В., Лукин Е.В., Воронцова Т.В., Смирнова Т.Г.

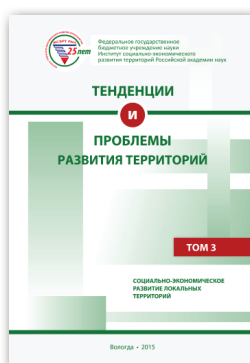
Проблемы экономического роста территории

Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Чекавинский А.Н.

Агропромышленный комплекс региона: состояние, тенденции, перспективы

Селименков Р.Ю., Советов П.М.

Лесной комплекс: управление инновационным развитием

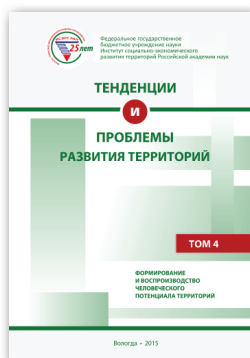
Том 3 Социально-экономическое развитие локальных территорий

Ускова Т.В., Ворошилов Н.В.,
Гутникова Е.А., Кожевников С.А.

Социально-экономические проблемы локальных территорий

Ускова Т.В., Чекавинский А.Н., Лукин Е.В.
**Экономическое развитие крупного города:
состояние, проблемы, перспективы**

Ускова Т.В., Дубиничева Л.В., Орлова В.С.
Социально-экономический ресурс туризма

Том 4 Формирование и воспроизводство человеческого потенциала территорий

Леонидова Г.В., Устинова К.А., Попов А.В., Панов А.М.,
Головчин М.А., Соловьева Т.С., Чекмарева Е.А.;
под общ. ред. Шабуновой А.А.

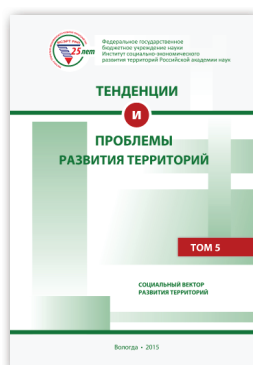
Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования

Шабунова А.А., Леонидова Г.В.,
Антонова М.А., Дементьева И.Н.,
Каминский В.С., Калачикова О.Н.,
Кожина Т.П., Кондакова Н.А.,
Морев М.В., Панов А.М., Устинова К.А.

Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации

Шабунова А.А., Морев М.В.,
Россошанский А.И., Белехова Г.В.

Уровень жизни и социальная реальность: мониторинг перемен

Том 5

Социальный вектор развития территорий

Шабунова А.А., Морев М.В., Кондакова Н.А.

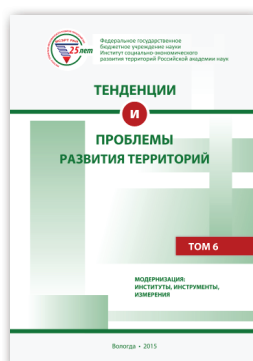
Здоровье детей: итоги пятнадцатилетнего мониторинга

Калачикова О.Н., Шабунова А.А.

Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы

Морев М.В., Шабунова А.А., Гулин К.А., Попова В.И.

Проблемы насильственной смертности в России

Том 6

Модернизация: институты, инструменты, измерения

Гулин К.А.

Социально-экономическая модернизация России: региональный аспект

Шабунова А.А., Соловьева Т.С., Ласточкина М.А.

Социальная структура и мобильность в российском обществе

Задумкин К.А., Терехова С.В., Гончаров В.В.,

Колотухин В.А., Никеев Д.В.

Международное научно-техническое сотрудничество: региональный аспект (на примере СЗФО и Республики Беларусь)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ускова Т.В. Предисловие к изданию	7
Предисловие к тому 4	14

СОЦИАЛЬНАЯ УЯЗВИМОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ: ЭКСКЛЮЗИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Введение	18

Глава 1. Современные теоретико-методологические подходы к сущности социальной уязвимости

1.1. Сущность социальной уязвимости: эксклюзия как основание выделения уязвимых групп населения.....	24
1.2. Социальная инклюзия как механизм преодоления социальной уязвимости	41
1.3. Связь инклюзии социально уязвимых категорий населения и уровня модернизации регионального сообщества	53

Глава 2. Пожилые люди: положение и проблемы

2.1. Пожилые люди в современном российском обществе.....	72
2.2. Отношение общества к пожилым людям в условиях старения населения	86
2.3. Барьеры социальной инклюзии в самооценках пожилых людей	104

Глава 3. Социальное положение лиц с ограниченными возможностями здоровья

3.1. Проблема инвалидизации населения в регионах Северо-Западного федерального округа	121
3.2. Положение инвалидов в России как социально-демографической группы	127
3.3. Барьеры социальной инклюзии инвалидов	137

Глава 4. Проблемы инклюзии многодетных семей

4.1. Многодетные семьи в российском обществе.....	163
4.2. Жизненные трудности многодетных семей	175
4.3. Проблемы занятости в многодетных семьях	184

Глава 5. Молодые специалисты: проблемы на рынке труда

5.1. Особенности положения молодежи на рынке труда в современной России	194

5.2. Объективные и субъективные барьеры трудоустройства молодежи	207
5.3. Проблемы социальной уязвимости в самооценках молодежи	216
Глава 6. Механизмы преодоления социальной уязвимости в контексте сложившейся мировой практики	
6.1. Механизмы инклюзии пожилых людей.....	244
6.2. Механизмы инклюзии лиц с ограниченными возможностями здоровья.....	257
6.3. Механизмы инклюзии многодетных семей	279
6.4. Механизмы преодоления барьеров социальной инклюзии молодых специалистов	294
Заключение	317
Литература	324

КАЧЕСТВО МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Введение	344

Глава 1. Модернизация современной России: гуманистический смысл преобразований

1.1. Сущность и тенденции модернизационных процессов	349
1.2. Приоритетные национальные проекты как один из механизмов модернизации общества	360
1.3. Оценка потенциала детского поколения в контексте модернизационных изменений	366

Глава 2. Потенциал молодежи: возможности и угрозы для модернизации территории

2.1. Молодежь как часть российского общества	385
2.2. Социокультурные факторы реализации модернизационного потенциала молодого поколения	395
2.3. Социализация современной молодежи: контрасты центра и периферии	410
2.4. Молодежь на рынке труда: проблемы реализации потенциала	424
2.5. Образовательный потенциал и инновационная активность молодежи	437

Глава 3. Качество детского населения	450
3.1. Динамика здоровья детей: данные статистического учёта	451
3.2. Здоровье детей в раннем детстве	460
3.3. Состояние физического здоровья и развития детей по итогам мониторинга	480
3.4. Состояние психического здоровья и нервно-психическое развитие детей	493
3.4.1. Психическое здоровье детей	493
3.4.2. Нервно-психическое развитие детей: по данным мониторингового исследования в Вологодской области	500
3.4.3. Профориентация	508
3.5. Факторы формирования здоровья детей	530
Заключение	560
Список литературы и источников	563
Сотрудники Вологодского научного центра РАН – авторы монографий, включенных в издание	573
Содержание предыдущих многотомных изданий	582

Научное издание

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Научные труды 2016–2020 гг.

В 6 томах

Под научным руководством чл.-кор. РАН **Ильина В.А.**,
д.э.н. **Шабуновой А.А.**, к.э.н. **Калачиковой О.Н.**

Том четвертый

Социально-демографическое развитие России

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

Л.Н. Воронина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 14.10.2020.
Формат 70×108/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 51,8. Тираж 500 экз. Заказ № 175.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон: (8172) 59-78-03, e-mail: common@volnc.ru

ISBN 978-5-93299-472-6

ISBN 978-5-93299-476-4

